

«...С ЛЕНИНЫМ В БАШКЕ И С НАГАНОМ В РУКЕ»

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ
ГУБЕРНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б),
1919-1923

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
URAL FEDERAL UNIVERSITY
N. A. THE FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHEOLOGY,
URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**“...WITH LENIN IN OUR HEADS
AND A GUN IN OUR HANDS”**

Collective Portrait of the Russian Communist Bolshevik
Party in Ekaterinburg Guberniya in 1919–1923

Ekaterinburg
Publishing House of the Ural Federal University
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

**«...С ЛЕНИНЫМ В БАШКЕ
И С НАГАНОМ В РУКЕ»**

Коллективный портрет Екатеринбургской губернской
организации РКП(б), 1919–1923

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2019

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)61

*Издание подготовлено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)*

Научный редактор *Л. Н. Мазур*

Рецензенты:

В. М. Рынков, канд. ист. наук, доцент, директор Института истории СО РАН;
М. В. Ходяков, докт. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета

«...С Лениным в башке и с наганом в руке»: Коллективный портрет Екатеринбургской губернской организации РКП(б), 1919–1923 : моногр. / В. А. Бондарь, С. В. Воробьев, О. В. Горбачев, Л. Н. Мазур, Е. И. Яркова [под ред. Л. Н. Мазур]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 508 с.

ISBN 978-5-7996-2630-3

В монографии на основе материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 и 1924 гг. дано развернутое описание Екатеринбургской губернской партийной организации. Рассмотрены основные направления трансформации Коммунистической партии в массовую правящую партию, ее повседневные практики. На основе материалов переписи был реконструирован социально-культурный портрет коммуниста. Рассмотрен гендерный аспект членства в партии, представлены социальные типы партийцев.

Книга адресована как профессиональным историкам, так и всем, кто интересуется российской историей XX в.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)61

На обложке: Р. В. Барышников. «Наш паровоз, вперед лети...», 1972

ISBN 978-5-7996-2630-3

© Уральский федеральный университет, 2019

UDC 94(47).084.3
LBC 63.3(2)61

*The publication is supported by the grant of the Russian Science Foundation
(project № 16-18-10106 "Early Soviet Society as a Social Project: Ideas,
Mechanisms of Realization and Results")*

Editor *Liudmila Mazur*

Reviewers:

V. M. Rynkov, Cand. Sc. (History), associate professor, Director of the Institute of History,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences;

M. V. Khodyakov, Dr. Sc. (History), professor, Chair of the Department of Contemporary
History of Russia, St. Petersburg State University

“...**With Lenin** in our Heads and a Gun in our Hands”: Collective
Portrait of the Russian Communist Bolshevik Party in Ekaterinburg
Guberniya in 1919–1923 : monograph / V. A. Bondar, S. V. Vorobyev,
O. V. Gorbachev, L. N. Mazur, E. I. Yarkova [ed. L. N. Mazur]. –
Ekaterinburg : Publishing House of the Ural Federal University,
2019. – 508 p.
ISBN 978-5-7996-2630-3

The book is based on the materials of the All-Russia Communist Bol-
shevik Party Census of 1922 and 1924 and focuses on the Party's branch in
Ekaterinburg guberniya. It explores the daily practices and the gradual trans-
formation of the Communist Party into a mass ruling party. The census mate-
rials are used to present a portrait of a Communist, including social type, age,
gender and other socio-cultural traits.

The book is intended for professional historians and for anyone interest-
ed in Russian twentieth-century history.

UDC
94(47).084.3
LBC 63.3(2)61

Front cover image: R. V. Baryshnikov. “Our locomotive, fly ahead...”, 1972

Авторский коллектив:

Бондарь Валерий Александрович, канд. ист. наук (гл. 1, п. 1.3; гл. 2, п. 2.3; гл. 3, п. 3.2);

Воробьев Сергей Викторович, канд. ист. наук (гл. 2, п. 2.1, 2.2; гл. 3, п. 3.2, 3.5; гл. 4, п. 4.1, 4.2, 4.4, 4.5; гл. 6, п. 6.2–6.4);

Горбачев Олег Витальевич, докт. ист. наук, профессор (гл. 1, п. 1.1–1.4; гл. 5, п. 5.2; гл. 6, п. 6.5; гл. 7, п. 7.1–7.3);

Мазур Людмила Николаевна, докт. ист. наук, доцент (Предисловие, гл. 2, п. 2.3; гл. 3, п. 3.1, 3.3; гл. 4, п. 4.2, 4.3; гл. 5, п. 5.1, 5.3–5.5; гл. 6, п. 6.1, 6.4–6.6; гл. 7, п. 7.4–7.6; Вместо заключения);

Яркова Елена Ивановна, канд. ист. наук (гл. 3, п. 3.2, 3.4)

Contributors:

Valery Bondar, Cand. Sc. (History) (Chapter 1, 1.3; Chapter 2, 2.3; Chapter 3, 3.2);

Sergey Vorobyev, Cand. Sc. (History) (Chapter 2, 2.1 and 2.2; Chapter 3, 3.2 and 3.5; Chapter 4, 4.1, 4.2, 4.4 and 4.5; Chapter 6, 6.2–6.4);

Oleg Gorbachev, Dr. Sc. (History), professor (Chapter 1, 1.1–1.4; Chapter 5, 5.2; Chapter 6, 6.5; Chapter 7, 7.1–7.3);

Liudmila Mazur, Dr. Sc. (History), associate professor (Introduction, Chapter 2, 2.3; Chapter 3, 3.1 and 3.3; Chapter 4, 4.2 and 4.3; Chapter 5, 5.1, 5.3–5.5; Chapter 6, 6.1; 6.4–6.6; Chapter 7, 7.4–7.6; Afterword);

Elena Yarkova, Cand.Sc. (History) (Chapter 3, 3.2 and 3.4)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	14
ГЛАВА 1. Концепция революционной коммунистической партии и ее трансформация в большевистской идеологии и практике	22
1.1. Вокруг идеи революционной партии	22
1.2. Партия в революции	33
1.3. Партия у власти. Попытки демократизации	46
1.4. Партия как бюрократическая организация	56
ГЛАВА 2. Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 и 1924 г.: источниковедческий анализ	80
2.1. Проведение партийной переписи 1922 г.	80
2.2. О свойствах материалов переписи как исторического источника	113
2.3. Информационный потенциал материалов переписи ...	123
2.4. Электронный архив «Екатеринбургская губернская организация РКП(б). 1922 г.»: концептуальные подходы и проблемы реализации	134
ГЛАВА 3. Из истории Екатеринбургской губернской организации РКП(б)	146
3.1. Организационная структура губернской партийной организации	149
3.2. Исторический очерк партийного строительства в Екатеринбургской губернии	161
3.3. Руководители Екатеринбургской губернской партийной организации и их преемники	174
3.4. Внутрипартийные конфликты как механизм и индикатор внутрипартийной демократии	185
3.5. Казус М. М. Харитонова: «партийная склока» как механизм кадровых перестановок	199

ГЛАВА 4. Коллективный портрет Екатеринбургской губернской партийной организации по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.	207
4.1. Социально-демографический состав губернской организации РКП(б) как отражение процессов модернизации	208
4.2. От РСДРП к РКП(б): смена поколений	213
4.3. Партийные профессии и партийная работа	229
4.4. О ценности революционного опыта в условиях диктатуры партии	245
4.5. Социальная структура губернской партийной организации: механизмы мобильности	248
ГЛАВА 5. Партийная семья: типология и эволюция	265
5.1. Структура семей членов РКП(б) Екатеринбургской губернии в 1922 г.	265
5.2. Социальная типология партийной семьи	275
5.3. Идеальные типы партийных семей	286
ГЛАВА 6. Кодекс коммуниста: сознание и поведение	295
6.1. Коммунистическая нравственность и Моральный кодекс коммуниста	295
6.2. Культурно-образовательный уровень коммунистов Екатеринбургской губернии	305
6.3. Культурные запросы коммунистов начала 1920-х гг. ...	316
6.4. Социальная активность коммунистов: профсоюзное движение и партия	329
6.5. «Верую в коммунизм...»: особенности и механизмы трансформации религиозного сознания в 1920-е гг. ..	341
6.6. Война в сознании и поведении коммунистов	350
ГЛАВА 7. Социальные типы коммунистов: между идеалом и реальностью.....	371
7.1. «Партия рабочих и крестьян»: социальная база РКП(б)	372

7.2. «Руководящая и направляющая»: ответственные партийные и советские работники	385
7.3. «На страже революции»: служащие силовых ведомств	403
7.4. «Красная молодежь»: «социальный бульдозер» и стратегический резерв РКП(б)	417
7.5. Женщины в партии: эмансипация по-советски	429
7.6. «Интеллектуальные силы народа» в составе РКП(б) ...	448
Вместо заключения	460
Список основных сокращений	464
Список использованных источников	469
Список использованной научной литературы	485

CONTENTS

Introduction	14
CHAPTER 1. The notion “revolutionary communist party” and its development in Bolshevik ideology	22
1.1. About the idea of a revolutionary party.....	22
1.2. Party in the Revolution	33
1.3. Party in power. Attempts at democratization	46
1.4. Party as a bureaucratic organization	56
CHAPTER 2. All-Russia Communist Bolshevik Party Census of 1922 and 1924: historical source analysis	80
2.1. Organization of the Party Census of 1922	80
2.2. Characteristics of census materials as a historical source	113
2.3. Census materials as a source of information	123
2.4. Creation of the electronic archive “Organization of the Russian Communist Bolshevik Party in Ekaterinburg Guberniya. 1922”: conceptual approaches and implementation problems	134
CHAPTER 3. History of the Russian Communist Bolshevik Party in Ekaterinburg guberniya	146
3.1. Organizational structure of the Bolshevik Party on the guberniya level	149
3.2. Brief history of Bolshevik Party building in Ekaterinburg guberniya	161
3.3. Leaders of the Bolshevik Party in Ekaterinburg guberniya and their successors	174
3.4. Intra-party conflicts as a mechanism and indicator of intra-party democracy	185
3.5. The case of M. M. Kharitonov: 'party squabble' as a mechanism for reshuffling of the Party cadre	199

CHAPTER 4. Collective portrait of the Russian Communist Bolshevik Party in Ekaterinburg guberniya based on the materials of the Party Census of 1922	207
4.1. Social and demographic structure of the Bolshevik Party in Ekaterinburg guberniya in the light of modernization processes	208
4.2. From the Russian Social Democratic Labour Party to the Russian Communist Bolshevik Party: change of generations	213
4.3. Professions in the Bolshevik Party and party work ...	229
4.4. Revolutionary experience as a symbolical capital during the party dictatorship	245
4.5. Social structure of the Bolshevik Party on the guberniya level: mechanisms of mobility	248
CHAPTER 5. Bolshevik family: typology and evolution	265
5.1. Structure of Bolshevik families in Ekaterinburg guberniya in 1922	265
5.2. Social typology of the Bolshevik family	275
5.3. Ideal party family types	286
CHAPTER 6. “Code of the Communist”: consciousness and behaviour	295
6.1. Communist ethics and the Moral Code of the Communist	295
6.2. Level of culture and education of Communists in Ekaterinburg guberniya	295
6.3. Cultural needs of Communists in the early 1920s	305
6.4. Social activity of Communists: trade union movement and the Bolshevik Party	329
6.5. “I believe in Communism...”: transformation of religious consciousness in the 1920s	341
6.6. War in the minds and behaviour of Communists	350
CHAPTER 7. Social types of Communists: between ideal and reality	371

7.1. “Party of Workers and Peasants”: support base of the Russian Communist (Bolshevik) Party	372
7.2. “The guiding and leading force”: Party and Soviet leaders	385
7.3. “On Guard of the Revolution”: members of power structures	403
7.4. The “Red Youth”: “social bulldozer” and strategic reserve of the Bolshevik Party	417
7.5. Women in the Party: Soviet-style emancipation	429
7.6. “Intellectual power of the people” in the Bolshevik Party	448
Afterword	460
Abbreviations	464
Sources	469
References	485

характерными чертами которого стали: принципиальность, перерастающая в нетерпимость; партийность, исключающая из сферы отношений человечность и заменяющая ее принципом классовости, в основе которого лежал приоритет партийно-классовых интересов и беспощадность не только к реальным, но и потенциальным врагам, не согласным с руководящей линией партии.

Партия как выразитель и носитель коммунистической идеи провозглашалась единственной силой, верной идеалам революции, и наделялась непререкаемым авторитетом, который давал ей право контролировать и конструировать не только общественную партийную жизнь ее членов, но и личное пространство, вторгаясь в семью, досуг, личные отношения и предпочтения.

В качестве основной задачи провозглашалось воспитание нового человека – коммуниста – носителя нового сознания и нравственности, пламенного борца и послушного члена партии, солдата, готового выполнить любой ее приказ. Это удивительное сочетание активных и пассивных качеств, инициативности и послушничества, копирующих монашествующий архетип, составило суть социально-культурного облика коммуниста.

Однако потребовалось определенное время, пока этот образ окончательно сложился. Пришлось преодолеть сложности организационного строительства, утверждения в роли правящей партии, пройти непростой этап социальной адаптации полуграмотного населения России к функциям «гегемона», разработать такой механизм контроля и управления массами, который бы обеспечил руководящую роль партийной элиты.

В истории Коммунистической партии можно выделить несколько этапов:

1. 1898–1903 гг. – создание РСДРП и оформление ее как революционной партии;

2. 1903 – октябрь 1917 г. – подпольно-конспиративный этап, когда РСДРП развивалась как нелегальная боевая организация, малочисленная, но хорошо организованная и управляемая на принципах централизации и жесткой партийной дисциплины. Это время формирования определенного типа политической культуры, который впоследствии был распространен на советскую систему государственного управления с ее жесткой иерархией, стремлением к единомыслию и неприятием мнений и практик, не совпадающих с генеральной линией, отказом от диалога и поиска возможностей согласия в обществе. Классовая борьба стала основным принципом политической культуры большевиков;

3. Октябрь 1917–1924 гг. – преобразование РКП(б) в массовую правящую партию. Основной тренд этого периода – расширение коли-

чественного и социального состава партии, распространение ее влияния на все властные, общественные структуры, сферы жизнедеятельности общества: экономику, культуру, семью, образование и пр. Без этого невозможно было установить контроль над обществом в условиях революционных потрясений. Для достижения политической гегемонии в обществе использовались различные практики (в том числе партийные недели и массовые наборы), а вербовка в партию широких народных масс шла прежде всего по социальному признаку: наиболее активная работа велась среди рабочих, крестьян, солдат, женщин;

4. 1924–1929 гг. – конструирование партии как выразителя интересов передового класса – рабочих. Это было время внутрипартийных дискуссий, результатом которых стало достижение «идейно-политического единства» партии как стратегически важной цели. Превращение ВКП(б) из народной правящей партии в номенклатурную организацию – опору и основу власти политической элиты.

5. 1930–1980-е гг. – массовая правящая партия как инструмент управления в руках политической элиты, а также средство контроля и воспитания народных масс. В рамках этого этапа отчетливо выделяются циклы, связанные с попытками демократизации внутрипартийных отношений (1956–1964, 1986–1991), которые завершились по-разному: сначала очередным усилением бюрократических и авторитарных тенденций; а потом – распадом КПСС не только как правящей партии, но и как общественно-политической организации. В новых условиях формирующейся многопартийной системы КПСС в том виде, в котором она просуществовала почти полвека, функционировать дальше не могла, поскольку отражала интересы только партийной номенклатуры – правящего класса, свергнутого перестройкой.

Наиболее интересным этапом истории Коммунистической партии является период 1917–1924 гг. – время, когда была сделана попытка реализации народной модели партии, которая рассматривалась как часть новой советской системы и канал привлечения масс к управлению. Попытка в целом провалилась, поскольку подобного рода демократическая партийная модель была слабоконтролируемой и трудноуправляемой, способствовала разномыслию в партийной среде, закономерно возникавшему в результате столкновения и взаимодействия различных социальных групп внутри партии.

Начиная с 1918 г. проводилась политика очищения партийных рядов от «чуждых элементов», отражавшая новые тенденции борьбы за власть. Рост численности коммунистов сопровождался постоянными чистками, целью которых было избавление партии от тех, кто не соответствовал идеальному типу/образу коммуниста или скомпрометировал себя неблагоприятными действиями (пьянством, воровством и т. п.). Борьба за чистоту рядов нередко приобретала политический

характер. В первую очередь избавлялись от несогласных. Эпоха чисток, впоследствии дополненная репрессиями, способствовала вытеснению носителей революционной идеи послушными исполнителями воли партийного руководства.

Данный этап получил отражение в материалах Всероссийской переписи членов РКП(б), которая проводилась в 1922–1924 гг. Она зафиксировала переломный момент, когда народная партия постепенно превращается в партию власти, вернее – послушную бюрократическую организацию номенклатурного типа.

Предложенная вниманию читателя монография построена на комплексном изучении материалов переписи с акцентом на анализе первичных материалов – анкетных данных, которые составлялись на всех членов партии. Черновые экземпляры переписных листов хранятся в региональных архивах, чистовые экземпляры направлялись в ЦК РКП(б) и сохранились в фондах РГАСПИ. Этот уникальный массовый источник до сих пор почти не введен в научный оборот, между тем он содержит исключительно ценную информацию о социальном, культурном, политическом облике коммунистов начала 1920-х гг., которая позволяет проследить ту непростую перестройку, которую переживала партия в первые годы советской власти.

Помимо материалов переписи 1922 г. в региональном архиве Свердловской области сохранились бланки дополнительной переписи 1924 г., охватившей коммунистов «ленинского призыва». Она проводилась по программе 1922 г. и позволяет провести динамический анализ партийного состава, выделить основные тенденции «обновления» партии в условиях централизации власти, превращения ее в руководящую силу.

Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. в советской исторической науке использовались преимущественно для изучения различных сюжетов партийного строительства³, а также в контексте источниковедения⁴.

В первую очередь в научный оборот были введены сводные данные переписи, опубликованные в 1922–1925 гг. в 5 томах, где пред-

³ Андрухов Н. Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР, 1917–1937. М., 1977; Кузнецов И. В. Коммунисты Центрального промышленного района в двадцатые годы. Социальный портрет по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 года // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике : тр. V конф. Ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Сидорцова, И. Ф. Юшина. Минск, 1998; Теплякова Т. П. Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

⁴ Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика. Киев, 1984; Литвак К. Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // Вопр. истории КПСС. 1991. № 2. С. 79–92; Наумов О. В., Шепелев В. Н. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. // Вопр. истории КПСС. 1986. № 4. С. 48–62.

ставлены сводные таблицы и группировки по 8 показателям из 59 (сведения о количестве парторганизаций и коммунистов по губерниям и областям, группировки членов партии по партийному стажу, образованию, социальному происхождению, национальности, полу и возрасту, межпартийной мобильности)⁵.

Сводные данные переписи были использованы в многотомной «Истории КПСС», изданной в 1970 г., где переписи 1922 и 1927 гг. представлены как значимое событие партийной жизни, приведены их общая характеристика, результаты и значение⁶. Итоги партийных переписей в 1970-е гг. привлекались для изучения проблем трансформации социального состава партии⁷, истории региональных партийных организаций, в том числе Уральского региона⁸.

Первичные материалы вплоть до 1990-х гг. историками не использовались в силу нескольких причин: первичные документы партийных переписей относились к категории ограниченного доступа, а также отсутствовали адекватные технологии изучения массовых источников.

Источниковедческий анализ материалов партийной переписи 1922 г. нашел отражение в коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории советского общества», где приводится общая характеристика целей и задач переписи, а также ее программы с акцентом на информационном потенциале переписных бланков⁹.

Истории проведения партийных переписей 1922 и 1927 гг. были посвящены кандидатская диссертация и статьи Т. П. Тепляковой¹⁰, в которых автор раскрывает организационные и информационные вопросы переписи.

⁵ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1922–1925. Вып. 1–5.

⁶ См.: История КПСС : в 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова. М., 1970. Т. 4, кн. 1. С. 86.

⁷ См., напр.: *Выдрин Ф. А.* Регулирование социального состава и роста РКП(б) // Ленинские принципы партийного строительства в условиях перехода к социализму. М., 1970; *Юдин И. Н.* Социальная база роста КПСС. М., 1973; *Андрухов Н. П.* Партийное строительство после Октября, 1917–1924 гг. М., 1973; *Он же.* Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР, 1917–1937; *Кочуров В. П.* Разработка В. И. Лениным вопросов партийного строительства (1917–1924). Кишинев, 1979; *Юдин И. Н.* Социальная база роста КПСС.

⁸ Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 2. 1921–1973 гг. Свердловск, 1974; *Сафронов В. П., Андреев О. В.* Петроградская партийная организация в материалах Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 года (об использовании партийной статистики в историко-партийном исследовании) // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Л., 1973. Вып. 2. С. 151–156; *Дмитриенко С. Л.* Состав местных партийных комитетов в 1924–1927 гг. // Ист. зап. М., 1966. Т. 79.

⁹ Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979. С. 120–121.

¹⁰ *Теплякова Т. П.* Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии; *Она же.* Некоторые вопросы подготовки и проведения партийной переписи 1922 г. // КПСС в борьбе за социализм и коммунизм. Некоторые вопросы истории и историографии. М., 1982. С. 10–18; *Она же.* Всероссийская перепись членов РКП(б) и укрепление ее ячеек в год образования СССР // Музейное дело в СССР : сб. науч. тр. М., 1983. С. 188–194.

Особый интерес историков к материалам партийных переписей проявляется в ходе перестройки и ревизии основных сюжетов истории партии в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда был опубликован ряд статей, посвященных их источниковедческой характеристике¹¹. Особо следует отметить статью К. Б. Литвака, который, опираясь на сведения итогов переписей 1922 и 1927 гг., проанализировал культурный уровень коммунистов и его динамику в 1920-е гг.¹² Изучая уровень образования коммунистов 1920-х гг., исследователь сделал вывод о его влиянии на формирование сталинизма как особого политического феномена¹³.

Первичные материалы партийных переписей 1922 и 1927 гг. стали объектом анализа историков в 1990-е гг. вместе с микрокомпьютерной революцией и распространением технологии баз данных в исторических исследованиях. Среди историков, исследовавших первичные документы переписи, следует отметить работы В. С. Тяжельниковой, С. В. Воробьева, И. А. Пашковой, опубликованные в 1990–2000-е гг.¹⁴ Благодаря этим трудам были изучены новые сюжеты о роли переписей в партийном строительстве, в том числе в обеспечении чисток; проведена реконструкция социального портрета партийных кадров, их карьерных стратегий.

Среди исследований новой волны следует отметить труды И. В. Кузнецова, посвященные изучению социального портрета коммуниста центральных промышленных губерний на основе партийной переписи 1927 г.¹⁵ Материалы переписи 1922 г. по Екатеринбургской губернской партийной организации были проанализированы С. В. Воробьевым, уделившим особое внимание их источниковедческой характеристике и интерпретационным возможностям. В частности, он провел сравнение комплексов документов, сохранившихся в региональном архиве (ЦДООСО) и в РГАСПИ, отметив более информативный характер черновых бланков переписей по сравнению

¹¹ *Наумов О. В., Шенелев В. Н.* Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.

¹² *Литвак К. Б.* К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы.

¹³ Там же. С. 92.

¹⁴ *Тяжельникова В. С.* Состав партийных организаций в конце 20-х годов. (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) // *Вопр. истории КПСС.* 1990. № 1. С. 70–81; *Воробьев С. В.* Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг. : Источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 2004; *Пашкова И. А.* Социальный портрет партийной номенклатуры 20-х гг. (опыт создания базы данных) // Региональный банк данных: Урал в XX веке : тез. рабочего совещания. Екатеринбург, 1993.

¹⁵ *Кузнецов И. В.* Коммунисты Центрального промышленного района в двадцатые годы... С. 109–130.

с чистовыми. Кроме того, он отметил, что в РГАСПИ из комплекса первичных материалов были изъяты анкеты ответственных работников. Им были исследованы карьерные стратегии коммунистов и проанализирован социальный портрет членов партии, в результате чего была создана основа для более глубокого и детального изучения переписных материалов¹⁶.

2010-е гг. ознаменовались ростом интереса к проблемам становления раннесоветского общества и той роли, которую сыграла ВКП(б) – КПСС в формировании сталинской модели тоталитарного общества, ее социально-культурного влияния на общество. Помимо изучения общих социальных аспектов партийной среды в фокусе внимания оказались проблемы повседневности и поведения членов партии в различных сферах: семейной, трудовой, культурной¹⁷. Исследователи стали интересоваться антропологические аспекты партийных практик и их влияние на советский проект. Этот тренд получил отражение в настоящей коллективной монографии, где авторы пытались соединить источниковедческий анализ материалов Всероссийской партийной переписи членов РКП(б) 1922–1924 гг. с обоснованием методики, в основе которой лежит создание источник-ориентированной базы данных, выполненной в идеологии *Big Data*, а также попытка реконструкции комплексного социально-культурного портрета губернской партийной организации.

Итак, материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922–1924 гг. представляют собой исключительно интересный и информативный комплекс документов, который позволяет проанализировать социальный состав членов партии на системном уровне, а также охарактеризовать их взгляды, культурные предпочтения, семью, партийный стаж, провести типологию и выделить различные типы членов пар-

¹⁶ Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг....; Он же. Проблема социального облика коммунистов Урала в начале 1920-х гг.: сравнительный анализ массовых источников // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 314–325.

¹⁷ См., напр.: Мазур Л. Н. Семья коммунистов Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3 (154). С. 85–105; Горбачев О. В. Карьерные стратегии и социальный облик партийной молодежи (По материалам Всероссийской партийной переписи 1922–1924 гг.) // *To idzie młodość! Młodzież w ideologii i praktyce komunizmu / pod red. D. Magiera*. Lublin ; Radzyn Podlaski, 2016. S. 59–77; Mazur Lyudmila. The early Soviet family in the documents of the All-Russia Communist Party Census of 1922 (*Rodzina wczesnosowiecka w spisie ludności Komunistycznej Partii Związku Radzieckiego z 1922 roku*) // *Przeszłość Demograficzna Polski*. 2016. № 38. Nr. 1. P. 83–111; Мазур Л. Н. Молодежь и революция: социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922–1924 гг.) // *Quaestio Rossica*. 2017. № 4. С. 1009–1026; и др.

тии, место и роль которых как внутри самой РКП(б), так и в обществе в целом имели свои особенности.

Антропологическое изучение Коммунистической партии и ее повседневной жизни предпринимается впервые и рассматривается авторами как опыт количественно-качественного анализа партийных практик с учетом их кодирующего влияния на раннесоветское общество в целом. Российская Коммунистическая партия (большевиков) сама была экспериментальной площадкой, где сталкивались различные интересы и силы, и выполняла роль полигона для отработки различных механизмов социального инжиниринга, которые затем распространялись на все советское общество.

Структура монографии включает предисловие, семь глав, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Особую благодарность за помощь и содействие в подготовке монографии хочется выразить начальнику Управления архивами Свердловской области А. А. Капустину, директору Центра документации общественных организаций Свердловской области А. А. Гагарину, главному хранителю фондов ЦДООСО Е. И. Ярковой, благодаря которым у авторского коллектива появилась возможность создания базы данных и ее дальнейшего использования для научной обработки и интерпретации. Также благодарим сотрудника Музея истории Екатеринбурга Е. А. Бурденкова за помощь в подборе литературы и предоставленные материалы о деятельности уральских социал-демократов до 1917 г.

ГЛАВА 1

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ

«И отдавали
 большевикам
гроши,
 и силы,
 и голоса.
До самой
 мужичьей
 земляной башки
докатывалась слава, –
 лилась
 и слыла,
что есть
 за мужиков
 какие-то
 “большаки”
– у-у-у!
 Сила!»

Маяковский В. Хорошо. Октябрьская поэма¹

Для понимания того состояния, в котором оказалась РКП(б) к моменту проведения Всероссийской партийной переписи 1922–1924 гг., необходимо проследить эволюцию идеи революционной партии от ее зарождения в марксистской традиции до воплощения в ленинизме и последующей большевистской практике.

1.1. Вокруг идеи революционной партии

Революционная партия в марксизме

Появление идеи коммунистической партии принято связывать с созданием в 1847 г. в Лондоне К. Марксом и Ф. Энгельсом «Союза коммунистов» как первой организации, стоявшей на позициях научного социализма. Деятельность «Союза» регулировалась програм-

¹ *Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 2.

мой, роль которой выполнял написанный в 1848 г. «Манифест Коммунистической партии»², и Уставом³.

По мнению современного марксистского теоретика Даниэля Бенсаида, партия в том смысле, как ее понимали Маркс и Энгельс, была переходной формой между заговорщическими обществами бланкистского типа и современными партиями, образцом для которых до 1914 г. станут германские социал-демократы. Переходный характер организации диктовался состоянием зарождающегося рабочего движения, возникшего на волне подъема промышленного капитализма и изобретающего свои собственные формы организации и самовыражения⁴.

В строгом смысле «Манифест Коммунистической партии» не был программой конкретного «Союза коммунистов», но претендовал на роль выразителя идей всего коммунистического движения. Так, в «Манифесте» заявлялось, что «коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям»⁵. От остальных пролетарских партий коммунисты отличаются «лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом. Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения»⁶.

Авторы «Манифеста» не считали для себя возможным ограничиваться приверженностью к определенной организационной форме. Они призывали коммунистов к участию в любой антиправительственной деятельности, сообразуясь со спецификой конкретного государства. «Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя. Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Устав Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 524–529.

⁴ См.: Бенсайд Д. Маркс. Инструкция по применению. М., 2012. С. 88.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. С. 437.

⁶ Там же.

развитую форму»⁷. Целями борьбы провозглашались: «формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти»⁸.

В «Разоблачениях о Кельнском процессе коммунистов» (1853) под влиянием текущей политической ситуации Маркс допускал прямое участие пролетарской партии в антибуржуазной революции, но полагал, что подготовка этой революции – дело «общих условий» и непосредственно заинтересованных классов. «Они (коммунисты. – О. Г.) должны были предоставить им ее (подготовку. – О. Г.), если не хотели отказаться от своей собственной партийной позиции и от исторических задач, которые сами по себе вытекают из общих условий существования пролетариата»⁹. Как увидим далее, апеллирование партии ко всему рабочему классу было не менее принципиальным и для Ленина.

«Союз коммунистов» был тайной организацией. Дистанцируясь от заговорщической практики в духе О. Бланки, его создатели подчеркивали, что конспиративный характер «Союза» стал следствием ситуации, когда «немецкий пролетариат открыто был лишен *igni et aqua* (т. е. «огня и воды» – необходимых жизненных условий), лишен свободы печати, слова и союзов. Если такое общество и конспирирует, то происходит это лишь в том смысле, в каком против *status quo* конспирируют пар и электричество»¹⁰. В результате «для пролетарской партии был открытым только один путь – путь тайного объединения»¹¹.

Несмотря на то, что «Союз коммунистов» не имел долгой истории, представляет интерес видение Марксом и Энгельсом структуры этой организации, отраженное в «Уставе».

Данный документ предполагал фиксированное членство в партии, что являлось прямым следствием ее конспиративного характера. Роль низовых партийных ячеек выполняли *общины* во главе с председателем, включавшие от 3 до 20 членов. От двух до десяти общин составляли *округ*, где действовал окружной комитет. Различные округа страны или провинции подчинялись *руководящему округу*. В последней инстанции руководящие округа были подотчетны наднациональному конгрессу, а в промежутках между конгрессами – *Центральному комитету*. Конгресс определял для каждой страны (т. е. для руководящих округов) размеры минимального взноса, который был обязан

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. С. 459.

⁸ Там же. С. 437–438.

⁹ Маркс К. Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 481.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 478.

платить каждый член Союза¹². С точки зрения последующих практик создания коммунистических организаций представляют интерес принципы фиксированного членства в партии и вытекающая отсюда партийная дисциплина демократического централизма, источники финансирования и наднациональный характер.

Дальнейшая деятельность «Союза коммунистов» была связана с начавшейся в 1848 г. революцией в Германии. Попытки возглавить эту революцию со стороны «Союза» не привели к успеху. Дальнейший спад революционного движения привел в 1852 г. к роспуску организации, а Маркс назвал дальнейшее ее существование «несвоевременным». Не желая связывать свои представления о партии с конкретной организацией, Маркс заявлял, что под партией он понимал «партию в великом историческом смысле», а «Союз», как и сотни других обществ, был лишь эпизодом в истории партии, которая повсюду стихийно вырастает на почве современного общества¹³.

Следующая попытка консолидации международного рабочего движения приходится на 1864 г., когда был создан I Интернационал (Международное товарищество рабочих). Задача создания единого антикапиталистического фронта представлялась более значимой, чем преодоление организационных различий. Именно поэтому Маркс не только не призывал к достижению единообразия в деятельности национальных рабочих организаций, но и предостерегал от навешивания сектантских «ярлыков», поскольку «общие чаяния и стремления рабочего класса проистекают из реальных условий, в которые он поставлен»¹⁴.

Более определенное представление о революционном предназначении пролетарской партии формируется у Маркса после поражения Парижской коммуны. В «Критике Готской программы» (1875) содержится тезис о неизбежности уничтожения современного государства и «революционной диктатуре пролетариата» как необходимом этапе между капитализмом и коммунизмом¹⁵.

В деятельности созданного уже после смерти Маркса II Интернационала (1889) примерно до начала 1900-х гг. доминировала революционная ориентация, которая постепенно вытеснялась реформистской. Дело в том, что заявленную революционную программу оказалось

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Устав Союза коммунистов. С. 525–527.

¹³ См.: Маркс К. Письмо Фердинанду Фрейлиграту от 29 февраля 1860 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 30. С. 400, 406; Бенсайд Д. Маркс... С. 91.

¹⁴ Маркс К. Письмо Полю Лафаргу от 18 апреля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 560.

¹⁵ См.: Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 27.

очень трудно сочетать с легальной парламентской деятельностью, что наглядно продемонстрировала германская социал-демократия. Единственная марксистская программа СДПГ, так называемая Эрфуртская программа (1891), была создана под сильным влиянием Ф. Энгельса¹⁶. При этом в ней отсутствовали как требование демократической республики, так и положение о диктатуре пролетариата, за что этот документ впоследствии критиковал Ленин¹⁷. Первая мировая война показала, что национальные задачи для большинства партий II Интернационала важнее интернациональных, что привело к глубокому кризису этой организации.

Как можно судить по истории первых двух Интернационалов (да и следующего), конфликт между национальным и интернациональным в принципе оказался одним из наиболее серьезных в рабочем движении. Превращение пролетарской партии в массовую, как правило, сопровождалось ее национальным обособлением. Этот процесс ускорялся в том случае, если партия была представлена в парламенте и обладала значительными материальными ресурсами. Для небольших партий актуальной была еще одна опасность: попасть под влияние более влиятельной партии, будь то германская социал-демократия во II Интернационале или партия большевиков в III¹⁸.

Формирование ленинской теории партии

Приступая к изложению ленинских представлений о революционной партии, необходимо принять во внимание несколько соображений. *Во-первых*, Ленин не мог не учитывать опыта революционного движения в России, в котором нелегальные формы борьбы доминировали над легальными. *Во-вторых*, его, очевидно, не устраивало реформистское перерождение самой влиятельной в первые годы XX столетия германской социал-демократии, отдалявшее выполнение поставленных Марксом революционных задач. *В-третьих*, Ленин вдохновлялся опытом Парижской коммуны как первой попытки установления диктатуры пролетариата¹⁹. Наконец, *в-четвертых*, подчеркнутое стремление теоретиков марксизма остаться над «схваткой» и предоставить политикам-практикам искать собственные пути

¹⁶См.: Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической партии 1891 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 227–243.

¹⁷См.: Ленин В. И. Проект программы нашей партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 4. С. 219–224.

¹⁸См.: Бенсайд Д. Маркс... С. 96.

¹⁹«Где были бы мы теперь... без того колоссального толчка, который дала в осознанности Парижская коммуна?» (Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 26).

к «диктатуре пролетариата» как неизбежному этапу мирового революционного процесса развязывало Ленину руки даже в рамках «канонического» марксизма.

На рубеже XIX–XX вв. одним из главных затруднений для российских последователей Маркса была слабость отечественного пролетариата. Осознание этого обстоятельства подталкивало часть русских марксистов к необходимости развития экономических форм борьбы²⁰. Ленин резко протестовал против подобного подхода, приводя в пример деятелей «Народной воли», которые «сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев»²¹. Апеллирование к террористической практике заставляет вспомнить утверждения тех авторов, которые указывали на симпатии Ленина к русским заговорщикам прошлого.

Констатируя, что «захват власти уже с рубежа двух веков стал приоритетным в революционных мечтаниях, намерениях и действиях Ленина», О. В. Волобуев упоминает, что в молодости Ленин испытал влияние П. Н. Ткачева, сторонника идеи «конспиративно организованного революционного меньшинства»²². Эту мысль расширяет Гуидо Карпи, считая, что на формирование ленинских взглядов повлияли «некоторые идеи русского “якобинства” XIX века (декабрист Пестель, бланкист Ткачев)», а предложенная «концентрическая» модель (от революционного меньшинства к большинству) работает «по схеме, в основном заимствованной из мифа Чернышевского о “новых людях”, чей роман “Что делать?”... вдохновил Ленина даже заглавием»²³.

Помимо скептического отношения к парламентскому тред-юнионизму, ленинский радикализм опирался на представление о невозможности мирной борьбы рабочего класса в условиях русского самодержавия. Инициатива при этом должна была принадлежать теоретикам-марксистам. Главной целью издания газеты «Искра» (1900) была задача консолидации марксистской интеллигенции, а не рабочих масс. Как позднее писал Л. Д. Троцкий, «работа периода “Искры” имела социал-демократический характер, но непосредственно она была направлена не на пролетариат»²⁴. Для Ленина основным идейным результатом этого предприятия стала мысль о будущей партии как централизованной организации единомышленников с жесткой дис-

²⁰ См. «Средо» этой группы (1899): Ленин В. И. Что делать? С. 165–169.

²¹ Там же. С. 176.

²² Драма российской истории: большевики и революция / под ред. О. В. Волобуева. М., 2002. С. 35–37.

²³ Карпи Г. История русского марксизма. М., 2016. С. 71.

²⁴ Троцкий Н. Наши политические задачи. Женева, 1904. С. 19.

циплиной²⁵. Э. Карр точно подмечает, что российская интеллигенция была удобна для Ленина в этом смысле потому, что не имела корней в буржуазии²⁶.

Выход работы Ленина «Что делать?» (1902), содержащей развернутую концепцию партии, по сути означал оформление ленинизма как особого теоретического концепта²⁷. Преемственность Ленина по отношению к Марксу проявлялась в видении социализма как конечной цели партии, а ее непосредственной политической и экономической целью являлась задача установления «диктатуры пролетариата»²⁸. В то же время в основе работы «Что делать?» лежала совершенно новая с точки зрения марксистской ортодоксии идея нелегальной партии как революционного авангарда рабочего класса, состоящей из профессиональных революционеров. Этот вывод базировался на представлении о том, что вести полноценную классовую борьбу можно лишь обладая «социал-демократическим сознанием» и констатации, что пролетариат таковым не обладает в силу стихийного тяготения к «буржуазной» тред-юнионистской идеологии, направленной лишь на незначительные экономические улучшения положения рабочего класса²⁹. Именно через такую партию рабочие массы смогут достигнуть необходимой «зрелости»³⁰. При этом Ленин опирался на авторитет К. Каутского, который писал в «Эрфуртской программе», что научный социализм привносится в сознание пролетария извне, поскольку «пока он остается пролетарием, у него нет досуга и средств разрабатывать науку дальше предела, достигнутого буржуазными мыслителями»³¹.

Автор капитального исследования о работе «Что делать?» Ларс Лих отмечает, что Ленин, формально следуя установкам западного марксизма, по сути ставит его с ног на голову. Маркс и его западноевропейские последователи утверждали, что пролетариат – это рево-

²⁵ «Партия должна быть дисциплинированной и централизованной – но в царской России другая партия просто не выжила бы», – с пониманием констатирует Роберт Сервис (*Сервис Р. Ленин. Минск, 2002. С. 159*).

²⁶ Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923. М., 1990. Т. 1–2. С. 36.

²⁷ Ср.: «Ядро ленинизма – теория о роли революционной партии» (*Саква Р. Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. М., 2011. С. 38*).

²⁸ Краус Т. Ленин: Социально-теоретическая реконструкция. М., 2011. С. 119.

²⁹ См.: Ленин В. И. Что делать? С. 41.

³⁰ См. Краус Т. Ленин. С. 119.

³¹ Каутский К. Эрфуртская программа / пер. с нем. Stuttgart, 1903. С. 110. О роли интеллигенции в социалистическом движении по Каутскому подробнее см.: Брайович С. М. Карл Каутский – эволюция его воззрений. М., 1982. С. 164–172; Ленин В. И. Что делать? С. 39.

люционный класс, который может справиться с задачей построения социализма. Ленин же полагает, что без интеллигентов-теоретиков рабоче не в состоянии понять эту задачу, поскольку все, что им нужно – это только улучшение собственного благосостояния. Выходит, что вместо того, чтобы возглавить рабочих, любая уважающая себя группа революционеров должна бороться с их спонтанными устремлениями. Из этого логически следует, что небольшая законспирированная группа интеллектуальной элиты подменяла собой революционный класс³².

Первоначально работа «Что делать?» была принята «искровцами» вполне благосклонно, но со временем вызвала жесткую полемику³³. Вполне предсказуемо основной претензией к Ленину стала его приверженность «бланкистской» заговорщической тактике. Указаний на нее в тексте работы вполне достаточно. Так, Ленин утверждает, что «по своей форме такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и “заговорщической” организацией»³⁴. В другом месте попытка террористов – сторонников П. Н. Ткачева – захватить власть характеризуется как «величественная»³⁵.

Жесткая критика ленинской концепции партии естественным образом началась в ходе и по окончании II съезда РСДРП со стороны меньшевистской части российской социал-демократии. П. Б. Аксельрод выражал недоумение, почему для пробуждения рабочих масс их необходимо подчинить идейному и политическому влиянию социально чуждого им слоя³⁶. А. Н. Потресов, комментируя апеллирование Ленина к Каутскому в обосновании интеллигентского влияния на партию, отметил: «Каутский, на авторитете которого Ленин построил свою “борьбу со стихийностью”, говоря о внесении сознания в движение, имел, конечно, в виду не целую общественную категорию интеллигенции... а лишь <ее> “отдельных членов”... Русская же кружковая среда, с Лениным во главе, не только не поняла этого, казалось бы, очевидного различия, но, наоборот, поспешила сконструировать себя, как живое – в профессиональном революционере олицетворение “сознательности”, у которой нет ахиллесовой пяты “стихийности”»³⁷.

³² См.: *Lih L. T. Lenin Rediscovered. What Is to Be Done? In Context.* Leiden ; Boston, 2006. P. 390.

³³ См.: Драма российской истории. С. 37.

³⁴ См.: Ленин В. И. Что делать? С. 136.

³⁵ Там же. С. 173.

³⁶ См.: *Аксельрод П. Б. Объединение российской социал-демократии и ее задачи* // Искра. 1904. № 57. 15 янв.

³⁷ *Потресов А. О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии* // Интеллигенция – Власть – Народ : антология. М., 1992. С. 258–259.

Один из лидеров меньшевиков, А. С. Мартынов, вдохновляясь работой Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии»³⁸, предостерегал: «Представьте себе, что партии, состав членов которой сужен до участия в ней только профессиональных революционеров, удалось “подготовить, назначить и провести всенародное вооруженное восстание”. Не очевидно ли, что всенародная воля назначила бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что эта партия, не желая обмануть оказанного ему раньше народом доверия, вынуждена была бы, обязана была бы взять в свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочит революционными мерами торжество революции?»³⁹ Позднейшие возражения Ленина в том ключе, что будет установлена не социалистическая, а общедемократическая диктатура, нельзя считать слишком убедительными⁴⁰.

Как можно судить по принятой на II съезде программе РСДРП, общеупотребительным в партийной среде оставалось марксистское, максимально широкое понимание партии: «Партия рабочего класса, социал-демократия зовет в свои ряды *все слои* (выделено мной. – О. Г.) трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата»⁴¹. Ближайшими целями партии считались низвержение самодержавия и созыв Учредительного собрания, при этом способы достижения этих целей указаны не были⁴².

В соответствии с принятым на том же съезде уставом высшим органом партии объявлялся партийный съезд, но собирался он по инициативе совета партии не реже раза в два года по требованию низовых партийных организаций. Съезд назначал Центральный комитет, который вел организационную работу, и редакцию центрального органа (т. е. газеты «Искра»). Совет партии (координирующий орган) формировался с помощью ЦК, ЦО (по два члена) и съезда (один член). Партия существовала за счет членских взносов из низовых партийных организаций. Был предусмотрен порядок голосования при решении всех партийных вопросов (простое большинство)⁴³.

С Марксовым «Союзом коммунистов» РСДРП этого периода роднит фиксированное членство (принятое по инициативе Ленина),

³⁸ См.: Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 423.

³⁹ Мартынов А. С. Две диктатуры. Женева, 1905. С. 10–11; Карпи Г. История русского марксизма. С. 89.

⁴⁰ См.: Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 г. : протоколы. М., 1959. С. 187.

⁴¹ Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года : протоколы. М., 1959. С. 420.

⁴² См.: Там же. С. 424.

⁴³ См.: Там же. С. 425–427.

порядок взимания членских взносов и демократический принцип принятия решений. На кружковый характер партии указывает наличие узкого по составу совета и невнимания к низовой партийной организации. Отсутствовали выборы в местные партийные органы. Примечательно наличие специальной структуры (ЦО), занимавшейся партийной идеологией.

Следует принять во внимание, что специфически большевистские требования в программе РСДРП отсутствовали, и до 1917 г. большевики и меньшевики формально существовали в рамках единой партии. И тех, и других следует воспринимать не как самостоятельные организации, а как фракции⁴⁴. Таким образом, достаточно долго ленинская радикальная точка зрения на партию не влекла за собой формальных организационных последствий.

Вскоре по окончании II съезда РСДРП появилась работа Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (1904), где в концентрированном виде представлены возражения оппонентам, в основном по поводу закрытого характера партии. Комментируя произошедший на съезде раскол, Ленин критиковал позицию Мартова, согласно которой «граница партии остается совершенно неопределенной», и «“каждый стачечник” может “объявлять себя членом партии”»⁴⁵. Совершенно недопустимо, по мнению Ленина, смешивать класс и партию. «Ни один еще разумный социал-демократ не сомневался в том, что при капитализме даже профессиональная организация... не в состоянии охватить почти весь или весь рабочий класс»⁴⁶. На уязвимость подобной позиции справедливо указывает Бенсаид: «Слишком редко отмечали, что такое отграничение партии от класса логически влекло возможность наличия множества партий, по-разному интерпретирующих классовые интересы»⁴⁷. Очевидно, что разрушение партийной монополии влияло было неприемлемым для Ленина.

Начиная с этой работы, во фразеологии Ленина появляются новые мотивы. Он больше не склонен чрезмерно акцентировать заговорщический характер организации, и на первый план выходит ее связь с пролетариатом. Осознание необходимости «пролетаризации» партии очень часто связывают с началом революции 1905 г., но движение в сторону рабочих обозначилось еще до ее начала и соответствовало общей логике развития партийного процесса в русле необходимости преодоления партийного «застоя», на который обратил внимание Л. Д. Троцкий⁴⁸.

⁴⁴ См.: Драма российской истории. С. 42.

⁴⁵ Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 252.

⁴⁶ Там же. С. 245.

⁴⁷ Бенсаид Д. Маркс... С. 99.

⁴⁸ См.: Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 5.

По ряду пунктов критика Троцким Ленина продолжала меньшевистскую – в обвинениях, что «организация “замещает” собою партию, ЦК замещает партийную организацию, и, наконец, “диктатор” замещает собою ЦК»⁴⁹, в том, что вместо диктатуры пролетариата Ленин стремится установить «диктатуру над пролетариатом»⁵⁰ и др. С другой стороны, Троцкий, мысливший более радикально, чем меньшевики, обращал внимание, что за пределами теоретических споров между революционными интеллигентами и изданием партийной прессы Ленин и его сторонники не видели возможностей реальной революционной работы, а связь с пролетариатом у них отсутствовала⁵¹.

Сугубо теоретические споры в социал-демократической среде приобрели новое дыхание с началом революции 1905 г. Неожиданно для сторонников ленинских взглядов обнаружилось, что революционность российского пролетариата оказалась выше, чем предполагалось ранее. Сразу стали неактуальными утверждения о «тред-юнионистском сознании» рабочего класса, более важной становилась прямая связь партии с рабочим движением. В какой-то момент это напоминало попытки вскочить в уходящий вагон – революция началась без участия социал-демократов, и в 1905 г. социалистическим партиям с большим трудом удавалось идти в ногу с революционным движением рабочего класса⁵². Колеса кружковой партии, по выражению Потресова, беспомощно вращались в воздухе, «не забирая массы, ради приведения которой в действие ведь только и существовал весь сложный партийный аппарат»⁵³.

Стремление изменить ситуацию просматривается в принятой на III съезде РСДРП новой редакции Устава партии⁵⁴. Руководство социал-демократов, очевидно, больше внимания стало уделять низовым организациям. Они получили право издавать от своего имени литературу и не могли быть распущены исключительно по решению ЦК – требовалось согласие рядовых коммунистов. С другой стороны, основным способом пополнения рядов этих организаций оставалась кооптация, демократические процедуры формирования не предусматривались. Стремление уйти от «кружковщины» проявилось и в сокращении числа руководящих партийных органов – теперь их осталось только два: съезд и Центральный комитет. На съезде впер-

⁴⁹ Троцкий Н. Наши политические задачи. С. 54.

⁵⁰ Там же. С. 101.

⁵¹ См.: Там же. С. 29.

⁵² См.: Фицпатрик Ш. Русская революция. М., 2018. С. 62.

⁵³ Потресов А. О кружковом марксизме... С. 286.

⁵⁴ См.: Третий съезд РСДРП. С. 460–461. См. также: Драма российской истории. С. 55.

вые было сказано о необходимости включения в деятельность партии принципа «демократического централизма»⁵⁵.

Первоначально с большой настороженностью социал-демократы восприняли деятельность Петербургского Совета, увидев в этой «социалистически незрелой» организации конкурента в борьбе за массы. Только весной 1906 г. в проекте резолюции к IV Объединительному съезду Ленин впервые назвал Советы рабочих депутатов «зачатками новой революционной власти», а РСДРП призвал принять участие в их деятельности «в целях расширения и углубления влияния социал-демократии на пролетариат и пролетариата – на ход и исход демократической революции»⁵⁶.

1.2. Партия в революции

Уральские социал-демократы в годы Первой русской революции

О характере деятельности низовых структур РСДРП в этот период можно судить по Екатеринбургской организации, руководителем которой в 1905 г. был представитель большевистского ЦК Я. М. Свердлов. По воспоминаниям революционера В. М. Быкова⁵⁷, комитет организации был выборным. Средства организации, или «касса», составлялись из членских взносов, отчислений, пожертвований и разного рода случайных поступлений. «Касса» пополнялась в том числе за счет продажи книг и «займов» у либеральной интеллигенции. Денег было мало, и отчетность велась тщательно.

Партийные билеты на небольших фрагментах бумаги или материи заверялись печатью – для каждой ячейки своей. Утрата печати при провале считалась позорной. Вокруг организации группировалась «периферия» (сочувствующие) из учащейся молодежи и «либеральных “барынек”», которых нередко арестовывали вместе с партийцами. Особняком стояли «кустарники» – революционно настроенные, «часто даже в эсдековском направлении», но не вступавшие в партию по разным мотивам. Мемуарист характеризует их как «публику беспокойную, выступавшую по собственной инициативе, на свой страх и риск», приносившую немало хлопот.

Партийная работа в подполье направлялась местными конференциями. Чрезвычайно остро стоял вопрос о связи – с предприятиями, тюрьмами, другими городами, центром и заграницей⁵⁸.

⁵⁵ Третий съезд РСДРП. С. 637.

⁵⁶ Драма российской истории. С. 61.

⁵⁷ См.: *Быков В. М.* Подполье // Урал. коммунист. 1923. № 2–3. С. 25–32.

⁵⁸ См.: Там же. С. 25–26.

К. Т. Свердлова, автор официальной советской биографии Свердлова, сообщает, что в 1905–1906 гг. он занимался преимущественно агитационно-пропагандистской работой, борясь сначала с эсеровским влиянием, а после 17 октября 1905 г. – с черносотенцами⁵⁹. Основными формами социал-демократической работы в этот период были массовки, митинги, демонстрации, маевки и забастовки⁶⁰.

После издания Манифеста 17 октября 1905 г. в Екатеринбурге возросла активность черносотенцев. Для защиты от них стали создаваться боевые дружины пролетариата⁶¹. Подчеркивая связь местных коммунистов с ЦК, Свердлова сообщает, что боевые дружины создавались в контексте решений III съезда РСДРП, призывавшего к «скорейшему вооружению пролетариата». При этом опускается вторая часть резолюции: «а также к выработке плана вооруженного восстания»⁶². Можно констатировать желание большевистской фракции РСДРП влиять на ситуацию на местах, но это влияние было ограниченным.

Судя по воспоминаниям Быкова, а также других екатеринбургских социал-демократов – М. А. Герцмана, И. Ф. Новоселова и И. П. Павлова⁶³ – активная деятельность боевых социал-демократических дружин приходится на 1905–1907 гг. Как можно судить по мемуарам, вооруженные экспроприации, к которым имели отношение боевые дружины, устраивались для того, чтобы добыть типографский шрифт, деньги и оружие. Наиболее активно боевики действовали летом 1906 г.⁶⁴

⁵⁹ См.: *Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов*. М., 1976. Первые главы воспоминаний, включающие уральский период, см.: URL: http://politazbuka.info/texts-art/435-sverdlova-k-t-yakov-mikhailovich-sverdlov.html#1_3 (дата обращения: 15.01.2018). Умолчание о готовности большевиков взять власть в 1905 г., равно как и об их экспроприаторской активности, характерно для позднесоветского идеологического канона.

⁶⁰ См.: *Быков В. М.* Подполье. С. 28–29.

⁶¹ Е. Бурденков считает, что боевая дружина контролировала ситуацию в городе только в октябре-декабре 1905 г. (см.: *Бурденков Е.* Листовки и пистолеты: экстремизм и терроризм в дореволюционном Екатеринбурге [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2016-11-07/ekstremizm_i_terrorizm_v_dorevolucionnom_ekaterinburge) (дата обращения: 15.01.2018).

⁶² Третий съезд РСДРП. С. 451.

⁶³ *Герцман М. А.* Боевая дружина Екатеринбурга в 1905 году // *Большевики Урала в революции 1905–1907 гг.* Свердловск, 1956. С. 228–231; *Курлаев Е. А., Бурденков Е. А.* Воспоминания уфимского боевика И. Ф. Новоселова (А. Н. Соколова) // *Вестн. Музея истории Екатеринбурга*. 2016. Вып. 2. С. 94–169; *Большевик, подпольщик, боевик: Воспоминания И. П. Павлова* / сост. Е. Бурденков. М. ; СПб., 2015.

⁶⁴ См.: *Курлаев Е. А., Бурденков Е. А.* Воспоминания уфимского боевика И. Ф. Новоселова (А. Н. Соколова). С. 94–95.

Я. М. Свердлов на занятиях боевых дружин. С картины Г. Мелентьева

Не до конца ясен вопрос об организаторах экспроприаций. Авторы историко-публицистических сочинений В. Голдин и О. Платонов⁶⁵ не сомневаются в руководящей роли большевистского центра в организации «эксов». Такая связь существовала, о чем свидетельствует тот факт, что в конце 1906 г. уральские боевики через своего представителя Э. С. Кадомцева выделили средства на проведение Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе⁶⁶. Указание на это есть и у К. Т. Свердловой⁶⁷. Е. А. Бурденков полагает, что экспроприации, скорее всего, осуществляли разрозненные группы социал-демократов по собственной инициативе⁶⁸ – те самые «кустарники», о которых упоминает Быков. Само по себе использование

⁶⁵ См.: Голдин В. Лбов и его команда. Историческое повествование. Екатеринбург, 2015; Платонов О. А. Убийство царской семьи. М., 1991.

⁶⁶ См.: Познер С. Как готовилась и проводилась конференция военных и боевых организаций // Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932. С. XXVII.

⁶⁷ См.: Свердловы К. Т. Яков Михайлович Свердлов. Глава «В Перми». Деятельность братьев Кадомцевых по большей части разворачивалась не в Екатеринбурге, а в Уфе и на Южном Урале. См.: Хвостов Л. А. Братья Кадомцевы, Уфа, 1970.

⁶⁸ См.: Бурденков Е. Листовки и пистолеты: экстремизм и терроризм в дореволюционном Екатеринбурге.

Члены РСДРП в тюрьме г. Екатеринбурга перед отправкой на этап (осень 1906 г.).

Из описания М. А. Герцмана: «в верхнем ряду, слева направо:> 11, 12 – совершенно не помню; 1 – Гребнев Леонид Иванович, екатеринбуржец; 2 – Бушен Николай Николаевич, один из лидеров екатеринбургской организации; 3 – Эллена (имени и отчества не знаю); 4 – Сыромолотов Ф. Ф., человек известный; <во втором ряду:> 5 – я, Герцман; 6 – Тимофеев (“отец”), большевик, проф. революционер; 7 – фамилию совершенно не помню <...> еврей, социал-демократ, бежавший из ссылки; 8 – Чернавин Афанасий, рабочий спичечной фабрики; 9 – Нохрин Миша, молодой член камышловской парторганизации; <на переднем плане> 10 – Моташков, большевик из Вятки» (ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 72, л. 117)

террористической практики на местах не противоречило политике большевистского центра. В 1906–1907 гг. на IV и V съездах РСДРП в ходе полемики об экспроприациях Ленин отказался от осуждения этих «партизанских действий» и на V партийной конференции в 1908 г. обвинил меньшевиков в желании «ликвидировать» подпольные организации, ограничившись легальной деятельностью⁶⁹. Другое дело, что конкретная программа экспроприаций и их координация, судя по всему, у большевистского центра отсутствовали. Атрибуцию «экспроприаций» затрудняет и то обстоятельство, что после V съезда РСДРП (апрель-май 1907 г.) большевистским бовикам предписывалось в случае провала скрывать свою партийную принадлежность⁷⁰.

⁶⁹ См.: *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991. М., 1992. С. 52.

⁷⁰ *Данилкин Л. А.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 368.

Вопрос о политической активности уральских социал-демократов интересен и с точки зрения их низовой организации, опыт которой был востребован впоследствии. Ее подробное и предвзятое описание как «мафиозной» структуры присутствует у О. А. Платонова⁷¹. Он склонен распространять ее в том числе и на послереволюционные годы (1908–1909), что вызывает серьезные сомнения: в период реакции партия социал-демократов оказалась децентрализованной и в целом переживала серьезнейший кризис. Скорее всего, речь идет о практике 1905–1907 гг., а в дальнейшем есть смысл говорить только о «партизанских» действиях одиночек.

Согласно Платонову при каждом уральском комитете РСДРП существовали три дружины: одна легальная, куда входили выборные и кооптированные члены, и две тайных. Собственно боевая работа велась второй дружиной, в состав которой входили так называемые десятки (отряды), различающиеся по специализации. В состав третьих дружин входили «партийцы-массовики», члены парткомитета («комитетчики»), а также примыкавшие к партии рабочие⁷².

Свою градацию партийной специализации приводит участник событий В. М. Быков. Он выделяет *агитаторов*, выступавших на больших собраниях и митингах; *пропагандистов*, которые вели образовательную работу в кружках; *техников*, ответственных за типографию, а во время существования боевых дружин работавших по снаряжению бомб, вооружению и т. д.; *организаторов*, которые налаживали развалившиеся или разгромленные организации и организовывали новые⁷³. Информация о специализации внутри партии может быть полезна с точки зрения соотнесения с будущими партийными «профессиями», на которые есть указания в материалах партийной переписки 1922–1924 гг., где в анкетах встречаются в качестве вариантов ответы на вопрос о роли в партийной организации: «комитетчик», «боевик», «пропагандист», «организатор» и др.⁷⁴

Представления соратников Ленина о партии

В период отступления революции Ленину пришлось преодолеть сопротивление своей точке зрения в вопросе о революционной партии, в том числе и со стороны соратников по большевистской фракции РСДРП. В это время у лидера большевиков формируется представление о партии как штабе революционной борьбы, вносящем

⁷¹ Платонов О. А. Убийство царской семьи. С. 55–60.

⁷² Л. А. Данилкин уточняет, что первая дружина занималась охраной митингов и партийных вожаков (см.: Данилкин Л. А. Ленин... С. 350).

⁷³ См.: Быков В. М. Подполье. С. 29.

⁷⁴ Подробнее о партийных профессиях см. п. 4.3 настоящей книги.

социалистическое сознание и революционную энергию в рабочую среду⁷⁵, что было шагом вперед от прежней «кружковой» концепции. На этом этапе пролетариат уже признавался мощной революционной силой. По мнению О. В. Волобуева, марксистская идея политической роли доминирующего в производственной жизни рабочего класса (исторической миссии пролетариата) у Ленина окончательно преобразовалась в догматическое утверждение о ведущей роли в историческом процессе революционной марксистской партии. Теперь эта роль распространялась не только на свержение самодержавия, но и на задачу социалистической переделки России⁷⁶.

Как представляется, теоретический «догматизм» Ленина в вопросе о роли партии был хорошо просчитан и носил глубоко прагматический характер. Ленин видел в партии реально действующий механизм политической деятельности и исходил из перспектив завоевания власти. Поэтому его заочная полемика с Марксом – это разговор не двух философов, а философа и практика.

В этом же ключе следует рассматривать споры Ленина и А. А. Богданова. Эмпириомонизм Богданова с его идеей «коллективного опыта», устремленного к «социально-трудовой гармонии», подталкивал к выводу о необходимости организации рабочего класса для творческого преобразования окружающей реальности (позже данная идея Богданова легла в основу деятельности «Пролеткульта»). Это означало, что партия, подтолкнув пролетариат к революционному созиданию, в дальнейшем должна была устраниться от активной роли в революции⁷⁷. Философу Богданову возражал прагматик Ленин, убежденный в необходимости партийного руководства рабочим классом.

Взгляды Богданова отчасти совпадали с утверждениями Троцкого, который считал, что «абстрактная пролетарская самодеятельность», как идея и идеал воинствующего материализма, должна заменить собой ленинскую идею партии как «военно-бюрократической организованной структуры»⁷⁸.

Убежденный в необходимости сохранения «чистой революционной перспективы» для выработки «коллективного опыта», Богданов выступал против парламентской деятельности большевиков в условиях реакции⁷⁹, тогда как Ленин прагматически делал ставку на пропаганду и легальную деятельность при отсутствии революционных перспектив, готовый уйти в подполье при их появлении.

⁷⁵ См.: Драма российской истории. С. 76.

⁷⁶ См.: Там же. С. 86–87.

⁷⁷ См.: *Карпи Г.* История русского марксизма. С. 128–129.

⁷⁸ *Краус Т.* Ленин. С. 129.

⁷⁹ См.: Там же. С. 133.

Последователем Богданова отчасти был И. В. Сталин, который распространял идею «коллективного опыта» на партию. Исследователь теоретических возрений Сталина Эрик ван Рее считает Сталина «партизированным богдановистом»⁸⁰. Строго говоря, сталинское представление о партии как о едином целом, где индивидуальное «я» растворяется в коллективном «мы», в практическом смысле работало на ленинскую идею. Однако Ленин был убежден, что материя и сознание – часть единой природы, а Сталин был склонен эти понятия смешивать⁸¹. Партия представлялась ему неким единым мистическим организмом. В 1905 г. в статье «Класс пролетариев и партия пролетариев» Сталин с истинно кавказским темпераментом писал, что «после того, как наша партия превратилась в централизованную организацию, она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась крепости, двери которой открываются лишь для достойных»⁸². Как замечает Роберт Такер, Сталин видел в Ленине Шамиля на социал-демократический лад. Если для Ленина партийное членство было синонимично руководству массами, то Сталин считал главной миссией революционного героя мщение⁸³. Такой взгляд способствовал сакрализации партийного механизма и в дальнейшем привел Сталина к известному утверждению, что партия – это «орден меченосцев»⁸⁴.

Убежденным сторонником Ленина в вопросе об авангардной партии, которая для пролетариата является «тем же, чем голова для человека», был Н. И. Бухарин⁸⁵.

Партия большевиков и завоевание политической власти

Утверждение Т. Крауса о том, что «революция 1905 г. неожиданно превратила “заговорщицкую”, опирающуюся на конспирацию партию в настоящую массовую партию»⁸⁶, вряд ли соответствует действительности, особенно с учетом фактического партийного раскола. Возможно, здесь проявилось стремление марксистского историка

⁸⁰ *Van Ree E. Stalin's Organic Theory of the Party // The Russian Review. 1993. Vol. 52 (1). P. 52.* Гундо Карпи полагает такую оценку преувеличенной (см.: *Карпи Г. История русского марксизма. С. 156*).

⁸¹ См.: *Van Ree E. Stalin's Organic Theory of the Party. P. 51.*

⁸² *Сталин И. В. Класс пролетариев и партия пролетариев (По поводу первого пункта устава партии) // Сталин И. В. Соч. М., 1946. Т. 1. С. 67.*

⁸³ *Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1991. С. 130–132.*

⁸⁴ *Сталин И. В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов: Набросок плана брошюры // Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 71.*

⁸⁵ См.: *Козн С. Бухарин. Политическая биография, 1888–1938. М., 1988. С. 176.*

⁸⁶ *Краус Т. Ленин. С. 124–125.* См. также: *Liebman M. Leninism under Lenin. London, 1975. P. 38–45.*

«ускорить» партийную институционализацию РСДРП в соответствии с распространенной типологией⁸⁷. Если массовость и имела место, то после поражения революции она быстро сошла на нет, и социал-демократы вернулись к привычному эмигрантскому кружковому статусу. По всей видимости, гораздо ближе к истине стоит Шейла Фицпатрик, которая пишет о превращении уже не социал-демократов в целом, а большевиков в массовую партию к середине 1917 г.⁸⁸ Кроме того, партия постепенно становилась действительно пролетарской. «Ее вожди по-прежнему принадлежали к интеллигенции... но в самой России большинство членов и активистов партии были рабочими»⁸⁹. Обретение партией массовости являлось прямым следствием революционных событий, что неминуемым образом потребовало решения вопроса о взаимоотношениях партии с другими рабочими организациями, возникшими на волне революции: Советами, профсоюзами, фабзавкомом и др. Прежние теоретические установки на этот счет продолжали действовать, но нуждались в существенном уточнении. Другой важнейшей проблемой стало переосмысление роли партии в связи с перспективой захвата власти.

Как и в 1905 г., самой мощной из возникающих структур были Советы. Объяснение «феномена» Советов создало обширную историографию, в большой степени опирающуюся на представления об уникальности большевистского опыта. Десакрализация Октябрьской революции и отсутствие внятного идеологического дискурса по ее поводу в сегодняшней России (что в полной мере продемонстрировала столетняя годовщина революции) позволяют рассматривать Советы в контексте мировой истории. Интересно суждение А. Н. Медушевского, который полагает, что Советы (а также комитеты, хунты и т. п.) были формой низовой непосредственной демократии, возникающей в ходе всех крупных революций. Они выполняют функции массовой мобилизации и могут быть использованы для захвата власти различными политическими силами, после чего надобность в них отпадает: «Как и всякое широкое объединение, советы отражают “элементарность масс” и имеют смысл во время переворота только при наличии политического авангарда... Во всех случаях советы – инструмент манипуляции массами. Это хорошо понимали Ленин и Троцкий...»⁹⁰

⁸⁷ О типологии партий см.: *Доверже М.* Политические партии М., 2000. С. 42.

⁸⁸ *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 87. В октябре 1917 г. численность партии составляла 350 тыс. чел., включая 60 тыс. в Петрограде и окрестностях и 70 тыс. в Москве и Центральном промышленном районе (см.: Там же. С. 104).

⁸⁹ *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 63.

⁹⁰ *Медушевский А.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 100.

Здесь можно согласиться с общей характеристикой Советов, но вывод о хладнокровном сознательном манипулировании Советами со стороны большевиков в духе либеральной историографической традиции не так очевиден. Очень многое из написанного Лениным по поводу будущей формы власти заставляет предположить, что он действительно верил в перспективу советского государства с диктатурой пролетариата, а не партии. Стремление поставить партию под рабочий контроль содержится в так называемом политическом завещании Ленина.

Кстати, положение о «рабочем контроле» над предприятиями, которое вполне устраивало большевиков, стало основой их сближения с фабзавкомами в середине 1917 г. как еще одной разновидности тактического союза⁹¹. Нельзя не заметить, что расширение состава партии за счет активных деятелей пролетарских организаций и просто активных рабочих наконец позволило Ленину избавиться от клейма руководителя группы «заговорщиков», которое сопровождало его во все годы эмиграции. Еще в апреле, сразу же после возвращения в Россию, исходя из новых политических задач, Ленин предложил назвать партию коммунистической⁹².

Вопрос о связи большевиков с рабочей массой и дистанцировании от заговорщической тактики был для Ленина особенно важен в свете подготовки вооруженного восстания. «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма»⁹³.

Были ли большевики реальной пролетарской партией? Фицпатрик справедливо уточняет этот вопрос с точки зрения самоидентификации членов партии: «идентичность большевиков во многом определялась идеями Ленина и его личностью»⁹⁴ и в другом месте: «С марксистской точки зрения рядовой состав вооруженных сил имел

⁹¹ См.: *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 109.

⁹² См.: *Ленин В. И.* Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 111.

⁹³ *Ленин В. И.* Марксизм и восстание : Письмо Центральному комитету РСДРП(б) // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 242.

⁹⁴ *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 67.

пролетарскую природу в силу его нынешнего занятия, но более важно то, что эти люди, судя по всему, сами считали себя таковыми»⁹⁵.

Во всяком случае, в 1917 г. партия переставала быть «интеллигентской». Об этом свидетельствует резолюция VI съезда РСДРП(б): «Отлив интеллигенции из рядов партии, начавшийся в 1905 г., стал массовым после Февральской революции, когда классовое содержание деятельности нашей партии неизбежно определило отношение к ней непролетарских элементов»⁹⁶. Томас Ригби приводит результаты опроса участников съезда, в которых они указывают, что партийная работа на местах ведется, как правило, рабочими. Попутно автор отмечает, что процесс оттока интеллигенции затронул в 1917 г. все революционные партии⁹⁷.

Ленин был убежден, что в качестве пролетарского авангарда партия должна стремиться к захвату власти: «Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще – а партия передового класса в особенности – не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нолем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть»⁹⁸. Поскольку партия стала массовой, больше не было необходимости отделять партию большевиков от всего класса пролетариев: «...власть большевиков, то есть власть пролетариата, которому обеспечена беззаветная поддержка беднейшего крестьянства...»⁹⁹

В августе 1917 г. был принят новый Устав партии – первый большевистский¹⁰⁰. С учетом основной цели партии в тот период – завоевания политической власти – более четко, чем прежде, была определена структура партии и порядок принятия и исключения из нее. В партию стали принимать по рекомендации двух членов с последующим утверждением на общем собрании парторганизации. Оно же выносило решение об исключении.

Главными руководящими органами партии выступали съезд и ЦК. Съезд утверждал программу, определял тактическую линию партии по текущим вопросам, избирал ЦК и ревизионную комиссию

⁹⁵ *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 105.

⁹⁶ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года : протоколы. М., 1958. С. 268.

⁹⁷ См.: *Rigby T. H.* Communist Party membership in the U.S.S.R., 1917–1967. Princeton, 1968. P. 64.

⁹⁸ *Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 290–291.

⁹⁹ Там же. С. 330.

¹⁰⁰ См.: Шестой съезд РСДРП... С. 265–266.

(положение об этой комиссии появилось впервые). Решением съезда определялись фиксированные размеры вступительных и членских взносов с санкциями в виде исключения за неуплату. Заявлялся территориальный принцип организации партии по районам и областям (в отличие от более позднего территориально-производственного принципа). За местными организациями сохранялось право издавать от своего имени партийную литературу. Объявлялось, что все организации партии строятся на началах демократического централизма.

Неизбежность «диктатуры партии»

В случае успеха восстания роль партии как инструмента завоевания власти неизбежно менялась. Если целью вооруженной борьбы должно было стать установление «диктатуры пролетариата», с чем никто из радикальных марксистов не спорил, то по поводу значения авангардной партии в новой ситуации полной ясности не было. Снова актуальным становилось предостережение Энгельса о неизбежности репрессивной диктатуры в случае преждевременного прихода партии к власти. «Первое же выступление большевизма по вопросу о роли партии в революции меньшевиками немедленно было объявлено подменой диктатуры пролетариата “диктатурой над пролетариатом”, а деятели II Интернационала характеризовали советскую власть в СССР как “диктатуру партии”»¹⁰¹, – сетовал впоследствии Г. Е. Зиновьев.

Краус обращает внимание на то, что в главной работе Ленина о будущем государстве «диктатуры пролетариата» – «Государство и революция» – нет понятия «партия». Историк считает, что «в самоуправленческом социализме, теоретическое описание которого дал Ленин, уже нет классов и партий», и критикует тех (в том числе Ю. О. Мартова и Р. Сервиса), кто видит в брошюре Ленина образ однопартийной системы. При этом Краусу все же приходится признать, что такая система, не получившая в то время законодательной легитимации, реально сложилась к 1921 г.¹⁰²

По Ленину, неверность подмены «диктатуры пролетариата» «диктатурой партии» вытекала из его утверждения 1904 г. о необходимости различения «класса» и «партии». В тактическом плане, на этапе завоевания власти, понятие «диктатура партии» было неудобным, так как представляло революцию не как общенародное движение, а как результат узурпации власти большевиками. Зато впоследствии, в одном из выступлений 1919 г., Ленин гордо признавал наличие диктатуры партии, отстаивая право ее осуществления: «Да, диктатура одной

¹⁰¹ Зиновьев Г. Е. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Л., 1925. С. 359.

¹⁰² См.: Краус Т. Ленин. С. 214.

партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата...»¹⁰³ До определенного момента в основе этого утверждения лежало убеждение Ленина, что революция сформируется как государство, которое при этом под руководством коммунистической партии будет все более упразднять себя¹⁰⁴.

Диктатура партии была необходима Ленину еще в 1917 г., на что указывает Краус, говоря, что возможности рабочих организаций имеют и будут иметь границы, значение которых будет расти по мере роста одиночества русского революционного эксперимента. А значит, созданные рабочим классом структуры, институты смогут выполнить свою «историческую миссию» лишь при наличии такой организующей силы, пока не окрепнет система институтов рабочей демократии¹⁰⁵.

После окончания Гражданской войны ленинская точка зрения на диктатуру партии стала неудобной для публичного использования, что видно как из приведенного выше высказывания Зиновьева, так и из выступления Сталина в июне 1924 г.: «Нередко говорят, что у нас “диктатура партии”. Я, говорит, за диктатуру партии. Мне помнится, что в одной из резолюций нашего съезда, кажется, даже в резолюции XII съезда, было пушено такое выражение, конечно, по недосмотру. Видимо, кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не рабочего класса. Но это же чепуха, товарищи. Если это верно, то тогда не прав Ленин, учивший нас, что Советы осуществляют диктатуру, а партия руководит Советами»¹⁰⁶. На уровне теории подразумевалось, что институты рабочей демократии к этому времени, наконец, окрепли, и в повестку дня вскоре был внесен вопрос «оживления Советов». Однако это не отменяло фактической партийной диктатуры. Правящая партия не только не отмирала, но, напротив, только укрепляла свои позиции.

Эдвард Карр четко выделяет основные тенденции в эволюции большевистской партии после завоевания ею политической власти:

1) растущая власть в руках небольшого руководящего партийного центра;

¹⁰³ Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 134.

¹⁰⁴ См.: Бри М. Открыть Ленина снова. М., 2017. С. 75.

¹⁰⁵ См.: Краус Т. Ленин. С. 226.

¹⁰⁶ Сталин И. В. Об итогах XIII съезда РКП(б) : докл. на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 258.

2) превращение партии из революционной организации, устремленной на свержение существующих институтов, в руководящее ядро правительственной и административной машины;

3) создание для нее монопольного положения путем устранения других партий¹⁰⁷.

Карр утверждает, что каждая партийная организация представляла собой «мощную олигархию на демократических ногах». Усилению позиций РКП(б) способствовали традиции секретности и дисциплины, монопольное положение в государстве, политическая отсталость и неопытность русских рабочих¹⁰⁸.

После завоевания власти революционная партия стереотипно превращается в правящую. При этом она начинает ценить закон и порядок. Теперь каждый призыв к укреплению единства страны превращался в призыв к партийному единству и верности вождю¹⁰⁹. Призывы к демократии в этой ситуации, отмечает Михаэль Бри, воспринимаются как контрреволюционные фразы¹¹⁰.

Умозаключения Карра созвучны теории Р. Михельса, предполагающего, что после завоевания власти любая демократическая партия превращается в олигархическую¹¹¹. Примечательно, что книга Михельса об олигархических тенденциях в политических партиях, вышедшая в 1911 г., судя по всему, не заинтересовала Ленина. Единственное упоминание о ней содержится в «Тетрадах по империализму» 1915 г. при анализе сочинения Ганса Дельбрюка¹¹². Человек одной идеи, Ленин действительно часто игнорировал современные ему «буржуазные» политические и социологические исследования.

Что говорить о Михельсе, если Лениным не были приняты во внимание предостережения о неизбежности репрессивной партийной диктатуры гораздо более авторитетного для него Энгельса. Лидер большевиков не считал их для себя важными, так как не думал, что большевики пришли к власти преждевременно. Кроме того, он был склонен считать обоснованными репрессии, проводимые большевиками против своих политических противников.

Если Джон Локк полагал, что государство будут контролировать буржуазные собственники через парламент и суды, то у Ленина эту функцию контроля над государственным аппаратом берет на себя

¹⁰⁷ См.: Карр Э. История Советской России... С. 157.

¹⁰⁸ См.: Там же. С. 158.

¹⁰⁹ См.: Там же.

¹¹⁰ См.: Бри М. Открыть Ленина снова. С. 78.

¹¹¹ См.: Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie; Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911.

¹¹² См.: Ленин В. И. Тетрады по империализму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 560.

большевистская кадровая партия. В результате из диктатуры пролетариата выходила диктатура партии, ее руководства. Связанность же самой партии с рабочим классом основывалась лишь на утверждении о ее превосходстве в видении его интересов¹¹³.

Итак, важнейшим фактором усиления роли РКП(б) в раннесоветском обществе стала ленинская модель государства «диктатуры пролетариата», где пролетариатом руководила авангардная партия. К другим факторам формирования властной вертикали относятся изменения в социальном составе РКП(б) – ВКП(б) и неизбежная бюрократизация как партии, так и государственной управленческой системы в целом.

1.3. Партия у власти. Попытки демократизации

Смена вех: партийное строительство в первые послереволюционные годы

Руководящая роль партийных органов, хоть и декларировалась ими в собственных официальных документах¹¹⁴, не была юридически закреплена в Конституции РСФСР и, позднее, СССР¹¹⁵. Партийные лидеры рассматривали партию как «добровольное объединение людей на определенной идейной и практической базе»¹¹⁶, иными словами, официальный статус мог и не предполагаться в качестве основного атрибута правящей партии. Тем не менее, партии отводилась главенствующая роль в советском обществе как по представлению самой партии («руководит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный авангард рабочего класса – Компартия»¹¹⁷), так и по фактическому влиянию на происходящие в обществе процессы.

¹¹³ См.: *Бри М.* Открыть Ленина снова. С. 82.

¹¹⁴ Формулировку «правящей партии в Советском государстве» см.: Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. Т. 6. С. 134.

¹¹⁵ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 25.06.2017); Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508665/ (дата обращения: 25.06.2017).

¹¹⁶ О партийном строительстве : резолюция XIII конференции РКП(б) // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 3. С. 148.

¹¹⁷ Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики : резолюция XI съезда РКП(б), 27 марта – 2 апреля 1922 г. // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 487.

Организационное преобразование партии большевиков в правящую прошло несколько этапов.

Первый этап (1917–1922) – перестройка партийной организации с учетом выполнения новых задач: борьба за укрепление советской власти; управление экономикой, финансами, транспортом, культурой и другими сферами общественной жизни; руководство военными действиями. Партия большевиков в это время представляет собой в большей степени милитаризованную организацию, в которой преобладали мобилизационные методы работы, механизмы управления опирались на систему боевых приказов.

Содержание *второго этапа (1923–1928)* организационной перестройки составляет восстановление экономики и укрепление партийной организации. Партийный аппарат формируется как структура, руководящая и направляющая хозяйственно-культурное развитие страны. Управленческие технологии, включая мобилизационные методы, дополнялись методами контроля, а также поисками оптимальных форм взаимодействия партии с обществом. Кроме того, использовались элементы компромиссной тактики, ориентированной на адаптацию марксистских идей к реальным условиям, что порождало внутрипартийные разногласия и борьбу.

На *третьем этапе (1929–1930-е гг.)* завершается становление партии большевиков как партии власти, стремящейся взять под контроль все стороны политической и общественной жизни. Во внутрипартийном строительстве остаются актуальными проблемы укрепления как самого партийного аппарата, так и его влияния на принимаемые решения и ход событий. Но важнейшей ее чертой стало единомыслие, а вернее, партия стала партией одного человека – И. Сталина, и все коммунисты «думали», как он учил, и действовали, как он указывал. Став массовой организацией, ВКП(б) превратилась в послушное орудие партийной бюрократии.

Сразу после прихода к власти в октябре 1917 г. РСДРП(б) представляла собой объединение комитетов с максимально упрощенной иерархией, которые были приспособлены не столько для участия в управлении, сколько для организации революции и подпольной деятельности. В действовавшем на тот момент Уставе были выделены только Центральный комитет и областные комитеты, с возможностью образования в дальнейшем районных и подрайонных организаций¹¹⁸. Привязки к административно-территориальному делению в этот момент они еще не имели, что было удобно для мобильного реагирования на вызовы времени, полного неожиданностей, харак-

¹¹⁸ См.: Устав Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 1. С. 590.

теризуемого открытой вооруженной борьбой за власть различных политических сил.

Иерархия подчинения подрайонный комитет – районный комитет – областной комитет не была зафиксирована в Уставе, что добавляло хаоса в партийное строительство в условиях Гражданской войны. Для координации деятельности и принятия наиболее важных решений с установленной в Уставе периодичностью созывались съезды и конференции как локальные (губернские, территориальные), так и ежегодный Всероссийский съезд. Территории областей как зоны ответственности партийных комитетов не имели фиксированных границ и устанавливались на областных конференциях. В результате РСДРП(б) в начальный период прихода к власти представляла собой сеть бывших подпольных парткомов, которой предстояло перестроиться и приспособиться для реализации новых задач, стоящих перед ней как перед партией власти.

Формирование государственных структур в 1917–1918 гг. происходило в форме Советов с внедрением выборных коллективных органов управления и должностных лиц, где только было возможно. Тем не менее, конструирование партийной структуры преследовало иную задачу – превратить имеющуюся организацию в фактический орган власти и управления. Этот процесс выработки управляющих воздействий и формирования новой сети партийных организаций для выполнения задачи контроля был осложнен и замедлен начавшейся в 1918 г. Гражданской войной.

В рамках партийного строительства основной тенденцией было сочетание жесткой партийной дисциплины и разновидности внутрипартийной демократии, известной как «демократический централизм». Понимание «демократического централизма» В. И. Лениным включало в себя централизацию управленческих решений не только в партийной жизни, но и в управлении государством в целом, а также развитие «местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»¹¹⁹. Несмотря на это положение, «демократический централизм» был предметом внутрипартийной дискуссии, способствовал формированию оппозиции ленинской модели управления.

В связи с нечеткостью самого понятия и внутрипартийной борьбой вокруг него официальная трактовка «демократического централизма» появилась в Уставе сравнительно поздно – в 1934 г.¹²⁰ Вну-

¹¹⁹ Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 152.

¹²⁰ См.: Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) [1934] // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 6. С. 137.

трипартийная демократия проявлялась, например, в выборности всех руководящих органов партии, коллегиальности партийных органов, автономности местных организаций, обсуждении вопросов партийной жизни на общих собраниях и партийных конференциях. Кроме того, обязательной была периодическая отчетность партийных комитетов перед избравшими их организациями (общими собраниями, конференциями и съездами). С другой стороны, демократический централизм, утверждая строгие принципы исполнительской дисциплины, декларировал безусловное подчинение меньшинства большинству и обязательность решений высших партийных органов для низших и для всех членов партии¹²¹. Эти принципы в наибольшей степени соответствовали новой роли партии как послушного инструмента исполнения воли вождей, контроля над ней и над обществом в целом. Как в армии дисциплина является залогом беспрекословного подчинения командиру, так в партии меньшинство (партийная бюрократия) стало управлять большинством, ловко манипулируя установленными правилами партийной демократии.

По этим же принципам конструировалась система государственного управления. Советская система формировалась и включалась в управленческий процесс слишком медленно, в то время как обстановка требовала мгновенных решений. Отказ от коллегиальности и установка на жесткие директивные и, как правило, насильственные меры были единственными способами разрешения возникающих проблем и потому стали основными в государственном и партийном строительстве первых лет советской власти. Применение «революционного насилия» для строительства нового общества было обосновано В. И. Лениным¹²² и оправдано реалиями Гражданской войны.

«Военно-командная форма пролетарской диктатуры» осознавалась как вынужденная необходимость¹²³. Это касалось и кадровых вопросов: структура партийных организаций тяготела к максимально возможной централизации и бюрократизации, о которой говорили как о «возрождающемся бюрократизме»¹²⁴ и «чиновничьей иерархии»¹²⁵.

В Уставе 1919 г. была предложена четко выстроенная иерархия партийных органов. По итогам VIII партконференции в 1919 г. было закреплено положение о создании партийного аппарата «по территориальному при-

¹²¹ См.: Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) [1934]. С. 137.

¹²² Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 194–200.

¹²³ См.: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г. : протоколы. М., 1959. С. 189–190.

¹²⁴ Там же. С. 164.

¹²⁵ Там же. С. 188.

знаку»¹²⁶. Структура партийных организаций включала в себя ЦК, обкомы и приравненные к ним парткомы автономных образований, губкомы, укомы, волкомы и первичные организации (ячейки производственные, сельские, при учреждениях и т. п.)¹²⁷. Они избирались партийными собраниями и конференциями соответствующего уровня: от Всероссийского съезда до общего собрания ячейки¹²⁸. Кроме того, в губернских городах с разрешения губкома могли быть образованы подчиняющиеся ему же горкомы. Петроградский и Московский горкомы приравнивались к губкомам¹²⁹. На всех уровнях, кроме первичных организаций, вместе с партийным комитетом должна была избираться контрольная комиссия, которая проверяла проводимые им мероприятия и расходование средств партийными органами.

Партийный аппарат, несмотря на все усилия, создавался гораздо медленнее, чем проходил процесс «экспроприации экспроприаторов»¹³⁰, поэтому логичной на данном этапе была концентрация полномочий в руках чрезвычайных органов и отдельных должностных лиц. Эта тенденция облегчала мобилизации и способствовала формированию директивного стиля руководства, прежде всего партийного, основанного на системе боевых приказов. Решения принимались отдельными работниками, часто без согласования с партийными и советскими органами. Фактически, речь идет о прямых распоряжениях, подкрепленных авторитетом партийных деятелей как способе партийного руководства. Нередко в условиях войны партийный орган брал на себя функции советского органа или подменял его. О сложившемся порядке управления свидетельствуют выступления на VIII съезде РКП(б), в которых говорится об «отсутствии общих директив»¹³¹, необходимости партработников на местах брать «инициативу на свой страх и риск»¹³², решения вопросов от случая к случаю и т. д.¹³³

Ярким примером управления в экстремальных условиях были ревкомы и институт чрезвычайных комиссаров, назначаемых в наиболее нестабильные регионы. Ревком мог замещать собой партийные и советские органы, однако все же продолжал оставаться хоть и чрезвычайным, но коллегиальным органом. Чрезвычайные комиссары осуществляли свои полномочия единолично. К концу Гражданской войны потребность в чрезвычайных органах и мерах уменьшилась,

¹²⁶ КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 202.

¹²⁷ См.: Там же. С. 202–205.

¹²⁸ См.: Там же.

¹²⁹ См.: Там же. С. 205.

¹³⁰ См.: *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти. С. 181–182.

¹³¹ Восьмой съезд РКП(б)... С. 28.

¹³² Там же. С. 26.

¹³³ См.: Там же. С. 28.

но на практике они сохранялись и продолжали вмешиваться в деятельность органов власти и управления, оставаясь важным рычагом влияния власти на общество.

Эволюция роли партии после завоевания власти

В течение первых двух лет существования большевистской власти отмечаются две тенденции, характеризующие институциональное развитие партии. Первая из них была связана с неуклонным увеличением партийного влияния на общество, вторая – с продолжением численного роста РКП(б)¹³⁴. До середины 1918 г. большевики, видимо, искренне пытались запустить механизм Советов, а когда это не удалось, перешли к централизованной политике. С. А. Павлюченков называет период до середины 1918 г. «партизанским». Первоначально работа по централизации возлагалась на комбеды и ЧК¹³⁵. В ноябре 1918 г. комбеды были распущены по причине неэффективности, а деятельность ЧК после начала «красного террора» осенью 1918 г. стала более «специализированной». Управленческий центр тяжести переносился на местные партийные организации, которые также нуждались в централизации – весной 1918 г. существовало 15 партийных объединений, которые в случае несогласия могли противостоять ЦК¹³⁶.

Партийное влияние реализовывалось через создание большевистских фракций в местных Советах, подчинявшихся районным комитетам партии. Это было отражением линии на утверждение контроля партийных органов над советскими¹³⁷. Противоречия между парткомитетами и Советами разрешались путем посылки в Советы большевистских эмиссаров, как правило, в пользу партии¹³⁸. К концу 1918 г. «парткомы во главе с ЦК стали нервной системой нового государственного устройства, связавшей в единое целое и приводившей в движение все органы и части российского колосса»¹³⁹.

Как можно судить по материалам VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 г., к этому времени большевики озаботились последствиями «массовизации» партии на этапе взятия власти. По мнению сразу нескольких делегатов, в ней оказалось много случайных людей. «Наша партия опустилась... работники на местах и в центре ведут себя так, что позорят имя партии»¹⁴⁰, – констатировал

¹³⁴ Новое название было принято в марте 1918 г. на VII съезде партии.

¹³⁵ См.: Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции, 1917–1928. М., 2008. С. 27–28.

¹³⁶ См.: Медушевский А. Политическая история русской революции. С. 242.

¹³⁷ См.: Рабинович А. Большевики у власти. М., 2008. С. 323.

¹³⁸ См.: Медушевский А. Политическая история русской революции. С. 242.

¹³⁹ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 28.

¹⁴⁰ Восьмой съезд РКП(б)... С. 168–169.

В. П. Ногин. Докладчик призвал к чистке партийных рядов. Причины такого положения виделись прежде всего в «неправильном» классовом составе партии. Несколько раз по разным поводам обсуждалась необходимость ее «орабочения»¹⁴¹. Одновременно высказывалась озабоченность, что на партийных должностях мало рабочих, в результате они оседают в Советах. Только 1/6 часть делегатов съезда работала в партийных органах, а 2/3 представляли Советы разных уровней¹⁴². Съезд вынес резолюцию о необходимости притока в партию рабочей и крестьянской молодежи¹⁴³.

Результатом решений VIII съезда РКП(б) стала «перерегистрация» членов партии, которую Ригби назвал первой масштабной партийной чисткой. Такая оценка выглядит преувеличенной¹⁴⁴. Вследствие перерегистрации, объявленной мобилизации коммунистов, а также военных потерь к августу 1919 г. численность партии сократилась с 350 тыс. (в марте) до 150 тыс. чел.¹⁴⁵ Ленин считал, что «мобилизация коммунистов на войну нам помогла: трусы и негодяи побежали прочь из партии. Скатертью дорога! Такое уменьшение числа членов партии есть громадное увеличение ее силы и веса»¹⁴⁶.

Но уже в августе, в условиях тяжелого положения на фронте, было принято решение провести «партийную неделю» в масштабах всей страны по приему в партию новых членов¹⁴⁷. В рамках этой кампании только в 38 губерниях европейской части Советской России вступило в РКП(б) не менее 200 тыс. чел.¹⁴⁸

То, что наибольшая интенсивность приема в партию совпала с наивысшей угрозой для большевистского режима в конце лета – осенью 1919 г., в период денкинского наступления на Москву, свиде-

¹⁴¹ Восьмой съезд РКП(б)... С. 166, 185, 250, 252, 253.

¹⁴² См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 75.

¹⁴³ См.: Восьмой съезд РКП(б)... С. 423.

¹⁴⁴ Для сравнения: В. И. Шишкин и Н. Ю. Пивоваров полагают, что «перерегистрация 1919 г. все же носила относительно мягкий и как бы “точечный” характер» (*Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2015. Т. 14. С. 120 (Сер. История, филология; вып. 8)*).

¹⁴⁵ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 77. По Э. Карру, численность партии в начале 1919 г. – 313 тыс. чел. (см.: *Карр Э. История Советской России...* С. 171). По состоянию на январь 1919 г. Ригби приводит подтвержденную численность 251 тыс. чел., одновременно указывая, что собрать точные данные в условиях Гражданской войны было невозможно (см.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 69).

¹⁴⁶ *Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 27.*

¹⁴⁷ Подробнее см.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И. Призывы беспартийных в РКП(б) – ВКП(б) во время Гражданской войны и новой экономической политики: феномен инспирированной мобильности // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 31–50. «Партийная неделя» 1919 г. в этой работе интерпретируется как первое в ряду подобных ему мероприятий наряду с «ленинским призывом» 1924 г. и «октябрьским призывом» 1927 г.*

¹⁴⁸ См.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И. Призывы беспартийных...* С. 33, 35.

тельствуем о мобилизационном характере членства в партии. Рекрутирование новых сторонников на очередном этапе вооруженной (или политической) борьбы выглядит вполне естественно, будь то война с «белыми» во время Гражданской войны или внутрипартийные разногласия 1920-х гг. Членство в партии в годы Гражданской войны выглядело более надежным с точки зрения поддержания воинской дисциплины, чем простая мобилизация, особенно с учетом высокого уровня дезертирства с обеих сторон¹⁴⁹.

Необходимость быстрого количественного роста Компартии делала процедуру вступления в нее формальной. Вместо индивидуального приема в комячейку было разрешено подавать коллективные заявления либо еще проще: всех желающих вступить в РКП(б) занесли в специальные списки, которые утверждались на уровне комячейки или районного партийного комитета¹⁵⁰.

Социальный состав партии в результате этих мероприятий действительно изменился. Во-первых, партия серьезно омолодилась, соответственно доля «старых большевиков» существенно уменьшилась¹⁵¹. Во-вторых, партия не столько «орабочилась», сколько «окрестьянилась». В-третьих, среди новых членов партии оказалось существенное количество женщин-работниц.

Итак, «партийная неделя» способствовала увеличению численности партии на местах и формированию нужного морально-психологического климата в сложной ситуации Гражданской войны. Вместе с тем эффект «улучшения» социального состава партии за счет ожидаемого притока пролетариев достигнут не был. Если до «партийной недели» так называемый балласт (т. е. не ведущие никакой партийно-советской работы) составлял примерно 20 %, то после ее проведения – уже около 60 %¹⁵².

¹⁴⁹ В Красной армии общее число уклонившихся от призыва, не прошедших медкомиссию и явных дезертиров за первые три месяца 1919 г. составило 1 549 300 чел., или около 50 % от общего количества состоявших на учете в семи военных округах (см.: *Овечкин В. В.* Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны // *Вопр. истории.* 2003. № 3. С. 111; см. также: *Долгова А. В.* Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 годах // *Вестн. Перм. ун-та.* 2008. Вып. 7 (23). С. 39–45 (Сер. История)).

¹⁵⁰ См.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И.* Призывы беспартийных... С. 34.

¹⁵¹ Если в отечественной традиции к «старым большевикам» причисляют тех, кто вступил в партию до 1917 г. то в западной историографии нередко учитывается и собственно биологический возраст. Например, У. Мосс назвал «старыми большевиками» тех партийных активистов, кто родился в период между 1868 и 1874 гг., а «новыми большевиками» – между 1883 и 1891 гг. (см.: *Истер Д. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 52). Как показывают анкеты Всероссийской партийной переписи 1922–1924 гг., в 1919 г. в партию в большом количестве вступали родившиеся и после 1891 г., некоторые из них сумели быстро занять руководящие должности.

¹⁵² См.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И.* Призывы беспартийных... С. 36–38.

Поэтому отношение к численному приросту партии у лидеров большевиков было двойственным, что проявилось уже в декабре 1919 г. в выступлении Ленина на VIII Всероссийской конференции РКП(б): «...те тысячи и сотни тысяч, которые приходили к нам, когда Юденич стоял в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин к северу от Орла, когда вся буржуазия уже ликовала, эти члены партии заслуживают нашего доверия. Такое расширение партии мы ценим», но тут же он добавлял: «После того, как мы произвели такое расширение партии, мы должны ворота запереть, должны быть особенно осторожны. Мы должны сказать: теперь, когда партия побеждает, новых членов партии нам не нужно. Мы превосходно знаем, что в разлагающемся капиталистическом обществе к партии будет примазываться масса вредного элемента. Мы должны создавать партию, которая будет партий рабочих»¹⁵³.

Несмотря на ленинское предостережение, в дальнейшем численность партии продолжала расти: в начале 1920 г. в ней состояло 430 тыс. членов, к началу IX съезда в марте 1920 г. – 600 тыс. и почти 750 тыс. – к началу X съезда в марте 1921 г.¹⁵⁴ При этом рабочие-коммунисты составляли только 40 % членов партии, но и эти цифры следует считать завышенными, так как вступающие приписывали себе пролетарское происхождение¹⁵⁵.

Программа и Устав партии 1919 г.

Качественно иную политическую ситуацию, в которой оказалась партия после взятия власти, были призваны зафиксировать принятые на VIII съезде Программа¹⁵⁶ и Устав РКП(б)¹⁵⁷. Главной задачей партии провозглашалась поддержка «высшего типа демократизма», т. е. советской формы управления. Кроме того, «задача РКП состоит в том, чтобы вовлечь все более широкие массы трудящегося населения в пользование демократическими правами и свободами и расширять материальную возможность этого»¹⁵⁸. С этой целью органы власти должны были сближаться с массами трудящихся. Характерно, что «буржуазное» разделение законодательной и исполнительной форм власти воспринималось как препятствие в этом процессе. Исходя из

¹⁵³ Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП(б) 2–4 декабря 1919 г. : Политический доклад Центрального комитета 2 декабря // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 361.

¹⁵⁴ См.: Rigby T. H. Communist Party membership... P. 78.

¹⁵⁵ См.: Верт Н. История Советского государства... С. 140.

¹⁵⁶ См.: Восьмой съезд РКП(б)... С. 390–410.

¹⁵⁷ См.: Восьмая конференция РКП(б) : протоколы. М., 1934. С. 187–195.

¹⁵⁸ Восьмой съезд РКП(б)... С. 395.

партийной концепции «поддержки советов» и нежелания партии официально выходить на первый план, доминирование советских работников среди делегатов VIII съезда РКП(б) следует считать естественным.

В резолюциях VIII съезда содержатся вполне определенные рекомендации по взаимоотношениям партии с Советами: «Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д. Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы... Во всех советских организациях абсолютно необходимо образование партийных фракций, строжайше подчиняющихся партийной дисциплине. В эти фракции должны входить все члены РКП, работающие в данной советской организации». И далее: «Смешивать функции государственных органов, каковыми являются Советы, ни в каком случае не следует. Такое смешение дало бы гибельные результаты, особенно в военном деле. Свои решения партия должна проводить через *советские органы*, в рамках *Советской конституции*. Партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не заменять их»¹⁵⁹. Последняя лукавая формулировка – слабый аргумент в пользу самостоятельности Советов¹⁶⁰. Резолюции съезда означали установление фактического партийного контроля за советскими органами и отражали разочарование большевиков в управленческих возможностях Советов. Более позднее высказывание Ленина по поводу того, что «соединение советского с партийным является источником чрезвычайной силы в нашей политике»¹⁶¹ следует считать хорошей миной при плохой игре, не способной прикрасить очевидный провал идеи советской формы власти.

Новый Устав партии также отразил специфику текущего момента. Так, хотя он и подтверждал требование прежнего Устава о необходимости кандидатского стажа и двух рекомендаций для новых членов, в нем оговаривалась возможность облегченного приема «в исключительных случаях» с прямой отсылкой к «партийной неделе»¹⁶².

¹⁵⁹ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 108.

¹⁶⁰ Ср.: «Эта формулировка не конкретизировала детали, а проблема “подмены” оставалась нерешенной до конца коммунистического правления» (*Саква Р.* Коммунизм в России. С. 56).

¹⁶¹ Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 399.

¹⁶² Восьмая конференция РКП(б). С. 187–188. Ригби указывает, что на местах в 1918 г. сначала игнорировали требование двух рекомендаций, но во второй половине года в ряде организаций были склонны, напротив, серьезно усложнять процедуру вступления (см.: *Rigby T. H.* Communist Party membership... P. 71). Требование Устава 1919 г. носило, таким образом, «нормализующий» характер.

Устанавливался срок кандидатского стажа – не менее 2 мес. для рабочих и крестьян и не менее 6 мес. для остальных. Отмечается, что в декабре 1919 г. исчезли так называемые сочувствующие, официально появившиеся в 1918 г. Обоснованно предполагалось, что это была облегченная форма «карьерных» взаимоотношений с партией. Впоследствии данная группа на короткое время возрождалась в конце 1920-х и в 1930-е гг.¹⁶³

Структура партии, по сравнению с прежней, существенно усложнилась, что вытекало из неопределенности административно-территориального деления республики. Выстраивалась иерархия подчинения Всероссийскому съезду и ЦК областных, губернских, уездных конференций и комитетов. Границы области при этом определялись областной конференцией и утверждались ЦК. Далеко идущие последствия имели изменения в центральных органах партии. ЦК образовывал Политбюро для политической работы, Оргбюро – для организационной, а также Секретариат во главе с секретарем, членом Оргбюро.

Принцип «демократического централизма» выражался в том, что провозглашалось свободное обсуждение вопросов партийной жизни до тех пор, пока решение не принято. Обеспечение руководящей роли партии в обществе достигалось обычным для левых партий¹⁶⁴ требованием ко всем членам партийных фракций во внепартийных учреждениях и организациях по всем обсуждаемым вопросам голосовать единогласно, предварительно согласовав свою позицию в вышестоящем партийном комитете.

1.4. Партия как бюрократическая организация

Проблема бюрократизации партии и кризис 1921 г.

В соответствии с идеальными представлениями будущее общество мыслилось как государство без элиты, где массы сами бы становились администраторами общества, т. е. «все на время становились “бюрократами”, и поэтому никто не мог стать “бюрократами”»¹⁶⁵.

Взгляды Ленина на причины бюрократизма основывались на оценках Маркса. В «Государстве и революции» Ленин писал: «...пока не экспропрированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная “бюрократизация” даже пролетарских должностных лиц». Попутно он резко критиковал мнение Каутского, утверждавшего, что в профессиональных и партийных организаци-

¹⁶³ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 73.

¹⁶⁴ См.: *Кэпп Э. История Советской России...* С. 184.

¹⁶⁵ См.: *Козн С. Бухарин. С. 104–105.*

ях нельзя обойтись без чиновников¹⁶⁶. Суть большевистских взглядов емко обозначил Ричард Пайпс: «Большевики не могли пренебречь такого рода развития, поскольку их философия рассматривала политику как побочный продукт классовой борьбы, а управление государством как не более чем орудие в руках правящего класса – в силу этих представлений государство и его служащие не могли иметь иных интересов, чем интересы класса, которому они были призваны служить. Та же философия не позволяла им увидеть истинные причины явления, даже когда им пришлось признать его существование»¹⁶⁷.

Между тем, постепенно становился очевидным весь идеализм таких представлений¹⁶⁸, а проблема бюрократизации сферы государственного управления неуклонно обострялась. Она широко обсуждалась на VIII съезде РКП(б). Как и можно было ожидать, главными причинами бюрократизма назывались «недостаточно высокий культурный уровень широких масс, отсутствие необходимых навыков в деле управления у выдвигаемых массой на ответственные посты работников, необходимость спешного привлечения в тяжелых условиях специалистов старой школы и отвлечение самого развитого слоя городских рабочих на военную работу», что привело «к частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя»¹⁶⁹. Таким образом, ответственность за это явление возлагалась на представителей старого управленческого аппарата. Пролетариат, а также партийные работники по умолчанию были избавлены от бюрократических пороков.

Для борьбы с бюрократизмом предлагалось привлекать к «выполнению определенной работы по управлению государством» каждого члена Советов. При этом виды управленческой работы предполагалось менять. В будущем планировалось вовлекать в работу по управлению все трудящееся население¹⁷⁰. В экономическом управлении для борьбы с бюрократизмом предлагалось использовать профсоюзы¹⁷¹.

Таким образом, от болезни советского бюрократизма прописывали три лекарства: завод, партийную работу и профсоюзы. Рабочих, пробывших на советской работе более трех месяцев подряд, предлагали возвращать на заводы, «по крайней мере на 1 месяц», а «все советские работники, члены партии, обязаны вести какую-либо партий-

¹⁶⁶ См.: Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 115.

¹⁶⁷ Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 517.

¹⁶⁸ О неожиданности бюрократизации для Ленина и его соратников: «За суровым реализмом большевистских вождей скрывалось удивительное простодушие» (см.: Пайпс Р. Россия при большевиках. С. 516).

¹⁶⁹ См.: Восьмой съезд РКП(б)... С. 377.

¹⁷⁰ См.: Там же. С. 397.

¹⁷¹ См.: Там же. С. 403. См. также подраздел «Бюрократия и Советская власть» в кн.: Бухарин Н. И., Преображенский Е. П. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков. Пг., 1920. С. 147–149.

ную работу в своем районе», а также состоять членами профсоюза¹⁷². «Презумпция невиновности» партии в деле распространения бюрократизма до определенного момента подпитывалась уверенностью в действенности принципа «демократического централизма» в партийной организации, который противостоял советскому «бюрократическому централизму»¹⁷³.

О том, что бюрократизм в партии все-таки существует, много говорили на IX съезде РКП(б) представители «левой оппозиции». «В чем повинен ЦК, так это в бюрократическом централизме. В этом заключается суть дела; этот централизм здесь процветает со всеми его прелестями. Говорят, что рыба начинает вонять с головы. Партия сверху начинает поддаваться влиянию этого бюрократического централизма»¹⁷⁴, – утверждал В. Н. Максимовский.

Накалу дискуссии весьма поспособствовал сам Ленин, который заявил, что «демократический централизм значит только то, что представители с мест собираются и выбирают ответственный орган, который и должен управлять»¹⁷⁵. «Вспомним, – говорил еще один «левый», В. В. Осинский, – как в первый день съезда т. Ленин, говоря о демократическом централизме, объявил идиотами всех, кто говорит о демократическом централизме, а самый демократический централизм <назвал> допотопным и устарелым». Осинский предостерегал, что так «мы рухнем под тяжестью бюрократии, которая выхолостит всю нашу работу»¹⁷⁶. Несмотря на свою всегдашнюю лояльность к Ленину, опасность бюрократического перерождения партии увидел и Н. Бухарин¹⁷⁷.

Получалось, что Ленин, всегда подчеркивавший народный характер пролетарского государства, под давлением текущей ситуации сознательно отказывался от принципов демократического управления. Началось с того, что изменилось отношение Ленина к коллегиальному управлению, которое он теперь считал неэффективным: «...говорят, что коллегиальность – школа управления... Нельзя же все время сидеть в пригготовительном классе школы!»¹⁷⁸ Ленин ассоциировал коллегиальность с «периодом бессилия» и призывал не слушать упреков в «назначенстве» вместо выборов.

¹⁷² См.: Восьмой съезд РКП(б)... С. 424.

¹⁷³ Там же. С. 549.

¹⁷⁴ Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. М., 1934. С. 54.

¹⁷⁵ Там же. С. 192. Ср. в 1905 г.: «Демократический централизм – это демократия при принятии решений и единство при их выполнении» (см.: *Краус Т.* Ленин. С. 125).

¹⁷⁶ Девятый съезд РКП(б). С. 133.

¹⁷⁷ См.: *Коэн С.* Бухарин. С. 178, 192.

¹⁷⁸ Девятый съезд РКП(б). С. 29.

Можно констатировать, что именно на IX съезде произошел фактический разрыв с ранним революционным большевистским романтизмом. Дискуссия на съезде оказалась последней, где обсуждалась необходимость создания общественной среды в партии, чтобы избежать бюрократизации революционного правительства¹⁷⁹.

По мнению Карра, неизбежность бюрократизации партии вытекала из ее правящего характера, разрыва между интеллектуальным руководством и массой¹⁸⁰. Другая причина быстрого распространения бюрократизма усматривалась в отсутствии понимания роли бюрократии и регламентирующих институтов в проведении политики в изначальной марксистской модели коммуны¹⁸¹. В результате большевики оказались не готовы к бюрократическому вызову, поскольку они были уверены, что эта проблема исчезнет вместе со старым обществом. Фицпатрик объясняет слабость идеи «демократического централизма» и склонность к назначениям тем, что именно они, а не выборы были привычны для большевиков с подпольных времен, т. е. отрицалась не бюрократия вообще, а та, которая не желала подчиниться революционным приказам¹⁸².

Понимал ли сам Ленин, что в такой ситуации опасность внутрипартийного бюрократизма резко усиливается? Да, и достаточно ясное указание на это мы встречаем в написанной в январе 1921 г. статье «Кризис партии»: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-1-х, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во-2-х, рабочее государство с бюрократическим извращением»¹⁸³; «нас затягивает поганое бюрократическое болото...»¹⁸⁴

О том, что бюрократизм имеет два измерения, в 1921 г. указывал А. Г. Шляпников: «Для одних бюрократизм сводится только к канцелярщине, переписке, бумажной волоките. Но это лишь одна сторона бюрократизма, которую легко победить внутренней организацией работы аппарата. Самая опасная сторона бюрократизма заключается в фетишизме аппаратов государственной власти, в их стремлении рассматривать себя в качестве пупа земли, вокруг которого вращаются

¹⁷⁹ *Саква Р.* Коммунизм в России. С. 57.

¹⁸⁰ Подробнее см.: *Карр Э.* История Советской России. С. 157–159.

¹⁸¹ *Саква Р.* Коммунизм в России. С. 63.

¹⁸² См.: *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 193–194. О служащих как носителях бюрократизма см. также: *Пирани С.* Русская революция в отступлении. М., 2003. С. 43.

¹⁸³ *Ленин В. И.* Кризис партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 239.

¹⁸⁴ *Ленин В. И.* О перестройке работы СНК, СТО и Малого СНК : письма А. Д. Цюрупы. Письмо от 24.01.1922 // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 364.

солнце, луна и другие советские планеты. Отсюда, из такого положения, вытекает и формальное отношение к делу, бездумность, ограниченность и прочее зло»¹⁸⁵.

Озабоченность бюрократизацией в партии и государстве можно наблюдать по частоте упоминаний о ней в работах Ленина 1921–1922 г.¹⁸⁶ Показательно, что в основном критика бюрократизма у Ленина касалась первой из отмеченных Шляпниковым сторон. Что делать со второй – понимали плохо. Настоящих средств контроля над усиливавшейся бюрократией, кроме Рабоче-крестьянской инспекции, Ленин так и не сумел предложить. Как логично замечает Краус, в условиях партийного государства Ленин призывал рабочий класс «защитить себя от “своего собственного” государства», но с помощью того же государства. Иначе говоря, рабочие должны были вступить в конфронтацию с государством и одновременно защищать государство и его институты – противоречие, не имеющее диалектического разрешения¹⁸⁷.

Дело еще в том, что в начале 1921 г. угроза бюрократизма стала казаться Ленину менее опасной, чем средства избавления от нее, предлагаемые Шляпниковым и другими членами «рабочей оппозиции». В центре внимания неожиданно оказался вопрос о профсоюзах – проблема, которая в других условиях вполне могла быть снята в рабочем порядке, но в той ситуации она свидетельствовала о глубоком кризисе в партии¹⁸⁸. Деятели «рабочей оппозиции» воспринимали профсоюзы в качестве мостика, который поможет установить связь между партией и рабочей массой. Но это требовало расширения полномочий профсоюзов, что совершенно не устраивало Ленина: «Если профсоюзы, т. е. на 9/10 беспартийные рабочие, назначают (“обязательные кандидатуры”) управление промышленностью, тогда к чему партия?»¹⁸⁹ Кроме того, с учетом накала дискуссии вполне реальной становилась угроза раскола партии. Поэтому, не порывая на словах с антибюрократической риторикой, Ленин формулирует новую задачу, явно отдавая ей предпочтение: «До сих пор нашей платформой было: не надо защищать крайностей бюрократизма, надо исправлять. Борьба с бюрократизмом – долгий и тяжелый труд... Теперь к нашей платформе прибавилось: надо бороться с идейным разбродом и с теми нездоровыми

¹⁸⁵ Цит по: *Гимпельсон Е. Г.* НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000. С. 375.

¹⁸⁶ См.: *Логинов В.* Заветы Ильича. «Сим победиши». М., 2017. С. 186–188, 204–205.

¹⁸⁷ См.: *Краус Т.* Ленин. С. 354, 358, 392.

¹⁸⁸ См.: *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»... С. 38; *Пируни С.* Русская революция в отступлении. С. 101–107.

¹⁸⁹ *Ленин В. И.* Кризис партии. С. 242.

элементами оппозиции, которые договариваются до отречения от всякой “милитаризации хозяйства”, до отречения не только от “метода назначения”, который практиковался до сих пор преимущественно, но и от всякого “назначенства”, т. е. в конце концов от руководящей роли партии по отношению к массе беспартийных. Надо бороться с синдикалистским уклоном, который погубит партию, если не вылететь от него окончательно»¹⁹⁰.

Как известно, следствием такой точки зрения стало запрещение фракционной деятельности в партии под угрозой исключения из нее на X съезде РКП(б) в 1921 г., которое способствовало разрыву между партией и народом и окончательному разрушению демократических механизмов внутри партии¹⁹¹.

Много написано о том, что дополнительным фактором бюрократизации партии стала новая структура ее высших органов (состоявшееся в 1919 г. разделение ЦК на Политбюро, Оргбюро и Секретариат), в конце концов обусловившая утверждение единовластия Сталина¹⁹².

Этому же способствовала привычка к «чрезвычайщине»: окончание Гражданской войны не означало отказ от практики управления в стиле «боевых приказов»¹⁹³. В 1920 г. было принято решение об обязательности трудовых мобилизаций для коммунистов с занесением в черные списки уклоняющихся и исключением их из партии¹⁹⁴. Проведение «кампаний» с активным участием в них коммунистов позволяло решать широкий спектр задач: от чисто партийно-организационных (партийная неделя) до производственных и хозяйственных (например, субботники). Подход к управлению как к деятельности по организации массовых мобилизаций применялся не только в первые годы советской власти, но и в дальнейшем, хотя по отношению к партийному строительству он перестал использоваться уже в середине 1920-х гг.¹⁹⁵

¹⁹⁰ Ленин В. И. Кризис партии. С. 244.

¹⁹¹ По словам Л. Д. Троцкого, «политический режим в государстве был перенесен на внутреннюю жизнь правящей партии» (цит. по: *Paine P.* Россия при большевиках. С. 538).

¹⁹² См., напр.: *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы, 1917–1923. М., 1995; Драма российской истории; *Карр Э.* История Советской России; *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002; *Павлова И. В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»...; *Fainsod M.* How Russia Is Ruled. Cambridge, 1963; и др.

¹⁹³ См.: По вопросам партийного строительства : резолюция X съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 327.

¹⁹⁴ См.: По организационному вопросу : резолюция IX съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 263.

¹⁹⁵ См., напр.: «Безусловно прекратить кампании массовых вербовок в партию как в городе, так и в деревне» (см.: О партийном строительстве : резолюция XIV конференции РКП(б) // КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 365).

В отсутствие Ленина, после публикации в «Правде» в конце 1923 г. статьи Троцкого «Новый курс», где звучала острая критика партийной бюрократии, тема приобрела новое звучание. С подачи Бухарина, позицию которого разделили еще семь членов и кандидатов в члены Политбюро, включая Сталина, разговоры о бюрократизации стали рассматриваться как подрывающие единство партии¹⁹⁶. С этого времени тема партийного бюрократизма прочно ассоциировалась с выступлениями оппозиции, а потому все более мифологизировалась идея чистоты партийных рядов и партийной непогрешимости (при этом бюрократическая рутина в деятельности Советов официально признавалась).

Таким образом, концепция партийной «демократии нового типа» оказалась несостоятельной¹⁹⁷. Она осталась только в пропагандистском дискурсе, перейдя в ритуальную плоскость, как это уже случилось прежде с другими большевистскими идеями.

Партийная чистка 1921 г.

Стремление преодолеть внутрипартийный кризис на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. привело руководство партии к выводу о необходимости масштабной чистки партийных рядов. Это решение выглядело своеобразным компромиссом между Лениным и фракционными группами¹⁹⁸. Идея чистки была заложена в ленинском учении о партии еще в 1903 г.: «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»¹⁹⁹. После «перерегистрации» 1919 г. следующая партийная чистка в масштабах всей РКП(б) была реально проведена во время советско-польской войны (май-июнь 1920 г.) по этническому основаниям (тогда проверяли коммунистов-поляков). Кроме того, в 1920 г. локальные перерегистрации и чистки проводились по инициативе местных комитетов. Чаще всего они носили формальный характер²⁰⁰.

¹⁹⁶ См.: *Логоinov В. Заветы Ильича...* С. 570.

¹⁹⁷ Шейла Фицпатрик обращает внимание на то, что отход от демократии на X съезде гораздо больше волновал демократически настроенных западных историков, чем самих большевиков. Для последних всегда более важными были классовые, а не демократические ценности (см.: *Fitzpatrick Sh. The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in the Early Soviet Years // Slavic Review. 1988. Vol. 47, Nr. 4. P. 605*).

¹⁹⁸ См.: *Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. Генеральная чистка...* С. 122; Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 610.

¹⁹⁹ *Ленин В. И. II съезд РСДРП // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 290.* См. также: *Карр Э. История Советской России.* С. 171.

²⁰⁰ См.: *Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. Генеральная чистка...* С. 121. См. также подробный анализ чистки: *Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»...* С. 106–120.

Если необходимость проведения чистки признавали и Ленин, и оппозиция, то цели ее воспринимались по-разному. Для кого-то это была борьба против бюрократизации и за усиление рабочего влияния, для других – борьба с несогласными²⁰¹. То, что реально реализовывались обе задачи, наглядно видно из перечня основных объектов внимания со стороны проверочных комиссий. Ими стали:

– бывшие члены других партий, вступившие в РКП(б) после октября 1917 г.;

– выходцы из среды чиновников, и до революции находившиеся на государственной службе;

– занимавшие советские должности, связанные с какими-либо привилегиями;

– советские служащие²⁰².

Ригби специально подчеркивает, что чистка не была направлена против антиленинских фракций на X съезде РКП(б): ни один *известный* деятель оппозиции из партии исключен не был²⁰³. Пайпс ограничивается констатацией того факта, что чистка в основном была направлена против тех, кто перешел в РКП(б) из других социалистических партий²⁰⁴, не учитывая, что в конечном счете таковых среди исключенных оказалось менее 5 %²⁰⁵.

Чистка носила формальный характер по отношению к рабочим, трудившимся на производстве, и бывшим красноармейцам из крестьян, занятым в своем хозяйстве с оригинальной мотивировкой, «чтобы таких лиц не затруднять перерегистрацией»²⁰⁶. Другой отличительной чертой чистки стало привлечение к ней беспартийных членов трудовых коллективов.

Начавшись в конце июля 1921 г., кампания фактически завершилась в декабре, хотя отчеты о проделанной работе продолжали поступать в Центрпроверком до весны 1922 г.²⁰⁷ На XI съезде РКП(б) в марте 1922 г. констатировалось, что из 659 тыс. членов партии на момент начала чистки было исключено 142 тыс. и еще 18 тыс. вышли из партии добровольно (всего 24,1 %), т. е. в партии осталось 500 тыс. членов²⁰⁸.

²⁰¹ См.: *Пирани С.* Русская революция в отступлении. С. 169.

²⁰² См.: *Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю.* Генеральная чистка... С. 124.

²⁰³ См.: *Rigby T. H.* Communist Party membership... P. 99. См. также: *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 188.

²⁰⁴ См.: *Пайпс Р.* Большевики у власти. С. 521.

²⁰⁵ См.: *Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю.* Генеральная чистка... С. 143.

²⁰⁶ См.: Там же. С. 124.

²⁰⁷ См.: Там же. С. 146.

²⁰⁸ См.: Протоколы XI съезда РКП(б). М., 1936. С. 50.

На Урале из партии были исключены 13 284 чел., или 22,9 % от всего состава организации²⁰⁹.

Что касается добровольцев, покинувших ряды партии (2,7 %), то среди них, видимо, была большая доля не принявших новую экономическую политику партии. В. Осинский по результатам своей поездки по центральным губерниям России в апреле-мае 1921 г. докладывал, что нэп был «не понят» членами партии²¹⁰. В то же время связывать добровольный выход только с чисткой затруднительно. Саймон Пирани показывает, что выход активных рабочих из партии начался еще до X съезда как реакция на растущие привилегии партийной элиты и бюрократизм и продолжался в дальнейшем²¹¹. Отмечались факты выхода из партии в знак протеста против исключения руководителей. Так произошло в Самарской губернии, где из партии добровольно вышли 35 % коммунистов после роспуска местного оппозиционного обкома²¹².

То, что основным объектом чистки стала интеллигенция, демонстрирует изменившаяся доля рабочих и крестьян: в промышленных районах она выросла с 47 до 53 %, а в сельских – с 31 до 48 %²¹³. Почти 96,0 % «вычищенных» и добровольно вышедших из РКП(б) составили коммунисты, вступившие в нее в 1918–1921 гг., т. е. после того, как она стала правящей. Основными причинами исключения из партии проверочные комиссии обычно называли пассивное поведение (33,8 %), пьянство, карьеризм, шкурничество и буржуазный образ жизни (24,7 %), а также уголовные преступления, заключавшиеся во взяточничестве, вымогательстве и злоупотреблении властью (8,7 %) ²¹⁴. К этому списку следует также добавить активных верующих²¹⁵. 11 % было исключено за «отказ подчиняться партийным директивам». Скорее всего, под этой формулировкой подразумевались оппозиционные настроения²¹⁶.

Интересно, что среди исключенных довольно высока доля ответственных и политических работников – по разным территориям она варьировалась от 30 до 60 % (!)²¹⁷. «За эту неделю исключено уже до

²⁰⁹ См.: Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. С. 29.

²¹⁰ См.: Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 169.

²¹¹ См.: Там же. С. 170–171.

²¹² См.: Rigby T. H. Communist Party membership... P. 100.

²¹³ См.: Драма российской истории. С. 408; Kapp Э. История Советской России. С. 173.

²¹⁴ См.: Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. Генеральная чистка... С. 142.

²¹⁵ См.: Rigby T. H. Communist Party membership... P. 97.

²¹⁶ См.: Ibid. P. 99–100.

²¹⁷ См.: Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. Генеральная чистка... С. 143–144.

Члены комиссии по чистке партии. Екатеринбург, 1921. Из личного архива А. Н. Бычковой (ЦДООСО, ф. 221, оп. 3, д. 812, л. 21)

сорока процентов ответработников и почти такой же процент рядовых членов...»²¹⁸, – говорит герой Ф. Гладкова, причем писатель явно на стороне тех, кого исключили.

О. Г. Назаров упоминает, что исключенные из партии во время чистки вскоре стали браться губернскими органами ГПУ на особый учет²¹⁹.

Результаты чистки в постановлении XI съезда «Об укреплении и новых задачах партии» оценивались как удовлетворительные²²⁰. Одновременно рекомендовалось внести временные изменения в Устав (до XII съезда), затрудняющие вступление в партию не чисто пролетарским элементам. Все претенденты на вступление делились на три категории:

- 1) рабочие и красноармейцы из рабочих и крестьян;
- 2) крестьяне и кустари, не эксплуатирующие чужого труда;
- 3) прочие.

²¹⁸ Гладков Ф. Цемент. Гл. 16 (любое изд.).

²¹⁹ См.: Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. С. 30.

²²⁰ См.: Протоколы XI съезда РКП(б). С. 576.

Для первых двух категорий требовалась рекомендация трех членов партии с трехлетним стажем, для третьей – пяти членов с пятилетним стажем; прием в партию лиц по первой категории утверждался в уюме или райкоме, по второй и третьей – в губкоме. Вводилось правило приема в партию молодежи до 20 лет только через комсомол. Кандидатский стаж для первой категории увеличивался до шести месяцев, второй – до одного года, третьей – до двух лет. Выходцы из других партий проходили по третьей категории²²¹.

Все эти предложения нашли отражение в новом Уставе РКП(б), принятом на XII конференции в августе 1922 г.²²² На следующем, XII, съезде был подтвержден курс на приоритетный прием рабочих – количество рекомендаций для них было уменьшено с одновременным введением моратория до следующего съезда на перевод кандидатов в члены партии для других категорий²²³. В итоге доля рабочих в партии (по дореволюционному роду занятий) в 1921 г. выросла на 3 % и в течение следующих двух лет оставалась неизменной – 44 %. Это дало повод усомниться в эффективности проводимого курса на «рабочение» партии²²⁴.

Еще одним существенным дополнением в Устав (очевидно, под влиянием упомянутого ранее самарского и подобных ему примеров) стали новые требования к секретарям губернских и уездных комитетов. Они должны были иметь дореволюционный стаж членства в партии, а их избрание утверждалось на всероссийском уровне, т. е. фактически их назначали. Эта мера оценивается как поворотная в отношении самостоятельности местных партийных организаций²²⁵.

Проверочные комиссии по итогам проведенной кампании среди прочих недостатков, как правило, указывали на необходимость наведения элементарного учета в партийных рядах²²⁶. Этой цели и должна была послужить начавшаяся вскоре Всероссийская партийная перепись 1922–1924 гг., о которой пойдет речь в этой книге. Примечательно, что решение о проведении переписи было принято ЦК РКП(б) 12 июля 1921 г.²²⁷, т. е. на две недели раньше обращения «Об очистке

²²¹ См.: Протоколы XI съезда РКП(б). С. 577–578.

²²² См.: КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 574.

²²³ См.: Там же. Т. 3. С. 97. Правила приема по трем категориям были подтверждены в Уставе 1926 г. (см.: КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 474–489).

²²⁴ См.: *Rigby T. H.* Communist Party membership... P. 102.

²²⁵ См.: *Пирани С.* Русская революция в отступлении. С. 247; *Истеп Д. М.* Советское государственное строительство... С. 55; *Драма российской истории.* С. 410.

²²⁶ См.: *Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю.* Генеральная чистка... С. 147.

²²⁷ См.: *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. С. 29.

партии», но, по всей вероятности, чистка в тот момент была признана более насущным для партии мероприятием. В ходе чистки намерение навести порядок в учете только укрепилось, поскольку были выявлены вопиющие нарушения. К примеру, в Донском обкоме было зарегистрировано 5 тыс. коммунистов, тогда как в реальности их было 9 тыс. По мнению Ригби, недоучет встречался повсеместно, а его главной причиной была недавняя демобилизация из Красной армии²²⁸.

Не вызывает сомнения, что с помощью чистки достигалась лучшая управляемость партией, а также ее социальная однородность, укрепление внутривнутрипартийной дисциплины и подавление несогласных. Партия становилась более «рабочей» по составу, но это отнюдь не означало, что руководство шире привлекало рядовых членов к управлению. В выступлении на XI съезде РКП(б) Ленин призывал не обольщаться увеличением доли рабочих в партии. При этом он привычно указывал на незрелость рабочих с точки зрения возможности их самостоятельной деятельности: «У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские... Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию... Сплошь да рядом идущие на фабрики – это не пролетарии, а всяческий случайный элемент»²²⁹. Это утверждение подталкивало к далеко идущему для партийных функционеров выводу: «рабочий» теперь не равнялся «пролетарию» как представителю передового класса. Но если рабочим-партийцам не собирались давать в руки реальные нити управления, то это означало, что «орабочение» как результат чистки имело, наряду с подавлением интеллигентской оппозиции, отчетливую пропагандистскую цель, т. е. позволяло партийной верхушке управлять от имени рабочих. Кухарку более никто не собирался учить управлять государством.

«Ленинский призыв» и изменение социального облика партии

Утверждение Ленина о «деклассировании» рабочих в годы Гражданской войны формировало ситуацию неопределенности, поскольку становилось непонятно, кого же следует принимать в партию. Выражая ленинскую позицию, Зиновьев в докладе на XI съезде РКП(б) призывал не гнаться за количественными показателями: «Закроем двери, дадим доступ только тем товарищам, которые несут действительно здоровый дух в партию. Запрет их для остальных. И рабочие это поймут»²³⁰. Однако многими эта линия была воспринята скептически. Они полагали, что при отсутствии

²²⁸ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 97–98.

²²⁹ Протоколы XI съезда РКП(б). С. 40.

²³⁰ Там же. С. 426.

кандидатов из пролетариата депролетаризация продолжится: из партии активно продолжали выходить несогласные с политикой нэпа. В 1923 г. на 25 тыс. исключенных приходилось 15 тыс. выбывших добровольно²³¹. Не менее важно, что коммунисты – выходцы из рабочих – активно переходили от станка в ряды партийной бюрократии, тем более что после чистки в партийной иерархии освободилось много постов. По официальным данным в 1923 г. физическим трудом занимались только 15 % коммунистов-рабочих и 22 % крестьян²³². То, что большинство рабочих после приема в партию перестает быть рабочими, руководством партии хорошо осознавалось. Имела место дилемма: либо оставлять рабочих-коммунистов на заводах, либо пополнять ими партийный аппарат. Более актуальной была признана задача «усиления» аппарата²³³.

Неожиданным было то, что, несмотря на все ограничения, в партию продолжался приток непролетарских групп, причем в основном это были горожане. В условиях нэпа сельские жители предпочитали иметь большую свободу для экономической деятельности²³⁴. Попытки исправить ситуацию и привлечь в партию больше крестьян приходится на 1923 г., в результате чего их количество выросло на 3,1 %²³⁵.

Что касается служащих и интеллигенции, то их доля с 1921 по 1924 г. сократилась только на 3,6 %. Причиной этого явилось то, что данная категория более активно стремилась в партию и менее охотно выходила из нее²³⁶. «Рабочие не особенно любят ходить и собирать подписи. Иное дело попутчики-мещане, которые с удовольствием соберут вам не только пять, как рекомендует т. Зиновьев, а десяток подписей, потому что их цели таковы – прийти в партию»²³⁷, – утверждал делегат Корзинов на XI съезде.

«Официальное» деление коммунистов на представителей рабочего класса, крестьянства и служащих не отражает в полной мере особенностей социальной структуры партии. Чрезвычайно важным для новых членов РКП(б) был опыт Гражданской войны. «Молодые красноармейцы, лишенные какой бы то ни было политической культуры, предшествующей гражданской войне, которая навсегда опре-

²³¹ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 104.

²³² См.: *Ibid.* P. 109.

²³³ См.: *Fitzpatrick Sh. The Bolsheviks' Dilemma...* P. 612. О трудностях перехода от станка на административные должности см.: *Пирани С. Русская революция в отступлении.* С. 188–192.

²³⁴ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 105–106.

²³⁵ См.: *Ibid.* P. 106.

²³⁶ См.: *Ibid.* P. 107–108.

²³⁷ Протоколы XI съезда РКП(б). С. 491.

делила их ментальность, станут незыблемой опорой советского строя в гораздо большей степени, чем рабочий класс, полустребленный все той же гражданской войной»²³⁸ – указывает Гуидо Карпи. «Коммунистов Гражданской войны (вступивших в партию после Октябрьской революции) от старых большевиков, руководивших партией, – пишет Саймон Пирани, – отличал присущий им сверхооптимизм, чрезмерная уверенность в собственной силе изменить мир, основанная на победах 1917–1919 гг.»²³⁹ В силу активной жизненной позиции в этой группе оказалось много тех, кто протестовал против политики нэпа и добровольно покидал партию²⁴⁰. Тема понапрасну пролитой крови доминирует в общественном дискурсе того времени: «Ты не знаешь, что кровь рабочих и красноармейцев... море крови... слышишь? – море крови пролито только для того, чтобы отдать эти площади с невысохшей кровью для базаров и кафешантанов?»²⁴¹

Но многие и остались. Как полагает Джералд Истер, неформальные связи, существовавшие между коммунистами-фронтовиками в условиях слаборазвитых партийных бюрократических структур на местах, способствовали установлению, а затем и поддержанию партийного влияния. Тон в этих процессах задавали бывшие политические комиссары²⁴².

В силу активной политической позиции социальной группы фронтвиков и привычки к самостоятельному принятию решений вопрос об их лояльности центру был неочевиден. С этой точки зрения «ленинский призыв» 1924 г. должен был не только увеличить долю рабочих «от станка», но и сделать партию в целом более управляемой.

В литературе часто обращается внимание на то, что в притоке «новой крови» в партию прежде всего был заинтересован Сталин, но это утверждение грешит телеологизмом, поскольку отталкивается от знания о будущей сталинской диктатуре. Борьба с Троцким, а затем с Зиновьевым после смерти Ленина отвечала интересам тогдашнего партийного большинства, и Сталин, по крайней мере до 1927 г., был лишь одним из его представителей, хотя и очень влиятельным. С другой стороны, последствия чистки 1921 г. и добровольный выход из партии большого количества идейных коммунистов оказались доста-

²³⁸ Карпи Г. История русского марксизма. С. 314.

²³⁹ Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 71. См. также об активной роли «буденновцев» в мирное время: Павлюченко С. А. «Орден меченосцев»... С. 100. Правда, в другом месте Павлюченко пишет о «мутной волне новобранцев, захлестывающей ряды партии правящей» (Там же. С. 107). Об отсутствии контроля за приемом в партию в условиях Гражданской войны см.: Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. С. 27.

²⁴⁰ См.: Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 170.

²⁴¹ Гладков Ф. Цемент. Гл. 16.

²⁴² См.: Истер Д. М. Советское государственное строительство... С. 25, 48.

точно разрушительными для нее. Требовались кадры для растущего партийного аппарата. Рекрутирование этих кадров из реальной рабочей среды, а не по маркеру социального происхождения («генеалогический подход») было призвано обеспечить лояльность новых членов.

Изменение трактовки «пролетарской идентичности» отражало реалии революционной эпохи, когда социальная мобильность была чрезвычайно высокой и вопрос «кем ты был раньше?» был не менее важен, чем вопрос «кто ты есть?» Поскольку мало кто мог похвастаться наличием отца-рабочего, определение реальной социальной принадлежности оборачивалось сложной теоретической проблемой. Большевики поступили просто. В 1917 г. принадлежность к большевизму определялась активным участием в революционном движении, а после классово-окрашенного «красного террора» периода Гражданской войны – «бесклассовой» вовлеченностью в строительство нового общества, у фабричного станка либо в другом месте²⁴³. Именно этот подход и стал доминирующим во время «ленинского призыва» 1924 г.

Считается, что одним из ключевых аргументов в пользу наращивания рабочего ядра в РКП(б) было приписанное Троцкому и использованное сталинским большинством противопоставление пролетариата и интеллигенции²⁴⁴. То, что новая генерация рабочих только формировалась, мало кого смущало. Неискушенность и податливость молодых коммунистов были очень удобны с точки зрения целей внутрипартийной борьбы.

Название «ленинский призыв» парадоксально противоречило курсу Ленина на ограничение приема в партию, которого он придерживался до конца, и задержку с объявлением «призыва» (активная борьба с Троцким началась уже в 1923 г.) можно объяснить тем, что Ленин был еще жив. Смерть его стала удобным предлогом для давно задуманной кампании²⁴⁵.

Наиболее сильным отступлением от ленинских принципов стала либерализация условий приема, сопоставимая с практикой «партийной недели» 1919 г. Единственным реальным ограничителем служил род занятий кандидата. Снова практиковались коллективные заявления, а требование рекомендаций подменялось поддержкой кандидатов на общих собраниях рабочих²⁴⁶. Кампания 1924 г. была сочтена

²⁴³ См.: *Fitzpatrick Sh.* The Bolsheviks' Dilemma... P. 612.

²⁴⁴ См.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И.* Призывы беспартийных... С. 38.

²⁴⁵ См.: *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»... С. 331–333; *Rigby T. H.* Communist Party membership... P. 120.

²⁴⁶ См.: *Rigby T. H.* Communist Party membership... P. 126; *Морозова Т. И., Шишкин В. И.* Призывы беспартийных... С. 39.

успешной, и в первую годовщину смерти Ленина был объявлен новый «ленинский призыв», хотя и с меньшим размахом.

Чтобы оценить масштабы «призывов», необходимо проследить динамику увеличения численности партии. По состоянию на 1924 г. в партии состояло 472 тыс. чел. (350 тыс. членов и 122 тыс. кандидатов). Уже в следующем, 1925 г. общая численность выросла до 801 тыс. чел. (440 тыс. членов и 361 тыс. кандидатов); в 1926 г. – до 1 079 тыс. чел. (639 тыс. членов и 440 тыс. кандидатов). Количество принятых в последующие два года сократилось, но рост численности партии продолжался до 1933 г., когда было зафиксировано более 3,5 млн коммунистов (2 200 тыс. членов и 1 351 тыс. кандидатов)²⁴⁷. Таким образом, мы имеем дело не просто с краткосрочным увеличением численности, но с достаточно долговременным трендом.

Как и прежде, этот рост обеспечивался за счет рабочих, но не по происхождению, а по текущей занятости. По данным текущего учета, если в 1924 г. доля рабочих по происхождению в партии составляла 44 % и только 18,8 % коммунистов были «от станка», то в 1925 г. рабочих по происхождению было уже 56,7 % и 41,3 % коммунистов были рабочими по профессии. В дальнейшем доля рабочих по роду занятий менялась менее значительно, достигнув максимума (46,3 %) в 1930 г.²⁴⁸ В самом «ленинском призыве» доля рабочих «от станка» оценивается в 93,8 %²⁴⁹. Важно заметить, что успех «пролетаризации» 1924 г. в сравнении с предшествующими усилиями определялся не только новыми идеологическими установками, но и общим оживлением экономики в годы нэпа²⁵⁰.

На Урале, где всегда были сильные позиции Троцкого, еще до начала основного «призыва» был проведен «пробный» набор рабочих в партию, давший 5 тыс. новых коммунистов²⁵¹. Что касается основного «призыва», то при общей численности промышленных рабочих в регионе 104 тыс., к ранее вступившим добавилось еще 11 300 кандидатов, или 5,6 % от общего их числа по СССР²⁵². В результате общая численность Уральской организации возросла с 29 586 чел. до 41 938 чел. (членов и кандидатов), ее пролетарский состав (по происхождению) увеличился с 42,1 % до 57,3 %, а процент рабочих «от станка» – с 20,1 % до 39,9 %²⁵³.

²⁴⁷ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 52. Ригби при этом оговаривается, что его данные неточны. О противоречивости доступных данных см.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И. Призывы беспартийных...* С. 40.

²⁴⁸ *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 116.

²⁴⁹ См.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И. Призывы беспартийных...* С. 40.

²⁵⁰ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 117.

²⁵¹ См.: *Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»...* С. 332.

²⁵² Ленинский призыв РКП(б) : сб. М. ; Л., 1925. С. 16.

²⁵³ См.: Там же. С. 152.

Прием в партию новых членов сопровождался новыми чистками, что соответствовало логике внутривнутрипартийной борьбы. В отличие от чистки 1921 г., в ходе «проверок партийных билетов» основной удар наносился по сторонникам Троцкого, а затем – других оппозиционеров, при этом формальные поводы для исключений были разные – от коррупции до бытового пьянства. По официальным данным в 1924 г. было исключено 16 тыс. чел., в 1925 – 20 тыс. чел. и в 1926 – 25 тыс. чел.²⁵⁴ На Урале из состава областной организации были исключены 55 членов партии и 48 вышли по заявлениям – большинство по семейным обстоятельствам, три человека с формулировкой «не желаю быть в РКП(б)», один человек – по религиозным убеждениям²⁵⁵.

Хотя часто отмечают низкий образовательный уровень новых членов партии и их неприспособленность к партийной работе²⁵⁶, данные переписи 1927 г. показывают, что они сумели за короткий срок занять серьезные позиции не только в низовом, но и в среднем звене партийного руководства и в целом хорошо вписались в существующую политическую систему: доля коммунистов с партийным стажем не ранее 1924 г. среди членов волостных партийных комитетов равнялась 52,4 %, уездных – 40,2 %, окружных – 27,2 %, губернских и областных – 22,6 %²⁵⁷. Карьерному росту не мешал даже длительный кандидатский стаж, довольно частый для коммунистов «ленинского призыва»²⁵⁸. Невысоким качеством «призыва» 1924 г. можно объяснить и сдержанность партийного руководства относительно второго и последующих «призывов», и довольно большую интенсивность выбытия из партии его участников – до 16 %²⁵⁹.

По причине быстрого перемещения рабочих-коммунистов в бюрократические структуры результаты «пролетаризации», достигнутые в результате «ленинского призыва», не имели долгосрочного характера²⁶⁰. Проведенная в начале 1927 г. Всесоюзная партийная перепись показала, что только 30 % членов партии были заняты на производстве. Это стало причиной очередной кампании по приему рабочих в партию – так называемой октябрьской недели, организованной в ноябре 1927 г. в ознаменование 10-летия революции. «Неделя» продлилась до января 1928 г., в ходе нее было подано 153,6 тыс.

²⁵⁴ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 127–128.

²⁵⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 354. Л. 58.

²⁵⁶ См., напр.: *Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система...* С. 127–129; *Павлюченков С. А. «Орден мечаосцев»...* С. 334.

²⁵⁷ См.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И. Призывы беспартийных...* С. 40.

²⁵⁸ См.: Там же. С. 41.

²⁵⁹ См.: Там же. С. 41, 42.

²⁶⁰ См.: Там же. С. 42.

заявлений о приеме в партию, из них было принято кандидатами 108,1 тыс. чел., в том числе 8,3 тыс. чел. – в Уральской области²⁶¹. Отличительной чертой рабочего приема в партию в годы нэпа было то, что только 10 % новых членов представляли предприятия с числом работников более 2 тыс.²⁶² Это означало, что «естественная» социальная база большевиков в виде работников крупных предприятий в годы нэпа сокращалась.

Несмотря на то, что результаты «октябрьской недели» были признаны успешными, впредь решено было проводить набор в партию только в индивидуальном порядке. Причина этого заключалась в том, что к концу 1920-х гг. внутривнутрипартийная борьба пошла на спад и утвердившаяся сталинская бюрократия более не нуждалась в массовой поддержке для борьбы с оппозицией.

Были и другие причины. Во-первых, резервы пополнения партии рабочими «от станка» быстро истощались в ходе массовых кампаний; во-вторых, была осознана необходимость привлечения в партию представителей других социальных групп, самой важной из которых было крестьянство. По состоянию на 1925 г. не более 3 % коммунистов были полностью заняты в сельском хозяйстве, а численность комячеек на селе в годы нэпа стремительно падала²⁶³. Поэтому во второй половине 1920-х гг. крестьян стали принимать в партию более охотно²⁶⁴. Кроме крестьян, больше внимания стали уделять приему в партию красноармейцев, комсомольцев, женщин, представителей национальных меньшинств, сельских учителей и т. д. (эти группы частично перекрывались)²⁶⁵.

То, что масштабные мероприятия по приему рабочих в партию так и не позволили выйти на желаемый показатель 50 % пролетарского присутствия, вызывало недоумение у партийного руководства. По одному из объяснений тех лет, после рабочих «призывов» снижался интеллектуальный и общественно-инициативный уровень партячек, который стремились исправить с помощью приема массы служащих²⁶⁶.

Среди мотивов исключения из партии во второй половине 1920-х гг. часто встречались «нарушения партийной этики», «алкоголизм», «непостановка на учет» и «неуплата членских взносов». Как считает Ригби, поскольку накал внутривнутрипартийной борьбы ослабе-

²⁶¹ См.: *Морозова Т. И., Шишкин В. И.* Призывы беспартийных... С. 43.

²⁶² См.: *Rigby T. H.* Communist Party membership... P. 153.

²⁶³ См.: *Ibid.* P. 133–135.

²⁶⁴ Подробнее об этом см.: *Ibid.* P. 136–145.

²⁶⁵ См.: *Ibid.* P. 156.

²⁶⁶ См.: *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»... С. 404.

вал, этим мотивировкам можно доверять. Доля исключенных в 1925–1926 гг. составляла около 5 %. Две последние причины можно считать формой добровольного выхода из партии (около 3 %). Часто также встречалась мотивация выхода «по семейным обстоятельствам» и «по религиозным причинам». 2/3 добровольно вышедших были рабочими, еще 1/3 – крестьянами. Служащие из партии практические не выходили²⁶⁷.

В 1927 г. провели очередную партийную перепись, которая была организована гораздо лучше предыдущей (1922–1924). Фактически перепись проводилась с декабря 1926 до середины 1927 г. Одновременно с переписью проходил обмен партийных билетов, и не прошедшие перепись новых партбилетов не получали. На основании инструкции статотдела ЦК от 12 августа 1925 г.²⁶⁸ в переписи 1927 г. были изменены критерии определения социального статуса коммуниста, что затрудняет сопоставление ее результатов с предшествующей. В соответствии с официальной классификацией члены партии причислялись к одной из четырех групп: «рабочие» (все работники по найму, в том числе в сельском хозяйстве), «крестьяне», «служащие» и «прочие», при этом «основное занятие» («от род труда, который служил главным источником средств существования в течение наиболее продолжительного времени») определялось на момент вступления в партию²⁶⁹. О величине расхождений с предшествующими сведениями можно судить при сравнении итогов переписи с данными текущего партийного учета. Если доля «рабочих» практически не изменилась (55,1 % по текущему учету и 55,7 % по переписи), то крестьян-коммунистов было 27,3 % по текущему учету и только 19,0 % по переписи. Напротив, «служащих» и «прочих» было 17,6 % по текущему учету и 25,3 % по переписи²⁷⁰. Новое разделение на категории было весьма противоречивым и требовало многочисленных разъяснений. Вместе с тем оно выполняло функцию некоего индикатора степени независимости коммуниста по отношению к государству в условиях нэпа²⁷¹. Ожидаемым следствием кампаний по рекрутированию в партию новых членов стало дальнейшее снижение доли «старых большевиков». К 1927 г. их осталось не более 8 тыс. чел.²⁷² (около 0,6 %).

²⁶⁷ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 157–158.

²⁶⁸ См.: *Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»...* С. 398.

²⁶⁹ См.: *Rigby T. H. Communist Party membership...* P. 158–161.

²⁷⁰ См.: *Ibid.* P. 162.

²⁷¹ См.: *Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»...* С. 399.

²⁷² См.: *Верт Н. История Советского государства...* С. 178.

Формальные критерии деления членов партии на социальные группы, утвердившиеся в середине 1920-х гг., отражали процессы постепенной ритуализации партийных практик. В условиях всевластия партийного аппарата мало что зависело от того, сколько в партии рабочих и кого считать таковыми. Процесс формальной социальной кристаллизации затем продолжится – группа «прочих» исчезнет, более не затеняя собой чеканное трехчастное деление советского общества. Гораздо более важной для сталинского руководства ВКП(б)²⁷³ была наконец обретенная лояльность со стороны партийной бюрократии всех уровней.

Низовые партийные организации в 1920-е гг.

Положение местных партийных организаций в 1920-е гг. определялось их отношениями, во-первых, с ЦК, а во-вторых, с другими региональными властными структурами. Если в первом случае имела место тенденция постепенной утраты самостоятельности, то во втором – монополизации властных полномочий.

После достигнутой централизации партийной власти в 1918–1919 гг. возник вопрос о необходимости предоставления большей автономии местным Советам и партийным комитетам низового уровня. Эту линию осенью 1920 г. выражала группа «демократических централистов» («децистов»), причем «партийная» дискуссия велась одновременно с «профсоюзной». Обсуждались вопросы свободы слова внутри партии, права партийных ячеек, функции комитетов и роль руководства²⁷⁴. Как говорилось ранее, на IX съезде РКП(б) Ленин озвучил свое новое представление о «демократическом централизме», в соответствии с которым возможность влияния представителей партийных «низов» на «верхи» ограничивалась их участием в выборах. Параллельно легитимировались принципы единоначалия (вместо прежней коллегиальности) и «назначенства». Эта линия стала официальной после X съезда в 1921 г., тем самым вопрос о низовой партийной демократии по существу снимался. С 1922 г. партийные конференции и отчетность ЦК перед местными парткомами стали проводиться реже (раз в полгода вместо раза в три месяца и раз в два месяца вместо ежемесячной отчетности соответственно)²⁷⁵.

Вместе с тем утверждение партийной вертикали власти предсказуемо усилило позиции местных партийных комитетов в их взаимоотношениях с Советами. Как считает Фицпатрик, если по окончании

²⁷³ Новое название было принято в декабре 1925 г. на XIV съезде партии.

²⁷⁴ См.: *Саква Р.* Коммунизм в России. С. 56.

²⁷⁵ Ср.: Восьмая конференция РКП(б). С. 195–196; КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 510.

Гражданской войны центральный партийный аппарат уступал разросшемуся советскому, то на местах насаждавшаяся ЦК партийная политическая линия имела намного больше шансов на проведение в жизнь, чем масса указов и требований, спускавшихся центральным правительством в Советы, не склонные к сотрудничеству и нередко пребывавшие в состоянии хаоса. В отличие от деятелей Советов партийные секретари легко могли быть заменены по приказу центра²⁷⁶. Важно и то, что партийные организации на местах, обычно возглавлявшиеся профессиональными революционерами, были изначально склонны к единоначалию и «назначенству» в силу привычки к партийной дисциплине²⁷⁷. Обратной стороной этих практик была неизбежная бюрократизация местного партаппарата в отсутствие контроля «снизу».

Еще в годы Гражданской войны создавалась региональная партийная структура как основа стратегии для организации подпольных комитетов, которая слабо соотносилась с существовавшим административно-территориальным устройством. Весной 1920 г. были созданы областные партийные бюро для Сибири, Закавказья и Урала, а затем и для других регионов. Их создание по особому постановлению ЦК и отсутствие ревизионной комиссии при них были закреплены в Уставе 1922 г.²⁷⁸

Эти бюро управлялись центральными органами партии и действовали от имени ЦК. Областные бюро координировали политическую и экономическую деятельность отдельных губерний в пределах их юрисдикции, распространяли информацию и, не будучи официальной властью, по мере необходимости вмешивались в деятельность местных управленцев. Кроме того, облбюро отвечали за создание партийных организаций там, где их не было²⁷⁹. В октябре 1920 г. на Всероссийском совещании представителей губкомов с целью унификации партийных комитетов на местах была подтверждена необходимость единообразного устройства как самих партийных комитетов, так и их секретариатов. Партийные комитеты отныне должны были строиться в соответствии с инструкцией ЦК «О конструкции комитетов РКП(б)»²⁸⁰. В сентябре 1921 г. специальным заявлением ЦК

²⁷⁶ См.: *Фицпатрик Ш.* Русская революция. С. 166.

²⁷⁷ См.: Там же. С. 193.

²⁷⁸ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 577–578.

²⁷⁹ См.: *Петухова Н. Е.* Создание областных бюро // *Вопр. истории КПСС.* 1965. № 4. С. 74–81; *Истер Дж.* Советское государственное строительство... С. 96. См. также: *Воробьев С. В.* Уралбюро ЦК РКП(б) в системе власти: позиция региональных партийных руководителей // *История науки и техники в современной системе знаний : Шестая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники, 8 февраля 2016.* Екатеринбург, 2016. С. 310–315.

²⁸⁰ Драма российской истории. С. 409. См. также: *Павлова И. В.* Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы // *Вопр. истории.* 1998. № 11–12. С. 52.

подтвердил необходимость подчинения местных партийных организаций областным бюро²⁸¹.

Одновременно ЦК не оставлял своим вниманием губернские комитеты. Начиная с XII съезда (апрель 1923 г.) местные делегаты избирались по спискам с единственным кандидатом по указанию соответствующих губкомов, безусловно, зависевших от генерального секретаря²⁸². Подчеркивая статус губкомов, в докладе на съезде Сталин называл их основной опорой и Советов, и партии²⁸³. Умелое использование Сталиным новобранцев «ленинского призыва» проявилось в том, что коммунистические ячейки на рабочих местах вовлекались в экономическое руководство предприятием. Возникавшая при этом «критика снизу» направлялась не на ЦК, а на низовой партийный уровень²⁸⁴.

В результате административно-территориальной реформы 1925–1929 гг. система местных партийных организаций была приведена в соответствие с новым административным делением и вместо областных бюро создавались республиканские, краевые и областные комитеты партии.

Как полагает Джералд Истер, в первое время между центральными и местными партийными управленцами существовали мировоззренческие разногласия: во время революции в центре обосновались теоретики-«интеллигенты», а на местах – практики-«комитетчики». Со времен подполья «комитетчики» презирали «эмигрантов», считая, что они только жиреют и занимаются интригами²⁸⁵. В первые годы режима ни одна внутривнутрипартийная группа не играла в региональной администрации ведущую роль. После Гражданской войны среди местных руководителей оказалось немало молодых и довольно самостоятельных коммунистов, выдвинувшихся в годы войны²⁸⁶. После того как в 1922 г. генеральным секретарем партии был избран «комитетчик» Сталин, в новом Уставе появилось требование дореволюционного партийного стажа для секретарей губернских и уездных комитетов с утверждением их избрания в центре (о чем упоминалось ранее). Это привело к масштабной ротации: в марте 1923 г. было сменено 37 секретарей провинциальных партийных комитетов, а еще 42 переведено на другую работу. К 1924 г.

²⁸¹ См.: *Истер Дж.* Советское государственное строительство... С. 99.

²⁸² См.: *Карпи Г.* История русского марксизма. С. 315.

²⁸³ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года : стеногр. отчет. М., 1968. С. 65.

²⁸⁴ См.: *Карпи Г.* История русского марксизма. С. 315.

²⁸⁵ См.: *Истер Дж.* Советское государственное строительство... С. 52–53.

²⁸⁶ Из 101 секретаря губкома по состоянию на 1922 г. 35 вступили в партию в период между мартом 1917 и декабрем 1919 г. (см.: *Пирано С.* Российская революция в отступлении. С. 249).

дореволюционные «комитетчики» составляли 71 % всех партийных секретарей, а в 1927 г. – 78 %²⁸⁷. Вертикально они были ориентированы на Сталина и довольно долго пользовались определенной свободой в подборе кадров, что позволяло им выстраивать горизонтальные связи. Альянс между Сталиным и местными руководителями существовал во время внутрипартийной борьбы 1920-х гг., а затем стали возникать противоречия по поводу принципов разделения власти между центром и регионами. В ходе репрессий 1930-х гг. произошла очередная ротация местных элит, доля большевиков с дореволюционным стажем в них существенно уменьшилась, а сталинская управленческая вертикаль приобрела законченный вид²⁸⁸.

Усилению контроля центра над местными партийными организациями способствовал новый порядок назначения на партийные посты, установленный в 1926 г. Из 25 тыс. общего количества партийных должностей 5 500 самых важных назначались непосредственно организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б). Претенденты на остальные должности рекомендовались райкомами и обкомами, имевшими собственную номенклатуру. На этом уровне выборность теоретически сохранялась. К концу 1930-х гг. ЦК закончил работу по составлению досье на всех коммунистов, что означало завершение формирования номенклатурной системы²⁸⁹. Во второй половине 1920-х гг. продолжилось свертывание партийной демократии. С 1927 г. стало возможным созывать съезд раз в два года²⁹⁰ (ранее – ежегодно), с 1934 г. – раз в три года²⁹¹. Это привело к возрастанию роли ЦК и его пленумов, собирающихся не реже одного раза в три месяца²⁹².

Особый статус партии в обществе поддерживался строгой системой конспирирования всей партийной деятельности, установившейся еще в 1921 г. Вся информация с мест концентрировалась в Бюро секретариата ЦК, ведавшем секретным делопроизводством партийных органов²⁹³.

²⁸⁷ См.: *Истер Дж.* Советское государственное строительство... С. 55. Параллельно велось наступление на «старую гвардию» – тяготевших к «интеллигентам» дореволюционных ветеранов. См.: *Пирани С.* Российская революция в отступлении. С. 249.

²⁸⁸ См.: *Истер Дж.* Советское государственное строительство... С. 57.

²⁸⁹ См.: *Верт Н.* История Советского государства... С. 180.

²⁹⁰ По отдельным организационным вопросам : резолюция XV съезда ВКП(б) // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 4. С. 314.

²⁹¹ См.: Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 138.

²⁹² См.: По отдельным организационным вопросам. С. 314.

²⁹³ См.: Драма российской истории. С. 413.

Что касается вопроса установления контроля партии над Советами, то он тоже окончательно решился еще в начале 1920-х гг. Сначала управление в Советах перешло к исполкомам, затем к президиумам исполкомов, а сами президиумы исполкомов попали в полное подчинение к партийным комитетам. Ленин рассматривал этот процесс как закономерный, и в 1921 г. писал: «...Как правящая партия мы не могли не сливать с “верхами” партийными “верхи” советские – они у нас слиты и будут таковыми»²⁹⁴. Несмотря на иногда звучащие предостережения, что решение партийными органами вопросов, относящихся к компетенции советских органов, дискредитирует советскую власть как систему²⁹⁵, в дальнейшем ситуация не изменилась.

* * *

Итак, за четверть века большевики проделали большой путь от небольшой кружковой революционной партии к единственной реальной правящей силе на 1/6 части суши. Следует признать, что произошло это не в силу следования марксистским рецептам, но, скорее, вопреки им. В той же мере, в какой тактические меры Ленина и его соратников приближали российских большевиков к завоеванию политической власти и способствовали ее удержанию, эти же меры неминуемо делали связь русских революционеров с Марксом все более формальной и ритуальной. Цели обеспечения единовластия партии в обществе и единства внутри нее выхолостили первоначально довольно привлекательные лозунги равенства и справедливости. Партия превратилась в бюрократически детерминированный, огражденный от любой критики извне институт, идеально приспособленный для установления личной диктатуры.

²⁹⁴ Там же. С. 411; *Ленин В. И.* X съезд РКП(б). 8–16 марта 1921 г. : отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 15.

²⁹⁵ См.: *Пирани С.* Российская революция в отступлении. С. 248.

ГЛАВА 2

ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ ЧЛЕНОВ РКП(б) 1922 И 1924 гг.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

«...Чиновность
в мозгах
паутину не свила?
Скажите –
цела?
Скажите –
едина?
Готова ли
к бою
партийная сила?..»
Маяковский В. Хорошо. Октябрьская поэма¹

2.1. Проведение партийной переписи 1922 г.

Исторический источник является фундаментом любого исторического исследования, носителем фактов о прошлом. Из этих фактов историк, как из кирпичиков, складывает картину минувших событий и явлений, дает им оценку и делает выводы. Поэтому на исследователе лежит ответственность за правдивость и правильность освещения реконструируемой им эпохи, явлений и процессов и, что важнее всего, определения места и роли в них конкретного исторического персонажа (коллективного или индивидуального). В связи с этим «всякому введению в научный оборот новых фактов должен обязательно предшествовать (или его сопровождать) источниковедческий анализ документов, из которых они взяты»². Таким образом, этап источниковедческой критики – важный и необходимый элемент профессионального исторического исследования.

Источниковедческий анализ исторических документов включает в себя внешнюю и внутреннюю критику. Внешняя критика направлена на рассмотрение вопросов, связанных с происхождением источника³. В рамках их изучения анализируются исторические условия его

¹ *Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 321.

² Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994. С. 269–270.

³ См.: *Варишавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика. Киев, 1984. С. 249.

возникновения, выясняются причины и обстоятельств его создания, выявляется авторство источника. Эти факторы в наибольшей степени влияют на такие свойства исторического источника, как достоверность и полнота.

Как совершенно справедливо отмечает О. М. Медушевская: «Главная проблема, стоящая перед историком, – проблема достоверности»⁴. В источниковедческой литературе под достоверностью понимается «способность собранной информации верно отражать историческую действительность, охватывать особенности социальных явлений и процессов...»⁵ При этом необходимо учитывать, что любой письменный источник несет на себе налет субъективности, так как является продуктом человеческой деятельности, созданным с определенной целью в определенных условиях. Поэтому другое устоявшееся определение достоверности в отечественной исторической науке, учитывающее фактор субъективности, звучит следующим образом: «Достоверность... следует понимать как необходимую и достаточную степень соответствия между явлением и его описанием в источнике»⁶. В связи с этим целесообразнее говорить о «степени достоверности» источника, чем о его полной достоверности или полной недостоверности.

Иными словами, необходимо установить, насколько правдивы и адекватны материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. и насколько можно доверять представленным в них сведениям о численности и качественном составе РКП(б).

Всероссийская партийная перепись официально началась с 1 января 1922 г. Ее планировали провести в течение двух недель, но завершить удалось только к лету 1922 г., а на некоторых территориях (Якутия, Дальний Восток и др.) она продолжалась до 1923 г.⁷ В 1924 г. была проведена дополнительная перепись вновь принятых членов РКП(б), преимущественно вступивших в партию по «ленинскому призыву». Таким образом, перепись представляет собой весьма динамический источник, включающий две волны регистрации членов партии и отражающий в полной мере движение партийного состава, в том числе

⁴ Медушевская О. М. Историк и источники // *Вопр. истории*. 1972. № 4. С. 195.

⁵ Федорова Н. А. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: анализ статистической информации // *О подлинности и достоверности исторического источника*. Казань, 1991. С. 122; см. также: *Славко Т. И., Русина Ю. А.* Источниковедение отечественной истории советского периода. Екатеринбург, 1995. С. 9–10.

⁶ Каиштанов С. М. О подлинности и достоверности актовых источников // *О подлинности и достоверности исторического источника*. С. 24.

⁷ Общий организационный план переписи членов РКП с учетом комячеек и парткомов // *Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. М., 1921*. С. 4. См. также: *Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1922*. Вып. 1. С. 3; *Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М., 1922*. Вып. 2. С. 1.

позволяющий выделить «входящие», «исходящие» потоки, а также основной состав – ядро партийной организации по состоянию на 1922 и 1924 гг.

Проведение Всероссийской переписи членов РКП(б) в 1922 г. было обусловлено рядом причин. Во время Гражданской войны, когда все внимание руководителей партии и государства уделялось борьбе с внутренними и внешними противниками за сохранение политической власти в стране, вопросы внутривнутрипартийного строительства отходили на второй план. Но одновременно решались задачи установления контроля со стороны партии над органами власти, общественными организациями, учреждениями и предприятиями. Наиболее очевидный шаг в этом направлении был связан с расширением рядов партии и превращением ее в массовую политическую организацию – проводника решений партии и советского правительства. Эта задача решалась через проведение массовых наборов в партию новых членов из числа рабочих и крестьян (партийных недель). Вплоть до 1924 г. в партийной лексике сохранялось слово «вербовка»⁸, точно характеризующее этот процесс расширения рядов партии. В итоге точной информации о количественном и социальном составе РКП(б) как на всероссийском, так и на местном уровне не было, что в новых условиях мирного времени затрудняло реализацию задач партийного руководства.

В послевоенный период на первый план выходит проблема управления страной, а следовательно, и вопрос о руководящих кадрах, рекрутируемых преимущественно из членов партии. К 1920 г. в руководстве партии вполне сформировалась идея о том, что диктатура пролетариата – это диктатура партии⁹. По этому поводу в ноябре 1920 г. В. И. Ленин писал: «...Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все направляет, назначает и строит по одному принципу...»¹⁰ На XI съезде РКП(б) в марте 1922 г., когда партийная перепись уже шла полным ходом, один из вождей партийного «триумвирата» – Г. Е. Зиновьев – в докладе «Об укреплении партии» заявил: «Наша партия есть партия, руководящая государством <...>, наша партия единственная легальная партия в стране»¹¹.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 85. Л. 175.

⁹ См.: Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). М., 1997. С. 12.

¹⁰ Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 403.

¹¹ Зиновьев Г. Е. Об укреплении партии // XI съезд РКП (б) : протоколы. М., 1936. С. 402.

Такая политическая установка высшего партийного руководства на руководящую роль партии находила практическое воплощение в деятельности партийных организаций на местах. «Известия ЦК РКП(б)», проанализировав работу губкомов за период с X съезда партии (март 1921 г.) по сентябрь 1922 г., пришли к выводу о том, что «поскольку внимание партии фиксируется на вопросах советской жизни, а также профессиональной, кооперативной, Красной Армии, женотделов и комсомолов, ей приходится выступать также не столько в роли идейного руководителя, сколько в роли организатора»¹². Подобное притязание на особую роль партии в государстве и обществе логически приводило к необходимости назначения на все ответственные посты в государственных, советских, профсоюзных структурах различных уровней членов РКП(б), для чего было необходимо иметь ясное и четкое представление о ее кадровом потенциале. А такого представления партийное руководство как раз и не имело. На XI съезде партии председатель мандатной комиссии Н. А. Кубяк отмечал: «Решающие голоса представляют в данный момент нашу партию в количестве 532 тысяч. Но это количество весьма сомнительно <...>. Ни по данным чистки, ни в аппарате Центрального комитета, ни по сведениям делегаций установить точно численность партии не удалось и не удастся»¹³. Это предположение подтвердили результаты переписи. Она выявила преувеличение численности коммунистов текущей статистикой более чем на 1/4 (148 тыс. человек)¹⁴.

Отсутствие достоверной информации было обусловлено слабой системой учета в партии, так как большинство партийных организаций все еще находились в состоянии организационного строительства. Организационный отдел ЦК осенью 1921 г. отмечал: «Мы все еще на 4-й год своего открытого существования в качестве правящей партии организуемся»¹⁵. Решение о создании учетно-распределительных отделов губкомов, ответственных за ведение партийного учета и предоставление информации в ЦК партии, было принято только в 1920 г.¹⁶ В связи с этим в функциональном отношении данные структурные подразделения являлись наиболее слабыми из всех отделов, в некоторых губкомах подобные отделы вообще отсутствовали. Особенно плохо учет коммунистов был организован в автономных наци-

¹² Известия ЦК РКП(б). 1922. № 1. С. 62.

¹³ XI съезд РКП(б) : стеногр. отчет. Март–апрель 1922 г. М., 1936. С. 386.

¹⁴ Литвак К. Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // Вопр. истории КПСС. 1991. № 2. С. 80.

¹⁵ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 1. С. 51.

¹⁶ См.: В. И. Ленин и строительство партии в первые годы Советской власти. М., 1965. С. 114.

ональных областях¹⁷. Другим показателем слабости и неразвитости организационной структуры партии стало отсутствие четкого разделения функций между различными отделами губкомов.

Показательным в этом отношении явилось совещание заведующих учетно-статистическими подотделами 12 губкомов, проведенное в учетно-распределительном отделе ЦК РКП(б) 16–18 декабря 1921 г. Совещание приняло резолюцию о неудовлетворительном состоянии учета коммунистов даже на уровне губернских партийных организаций, не говоря уже об уездных. Было отмечено, что в некоторых губкомах «учет ответственных работников и вообще качественный учет наход[я]тся в состоянии развала»¹⁸. Такая ситуация была вызвана, во-первых, отсутствием единой системы учета, в результате учетные функции брали на себя зачастую другие подразделения губкома (например, орготдел); во-вторых, отсутствием общего порядка назначения на должности, при котором обязательно бы учитывалась информация на членов партии, имеющаяся в учетно-статистическом подотделе. В итоге «распределение работников производит бюро губкома или орготдел без связи с учетом»¹⁹. На совещании была высказана радикальная точка зрения о том, что учет членов партии вообще не нужен: «При распределении нет надобности в специальной технике, так как все знают друг друга, и прибегать в разных случаях к материалам не приходится»²⁰. Участники совещания не согласились с таким подходом и высказались за укрепление статистики и учета, отметив, что «функции и задачи учтата должны быть ясно определены»²¹.

Следовательно, можно говорить о том, что основной причиной проведения переписи была потребность высшего руководства в получении достоверной, объективной и всесторонней информации о состоянии партии, ее социальном составе. Предполагалось, что организационные и финансовые затраты на проведение данного мероприятия окупятся «получением таких сведений о составе партии, какими партия до сих пор совершенно не обладает»²².

Другой причиной проведения партийной переписи являлось стремление центрального партийного аппарата наладить полноценный, строгий текущий статистический учет коммунистов, поставить под свой контроль социальные процессы, происходящие в партии, иметь возможность эффективно управлять этими процессами, от-

¹⁷ См.: В. И. Ленин и строительство партии в первые годы Советской власти. С. 114.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 11. Л. 5.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1. С. 3.

слеживать тенденции, развивающиеся в партийном строительстве и вовремя на них реагировать. На основании отрывочных и неполных статистических сведений решить эти задачи было невозможно, нужен был постоянно действующий информационный канал. Первым шагом в направлении его создания стала партийная перепись 1922 г.

На уже упоминавшемся нами совещании заведующих учетно-статистическими подотделами губкомов один из руководителей учраспредотдела ЦК РКП(б), В. В. Бустрем, анализируя состояние и уровень партийного учета, указывал на отсутствие единых способов и методов учета, в результате чего использовать информацию было невозможно²³. Большие надежды в этом смысле сотрудики центральных партийных учреждений возлагали на предстоящую партийную перепись, которая должна была стать «основой, фундаментом учета» и текущей регистрации коммунистов²⁴.

Ранее ЦК РКП(б) предпринимал ряд попыток создания полноценной базы статистического учета членов партии, но в силу различных обстоятельств – организационных, институциональных, финансовых – они не достигли поставленной цели. Так, перепись членов партии в 1920 г. закончилась неудачей. Она «затянулась, не была доведена до конца, поступающий в центр материал отличался большими дефектами, да и такой материал поступил приблизительно из половины губерний»²⁵. Неудовлетворительное качество переписи, по мнению статотдела ЦК, было обусловлено ее сочетанием с перерегистрацией членов РКП(б), а также слабой подготовкой переписных мероприятий («места не были достаточно структурированы») и отсутствием опытного персонала²⁶.

Однако этот опыт не пропал даром и был использован при организации партийной переписи 1922 г. Она стала основой системы текущей регистрации коммунистов и вновь вступающих в партию. Механизм проведения переписи и переписные бланки (особенно личный бланк «А») стали в дальнейшем образцами для организации строгого систематического учета членов РКП(б). После завершения переписи на большей территории страны в губернские и областные партийные комитеты летом 1922 г. было разослано циркулярное письмо № 53 за подписью секретаря ЦК В. М. Молотова и заместителя заведующего статотделом ЦК Е. Г. Смиттен, в котором губкомы и парткомы обязывались ежемесячно высылать в ЦК личные листки «А» на всех переведенных из кандидатов в члены партии, а также на

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 11. Л. 8.

²⁴ Там же.

²⁵ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1. С. 4.

²⁶ Отчет о работе статистического отдела в 1921 году // Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3. С. 53.

лиц, выбывших из партии (по собственному желанию или исключенных). На бланке «А» необходимо было указать время выхода из партии, причины ухода или мотивы исключения²⁷. Данная процедура должна была стать надежным каналом поступления статистической информации, создать условия для «постоянного наблюдения со стороны ЦК за изменениями в личном составе РКП и контроля над проведением в жизнь постановления XI-го партсъезда о приеме новых членов в партию»²⁸.

Новая система партийного учета вводилась официально с августа 1922 г. Последующие события показали, что ожидания центрального руководства по поводу способности и готовности местных парт-организаций предоставлять полноценную информацию в Москву в установленные сроки оказались неоправданными, так как последние в силу удручающего состояния их подразделений, отвечавших за учет и статистику, выполнить это указание были просто не в состоянии. Так, например, в отчете Уралбюро ЦК РКП(б), которое курировало деятельность пяти губкомов (Екатеринбургского, Пермского, Челябинского, Тюменского и Уфимского) за август 1922 г. отмечался низкий уровень учетно-статистического учета в губкомах. «Объясняется это тем, что учеты губкомов и укомов... все еще находятся в стадии организации. Слабые аппараты на местах еще не могут надлежаще справиться с возложенными на них задачами»²⁹. Но все же усилия центра давали положительный результат. Постепенно, с трудом, но обратная связь между центральным партийным аппаратом и периферией устанавливалась.

В качестве еще одной причины проведения партийной переписи следует указать причину идеологического (доктринального) характера – стремление партийных вождей сохранить пролетарскую сущность партии, ее пролетарское ядро. Поэтому данное мероприятие необходимо рассматривать в политическом контексте того времени. Как отмечают исследователи, «на всем протяжении 20-х годов прослеживается почти параноидальная боязнь “мелкобуржуазного заражения”, тревога за “чистоту рядов рабочего класса”, постоянные призывы к перегруппировке сил, борьбе с капиталистическим элементом...»³⁰. В этот период деятели высшего партийного руководства много говорили о «засорении» партии мелкобуржуазными и «полуинтеллигентскими» элементами. В своем выступлении на X съезде партии Н. И. Бухарин указывал на то, что «мелкобуржуазная стихия прохо-

²⁷ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 469. Л. 150.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Д. 473. Л. 31.

³⁰ Соколов А. К. Политическая система и нэп // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 57.

дит через пролетариат. В этом заключается основная опасность»³¹. Руководители партии отмечали, что люди непролетарского происхождения, да к тому же не имеющие революционного прошлого, в значительном количестве проникают в партию, начинают занимать в ней ответственные должности различных уровней.

Этот процесс инфильтрации в партию «социально чуждых элементов» имел в своей основе объективные предпосылки. Монополия Коммунистической партии (большевиков) на политическую власть в стране, с одной стороны, и высокая социальная мобильность общества, свойственная любой революционной эпохе, с другой, привели к тому, что в партию активно устремились представители тех непролетарских слоев общества, «которые при иных условиях находились бы не в рядах коммунистической партии»³². При старом режиме в условиях достаточно жесткой сословной системы они не могли и мечтать о такой карьере. Сейчас же у них появился реальный шанс войти в новый партийно-государственный аппарат и таким образом повысить свой социальный статус, успешно интегрироваться в новую общественно-политическую систему.

Ключевой момент состоит в том, что начало 1920-х гг. – это период зарождения советской партийно-государственной номенклатуры, которая формировалась как за счет представителей старой партийной гвардии, так и, в большей степени, из коммунистов «второй волны», вступивших в партию после Октябрьской революции. Поэтому одной из задач партийной переписи было получение возможно более полных данных относительно руководящих («ответственных») работников.

Руководитель Статбюро ЦК Г. С. Струмилин отмечал, что предстоящая перепись должна была ответить на такие вопросы, как «распределение партработников по занятиям, об их революционном стаже, военной подготовке, степени удовлетворения их духовных запросов»³³. Понятно, что главной целью являлось выяснение социального происхождения, революционного и партийного опыта руководящих партийных и советских кадров.

Ответственные работники стали объектом внимания партийного руководства еще раньше. Летом 1921 г. по инициативе ЦК РКП(б) была проведена общероссийская перепись ответственных работников всех уровней. Данные этой переписи так же, как позднее и материалы партийной переписи 1922 г., были немедленно востребованы в практической деятельности центральных органов партии. Материа-

³¹ Бухарин Н. И. О партийном строительстве // Десятый съезд РКП(б) : стеногр. отчет. М., 1963. С. 221.

³² Лацис О. Перелом. Сталин против Ленина // Суровая драма народа. М., 1989. С. 144.

³³ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1. С. 3.

лы переписей стали базой для организации персонального учета ответственных работников, были использованы в качестве инструмента при формировании партийно-государственной номенклатуры³⁴.

Если до X съезда РКП(б) задачи соблюдения баланса классовых сил в партии и сохранения ее пролетарского ядра занимали одно из центральных мест в теории и практике партийного строительства, то с введением нэпа они приобрели еще большую актуальность и остроту. Партийное руководство стремилось нивелировать негативное влияние нэпа на социальную структуру партии, свести его к минимуму различными способами, в том числе и проведением «чисток» партийных рядов от буржуазных элементов и идейно разложившихся под влиянием новой социально-экономической обстановки коммунистов. В русле этой политики было решение, принятое после X съезда РКП(б), о проведении очередной партийной «чистки», которая началась в августе 1921 г. В обращении ЦК «Об очистке партии» говорилось, что для успешного строительства социализма необходимо, «чтобы наша партия более чем когда бы то ни было была вылита из одного куска»³⁵. Эта «перетряска» партийных рядов приобрела широкий размах, процесс «чистки» затянулся на многие месяцы и не был закончен к началу партийной переписи 1922 г.

Необходимо отметить, что партийная перепись 1922 г. также несла в себе элемент «чистки». После окончания переписи планировался обмен партийных билетов на единые билеты нового образца 1922 г. Он выдавался коммунисту только при наличии заполненного личного переписного бланка «А». Таким образом, «каждый член партии, заинтересованный в получении партбилета, не мог уклониться от переписи»³⁶. Коммунист, не прошедший перепись, автоматически выбывал из партии. Расчет делался на то, что те люди, которые не захотят больше находиться в рядах РКП(б) или по каким-либо причинам побоятся заполнять анкету, просто не явятся на перепись. В результате всех этих мероприятий в партии к началу 1923 г. осталось 373 тыс. человек против 700 тыс. в марте 1921 г. (к X съезду РКП(б))³⁷.

При анализе причин переписи нельзя не учитывать влияние внешнеполитического фактора. С победой Октябрьской революции

³⁴ Долгое время считалось, что первичные материалы переписи ответственных работников 1921 г. утеряны и в архивах не сохранились. Только в 1990-е гг. выяснилось, что они были рассредоточены по личным делам номенклатурных работников. См.: Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. С. 262–263.

³⁵ Цит. по: История КПСС / под ред. П. Н. Поспелова. М., 1970. Т. 4, кн. 1. С. 85.

³⁶ Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. С. 4.

³⁷ *Лацис О.* Перелом. С. 148.

Советская Россия взяла на себя роль центра «мирового революционного процесса». Согласно с тезисом марксизма о невозможности победы социализма в отдельно взятой стране лидеры социализма считали Россию «первой ласточкой» в грядущей пролетарской войне против мирового капитализма. С другой стороны, она находилась на положении «осажденной крепости», окруженной враждебным капиталистическим миром. Как писал В. И. Ленин: «...все события мировой политики сосредоточиваются вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики...»³⁸ Интервенция западных держав в период Гражданской войны воспринималась как проявление этой политики и руководители большевиков не исключали новые попытки нападения. Неизбежность вооруженной борьбы с буржуазным миром была очевидной для высшего партийно-государственного руководства, и к ней надо было готовиться³⁹. Важно было использовать мирную передышку для того, чтобы «уделить значительную долю внимания и сил на укрепление и качественное улучшение Красной Армии, с одной стороны, и приведение в боевую готовность нашего партийного аппарата, с другой»⁴⁰. Для этого также необходимо было провести учет партийных сил, «выражаясь образно, знать счет бойцам», а также выяснить их качественные параметры «вообще и особенно тщательно командного состава, т. е. ответственных работников»⁴¹. (Сравнение партии с военной организацией – метафора, вполне соответствующая революционному духу того времени.)

В связи с этим Оргбюро ЦК приняло решение в ходе партийной переписи провести регистрацию коммунистов, демобилизованных из Красной армии. Порядок и форма учета были обсуждены и согласованы с ПУРом и Центральным военно-статистическим отделом РВСР⁴². Таким образом, ставилась задача учета членов партии, «знакомых со строительством Красной Армии и когда-либо работавших в ней»⁴³. Для получения данной информации в личный переписной бланк «А» были внесены соответствующие вопросы, а также подготовлена учетная карточка демобилизованного коммуниста (форма 1/м). Материалы данного учета были использованы «для составления мобилизацион-

³⁸ Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического интернационала // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 163.

³⁹ Белоусова З. С., Наджафаров Д. Г. Вызов капитализму: советский фактор в мировой политике // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 59.

⁴⁰ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 470. Л. 81.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 11. Л. 5.

⁴² Там же. С. 5.

⁴³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 470. Л. 81.

ного плана <...> партии в случае возникновения войны»⁴⁴. Параллельно агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) планировал осуществить перепись партийных лекторов и пропагандистов⁴⁵.

Таким образом, Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. предусматривала учет:

- 1) всех членов партии, для чего на каждого коммуниста заполнялась анкета (бланк «А»);
- 2) партийных ячеек (бланк «Б»);
- 3) партийных комитетов (бланк «В»)⁴⁶;
- 4) коммунистов, демобилизованных из рядов Красной армии;
- 5) партийных лекторов и пропагандистов.

Таковы объективные причины, обусловившие проведение партийной переписи. Но помимо объективных существовала субъективная причина – внутрипартийная борьба за власть. Подготовка и проведение партийной переписи пришлось на период болезни В. И. Ленина и его пока еще временного отхода от непосредственного руководства партией и государством. В этой ситуации функции управления взяла на себя «тройка» из числа его ближайших соратников: Л. Б. Каменева, заместителя Ленина в СНК и СТО, который вел заседания Политбюро в его отсутствие; И. В. Сталина, руководившего аппаратом ЦК партии, и Г. Е. Зиновьева, возглавлявшего исполком Коминтерна⁴⁷. Сложившийся «триумвират» не имел официального статуса и действовал де-факто на основании сложившегося расклада сил в советском партийно-государственном аппарате.

С одной стороны, «триумвират» выступал в качестве коллективного руководителя, стараясь компенсировать отсутствие В. И. Ленина, обладавшего общепризнанным авторитетом вождя. Данное обстоятельство заставляло членов «тройки» действовать более или менее консолидированно в ходе выработки и принятия значимых решений и относиться друг к другу достаточно лояльно. В то же время логика политического процесса неизбежно толкала их к соперничеству, конкуренции за высшую ступеньку политического Олимпа. Претенденты на роль партийного лидера подспудно искали эффективные формы и инструменты борьбы, способные обеспечить им доминирующие позиции в политической системе Советской России.

⁴⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 470. Л. 81.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Циркулярное письмо ЦК // Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1. С. 2.

⁴⁷ Большеви́стское руководство. Переписка. 1917–1927 : сб. док. / сост.: А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1996. С. 183.

Как показали дальнейшие события, наиболее успешно с этими задачами справился И. В. Сталин. В ходе закулисной борьбы за власть он, опираясь на преданных ему людей, стремился укрепить свои позиции и готовил плацдарм для дальнейшей схватки со своими конкурентами в политическом руководстве страны. Сталин видел сильные и слабые стороны как своих противников, так и свои собственные. Поэтому он подошел к делу как прагматик и мастер политической интриги. Являясь членом высшего политического руководства страны – Политбюро и СНК, он одновременно курировал деятельность партийного аппарата⁴⁸. Сталин отлично понимал потенциал находившегося в его распоряжении административного ресурса и сумел максимально его реализовать.

С этой точки зрения партийная перепись 1922 г. стала одним из существенных мероприятий начального этапа борьбы Сталина за лидерство в партии. Перепись явилась составной частью бюрократической «бумажной» работы по формированию системы учета и расстановки партийных кадров, которой пренебрегало и которую до определенного момента недооценивало большинство партийных лидеров – Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, но которую успешно использовала сталинская группа, сформировавшаяся в недрах партийного аппарата. Знаменитый сталинский лозунг периода индустриализации «Кадры решают все!» можно считать актуальным и для периода внутрипартийной борьбы начала 1920-х гг. Возможность влиять на кадровую политику в партии, выдвигать на руководящие должности доверенных людей (и потому лояльных), не в последнюю очередь позволила Сталину и его соратникам одержать верх над политическими противниками.

А. М. Назаретян, бывший в то время заведующим бюро Секретариата ЦК РКП(б), отмечал, что в 1922 г. возникло выражение «ходить под Сталиным». Оно употреблялось в отношении «лиц, находящихся в распоряжении Цека и не имеющих еще назначения, висящих, т[ак] сказать, на воздухе»⁴⁹. Когда впоследствии другие руководители партии осознали, насколько серьезна роль административных структур в борьбе за лидерство в партии, они попытались выбить столь грозное оружие из рук Сталина. В 1923 г., после XII съезда партии, Г. Зиновьев и Л. Каменев выдвинули идею расформирования Политбюро и «политизирования» Секретариата ЦК, т. е. превращения его в политический и организационный руководящий орган партии в составе Зиновьева,

⁴⁸ Секретариатом ЦК руководил в этот период сторонник И. В. Сталина, кандидат в члены Политбюро ЦК В. М. Молотов. Сталин в качестве генерального секретаря ЦК РКП(б) возглавил Секретариат с 3 апреля 1922 г.

⁴⁹ Большевикское руководство. Переписка. 1917–1927. С. 263.

Троцкого и Сталина. После того как эта инициатива была отвергнута Сталиным, его конкуренты сменили тактику. На XIV съезде РКП(б) (декабрь 1925 г.) они предлагали уже, наоборот, максимально усилить политическую роль Политбюро, а Секретариату ЦК отдать чисто технические функции⁵⁰. В случае успешной реализации этой идеи Сталин лишился бы своего основного козыря в политической борьбе с другими партийными авторитетами – опоры на партийный аппарат.

В обстановке жесткого внутрипартийного противоборства за лидирующие позиции Сталин, естественно, старался не посвящать в свои замыслы политических конкурентов. Поэтому вопросы, связанные с процессом подготовки и проведения партийной переписи 1922 г., даже не обсуждались на заседаниях Политбюро, что неудивительно, потому что в этот период оно контролировалось Л. Б. Каменевым. Абсолютно противоположную картину мы наблюдаем в отношении следующей партийной переписи, проводившейся в 1927 г. К этому времени Сталин сконцентрировал в своих руках властные рычаги и довольно прочно закрепился во главе партийно-государственного аппарата. В этой ситуации вопросы подготовки партийной переписи рассматривались на заседаниях Политбюро⁵¹, а после ее окончания полученные итоги заслушивались, и обсуждались меры по регулированию состава партии⁵². Если судить по месту, которое отводилось в повестке заседаний Политбюро ЦК вопросу о партийной переписи (5 из 31 в первом случае и 11 из 29 во втором), мероприятию придавалось важное значение в иерархии партийных задач.

При изучении материалов партийной переписи важно понять, какую роль играл В. И. Ленин в разработке и подготовке столь масштабного и затратного с организационной и финансовой точек зрения партийного проекта, а также насколько он был о нем информирован.

Решение о проведении переписи было принято летом 1921 г. В это время Ленин болел и находился в Горках. Вернулся ненадолго к делам осенью 1921 г., но в декабре он опять заболел и уехал обратно в Горки для восстановления сил, оставаясь там до 1 марта 1922 г.⁵³ Готовил ли он в это время какие-либо документы, относящиеся к партийной переписи, или давал рекомендации и распоряжения по ее проведению? Ответить на эти вопросы позволяет один интересный документ – письмо Ленина секретарю ЦК В. М. Молотову, датированное 14 февраля

⁵⁰ См.: *Адибекова Г. М., Роговая Л. А., Кошелева Л. П.* Протоколы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) как исторический источник // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестка дня заседаний. 1919–1952 : каталог. М., 2000. Т. 1. С. 11.

⁵¹ См.: Там же. С. 497.

⁵² См.: Там же. С. 570.

⁵³ *Такер Р.* Сталин: Путь к власти. С. 224.

1922 г. Написано оно было после заполнения В. И. Лениным бланка переписи и характеризует его отношение к данному мероприятию, подготовленному Секретариатом ЦК. Это отношение оказалось крайне негативным и свидетельствует о том, что партийный вождь не был в курсе подготовки переписи, оказался поставлен «перед фактом», и это его сильно задело. Ленин устроил Молотову форменный разнос, указав, что «дело статистики в ЦК (а, вероятно, и все учетно-распределительное дело) поставлено никуда не годно»⁵⁴. Он дал весьма нелестную оценку деятельности аппарата ЦК и его руководителей: «Либо статистикой у Вас заведует дурак, либо <...> на важных постах сидят дураки и педанты» и предложил снять с должности заведующего статистическим отделом (С. Г. Струмилина. – С. В.) и «перетряхнуть этот и учетно-распределительный отделы основательно. <...> Все переписи закончить в 1 месяц. Разработку их свести к минимуму так, чтобы тоже кончить в месяц. Потом разогнать 9/10 статистического и столько же учетно-распределительного отдела ЦК и начать строить их заново»⁵⁵. Партийный вождь был полон скепсиса относительно полезности и нужности подобных переписей: «Была перепись “ответственных работников”? Результат, очевидно, нуль, хуже, вероятно, результат минус»⁵⁶. Проведение таких бесполезных мероприятий свидетельствовало, по мнению Ленина, о бюрократизме аппарата ЦК партии («позорнейший бюрократизм и глупейший»).

В то же время можно привести диаметрально противоположный пример, когда партийный вождь дает иную, положительную оценку статистических переписей, показывая понимание их значения и важности для принятия практических решений. В одной из своих работ еще в 1910 г. он писал: «Целый ряд вопросов и притом самых коренных вопросов <...>, которые решались прежде на основании общих соображений и примерных данных, не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками»⁵⁷. Возникает вопрос: чем обусловлены столь полярные оценки переписей, данные Лениным в разное время?

⁵⁴ Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову о работе статистического и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392.

⁵⁵ Там же. (Кстати, предложения В. И. Ленина об административных мерах в отношении указанных отделов были проигнорированы, все руководители остались на своих постах.)

⁵⁶ Там же. С. 393.

⁵⁷ Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 323.

Думается, это обусловлено складывающейся политической ситуацией в партии, связанной с разворачивающейся борьбой, пока еще неявной и неагрессивной, за политическое наследство Ленина. Сам он из-за болезни оказался в роли стороннего наблюдателя и фактически был отодвинут на второй план. Видимо, эпизод с партийной переписью стал реакцией Ленина-политика, уязвленного тем, что с ним не посоветовались при принятии решения по отнюдь не рядовому событию партийной жизни. Он мог расценить это как покушение на его статус первого человека в партийно-государственной иерархии.

Однако следует признать, что почву для подобного отношения к себе первый советский лидер в определенной степени подготовил сам. В том же письме, адресованном Молотову, обращает на себя внимание одна фраза Ленина, красноречиво свидетельствующая о степени его знакомства со структурой партийного аппарата. Давая оценку деятельности подразделений ЦК партии и называя эти подразделения отделами, он сомневается, что назвал их правильно: «ежели так называются сии учреждения»⁵⁸. Как видим, лидер партии и государства имел смутное представление не только о названии подразделений центрального партийного аппарата, но и об их руководителях, структуре и функциях. Исследователи советской политической истории обратили внимание на эту особенность позиции В. И. Ленина в отношении партийных структур. В частности, К. А. Писаренко указывает, что Ленин «предпочитал управлять Россией в качестве председателя Совета народных комиссаров, откровенно игнорируя свой статус самого влиятельного члена Политбюро»⁵⁹. На этот факт также обратили внимание в своей работе В. П. Пашин и Ю. П. Свириденко, отметив, что Ленин, занятый на посту Председателя СНК, отошел от внутрипартийных дел, занимаясь в основном общегосударственными проблемами⁶⁰ и мало вникая в организацию текущей партийной работы, передав ее в компетенцию соратников по партии, тем более что заниматься одновременно и партийными, и государственными делами он был не в состоянии: работа в правительстве отнимала практически все душевные и физические силы. По свидетельству сестры Ленина, М. И. Ульяновой, «с заседаний Совнаркома Владимир Ильич приходил вечером, вернее ночью часа в два, совершенно измотанный, бледный, иногда даже не мог говорить, есть, а наливал себе только чашку горячего молока и пил его, расхаживая по кухне, где мы обыч-

⁵⁸ Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову о работе статистического и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392.

⁵⁹ Писаренко К. А. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923–1953. М., 2006. С. 6.

⁶⁰ См.: Пашин В. П., Свириденко Ю. П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998. С. 6–7.

но ужинали»⁶¹. Английский историк Томас Ригби отмечает, что общепринятой практикой в этот период становится специализация партийных лидеров на различных сферах управления в функциональном и территориальном аспекте: «По мере того как Совнарком все больше и больше проникался ленинским политическим стилем и оказывался под влиянием его личности, он превращался в нечто вроде сферы его компетенции, точно так же, как Реввоенсовет был сферой Троцкого, Оргбюро – Сталина, ВЧК – Дзержинского, Москва – Каменева, Петроград – Зиновьева»⁶². Таким образом, вопросы управления и регулирования партийной жизни все более сосредоточивались в руках руководства Секретариата и Оргбюро ЦК, а остальных представителей высшего политического руководства, включая и Ленина, в эту сферу подробно не посвящали.

С усложнением структуры и упорядочением деятельности центрального партийного аппарата связан и переход к номенклатурному принципу подбора коммунистов на ответственные посты (по формальным анкетным данным), который был невозможен без получения необходимой информации об этих членах партии. Ю. П. Свириденко и В. П. Пашин считают, что «переломным моментом в становлении на номенклатурный путь подбора работников» стал 1921 г., когда была проведена перепись ответственных работников, и на совещании секретарей губкомов и обкомов в декабре 1921 г. принята программа учета партийных кадров⁶³. Правда, авторы не указали, каким образом и на основании каких исходных данных предполагалось строить эффективную систему учета. Обращение к протоколам заседания данного совещания, которое проходило накануне партийной переписи, со всей определенностью указывает на то, что именно материалы переписи должны были стать базой для новой системы учета ответственных работников, а также остальных членов партии.

К концу 1921 г. структурные подразделения партийного аппарата выполнили задачу, поставленную Оргбюро и Секретариатом ЦК – осуществили учет ответственных работников всероссийского, областного и губернского масштаба. На очереди были уездные работники⁶⁴, учет которых должен был ознаменовать установление полно-

⁶¹ Цит. по: *Лопухин Ю. М.* Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. Правда и мифы. М., 1997. С. 11.

⁶² *Ригби Т. Х.* Правительство Ленина: Совнарком в 1917–1922 // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 123.

⁶³ См.: *Свириденко Ю. П., Пашин В. П.* Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание. М., 1995. С. 50.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 13. Л. 92 об.

го кадрового контроля со стороны ЦК (точнее его Секретариата) над руководящей партийной «верхушкой» всех уровней, и партийной переписи 1922 г. отводилась в этом процессе далеко не последняя роль.

Как следует из приведенного выше письма Ленина Молотову, партийный вождь не только не являлся инициатором партийной переписи, но не был в курсе ее подготовки и проведения. В связи с этим возникает вопрос: какие партийные инстанции и кто персонально инициировал проведение данного мероприятия?

Решение о проведении партийной переписи было принято 19 июля 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) – вторым по значимости партийным органом. Оно посчитало, что «необходимые сведения о количественном и качественном составе партии можно получить только путем переписи членов партии»⁶⁵. Проведение всех подготовительных мероприятий было возложено на статотдел ЦК. Сотрудники этого отдела во главе с С. Г. Струмилиным осуществили огромную работу: разработали общий организационный план переписи, программу обследования, формы переписных бланков. Отдельной брошюрой была издана инструкция по проведению переписи и заполнению бланков. Переписные бланки были согласованы со специалистами из ЦСУ РСФСР. Организационный план переписи был обсужден на совещании заведующих учетно-статистическими подотделами 12 губкомов в середине декабря и после внесения в него ряда изменений и дополнений был совещанием одобрен. Документы по переписи рассматривались специально созданной комиссией из представителей ЦК, после чего были переданы в бюро Секретариата ЦК и утверждены им⁶⁶. Исходя из этого факта, мы можем с большой долей уверенности говорить о Сталине как главном инициаторе данного мероприятия (в то время он занимал одно из ключевых мест в партийной иерархии, являясь одновременно руководителем двух наркоматов, а также членом Оргбюро и Секретариата ЦК). Секретариат ЦК на протяжении всего периода переписи внимательно контролировал ее ход. В ЦК РКП(б) под руководством одного из его секретарей – кандидата в члены Политбюро ЦК В. М. Молотова – проводилась окончательная проверка правильности всего комплекса переписных бланков. В результате часть из них была забракована. Об этом были проинформированы региональные партийные организации, допустившие небрежность, им предписывалось провести повторное заполнение переписных бланков⁶⁷.

Следует отметить, что статистический отдел в качестве самостоятельной структурной части Секретариата ЦК РКП(б) был образован

⁶⁵ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3. С. 53–54.

⁶⁶ См.: Там же.

⁶⁷ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 469. Л. 146.

в октябре 1921 г. До этого, в 1919 – начале 1920 г., вопросами статистики в аппарате ЦК занимался информационно-статистический отдел, а с июля 1920 г. по октябрь 1921 г. – статистическая часть учетно-распределительного отдела ЦК. В октябре 1921 г. постановлением Оргбюро ЦК РКП(б) было утверждено «Положение о Статистическом отделе». Согласно этому документу статотдел превращался из технического органа, выполнявшего задания других отделов Секретариата ЦК, в самостоятельное подразделение, способное принимать решения по проведению мероприятий статистического характера, с функциями руководства учетно-статистическими подотделами и организационно-инструкторскими отделами губкомов. Такое повышение статуса отдела, занимавшегося вопросами статистики, находилось в общем русле развития партийно-государственного аппарата управления. С другой стороны, руководители аппарата ЦК, и в первую очередь Сталин, принимая это решение, стремились в преддверии переписи поставить информацию о партии под свой контроль. Неслучайно в «Положении» говорилось о том, что статотдел работает «под непосредственным руководством Секретариата ЦК»⁶⁸. Во главе статотдела был поставлен С. Г. Струмилин – человек, по всей видимости, лояльно относившийся к Сталину и к которому последний также относился с доверием. В пользу этого свидетельствует тот факт, что С. Г. Струмилин впоследствии стал академиком АН СССР и благополучно пережил все сталинские репрессии. Партийная перепись 1922 г. явилась первым крупным и ответственным мероприятием недавно созданного отдела ЦК и, как оказалось, вполне успешным.

Таким образом, идея проведения массового статистического обследования РКП(б) родилась в недрах центрального партийного аппарата (Оргбюро и Секретариата ЦК). Усилиями его сотрудников была осуществлена организационная и техническая подготовка партийной переписи. Данные партийной переписи 1922 г. были немедленно востребованы в практической деятельности центральных органов партии. Первые результаты переписной кампании были доложены XI съезду партии, проходившему в марте-апреле 1922 г.⁶⁹

В дальнейшем материалы переписи стали основным источником для создания информационной базы персонального учета ответственных работников и советской партийно-государственной номенклатуры. Всероссийская партийная перепись способствовала становлению системы административного контроля центрального партийного ап-

⁶⁸ См.: Общий организационный план переписи членов РКП с учетом комячеек и парткомов. С. 3.

⁶⁹ *Молотов В. М.* Отчет об организационной деятельности ЦК // Протоколы XI съезда РКП(б). М., 1936. С. 52.

парата над региональной партийной бюрократией, конструированию жесткой вертикали власти.

Местные партийные руководители были проинформированы о содержании и целях переписи на совещании секретарей обкомов, областных бюро и губкомов, проходившем в Москве 27–29 декабря 1921 г. Партийную общественность проинформировали о проведении переписи через центральные партийные издания: в ноябре-декабре 1921 г. в «Правде» и «Известиях ЦК РКП(б)» было опубликовано циркулярное письмо ЦК партии № 175 от 5 ноября. На местном уровне функция оповещения коммунистов о целях и задачах переписи, проведении «агитационной работы по переписи через местную печать, через “РОСТу” и на партийных собраниях»⁷⁰ возлагалась на агитационные отделы соответствующих партийных комитетов.

Необходимо отметить, что хотя перепись называлась всероссийской, она проводилась на территории четырех советских республик: РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказской Федерации (ЗСФСР), а также Туркестана. Фактически она охватывала территорию бывшей Российской империи, за исключением Польши, Финляндии и Прибалтики. Переписи подлежали также сотрудники-коммунисты зарубежных миссий и посольств указанных республик⁷¹.

Время проведения переписи выбрали с таким расчетом, чтобы подготовить ее результаты к началу XI съезда партии, намеченному на конец марта 1922 г. В письме ЦК от 27 декабря 1921 г. отмечалось: «Перепись необходимо закончить в течение месяца, чтобы возможно было сообщить важнейшие результаты переписи предстоящему Всероссийскому партийному съезду»⁷². В рамках выполнения данной задачи партийным организациям предписывалось передавать результаты переписи в статотдел ЦК срочной телеграммой. В ней необходимо было указать общее количество коммунистов, «сколько их переписано по типам ячеек, указанных в формуляре предварительного подсчета»⁷³.

Официальной датой начала партийной переписи было установлено 1 января 1922 г. ЦК партии предполагал закончить перепись в короткие сроки: в городах в течение 7 дней, в сельских местностях в течение 14 дней⁷⁴. Но эти сроки оказались абсолютно нереальными. Различные объективные трудности (огромная территория, нехватка транспорта и проблемы со связью, эпидемии, голод, нехватка опытно-

⁷⁰ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 30 об.

⁷¹ См.: Циркулярное письмо ЦК // Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. С. 2.

⁷² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 33.

⁷³ Там же. Л. 33 об.

⁷⁴ См.: Общий организационный план переписи членов РКП с учетом комячеек и парткомов. С. 4.

го персонала и т. п.) препятствовали одновременному началу переписи и ее своевременному окончанию. В большинстве областей и губерний она началась в январе и феврале, а завершилась весной-летом 1922 г. В ряде регионов проведение переписи растянулось на долгие месяцы.

Условно можно выделить три этапа переписи, связав их с выпуском статистических сборников. Сборники выходили во время проведения переписи и после нее по мере поступления материалов с мест и их обработки.

Первыми закончили перепись центральные губернии России. Владимирская губерния завершила перепись 3 февраля, с 16 февраля стали поступать материалы из других губерний. К 16 марта 1922 г. статотдел ЦК имел сведения по 26 губерниям и областям⁷⁵. На втором этапе, после апреля 1922 г., стали поступать сведения из других районов страны. Был получен и обработан материал еще 45 губерний и областей⁷⁶, в том числе Екатеринбургской губернии и других территорий Урала.

В течение лета 1922 г. перепись практически завершилась на всей остальной территории советских республик, за исключением Грузии, Якутии и Дальнего Востока, где она была закончена лишь в начале 1923 г.⁷⁷ На этом этапе были получены данные из 24 губерний и областей (семь кавказских республик, семь губерний Киргизской республики, три губернии Сибири, шесть областей и воинских частей Туркестана), а также поступил материал из НКВД на членов партии, находящихся за границей⁷⁸. Кроме того, пришли дополнительные сведения из 63 губерний, областей и республик на тех коммунистов, которые по тем или иным причинам своевременно не приняли участие в переписи⁷⁹. Таких членов партии, учтенных в списках ячеек, но не переписанных на индивидуальных бланках, набралось 15 442 чел. (3,9 % от общего числа)⁸⁰. В результате свою краткосрочную задачу (информирование XI съезда РКП(б) о социальном составе партии) партийная перепись выполнила лишь частично: к съезду были обработаны данные только по центральным губерниям РСФСР. Статотдел ЦК на основании этих материалов подготовил сводку основных данных о парторганизациях и составе партии. Как отмечал заведующий отделом С. Г. Струмилин, были представлены следующие сведения по уже поступившему и обработанному материалу: о социальном расслоении членов партии,

⁷⁵ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1. С. 3.

⁷⁶ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 2. С. 1.

⁷⁷ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 3. С. VII.

⁷⁸ См.: Там же. С. I, II, V.

⁷⁹ См.: Там же. С. III.

⁸⁰ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. С. II.

их образовательном цензе, партийном стаже и количестве членов, перешедших в РКП(б) из других политических партий⁸¹.

Как уже отмечалось, программа по организации и проведению переписи разрабатывалась в Секретариате ЦК РКП(б). При проведении партийной переписи 1922 г. был использован функциональный принцип, в соответствии с которым переписной персонал делился на руководителей, инструкторов и регистраторов. Согласно программе перепись проводилась экспедиционным способом, для чего на места из статотдела ЦК направлялись инструкторы и уполномоченные для организации переписи. Вместе с ними высылались переписные бланки, инструкции и т. п. На каждого члена партии бланк «А» заполнялся в двух экземплярах. Один экземпляр оставался в губкоме, другой отсылался в Секретариат ЦК. Дополнительные экземпляры бланков, например, для проведения учета в уездах, местные партийные организации изготовляли за счет своих средств⁸². Одновременно для финансового обеспечения переписи на места переводились денежные средства⁸³.

На должность уполномоченных статотдел ЦК подбирал людей, «обладающих статистическим стажем и опытом в деле организации переписи»⁸⁴. Уполномоченные по переписи осуществляли общее организационное руководство, приглашали губернского организатора, согласовывали его кандидатуру с губкомом и губстатбюро, координировали действия местных органов власти, контролировали ход переписи, а также отвечали за своевременное и аккуратное проведение переписи как перед губкомом, так и перед ЦК РКП(б)⁸⁵. На них также возлагалась обязанность доставки готового переписного материала в статотдел ЦК⁸⁶. Партийным организациям предписывалось оказывать «командированным из ЦК РКП товарищам полное содействие»⁸⁷.

В течение декабря 1921 г. статотдел ЦК проводил набор губернских организаторов и инструкторов. Ему пришлось столкнуться с серьезной кадровой проблемой: не все руководители партийных отделов, занимавшихся статистикой на местах, имели должную квалификацию. Так, из 12 заведующих учетно-статистическими подотделами губкомов, которые приняли участие в декабрьском совеща-

⁸¹ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1. С. 3.

⁸² ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 1.

⁸³ Там же. Л. 33 об.; Д. 470. Л. 78.

⁸⁴ Общий организационный план переписи членов РКП с учетом комячек и парткомов. С. 4.

⁸⁵ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 33 об.

⁸⁶ В связи с тем, что перепись затянулась, нахождение уполномоченных на местах стало обременительным с финансовой точки зрения. Было принято решение доставлять переписные материалы в Москву иными способами (с участниками XI съезда партии, нарочными и т. п.).

⁸⁷ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 33 об.

нии в Секретариате ЦК, лишь семь человек согласились взять на себя обязанности губернских организаторов переписи⁸⁸. В этой ситуации, несмотря на то, что перепись была сугубо внутрипартийным мероприятием, статотдел ЦК разрешил привлекать в качестве организаторов людей со статистическим опытом не из партийных структур, например, заведующих статбюро⁸⁹.

В большинстве случаев на каждого уполномоченного возлагалось кураторство не одной, а сразу нескольких губерний. В Уральском регионе, например, организация переписи в Екатеринбургской и Челябинской губерниях была поручена В. Н. Зубреву⁹⁰, а в Пермской и Тюменской – Горбунову⁹¹. Это было обусловлено, с одной стороны, нехваткой опытных сотрудников, а с другой – желанием сократить финансовые расходы на проведение переписи. В качестве инструкторов привлекались также студенты учебных заведений, преподаватели⁹².

После получения необходимых указаний и подробного инструктирования уполномоченные и инструкторы в конце декабря 1921 – начале января 1922 г. разъехались из Москвы к местам проведения переписи.

С каждым уполномоченным статотдел ЦК заключал типовой договор, в котором оговаривались обязанности и ответственность сторон. Уполномоченный по переписи давал обязательство при проведении переписи строго следовать правилам и инструкциям Секретариата ЦК, закончить регистрацию в указанные сроки и качественно. Со своей стороны статотдел ЦК предоставлял уполномоченному различные льготы (право бесплатного проезда по железной дороге, оплату извозчиков и провоза личного багажа за счет ЦК) и денежное вознаграждение, в том числе аванс и суточные⁹³. Остальная часть зарплаты выплачивалась по завершении переписи. Таким образом, уполномоченные были мотивированы на ответственное отношение к своим обязанностям.

После прибытия в свой регион уполномоченный совместно с губернским организатором формировали штат уездных организаторов, кандидатуры которых согласовывались с губкомом и местными статистическими органами. Уездные организаторы получали от губернского организатора подробный инструктаж, переписной материал и канцелярские принадлежности⁹⁴. Губернский организатор осуществлял

⁸⁸ См.: Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3. С. 54.

⁸⁹ См.: Общий организационный план переписи членов РКП с учетом комячеек и парткомов. С. 5.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 70. Л. 21.

⁹¹ Там же. Л. 27.

⁹² См.: Отчет о работе статистического отдела в 1921 году. С. 54.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 70. Л. 21, 21 об.

⁹⁴ См.: Общий организационный план переписи членов РКП с учетом комячеек и парткомов. С. 4.

общее руководство переписью, а также прием и проверку переписного материала, предоставленного ему уездными организаторами. После этого он составлял губернскую сводку по форме «Д», которую вместе со всеми материалами передавал уполномоченному статотделу ЦК.

Аналогичные обязанности в отношении переписного материала несли уездные организаторы перед губернскими. Как явствует из циркулярного письма ЦК РКП(б), губернские организаторы (уполномоченные ЦК) отвечали за своевременное и аккуратное проведение переписи как перед губкомом, так и перед ЦК партии⁹⁵. В воинских частях перепись проходила под совместным наблюдением губернских и уездных организаторов и непосредственным руководством местных органов ПУРа РККА⁹⁶.

Перепись проводилась в определенном порядке. Непосредственно перед опросом членов партии проводились подготовительные мероприятия: секретари укомов (райкомов) составляли на бланке «Г» предварительный список ячеек, подлежащих переписи. В свою очередь, секретари ячеек составляли на бланке «Б» список коммунистов, состоящих на учете в данной ячейке. Заполненные формы «Б» и «Г» передавались регистраторам для составления плана работы по опросу⁹⁷. С целью учета парткомов их секретари заполняли бланки «В», которые вместе с другим переписным материалом передавались уездным и губернским организаторам, использовавшим их при составлении итоговой сводки по своей территории.

Регистраторы, получив на руки все необходимые документы, приступали к выполнению своей работы. Они должны были лично опрашивать каждого члена партии, результаты опроса заносились ими в бланк «А», который заполнялся в двух экземплярах, один оставался в губкоме, а другой пересылался в статотдел ЦК РКП(б). В свою очередь, укомы и райкомы снимали с каждого переписного бланка еще одну копию, которую оставляли у себя.

В городе и сельской местности перепись проходила по-разному. В городах секретарь ячейки, договорившись с регистратором, вызывал членов партии в установленное время в место ее расположения, где проводились опрос и заполнение бланков⁹⁸. В сельской местности регистратор, как правило, сам выезжал в населенные пункты и на месте переписывал коммунистов. В том случае, если сельские ячейки

⁹⁵ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 33.

⁹⁶ См.: Общий организационный план переписи членов РКП с учетом комячеек и парткомов. С. 5.

⁹⁷ Там же. С. 4.

⁹⁸ См.: Инструкция о производстве переписи членов РКП 1922 г. // Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. С. 6.

были небольшими, то с целью экономии сил и средств волостным комитетам партии предписывалось направлять членов таких ячеек в ближайшие от них переписные пункты – в волостное село или уездный город⁹⁹.

Члены партии, которых регистратор не мог опросить лично в силу различных причин (командировка, болезнь, тюремное заключение), проходили заочный учет по сокращенной программе. В этом случае регистратор заносил в переписной бланк «А» следующие сведения об отсутствующем: фамилия, имя, отчество, пол, возраст, партийный стаж, занимаемая должность, используя в качестве источника информации имеющиеся в партийной организации материалы. В примечании к переписному бланку указывалась причина, по которой был проведен заочный учет коммуниста¹⁰⁰.

Приезжие коммунисты, не имевшие отношения к местной организации, но оказавшиеся в момент переписи на данной территории, также должны были принять в ней участие. На них заполнялся бланк «А» и составлялся особый список, который передавался губернскому организатору и далее переправлялся в статотдел ЦК. Копия бланка «А» выдавалась приезжим коммунистам на руки для передачи в свои партийные организации¹⁰¹. Члены партии, не сумевшие по уважительным причинам своевременно пройти перепись, заполняли бланки «А» позже – в течение 1922–1923 гг. В Екатеринбургской губернии таких коммунистов набралось 627 человек¹⁰². После заполнения переписного бланка каждому члену партии в партийный билет наклеивалась специальная марка «перепись 1922 г.» Этот процесс строго контролировался: количество истраченных марок должно было соответствовать количеству заполненных переписных бланков «А». Не прошедшие перепись считались автоматически выбывшими из рядов РКП(б), т. е. коммунист не мог уклониться от переписи, если желал остаться в партии. С точки зрения источниковедческого анализа, этот факт свидетельствует о полноте результатов переписи, отразившей реальный состав губернской партийной организации.

С целью учета лекторов и пропагандистов секретари парткомов заполняли форму «Е», куда вносились члены партии, непосредственно ведущие пропагандистскую и лекторскую работу, а также те коммунисты, которые по уровню своей подготовки и знаниям были способны к ней. Кроме того, лекторы и пропагандисты заполняли

⁹⁹ См.: Инструкция о производстве переписи членов РКП 1922 г. // Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. С. 6.

¹⁰⁰ См.: Там же.

¹⁰¹ См.: Там же. С. 7.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 70. Л. 51.

личные анкеты, пересылавшиеся в статотдел ЦК РКП(б)¹⁰³. Однако, как явствует из отчета статотдела ЦК, эти переписные материалы не отличались «той полнотой, как перепись членов партии, т. к. списки лекторов и пропагандистов в большинстве местных организаций не выявили полностью всех коммунистов этой категории»¹⁰⁴. К тому же материалы переписи лекторов и пропагандистов не могут быть использованы современными исследователями, так как практически не сохранились.

В ходе переписи на всех демобилизованных из рядов Красной армии коммунистов, помимо бланка «А», заполнялась специальная анкета по форме № 1/м, они регистрировались также в особых списках (форма № 2/м). В партийном билете демобилизованного наряду с отметкой о регистрации по партийной переписи делалась отметка о взятии на военный учет (надпись «Военработник»). Именные анкеты и списки демобилизованных членов РКП(б) передавались в уездные комитеты партии, а последние переправляли их в уездные военкоматы¹⁰⁵.

Обратим внимание на организацию партийной переписи в Екатеринбургской губернии. Она имела ряд особенностей, которые были связаны с особой ролью Уралбюро ЦК РКП(б). Анализ всех подготовительных документов по переписи показывает, что участие областных партийных бюро центральным руководством партии в данном мероприятии не предусматривалось. Это было связано с тем, что, во-первых, решение о создании этих структурных единиц в партийной системе принималось незадолго до этого (в 1920 г.), в связи с чем их место в партийной иерархии, сфера деятельности и круг полномочий еще не были четко очерчены. К тому же данные партийные институты существовали далеко не во всех регионах, в отличие от губкомов, поэтому прописывание для них особых функций усложнило бы систему организации переписи, которая и без того была непростой. Во-вторых, в организационном плане они находились пока в стадии становления и не могли полноценно реагировать на текущие задачи. Уралбюро ЦК РКП(б) в конце 1921 – начале 1922 г. представляло собой довольно аморфный орган с неоформленной структурой кадров и неопределенными функциями, в отличие от губернских партийных комитетов, которые имели утвержденное штатное расписание и достаточно дееспособные подразделения.

Однако решение ЦК не привлекать областные бюро к проведению переписи вызвало резкую и болезненную реакцию со стороны

¹⁰³ См.: Инструкция о производстве переписи членов РКП 1922 г. // Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. С. 16.

¹⁰⁴ Известия ЦК РКП(б). 1923. № 3. С. 110.

¹⁰⁵ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 76. Л. 186, 186 об.

Уральского областного бюро ЦК РКП(б). На последнем заседании уходящего года, 30 декабря 1921 г., им было принято решение добиваться от ЦК партии передачи полномочий по организации партийной переписи на Урале в руки организационного отдела Уралбюро. Это мнение в весьма настойчивой форме было выражено в телеграмме, отправленной в ЦК. В ней также выражалось недоумение по поводу позиции ЦК партии в отношении Уралбюро ЦК РКП(б) и предлагалась такая система взаимодействия, которая бы способствовала впредь «проведению всякого рода компаний и крупных мероприятий партийного порядка <...> через Уралбюро»¹⁰⁶.

В конце концов Уралбюро удалось добиться от ЦК РКП(б) положительного для себя решения вопроса. В нарушение ранее принятых инструкций ему было поручено проведение партийной переписи в Уральском регионе¹⁰⁷. В связи с этим важно понять: могло ли Уралбюро ЦК РКП(б) действительно реализовать задачи Центра по проведению переписи и каким организационным потенциалом оно обладало?

Уралбюро ЦК аргументировало свою позицию о непременном участии в партийной переписи тем, что существующая непосредственная прямая связь между ЦК и губкомами является неэффективной и «ослабляет представление местами сведений в смысле их своевременности и точности»¹⁰⁸. Из этого положения вытекало, что только Уралбюро может наладить четкую и быструю передачу информации в ЦК партии. Однако тезис о больших организационных возможностях Уралбюро представляется весьма сомнительным, противоречащим истинному положению дел. Во-первых, время со второй половины 1921 г. до начала 1922 г. было периодом формирования областного партийного аппарата¹⁰⁹. Организационный отдел на тот момент еще не существовал и был сформирован позднее – только 9 января 1922 г.¹¹⁰ К концу января 1922 г. был создан общий отдел. Правда, отделы существовали в основном на бумаге, так как «в орготделе работал один ответственный работник, который фактически одновременно замещал и зав. общим отделом и часто ответственного секретаря»¹¹¹. С середины января началось формирование учетно-распределительного подотдела при активном участии приехавшего из Москвы уполномоченного ЦК по переписи В. Н. Зубрева. Таким образом, анализ организационного состояния Уралбюро ЦК со всей очевидностью показы-

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 70. Л. 18.

¹⁰⁷ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 70. Л. 18.

¹⁰⁹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 76. Л. 6.

¹¹⁰ Там же. Д. 28. Л. 1.

¹¹¹ Там же. Д. 76. Л. 6.

вает его неспособность реально и эффективно руководить партийной переписью на Урале. Последующее развитие событий полностью подтверждает эти выводы. Во-вторых, в рассматриваемый период политический авторитет Уралбюро ЦК среди уральских партийных организаций был достаточно низким, и оно «не оказывало нужного организационного и идейного влияния даже в тех случаях, когда <...> давало простые директивы»¹¹². Местные партийные руководители без особого энтузиазма и должной исполнительности реагировали на указания и инициативы областного партийного органа, не опасались возможных дисциплинарных взысканий за неисполнение его распоряжений.

Таким образом, руководство Уралбюро старалось использовать перепись как средство повышения своего политического веса и усиления властного влияния на уральские губкомы, но не способно было обеспечить ее эффективное проведение.

По решению Уралбюро ЦК 9 января 1922 г. была создана областная комиссия по переписи из трех человек. В нее вошли: Е. Н. Богораз – зав. орготделом Уралбюро ЦК, В. Н. Зубрев – представитель ЦК РКП(б) и Дукельский – помощник начальника ПУРа ПриУрВО¹¹³. Первоначально В. Н. Зубрев ехал на Урал в качестве уполномоченного ЦК партии по переписи в двух губерниях – Екатеринбургской и Пермской, но вследствие упомянутых выше обращений Уралбюро в ЦК его статус и объем полномочий несколько изменились – он формально стал подчиняться Уралбюро ЦК и был включен в состав областной комиссии по переписи. Между членами комиссии не существовало четкого разграничения полномочий. Эта комиссия так ни разу и не собралась, поскольку, по мнению руководителей Уралбюро, «работа не требовала разрешения принципиальных вопросов»¹¹⁴. Всю текущую работу пришлось выполнять представителю ЦК В. Н. Зубреву, которому помогала зав. орготделом Уралбюро Е. Н. Богораз.

В общем, участие Уралбюро ЦК в партийной переписи носило противоречивый характер. С одной стороны, его действия нередко вносили в переписной процесс элементы хаоса, дезорганизации. Так, например, не владея точной информацией о прибытии в Пермскую и Тюменскую губернии уполномоченных по переписи от ЦК РКП(б), Уралбюро приняло решение о направлении в эти губернии собственных уполномоченных, не задумываясь о том, как последние будут делить полномочия с представителями Центра¹¹⁵. К тому же, вопре-

¹¹² ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 78. Л. 38.

¹¹³ Там же. Д. 76. Л. 23 а.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. Д. 79. Л. 5.

ки строгим запретам центральных партийных инстанций совмещать с партийной переписью иные мероприятия статистического характера, Уралбюро выступило с инициативой в ходе переписи провести работу по выяснению бытовых условий жизни членов партии уральских организаций¹¹⁶.

С другой стороны, по инициативе Уралбюро создавались комиссии по переписи – структурные единицы, не предусмотренные организационным планом переписи, разработанным Секретариатом ЦК РКП(б). В организационный план были внесены изменения: вместо губернских организаторов уральским губкомам было предложено создать комиссии по проведению переписи из представителей следующих организаций: Уралбюро ЦК, орготдела губкома, губстатбюро и погуба¹¹⁷. Большинство губкомов это предложение приняло и, в свою очередь, ими были созданы аналогичные переписные комиссии в уездах. Эту идею можно признать удачной в том смысле, что включение в комиссию представителей учреждений, задействованных в переписи, давало возможность более успешно координировать их действия, оперативно и без лишней волокиты решать возникавшие проблемы (организационные, финансовые, кадровые).

В Екатеринбургской губернии комиссия по переписи имела следующую структуру. Во главе комиссии стоял председатель, исполнявший обязанности губернского организатора. Им являлся заведующий организационным отделом губкома Т. С. Кузнецов. Членами комиссии являлись заведующий губстатбюро, член губернской контрольной комиссии и представитель политуправления Приуральского военного округа¹¹⁸. В состав комиссии был также введен член уездно-городской комиссии Екатеринбурга с правом совещательного голоса¹¹⁹. Руководитель губстатбюро В. Н. Смирнов выполнял обязанности технического руководителя комиссии, т. е. контролировал мероприятия по проверке и обработке материалов переписи. Ведение отчетности по переписи, приемка и проверка поступающих переписных бланков, а также составление первоначальной губернской сводки были возложены на Н. Максимова – заведующего демографической секцией губстатбюро¹²⁰. Таким образом, участие в деятельности губернской комиссии по переписи профессиональных и опытных специалистов-статистиков позволяет говорить о ее достаточно высоком уровне и способности оперативно управлять ходом переписной кампании.

¹¹⁶ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 28. Л. 81.

¹¹⁷ Там же. Д. 76. Л. 23 а.

¹¹⁸ Там же. Д. 463. Л. 1.

¹¹⁹ Там же. Л. 2.

¹²⁰ Там же. Д. 663. Л. 2.

Перед началом переписи, в середине января 1922 г., уездные организаторы были вызваны в Екатеринбург для инструктажа. Совместно с губстатбюро они разработали план переписных мероприятий по уездам¹²¹.

Помимо губернской, аналогичные комиссии по переписи создавались в каждом уезде, они состояли из трех человек: представителя от уездного комитета, уездного статбюро и укома профсоюза. В комиссию вводился также представитель от военных политорганов с правом совещательного голоса. Каждый из них выполнял соответствующие функции. Представитель укома партии являлся председателем комиссии и уездным организатором по переписи. В его задачу входило «общее руководство и направление работ по переписи»¹²². На должность уездного организатора назначался, как правило, «подходящий товарищ» с хорошими организационными способностями и знакомый «с делом статистики». При отсутствии подходящей кандидатуры из числа членов укома на эту должность губернской комиссией назначался кто-либо из губернских партийных работников¹²³.

Представитель статистических органов в уездной комиссии проводил техническое инструктирование регистраторов, проверял и обрабатывал переписной материал, а также составлял уездную сводку. На члена комиссии от профбюро возлагались руководство «хозяйственной частью переписи» и набор сотрудников для технической работы из «статистиков или <...> лиц из числа профорганов»¹²⁴. Обязанности члена комиссии от политорганов заключались в подборе регистраторов из числа красноармейцев, проводивших опрос коммунистов-военнослужащих, а также в контроле «за правильностью переписи и учета демобилизованных членов партии»¹²⁵.

Деятельность комиссии по переписи находилась под контролем уездного комитета партии. Одновременно о ходе переписной кампании комиссия должна была отчитываться перед губкомом и губернской комиссией. Ей предписывалось два раза в неделю предоставлять им информацию о количестве заполненных и проверенных переписных бланков, а также снятых с них копий¹²⁶.

Осуществление любого крупномасштабного мероприятия невозможно без серьезного финансового обеспечения. Партийная перепись 1922 г. по своему размаху, несомненно, относилась к числу таких ме-

¹²¹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 663. Л. 2.

¹²² Там же. Д. 470. Л. 77.

¹²³ Там же. Д. 463. Л. 30.

¹²⁴ Там же. Д. 470. Л. 77.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. Л. 77 об.

роприятий, поэтому на ее проведение были выделены значительные денежные средства. Общая смета расходов по Всероссийской партийной переписи была утверждена на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 5 декабря 1921 г. и составила 3 382 175 тыс. р.¹²⁷ Значительная часть этих средств – 498 200 тыс. – тратилась на содержание руководящего персонала переписи: уполномоченных ЦК, губернских и уездных организаторов. Уполномоченные должны были получать по 500 тыс. р., губернские и уездные организаторы – по 300 тыс. р. в месяц¹²⁸. Помимо этой суммы, каждый из членов руководящего персонала получал определенную плату за каждую заполненную переписную карточку. Регистраторы получали зарплату только на основании количества заполненных ими переписных бланков.

Достаточно скоро организаторы переписи начали испытывать нехватку денежных средств. Поскольку кампанию по переписи членов партии предполагалось завершить в течение месяца, а перепись затянулась, то выделенной на эти цели суммы оказалось недостаточно. К тому же расходы на проведение переписи оказались выше запланированных в связи с тем, что «передвижение внутри губерний требовало затраты значительных средств, превышавших ассигнования из центра»¹²⁹. Уже в январе 1922 г. губкомы стали присылать в финансовую комиссию Секретариата ЦК РКП(б) просьбы о дополнительных ассигнованиях. Согласно постановлению Секретариата ЦК от 11 января 1922 г. дополнительные финансовые средства были выделены Зырянскому обкому в размере 35 млн р., Воронежскому губкому – 10 млн, Московскому губкому – 300 млн р.¹³⁰ В дальнейшем было принято решение все просьбы, связанные с выделением дополнительных средств на перепись, «рассматривать особо по мере поступления». В целом надо отметить, что дополнительные расходы на перепись росли как снежный ком, все более и более увеличиваясь, так как обращения в ЦК с подобными просьбами были частыми¹³¹. К сожалению, нам не удалось обнаружить в архивах сведений по итоговой сумме затрат на перепись. Судя по тому, что перепись затянулась на месяцы, окончательная цифра оказалась намного выше первоначальной. Сюда же необходимо добавить расходы на печатание анкет и бланков партийной переписи, которые составили 30 186 380 р.¹³²

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 255. Л. 2.

¹²⁸ Там же. Л. 18.

¹²⁹ Известия ЦК РКП(б). 1923. № 3. С. 108.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 255. Л. 13.

¹³¹ Об этом говорится в годовом отчете статотдела ЦК. См.: Известия ЦК РКП(б). 1923. № 3. С. 108

¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 241. Л. 2 об.

Екатеринбургскому губкому на проведение переписи были выделены денежные ассигнования в размере 122 млн р.¹³³ После обсуждения губернская комиссия сочла эту сумму достаточной для проведения переписных мероприятий.

Как указывалось выше, участие организаторов и регистраторов в переписи осуществлялось на платной основе. В качестве единицы оплаты был взят переписной бланк «А». ЦК РКП(б) предложил принцип дифференцированной оплаты труда в зависимости от типа партийных ячеек (городские, сельские, военные) и установил нормы этой оплаты. Однако они не носили директивного характера, и местным партийным организациям предоставлялась определенная свобода действий. Главное условие состояло в том, чтобы не выйти за пределы ассигнованных центром денежных сумм¹³⁴. Екатеринбургская губкомиссия по переписи, основываясь на этом разрешении ЦК партии, утвердила свою смету расходов (табл. 2.1). Был установлен различный уровень оплаты переписных бланков для разных территорий: более высокий – для неблагополучных в продовольственном отношении и менее высокий – для благополучных. К числу неблагополучных были отнесены Красноуфимский, Каменский, Нижнетагильский и южная часть Екатеринбургского уезда¹³⁵, однако в финансовую смету в качестве неблагополучного Екатеринбургский уезд был включен полностью; к ним также был добавлен Надеждинский уезд¹³⁶.

Кроме того, на время проведения переписи члены переписных комиссий и регистраторы были освобождены от своих обязанностей по основному месту работы с сохранением месячного заработка¹³⁷.

Для того чтобы понять уровень и значимость материального вознаграждения для участников переписи, необходимо представлять общую социально-экономическую ситуацию в стране и на Урале в начале 1920-х гг. Несмотря на введение нэпа, положение можно было охарактеризовать словами «экономическая разруха». Хозяйственная система страны находилась в кризисе, спад промышленного производства вел к массовой безработице среди рабочих, значительному снижению товарооборота между городом и деревней. Высокими темпами росла инфляция, в результате падала не только реальная заработная плата основной части населения, но возникла проблема отсутствия денежных знаков на оплату труда и, как следствие, долги по заработной пла-

¹³³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 33.

¹³⁴ Там же. Л. 33 об.

¹³⁵ Там же. Л. 2.

¹³⁶ Там же. Л. 32.

¹³⁷ Там же. Л. 2.

те. Государство вынуждено было прибегать к дополнительной денежной эмиссии, что, в свою очередь, вызывало рост цен. Так, в 1921 г. количество денежной массы в обращении увеличилось в 13,5 раза, а цены выросли в 11 раз¹³⁸. Нехватка денег компенсировалась выдачей продовольственных пайков. Основную часть зарплаты рабочие и служащие получали в натуральной форме. В 1919 г. ее удельный вес составлял 64 %, в 1920 – 84 %, в начале 1921 г. – 93,2 %¹³⁹.

Таблица 2.1

Оплата труда организаторов и регистраторов переписи, рублей*

Тип ячейки	Губернский организатор	Уездные организаторы		Регистраторы	
		По норме ЦК	По норме губкома	По норме ЦК	По норме губкома
Городская	400	1 000	700 и 1 000	2 000	1 000 и 2 000
Сельская	500	2 000	1 500 и 2 000	5 000	3 000 и 3 500
Военная	300	500	500	1 500	1 200 и 1 500

*Составлено по: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 2, 33 об.

Урал как крупный промышленный регион России ощутил на себе эти проблемы очень остро. Дополнительно они обострялись проблемой голода 1921–1922 гг. По Екатеринбургской губернии к весне 1922 г. задолженность по зарплате перед рабочими составила более 800 млрд р. Продовольственные пайки также выдавались нерегулярно¹⁴⁰, и это при том, что в Екатеринбургской губернии число голодающих превысило 50 % от общей численности населения¹⁴¹.

Голод затронул все социальные группы населения, в том числе рабочих. Но особенно тяжелым положение было в среде служащих и учащихся, так как они не имели своего хозяйства и вынуждены были приобретать продовольствие на рынке. Естественно, что в подобной ситуации любой дополнительный источник дохода являлся неоценимым благом. С учетом того, что переписной персонал главным обра-

¹³⁸ См.: Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. М., 1999. С. 158.

¹³⁹ См.: Там же. С. 160.

¹⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 78. Л. 61, 72.

¹⁴¹ См.: Каракулов Д. В. Голод 1921–1922 гг. на Урале : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 15.

зом состоял из служащих и учащихся, можно представить их заинтересованность. Но насколько участие в переписи позволяло решить материальные проблемы? Для ответа на этот вопрос обратимся к характеристике уровня цен на основной продукт питания – хлеб. В январе 1922 г. рыночная цена фунта хлеба (409,5 г) составляла 20 455 р. Рабочий на свою месячную зарплату мог купить 24 фунта хлеба. В феврале фунт хлеба стоил уже 41 750 р., рабочий мог позволить себе купить 28 фунтов хлеба, в марте цена хлеба поднялась до 70 000 р. за фунт, и на свою зарплату рабочий мог купить 25 фунтов хлеба¹⁴².

В переписных мероприятиях по губернии было занято 230 регистраторов¹⁴³. Исходя из общей суммы, потраченной на оплату работы регистраторов, их средняя зарплата составляла 207 613 р. На эту сумму можно было приобрести в январе – 10,1 фунта хлеба, феврале – 5 фунтов, марте – около 3 фунтов хлеба¹⁴⁴, т. е. прибавка к основному доходу регистраторов была незначительной.

Управленческое звено (губернские и уездные организаторы) помимо текущей зарплаты получало определенные суммы за каждый переписной бланк. Точно подсчитать эти суммы не представляется возможным, но приблизительную цифру указать можно. Губернский организатор должен был получить за переписные карточки около 5,5 млн р., уездные организаторы, в зависимости от уезда, получали от 775 тыс. р. (Верхотурский уезд) до 9 млн (Екатеринбургский уезд).

В ситуации перманентного дефицита денежных ресурсов у руководителей местных партийных организаций возникало желание воспользоваться проведением переписи и «выбить» из центра дополнительные деньги для улучшения материального положения членов партии своих организаций. Екатеринбургский губком предложил ЦК РКП(б) осуществить разработку материалов переписи силами губстатбюро на местах. На эту работу он запросил из Москвы 100 млн р., но получил отказ¹⁴⁵. С подобными просьбами в ЦК обращались и другие губкомы. Так, Тульский губком сообщал о готовности взять на себя разработку материалов переписи и просил на это 40 млн р.¹⁴⁶ Все подобные просьбы Секретариат ЦК отклонил и распорядился все материалы незамедлительно отправлять в центр.

Итак, анализ исторических условий возникновения источника позволил выявить комплекс объективных и субъективных факторов, действовавших во время проведения партийной переписи 1922 г. Все усилия организаторов как на этапе подготовки переписи,

¹⁴² ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 68. Л. 22.

¹⁴³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 2 об.

¹⁴⁴ Здесь и далее подсчитано по: Там же. Л. 32.

¹⁴⁵ Там же. Л. 36.

¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 314. Л. 1.

так и во время ее проведения были направлены на получение максимально правдивой и объективной картины состояния партии. У организаторов переписи отсутствовали мотивы и причины для преднамеренной фальсификации ее результатов. С их стороны не усматривается сознательного искажения фактов, тенденциозного и целенаправленного подбора данных.

Таким образом, изучение условий появления источника, авторства, целей и обстоятельств его создания позволяет утверждать, что данные партийной переписи 1922 г. достаточно полно и достоверно отразили численность и социальный состав губернской партийной организации.

2.2. О свойствах материалов переписи как исторического источника

Первичные материалы партийной переписи 1922 г. по своему происхождению являются массовыми статистическими источниками, которые, в свою очередь, относятся к разряду документальных¹⁴⁷. Классическое определение массовых источников, не утерявшее своей актуальности и в настоящее время, дал академик И. Д. Ковальченко: «Массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем»¹⁴⁸. Таким образом, важным свойством массовых источников является то, что они позволяют «выявить и описать исторические тенденции и закономерности, а также охарактеризовать массовые явления и процессы»¹⁴⁹.

При использовании статистических источников в историческом исследовании историк сталкивается с тремя угрозами:

- 1) недостоверности статистических показателей;
- 2) нерепрезентативности сохранившихся сведений в отношении объекта исследования;
- 3) несопоставимости используемых данных»¹⁵⁰.

¹⁴⁷ См.: *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. Ростов н/Д, 1976. С. 44–45.

¹⁴⁸ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979. С. 6

¹⁴⁹ *Славко Т. И.* Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981. С. 58.

¹⁵⁰ *Мазур Л. Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 508.

В связи с этим первоочередная задача исследователя, обращаясь к массовым историческим источникам, состоит в том, чтобы «прояснить предварительную работу с источником. Иначе возникает опасность вовлечь в научный оборот негодные, недостоверные данные»¹⁵¹.

Достоверность изучаемого нами исторического источника можно установить, во-первых, акцентируя внимание на целях его создания, так как связь исторических источников, в том числе и статистического характера, с реальностью, когда они выступают «как продукты целенаправленной деятельности человека», определяет их функциональный характер¹⁵². Во-вторых, достоверность источника можно оценить посредством его сопоставления с другими статистическими источниками по теме исследования, относящимися к данному периоду, а также другими письменными источниками массового характера.

Значительное влияние на степень достоверности источника оказывает, как известно, стремление его создателей представить в нем то или иное событие в выгодном для себя свете. К создателям данного источника относятся как организаторы переписи (партийные инстанции), так и регистраторы, т. е. непосредственные исполнители, а также респонденты.

В случае партийной переписи 1922 г., как показано выше, все усилия ее организаторов были направлены на получение максимально полной картины состояния партии. В циркулярном письме ЦК РКП(б), посвященном переписи, на местные партийные организации и лиц, командированных ЦК для ее проведения, возлагалась ответственность «за срочное и аккуратное проведение переписи»¹⁵³.

Искажение информации могло иметь место на этапе непосредственного заполнения переписных бланков персоналом, качество работы которых зависело от подготовки регистраторов – сотрудников переписных комиссий, условий их работы, а также от системы контроля и проверки результатов переписи.

Главными действующими лицами переписи были, несомненно, регистраторы. Они проводили непосредственный опрос коммунистов и заполняли переписные бланки, поэтому во многом от их ответственности и добросовестности зависел успех или неудача переписи. Как известно, большое значение для получения качественной информации имеет подбор и правильная организация работы интервьюеров,

¹⁵¹ Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Массовые источники и компьютеризация исторических исследований // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 449.

¹⁵² Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск, 1973. С. 137–140.

¹⁵³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 33.

т. е. тех людей, которые должны были непосредственно фиксировать ответы опрашиваемых коммунистов. Это хорошо понимали организаторы переписи, поэтому много внимания было уделено подбору и подготовке персонала.

Для проведения переписи требовалось большое количество регистраторов. В условиях общего низкого уровня грамотности населения найти подходящие кандидатуры было непростой задачей. Так как перепись являлась внутривнутрипартийным мероприятием, в первую очередь старались привлечь коммунистов, знакомых со статистическим делом. Партийным комитетам предлагалось назначать на эту должность «хорошо грамотных членов партии... работавших по переписи населения 1920 года»¹⁵⁴. Но таких коммунистов было немного. Поэтому в письме ЦК партии, отправленном на места, разрешалось привлекать к работе по переписи специалистов-статистиков из беспартийной среды для того, чтобы провести перепись «с возможною быстротою и надлежащей полнотою»¹⁵⁵, чем охотно воспользовались в Екатеринбургской губернии¹⁵⁶.

В качестве регистраторов рекомендовалось также привлекать секретарей партийных ячеек. Если они не могли выполнять эти обязанности, то предлагалось использовать их «в качестве помощников регистраторов, как лучше знающих состав членов своей ячейки»¹⁵⁷. Предполагалось брать на работу в качестве регистраторов также людей, имеющих достаточно высокий образовательный уровень: учителей, врачей, студентов рабфаков¹⁵⁸. Регистраторов набирали, как правило, в городах и только в крайних случаях в волостях, т. е. из среды сельских жителей¹⁵⁹.

Определенное представление о регистраторах Екатеринбургской губернии можно получить из отчетов регистраторов, которые они заполняли по окончании переписи и сдавали вместе с переписными бланками. В РГАСПИ эти отчеты, хотя и не в полном объеме (чуть больше 1/2 от общего числа), сохранились¹⁶⁰. Из них мы узнаем, что персонал регистраторов состоял главным образом из мужчин (75,4 %). Большинство регистраторов были молодыми людьми 18–30 лет (71,4 %) и среднего возраста – 31–40 лет (22,2 %). Почти 70 % регистраторов состояли в рядах РКП(б), некоторая часть из них

¹⁵⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 470. Л. 77.

¹⁵⁵ Там же. Л. 33 об.

¹⁵⁶ Там же. Д. 463. Л. 31.

¹⁵⁷ Там же. Д. 470. Л. 75.

¹⁵⁸ Там же. Д. 463. Л. 2.

¹⁵⁹ Там же. Д. 470. Л. 77.

¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 48. Д. 758. Л. 111–239.

была комсомольцами, удельный вес беспартийных составил 29 %. Относительно образовательного уровня картина была следующей: 1,6 % регистраторов имели высшее образование, 20 % – среднее, 17,6 % – незаконченное среднее, но большинство были людьми малообразованными – 60,8 % имели низшее (начальное) образование.

Оценка качественных параметров переписного персонала не ограничивается изучением кадрового состава. Важным вопросом является подготовка регистраторов к проведению переписи. Согласно «Инструкции о производстве переписи» перед началом переписных мероприятий регистраторы должны были пройти инструктирование на специальном совещании, где предполагалось подробно разобрать каждый пункт основного переписного бланка «А», чтобы избежать в дальнейшей работе «разного их понимания и толкования»¹⁶¹.

В городе подготовка регистраторов осуществлялась на так называемом созванном совещании. Занятия проводили сотрудники статистических органов. Они обязаны были зачитать инструкцию по проведению переписи, ознакомить слушателей с переписными бланками, провести пробные заполнения бланков¹⁶². Далеко не всегда обучение проходило по полной программе. Во многих случаях проводилось только общее инструктирование и знакомство с бланками переписи, а в ряде мест дело ограничилось прочтением инструкции¹⁶³.

В сельской местности ситуация была еще сложнее. В том случае, когда регистратора из города не было, он назначался из местных членов партии. Такой регистратор, как правило, не проходил централизованного обучения¹⁶⁴. В Екатеринбургской губернии 2/3 регистраторов в сельской местности не прошли предварительную подготовку, 27,4 % обучались в течение одного дня, а больше одного дня – только 5,7 %¹⁶⁵.

Все эти моменты повлияли на качество переписной информации. К числу типичных недостатков, встречаемых при заполнении бланков, можно отнести следующие: вместо ответа в бланках стоит пропуск; встречаются ошибки и путаница при внесении информации в анкету (наиболее часто при заполнении рабочего и служебного стажа). Как правило, переписные бланки заполнялись при помощи чернил, но встречаются записи, сделанные цветным или простым карандашом. В таких анкетах зачастую трудно разобрать написанное. Довольно часто попадаются анкеты с орфографическими ошибками, произвольными сокращениями слов, названий профессий, непонят-

¹⁶¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 470. Л. 76.

¹⁶² Там же. Л. 77.

¹⁶³ Там же. Д. 534. Л. 44, 45.

¹⁶⁴ Там же. Д. 470. Л. 72 об.

¹⁶⁵ Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 48. Д. 758. Л. 111–239.

ными аббревиатурами учреждений и организаций, что создает дополнительные трудности для исследователя. Не всегда регистраторы заполняли бланки четким и разборчивым почерком.

По своему масштабу партийная перепись 1922 г. была первым мероприятием подобного рода в Советской России со всеми вытекающими отсюда последствиями. Перечисленные недостатки организации переписи затрудняют исследовательскую работу с первичными материалами и приводят к потере части информации, прочитать которую не представляется возможным.

Существенное влияние на достоверность сведений переписи оказывала готовность членов партии предоставить о себе необходимые и подробные сведения. Инструкция по проведению переписи строго требовала от опрашиваемого коммуниста обязательно отвечать на все вопросы анкеты, разъясняла, что «недопустимы скомканные ответы на сложные вопросы (рабочий и служебный стаж, революционный стаж и проч.) или один общий ответ на ряд вопросов, касающихся одного факта...»¹⁶⁶. Члены партии предупреждались о санкциях административного характера в случае предоставления недостоверной информации: «Члены партии за неправильно данные регистраторам сведения <...> несут ответственность перед соответствующими партийными органами»¹⁶⁷. Подобные меры воздействия на членов партии имели определенный эффект, заставляя их более ответственно подходить к ответам на вопросы анкеты. Тем не менее, следует отметить, что достоверность ответов на ряд вопросов анкеты вызывает сомнение.

В отчетах регистраторов отмечались те вопросы анкеты, которые вызывали у членов партии наибольшие затруднения. К ним, в частности, относится пункт, касающийся религиозных взглядов. В известной работе партийных теоретиков Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского «Азбука коммунизма» отмечалось, что у коммунистов не может быть компромисса с религией. Они писали: «Некоторые плохонькие коммунисты рассуждают так: “мне религия не мешает быть коммунистом – я одинаково верю и в Бога, и в коммунизм. Моя вера в Бога не мешает мне бороться за дело пролетарской революции”. Такое рассуждение в корне неверно. Религия и коммунизм несовместимы ни теоретически, ни практически»¹⁶⁸. По их мнению, человек, разделяющий коммунистические идеалы и одновременно придержи-

¹⁶⁶ Инструкция о производстве переписи членов РКП 1922 г. С. 7.

¹⁶⁷ ЦДООСО. Ф.76. Оп. 1. Д. 470. Л. 77.

¹⁶⁸ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков. Пг., 1919 [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/buharin_nikolay/azbuka_kommunizma/read/ (дата обращения: 15.06.2018).

вающийся религиозных практик, не мог находиться в рядах партии: «Верующий и называющий себя коммунистом, нарушающий предписания партии во имя заповедей религии перестает быть коммунистом»¹⁶⁹.

На практике установка о несовместимости членства в партии с религиозными взглядами проявлялась в том, что они стали одной из причин исключения из партии в ходе чисток. Так, в ходе партийной чистки 1921 г. из Екатеринбургской губернской партийной организации было исключено 5 % коммунистов «за исполнение религиозных обрядов»¹⁷⁰.

Хотя в «Дополнении к инструкции о переписи» говорилось, что «п. 10 отнюдь не преследует полицейские меры. Искренняя вера (обрядовая запрещена соответствующим циркуляром ЦК) товарища во что-то или боязнь чего-то “свыше” должна быть изжита не наказанием, а агитпропагандистской работой»¹⁷¹, тем не менее можно с уверенностью утверждать, что данное разъяснение не соблюдалось, так как не было доведено до большинства регистраторов, а следовательно, и до опрашиваемых коммунистов. Кроме того, верующие члены партии не отделяли обрядовую сторону религии от содержательной, что особенно проявлялось у исповедующих ислам. Для них отречение от веры было высшим грехом, и зачастую они в рамках переписи подавали заявление об исключении из партии.

В ходе проведения переписи появились новые партийные документы по религиозному вопросу. 4 февраля 1922 г. вышел циркуляр ЦК РКП(б) «О постановке антирелигиозной пропаганды», в котором указывалось, что «РКП(б) борется со всяким религиозным мировоззрением»¹⁷². Вслед за ним в марте 1922 г. была опубликована статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой он изложил основные принципы организации антирелигиозной пропаганды как особого направления классовой борьбы и призвал партию вести систематическую пропаганду воинствующего атеизма¹⁷³.

Поэтому неудивительно, что вопрос переписной анкеты об отношении к религии оказался одним из самых «неудобных» для респондентов, часто вызывая у коммунистов смешанные чувства и замешательство. Как отмечали регистраторы, «вопрос о религии вызвал отрицательное отношение», «[возмущение] (слово зачеркнуто. – С. В.)

¹⁶⁹ Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма...

¹⁷⁰ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 4. С. 39.

¹⁷¹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 76. Л. 20 а.

¹⁷² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 184. Л. 3–4.

¹⁷³ См.: Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 22–33.

удивление [вопросом] о религии, спрашивали, для чего такой вопрос в бланке “А”», «у некоторых членов были заминки в религиозном вопросе, но после разъяснения в большинстве отвечали правильно», «вопросом 10-м бланка “А” все опрашиваемые поразились, но давали всегда категорические отрицательные ответы»¹⁷⁴.

С другой стороны, нельзя исключить, что часть коммунистов при ответе на этот вопрос скрыла свою религиозность, опасаясь исключения из рядов партии. Некоторые регистраторы ставили под сомнение правдивость ответов: «отрицательное отношение вызывал п. 10 бл[анка] “А” и насколько достоверны ответы на этот пункт, ответить трудно, т. к. большинство членов РКП <...> малоразвиты и веруют, хотя не явно, во что-то внешнее», «у некоторых товарищей на вопрос 10/а ответы недостоверны», «ответы “неверующий” с молодежного возраста (10, 11, 12 лет) в большинстве не достоверны»¹⁷⁵.

Определенные проблемы с достоверностью могли возникнуть при ответе на вопрос о национальности. Блок вопросов в бланке «А» по данной теме был сформулирован таким образом, что «опрашиваемый лишался возможности сам обозначить таковую по отношению к себе, а вынужден был отвечать о своем национальном происхождении по линии деда, отца и матери. Нередко это ставило респондентов в затруднительное положение»¹⁷⁶. Например, В. И. Ленин «во всех прочих своих анкетах в графе “национальность” отмечал “русский” или “великорус”», при заполнении этой анкеты не стал отвечать на вопрос о национальности деда по отцовской линии и своих родителей»¹⁷⁷.

Нельзя полностью доверять ответам на вопросы о революционном стаже¹⁷⁸. От коммунистов требовалось предоставить сведения о личном участии в различных экономических и политических акциях протеста. Естественно, возникали затруднения, поскольку никто из опрашиваемых специально не вел статистику таких мероприятий. У профессиональных революционеров подобная педантичность составителей анкеты вызывала раздражение.

Наиболее ярко позицию старых партийцев по этому вопросу высказал Ю. С. Лутовинов, работавший во время переписи 1922 г. в торг-

¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 758. Л. 155, 167, 168, 200.

¹⁷⁵ Там же. Л. 114, 184, 218.

¹⁷⁶ *Офицеров В. А.* О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа (по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.) // Ист. зап. 2008. № 11 (129). С. 45.

¹⁷⁷ *Офицеров В. А.* Ленин и его политические преемники : по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. // Ленин. Взгляд из третьего тысячелетия : материалы круглого стола, проходившего 7 ноября 2008 г. М., 2009. С. 76.

¹⁷⁸ См. *Офицеров В. А.* О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа... С. 45.

предстве РСФСР в Берлине: «По моему мнению, Ваша анкета блестящий образец того, как не нужно составлять анкеты, и в другой раз не беритесь не за свое дело <...> Нужно помнить, что терпение членов партии имеет ограниченный предел. Издеваться над ними до бесчувствия – безнаказанно нельзя <...> Участвовал как в экономических, также политических стачках. Десятки раз был руководителем таких, но ответить на вопрос, сколько раз всего принимал участие, не могу. Такие вопросы могут задавать только лица, совсем не имеющие никакого понятия о стачках»¹⁷⁹. В то же время другие партийные руководители, такие как Н. И. Бухарин и Г. Л. Пятаков, постарались дать о себе полную информацию. Таким образом, вполне достоверным можно признать факт участия членов партии в революционных событиях, но не их количественные показатели¹⁸⁰.

Еще одним пунктом анкеты, в отношении которого может возникнуть сомнение в плане достоверности ответов, является вопрос о службе в Белой армии. В отчетах встречаются указания регистраторов на стремление некоторых коммунистов скрыть этот факт своей биографии¹⁸¹. К достоверности ответов на вопрос о последнем месячном заработке также необходимо подходить с осторожностью. Следует иметь в виду, что люди зачастую весьма неохотно показывают источники и размеры своих доходов, опасаясь соответствующей реакции со стороны контролирующих органов. Рассматривая исследуемый нами период, надо учитывать сложную экономическую ситуацию в стране и на Урале. На фоне галопирующей инфляции, низкой заработной платы, ее постоянной задержки и в то же время необходимости платить налоги, многие члены партии не желали указывать размеры своих доходов. Поэтому довольно часто в бланках встречаются пропуски ответов на данный вопрос, а имеющиеся ответы вызывают сомнение. Сомнения регистраторы высказывали и в отношении ответов на вопросы о числе исполнившихся лет, о том, имеет ли желание учиться и чему именно, о чтении журналов и газет¹⁸².

В социологии вопросы подразделяются на абстрактные, требующие определенного уровня обобщения при ответе, и конкретные, касающиеся единичных фактов, событий. Конкретные вопросы, в свою очередь, делятся на фактологические и ценностные. Первые направлены на выяснение конкретных явлений и причин, их вызывающих. Вто-

¹⁷⁹ Цит. по: *Офицеров В. А.* О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа... С. 45; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 270. Л. 49.

¹⁸⁰ *Офицеров В. А.* Ленин и его политические преемники... С. 75.

¹⁸¹ См., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 758. Л. 213.

¹⁸² Там же. Л. 137, 147, 154, 166 об., 183, 204, 214.

рые выясняют отношение респондента¹⁸³. В нашем случае вопросы об учебе и чтении прессы относятся к категории ценностных. В результате в ответах на них может проявиться субъективное восприятие опрашиваемого, они могут отражать намерение или стандартную оценку.

«Провалы» организационного характера и невысокий уровень подготовки регистраторов должны были чем-то уравновешиваться, сглаживаться. Такую компенсаторную функцию в партийной переписи 1922 г. выполняла система контроля над ходом регистрации и качеством переписного материала, включающая ответственность персонала (дисциплинарную и материальную)¹⁸⁴.

Переписная информация проходила многоуровневую проверку. Завершив работу, регистраторы передавали заполненные бланки участковым организаторам, которые их проверяли и в случае необходимости тут же на месте вносили исправления. После этого материал сдавался в уездную комиссию под расписку. В городах регистраторы сдавали материал для проверки непосредственно членам уездной комиссии¹⁸⁵. Уездная комиссия вновь проверяла каждый бланк, после чего заполнялся второй экземпляр бланка «А» для губкома и, если была возможность, третий – для укома. На военных членов партии заполнялась четвертая копия бланка «А»¹⁸⁶. После проверки материала составлялась общеуездная сводка по установленной форме бланка «Д». Затем уездный организатор передавал весь материал по переписи в губернскую комиссию по переписи. Здесь данные переписи еще раз внимательно проверялись и исправлялись, и составлялась общеуездная сводка. По завершении всех этих процедур материалы направлялись в статотдел ЦК РКП(б).

Несмотря на многоуровневую систему контроля, добиться абсолютной точности сведений не удавалось. Секретариат ЦК РКП(б) явно не устраивало отношение местных партийных руководителей к партийной переписи. В циркулярном письме № 250 от 23 февраля 1922 г. за подписью секретаря ЦК РКП(б) В. М. Михайлова, направленном губкомам и уездкомам, высказывались замечания: «Отправляя Вам новые партбилеты, ЦК обращает Ваше внимание на дефекты, часто встречающиеся при проверке присланных Вами анкет “Всероссийская перепись” <...> например: отсутствие номера партбилета, отсутствие сведений о месте службы, партийного и служебного стажа

¹⁸³ См.: Федорова Н. А. Всесоюзная перепись 1926 г.: анализ статистической информации // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 127.

¹⁸⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 33 об.; Д. 470. Л. 78.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. Л. 76.

и т. д., что не дает твердой уверенности в принадлежности того или иного переписанного товарища к РКП»¹⁸⁷.

Представление о том, как и насколько эффективно на практике действовала система контроля в Екатеринбургской губернии и какие недостатки в переписных бланках она выявляла, можно получить на основании изучения сохранившихся в архиве поуездных сводок «Замечаний по переписи членов РКП». При проверке бланков «А» членами комиссий выявлялись типичные погрешности. Очень часто встречались заполненные по сокращенной программе бланки на коммунистов, находившихся в служебной командировке, вышедших из партии к началу переписи, не явившихся на регистрацию, а также на кандидатов в члены партии. Заполнение бланка «А» в подобных случаях противоречило «Инструкции по переписи», которая допускала составление бланков по сокращенной программе только в отношении больших коммунистов или находящихся в тюремном заключении¹⁸⁸. Выявление неправильно заполненных бланков «А» основывалось на их сверке с бланком «Б» (список членов ячейки). Такие бланки «А» членами уездных комиссий после проверки изымались, а в бланк «Б» вносились соответствующие изменения. В ряде случаев, наоборот, выявлялось отсутствие бланков на коммунистов, находившихся в момент переписи в больницах и госпиталях, обнаруживалось, что переписные бланки заполнены не на всех членов ячейки, указанных в бланке «Б». Такие члены партии, оставшиеся «за бортом» переписи не по своей воле, брались на учет и проходили перерегистрацию дополнительно в более поздние сроки.

Приведем результаты проверки по ряду уездов Екатеринбургской губернии. По Екатеринбургскому уезду переписной комиссией было забраковано 53 переписных бланка «А» (0,9 % от общего числа), по Нижнетагильскому – 74 бланка (6,1 %), Каменскому – 105 (8,2 %), Алапаевскому – 8 (0,8 %), Ирбитскому – 18 (1,4 %), Шадринскому – 17 (0,7 %), Красноуфимскому – 19 (1,4 %)¹⁸⁹. Как видно из приведенных цифр, «брак» в работе регистраторов встречался нечасто.

Организаторы переписи для повышения ответственности исполнителей помимо мер административного и организационного характера использовали материальные рычаги воздействия. Уездно-городские и волостные регистраторы получали зарплату за свой труд только после того, как сданный ими переписной материал тщательно

¹⁸⁷ Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002. С. 30; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 24. Л. 22.

¹⁸⁸ См.: Инструкция о производстве переписи членов РКП 1922 г. С. 6.

¹⁸⁹ Подсчитано автором по: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 463. Л. 12, 12 об., 13, 14, 22 об., 23 об., 24, 25, 27 об., 28, 29, 32.

проверялся уездными организаторами. Если выявлялись неправильно заполненные бланки, оплата за них не производилась. Сами уездные организаторы получали деньги за свою работу по результатам проверки материалов по уезду губернской комиссией¹⁹⁰. За успешное и точное заполнение бланков уездные комиссии имели право поощрять регистраторов и организаторов. Они получали денежное или натуральное вознаграждение «в виде премии из оставшихся от общих сумм, отпущенных для переписи»¹⁹¹.

Предпринятые меры хотя и не исключали погрешностей в заполнении переписных бланков, все же позволили свести их к минимуму. В целом для тех непростых условий это достаточно добротный материал, характеризующий состояние Коммунистической партии. Он дает нам не менее объективную информацию, чем любой другой статистический источник. Отмеченные недостатки не влияют на надежность и достоверность содержащихся в первичных бланках данных.

2.3. Информационный потенциал материалов переписи

Для установления полноты сведений первичных материалов переписи 1922 г. необходимо дать критическую оценку их информационной структуры, уделив особое внимание структуре бланка «А».

Во время партийной переписи 1922 г. заполнялось шесть различных бланков. Их составлением занимался статистический отдел ЦК РКП(б). Форма бланков была единой для всей страны. Письмо ЦК, разосланное на места, не допускало внесения каких-либо самовольных изменений в переписной бланк или дополнения его новыми вопросами¹⁹².

Основным из них являлся бланк «А» – личный переписной бланк члена партии.

Бланк «Б» – список членов ячейки. Он заполнялся секретарями ячеек. В него вносились данные о местонахождении ячейки, наименовании предприятия, при котором была организована ячейка, и числе работающих на нем. Кроме того, в бланке «Б» отмечалось время возникновения ячейки, количество членов партии и кандидатов, состоящих в ней на учете, в том числе сведения о составе должностных лиц бюро ячейки. Здесь же в бланке составлялся поименный список всех членов этой организации с указанием номера партийного билета и пола.

¹⁹⁰ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 470. Л. 78.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. Д. 463. Л. 33.

Форму «В» (состав партийного комитета) заполнял секретарь парткома. В этом бланке указывалась информация о наименовании комитета, числе объединяемых им организаций, времени возникновения комитета, наименовании отделов, подотделов, секций и постоянных комиссий при комитете, а также приводился поименный список членов комитета с указанием социального происхождения, времени вступления в РКП(б), вида выполняемых в комитете работ. Кроме этого, отмечалась принадлежность коммунистов в прошлом к другим партиям.

На бланке «Г» (список ячеек) секретари укомов составляли предварительный список ячеек, подлежащих переписи. В данном бланке содержались сведения о наименовании ячейки, ее адресе, приблизительно числе членов.

Предварительные итоги переписи подводились организаторами переписи на местах путем составления отчета по форме «Д». Данный бланк составлялся на каждый уезд и на губернию. В него вносились сведения о количестве ячеек, их численном и половом составе, а также о числе работающих на предприятии, где организована ячейка.

Для учета лекторов и пропагандистов – членов РКП(б) – секретари партийных организаций составляли список по форме «Е».

Вернемся к бланку «А» как наиболее важному (рис. 2.1 и 2.2). В ходе переписи на его заполнение обращалось основное внимание. В исследовательском плане это самый интересный и богатый носитель информации из всех материалов переписи. Как отмечал статистический отдел ЦК, бланк «А» выгодно отличался от обычных анкет, по которым определить социальные параметры опрашиваемого очень трудно. Переписной бланк был составлен таким образом, чтобы в «нем содержался ряд взаимодополняющих друг друга вопросов, по которым личность опрашиваемого может быть вполне точно отнесена к тому или иному классу»¹⁹³.

Бланк «А» включает 59 пунктов, многие из них сложные, т. е. состоят из нескольких подвопросов. Более половины вопросов анкеты организованы в виде таблиц (всего их 6). При нормализации структуры бланка выделяется «более 180 позиций полезной информации»¹⁹⁴. Их удобно разбить на тематические блоки.

Первый блок вопросов (вопросы 1–3) касается партийной ячейки: ее названия, местонахождения, при какой организации создана.

Следующая группа вопросов относится непосредственно к личности опрашиваемого (вопросы 4–11): имя, пол, возраст, разговорный язык и т. д. Особого внимания заслуживает вопрос о религиозных

¹⁹³ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1. С. 5.

¹⁹⁴ *Офицеров В. А.* О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа... С. 45.

41

М. Р. К. П.
 ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ КОММУН. ПАРТИИ (Б-ОВ).
 1922 года.

Именное предприятие (улица, номер, часть), при котором организована перепись: Российский завод

Именное предприятие (улица, номер, часть), выделенное бланк: 2. Коллонтай № 510163

Имя в отчестве: Иван Осипович

Имя: Иван 7. Возраст: родился в 1882 году; число исполнившихся лет: 39 лет.

Работает ли на каком-либо реальном предприятии (объекта)? (да, нет) каково название: Коллонтай

Если Вы не уверены, то с какого возраста: с 17 лет.

Имя: Иван

Работает ли (да, нет): нет

Образование: а) грамотный ли (да, нет): да б) если учились или учились, то учились: Коллонтай

Таблица I. Образовательный ценз.

Учебный заведений (2-4 кл. земской; 4-6 кл. городского; проф.-техн. школы; вечерние курсы авто-рем., авиационные курсы; гимназия; университет; парикмах.)	Сколько лет учились.	Окончил ли школу (да, нет, указать по какому классу, курсу).
<u>Министерства 2 Коллонтай</u>	<u>4</u>	<u>да</u>
<u>Министерства в 2 Пензенские</u>	<u>6</u>	<u>да</u>

Если не было никакого — то чему учились (граммат, вышив, искусств., рисовал—какие именно): рисовал

Таблица II. Социальное и национальное происхождение.

Основная профессия или занятия, должность, чин.	Полное и правильное (должен с указанием рабочего, земско-губернского, заводского, фабричного, лесного, сельского, доб* профессии; должность, дворян, землей).	Надлежность.
17	18	19
20		

Имя: Иван

Отец: Иван Осипович

Мать: Евдокия Ивановна

Национальность: русские

Сколько лет работал по этой профессии: 10 лет

Основной источник средств к существованию до 1914 года: Работа в семье в 1914—1917 г. на военный службе

Таблица III. Рабочий и служебный стаж с 1917 г. до настоящего опроса.

МЕСТО РАБОТЫ	Город или губерния.	Род занятий.	Вид работы (по классификации).	Продолжительность работы.				
				С какого и по какому числу.	Итого работы.	Лет.	Месяц.	Дней.
25	26	27	28	29	30	31	32	
<u>Министерства Коллонтай</u>	<u>Москва</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>1917</u>	<u>1918</u>	<u>1</u>	<u>3</u>	
<u>В. В. Коллонтай</u>	<u>Москва</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>1917</u>	<u>1918</u>	<u>1</u>	<u>3</u>	
<u>В. В. Коллонтай</u>	<u>Москва</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>1917</u>	<u>1918</u>	<u>1</u>	<u>3</u>	
<u>В. В. Коллонтай</u>	<u>Москва</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>1917</u>	<u>1918</u>	<u>1</u>	<u>3</u>	
<u>В. В. Коллонтай</u>	<u>Москва</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>1917</u>	<u>1918</u>	<u>1</u>	<u>3</u>	
<u>В. В. Коллонтай</u>	<u>Москва</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>Коллонтай</u>	<u>1917</u>	<u>1918</u>	<u>1</u>	<u>3</u>	

Рис. 2.1. Бланк «А» Всероссийской партийной переписи 1922–1924 гг. Л. 1. (ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 557, л. 41)

33. Последний месячный заработок (доходная): тарифа, разр. 13, окладная ставка 1,184,000 руб.; весь бонус 1,184,000 рублей.

Табл. IV. Партийный стаж.

Наименование партии и фракции	Положение в организации («профессионал», член партии, секретарь, редактор, организатор, агитатор, пропагандист, боец, текст, редакционной части)	Место работы (город, губерния)	Время пребывания в партии			
			После вступления (год, месяц)	Всего (год, месяц)	Общая продолжительность (год, месяц)	Продолжительность (год, месяц)
44	35	36	37	38	39	
Профессионал, организатор в РКП	Секретарь	Профсоюз рабочих в текстильной промышленности	20.09.1918	19.10.1918		

Табл. V. Революционный стаж.

Участие 40

1. В статье эволюции . . . 1.000
2. « . . . политике . . . 1.000
3. В устных политич. демонстрациях . . . 1.000
4. В студенческих демонстрациях . . . 1.000
5. В подпольных кружках . . . 1.000
6. В подпольных митингах и митингах . . . 1.000
7. В митингах . . . 1.000
8. В вооруженных восстаниях и партизанских выступлениях . . . 1.000
9. В партийных конференциях . . . 1.000
10. В партийных съездах . . . 1.000

42. Террорный стаж: а) пробыв в тюрьме: . . . лет, . . . месяцев; в администр. ссылке: . . . лет, . . . мес.; на посылках: . . . лет, . . . мес.; в полит. изгнании: . . . лет, . . . месяцев; число совершенных преступлений: . . .

43. а) Какие газеты и журналы читали в 1921 году (назовите их): Журнал «Крестьянин», «Труд рабочих» б) Газеты, журналы, книги: Крестьянин

44. а) Если никогда не читали, то почему (нет газеты, нет времени, нет интереса) Газеты всегда б) Если читали, то что (на службе, в библиотеке, в читальне, на стенах) Большевик

44. а) С какого времени Вы член профсоюза: с 1918 года б) Привлекаете ли участие в настоящее время в профработе (да, нет) Нет в) Если привлекаете, то какое именно: все рабочие в текстильной промышленности

Табл. VI. Военный стаж в качестве военного служащего и политического комиссара.

П классной армии	Ряд, орден и специальность (полит. комиссар, артиллерия, инженерное дело)	Число полных месяцев и чья (родной, другой)	Продолжительность службы				Число случаев					
			С какого и по какое время		Итого		Участия		Полученные награды			
			Мес. год.	Мес. год.	Лет.	Мес.	В сраж.	В руж.	Особ. стр.	Хвал. оруж.	Хвал. оруж.	Греч.
45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	
1. В царской армии	Участие в Заб. ар. 1918	16.10.18			2	3	Вид	Класс				
2. В белой армии	Неслужил											
3. В зеленой армии												
4. В красной армии	Получил родовую часть 1918											

57. Если не были на военной службе, то проходили ли Новобуч (да, нет) Да

58. Когда демобилизованы: 6.05.1918

59. а) Если Вы горюшка или работ, то соображали ли какие либо связи с деревней (да, нет) Да б) Какое именно (какое свое или совместно с другими лицами хозяйство—домовое, огородное, пасеку и т. п.) Нет в) В чем выражается Ваше участие в этом хозяйстве (в личном труде, в денежной поддержке) Нет

Примечания

Год 1918

Подпись регистратора (подпись)

15. Января 1921 г.

Рис. 2.2. Бланк «А» Всероссийской партийной переписи 1922—1924 гг. Л. 2. (ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 557, л. 41 об.)

убеждениях. Член партии должен был ответить: верующий он или нет, если нет, то с какого возраста.

Следующий блок вопросов касался уровня образования членов партии (вопрос 12, табл. I). Выяснялось, грамотен опрашиваемый или нет, а также уровень его образования (в каких учебных заведениях учился, сколько лет, окончил ли школу). Далее в бланке представлена табл. II «Социальное и национальное происхождение» (вопросы 17–20). В ней подробно рассматривалось социальное происхождение члена партии. От него требовались сведения не только об отце и матери, но также о деде с отцовской стороны. Интересовались, являлись ли они «эксплуататорами» или существовали за счет собственного труда. Таким образом, в основу оценки социального происхождения коммуниста закладывались определенные критерии, а не только статус самого опрашиваемого.

Большой блок вопросов анкеты посвящен трудовой деятельности члена партии: в период до 1917 г. (вопросы 21–23) и после – табл. III. «Рабочий и служебный стаж с 1917 года до настоящего опроса» (вопросы 24–32). Здесь трудовая деятельность коммуниста рассматривается в динамике: от ее начала до момента переписи. Это позволяет установить, изменились ли социальный статус опрашиваемого. Разделение трудовой деятельности на период до 1917 г. и после произведено неслучайно. Зная род занятий человека до 1917 г. и то, как долго он работал по этой профессии, можно отнести его к определенной социальной группе. По инструкции к партийной переписи 1922 г. социальное положение коммунистов определялось по роду занятий, «который служил источником существования наиболее продолжительное время»¹⁹⁵. С другой стороны, революция привела к значительным социальным сдвигам в обществе. Как писал В. И. Ленин в 1922 г.: «Для весьма многих интеллигентских и полуинтеллигентских элементов поступление в рабочие при наших условиях никаких трудностей не представит»¹⁹⁶. Поэтому если, например, до 1917 г. член партии был кадровым рабочим с многолетним стажем, а после революции остался им или перешел на административную или партийную работу, то это нормальное явление. Если же до революции опрашиваемый относился, например, к мелкобуржуазным слоям, а после революции вдруг стал рабочим или занял руководящую должность, то он для партии – «чуждый элемент», которому в ней не место. Таким образом, группа вопросов, касающихся социального происхождения и трудовой деятельности, позволяла достаточно точно определить социально-профессиональный статус члена партии.

¹⁹⁵ Цит. по: *Литвак К. Б.* К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы // *Вопр. истории КПСС.* 1991. № 2. С. 92.

¹⁹⁶ Цит. по: *Лацис О.* Перелом. С. 142.

Табл. IV «Партийный стаж» (вопросы 34–39) содержит сведения о политическом «багаже» члена РКП(б). Во-первых, можно узнать, вступил ли он сразу в ряды партии большевиков или являлся членом других партий. Если состоял в других партиях, то с какого и по какой период; когда перешел в партию большевиков. Во-вторых, являлся он в той партии активным членом или нет.

Учитывая жесткую позицию большевиков по отношению к другим партиям, в том числе социалистической направленности (растрел в 1921 г. 26 левозсеровских руководителей, арест 2 тыс. членов партии меньшевиков и высылка за границу 10 членов ее ЦК)¹⁹⁷, можно предположить, что не всегда опрашиваемые отмечали свою принадлежность к другим партиям. Таким образом, сведения о прошлой политической деятельности и партийной принадлежности коммунистов могут быть не вполне достоверными.

Табл. V «Революционный стаж» (вопросы 40–41) дает нам сведения о революционной активности члена партии до октября 1917 г. и его опыте политической деятельности. В таблице перечислены различные формы борьбы: массовые мирные формы выступлений (экономическая, политическая стачка, политическая демонстрация, студенческие кружки); активные организованные формы (студенческие и подпольные кружки, нелегальные митинги и массовки, маевки); вооруженные выступления (восстание, партизанское движение); организационно-партийные (участие в партийных съездах и конференциях). По каждой форме революционной активности предлагалось посчитать количество случаев.

В переписном бланке также уделяется внимание культурным потребностям члена партии, его участию в общественной жизни (вопросы 43–44): читает ли он газеты и журналы, как часто, где читает, участвует ли в работе профсоюза.

Военная служба члена партии отражена в табл. VI, где отмечено, в какой армии служил (царской, Белой, зеленой, Красной), в каком воинском звании, продолжительность службы и активность участия в боевых действиях (число случаев), а также ранения. Вопрос о зеленой армии в переписной бланк был внесен неслучайно. В 1920–1921 гг. «повстанческие армии» зеленых вели активные боевые действия против большевиков. Члены партии, имевшие в своей биографии подобные факты, считались неблагонадежными и могли в любой момент подвергнуться исключению из ее рядов. Поэтому весьма вероятно, что не все коммунисты, служившие в свое время в зеленой армии, а тем более в Белой, сообщали о себе эти сведения.

¹⁹⁷ Верт Н. История Советского государства... С. 128–129.

Последний вопрос бланка «А» (59) уточняет связь коммуниста с деревней, сельским хозяйством, вид этой связи. Данный вопрос анкеты можно рассматривать в русле проблемы «окрестьянивания» рабочего класса, а следовательно, и партии, которая волновала большевистское руководство. Н. И. Бухарин на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. в докладе по партийному строительству предупреждал: «Мы можем быть захлестнуты волной, которая в значительной степени опирается на прослойки среди <...> рабочих, которые подчинились процессу окрестьянивания. Это нужно понять и в этом нужно видеть самую крупную опасность текущего момента»¹⁹⁸.

В нижней части обратной стороны анкеты специально выделено место для примечаний. Эти примечания могут относиться как к анкете в целом, так и к конкретным полям или записям. Часто именно здесь указывается причина того, что анкета заполнена лишь частично или, в некоторых случаях, позднее отведенного для переписи срока.

Оценить степень не только достоверности, но и полноты первичных материалов переписи 1922 г. можно, сравнив их с другими источниками массового характера по нашей проблематике, содержащими аналогичные сведения социально-биографического характера о членах РКП(б) этого периода. Попытка подбора сопоставимых массовых источников наталкивается на серьезные трудности, поскольку таковых почти нет. К их числу можно отнести личную учетную карточку коммуниста; личное дело; личный листок ответственного работника, заполнявшийся в ходе переписи членов партии в 1921 г.; характеристики на ответственных работников различных уровней, направляемые в ЦК РКП(б); анкеты делегатов партийных съездов. Все они имеют существенный недостаток по сравнению с бланками партийной переписи: содержат меньшее количество вопросов о социальном облике коммунистов и не позволяют проследить динамику его изменения.

В начале 1920-х гг. центральным партийным аппаратом, а именно учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б), наиболее ценными источниками информации о коммунистах руководящего звена признавались два: личный листок переписи ответственных работников 1921 г., содержащий «основные формальные сведения и сообщения о перемещениях», и характеристика на них¹⁹⁹. Вопросу достоверности и полноты сведений этих документов со стороны учетно-распределительного отдела ЦК придавалось большое значение, так как на их основании проводилось назначение членов партии на различные должности.

¹⁹⁸ Десятый съезд РКП(б). С. 220.

¹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 13. Л. 95 об.

По степени информационной насыщенности с первичными документами партийной переписи 1922 г. (конкретнее – с бланком «А») в какой-то мере могут быть сопоставимы личные листки учета коммунистов – ответственных работников переписи 1921 г., хотя количество вопросов в последних более чем в два раза меньше: личный листок учета состоит из 27 пунктов. Так же, как бланк «А», он содержит блок вопросов биографического характера. Однако в нем нет информации о социальном положении деда, отца, матери партийца, их месте в системе экономических отношений и социальной структуре общества (например, хозяин с наемными рабочими, хозяин-одиночка). Блок вопросов по профессиональной деятельности в листке учета тоже более узкий: отсутствуют вопросы о возрасте начала трудовой деятельности, ее характере (по найму, в своем хозяйстве). Вопрос о революционной активности не позволяет уточнить конкретные формы участия члена партии в революционной борьбе. В личном листке учета отсутствуют вопросы, затрагивающие ценностные установки коммунистов (об отношении к религии, о желании учиться, чтении литературы). Экономические характеристики члена партии также нашли неполное отражение: отсутствуют вопросы о размере заработной платы, экономических связях с деревней.

Необходимо высказать еще одно замечание, касающееся составления личного листка учета ответственных работников. Его вопросы страдают нечеткостью формулировок, недостаточно структурированы (дополнительные подвопросы сформулированы через запятую), что могло повлиять на ответы. Приведем конкретный пример. В личном листке учета есть два вопроса, касающихся военной службы: 1) «служил ли в армии»; 2) «участвовал ли в военных действиях, в какой войне». Такая постановка позволяет опрошиваемому коммунисту дать на последний вопрос следующий ответ: «в гражданской войне», не уточняя при этом, на чьей стороне. А в переписном бланке «А» имеется конкретный вопрос: «служил ли в белой армии». В этом случае вопрос, с точки зрения его формулировки, оставляет меньше шансов уйти от однозначного ответа.

В то же время в личном листке учета содержится ряд вопросов, отсутствующих в бланке «А»: «какие местности РСФСР хорошо знает», «привлекался ли к судебной ответственности перед судами РСФСР (за что, когда, приговор)», «привлекался ли к партсуду (за что, когда, приговор)», «теоретическая подготовка (марксистская)». В целом же сопоставление личного листка учета ответственных работников и переписного бланка «А» показывает, что последний обладает более высоким информационным потенциалом в сравнении с личным листком учета, позволяя всесторонне осветить социальный портрет коммуниста начала 1920-х гг.

Что касается характеристик членов партии, то их достоверность и полнота оценивалась учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б) как крайне низкая. Отмечались их формализм, бессодержательность и субъективность со стороны лиц, составлявших характеристику. В результате делался вывод о том, что из той информации, которую получил отдел, «больше половины... для практических целей мало пригодна или вовсе не пригодна»²⁰⁰. В качестве иллюстрации приведем пример характеристики подобного рода, присланной на коммуниста в учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б): «Хороший организатор и агитатор. В партии состоит сравнительно недавно, и в этом отношении еще не успел себя проявить. Энергичен и выдержан. Зарекомендовал себя с лучшей стороны. В трех строках секретарь губкома ухитрился нагромоздить ряд противоречий: “хороший организатор”, хотя “не успел себя проявить”, но “зарекомендовал себя с лучшей стороны”»²⁰¹.

В рамках оценки полноты источника сравним информационный объем переписного бланка «А» и агрегированного статистического источника «второго» уровня – сборников по итогам переписи 1922 г.

Всего по результатам партийной переписи было издано пять сборников²⁰². Первые три выпуска появились в 1922 г., четвертый – в 1923, пятый – в 1924 г. Их публикацию осуществлял статистический отдел ЦК РКП(б). Первые три сборника составлены по единому плану и включают в себя следующие разделы:

I. Вступительная статья (предисловие).

II. Сводные таблицы:

1. Общее количество парторганизаций и коммунистов по губерниям и областям.
2. Число членов партии с группировкой по партийному стажу.
3. Число членов партии с группировкой по образовательному цензу.
4. Выходцы из других партий.

Во втором сборнике, помимо этого, имеется приложение, в котором представлены графики по 71 губернии и области по следующим темам:

1. Социальный состав РКП.

2. Социальный состав вступивших в РКП в различные периоды.

Первый сборник издан объемом в 39 стр., второй – 68 стр., третий – 90 стр. Третий выпуск содержит те же таблицы, что и первые два выпуска, по 24 губерниям и областям, а также общую сводку по всей партии. Сюда же добавлена сводная таблица «Число ячеек и коммуни-

²⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 33. Л. 5.

²⁰¹ Там же. Д. 13. Л. 96.

²⁰² Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1–5.

стов по уездам». Общая сводка составлена только по двум признакам: «социальное положение», «партстаж».

В четвертый сборник (72 стр.) внесены итоги предварительной разработки переписи по всей партии. Структура этого сборника следующая:

I. Предисловие.

II. Статьи (с. 1–47):

1. Состав РКП.
2. Состав комитетов РКП.
3. Выходцы из других партий.

III. Сводные таблицы:

1. Общее количество партийных организаций и коммунистов (по районам, областям и республикам).
2. Численность коммунистов по типам ячеек.
3. Группировка членов РКП по партстажу, образованию, бывшей принадлежности к другим партиям (по районам, областям, республикам).

IV. Копия анкеты В. И. Ленина.

V. Диаграммы, графики:

1. Распределение ячеек и коммунистов по типам ячеек.
2. Социальный состав вступивших в партию в различные периоды.

Пятый выпуск (101 стр.) имеет единую тематическую направленность. Он рассматривает национальный состав партии в различных аспектах. Сборник включает в себя 33 таблицы и 2 графика.

Анализ содержания сборников по переписи позволил сделать вывод, что «обработка материалов и по многим блокам информации переписи <...> так и не была завершена. Хотя первые результаты переписи, опубликованные в “Правде” (№ 97, 99) в 1922 г., были более полные, <...> окончательные результаты ее вышли в свет только через два года»²⁰³. В статистические сборники вошли материалы по следующим вопросам: местонахождение ячейки и ее тип; общее количество партийных организаций и число коммунистов в них; партийный стаж коммуниста; членство в других партиях; социальное происхождение; род занятий в момент опроса; образование; пол; возраст; национальность. Из 59 вопросов, содержащихся в бланке «А», только 8 нашли отражение в статистических сборниках. Данные по остальным вопросам переписного бланка (за исключением вопроса о национальности, которому был посвящен отдельный статсборник) в состав статистических сборников вообще не были включены.

²⁰³ *Офицеров В. А.* О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа... С. 46.

Таким образом, Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. представляет собой сплошное статистическое обследование, охватившее всех членов партии и проводившееся на территории не только РСФСР, но и других советских республик. Уровень сохранности переписных материалов различается: в центральном архиве (РГАСПИ) он менее высокий, чем в региональных архивах. По свидетельству В. А. Офицера, «из более чем 400 тыс. обследованных по России большевиков сохранилась четвертая часть заполненных анкет бланка “А”. По Москве доля сохранившихся в архиве первичных документов еще меньше. <...> Во время обследования были выявлены заполненные бланки “А” на 3 485 московских большевиков, т. е. сохранились 12,5 % первичных документов от всей генеральной совокупности»²⁰⁴.

В РГАСПИ представлены переписные материалы главным образом на рядовых членов партии, личные анкеты ответственных работников из комплекса первичных материалов переписи были изъяты для ведения учетно-распределительной работы. Серьезным недостатком комплекса материалов партийной переписи, сохранившихся в РГАСПИ, является принцип их систематизации: анкеты сгруппированы в дела по алфавитному принципу без учета административно-территориального деления. Такой подход к формированию дел на практике исключает возможность проведения региональных исследований. В этой связи более предпочтительными являются комплексы документов, сохранившиеся в региональных архивах. В отличие от федерального архива, в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1) первичные бланки сохранились практически полностью.

Изучение различных форм бланков переписи позволяет сделать вывод, что Всероссийская партийная перепись 1922 г. была нацелена на сбор полной и исчерпывающей информации о качественном и количественном составе партии. Источниковедческий анализ комплекса переписных материалов позволяет оценить его как уникальный источник по социальной истории партии раннесоветского времени. Тщательность предварительной подготовки переписи, наличие мероприятий по контролю процесса регистрации, наблюдение за процедурой переписи способствовали созданию источника, обладающего высокой степенью достоверности, полноты и репрезентативности.

В то же время нельзя говорить об абсолютной достоверности материалов переписи, так как используемая для сбора сведений процедура – опрос и особенности формулировки вопросов анкеты – несомненно, повлияла на характер ответов и корректность полученной информации.

²⁰⁴ Офицеров В. А. О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа... С. 47.

Сравнительный анализ массовых статистических источников (первичных и вторичных) по истории РКП(б) начала 1920-х гг. показывает, что материалы партийной переписи 1922 г., особенно личный переписной бланк «А», являются наиболее информативным и полным комплексом документов, позволяющим реконструировать не только коллективный портрет членов партии, но и партийную повседневность, в том числе культурные, революционные практики. Уникальность переписи состоит также в том, что «больше ни одна перепись правящей партии не проводилась по столь обширной программе»²⁰⁵.

2.4. Электронный архив «Екатеринбургская губернская организация РКП(б). 1922 г.»: концептуальные подходы и проблемы реализации

Развернувшаяся во второй половине XX в. информационная революция привела к формированию в рамках исторической науки новых направлений, связанных с изучением массовых источников и их количественной обработкой. Одним из таких направлений стала просопография, занимающаяся исследованием «общих характеристик группы действующих в истории лиц»²⁰⁶. Первоначально в центре внимания данного направления находились политические элиты, а проблематика ограничивалась анализом путей осуществления ими политических функций, а также вариантов социальной мобильности и реализации карьерных устремлений²⁰⁷. В дальнейшем просопография расширила свое тематическое поле и обратилась к изучению массовых социальных групп в контексте повседневности, в том числе их профессиональной мобильности, демографического поведения и пр.

Сложившись в 1970-е гг., расцвета просопография достигла в 1990–2000-е гг. Развитие просопографических исследований опиралось на два основных момента: изучение комплексов массовых источников с персональной информацией, а также использование технологии баз данных, благодаря которой персональные данные становились доступными для обработки с применением методов статистики. Научным результатом такого междисциплинарного исследования

²⁰⁵ *Офицеров В. А.* О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа... С. 45.

²⁰⁶ См.: *Stone L.* Prosopography // *Daedalus*. 1971. Nr 100. P. 46–79.

²⁰⁷ *Юмашева Ю. Ю.* Историография просопографии // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки*. 2005. № 10 (39). С. 96.

стало создание коллективных портретов²⁰⁸. По данным Ю. Ю. Юмашевой к 2004 г. в РФ историками были созданы 124 просопографические базы данных, отраженные в 237 публикациях²⁰⁹.

Создаваемые в ходе просопографических исследований базы данных представляют собой новый вид исторического источника, получивший название «метаисточник» – это электронный документ, интегрирующий сведения множества бумажных документов²¹⁰. Его достоверность и полнота зависят не только от уровня достоверности исходной информации, но и методов структурирования и формализации исходных данных, ошибок ввода информации, особенностей выборки и прочих аспектов проектирования и наполнения БД. Принципиально важным моментом выступает документирование созданной БД, ее описание и верификация.

Основным направлением просопографии является создание динамичного портрета социальной группы²¹¹, основанного на формализации фактов биографий в виде иерархической базы данных, работающей с использованием технологии *record linkage (RL)*. В этом случае формируются предметно-ориентированные БД, которые опираются на комплексное использование сведений различных источников, отражающих жизнь исторического персонажа.

Другое направление просопографических исследований связано с созданием статических коллективных портретов, реконструируемых

²⁰⁸ Бородкин Л. И., Григорьева Ю. Г., Селунская Н. Б. Коллективная биография представителей законодательной власти России начала XX в. (о методике создания базы данных «Дума») // Комплексные методы в исторических исследованиях : тез. докл. VI Всесоюз. совещания. М. ; Донецк, 1991. С. 197–198; Гарскова И. М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Геттинген, 1994; Гутнов Д. А., Перевертень В. А. Российские историки XVIII – начала XX в. : проект и информационная система // Круг идей: новое в исторической информатике / под ред. Л. И. Бородкина и В. С. Тяжельниковой. М., 1994. С. 39–50; Мюллер А. Миграция и мобильность в средние века: база данных в изучении посетителей Венского университета // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании / под ред. Л. Бородкина и В. Леверманна. Геттинген ; М., 1993. С. 167–180; Юмашева Ю. Ю. Высший командный состав советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны (опыт коллективной биографии). М., 1996; Кандаурова Т. Н. «Биография» и коллективный портрет российских коллекционеров и меценатов на страницах музейной энциклопедии // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С.142–149.

²⁰⁹ Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии. С. 99.

²¹⁰ Юмашева Ю. Ю. Метаисточник: к вопросу о верифицируемости данных // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 309–317.

²¹¹ См.: Гарскова И. М. «От просопографии к статистике»: методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию // Источник, метод, компьютер : сб. науч. тр. Барнаул, 1996. С. 122–142 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/barnaul.htm#f1> (дата обращения: 21.02.2016).

на основе массива персональных данных, имеющего определенную временную привязку. К такого рода персональным документам относятся анкетные материалы, материалы общих и специальных переписей населения. В этом случае при проектировании БД реализуется источник-ориентированный подход, в основе которого лежит принцип создания информационной модели первичного документа, т. е. перед разработчиками встает задача не отбора информации, а адекватного и максимально полного отражения первоисточника в БД.

Преимущество источник-ориентированных баз данных состоит в том, что они:

- 1) ориентированы на первичные массовые исторические источники (материалы переписей населения, метрического учета и другие варианты регистров населения), в которых содержится персональная (номинативная) информация;
- 2) охватывают весь массив сохранившихся документов или записей;
- 3) используют формат данных, обеспечивающий хранение, импорт, интеграцию разновременных ресурсов и их коллективное использование;
- 4) доступны для научного сообщества.

В случае формирования источник-ориентированных баз данных они разрабатываются не под конкретную проблему, а носят ресурсный характер, что существенно расширяет возможности их дальнейшего использования в научной практике.

Таким образом, источник-ориентированный подход к проектированию исторических БД в настоящее время становится все более актуальным, так как предполагает создание такого информационного продукта, который может быть использован разными историками с разными целями.

* * *

Идеология создания источник-ориентированных ресурсов, доступных в удаленном режиме, получила развитие в концепции *Big Data*. Она построена на соблюдении определенных стандартов описания данных и использовании таких форматов хранения, которые обеспечивают их жизнеспособность в условиях быстрой смены технического и программного обеспечения²¹². Реализация международных проектов по созданию *Big Data Bases* (*IPUMS-USA*, *NAPP*, *Mosaic*, *Viennese Database on European Family History Church books*,

²¹² См.: Горбачев О. В. Историко-демографические базы данных в контексте европейских компаративных исследований : проект EHPS-NET // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 2–3 (8–9). С. 4–9.

Demographic Database Umeå и др.) продемонстрировала высокий научный потенциал данного направления, которое способствует формированию новой исследовательской парадигмы, разрушающей национальные рамки исследовательских практик и создающей возможности для проведения кросс-национальных исследований.

В данном подразделе мы подробнее остановимся на характеристике электронного архива, созданного по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922–1924 гг. При его проектировании прежде всего встал вопрос о способе реализации этой задачи: следовать структуре и особенностям источника или создать информационный ресурс под конкретную исследовательскую задачу?²¹³ Второй вариант в некотором смысле проще и эффективнее, так как параллельно решается проблема формализации сведений источника с учетом сформулированных исследователем требований и задач. Однако выбор был сделан в пользу источник-ориентированной модели, которая позволяет многократно использовать данные в исследованиях на разные темы за счет максимального полного отображения содержащейся в комплексе источников информации²¹⁴.

Источник-ориентированность проявляется в структуре электронного архива, который включает базу данных со структурированной, но не формализованной информацией анкет и массив электронных копий документов (анкет) в формате .jpeg. Электронные копии привязаны к конкретным записям, т. е. пользователь, работая с архивом, имеет возможность изучать сведения, введенные в БД и одновременно просматривать электронную копию анкеты, сверяя или уточняя для себя информацию. Необходимость включения в состав архива электронных копий документов обоснована следующими соображениями:

1) потребностями контроля правильности заполнения полей БД, который может дополнительно осуществить пользователь, сравнив информацию в БД с копией документа;

2) возможностями реорганизации БД. Несмотря на заявленный принцип полноты при разработке структуры БД, тем не менее структурировать и отразить всю имеющуюся в анкетах информацию невозможно, что-то теряется, не вписывается в формат базы данных, но может быть интересно пользователю. В этом случае необходимо создать условия для «доработки» БД пользователем под свои задачи;

²¹³ См.: *Таллер М.* Что такое «источник-ориентированная обработка данных»; что такое «историческая информатика» // *История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании* / под ред. Л. Бородкина и В. Леверманна. Геттинген ; М., 1993. С. 18.

²¹⁴ Подробнее о парадигмах разработки исторической информационной системы см.: *Гутнов Д. А., Перевертень В. А.* Российские историки XVIII – начала XX в. С. 49–50.

3) визуализацией источника, которая позволяет уточнить его особенности – внешний вид, характер записей, дополнительные пометы на анкете, корректность ее оформления, особенно это важно в случаях неразборчивого почерка регистратора.

Тип электронного архива может быть определен как просопографический²¹⁵, поскольку он обладает характерными, обусловленными комплексом источников особенностями. База данных содержит персональные данные коммунистов не только по состоянию на момент проведения переписи, но и в динамике относительно трудовой и партийной деятельности, военной службы. Обобщение этой информации позволяет составить коллективную биографию членов РКП(б) уральских парторганизаций 1920-х гг.²¹⁶

Электронный архив работает в двух режимах: поисковом и исследовательском. В первом случае пользователь может провести поиск по фамилии, названию населенного пункта, чтобы найти информацию о конкретном человеке. Второй режим – работа с фильтрами, он ориентирован на выборку записей по заданному критерию: возраст, национальность, образование, социальный статус и пр., чтобы с помощью статистических методов получить показатели для создания как коллективного социального портрета коммунистов Урала 1922–1924 гг., так и изучения отдельных групп коммунистов. Работа с фильтрами может быть реализована не только в режиме БД, таблицы можно импортировать в более гибкий и дружелюбный для решения задач формализации сведений формат, например Excel, и провести их обработку.

Структура базы данных «Всероссийская перепись членов РКП(б) Екатеринбургской губернии 1922 года» состоит из 7 таблиц в соответствии с основными тематическими блоками формы «А»: общие сведения; образование; социальное происхождение; трудовая деятельность; партийная деятельность; революционная деятельность; военная служба. Таблицы связаны между собой через ключевые поля «Порядковый номер» и «Фамилия, имя, отчество».

Заполнение полей было частично формализовано (пол, национальность), но чаще информация заносилась в том виде, как это было обозначено в бланке.

²¹⁵ См.: *Гарскова И. М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. С. 96–97; *Юмашева Ю. Ю.* Методологические проблемы создания просопографических баз данных // Информ. бюл. Ассоциации «История и компьютер». М., 1993. № 9. С. 72–75 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aik-sng.ru/text/bullet/9/63-76.pdf> (дата обращения: 28.04.2016); *Она же.* Проблемы просопографии // Информ. бюл. Ассоциации «История и компьютер». М., 1994. № 12. С. 45–51 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aik-sng.ru/text/bullet/12/45-51.pdf> (дата обращения: 28.04.2016).

²¹⁶ См. трактовку просопографии в рамках исторической информатики: *Юмашева Ю. Ю.* Историография просопографии. С. 96.

Таблица «Общие сведения» выступает эталонной, с ней связаны все другие таблицы. Она включает 14 полей: фамилия, имя, отчество (ФИО); местонахождение ячейки; наименование предприятия, при котором создана ячейка; наименование ячейки; тип поселения (добавочный признак); пол; возраст; разговорный язык; другие языки, которыми владеет; имеет ли религиозные убеждения; если да, то какие именно; с какого возраста не верует; архивная ссылка; примечание. В примечании указываются дополнительная информация, которая есть в анкете, а также комментарии оператора об особенностях заполнения бланка. Поля «Тип поселения» нет в бланке переписи напрямую, тем не менее оно в большинстве случаев реконструируемо из данных о местонахождении партийной ячейки или отметок о месте заполнения бланка в нижней части оборота переписной анкеты.

Таблица «Социальное происхождение» содержит 18 полей: ФИО; национальность; всего членов семьи (добавочный признак); число иждивенцев; число работников; дед (занятие, социальное положение, национальность); отец (занятие, социальное положение, национальность); мать (занятие, социальное положение, национальность); поддерживает ли связи с деревней; какие именно; в чем выражается участие; примечание. В отдельных полях указано количество иждивенцев и работников в семье соответственно (не считая самого опрашиваемого). Отсутствующее в формуляре анкеты поле «Всего членов семьи, включая анкетированного» содержит общее указанное число иждивенцев и работников, считая опрашиваемого.

Таблица «Образование» включает 9 полей: ФИО; грамотность; вид учебного заведения и окончил ли его; чему хочет учиться; какие газеты и журналы читает; если не читает, то почему; насколько регулярно; если читал, то где; примечание.

Сведения из приведенной в переписной анкете табл. I «Образовательный ценз» объединены в поле с формализованной записью «Вид учебного заведения и окончил ли его». Его данные чаще всего принимают вид: «(Не) окончил <наименование учебного заведения>, <срок обучения> лет/мес.» Если же сведений об окончании учебного заведения нет, делается пометка вида «Учился <наименование учебного заведения>». В этом же поле содержатся данные об образовании, не связанные с учебными заведениями и курсами: отметки о неграмотности, общий тип образования (например, «нижнее», «начальное») и внеклассное образование. Отдельное поле «Грамотность» содержит формализованный ответ вида «да/нет» и возможность оставить пометку «Нет данных» при отсутствии в источнике соответствующих сведений. В поле под названием «Чему хочет учиться» внесены сведения из графы «Если имеете желание учиться, то чему именно (грамо-

те, наукам, искусствам, ремеслам – каким именно)». Также включены данные о знакомстве с газетами и журналами с указанием всех встречающихся в источнике вариантов.

Таблица «Трудовая деятельность» содержит 12 полей: ФИО; с какого возраста живет своим трудом; вид трудовой деятельности (свое хозяйство; по найму); основная профессия и специальность до 1917 г.; стаж в этой профессии; основной источник существования до 1917 г.; трудовая деятельность с 1917 по 1922 г. (место работы, сколько лет, должность); род занятий в момент опроса; тарифный разряд; размер ставки, руб.; размер последнего месячного заработка, руб.; примечание. Информация из приведенной в переписной анкете табл. III «Рабочий и служебный стаж с 1917 г. до настоящего опроса» разбита на два поля: «Трудовая деятельность с 1917 по 1922 г.» и «Род занятий в момент опроса». Записи в них приводятся через точку с запятой по шаблону: «<местонахождение предприятия>; <предприятие>; <должность> – <n> лет <n> мес. (ГГГГ–ГГГГ)». Сведения о заработке включены в соответствующие поля только в числовой форме.

Таблица «Партийная деятельность» включает 15 полей: ФИО; с какого года член партии; парторганизация, выдавшая партбилет; партийный стаж, лет; положение в организации (рядовой член, руководящий работник); партийное учреждение; должность/род работы; состоял ли в других партиях; партийная организация кроме РКП(б); статус в организации; место работы; продолжительность пребывания в партии; членство в профсоюзе; профсоюзный стаж; участие в профработе; примечание. В таблице раздельно указаны стаж и опыт работы (партийные органы и типы выполняемой работы) в РКП(б) и в других партиях, причем для РКП(б) приведен партстаж в полных годах (указывается число полных лет партийного стажа опрашиваемого в РКП(б) без учета месяцев, «0» означает либо отсутствие данных в сочетании с такой же отметкой в поле «С какого года член партии», либо партийный стаж менее года в сочетании с отметкой о годе вступления в партию), для других организаций – в количестве лет и месяцев.

Таблица «Революционная деятельность» содержит 17 полей: ФИО; участие в стачках; участие в политических демонстрациях; участие в студенческих движениях; участие в подпольных кружках; участие в нелегальных массовках и митингах; участие в маевках; участие в вооруженных восстаниях и партизанских выступлениях; участие в партийных съездах; участие в партийных конференциях; подвергался ли преследованиям за революционную деятельность; пребывание в тюрьме; пребывание в административной ссылке; пребывание на поселении; пребывание в политической эмиграции; число совершенных побегов; примечание. В таблице «Революционная деятельность»

в числовой форме отображено участие в различных формах революционной деятельности (сведения из приведенной в переписной анкете табл. V «Революционный стаж») и тюремный стаж. Поля по революционной деятельности числовые, «0» означает отсутствие сведений или качественную отметку-указание на отсутствие, «1» – качественные отметки участия, например, «Был». Добавлено поле «Подвергался ли преследованиям за революционную деятельность», в некоторых случаях данные источника позволяют отделить тюремный стаж вследствие политических убеждений от аналогичных наказаний за другие провинности.

Таблица «Военная служба» состоит из 27 полей: ФИО; царская армия (продолжительность службы; род войск и специальность; высшее воинское звание и чин; участие в боях; ранения; военные награды); Белая армия (продолжительность службы; род войск и специальность; высшее воинское звание и чин; участие в боях; ранения; военные награды); зеленая армия (продолжительность службы; род войск и специальность; высшее воинское звание и чин; участие в боях; ранения; военные награды); Красная армия (продолжительность службы; род войск и специальность; высшее воинское звание и чин; участие в боях; ранения; военные награды); проходил ли Всевобуч; когда демобилизован; примечание. Информация по военной службе также разделена по типам армии (царская, Белая, зеленая, Красная), но разделенные надвое в источнике поля по участию в сражениях и ранениях в электронном архиве объединены таким образом, чтобы вместо четырех полей на каждый вид армии было два. Блок дополнен двумя полями: «Проходил ли Всевобуч» и «Когда демобилизован». Первое представляет собой формализованное логическое поле с фиксированными вариантами выбора «Да», «Нет». Поле «Когда демобилизован» предназначено для даты демобилизации (буквенно-цифровое обозначение вида: «ДД (при наличии) месяц (прописью) ГГГГ») и причины демобилизации. Здесь же указывается ссылка на документ о демобилизации или переводе на работу другого типа, если эти сведения есть в источнике.

Отдельно стоит отметить примечания, которые классифицированы по рубрикам «Общие сведения», «Социальное происхождение», «Образование», «Трудовая деятельность», «Партийная деятельность». Примечание рубрики «Общие сведения» содержит сведения о составе документов, воспроизводит примечания и надписи на анкетах, а также сведения общего характера из документов других видов, например, знание определенных территорий, пребывание за границей, физические недостатки и болезни. В примечаниях по социальному происхождению содержатся сведения о социальном и семейном положении,

составе семьи и национальности. В примечаниях рубрики «Образование» имеются замечания о марксистской теоретической подготовке (самообразование и специальные курсы, знакомство с марксистской литературой). В поле примечания рубрики «Трудовая деятельность» входит информация о командировках, переводах и работе, выполняемой помимо занимаемой на момент опроса должности. Примечания по рубрике «Партийная деятельность» предназначены для характеристики опрашиваемого с точки зрения партийных организаций, сведений о выбытии из ее рядов, данных о партийных обязанностях, пометок об особой партийной деятельности, не связанной с исполнением партийной должности.

В базе реализован поиск информации по фамилии, имени, отчеству, дате рождения с выводом сведений по данному человеку в общей форме, а также проведение выборки по типовым запросам (возраст; социальное происхождение; пол; образование и пр.). Пользователь может сформировать свой запрос на выборку с учетом решаемых им задач.

В структуру электронного архива, помимо имеющихся в переписной анкете графы, также введены некоторые дополнительные поля для удобства информационного поиска и регистрации сведений из дополнительных источников. Например, поле «Ссылка на источник» содержит архивную легенду.

Объем БД – 12 тыс. записей, еще около 10 тыс. – по набору 1924 г. БД размещена на сайте проекта «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования». БД также была передана в ЦДООСО для использования в качестве инструмента поиска и выполнения запросов.

На этапе проектирования БД решались проблемы создания логической модели данных и нормализации структуры анкеты, с тем чтобы как можно полнее отразить ее содержание. Всего было выделено 105 полей, некоторые из них были конструируемые, т. е. отражали агрегированную информацию, например, «Число членов семьи, всего»; часть – составные. Составные поля включали ненормализованные (в виде перечня) данные таблиц анкеты. К их числу, например, относится поле «Трудовая деятельность с 1917 по 1922 г. (место работы, сколько лет, должность)», находящееся в таблице «Трудовая деятельность», или «Вид учебного заведения и окончил ли его» в таблице «Образование». Составные поля при дальнейшей обработке требуют дополнительных усилий по нормализации.

Информация вносилась в поле БД в том виде, в каком она была представлена в анкете, в том числе имевшиеся аббревиатуры, сокращенные названия и слова, прочерки и т. д. Таким образом, информация анкет не была формализована, что требует от пользователя

дополнительных усилий при обобщении сведений БД. Отказ от формализации был обусловлен потребностью сохранить в исходном виде информацию анкет, а также пониманием того, что уровень формализации определяется исследовательскими задачами и может иметь различную глубину: от выделения альтернативной шкалы (да/нет) до многовариативной. Например, поле «Вид учебного заведения и окончил ли его» при формализации может быть дополнительно разбито на три признака: вид учебного заведения (гимназия; начальная школа – земская, церковно-приходская, министерская); самоучка; неграмотный; университет; партшкола и пр.; уровень образования (нет, начальное, среднее, высшее); окончил образовательный курс (да/нет). А может содержать оценку только уровня образования (нет; незаконченное начальное; законченное начальное; незаконченное среднее; законченное среднее; незаконченное высшее; законченное высшее). Поскольку в таблице «Образование» часто указывали курсы из системы советско-партийной подготовки, эта информация также может быть формализована в виде признака «Дополнительное образование» (партшкола; командирские курсы; профсоюзная школа и проч.).

Таким образом, созданная база данных представляет собой «сырой» ресурс, требующий дополнительной обработки с учетом конкретных задач исследования, что и было реализовано при написании 3–7-й глав данной монографии. При изучении отдельных сюжетов проводилась выгрузка из системы сведений определенных полей БД в формат электронной таблицы. Далее проводилась дополнительная формализация данных, при необходимости добавлялись новые, конструируемые с учетом целей исследования. И после этого с использованием статистических методов (группировки, индексы, корреляция) решалась задача обобщения и интерпретации сводных данных.

Следует выделить также проблемы заполнения базы данных. Они определялись качеством переписного материала, а также наличием дополнительных документов в делах: карточек личного учета, выписок из протоколов партийных собраний и пр. Информация последних была важна для уточнения информации анкет и фиксировалась в поле «Примечание».

При использовании БД следует учитывать следующие комментарии ее разработчика²¹⁷. В верхней части первой страницы анкеты размещены данные о местонахождении ячейки и наименовании той организации, при которой ячейка была создана. Они не всегда совпадают с наименованием места проживания или работы опрашиваемого, особенно в сельской местности. Кроме того, если на одного человека

²¹⁷ Разработка структуры БД и ее заполнение первичной информацией были проведены В. А. Бондарем.

было заполнено несколько анкет (и прочих бланков, например, личных листков или личных регистрационных карточек), рассматриваемые сведения также могут существенно различаться. В этом случае в качестве источника для внесения в БД сведений брали или наиболее поздний по времени заполнения документ или документ с указанием основной ячейки на момент переписи. Во втором случае информация уточнялась и комментировалась в примечании: «перепись проходил в <название населенного пункта, отличающееся от основного населенного пункта или ячейки>» в составе источника данных.

Согласно форме табл. III «Рабочий и служебный стаж с 1917 г. до настоящего опроса» вводились данные о наименовании предприятия, его примерном расположении, роде и характере занятий, продолжительности работы (временной промежутков и стаж). Возможны также записи общего характера, например, «В своем хозяйстве» или «Не служил/не работал». Логическим продолжением данного блока информации можно считать сведения о разряде, ставке и последнем месячном денежном заработке на обороте анкеты. Однако конкретная информация о заработке может отсутствовать и ограничиваться лишь указанием на тип дохода (например, «доход от хозяйства», «стипендиат»).

Особенность массива – переписные анкеты были в наличии не для всех лиц, охваченных переписью, поэтому личные листки и личные регистрационные карточки в некоторых случаях были основным источником информации. Это означает, что по определенным вопросам информация отсутствует²¹⁸. Многие данные в личных листках приведены с тематическим разделением по полям, но в текстовой форме, что позволяет отнести их к структурированным источникам лишь частично.

Иногда наблюдаются пропуски при заполнении анкет. В графе «Примечания» кратко поясняется причина отсутствия данных. Также встречаются данные, которые помещены в непредназначенные для них графы, например, жители сельской местности отвечают на вопросы о связи с деревней. Еще одна причина снижения информативности – особенности заполнения документов и общего состояния дел (читабельность почерка, физическое состояние документов и другие факторы).

* * *

Информационный потенциал комплекса документов переписи членов РКП(б) 1922 г. в представлении источник-ориентированной

²¹⁸ Подробнее см.: *Воробьев С. В.* Проблема социального облика коммунистов Урала в начале 1920-х гг.: сравнительный анализ массовых источников. С. 317–318.

модели позволяет рассматривать формируемый электронный архив как многофункциональный инструмент для проведения исследований по истории раннесоветского общества в региональном измерении. Наличие динамических данных позволяет не только проследить биографии конкретных коммунистов, но и провести статистический анализ сгруппированных сведений по вопросам социального происхождения, трудовой занятости, партийности и т.д. Данные о семье и социальной мобильности в переписи, не говоря уже о сведениях по конкретным коммунистам, позволяют не только использовать их в локальных историко-демографических исследованиях²¹⁹, но и, в случае необходимости, адаптировать к стандарту IDS²²⁰ для проведения сравнительного исследования демографических процессов.

Актуальность изучения членов партии как особой социальной группы связана с тем, что они, будучи объектом прямого идеологического воздействия, в первую очередь испытывали на себе его влияние и переживали социальные трансформации, характерные для раннесоветского общества. Кроме того, члены партии становились той ударной силой, которая воздействовала через различные социальные сети на все остальное общество, форматируя его по своему образу и подобию. Таким образом, изучение социодемографических характеристик партийной среды приближает нас к пониманию процессов становления и развития раннесоветского общества.

²¹⁹ О возможностях использования данных переписи в исследованиях по истории семьи см.: *Мазур Л. Н., Горбачев О. В.* Всероссийская партийная перепись 1922–1924 гг. как источник по истории семьи // Актуальные проблемы источниковедения : материалы III междунар. науч.-практ. конф. Витебск, 8–9 октября 2015 г. Витебск, 2015. С. 285–288.

²²⁰ О стандарте IDS и основанной на нем стратегии работы с данными см.: *Горбачев О. В.* Историко-демографические базы данных в контексте европейских компаративных исследований... С. 4–9.

ГЛАВА 3

ИЗ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б)

«Этот вихрь,
от мысли до курка,
и постройку,
и пожара дым
прибирала
партия
к рукам,
направляла,
строила в ряды».

Маяковский В. Хорошо. Октябрьская поэма¹

В качестве объекта исследования в данной монографии выступает Екатеринбургская губернская организация РКП(б). Ее структура формировалась под влиянием комплекса факторов объективной (внешней) и субъективной (внутренней) направленности. К внешним факторам можно отнести демографическую и экономико-географическую специфику Екатеринбургской губернии, а также закономерности ее развития, связанные с влиянием модернизационных процессов, урбанизации, хозяйственной специализации, к субъективным/внутренним – механизмы партийного строительства с его организационными принципами и классовыми предпочтениями. Следует также учесть военный фактор, поскольку страна находилась в течение почти 10 лет в состоянии непрерывных боевых действий сначала на фронтах Первой мировой войны, затем Гражданской и крестьянской войн (крестьянские бунты 1920–1922 гг.). Это не могло не отразиться на особенностях набора новых членов партии, динамике смены поколений и социально-гендерном составе.

Свою роль в формировании структуры губернской организации РКП(б) сыграли и политические кампании, связанные с привлечением новых членов партии – рабочих «от станка», женщин и молодежи. При проведении политических кампаний (чистки, наборы) руковод-

¹ *Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 270.*

ствалились не только идеологическими приоритетами, но прежде всего тактическими задачами, связанными с положением на фронтах Гражданской войны, продовольственным снабжением или голодом 1921 г. Многочисленные кризисы подталкивали власть то к расширению социальной базы партии, то к ее перегруппировке, нацеленной на демонстрацию «пролетарского» характера партии.

Екатеринбургская губерния была создана в 1919 г. В соответствии с январским декретом, принятым СНК на объединенном Пермском губернском съезде крестьянских, рабочих и солдатских депутатов в апреле 1918 г., было принято решение о разделении Пермской губернии на два округа: Пермский и Екатеринбургский. В Екатеринбургский округ (прообраз Екатеринбургской губернии) вошли Екатеринбургский, Шадринский, Камышловский, Верхотурский, Ирбитский, Красноуфимский уезды и Серебрянский район Кунгурского уезда².

Официально о выделении из Пермской губернии новой административно-территориальной единицы – Екатеринбургской губернии – центральной властью было объявлено 15 июля 1919 г.³ В постановлении НКВД РСФСР «О разделе Пермской губернии на две самостоятельные – Пермскую и Екатеринбургскую» было указано, что «вследствие ясно выраженного населением Пермской губернии через своих представителей пожелания, постановлением общегубернского съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов, Пермская губерния разделяется на две самостоятельные губернии: Пермскую и Екатеринбургскую...»⁴. Решение о разделении Пермской губернии на местном уровне было еще раз продублировано постановлением Пермского губвоенревкома 25 июля 1919 г.⁵

Вновь созданная Екатеринбургская губерния включала шесть уездов, около 400 волостей и 1 660 населенных пунктов⁶. В результате активных административно-территориальных преобразований на 1 января 1922 г. в Екатеринбургской губернии насчитывалось 10 уездов (Алапаевский, Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Каменский, Камышловский, Красноуфимский, Надеждинский, Нижнетагильский, Шадринский) и 277 волостей, общая площадь которых

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 322. Л. 3.

³ Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. Изменения административно-территориальных делений СССР за период с 1917 года по 1924 год. По материалам Народного комиссариата внутренних дел РСФСР / сост. С. И. Сулькевич. Л., 1924. С. 38.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 322. Л. 5.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5677. Оп. 1. Д. 93. Л. 4.

⁶ См.: Бакунин А. В., Зубков К. И. Екатеринбургская губерния // Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 180. См. также: ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 14. Л. 45.

составила 189,4 тыс. кв. км⁷. К 1 сентября 1923 г. число уездов сократилось до семи, количество волостей выросло до 290, поселенческая сеть губернии насчитывала 3 879 сельских населенных пунктов, включая заводские поселения, семь уездных городов и один губернский – Екатеринбург⁸. К городам, кроме семи уездных центров, относились также Алапаевск, Каменск, Надеждинск («столицы» упраздненных уездов), а также Долматов (Шадринский уезд), Кыштым и Невьянск (Екатеринбургский уезд). Среди поселений городского типа больше всего было заводских поселков – 59, затем шли рудники, копи и прииски (семь), а также железнодорожные станции (шесть)⁹.

Из семи уездов Екатеринбургской губернии три (Верхотурский, Нижнетагильский, Екатеринбургский) были связаны с развитием горнозаводской промышленности, они определяли экономический профиль губернии. Сельскохозяйственными считались Ирбитский, Камышловский, Шадринский, Каменский, Красноуфимский уезды. Они специализировались на возделывании зерновых культур, картофеля, конопли, льна¹⁰.

Население Екатеринбургской губернии, по данным демографической переписи 1920 г., насчитывало 1 966 534 чел.¹¹, в 1923 г. оно сохранилось почти на том же уровне и насчитывало 1 962 392 чел., в том числе мужчины составили 875 176 чел. (44,65 %), женщины – 1 087 216 чел. (55,35 %) ¹². В городах губернии проживало 201 876 чел., т. е. 10,3 % населения.

Приведенные выше данные нашли отражение в структуре партийной организации Екатеринбургской губернии, которая, по данным переписи 1922 г., включала 874 партийные ячейки с общим числом членов и кандидатов партии 14 662 чел. (0,7 % от численности населения губернии). В переписи приняли участие 12 038 чел., т. е. 94,2 %¹³.

⁷ См.: *Яркова Е. И.* Екатеринбургская губерния, 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008. Прил. 2. Подсчитано автором по: Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. С. 38–39; Административно-политическое строение СССР. Ч. 2. Перечень республик, областей, губерний, уездов и волостей СССР по данным на 1 мая 1924 г. По материалам Народного комиссариата внутренних дел РСФСР / сост. С. И. Сулькевич. Л., 1924. С. 47–54; ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 66. Л. 19–26.

⁸ См.: Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923. С. 6.

⁹ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 191. Л. 101–107.

¹⁰ *Бакунин А. В., Зубков К. И.* Екатеринбургская губерния. С. 181.

¹¹ См.: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923. С. 20.

¹² Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии... С. 6.

¹³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 645 а. Л. 3 об. – 4.

3.1. Организационная структура губернской партийной организации

Организационная структура партии большевиков неоднократно менялась и перекраивалась в зависимости от задач партийного строительства, определяемой руководством тактики. Иерархическая схема подчинения партийных органов определялась действующим Уставом партии. Со времени прихода большевиков к власти и до середины 1930-х гг. этот документ менялся четыре раза: в 1919, 1921, 1925 и 1934 гг.

В соответствии с п. 15 Устава в структуре партии выделялись следующие организационные уровни и соответствующие им партийные органы: «а) территория РСФСР – всероссийский съезд – ЦК; б) области и Советские республики, входящие в РСФСР – областные конференции – областные комитеты; в) губернии – губернские конференции – губернские комитеты; г) уезды – уездные конференции – уездные комитеты; д) волости – волостные собрания – волостные комитеты; е) предприятия, селения, красноармейские части, учреждения – общие собрания ячеек – бюро ячеек. Каждый из вышестоящих уровней интегрировал в себя нижестоящие»¹⁴.

Главный орган партийного управления – Центральный комитет (ЦК), структура которого принципиально не менялась, начиная со времени прихода большевиков к власти, по Уставу включал Политическое бюро, Организационное бюро и Секретариат¹⁵. Кроме того, в первые годы Советской власти в структуре ЦК существовали отделы: агитационно-пропагандистский (1920–1928), издательский (с 1919 г.), инспекторско-разъездной (1919–1920), информационно-статистический (1919–1920), общий (с 1919 г.), организационно-инструкторский (1919–1924), информации (1920–1921), истории партии (1920–1928), по работе в деревне (1919–1921), по работе среди женщин (1919–1926), секретно-оперативный (1920–1921), статистический (1921–1930), учетно-распределительный (1919–1924), финансовый (1919–1927) и школьно-просветительный (1919). К категории центральных партийных органов были отнесены Центральная контрольная комиссия (с 1934 г. – Комиссия партийного контроля) и Центральный комитет Российского коммунистического союза молодежи (ЦК РКСМ, позднее – ЦК ВЛКСМ)¹⁶.

¹⁴ См.: Устав Российской Коммунистической партии (большевиков) [1919] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. 1917–1922. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983. С. 188.

¹⁵ См.: Там же. С. 190.

¹⁶ Отделы, комиссии, институты ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/LLL/05549.asp> (дата обращения: 15.07.2018).

В обязанности ЦК входили процедуры подбора и назначения кадров на наиболее важные партийные, советские и хозяйственные посты, разъяснения по вопросам партийной тактики в текущий момент, практически вся организационная работа по проведению съездов и конференций общегосударственного уровня (всероссийские и всесоюзные съезды), вопросы по формированию крупнейших территориальных партийных комитетов и дача указаний по вопросам их деятельности. Отдельного внимания заслуживает подчиненное непосредственно ЦК в качестве его военного отдела Главполитуправление РККА, поскольку в его ведении находилась политическая работа в частях Красной армии, и оно долгое время находилось на периферии организаторских усилий по конструированию партийного аппарата. Политуправления и политотделы РККА находились практически вне зоны влияния основного партийного аппарата.

Непосредственно ЦК были подчинены крупнейшие территориальные парткомы (областные и губернские), структура и название которых варьировались на разных этапах истории партийной организации. В 1917 г. это была сеть областных комитетов со специально установленными на соответствующих конференциях границами, которые, в свою очередь, руководили деятельностью районных и, при наличии, подрайонных комитетов. Партийная организация этого времени все еще была ориентирована на подпольную работу, поэтому ее структура не отличалась стабильностью и четкими границами зон ответственности отдельных партийных комитетов.

Губернская областная партийная организация в соответствии с уставами РКП(б) 1919 и 1921 гг. также имела иерархическую структуру, привязанную к административно-территориальному делению территории. Поскольку начало 1920-х гг. явилось временем интенсивных административно-территориальных преобразований, это непосредственно отразилось на стабильности организационной структуры партийных организаций уездного и волостного уровня, которые находились в состоянии перманентной реорганизации. Все это влияло на состояние учета первичных организаций и членов партии и было одной из причин проведения партийной переписи 1922 г.

Губернские партийные организации относились, наряду с областными, ко второму уровню иерархии, подчиняясь вышестоящему – областному – комитету или непосредственно ЦК. Такой порядок подчинения регламентировал все внутривнутрипартийные коммуникации: отчетность; прохождение партийных решений (от высшей инстанции к низшей); утверждение решений руководящих органов нижестоящей организации. Более того, организация более высокого уровня утверж-

дала структуру и состав руководящих органов нижестоящей организации и контролировала ее.

Организационная структура партии опиралась на декларируемый в Уставе принцип демократического централизма, в соответствии с которым «организация, обслуживающая какой-либо район, считается высшей по отношению ко всем организациям, обслуживающим части данного района»¹⁷. Автономия партийных органов признавалась только в решении местных вопросов.

В состав губернской партийной организации входили, в соответствии с административно-территориальным устройством, территории, уездные и волостные организации, в некоторых случаях выделялась в качестве самостоятельной структуры партийная организация губернского города, как это было в Екатеринбургской губернии.

Руководящими органами партийной организации в зависимости от уровня были общее собрание, конференция или съезд, которые собирались периодически один раз в три месяца. Партийная конференция выбирала исполнительные органы – комитет/бюро и ревизионную комиссию, в задачи которых входило руководство текущей работой местной организации. Возглавляли партийные комитеты председатель и ответственный секретарь, концентрируя в своих руках рычаги власти. Их кандидатуры утверждались, а вернее назначались, вышестоящей организацией. ЦК РКП(б) утверждал состав губернского комитета и его организационную структуру.

Высшим органом на уровне губернии была губернская партийная конференция, которая созывалась один раз в три месяца. Допускался экстренный созыв конференции по решению партийного комитета или 1/3 общего числа членов губернской организации. На практике периодичность созыва конференций соблюдалась не всегда.

В Екатеринбургской губернской партийной организации функции высшего органа выполняла губернская конференция, в которой принимали участие представители уездных, волостных организаций. Всего за период с октября 1919 г. по март 1923 г. состоялось девять конференций (т. е. в среднем три конференции в год), число делегатов колебалось от 164 (1-я конференция 13–15 октября 1919 г.) до 249 человек с решающим голосом, представлявших 13 819 членов РКП(б) (8-я конференция, 23–25 июня 1922 г.) (табл. 3.1).

В функции губернских партийных конференций входило утверждение отчетов губернского комитета, ревизионной комиссии, их выборы. В повестку дня конференций включались также вопросы о политике и мероприятиях правительства и задачах партии на теку-

¹⁷ Устав Российской Коммунистической партии (большевиков) [1919]. С. 188.

щий момент, организационные проблемы и агитационно-пропагандистские мероприятия. Анализ повестки конференций Екатеринбургской организации РКП(б) позволяет выделить наиболее обсуждаемые вопросы: работа в деревне (рассматривался на пяти конференциях); продювольственный вопрос (на четырех); работа фракций в Советах и с молодежью (на трех); работа среди женщин и по кооперации (на двух).

Таблица 3.1

Екатеринбургские губернные конференции РКП(б)

Конференция	Вопросы повестки дня и выступающие	Персональный состав губкома РКП(б)	Персональный состав президиума губкома
1-я 13–15 октября 1919 г. 164 делегата*	<ol style="list-style-type: none"> Текущий момент (Л. С. Сосновский). Доклад губернского организационного бюро (Н. И. Уфимцев). Программа партии (А. И. Израйлович). Работа в деревне (С. А. Новоселов). Партия и Советы (Л. С. Сосновский). Организационный вопрос (Н. И. Уфимцев). Работа среди женщин (С. И. Дерябина). Работа среди молодежи. Выборы губернского комитета и ревизионной комиссии. Текущие дела: <ol style="list-style-type: none"> партийная неделя; работа в кооперативах 	<p><i>Члены губкома:</i> Л. С. Сосновский, В. А. Воробьев, Н. И. Уфимцев, С. А. Новоселов, А. И. Израйлович, А. А. Андреев, К. И. Кирсанова;</p> <p><i>члены губкома для работы в уездах (секретари укомов РКП):</i> Т. С. Кузнецов (Екатеринбургский), Михайлов (Камышловский), М. Зыков (Шадринский), И. С. Писцов (Красноуфимский), Мухин (Верхотурский), Н. П. Сушков (Ирбитский);</p> <p><i>кандидаты в члены губкома:</i> М. А. Сергеев, Панков, И. С. Семейников, И. Я. Тунтул, С. И. Дерябина;</p> <p><i>члены ревизионной комиссии:</i> А. И. Парамонов, Е. Б. Вайнер, В. И. Андронников</p>	Л. С. Сосновский (председатель), С. А. Новоселов (заместитель председателя), Н. И. Уфимцев (секретарь)**

* По другим данным в конференции участвовало 225 делегатов от 73 парторганизаций губернии, объединявших 6 187 членов партии и сочувствующих (см.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.).

** 25 ноября 1919 г. персональный состав президиума Екатеринбургского губкома РКП(б) был изменен. Председателем президиума был избран А. И. Израйлович, товарищем председателя В. А. Воробьев, секретарем А. П. Симашко (см.: Там же. Д. 41. Л. 2 об.).

Продолжение табл. 3.1

Конференция	Вопросы повестки дня и выступающие	Персональный состав губкома РКП(б)	Персональный состав президиума губкома
<p>2-я</p> <p>13–14 февраля 1920 г.</p> <p>176 делегатов от 32 869 членов РКП(б)</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Борьба с разрухой (тезисы ЦК) (Е. О. Бумажный). 2. Доклад губернского комитета (А. П. Симашко). 3. Доклад фракции губисполкома (С. А. Новоселов). 4. Итоги беспартийных конференций (А. И. Израйлович). 5. Работа среди новых членов партии (М. А. Сергеев). 6. Работа в деревне (И. С. Семериков). 7. Работа среди молодежи (Р. Я. Юровская). 8. Устав партии (В. А. Воробьев). 9. Выборы 	<p><i>Члены губкома:</i> А. П. Симашко, М. А. Сергеев, Е. О. Бумажный, С. А. Новоселов, В. А. Воробьев, И. Я. Тунтул, А. А. Смольников; <i>кандидаты в члены губкома:</i> А. Н. Лукьянова, Панков, И. С. Семериков; <i>члены губкома от местных организаций:</i> А. М. Ташкин (г. Екатеринбург), А. И. Израйлович (Екатеринбургский уезд), Т. С. Кузнецов (Невьянский район), А. И. Кондраков (Красноуфимский уезд), Носов (Нижнетагильский район), В. П. Говырин (Алапаевский район), Преображенский (Надеждинский район), И. А. Шаров (Верхотурский уезд), Н. П. Сушков (Ирбитский уезд), Лаврентьев (Камышловский уезд), Дерябин (Шадринский уезд); <i>члены ревизионной комиссии:</i> Д. В. Тимошин, А. И. Парамонов, Подкорытов</p>	<p>А. А. Смольников (председатель)*, В. А. Воробьев (товарищ председателя), А. П. Симашко (секретарь), С. А. Новоселов</p>

* В связи с выездом А. А. Смольникова в Нижний Тагил 19 апреля 1920 г. вместо него членом президиума губкома стал А. И. Израйлович (см.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 60. Л. 17).

Продолжение табл. 3.1

Конференция	Вопросы повестки дня и выступающие	Персональный состав губкома РКП(б)	Персональный состав президиума губкома
3-я 15–18 июня 1920 г.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Положение на Западном фронте и задачи партии. 2. Доклад губернского комитета РКП(б). 3. Продовольственный вопрос. 4. Трудовая повинность. 5. Производственная программа Урала. 6. Работа партии в профессиональных союзах. 7. Партийное строительство. 8. Выборы 	<p><i>Члены губкома:</i> А. П. Симашко, Н. И. Уфимцев, М. Н. Лукоянов, В. А. Воробьев, И. Я. Тунгул, И. С. Семериков, А. И. Старков; <i>кандидаты в члены губкома:</i> Н. Свердлов, А. Н. Лукоянова, Короткий; <i>члены губкома в уездах:</i> Фокин (Екатеринбургский уезд), Калинин (Верхотурский уезд), Дерябин (Шадринский уезд), А. И. Кондраков (Алапаевск)*, Наров (Ирбит)**, Ляхин (Нижние Серги)***, Лебединов (Надеждинск)****, Воронков (Красноуфимск), Е. А. Каганович (Екатеринбург), Пичугин (Нижний Тагил)*****.</p>	Н. И. Уфимцев, И. С. Семериков, А. П. Симашко (секретарь), М. Н. Лукоянов

* По другим данным А. И. Кондраков был членом пленума губкома РКП(б) от Красноуфимского уезда, а от Алапаевского уезда в губком входил В. П. Говырин (см.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 66. Л. 247).

** По другим данным членом пленума губкома от Ирбитского уезда был Т. С. Кузнецов (см.: Там же).

*** По другим данным Ляхин был членом пленума губкома РКП(б) от Невьянского района (см.: Там же).

**** По другим данным членом пленума губкома РКП(б) от Надеждинского уезда был Никитин (см.: Там же).

***** По другим данным членом пленума губкома РКП(б) от Нижнетагильского уезда был А. Ф. Сивков (см.: Там же).

Продолжение табл. 3.1

Конференция	Вопросы повестки дня и выступающие	Персональный состав губкома РКП(б)	Персональный состав президиума губкома
<p>4-я</p> <p>20–24 октября 1920 г.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Война и мир (Н. И. Уфимцев). 2. Доклад губернского комитета РКП(б) (А. П. Симашко). 3. Работа фракции губисполкома (М. Н. Лукоянов). 4. Доклад о Всероссийской конференции РКП(б) (И. С. Семериков). 5. О постановке агитационно-пропагандистской работы (Н. Е. Свердлов). 6. Продовольственный вопрос (Пономаренко). 7. Выборы. 8. Текущие дела 	<p><i>Члены губкома:</i> Н. И. Уфимцев, И. Я. Тунтул, И. С. Семериков, В. А. Воробьев, Н. Е. Свердлов, С. В. Мрачковский, А. П. Симашко, М. Н. Лукоянов, Е. А. Каганович</p>	<p>Н. И. Уфимцев, И. С. Семериков, А. П. Симашко, В. А. Воробьев</p>
<p>5-я</p> <p>18–22 февраля 1921 г.</p> <p>207 делегатов с решающим голосом и 16 с совещательным от 22 150 членов РКП(б)</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Доклад губернского комитета РКП(б) (А. П. Симашко). 2. Роль и задачи профсоюзов (И. Я. Тунтул, Шур, Л. Д. Троцкий). 3. Партийное строительство (снят). 4. Продовольственный вопрос в губернии (Пономаренко). 5. Посевная кампания (Кириевский). 6. Социалистическая республика в капиталистическом окружении (снят) 	<p><i>Члены губкома:</i> И. С. Семериков, И. Я. Тунтул, Киляков, К. Ф. Яцино, А. И. Ларичев, Позерн, М. Зыков, Микрюков, Максимов; <i>кандидаты в члены губкома:</i> Е. Б. Вайнер, Н. В. Сухонос, Муштаков, Юсупов, Никифорова; <i>члены пленума губкома РКП(б):</i> Ветлугин (Ирбитский уезд), Попов (Камышловский уезд), Дербин (Шадринский уезд), Конев (Каменский уезд), Чекасинов (Красноуфимский уезд), Филимонов</p>	<p>И. С. Семериков (секретарь), М. Зыков, И. Я. Тунтул</p>

Продолжение табл. 3.1

Конференция	Вопросы повестки дня и выступающие	Персональный состав губкома РКП(б)	Персональный состав президиума губкома
	7. О политпросвете (снят). 8. Выборы губкома и делегатов на партийный съезд. 9. Текущие дела	(Надеждинский уезд), Пичугин (Нижнетагильский уезд), Каптеров (Верхотурский уезд), Циховский (Екатеринбургский уезд), Н. А. Кондраков (Алапаевский уезд), Симофеев (Невьянский район)	
6-я 26–28 июня 1921 г. 217 делегатов с решающим голосом, 27 с совещательным от 24 628 членов РКП(б)	1. Доклад губкома и контрольной комиссии. 2. Партийное строительство. 3. Продналог, товарообмен и кооперация. 4. Доклад губернского экономического совещания и ближайшие хозяйственные задачи. 5. Выборы. 6. Текущие дела. Приветствие от ЦК РКП(б) (М. И. Калинин)	<i>Члены губкома:</i> М. А. Сергеев, Н. И. Уфимцев, А. И. Кондраков, А. М. Питерский, Ф. Д. Пичурин, И. С. Семериков, Максимов, И. Я. Тунгул, М. Зыков; <i>кандидаты в члены губкома:</i> Богораз, Тунгусков, М. Н. Лукоянов, Подкорытов, Упоров, Потаскуев; <i>члены пленума губкома РКП(б):</i> Я. Н. Элиасберг, Кляков, Воронков, Грачев, Циховский, Шуров, Севастьянов	М. А. Сергеев* (секретарь), Ф. Д. Пичурин, Н. И. Уфимцев
7-я 5–9 декабря 1921 г.	1. Международное и внутреннее положение РСФСР. 2. Доклад губкома, содоклады о работе среди женщин и среди молодежи. 3. О помощи голодающим. 4. Партийные задачи.	<i>Члены губкома:</i> Н. И. Уфимцев, Ф. Д. Пичурин, К. Ф. Яцино, И. С. Семериков, Я. А. Теумин, А. И. Кондраков, Т. С. Кузнецов, Я. Н. Элиасберг, А. Н. Лукоянова, А. М. Питерский,	Н. И. Уфимцев (секретарь), Ф. Д. Пичурин, К. Ф. Яцино, И. С. Семериков, Я. А. Теумин

* М. А. Сергеев являлся секретарем губкома РКП(б) до августа 1921 г., когда пленум губкома РКП(б) избрал на эту должность Н. И. Уфимцева.

Продолжение табл. 3.1

Конференция	Вопросы повестки дня и выступающие	Персональный состав губкома РКП(б)	Персональный состав президиума губкома
	5. Практические итоги новой экономической политики 6. Продовольственные перспективы и задачи сельского хозяйства. 7. Финансовая политика и местные налоги. 8. Товарообмен и кооперация. 9. Выборы губкома	Ф. А. Плясунов, Д. Г. Сулимов, С. В. Мрачковский, С. А. Новоселов, И. И. Кириевский; <i>кандидаты в члены губкома:</i> Б. Ф. Малкин, С. П. Цетинов, С. Ф. Баранов, С. А. Анучин, А. С. Чащин, Н. И. Николаев, Г. Б. Утяганов; <i>члены контрольной комиссии:</i> Н. М. Матвеев, А. И. Старков, Е. А. Соловьев; <i>кандидаты в члены контрольной комиссии:</i> Н. В. Сухоносков, И. А. Суворов	
8-я 23–25 июня 1922 г. 249 делегатов с решающим голосом, 6 с совещательным от 13 819 членов РКП(б)	1. Политическое положение республики и задачи партии (В. М. Молотов). 2. Доклад губкома. 3. Доклад губернской контрольной комиссии. 4. Партстроительство и содоклад о работе в деревне и в РКСМ. 5. Кооперация. 6. Выборы	<i>Члены губкома:</i> И. С. Семериков, К. Ф. Яцино, Т. С. Кузнецов, Я. А. Теумин, С. А. Новоселов, А. М. Питерский, А. С. Чашихин, Ф. А. Плясунов, Новиков, А. Ф. Сивков, Пыхтеев, Сериков, Бела Куц, С. А. Анучин, А. И. Ларичев	
9-я 16–19 марта 1923 г. 217 делегатов с решающим голосом,	1. Доклад ЦК РКП(б). 2. Отчет губкома. 3. Отчет губернской контрольной комиссии. 4. Отчет ревизионной комиссии. 5. О налоговой политике в деревне.		

Окончание табл. 3.1

Конференция	Вопросы повестки дня и выступающие	Персональный состав губкома РКП(б)	Персональный состав президиума губкома
25 с совещательным от 11 506 членов РКП(б)	6. Положение промышленности и рабочего класса. 7. Агитационно-пропагандистские задачи. 8. О народном образовании. 9. Очередные организационные задачи парторганизации. 10. Выборы		

Таблица составлена Е. И. Ярковой по: ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 393. Л. 14–18; Ф. 76. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 34; Д. 59. Л. 1, 7; Л. 4–4 об., 22–22 об.; Д. 60. Л. 6, 9 об., 17, 53; Д. 65. Л. 1а–1б об.; Д. 66. Л. 247; Ф. 221. Оп. 2. Д. 223 а. Л. 250, 254, 291–292.

В состав губернского комитета, который собирался два раза в месяц, включались работники как губернского, так и других крупных рабочих центров губернии. Для текущей работы из числа членов губернского комитета избирался президиум/бюро в составе не менее пяти человек. В Екатеринбургской организации президиум в 1919–1920 гг. возглавлял председатель губернского комитета, кроме того, избирали заместителя/товарища председателя и секретаря, выполнявшего техническую работу; только с 1921 г. отмечена должность ответственного секретаря, который становится высшим должностным лицом (см. табл. 3.1).

Губернский комитет утверждал уездные или районные организации губернии с санкцией областных комитетов или ЦК, организовывал различные структуры партии в пределах губернии и руководил их деятельностью, назначал редакцию губернского партийного органа, заведовал губернской кассой. Губернский комитет партии контролировал деятельность губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, профессиональные союзы, кооперативные объединения через механизм создания в управляющих структурах партийных фракций.

Таким образом, губернский партийный комитет, а точнее президиум, возглавлял управленческую вертикаль в губернии. Председа-

тель комитета / ответственный секретарь играли наиболее заметную роль в региональной элите. Они входили в состав номенклатуры и их кандидатуры не просто утверждались, а делегировались/назначались ЦК партии.

Уездная партийная организация непосредственно подчинялась губернскому комитету. Ее основным органом была уездная конференция (собиралась из представителей волостных организаций один раз в три месяца), на ней избирались уездный комитет и ревизионная комиссия. Уездный комитет партии непосредственно руководил волостными организациями и ячейками. В его составе насчитывалось от пяти до девяти человек, для текущей работы уком выбирал бюро/президиум из трех человек с освобожденным секретарем, занимавшим только партийной работой.

Уездный комитет утверждал волостные организации и ячейки с санкции губернского комитета, организовывал партийную работу в границах уезда, в том числе издание партийного органа и литературы, заведовал партийной кассой. Важнейшей функцией уездного комитета было направление, связанное с деятельностью уездного Совета и всех волостных Советов, а также профессиональных организаций и кооперативных объединений в пределах уезда.

Волостная организация объединяла партийные ячейки, как правило, сельские. Высшим органом волостной организации выступало общее собрание членов партии волости или конференция, которые созывались один раз в месяц. В функции общего собрания входили: прием в партию и исключение, утверждение отчетов руководящих органов, выбор делегатов на губернские и уездные конференции, утверждение отчетов волысполкома. Исполнительные органы – волостной комитет партии и ревизионная комиссия – выбирались общим собранием в составе 3–5 чел. на три месяца и утверждались уездной организацией. Волостной комитет ежемесячно отчитывался о своей работе перед уездным, губернским комитетами и ЦК. Важным направлением его деятельности была фракционная работа в волостном исполкоме.

Первичной организационной структурой партии были партийные ячейки в составе не менее трех человек. Они создавались при предприятиях, учреждениях, кооперативах, коммунах или поселениях (сельсоветах). Самостоятельный статус ячейки приобретали только после утверждения уездным, городским или районным комитетом РКП(б). Ячейка являлась основным каналом партийной работы с массами, в том числе отвечала за проведение в жизнь партийных лозунгов и решений, а также обеспечивала «активное участие партийного органа в экономической и политической жизни страны»¹⁸, которое реа-

¹⁸ Устав Российской Коммунистической партии (большевиков) [1919]. С. 193.

лизовывалось путем формирования фракций в советских, профсоюзных, кооперативных и прочих органах. Для ведения текущей работы на собраниях ячейки выбиралось бюро из трех человек (председатель, зам. председателя, секретарь) сроком на один месяц. Такая периодичность предполагала ротацию, хотя формальных ограничений в сроках занятия руководящих постов в ячейке не было.

Партийное собрание, особенно общее собрание членов первичной организации рассматривалось как самое важное партийное мероприятие, участие в котором обязательно для члена партии. Оно было призвано служить наиболее наглядным *воплощением внутрипартийной демократии*.

Общие собрания членов ячейки проводились по мере надобности с обязательным посещением членами ячейки. Посещение фиксировалось в учетных документах, в частности, в личных регистрационных карточках и партийных билетах. Пропуски собраний были основанием для наказания вплоть до исключения из партии¹⁹.

Посещение партийных собраний – обязанность коммуниста наряду с уплатой взносов и подчинением партийной дисциплине, однако сведение партийной деятельности члена партии только к уплате взносов и посещению собраний было недостаточным для сохранения членства в партии. Одной из причин выхода из партии часто называли отсутствие назначений на работу: «состоять в партии лишь для уплаты взносов и посещения собраний считаю неприемлемым»²⁰.

Члены партийной ячейки, как правило, наделялись определенными обязанностями по проведению в жизнь решений партии. Судя по материалам партийной переписи 1922 г., в партийной организации, помимо должности председателя и секретаря комитета/бюро, выделялись должности организатора, агитатора, боевика, пропагандиста. С одной стороны, эти партийные роли были наследием подпольного прошлого партии, но оказались востребованными и на новом этапе.

На собрании обсуждались важнейшие вопросы партийной жизни организации. Ход собрания обязательно протоколировался. В особых случаях в нем могли принимать участие не только члены партии, но и, в зависимости от повестки, сочувствующие и беспартийные. В компетенцию собрания входили вопросы: о вступлении в партию (прием кандидатов, перевод из кандидатов в члены), исключении, в том числе по личным заявлениям. На общем собрании первичной организации избиралось бюро, с определенной периодичностью утверждались его отчеты. Все решения партийных собраний выносились на утверждение вышестоящих партийных организаций.

¹⁹ См., напр.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 578. Л. 183 об.; Д. 588. Л. 128 об.

²⁰ Там же. Д. 588. Л. 128 об.

Типичная повестка общего собрания первичной организации включала: ознакомление коммунистов с документами вышестоящих организаций; обсуждение тактических вопросов, связанных с политикой партии, с целью разъяснения их массам; изучение действующей редакции Программы и Устава и важнейших решений партийного руководства. К ним относились не только письма и циркуляры ЦК, но и решения губкомов и укомов, которые непосредственно касались партийной ячейки²¹.

Что касается рассмотрения заявлений о вступлении, переводе или исключении, то они вызывали больший эмоциональный отклик коммунистов, чем циркуляры вышестоящих органов, но в повестке рассматривались, как правило, в пункте «Разное». В протоколах значились также вопросы о помощи членам партии, выдвижении, назначении партийных кадров, рассмотрении их заявлений. Текущие вопросы партийной жизни считались менее значимыми, чем оглашение решений вышестоящих партийных органов, поэтому они замыкали перечень вопросов повестки собрания.

Партийные собрания проводились реже заседаний бюро, которое и решало большую часть текущих вопросов, в том числе занималось подготовкой общего собрания.

Таким образом, структура местных партийных организаций губернского, уездного или волостного уровня соответствовала структуре административно-территориального деления и формировалась по территориально-производственному принципу. Устав способствовал единообразию организационной структуры, хотя могли иметь место и особенности организации, определяемые спецификой территории, ее хозяйственной специализацией.

3.2. Исторический очерк партийного строительства в Екатеринбургской губернии

Структура Екатеринбургской партийной организации не была исключением из общих правил партийного строительства. В октябре 1917 г. она включала 12 райкомов, которые делились на 2–4 подрайкома каждый. Райкомы располагались, как правило, в пределах крупных заводских поселений (например, Нижние Серги в Екатеринбургском уезде Пермской губернии или Чусовской в Пермском уезде той же губернии). Возможно, в целях конспирации райкомы и подрайкомы не

²¹ См., напр.: ЦДООСО Ф. 76. Оп. 1. Д. 564. Л. 112–112 об.; Д. 569. Л. 35–35 об.; Д. 587. Л. 149–149 об.

создавались в губернских и уездных центрах. Наиболее активно проявлял себя следующие райкомы и подрайкомы: Нижне-Сергинский райком – Михайловский подрайком (Михайловский завод); Невьянский райком – Нижне-Нейвинский урайком; Добрянский, Саткинский, Лаксинский, Нязепетровский, Соколовский райкомы; Верхне-Уфалейский железнодорожный, Чусовской (Пермь), Лысьвенский, Мотовилихинский (Пермь), Байкаловский райкомы²².

В 1918–1919 гг. произошла организационная перестройка партийных комитетов по территориальному принципу в соответствии с новой иерархической структурой: губком – уком – волком. К этому времени относится образование собственно Екатеринбургской губернии и Екатеринбургского губернского комитета.

Первая партийная конференция в Екатеринбургской губернии была созвана 13–15 октября 1919 г. – через три месяца после освобождения Екатеринбурга от Колчака. Ей предшествовало создание в конце июля 1919 г. организационного бюро РКП, в состав которого вошли видные партийные деятели Урала: Л. С. Сосновский, С. А. Новоселов, Н. И. Уфимцев, В. А. Воробьев, И. С. Семериков, А. К. Лепя. На первом заседании бюро 31 июля 1919 г., где присутствовало три члена бюро (Н. И. Уфимцев, С. А. Новоселов, И. С. Семериков), было рассмотрено несколько вопросов, в том числе о «создании партийных организаций» и «создании отделов при губернском организационном бюро». В частности, было решено сформировать отделы: «информационный, делопроизводство, <...> и информационно-статистический». Всего за период с 31 июля по 6 октября 1919 г. было проведено шесть заседаний губернского оргбюро, на которых помимо текущих вопросов о выдаче пособий членам партии и т. д. было принято решение о сроках созыва Екатеринбургского уездного и губернского съездов Советов, а также губернской партийной конференции (протокол № 5 от 16 сентября 1919 г.)²³.

На первой губернской конференции делегаты приняли «Инструкцию по организационному вопросу», закрепившую типовую структуру, функции и полномочия партийных органов в Екатеринбургской губернии²⁴. Для текущей работы губком выбрал президиум из трех человек: Л. С. Сосновского (председатель), С. А. Новоселова

²² Подсчитано по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б). См.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557–645.

²³ Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния, 1919–1923 гг. : экономическое, политическое, социальное развитие : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008. С. 45–46.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 7. Л. 2. В других источниках Инструкция по организационному вопросу называется Уставом Екатеринбургской организации РКП(б) (ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 7. Л. 49–51).

Отправка добровольцев на Юго-Западный фронт
(ЦДООСО, ф. 221, оп. 3, д. 956, л. 2)

(заместитель председателя), Н. И. Уфимцева (секретарь)²⁵. На этом же заседании были организованы следующие отделы: организационно-инструкторский (заведующий Н. И. Уфимцев), информационный (В. А. Воробьев), по работе среди крестьян (Панков), по работе среди женщин (К. И. Кирсанова), военный (заведующий А. И. Израйлович)²⁶. В начале ноября 1919 г. был создан отдел по работе в деревне²⁷.

Формирование аппарата губкома было задержано массовыми мобилизациями. К 1 ноября 1919 г. по губернии было мобилизовано около 3 тыс. членов партии. Параллельно проводилась вербовка добровольцев в Красную уральскую дивизию. В результате многие отделы губкома остались «на бумаге», так и не начав работу.

На 2-й губернской конференции РКП(б) в феврале 1920 г. эти структурные подразделения упраздняются и объединяются с организационным отделом²⁸. В дополнение к ним были созданы лекторское бюро, выполнявшее функции агитационно-пропагандистского

²⁵ 25 ноября 1919 г. персональный состав президиума Екатеринбургского губкома РКП(б) был изменен. Председателем президиума избирается А. И. Израйлович, товарищем председателя В. А. Воробьев, секретарем А. П. Симашко (ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 41. Л. 2 об.).

²⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 8; Д. 4. Л. 1.

²⁷ Решение губкома РКП(б) от 18 октября 1919 г. о создании отделов скорее всего не было выполнено, поэтому в ноябре 1919 г. губком вновь вернулся к этому вопросу.

²⁸ Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния, 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие. С. 48–50.

отдела, и секция иностранных коммунистов, которая вела работу среди военнопленных, находившихся в Екатеринбургской губернии²⁹. 27 июля 1920 г. лекторское бюро было преобразовано в агитационно-пропагандистский отдел при губкоме РКП(б). Заведующим отделом был утвержден М. А. Сергеев.

После 3-й губернской конференции РКП(б) (июнь 1920 г.) структура аппарата губкома РКП(б) приобрела окончательный вид: секретариат губкома (организован в январе 1920 г.)³⁰ во главе с секретарем и непосредственно подчиненные ему организационно-инструкторский (с информационно-учетным подотделом), агитационно-пропагандистский отделы, отдел по работе среди женщин, отдел национальных меньшинств. На правах отдела губкома РКП(б) в январе 1920 г. был также организован секретариат по работе в Екатеринбурге³¹. В июне 1921 г. горсекретариат был заменен городским комитетом партии, когда VI городская конференция РКП(б) избрала новый горком в составе шести членов и пяти кандидатов³².

С момента своего образования Екатеринбургский губком РКП(б) взял под контроль губернские советские и хозяйственные органы, профсоюзы и комсомольскую организацию. Основные рычаги влияния партийных органов были связаны с утверждением состава и кооптацией членов губкома в состав руководства исполкомов Советов. 2 ноября 1919 г. губком утвердил состав президиума губисполкома в лице председателя А. И. Израйловича, товарища председателя М. А. Сергеева и члена Килякова³³, а также освободил Я. М. Юровского от должности председателя губЧК и назначил временно исполняющим обязанности А. Г. Тунгускова³⁴. В феврале 1920 г. на 2-й губернской партийной конференции В. А. Воробьев отметил: «Теперь, когда партия пришла к власти <...> каждая ячейка определяет судьбу и политику тех учреждений, внутри которых она находится...»³⁵

Структура аппарата губернских комитетов красноречиво свидетельствует о приоритетных направлениях и формах работы партийных органов. Они носили контрольно-организационный характер, а сама деятельность парткомитетов была сосредоточена на задачах пропаганды и агитации. Таким образом, управление Советами,

²⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 79. Л. 5

³⁰ ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 222. Л. 1, 7.

³¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 69. Л. 15.

³² Там же. Д. 223 а. Л. 288.

³³ Там же. Д. 4. Л. 3 об.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Там же. Д. 59. Л. 18 об., 20.

Группа партийных работников (второй справа во втором ряду И. С. Семериков). Ок. 1919–1920 г. (ЦДООСО, ф. 221, оп. 3, д. 179)

профсоюзами, кооперацией, общественными организациями, предприятиями и учреждениями в начальный период формирования новой структуры партийной системы носило комплексный и опосредованный, «мягкий» характер, реализуя задачи политического руководства, но не подменяя собой государственные органы власти. В дальнейшем, с началом индустриализации, на первый план в работе аппарата выйдут задачи отраслевого руководства, что повлечет за собой новую организационную перестройку партийного аппарата с выделением отделов сельского хозяйства, строительства, образования и пр., фактически дублировавших исполнительные органы власти.

В рамках предписанной Уставом структуры партийной организации Екатеринбургскому губернскому комитету непосредственно подчинялись десять уездных партийных организаций: Алапаевский, Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Каменский, Камышловский, Красноуфимский, Надеждинский, Нижнетагильский и Туринский комитеты. Последний был сформирован позднее остальных – в 1920 г.

На уровне уездов и волостей во второй половине 1919–1920 г. также велось активное партийное строительство. Заведующий информационным отделом губкома В. А. Воробьев еще в ноябре 1919 г. разработал серию инструкций, касающихся деятельности как губернского

отдела, так и отделов укомов, райкомов и волкомов³⁶. Согласно им аппараты уездных комитетов РКП(б) имели структуру, сходную со структурной губкома, за исключением агитационного отдела и отдела национальных меньшинств, которые при уездных комитетах не создавались³⁷.

В сентябре 1920 г. большинство уездных комитетов губернии состояло из семи членов, в Ирбитском, Красноуфимском и Надеждинском уездах – из девяти, в Алапаевском – из трех. В президиумы входило по три человека: один из них выполнял обязанности секретаря. В большинстве укомов были организованы отделы: информационный, по работе среди женщин, организационно-пропагандистский³⁸, организационный, бюро субботников³⁹.

В ведении укомов находились 87 волостных организаций, которые в разное время могли быть подведомственны разным укомам, поскольку на низовом уровне административные преобразования продолжались весь период существования губернского деления Советской России⁴⁰. Первоначально существовала тенденция объединять городские и уездные партийные комитеты в рамках одного органа – уездно-городского комитета (угоркома), экономя материальные ресурсы и кадры, которых в первое время существования советской власти остро не хватало. После окончания основных боевых действий Гражданской войны от этой практики стали постепенно отказываться, дольше всего (вплоть до создания Уральской области в 1923 г.) в структуре Екатеринбургской партийной организации просуществовал Надеждинский уездно-городской комитет РКП(б).

Районные комитеты, характерные для 1917–1918 гг., также сохранились в партийной структуре как подразделения комитетов крупных городов. Для Екатеринбургской партийной организации – это райкомы в Екатеринбурге⁴¹ и Нижнем Тагиле⁴². В некоторых случаях в документах 1922–1923 гг. встречаются упоминания о городских районных комитетах (горрайкомах). Применительно к уральским губерниям эти структуры имели отношение к Перми и Златоусту.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–11, 13–18.

³⁷ Там же. Д. 79. Л. 56.

³⁸ Этот отдел не имел аппарата, а только одного заведующего (члена укома), который отвечал за постановку агитации и пропаганды (Там же. Д. 79. Л. 6 об.).

³⁹ Там же. Д. 69. Л. 148 об. – 149 об.; Д. 66. Л. 90–90 об.; Д. 79. Л. 13 об.

⁴⁰ Подсчитано по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) (Там же. Д. 557–645; Краткий справочник по фондам Центра документации общественных организаций Свердловской области. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2007. С. 21–24).

⁴¹ В архивных материалах найдены упоминания о первом, втором, третьем, четвертом и пятом райкомах Екатеринбургга.

⁴² В архивных материалах найдены упоминания о первом, третьем, четвертом и «2–5 райкомах» Нижнего Тагила.

Помимо партийных комитетов создавалось множество комиссий, самая значимая из которых – ревизионная контрольная комиссия. В ее компетенцию входило проверка бюджетов партийных организаций, рассмотрение жалоб и спорных ситуаций на уездном и губернском уровнях. В некоторых случаях контрольная комиссия могла решать вопросы о восстановлении исключенных из партии⁴³. Также достойны внимания комиссии по чистке партии, созданные в 1921 г. Хотя они и были временными, их деятельность крайне важна для функционирования партийного аппарата, особенно на низовом уровне в условиях острого недостатка кадров для партийной работы.

За работу в войсках на территории Екатеринбургской губернской партийной организации отвечали политорганы, которые включали в себя как выборные партийные комиссии, так и политотделы, назначаемые Главным политическим управлением РККА. Среди партийных комиссий ведущую роль играла Комиссия при штабе Приуральского военного округа, которой были подчинены партийные комиссии дивизий, таких как 57-я Екатеринбургская дивизия, и бригад, в частности 63-й стрелковой бригады. Сеть политотделов включала в себя политотделы расквартированных соединений, а также политотдел размещенной здесь же Первой Трудовой армии.

Вне системы войсковых политических органов оставались части особого назначения (ЧОН) и войска ВЧК, у которых был отдельный штаб (штаб войск ВЧК Приуральского военного округа). Имеющиеся архивные сведения о положении в партийном аппарате ВЧК и местных политбюро носят фрагментарный характер.

В ЧОН и структурах ВЧК существовали партийные ячейки, но не все сотрудники были их членами⁴⁴. Партийные ячейки действовали и в войсках ВЧК, однако можно лишь предполагать, были ли они автономными по отношению к политическим органам Красной армии или же, как и большинство армейских партийных структур, так или иначе взаимодействовали с окружной партийной комиссией.

В воинских частях – полках, артиллерийских дивизионах – организуемые партийные ячейки и коллективы могли объединяться в бюро ячеек или коллективов, которые взаимодействовали с политотделами и партийными комиссиями бригад и дивизий.

Политические органы в войсках не были частью иерархии партийных органов «губком – уком – волком», но взаимодействие с «гражданскими» структурами существовало, особенно по вопросам мобилизации и демобилизации коммунистов-красноармейцев, полу-

⁴³ См., напр.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 558. Л. 018; Д. 589. Л. 351–351 об.

⁴⁴ См., напр., пометки: «Ирбитское политбюро вне всякой ячейки» (Там же. Д. 596. Л. 120).

чения единых партийных билетов и т. д. В первое время существования этих структур в Красной армии порядок их взаимодействия с территориальными партийными организациями не был урегулирован. Этот пробел восполняется уже во второй половине 1920-х гг. после образования Уральской области.

Екатеринбургский губком в 1920–1923 гг., вплоть до образования Уральской областной организации, работал параллельно с Уральским бюро ЦК РКП(б) и наряду с Пермским, Тюменским и Челябинским губернскими партийными комитетами был подотчетен ему.

Уральское бюро на территории РСФСР было образовано в 1920 г. и предназначалось для усиления связи между центром и регионами и укрепления позиций ЦК⁴⁵. В отличие от других партийных организаций, как центральных, так и местных, которые формировались на выборной основе, областные партийные бюро были структурами назначаемыми. Утверждение состава областных бюро происходило непосредственно на уровне ЦК РКП(б).

20 апреля 1920 г. в ЦК РКП(б) был рассмотрен вопрос «Об Уральском областном бюро ЦК» и утвержден его первый состав, включавший В. А. Андроникова, Е. О. Бумажного и Г. Л. Пятакова⁴⁶. Первоначально Уралбюро ЦК «существовало лишь теоретически», его аппарат состоял из нескольких ответственных работников и не имел технического персонала⁴⁷. Назначенный руководителем Уралбюро ЦК Т. С. Кривов считал своей основной задачей «установление политического контроля над деятельностью различных областных хозяйственных и административных органов и учреждений и установление делового контакта между ними через областное бюро ЦК»⁴⁸. Летом 1920 г. Т. С. Кривов по болезни покинул Урал, и областное партийное бюро осталось без руководителя. Таким образом, уровень властных притязаний нового партийного института сначала ограничивался решением задач координации областных структур (Уралпромбюро ВСНХ,

⁴⁵ Подробнее см.: *Воробьев С. В.* Формирование властной вертикали советской политической системы в период нэпа (на примере Урала) // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента : опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 47–96.

⁴⁶ См.: *Мельников В. П.* Областные бюро ЦК РКП(б). Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.). М., 1981. С. 20. Однако В. А. Андроников к работе в Уралбюро ЦК по не выясненным причинам так и не приступил и был заменен Т. С. Кривовым.

⁴⁷ См.: *Яркова Е. И.* Возникновение и деятельность Уральского бюро ЦК РКП(б) (1920–1923 гг.) // XXI век и историческая перспектива России : тез. регион. науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 62.

⁴⁸ См.: *Кривов Т.* Уральское областное бюро ЦК РКП // Известия Екатеринбургского губкома РКП(б). 1920. 10 июня. № 18 (24).

Уралбюро ВЦСПС и др.). Вопрос о контроле деятельности губкомов и других структур губернского уровня управления на данном этапе не рассматривался. В результате в 1920–1921 гг. позиции Екатеринбургского губкома РКП(б) оставались вполне прочными. Партийные руководители Екатеринбургской губернии входили непосредственно в состав Уралбюро ЦК и возглавляли его.

Однако такое сосуществование продолжалось недолго. Организационную перегруппировку сил подтолкнула дискуссия о профсоюзах. Выступив на стороне Л. Д. Троцкого, Уралбюро дискредитировало себя в глазах ЦК. Оппозиционно настроенные С. В. Мрачковский, Н. И. Уфимцев и В. А. Воробьев были выведены из состава Уралбюро ЦК РКП(б) (или переведены из членов Уралбюро ЦК в кандидаты)⁴⁹. Кадровые чистки весной-осенью 1921 г. привели фактически к прекращению деятельности Уралбюро. Новый его состав возглавил Т. В. Сапронов, его членами были назначены В. В. Косиор, Д. Е. Сулимов, Н. И. Уфимцев и В. В. Кураев. Но и этот состав не продержался долго, так как допускал оппозиционные настроения и плюрализм мнений при обсуждении партийных и государственных вопросов. В результате Т. С. Сапронов и В. В. Косиор были отозваны в Москву.

Кадровые перестановки и незавершенность организационной структуры мешали укреплению позиций Уралбюро и способствовали сохранению влияния губернских комитетов, которые сознательно тормозили институциональное становление новой партийной структуры, видя в ней конкурента⁵⁰. В целом эту ситуацию «двоевластия» можно рассматривать как переходный этап от ограниченной партийной демократии к более жесткой централизованной системе руководства, которая постепенно складывалась в ходе внутрипартийной борьбы и порождалась ею.

С середины 1922 г. в связи с усилением позиций Секретариата и Оргбюро ЦК начинается новый этап организационного и кадрового укрепления Уралбюро ЦК РКП(б). После XI съезда РКП(б) принимается решение направить на Урал большую группу видных партийных деятелей – сторонников ленинской линии. Как отмечал Л. М. Каганович, «ЦК придавал большое значение Уральской парторганизации. После XI съезда ЦК счел нужным укрепить Уральское бюро ЦК и ввел в него гг. Голощекина, Харитонову, Бела Куна, Ломова и других»⁵¹. Во главе Уралбюро ЦК некоторое время находился Ф. И. Голощекин,

⁴⁹ См.: *Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 129.

⁵⁰ См.: *Воробьев С. В.* Уралбюро ЦК РКП(б) в партийной иерархии: между центром и регионами // *Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та.* 2016. № 3 (19). С. 52–64.

⁵¹ *Каганович Л. М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 288.

затем его сменил М. М. Харитонов, работавший до этого секретарем Пермского губкома РКП(б).

Новый состав Уралбюро ЦК стал твердо проводить линию на подавление оппозиционных настроений, усилил давление на местные структуры власти, и в первую очередь на губкомы. Сразу после прибытия в Екатеринбург московских назначенцев возник конфликт между Уралбюро ЦК и Екатеринбургским губкомом по поводу фигуры секретаря губкома Н. И. Уфимцева. В конце 1921 г. он снова был избран руководителем Екатеринбургского губкома. Предполагалось, что по сложившейся практике он будет назначен членом Уралбюро ЦК. Однако Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило его лишь кандидатом в члены областного бюро, а затем приняло решение об отъезде Н. И. Уфимцева с Урала, что вызвало недовольство губернского комитета⁵².

Для разрешения конфликта в Екатеринбург прибыл секретарь ЦК РКП(б) В. М. Молотов. На губернской партконференции два члена Уралбюро ЦК – Бела Кун и С. А. Новоселов – вошли в новый состав Екатеринбургского губкома. Таким образом, новое руководство Уралбюро ЦК РКП(б) одержало аппаратную победу над губернской партийной номенклатурой, продемонстрировав всем остальным партийным организациям Урала твердую решимость пресекать любые проявления сепаратизма и фронды.

Вторым важным шагом стало создание работоспособного аппарата. На заседании 1 июня 1922 г. Уралбюро ЦК приняло решение образовать секретариат в составе секретаря Ф. И. Голощекина и членов бюро Я. К. Яглома, Бела Куна и С. А. Новоселова⁵³. Функции секретариата охватывали широкий круг вопросов от планирования и подготовки заседаний Уралбюро до назначения руководителей отделов. Была введена система предварительного обсуждения вопросов на секретариате, что способствовало повышению контроля принятия решений на заседании Уралбюро и проведению более жесткого курса на централизацию: «ни один пленум губкома и конференции не должны созываться без уведомления Урал-Бюро ЦК РКП и присутствия одного из членов Урал-Бюро ЦК на этих пленумах и конференциях»⁵⁴. Ежемесячные отчеты губкомов в ЦК в обязательном порядке сопровождалась «особыми замечаниями», «поправками» Уралбюро⁵⁵.

⁵² Подробнее см.: *Воробьев С. В.* Н. И. Уфимцев и Екатеринбургский губком РКП(б): конфликт с центром и его последствия // Советский проект, 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2018. С. 204–216; *Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала) : автореф. ... д-ра. ист. наук. Тюмень, 2000. С. 141.

⁵³ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 68. Л. 36.

⁵⁴ Там же. Л. 36.

⁵⁵ Там же. Л. 44 об.

В них областной орган давал собственную «объективную» оценку деятельности губкомов, и зачастую она носила диаметрально противоположный характер. Губкомам было предписано ежемесячно высылать в адрес Уралбюро следующие материалы: политические письма секретарей губкомов, ежемесячные информационные сводки по губернии, сведения учетно-распределительного отдела губкома о движении личного состава⁵⁶. Контроль подкреплялся регулярными выездами членов Уралбюро ЦК в губернские партийные организации.

Помимо выполнения функций партийного контроля полномочия Уралбюро ЦК расширились за счет переключения на себя вопросов экономического развития Урала, управления деятельностью областных и губернских хозяйственных органов. Оно в полном объеме начинает реализовывать властные полномочия, предоставленные ему «Положением об областных бюро ЦК РКП(б)», принятым ЦК партии осенью 1921 г. Секретарь Уралбюро ЦК становится весомой фигурой на региональном политическом Олимпе, его власть теперь настолько значительна, что его начинают сравнивать с генерал-губернатором⁵⁷.

В декабре 1922 г. Уралбюро ЦК в соответствии с программой реструктуризации аппарата сформировало в структуре организационного отдела счетно-финансовую часть с широкими полномочиями, в том числе правом утверждения сметы губкомов⁵⁸. В результате Уралбюро ЦК освобождалось от финансовой зависимости со стороны Екатеринбургского губкома, как было до этого, и наоборот, губкомы ставились под жесткий финансовый контроль со стороны областного партийного органа.

Усилия по выстраиванию вертикали власти на региональном уровне не прошли даром. Накануне XII съезда партии в отчете Уралбюро в ЦК РКП(б) указывалось: «Склоки и болезненные уклоны, которые к XI-му съезду характеризовали внутреннее состояние решительно всех организаций области, ликвидированы в корне и без остатка. От “мясниковщины” осталось одно воспоминание»⁵⁹. Все губернские партконференции, на которых выбирали руководящие партийные губернские органы и делегатов на партийный съезд, проходили под контролем Уралбюро ЦК. Списки кандидатур в состав новых губкомов были предварительно согласованы с областным бюро и получили его одобрение.

⁵⁶ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 78. Л. 140.

⁵⁷ См.: Кружинов В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 129.

⁵⁸ ЦДОСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 89. Л. 122 об.

⁵⁹ Там же. Д. 194. Л. 104.

Группа партийных работников ЦК и Уральского обкома РКП(б). Слева направо во втором ряду (сидят): четвертый – Бела Кун, пятый – Л. М. Каганович, шестой – А. А. Андреев, седьмой – М. М. Харитонов, девятый – Д. Е. Сулимов. Стоят в третьем ряду: пятый – И. С. Семериков; в четвертом ряду предпоследний – К. В. Гей (ЦДООСО, ф. 221, оп. 3, д. 498)

Одним из основных направлений деятельности Уралбюро ЦК в 1923 г. стала подготовка региональных структур власти (государственных и ведомственных) к переходу на новую административно-территориальную систему, построенную на принципах экономического районирования. После выхода постановления ВЦИК СССР от 3 ноября 1923 г. о создании Уральской области областное бюро прекращает свою работу и в декабре 1923 г. преобразуется в выборный областной партийный орган – Уральский областной комитет РКП(б).

Таким образом, областные партийные органы стали важным элементом в системе региональной власти. С одной стороны, повышение их политического веса в партийной иерархии, организационное укрепление происходили в контексте противоборства различных партийных фракций за политическое лидерство. Результатом победы ленинской группы, в значительной мере опиравшейся на партийный аппарат, стало сужение внутривнутрипартийной демократии, расширение практики «назначенчества» на ответственные партийные должности и неизбежное усиление командно-директивного стиля руководства.

Американский историк Л. Шапиро указывал на «диктаторский», недемократический характер областных бюро. Их руководители, являясь «назначенцами из Москвы», не зависели от местных партийных организаций, а потому не считались с их мнением и проводили линию центра исключительно командными методами⁶⁰. Таким образом, областные бюро внесли свою лепту в процесс бюрократизации партийного аппарата, обеспечив подчинение местных партийных организаций центральному аппарату партии. С другой стороны, в ходе деятельности областных партийных бюро ими был наработан определенный опыт управления политическими, экономическими и социальными процессами на больших территориях, координации деятельности различных органов власти (от областных до уездных), сложился соответствующий административно-управленческий аппарат.

Проводимый в середине 1920-х гг. эксперимент по укрупнению административно-территориальных единиц объективно способствовал усилению централизации не только административного, но и партийного управления. Уральский регион этот процесс затронул одним из первых: в 1923 г. здесь была создана Уральская область, объединившая территории Пермской, Екатеринбургской, Челябинской, отчасти Тюменской и Уфимской губерний. В соответствии с административным делением создаются областная партийная организация и Уральский областной комитет РКП(б). На уровне округов функционировали окружные комитеты, наиболее крупными из них были Свердловский, Ирбитский, Шадринский и Тагильский.

Компетенции между обкомом и окружками (в разное время Уральскому обкому подчинялось разное количество окружкомов, например, в 1927 г. их было 16) распределились по тому же принципу, что в губкомах и укомах. Функции непосредственного руководства низовыми ячейками и выдачи партийных билетов перешли окружкам. Что касается низовых организаций – райкомов, то их границы находились в процессе постоянного реформирования, численность менялась и по состоянию на 1927 г. их насчитывалось 210.

После того как окружное деление и, следовательно, окружкомы в 1930 г. были упразднены, количество районов уменьшилось до 163, и райком стал основным типом территориального партийного комитета ВКП(б). Исключения составляли города и рабочие поселки, выделенные в самостоятельные административные единицы (всего их было 15 в 1931 г.) и три национальных округа: Коми-Пермяцкий, Остяко-Вогульский, Ямальский (Ненецкий). В них партийные комитеты сформировались как городские, поселковые и окружные комитеты соответственно, состоящие в ведении Уралобкома ВКП(б).

⁶⁰ См.: Мельников В. П. Областные бюро ЦК РКП(б)... С. 48.

После разделения Уральской области в 1934 г. на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую структура территориальных партийных органов Свердловского областного комитета ВКП(б) выглядела следующим образом: первичная ячейка – райком/горком – обком.

Это был заключительный этап формирования структуры Свердловской партийной организации, которая с незначительными изменениями просуществовала вплоть до финала советского социального проекта.

3.3. Руководители Екатеринбургской губернской партийной организации и их преемники

От первых лиц в губернии зависела не только партийная жизнь, но шире – политическая, культурная, экономическая жизнь губернии. В изучаемый период партийные руководители губернской организации, как правило, имели дореволюционный стаж, т. е. относились к поколению «старых» партийцев и были профессиональными революционерами с опытом подпольной работы. Практически все они оказались жертвами репрессий и были расстреляны в 1937–1938 гг.

В разное время губернскую партийную организацию возглавляли:

Лепа (Лера) Альфред Карлович – в 1917 г. секретарь Екатеринбургского комитета РСДРП(б), затем член Уральского обкома РСДРП(б) – РКП(б).

Родился в 1896 г. в Риге, в семье извозчика. Закончил реальное училище, где познакомился с революционерами-подпольщиками.

А. К. Лепа

В 1914 г. его приняли в РСДРП, в этом же году был арестован и выслан в Нарымский край, откуда вскоре бежал в Екатеринбург. 15 января 1917 г. полиция снова арестовала его вместе с другими руководителями подполья – И. Мальшевым, С. Барановым, А. Фехтером, Я. Витковским и др. В результате Февральской революции был освобожден и 3 марта 1917 г. избран в состав городского комитета РСДРП(б).

В середине апреля 1917 г. Лепа принял участие в работе I (Свободной) Уральской областной социал-демократической конференции, где вместе с И. М. Мальшевым и В. А. Воробьевым был избран секретарем. В период подготовки Октябрьской революции работал пропаган-

дистом и агитатором областного комитета партии, объездил большую часть заводов Среднего Урала, организовывая на них партийные ячейки. Был избран делегатом на VII (Апрельскую) Всероссийскую конференцию РСДРП(б), II Всероссийский съезд Советов. В 1918 г. принимал участие в боях против дуловцев и разгроме Невьянского восстания в июле 1918 г. Затем продолжил работу в политорганах Красной армии, пройдя путь от начальника политотдела 30-й стрелковой дивизии до начальника политотдела 3-й армии Восточного фронта.

После окончания Гражданской войны А. К. Лепа занимал ряд ответственных постов: в 1920–1921 гг. работал управляющим делами ЦК РКП(б), заведующим учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б), ответственным секретарем Семиреченского обкома КП(б) Туркестана. В 1921–1924 гг. был назначен заместителем заведующего учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б), с 1924 г. – 1-м секретарем Полномочного представительства СССР в Польше. В 1925–1926 гг. занимал должности 2-го секретаря Сибирского крайкома РКП(б) – ВКП(б), в 1926–1928 гг. – ответственного секретаря Курского губкома РКП(б), в 1927–1934 гг. – члена Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), в 1928–1929 гг. назначен ответственным секретарем Вятского губкома ВКП(б), членом Президиума временного организационного бюро ЦК ВКП(б) по Нижегородской области/краю, 2-м секретарем Нижегородского крайкома ВКП(б). В 1929–1933 гг. занимал пост 2-го секретаря ЦК КП(б) Узбекистана, в 1933–1937 гг. – 1-го секретаря Татарского обкома ВКП(б).

На XVIII областной партийной конференции в июне 1937 г. он выступил с отчетным докладом, в котором говорил об успехах руководимой им партийной организации. Эта партийная конференция стала для него последней. Вскоре он был арестован, и в 1938 г. расстрелян. В 1955 г. решением Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС А. К. Лепа (Лиёпа) был реабилитирован в партийном отношении (посмертно)⁶¹;

Уфимцев Николай Иванович – в 1919 г. председатель Екатеринбургского губернского организационного бюро РКП(б) и председатель Екатеринбургского губернского комитета РКП(б); в 1920–1922 гг. – ответственный секретарь Екатеринбургского губернского комитета РКП(б), член Уральского бюро ЦК РКП(б).

⁶¹ См.: *Загидулин А. Р., Свалова В. А.* Лепа Альфред Карлович // *Большевики-ленинцы на Урале : метод. пособие для преподавателей ВПШ. Свердловск, 1989. С. 80–82; Лепа Альфред Карлович (Liёpa Alfreds) // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowby sight.info/LLL/05549.asp> (дата обращения: 20.11.2018).*

Родился в 1888 г. в пос. Усть-Сысертского завода Пермской губернии, в семье рабочего. После окончания церковно-приходской школы в 12 лет был вынужден в поисках работы уехать из дома и начать самостоятельную трудовую жизнь. Был активным участником Революции 1905 г. С 1906 г. вступил в РСДРП, став одним из организаторов партийной ячейки в Сысертском заводе. С 1906 по 1912 г. неоднократно арестовывался, отбывал сроки в тюрьме и ссылке. С конца 1912 г. и весь 1913 г. Н. И. Уфимцев работал в Екатеринбурге в группе «правдистов». Он помогал организации больничных и страховых касс на уральских заводах, в частности на Мотовилихинском, руководил забастовками.

В августе 1914 г. Н. И. Уфимцев был в очередной раз арестован за революционную деятельность, но в ноябре того же года из-за отсутствия улик освобожден. В январе 1915 г. его высылают сначала в Челябинск, а затем в Тургайскую область. В августе 1915 г. Уфимцев был мобилизован в армию.

После Февральской революции Н. И. Уфимцев возглавил Шадринский Совет солдатских депутатов. В 1917 г. работал инструктором Уральского обкома РКП(б). В 1918–1919 гг. воевал на фронтах Гражданской войны в качестве комиссара бригады 29-й дивизии, находился на нелегальной работе в качестве председателя Уральского отделения Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б), позже – заведующего политотдела 1-й Красной Уральской дивизии.

В 1919 г. работал сначала членом, потом председателем Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б). С 1920 г. находился на ответственной партийной и хозяйственной работе: был секретарем Екатеринбургского, Симферопольского губкомов РКП(б), председателем правления Севхимтреста, торгпредом СССР в Австрии, зам. начальника Главхима ВСНХ СССР, членом коллегии НКТП СССР.

В 1921 г. Н. И. Уфимцев выступил с поддержкой Л. Троцкого в дискуссии о профсоюзах. На V и VI губернских конференциях был избран членом губкома и ответственным секретарем. Эти должности он занимал до мая 1922 г., после чего покинул Урал. В 1928 г. исключен из партии как активный деятель троцкистской оппозиции. В 1934 г. был осужден и приговорен к ссылке в Иркутск. В 1936 г. снова арестован, а в 1938 г. расстрелян. Посмертно реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 26 декабря 1959 г.⁶²;

⁶² Цыганов В. Б. Уфимцев Николай Иванович // Большевики-ленинцы на Урале... С. 159–162; Уфимцев Николай Иванович // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/UUU/06590.asp> (дата обращения: 20.11.2018).

Израйлович (Израилович) Абрам Ильич – в 1919–1920 гг. был председателем Екатеринбургского губернского комитета РКП(б).

Родился в 1883 г. в Москве, окончил медицинский факультет Московского университета. В революционном движении с 1903 г. Занимался профессионально партийной работой. После Октябрьского переворота работал в ЧК. По поручению ЦК в 1921 г. в качестве уполномоченного ЦК РКП(б) и ВЦИК по хлебозаготовкам прибыл в Екатеринбургскую губернию, затем занял пост председателя Екатеринбургского губернского продовольственного совещания. Работал в Крыму, Москве. В 1930–1932 гг. был избран членом Президиума ВСНХ СССР, в 1937 г. работал начальником Главного управления газовой промышленности НКТП СССР, членом коллегии НКТП СССР. В 1937 г. арестован и расстрелян⁶³;

Воробьев Владимир Александрович – с августа 1919 по март 1921 г. был членом Президиума Екатеринбургского губернского комитета; с апреля 1920 по апрель 1921 г. – членом Уральского бюро ЦК РКП(б).

Родился в 1896 г. в семье интеллигентов, окончил Екатеринбургское реальное училище. В 1914 г. поступил в Технологический институт в Петрограде, участвовал там в работе студенческого кружка, в конце 1914 г. вступил в РСДРП. Окончив первый курс, в декабре 1915 г. В. А. Воробьев приехал на рождественские каникулы на Урал к родственникам, и в Петроград уже не вернулся. С января 1916 г. работал на Невьянском заводе сначала подручным токаря, затем токарем. По инициативе В. А. Воробьева на заводе был создан кружок самообразования, где изучались работы Маркса, Энгельса, Программа партии.

После Февральской революции рабочие делегировали В. А. Воробьева в Невьянский Совет рабочих депутатов. С марта по июнь 1917 г. он выполнял обязанности секретаря Невьянского комитета РСДРП и Совета рабочих депутатов. В июне 1917 г. был переведен на должность секретаря Екатеринбургского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, а в сентябре начал работу в редакции «Уральского рабочего».

С января 1918 г. по январь 1919 г. В. А. Воробьев входил в состав Уральского областного комитета партии, а с августа 1919 по март 1921 г. был членом Президиума Екатеринбургского губернского комитета, с апреля 1920 по апрель 1921 г. – членом Уральского бюро ЦК РКП(б).

В октябре 1921 г. В. А. Воробьев был отозван в Москву в агитационный отдел ЦК РКП(б), стал заведующим отдела печати, а с февраля 1922 г. работал в редакции газеты «Рабочий». В мае 1922 г.

⁶³ Израйлович Абрам Ильич // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowby sight.info/III/06589.asp> (дата обращения: 20.11.2018).

В. А. Воробьев вернулся в Екатеринбург, где продолжил работу в качестве заведующего Екатеринбургским Истпартом. В октябре того же года был отозван в Москву, а затем направлен в Таджикистан управляющим делами ЦК компартии. Через два года он вернулся в Москву, стал редактором газеты «Беднота» (1925–1927) и затем редактором «Крестьянской газеты» (1928–1929). В 1927 г. постановлением МКК и ЦКК ВКП(б) он был исключен из ВКП(б) за фракционную деятельность, но вскоре восстановлен.

С 1933 г. В. А. Воробьев работал ответственным секретарем экспедиционных исследований Таджикской базы Академии наук СССР. В должности ученого секретаря Таджикско-Памирской экспедиции в 1937 г. был арестован как участник троцкистской оппозиции. В 1967 г. посмертно реабилитирован Секретариатом ЦК КП Таджикистана⁶⁴;

Семериков (Семеряков, Семяриков) Иван Семенович – в 1921–1922 гг. – ответственный секретарь Екатеринбургского губернского комитета РКП(б), в 1929 г. – ответственный секретарь Свердловского окружного комитета ВКП(б).

Член РСДРП с 1917 г., окончил техническое училище, участник Первой мировой войны. С 1917 г. находился на ответственной работе: был председателем комитета РСДРП(б) Верхне-Туринского завода (Пермская губерния), с 1921 г. – в структуре губернских партийных органов. В 1930 г. работал председателем Уральского областного Совета профсоюзов, а затем – председателем ЦК профсоюза железнодорожных рабочих СССР⁶⁵;

Харитонов Моисей Маркович – в 1922–1923 гг. секретарь Уральского бюро ЦК РКП(б), в 1923–1925 гг. – 1-й секретарь Уральского областного комитета РКП(б).

Родился в 1887 г. в г. Николаеве Херсонской губернии в семье служащих. В ноябре 1905 г. вступил в РСДРП. В 1906 г. был арестован и сослан в Олонецкую губернию, откуда бежал. В 1912 г. эмигрировал в Швейцарию, где познакомился с Лениным. Был секретарем большевистской организации в Цюрихе, участвовал в конференции заграничных большевистских секций (Берн, 1915). Окончил политехнический техникум. 3 (16) апреля 1917 г. возвратился в Россию вместе с Лениным в «пломбированном вагоне». Был избран членом Петроградского комитета РСДРП(б). Участвовал в работе VII (Апрельской)

⁶⁴ См.: *Огоновская И. С.* Воробьев Владимир Александрович // Большевики-ленинцы на Урале... С. 28–30.

⁶⁵ Семериков Иван Семенович // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/NNN/00665.asp> (дата обращения: 20.11.2018).

партконференции (1917), VI съезда РСДРП (1917), где выступал по вопросу о новом Уставе партии. В 1917 г. был прислан секретарем Пермского губернского комитета РСДРП(б). С января по август 1918 г. работал редактором «Красной газеты». С 31 октября 1918 г. служил в Красной армии: военкомом 3-й Украинской армии (по 11.11.1918 г.), затем редактором газеты 3-й армии (до января 1919 г.). С марта по ноябрь 1919 г. – ответственный секретарь Петроградского губернского комитета РКП(б), одновременно являлся членом РВС 7-й армии (24.05–22.10.1919 г.) и заведующим отделом учета и распределения Политического управления РККА (с мая 1919 г. по май 1920 г.), затем был начальником особого отдела ВЧК 7-й армии (с мая 1920 г. по январь 1921 г.).

М. М. Харитонов

С февраля по октябрь 1921 г. – комиссар Юго-Западной железной дороги, затем секретарь Уральского бюро ЦК РКП(б) (до декабря 1923 г.), по другим данным с октября 1921 по июнь 1922 г. – секретарь Пермского губкома партии. С декабря 1923 по июль 1925 г. – первый секретарь Уральского обкома РКП(б).

В мае 1925 г. Харитонов был направлен на работу в качестве секретаря Саратовского обкома РКП(б). На XIV съезде партии, где был делегатом от Саратовской партийной организации, М. М. Харитонов высказался против изменений в Уставе, заметив, что это «шаг назад в области внутривластной демократии на девятом году Советской власти»⁶⁶. В результате этого выступления был снят с поста секретаря Саратовского обкома ВКП(б) и переведен на низовую работу. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) Харитонов был исключен из партии как участник троцкистско-зиновьевского блока. В 1928 г. восстановлен в партии, работал в аппарате ЦКК, несколько позже – в Наркомвнешторге.

М. М. Харитонов был делегатом XI, XII, XIII, XIV партийных съездов, на XII и XIII съездах РКП(б) избирался членом ЦК РКП(б).

Был арестован в декабре 1934 г. и привлечен по делу «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы». Решением Особого совещания при НКВД СССР 16 января 1935 г. осужден на два года ссылки в Тобольск. В 1936 г., находясь в ссылке, был арестован и решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 марта 1937 г. приговорен к высшей мере наказания, которая была заменена на

⁶⁶ XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года : стеногр. отчет. М., 1926. С. 884.

10 лет лишения свободы. В октябре 1947 г. вновь арестован и постановлением Особого совещания от 7 февраля 1948 г. осужден к 10 годам лишения свободы. Умер в лагере в 1948 г.⁶⁷;

Гей Константин Вениаминович – в 1922–1923 гг. ответственный секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б).

К. В. Гей

Родился в 1896 г. в учительской семье. Окончил Псковскую гимназию. Член РСДРП(б) с 1916 г. В 1917–1918 гг. занимал пост председателя Военно-революционного комитета Псковской губернии, а затем председателя губернского исполнительного комитета. С 1922 г. был заведующим орготделом Северо-Западного бюро РКП(б), затем секретарем Свердловского губкома. В 1924–1934 гг. – кандидат в члены ЦК РКП(б) – ВКП(б). В 1925–1926 гг. входил в ближайшее окружение Сталина, был заведующим организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б). С января 1930 по январь 1932 г. был 1-м секретарем ЦК КП(б) Белоруссии, в 1932–1934 гг. – секретарем Московского обкома ВКП(б). В 1934–1938 гг. – член Комиссии

советского контроля, уполномоченный по Узбекистану и Горьковской области. К лету 1938 г. был фактически отстранен от дел. Арестован 2 октября 1938 г. 25 февраля 1939 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР⁶⁸;

Антипов Николай Кириллович – в 1925–1926 гг. ответственный секретарь Уральского областного комитета РКП(б) – ВКП(б).

Родился в 1894 г. в Старорусском уезде Новгородской губернии, в семье крестьянина. Окончил техническое училище, работал слесарем на заводах Санкт-Петербурга. Член партии с 1912 г. В 1917 г. входил в состав Петербургского комитета РСДРП. С декабря 1917 г. был членом Президиума и заместителем председателя ВСНХ РСФСР, с августа 1918 г. – заместителем, а с января 1919 – председателем Пе-

⁶⁷ Харитонов Моисей Маркович // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/ННН/00665.asp> (дата обращения: 20.11.2018); *Фельдман В. В.* Харитонов Моисей Маркович // Большевики-ленинцы на Урале... С. 166–169.

⁶⁸ Гей Константин Вениаминович // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/GGG/02004.asp> (дата обращения: 20.11.2018).

троградской ЧК. В 1919–1920 гг. – секретарь Казанского губкома партии, председатель губисполкома. С 1920 г. состоял на профсоюзной работе, был членом Президиума ВЦСПС. В 1923–1924 гг. – секретарь Московского комитета РКП(б); в 1924–1925 гг. – заведующий организационно-распределительным отделом ЦК РКП(б); в 1924–1937 гг. – член ЦК, в 1924–1925 гг. и 1928–1930 гг. – кандидат в члены Оргбюро ЦК. С 1925 г. первый секретарь Уралобкома партии, с 1926 г. – второй секретарь Ленинградского губкома (с 1927 г. – обкома) и секретарь Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В 1928–1931 гг. работал в качестве народного комиссара почт и телеграфов СССР.

Н. К. Антипов

В 1931–1934 гг. – заместитель наркома РКИ СССР и член Президиума ЦКК ВКП(б). С 1934 г. – заместитель председателя, с 1935 г. – председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР и заместитель председателя СНК и СТО СССР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. На июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был исключен из состава ЦК, а затем из партии. Арестован и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 29 июля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.⁶⁹;

Сулимов Даниил Егорович – в 1926–1927 гг. ответственный секретарь Уральского областного комитета ВКП(б).

Родился в 1890 г. в пос. Миньярского металлургического завода, в семье рабочего-прокатчика. Получил начальное образование. В 1905 г. начал трудовую деятельность в качестве рабочего. Член РСДРП(б) с 1905 г. В 1917 г. был членом Глазовского комитета партии. В 1918 г. – председатель Пермского горисполкома, в 1919 г. – член президиума Самарского губсовнархоза, заместитель начальника политотдела 5-й армии, председатель Челябинского губернского организационного бюро

Д. Е. Сулимов

⁶⁹ См.: Антипов Николай Кириллович // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 84.

РКП(б), председатель Челябинского губернского совнархоза. В декабре 1919 – феврале 1920 г. был председателем Челябинского губкома РКП(б). В 1920–1923 гг. занимал должности председателя правления заводов Южного Урала, председателя Уральского промышленного бюро и Уральского экономического совещания; был членом Уральского бюро ВЦСПС, входил в состав Уральского бюро ЦК РКП(б). В 1923–1926 г. – председатель Уральского облизполкома, в 1926–1927 гг. – первый секретарь Уральского обкома партии. В 1927–1930 гг. работал первым заместителем народного комиссара путей сообщения СССР. В 1930–1937 гг. – Председатель СНК РСФСР. Кандидат в члены ЦК РКП(б) (1921–1923). Член ЦК ВКП(б) (1923–1937). В 1927–1930 гг. – член Оргбюро ЦК ВКП(б). В июне 1937 г. был арестован, а 27 ноября того же года расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.⁷⁰;

Шверник Николай Михайлович – в 1927–1929 гг. ответственный секретарь Уральского областного комитета ВКП(б).

Родился в 1888 г. в Санкт-Петербурге, в семье рабочего. В 1917 г. окончил городское училище в Самаре. Член РСДРП с 1905 г. В 1910–1911 гг. входил в состав правления Союза металлистов (Петербург). В октябре 1917 г. назначен председателем Всероссийского комитета рабочих артиллерийских заводов и вошел в состав правления заводов. С 1917 г. – председатель завкома завода в Самаре, член исполкома и председатель Самарского горсовета. В годы Гражданской войны был на военно-политической работе в РККА. Кроме того, в 1919 г. занимал должность председателя Самарского горисполкома. В 1921–1923 гг. – на профсоюзной работе; с 1924 г. был членом Президиума ЦКК РКП(б) и наркомом РКИ РСФСР. В 1925–1926 гг. – секретарь Ленинградского обкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В 1926–1927 гг. – секретарь ЦК ВКП(б) и одновременно член Оргбюро ЦК. В 1927–1929 гг. работал секретарем Уральского обкома партии. В 1929 г. был назначен председателем ЦК профсоюза металлистов. С 1929 г. секретарь, в 1930–1944 гг. и в 1953–1956 гг. – председатель (пер-

Н. М. Шверник

⁷⁰ См.: Сулимов Даниил Егорович // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 125.

вый секретарь) ВЦСПС. Одновременно в 1938–1946 гг. был Председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР. В 1946–1953 г. – Председатель Президиума ВС СССР. В 1956–1966 гг. – председатель КПК при ЦК КПСС и председатель Партийной комиссии при ЦК КПСС. С 1966 г. на пенсии. Умер в 1970 г.⁷¹;

Кабаков Иван Дмитриевич – в 1929–1937 гг. 1-й секретарь Уральского областного комитета ВКП(б), затем 1-й секретарь Свердловского областного комитета ВКП(б).

Родился в 1891 г. в д. Княж-Павлово Нижегородской губернии. Закончил церковно-приходскую школу. В 1908 г. стал рабочим Сортовского завода, где приобщился к революционной деятельности. Переломным для него был 1912 г., когда заводской комитет РСДРП привлек Кабакова к распространению «Правды».

Член РСДРП(б) с 1914 г. После Октябрьского переворота в качестве комиссара устанавливал советскую власть в Нижегородской губернии, работал в партийных комитетах Воронежской, Ярославской, Тульской губерний в должности ответственного секретаря. В Уральской области на ответственных постах с 1928 г. – в должности председателя исполкома Уральского областного Совета, с 1929 г. – в должности первого секретаря Уралобкома, с 1934 г. – первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б).

И. Д. Кабаков

Был делегатом XI–XVII съездов партии, членом ЦК ВКП(б) с 1925 г., членом ВЦИК и ЦИК СССР.

В декабре 1935 г. И. Д. Кабаков был награжден орденом Ленина. В декабре 1936 г. на VIII съезде Советов принимал участие в редактировании новой Конституции СССР, а в январе 1937 г. – Конституции РСФСР. Во второй половине 1937 г. Кабаков был объявлен врагом народа, арестован и расстрелян⁷².

⁷¹ См.: Шверник Николай Михайлович // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 132.

⁷² Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) – КПСС и председатели облисполкома, 1934–1991 : биограф. справочник. Екатеринбург, 2003. С. 24–27; Кабаков Иван Дмитриевич // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/KKK/02926.asp> (дата обращения: 20.11.2018).

* * *

Даже краткого, неполного обзора послужных списков первых лиц Екатеринбургской губернской партийной организации, а в последствии Уральской областной, достаточно, чтобы понять крайнюю степень мобильности профессиональных партийных работников, особенно в период Гражданской войны и начала нэпа. Динамика перемещений была отражением политической ситуации в стране, нестабильности и в значительной мере обусловлена нехваткой опытных партийных работников с дореволюционным стажем, способных организовать и принять под свое руководство любое дело: от военных вопросов до проблем хлебозаготовок, партийных чисток, организации партийной печати и т. д. Относительная стабилизация высших кадров наблюдается с середины 1920-х гг., когда происходит укрепление административно-территориального деления и наблюдается положительная динамика социально-экономических процессов. Сроки пребывания на руководящих постах начинают измеряться в годах, а не месяцах, как на предшествующем этапе. С победой сталинской линии в партии смены партийной элиты происходят, но уже не так быстро, что демонстрирует пример И. Д. Кабакова.

В целом частые кадровые перемещения были характерной чертой того времени и являлись отголоском борьбы различных групп в высших эшелонах власти, жертвами которой становились региональные партийные руководители.

Все высшие партийные лица в Екатеринбургской партийной организации занимали свои посты председателей и секретарей по «назначению», т. е. с использованием административных механизмов. Выборы на партийных конференциях формально закрепляли статус руководителя. По персональным историям также видно, когда мнение партийной организации все-таки учитывалось при назначении – это период 1917 – начала 1920-х гг. В ряде случаев при снятии или назначении высших ответственных лиц даже возникали конфликты, велись «бои местного значения», что свидетельствовало о незавершенности процессов формирования номенклатурной системы. Начиная с 1923 г. ротация первых лиц в партийной организации осуществлялась исключительно административными методами. Последним отголоском внутрипартийной демократии можно считать состоявшуюся осенью 1927 г. «предсъездовскую дискуссию», а также участие оппозиции в демонстрациях 7 ноября 1927 г. в Москве и Ленинграде.

В декабре 1927 г. XV съезд партии исключил из партии 75 членов объединенной оппозиции, а также группу Сапронова. Резолюция съезда «Об оппозиции» требовала от членов партии «принять все меры идейного воздействия на рядовых членов троцкистской оппо-

зиции с целью их убеждения при одновременном очищении партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции»⁷³ и стала завершающим аккордом перерождения партии в бюрократическую организацию.

3.4. Внутривнутрипартийные конфликты как механизм и индикатор внутривнутрипартийной демократии

Одним из базовых принципов функционирования РКП(б) был принцип единства, который нашел отражение в разделе X «О партийной дисциплине» Устава. В нем были изложены два исключаящих друг друга положения: п. 1 этого раздела гласил: «Все организации и члены партии пользуются полной свободой обсуждения всех вопросов партийной жизни», но «до их разрешения высшими учреждениями партии, после которого все одинаково обязаны выполнять постановления партии быстро и точно»⁷⁴. Неисполнение постановлений вышестоящих органов строго каралось, вплоть до исключения из партии и передачи под суд.

Резолюция X съезда РКП(б) «О единстве партии», принятая в 1921 г. на фоне социально-экономического кризиса в стране, запретившая образование фракций и группировок в партии, способствовала подавлению любых оппозиционных настроений и стала основой для реализации принципа «политического единства» партии, превратившего ее из активного субъекта социалистического строительства в послушное орудие партийной бюрократии.

Разногласия и столкновение интересов внутри партии в партийных документах нередко обозначались словами «сколка» или «конфликт», придавая им межличностный характер и выводя из области политического диалога и коллективного решения в сферу эмоционально-этических взаимодействий. Между тем, в управленческой теории конфликт – это не просто столкновение организационных или межгрупповых интересов, но еще и механизм согласования и выработки решений, способствующий положительной динамике деятельности организации.

Само по себе признание конфликтной ситуации внутри партии свидетельствует о возможности диалога и взаимодействия управленческих структур, и напротив, их отсутствие, в том числе жесткое пре-

⁷³ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года : стеногр. отчет. М. ; Л., 1928. С. 1317–1319.

⁷⁴ Устав РКП(б) : принят на VIII партийной конференции в декабре 1919 г. // Восьмая конференция РКП(б). С. 193–194.

сечение, есть показатель болезни организации. Отдаленный результат насильственной «бесконфликтности» связан с ее бюрократическим перерождением.

Партийное строительство в 1918–1927 гг. сопровождалось постоянными конфликтами, которые разворачивались и в горизонтальных, и в вертикальных направлениях: между ЦК и местными организациями; губкомом и укомами; партийными и советскими органами; ответственными работниками разных уровней.

В исторической литературе наличие внутривнутрипартийных конфликтов долгое время рассматривалось как проявление кризиса власти, отражение организационных и кадровых недостатков в партийном строительстве⁷⁵ либо как свидетельство борьбы между демократической и бюрократической тенденциями управления. Попробуем исходить из того, что конфликт – естественное явление, сопровождающее управленческую деятельность, с особой силой проявляющееся в условиях становления организационных структур, когда происходит упорядочение схем взаимодействия и распределения полномочий.

Конфликт есть проявление различных групповых и внутриорганизационных интересов и механизм их согласования. Вопрос состоит в том, является ли он конструктивным, т. е. разрешается путем диалога и взаимодействия заинтересованных сторон, или неконструктивным? Кроме того, конфликтная ситуация может носить межличностный характер, связанный с противостоянием двух и более управленческих субъектов, и принимать форму склоки. Такой конфликт-склока в бюрократических структурах обычно играет роль механизма кадровых ротаций⁷⁶.

История РКП(б) – ВКП(б) демонстрирует примеры всех этих типов конфликтов и их родовидовую эволюцию от организационно-конструктивных к межгрупповым неконструктивным.

В условиях организационно-партийного строительства Екатеринбургской губернской организации в первую очередь проявились конфликты между региональными партийными органами и Центральным комитетом РКП(б). Сразу же после создания Екатеринбургского оргбюро РКП(б) ЦК обратился с требованием о мобилизации ответственных партийных работников на фронт. В ответном письме, датированном 16 сентября 1919 г., губернское оргбюро отказалось отправить коммунистов на фронт, мотивируя свое решение тем, что

⁷⁵ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Кружиков В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2001.

⁷⁶ Подробнее см.: Шабалин В. В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестн. Перм. ун-та. 2013. Вып. 2 (22). С. 159–166 (Сер. История).

«1) организационная работа по губернии не закончена; 2) партийными силами губернии, далеко не достаточными, приходится обслуживать и часть освобождаемых местностей Сибири и Приуралья»⁷⁷.

О наличии противоречий между ЦК и «провинцией» свидетельствует, например, письмо (датировано 10 декабря 1919 г.) делегата от Екатеринбургской организации на Всероссийскую конференцию РКП(б) Л. С. Сосновского, в котором он говорит о непростых отношениях между ЦК и «провинциальной оппозицией» во время VIII съезда РКП(б), когда сторонники ЦК сорвали заседание военной секции⁷⁸.

Недовольство Центральным комитетом РКП(б) со стороны Екатеринбургского губкома проявлялось и в 1921 г., когда на 5-й губернской конференции РКП(б) член губкома И. С. Семерилов заявил следующее: «Мы стремились к тому, чтобы всю партийную работу строго систематизировать, но это намерение не удалось осуществить, так как ЦК сыпал непрерывно одно за другим распоряжения о мобилизациях, различных кампаниях и т. д., что, безусловно, мешало нормальному ходу текущей работы... План работы, намеченный ЦК, часто расходился с нашими планами»⁷⁹.

Столкновения местных организаций с ЦК РКП(б) происходили нередко на почве проведения продовольственных кампаний. Так случилось, например, в конце 1921 г. во время проведения акции по возвращению семенной ссуды. Секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б) Н. И. Уфимцев писал: «Для нас было совершенно очевидно, что эта кампания не может пройти безболезненно... С первых же шагов работа натолкнулась на пассивное, но чрезвычайно упорное нежелание крестьянства возвращать семенной материал, основанное, главным образом, на боязни остаться к весеннему посеву без семян. Мы указали на это центру и получили в ответ категоричное требование собрать ссуду в размере 100 %, с упреком в местничестве»⁸⁰.

Таким образом, причины вертикальных конфликтов между центром и провинцией были связаны с несовпадением поставленных центром задач с возможностями региональных организаций и стилем управления.

В свою очередь, в 1919–1920 гг. по тем же причинам возникают конфликты между губернским комитетом партии и уездными комитетами. Они проявились уже на 2-й губернской конференции РКП(б) в феврале 1920 г., когда губком подвергся резкой критике со стороны низовых партийных работников⁸¹.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 36. Л. 1.

⁷⁸ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 774. Л. 91.

⁷⁹ Там же. Д. 245. Л. 93.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 24 об.

⁸¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 59. Л. 12–13.

В мае 1921 г. на пленуме Екатеринбургского губкома РКП(б) в докладе о партийном строительстве в качестве причин конфликтов указывалось «неправильное истолкование методов демократии, падение дисциплины среди отдельных членов партии, неподчинение высшим партийным органам, присвоение партийными организациями функций советских органов»⁸². В связи с этим пленум губкома РКП(б) принял решение «начать по всей губернии систематическую плановую вертикальную переброску ответственных работников из партийных организаций и советских учреждений на места в уезды и волости, с одной стороны, и к станкам на фабрики и заводы, с другой»⁸³.

Подобные трения между губернным и уездными комитетами РКП(б) были характерны не только для Екатеринбургской губернии. Известно, что такие же процессы происходили, например, и в Пермской губернии⁸⁴.

Вертикальные конфликты в работе партийной организации нередко сопровождались горизонтальными столкновениями. Так, острая борьба разгорелась на пленуме Екатеринбургского губкома РКП(б) в августе 1921 г. по докладу об очередных задачах партийной организации. Резолюция, предложенная Н. И. Уфимцевым, выдвигала в качестве основной задачи вопросы хозяйственной работы и сбора продовольственного налога. Резолюция, предложенная секретарем губкома РКП(б) М. А. Сергеевым, гласила о недопустимости сведения всех партийных задач и партработы исключительно к хозяйственной работе. В итоге победила точка зрения Н. И. Уфимцева (8 голосов против 6). На этом же пленуме вместо М. А. Сергеева секретарем губкома РКП(б) был выбран Н. И. Уфимцев⁸⁵.

Секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б) А. П. Семашко в докладе на конференции отмечала, что «главная язва, разъедающая наши партийные организации – это постоянные трения, постоянные конфликты, возникающие между разными группами товарищей на местах»⁸⁶.

Одна из таких конфликтных ситуаций сложилась, например, между губкомом и ответственным редактором газеты «Уральский рабочий», членом президиума Екатеринбургского губкома и Уральского бюро ЦК РКП(б) В. А. Воробьевым⁸⁷. Предположительно в июле 1920 г.

⁸² ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 223 а. Л. 283.

⁸³ Там же. Л. 284.

⁸⁴ См.: *Шувалова Ю. Б.* Общенациональный кризис 1920–1921 гг. и его отражение в Пермской губернии // Век уходящий: история Прикамья по архивным документам : тез. науч.-практ. конф., 30 нояб. 2000 г. Пермь, 2000. С. 30.

⁸⁵ ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 223 а. Л. 297–298.

⁸⁶ ЦДОСО. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 об.

⁸⁷ *Огоновская И. С.* Воробьев Владимир Александрович // Большевики-ленинцы на Урале... С. 28.; *Гончарова В. В.* Воробьев Владимир Александрович // 37-й на Урале [О жертвах сталинских репрессий : сб.]. Свердловск, 1990. С. 26–35.; *Понов Н. Н.* Воробьев Владимир Александрович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 126.

на В. А. Воробьева было заведено партийно-следственное дело по обвинению его в саботаже за плохое руководство газетой. Со своей стороны Воробьев сам обвинил губком в том, что тот совершенно не занимался проблемами газеты и в качестве подтверждения привел историю с выселением редакции «Уральского рабочего» из занимаемого ей помещения (дом Бархиной, Покровский проспект, 23). Помещение было передано сотрудникам 37-й стрелковой бригады особого назначения при губернской ЧК. В результате «редакция очутилась на улице»⁸⁸. В. А. Воробьев назвал данное решение «небывальным, до сих пор неслыханным в Советской Республике насилием над партийной газетой»⁸⁹. Рассказывая о своих попытках исправить ситуацию, В. А. Воробьев указывал на позицию губкома: «раньше было лучше. Я был губкомщиком. Теперь связь очень слаба. Я пытался ее укрепить. Ходил. <...> Ходил на губком. Отвалили. Чем дальше, тем хуже. Стали встречать как собаку. Делаю доклад – мимо ушей. Тем не менее, обвиняют, говорят саботажник. Назначают следствие по обвинению в саботаже»⁹⁰. Далее В. А. Воробьев сообщает, что у него создалось впечатление об «абсолютном недоверии» к нему со стороны губкома и задается вопросом: «или я должен уйти и вся эта история продел[ана] для того, чтобы меня выкурить[,] или все это недоразумение и я остаюсь»⁹¹.

В конце концов, Воробьеву пришлось покинуть Екатеринбург. В октябре 1921 г. он был отозван в Москву, в агитационный отдел ЦК РКП(б)⁹², но через год вернулся в качестве заведующего Истпартама и редактора «Уральского рабочего»⁹³.

Описанный выше конфликт редактора партийного органа с губкомом по вопросу помещения иллюстрирует два момента: нежелание вышестоящих органов идти на диалог, а также разрешение конфликта через механизм кадровых перестановок.

В уездных партийных организациях конфликты разгорались с еще большей силой. Скандалы и разногласия постоянно преследовали Красноуфимскую партийную организацию. В конце октября 1919 г.

⁸⁸ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 783. Л. 129 об.

⁸⁹ Там же. Л. 129.

⁹⁰ Там же. Л. 56–56 об.

⁹¹ Там же. Л. 56 об. – 57.

⁹² ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 493. Л. 4.

⁹³ *Огоновская И. С.* Воробьев Владимир Александрович // *Большевики-ленинцы на Урале...* С. 29; ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 493. Л. 4. Интересен тот факт, что В. А. Воробьева решением партийной коллегии ЦКК РКП(б) все же исключили из партии в 1923 г. на один год за неисполнение постановления партколлегии ЦКК РКП(б). Однако он подал апелляцию, и партколлегия отменила свое постановление, объявив В. А. Воробьеву строгий выговор (ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 78. Л. 2).

в Красноуфимске работала специальная следственная комиссия, которая расследовала конфликт, возникший между ответственными работниками уезда А. В. Рогожкиным, И. С. Писцовым, А. Ф. Щипановским и Пекарем. В результате деятельности комиссии были приняты следующие решения:

«1) немедленно устранить от занимаемых должностей Рогожкина, Писцова и Щипановского;

2) немедленно распустить партийный комитет и избрать других;

3) поручить вновь избранному комитету немедленно созвать конференцию, дабы получить хороших работников с мест;

4) назначить следственную комиссию об установлении фактов злоупотреблений, произведенных Щипановским»⁹⁴.

В 1922 г. были сняты со своих постов и преданы суду ревтрибунала девять ответственных работников, в том числе и секретарь укома РКП(б) «наиболее организованного в партийном отношении» Шадринского уезда В. С. Воронков⁹⁵. В феврале 1922 г. в адрес В. И. Ленина поступило письмо от сотрудника Екатеринбургского губполитпросвета, члена РКП(б) с марта 1918 г. М. Н. Поповой с жалобами на действия руководства Шадринской уездной организации РКП(б). Она сообщала, что во время кампании по сбору продналога в декабре 1921 г. секретарь Шадринского укома РКП(б) В. С. Воронков «бил крестьян, были случаи, что их отвозили в больницу»⁹⁶. М. Н. Попова писала в ЦК, что при встрече нового 1922 г. В. С. Воронков и другие ответственные работники Шадринского уезда «напились до положения риз». По ее словам, «все это создало ужасную атмосферу среди беспартийных и рядовых коммунистов»⁹⁷. В своем письме М. Н. Попова также жаловалась и на работников Екатеринбургского губкома РКП(б): «Хотели мы обратиться в губком, но знаем, что ничего не выйдет, кроме того, что нас куда-нибудь перебросят, так как губкомцы сами в пребывание в Шадринске прикладывались с ними к одной бутылке (например, Семиряков)»⁹⁸. Письмо М. Н. Поповой по распоряжению В. И. Ленина было направлено в ЦКК для проведения расследования.

В 1922 г. группа коммунистов Ирбитской организации РКП(б) подала заявления в Уралбюро ЦК РКП(б), в которых обвиняла Ирбитский уком и Екатеринбургский губком РКП(б) в плохой работе, а ответственных работников в недостойном поведении. Специально соз-

⁹⁴ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.

⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 24.

⁹⁶ Там же. Л. 19 об.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. Л. 19 об. – 20.

данная комиссия провела расследование, в результате которого сами жалобщики как инициаторы склоки были исключены из партии⁹⁹.

Возникли также конфликтные ситуации между различными учредителями губернии. Так, в декабре 1920 г. губком РКП(б) обратился в ГубЧК с жалобой на действия сотрудников Егоршинской ЧК, которые вели себя «нетактично по отношению к партийной организации» пос. Верхняя Синячиха – произвели ночью у членов партии обыск и разоружили их¹⁰⁰.

На 2-й губернской партийной конференции (февраль 1920 г.) в докладе о работе коммунистической фракции губисполкома С. А. Новоселов сообщал, что «в некоторых уездах наблюдались ненормальные явления – происходили трения между партийными и советскими организациями ввиду того, что партийные комитеты вмешивались в повседневную работу советских органов, советские органы накладывали свою руку на партийные организации. Благодаря этому некоторые наши планы не могли быть проведены в жизнь, что нанесло значительный ущерб делу организации нашего хозяйства»¹⁰¹.

В конце 1920 г. возникли разногласия между партийными и профсоюзными органами. Делегат 5-й конференции губернской организации РКП(б) С. Киселев в своем выступлении так описывал сложившуюся ситуацию: «Назначенный в бюро профсоюзов член губкома тов. Свердлов играл там роль комиссара и только командовал, занимаясь гастрольями, но практической работы почти не нес <...> Были случаи, когда тов. Свердлов совершенно не считался с постановлениями фракции профсоюзов»¹⁰². В ответ на это Свердлов обвинил С. Киселева в клевете¹⁰³.

«Ненормальные взаимоотношения» в 1920 г., по словам председателя губернского СНХ Хавского, сложились между Екатеринбургским губсовнархозом и Урало-Сибирской комиссией ВСНХ. На пленарном заседании Екатеринбургского губисполкома, отчет о котором был опубликован в «Уральском рабочем», Хавский заявил: «Комиссия совсем не считается с губ. СНХ и вносит дезорганизацию, давая непосредственно распоряжения помимо коллегий губ. СНХ его отделам, переводит из его ведения в свое ведение заводы и предприятия, а также ответственных лиц, даже не извещая об этом коллегия губ. СНХ...»¹⁰⁴

⁹⁹ ЦДОСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 6. Л. 178–179; Д. 15. Л. 20–22.

¹⁰⁰ Там же. Д. 168. Л. 100.

¹⁰¹ Там же. Д. 59. Л. 14.

¹⁰² Там же. Д. 245. Л. 95.

¹⁰³ Там же. Л. 97–98.

¹⁰⁴ Урал. рабочий. 1920. 5 июня.

16 февраля 1920 г. на заседании Революционного совета 1-й трудовой армии обсуждался вопрос о разногласиях между военными членами революционного совета и представителями гражданских ведомств по вопросу о задачах трудовой армии¹⁰⁵. В. И. Ленин в связи с трениями, возникшими между Реввоенсоветом 1-й армии труда и председателями местных партийных организаций, направил в Екатеринбург запрос на имя заместителя председателя Реввоенсовета 1-й трудовой армии следующую телеграмму: «...Я лично опасаюсь, что вы впадаете в прожектерство, а оппозиция Бумажного и Максимова¹⁰⁶ в ведомственную игру. Советую пререканиями не заниматься, а все силы бросить на главное, именно: 1) восстановление железнодорожного транспорта, 2) сбор и подвоз продовольствия, 3) сбор дров, леса, баржей на пристанях. Сообщите, можете ли эту работу вести дружно, энергично, быстро...»¹⁰⁷

Летом 1920 г. между руководством 1-й трудовой армии и Екатеринбургским губисполкомом возникли разногласия по поводу объявления и проведения режима военного положения. 23 июня 1920 г. Екатеринбургский губисполком принял постановление № 6, в котором объявил Екатеринбургскую губернию в связи с пожарами, массовым дезертирством и контрреволюционными выступлениями на военном положении с 25 июня 1920 г.¹⁰⁸ 12 августа 1920 г. Совет 1-й революционной армии труда издал приказ № 269, в котором право объявления военного положения на территории, входящей в состав трудовой армии, отнес исключительно в свою прерогативу¹⁰⁹. 13 августа 1920 г. ВЦИК принял «Положение о местностях, объявленных на военном положении», согласно которому «органами, правомочными на объявление отдельных местностей и пунктов состоящими на военном положении», являлись ВЦИК, Совнарком, Совобороны, действующие через Наркомат внутренних дел. В примечании делалась оговорка, что в случае неотложной необходимости губисполкомы имели право объявлять губернии или части губерний на военном положении, «с немедленным доведением до сведения и на утверждение Совнаркома через наркомвнудел»¹¹⁰. Руководство проведением мероприятий, связанных с военным положением, данный нормативный документ ВЦИКа возлагал на местах на президиумы исполкомов или ревкомов¹¹¹.

¹⁰⁵ ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 222. Л. 38.

¹⁰⁶ Е. О. Бумажный являлся секретарем Уральского бюро ЦК РКП(б), а К. Г. Максимов – председателем Уралпромбюро и уполномоченным СТО по восстановлению уральской промышленности.

¹⁰⁷ ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 222. Л. 30.

¹⁰⁸ ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

¹⁰⁹ Там же. Л. 2.

¹¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹¹ Там же.

Президиум Екатеринбургского губисполкома увидел несоответствие между приказом Совтрударма и положением ВЦИКа и 2 сентября 1920 г. принял постановление, в котором заявил, что «Екатеринбургский губисполком не считает себя вправе проводить в жизнь вышеуказанный приказ» и предложил Ревсоветтрударму его пересмотреть¹¹².

К крупным межгрупповым внутрипартийным конфликтам, проявившимся в начале 1920-х гг., можно отнести участие уральских коммунистов в дискуссии о профсоюзах. Секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б) Н. И. Уфимцев назвал ее «партийным скандалом»¹¹³. С. А. Павлюченков считает, что «дискуссия о профсоюзах стала специфическим проявлением объективного всеобщего кризиса в рядах господствующей партии»¹¹⁴.

На Урале основное противостояние было между сторонниками Л. Д. Троцкого с одной стороны, и «платформы 10-ти» – с другой. Троцкого поддерживало руководство Уралбюро ЦК РКП(б) и Екатеринбургского губкома – Н. И. Уфимцев, С. В. Мрачковский, В. А. Воробьев, Б. В. Дидковский¹¹⁵. Г. Е. Зиновьев придавал событиям, проходившим в Екатеринбургской губернии, «общепартийное значение». По его выражению, «Екатеринбург для сторонников Л. Д. Троцкого являлся примерно тем же, что Петербург – для сторонников платформы десяти». По мнению троцкистов, в частности Н. Н. Крестинского, «Красный Урал должен был спасти партию»¹¹⁶.

Уральские сторонники «платформы 10-ти» И. Я. Тунтул, А. Сидоров, М. Лукоянов по авторитету уступали своим оппонентам. Однако на их стороне были поддержка центральных органов РКП(б), авторитет В. И. Ленина и – главное – глубокое недовольство подавляющего большинства уральских коммунистов «военно-коммунистическими методами руководства», на сохранении которых, по их мнению, настаивала «производственная платформа»¹¹⁷. С. А. Павлюченков пишет, что в Екатеринбурге «сторонники В. И. Ленина вынуждены были действовать чуть ли не в подполье и почти нелегально издавать свою литературу»¹¹⁸.

Свое недовольство центральными органами Екатеринбургский губком РКП(б) высказал 7 января 1921 г., приняв на своем заседании

¹¹² ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

¹¹³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 245. Л. 81.

¹¹⁴ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 174

¹¹⁵ Прошина Н. М. Дискуссия о профсоюзах // Уральская историческая энциклопедия. С. 181.

¹¹⁶ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 417. Л. 39.

¹¹⁷ Прошина Н. М. Дискуссия о профсоюзах. С. 181.

¹¹⁸ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 174

меморандум о «недопустимости в партии тех форм дискуссии, которые она приняла во фракции 8-го съезда Советов 30. XII–20 и о том, что члены ЦК, выступая на дискуссиях, носящих широкий характер, должны придерживаться определенных рамок»¹¹⁹.

13 января 1921 г. на расширенном заседании фракции коммунистов Екатеринбургского губернского Совета профсоюзов с участием партийных и хозяйственных работников Екатеринбурга и губернии обсуждался вопрос о роли профсоюзов. С докладами выступали Шур и Н. И. Уфимцев¹²⁰. 14 января 1921 г. партийная фракция губпрофсовета проголосовала за платформу рабочей оппозиции (40 человек), за платформу Троцкого – четыре человека, за ленинскую позицию – один человек¹²¹. На собрании активистов Екатеринбургской губернской организации 14 января 1921 г. обсуждался вопрос о роли профсоюзов в хозяйственном строительстве. Наибольшую поддержку получили тезисы Н. И. Уфимцева¹²², поддерживающего позицию Л. Д. Троцкого (40 голосов из 63)¹²³. 26 января 1921 г. состоялся расширенный пленум Екатеринбургского губкома с ответственными работниками Екатеринбурга. На пленуме большинством голосов были приняты тезисы Л. Д. Троцкого и одобрена позиция губкома, пленум также отверг схему выборов делегатов на 10-й съезд РКП(б) по платформам, предложенную Петроградской организацией, таким образом поддержав позицию Московской организации¹²⁴. Мнения уездных и первичных партийных организаций Екатеринбургской губернии по вопросу о роли и задачах профсоюзов разделились.

Екатеринбургская общегородская конференция большинством в 134 голоса против 45 по инициативе группы, возглавляемой приехавшим на Урал Г. Е. Зиновьевым, постановила обратиться к партийным организациям с воззванием против членов Екатеринбургского губкома РКП(б), обвиняя его в том, что он недостаточно открыто вел дискуссию, «скрывал от массы членов партии литературу, рассылал за спиной партийной организации меморандумы...»¹²⁵.

В ответ на это члены Екатеринбургского губкома и ряд ответственных партийных работников написали открытое письмо в ЦК РКП(б) и редакцию «Правды», в котором протестовали против «методов и способов партийной борьбы, применяемых тов. Зиновьевым». В письме они

¹¹⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 245. Л. 81.

¹²⁰ ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 223 а. Л. 229.

¹²¹ Там же. Л. 230.

¹²² ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1115. Л. 7.

¹²³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 417. Л. 1–9.

¹²⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 245. Л. 82–83.

¹²⁵ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 79. Л. 54.

заявляли, что все утверждения об искусственной задержке литературы «платформы десяти» являются либо недоразумением, либо злостным вымыслом. В то же время губком категорически отказался печатать речи Зиновьева, Троцкого и Ленина, произнесенные 30 декабря 1920 г. на заседании коммунистической фракции VIII съезда Советов, уральские коммунисты считали развернувшуюся дискуссию ошибочной по тону и видели в ней «элементы ожесточенности и травли»¹²⁶.

Секретарь губкома РКП(б) А. П. Семашко в своем выступлении на 5-й губернской партийной конференции назвала обращение Екатеринбургской городской конференции РКП(б) «крупным дезорганизаторским актом». «Городская партийная организация хотела уронить в глазах всей губернской организации авторитет губкома. Излишне доказывать, что этого делать не следовало, так как на массу членов партии оно произвело свое действие и направило партийную массу в поход против комитетов вообще»¹²⁷.

Члены губкома признавали, что в организации существуют определенные элементы недовольства, но объясняли это «твердой политикой» губкома в исполнении директив ЦК. Екатеринбургский губком протестовал против методов Зиновьева, прибывшего на Урал с «несколькими десятками петроградских коммунистов, которые рассеялись по Екатеринбургскому уезду совершенно без ведома Екатеринбургского губкома». Эти петроградские коммунисты и сам Зиновьев, по мнению губкома, агитировали всех членов партии, недовольных «методами и приемами комитетов, комиссаров, исполкомов и всех вообще органов партии и советской власти», голосовать за платформу «десяти»¹²⁸. Н. И. Уфимцев в выступлении на 5-й губернской конференции РКП(б) возложил ответственность за распространение дискуссионных противоречий в уезды губернии на членов губкома РКП(б) И. С. Семерикова и И. Я. Тунтула, которые не информировали Г. Е. Зиновьева о принятом решении губкома не посылать представителей на уездные партийные конференции¹²⁹. Члены Екатеринбургского губкома даже заявили о том, что находят пребывание И. Я. Тунтула в губкоме излишним, поскольку тот считает необязательным для себя исполнение тех решений губкома, которые расходятся с его мнением по вопросам ведения дискуссии¹³⁰. 5 февраля 1921 г. И. Я. Тунтул был удален с заседания Екатеринбургского губкома РКП(б)¹³¹.

¹²⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 79. Л. 54; *Цыганов В. Б.* Уфимцев Николай Иванович // *Большевики-ленинцы на Урале...* С. 161.

¹²⁷ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 245. Л. 102.

¹²⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 79. Л. 54.

¹²⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 245. Л. 83.

¹³⁰ Там же. Л. 83–84.

¹³¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1115. Л. 12 об.

В открытом письме «По поводу Областного совещания секретарей губкомов Урала и ответственных работников 1–2 февраля 1921 г.» Г. Е. Зиновьев 8 февраля 1921 г. писал: «Повсюду по всей России идет жаркая дискуссия о роли и задачах профсоюзов, но нигде дело не доходило до шагов, близких к расколу. Только приехав в Екатеринбург, я впервые ощутил атмосферу, действительно близкую к расколу»¹³².

Большую часть времени на 5-й губернской конференции (два дня из пяти) заняло обсуждение хода дискуссии о профсоюзах и роли губернского комитета в проведении этой дискуссии. Выступающие Муштаков, Зыков, И. Я. Тунтул, Лебединов и другие подвергли резкой критике методы губкома в проведении дискуссии. Н. И. Уфимцева, Л. С. Сосновского, В. А. Воробьева и других членов губкома обвиняли в нападках на ЦК, нарушении свободы дискуссии, сокрытии материалов ленинско-зиновьевской платформы и, наоборот, максимальном распространении троцкистской литературы. Была также подвергнута критике и практическая деятельность губкома¹³³. Делегат С. Киселев (сторонник «рабочей оппозиции») в своем выступлении заявил, что губком в практической работе «меньше всего делал и больше всего запугивал своим именем»¹³⁴.

В результате обсуждений доклада губкома о практической работе, сделанного А. П. Семашко, и содоклада Н. И. Уфимцева о партийной дискуссии конференция приняла (при 134 голосах «за», 31 «против» и 9 воздержавшихся) резолюцию, предложенную И. С. Семериковым и осуждающую деятельность губкома¹³⁵.

Собственно по вопросу «О роли и задачах профессиональных союзов» на 5-й конференции было сделано три доклада. И. Я. Тунтул выступил от платформы «десяти», от «производственной» платформы выступал приехавший Л. Д. Троцкий, от платформы «рабочей оппозиции» – Шур. 21 февраля 1921 г. после прений по докладу о роли и задачах профсоюзов на конференции было проведено голосование, давшее следующие результаты: за платформу Ленина проголосовали 159 делегатов, за троцкистскую платформу – 34, за платформу «рабочей оппозиции» – 14 делегатов¹³⁶.

Выборы на X съезд РКП(б) проводились по платформам. Всего избрали 22 делегата, из них сторонников ленинской платформы – 17 человек, троцкистской платформы – 4 человека и «рабочей оппозиции» – один человек (И. Г. Юшков – член ЦК металлистов, который на съезде отошел от «рабочей оппозиции») и голосовал за ленинские резо-

¹³² ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 417. Л. 37.

¹³³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 245. Л. 85–92.

¹³⁴ Там же. Л. 95.

¹³⁵ Там же. Л. 106.

¹³⁶ ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 223 а. Л. 252–253.

люции)¹³⁷. Во вновь избранный на конференции губком не были включены члены «старого» состава (кроме И. С. Семерикова и И. Я. Тунтула)¹³⁸.

Конфликты и дискуссии внутри партийных организаций, а вернее, методы борьбы с оппозицией углубляли кризис в партии и, в конечном итоге, привели к такому явлению, которое сами партийные работники 1920-х гг. назвали расколом на партийные «верхи» и «низы». Об этом явлении заявлялось в открытом письме ЦК РКП(б) «Ко всем партийным организациям и членам партии», датированном сентябрем 1920 г.¹³⁹ Основой для издания столь откровенного циркуляра послужило июньское обращение секретаря ЦК Е. Преображенского, в котором указывалось, что на целом ряде губернских конференций до и после IX съезда партии «обнаружилась резкая борьба т. н. низов партии с верхами». Борьба проходила под лозунгами: «Долой обуржуазившихся лжекоммунистов, генералов, шкурников, долой привилегированную касту коммунистической верхушки!»¹⁴⁰ ЦК РКП(б) обращал внимание всех партийных организаций на это как нездоровое явление в партии. «В довольно многих партийных организациях вопрос о так называемых “низах” и “верхах” партии становится жгучим вопросом. Разобщенность все более дает о себе знать, выливаясь иногда, как это было на некоторых губернских конференциях, в прямые конфликты»¹⁴¹. Как утверждал Е. Преображенский, в его секретарском портфеле накопилось около 500 дел подобного характера¹⁴².

ЦК РКП(б) отметил в качестве причин раскола:

1) широкий наплыв «мало закаленных в партийной дисциплине молодых членов партии», вступивших в партию во время партийных недель;

2) неправильные и «часто совершенно нетерпимые приемы работы, которые практикуют некоторые ответственные работники».

Для устранения этих причин ЦК РКП(б) предлагал комплекс мер по работе с «новыми коммунистами», которых должны воспитывать собственным примером «более опытные старые партийные работники». Однако часть коммунистов, претендующих на звание ответственных работников, по мнению ЦК, не справлялись со своими обязанностями. «Эти товарищи, занимающие иногда довольно высокие государственные посты, на деле совершенно отрываются от партийной работы, не встречаются с широкими кругами рабочих, замыкают-

¹³⁷ ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 223 а. Л. 254.

¹³⁸ Там же. Л. 253.

¹³⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 417. Л. 36.

¹⁴⁰ Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 189.

¹⁴¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.

¹⁴² Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»... С. 189.

ся в себе, отрываются от масс»¹⁴³. Сознательным или неосознанным злоупотреблением властью они создают материальное неравенство в среде самих коммунистов, хотя ЦК РКП(б) признавал, «что установить полное и абсолютное равенство в материальной области даже среди одних только семисот тысяч членов нашей партии в данное время еще невозможно»¹⁴⁴. На почве такого материального неравенства, по мнению ЦК, и расцветала «грубая демагогия».

Сведение внутрипартийных разногласий к недостаткам партийных деятелей и придание им морально-нравственной оценки было одним из способов дискредитации оппозиции и само по себе напоминало склоку. При этом учитывалось накапливаемое в обществе, в том числе в партийных низах, недовольство «новыми хозяевами жизни». Об этом нередко писали современники: «В партии этой много примазавшихся, которые обдeldывают здесь свои личные делишки, много хороших людей, но не знающих жизни, истинно же сознательных борцов мало»¹⁴⁵; «Душу и тело отдаю на благо советской России, но почему я не партийный, тебе сейчас объясню, те, которые сидят в учреждении партийные, они только шкурники, вся сволочь бывшая сидит под маской коммунизма и жмет рабочий класс и крестьянина. Пойди к любому из этих сволочей, и у него все есть»¹⁴⁶; «В Голендухиной есть коммунисты, которые живут, дай бог так жить каждому буржую. Так называемые коммунисты бумажные. Например Беликов, ты и не подходи: обстановка шикарная, мягкая мебель, два трюмо, а раньше Макар огород копал, а наружность, а голос, ну прямо генерал»¹⁴⁷.

Для преодоления болезненных явлений ЦК РКП(б) предлагал следующие практические шаги: усиление гласности при обсуждении вопросов партийной и советской работы, изменение характера перерегистрации членов партии (максимальное ее упрощение для пролетарских элементов и усложнение для непролетарских), контроль над участием ответственных партийных работников в регулярных партийных мероприятиях (например, в субботниках). Между тем, это были косметические меры, не менявшие сущность наметившейся в партии тенденции к «единству», в рамках которой любая дискуссия рассматривалась как классовый конфликт, требующий безоговорочного подавления недовольных. Подпольная политическая культура – основа партийной дисциплины – требовала не сосуществования, а безоговорочного подчинения меньшинства большинству. При этом

¹⁴³ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. Д. 780. Л. 43

¹⁴⁶ Там же. Д. 73. Л. 16.

¹⁴⁷ Там же. Л. 16 об.

формирование мнения большинства превращалось в чисто техническую задачу, в решении которой вполне преуспели аппаратные функционеры.

3.5. Казус М. М. Харитонova: «партийная склока» как механизм кадровых перестановок

Персональная история Харитонova является ярким примером смены кадровых стратегий и процесса замещения партийных элит, связанных с внутрипартийной борьбой и укреплением власти Сталина в партийных и государственных структурах.

М. М. Харитонов был из когорты профессиональных революционеров и имел большой опыт аппаратной работы. В 1921 г. он был назначен секретарем Пермского губкома РКП(б), попав на Урал в результате конфликта между Г. Е. Зиновьевым и секретарем Петроградского губкома, кандидатом в члены ЦК Н. А. Углановым, а также секретарем исполкома Петроградского Совета, членом ЦК Н. П. Комаровым. В результате решением Политбюро от 1 декабря 1921 г. из Петрограда в распоряжение ЦК РКП(б) были откомандированы Н. А. Угланов и сторонник Г. Е. Зиновьева М. М. Харитонов¹⁴⁸.

После прибытия в Пермь Харитонов из одной партийной склоки сразу же попал в другую: ему пришлось вступить в борьбу с Г. И. Мясниковым – одним из оппозиционеров, пользовавшихся большой популярностью в Пермской партийной организации и особенно в Мотовилихе. 20 февраля 1922 г. Мясников решением Политбюро ЦК РКП(б) был исключен из партии. Уже после этого он в составе бывшей «рабочей оппозиции» подписал так называемое «Заявление 22-х» в адрес Международной конференции Коминтерна. М. М. Харитонов приложил большие усилия к тому, чтобы добиться от актива Мотовилихинской парторганизации – оплота «мясниковщины» – осуждения позиции Г. И. Мясникова¹⁴⁹. В конце марта 1922 г. Мясников был арестован Пермским губотделом ГПУ и под конвоем отправлен в Москву¹⁵⁰.

Последующие несколько месяцев были посвящены искоренению последствий «мясниковщины» и оздоровлению партийной организа-

¹⁴⁸ Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б) : крат. курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010. С. 370–371.

¹⁴⁹ Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции : Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы). Пермь, 2006. С. 120.

¹⁵⁰ См.: Там же. С. 136–141.

ции. О результатах этой работы М. М. Харитонов сообщил в личном письме на имя И. В. Сталина в начале июля 1922 г.: «Общий итог, который можно подвести после 3-месячной работы (т. е. после удаления Г. И. Мясникова. — С. В.) следующий: в организации много прекрасного пролетарского элемента, имеется и некоторое количество недурных работников-исполнителей, но губерния сильно бедна инициативными силами». Большим местом парторганизации еще оставался «лжедемократизм, насажденный Мясниковым»¹⁵¹.

В должности секретаря Пермского губкома партии Харитонов оставался недолго. После XI съезда РКП(б) был взят курс на усиление роли областных бюро в системе партийной власти, и кандидатура Харитонова на пост руководителя Уралбюро ЦК изначально рассматривалась Москвой. По поводу этого назначения с ним вели переговоры Сталин и Молотов¹⁵². В отличие от многих региональных партийных руководителей, он вел себя лояльно по отношению к областным структурам власти. Еще будучи руководителем Пермского губкома партии, М. М. Харитонов проявил себя как сторонник усиления роли и влияния областных бюро в структуре партии.

В конце января 1922 г. президиум Пермского губкома направил в ЦК РКП(б) свое постановление, в котором высказался «за создание полноправных областных объединений»¹⁵³. Видимо, эта позиция регионального руководителя была отмечена высшей партийной инстанцией и учтена при выборе новой кандидатуры на должность руководителя Уралбюро ЦК РКП(б).

Однако Харитонов не сразу дал согласие на это назначение. В письме на имя Сталина от 4 июля 1922 г. он писал: «Я старался здесь доказать т. Молотову нецелесообразность моего перевода, исходя из интересов Пермской организации, но успеха не имел»¹⁵⁴. В середине июля М. М. Харитонов переехал в Екатеринбург. Возглавив Уралбюро ЦК партии, он решительно выступил за усиление централизации и выстраивание вертикали власти на региональном уровне¹⁵⁵.

После образования Уральской области, уже в должности секретаря обкома, М. М. Харитонов продолжал бороться с партийной оппозицией: на этот раз с троцкизмом и его проявлениями в ураль-

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 284. Л. 326.

¹⁵² Подробнее см.: *Кружинов В. М.* Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000. С. 141–142; ЦДОСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 68. Л. 142.

¹⁵³ ЦДОСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 75. Л. 26.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 22.

¹⁵⁵ Подробнее см.: *Воробьев С. В.* Формирование властной вертикали советской политической системы в период нэпа (на примере Урала) // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента : опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург, 2008. С. 82–90.

ской партийной организации. В январе 1924 г. он посылает письмо Г. Е. Зиновьеву с информацией об оппозиционных настроениях, в котором делает приписку: «Прошу и т. Сталину показать письмо»¹⁵⁶. По его оценке, ситуация была угрожающая: «Элементов для оппозиции тут порядочно. Много бывших троцкистов, которые не забыли профсоюзной дискуссии, не против сейчас взять реванш. Много среди областных работников, особенно в профсоюзах, бывших ме[ншьеви]ков и бундовцев. Все они почти, за редким исключением, за Троцкого»¹⁵⁷.

Во внутриаппаратных играх этого времени Харитонов выступал сторонником Г. Е. Зиновьева и одно время пользовался доверием Сталина и Молотова. Но в начале 1925 г. расклад в высших партийных кругах изменился. В январе 1925 г. Л. Д. Троцкий был снят с постов наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета Республики. Правящая «тройка» (Зиновьев – Каменев – Сталин) развалилась, и Сталин стал избавляться от сторонников Г. Е. Зиновьева, заменять их своими людьми.

В отношении Харитонова Сталин повел тонкую политическую игру, он не хотел, чтобы снятие с должности ответственного секретаря Уралобкома исходило от Москвы, нужно было провести отставку Харитонова как инициативу снизу. Местные недоброжелатели Харитонова уловили этот сигнал. К ним относились председатель Уральского облисполкома Д. Е. Сулимов, председатель Уральского областного совета профсоюзов Я. Д. Розенталь, заведующий организационно-распределительным отделом Уралобкома РКП(б) К. В. Гей и председатель областной контрольной комиссии М. Н. Коковихин.

Появилась и удобная причина. Поводом к снятию М. М. Харитонова стал конфликт вокруг секретаря Уральского обкома РЛКСМ А. Баташева, имевший идейную окраску. Разгорающийся конфликт в руководящем ядре комсомола был отголоском раскола между Сталиным с одной стороны и Зиновьевым и Каменевым – с другой.

В ЦК РЛКСМ возник конфликт между сторонниками Сталина и Зиновьева по поводу отношения к Л. Д. Троцкому. Большинство ЦК РЛКСМ поддержало позицию Г. Е. Зиновьева об исключении Троцкого из состава партии. Это входило в противоречие с позицией И. В. Сталина, который по тактическим соображениям считал тогда такое решение преждевременным. Но сама ситуация была использована им для исключения сторонников Г. Е. Зиновьева из руководства комсомольской организации и создания послушного ЦК РКП(б) органа.

Политбюро ЦК РКП(б) 12 и 25 февраля 1925 г. приняло постановление, в которых указывалось на необходимость прекращения фракционной борьбы в ЦК РЛКСМ и подчинения его решению пар-

¹⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 25.

¹⁵⁷ Там же.

тийного руководства. С целью разрешения конфликта была создана комиссия во главе с Ем. Ярославским для тщательного расследования всех обстоятельств групповой борьбы в ЦК комсомола. 15 марта 1925 г. созывается экстренный пленум ЦК РЛКСМ, на котором были сняты со своих должностей лидеры большинства – сторонники Зиновьева: Я. С. Цейтлин, Л. Я. Файвилович, С. М. Гессен, В. А. Касименко. Репрессиям подверглись и региональные комсомольские работники. Под угрозой снятия оказался и А. Баташев, который как член ЦК РЛКСМ голосовал за расширение бюро ЦК комсомола и поддерживал позицию большинства в отношении Троцкого.

М. М. Харитонов, в целом разделяя позицию высшего партийного руководства, в то же время являлся противником жестких организационных выводов в отношении комсомольских руководителей, особенно провинциальных. Свою позицию он озвучил в письме Сталину в начале апреля: «По-моему, снимать остальных 18 провинциальных Цекистов, голосовавших с большинством ЦК РЛКСМ, никоим образом не следует. Это ни в интересах партии, ни в интересах своей же молодежи»¹⁵⁸.

19 марта 1925 г. состоялось бюро Уралобкома РКП(б), на заседании которого был поставлен вопрос о снятии А. Баташева с поста секретаря Уральского обкома комсомола. За его отставку проголосовало 27 человек, против – 10¹⁵⁹.

В конце марта 1925 г. Харитонов приезжает в Москву для участия в совещании заведующих отделами ЦК при организационно-распределительном отделе ЦК РКП(б)¹⁶⁰. В разговоре со Сталиным он попытался защитить А. Баташева, убеждая не снимать его с должности, и Сталин обещал ему это. Однако в своем письме председателю Уральского облисполкома Д. Е. Сулимову он написал: «Насчет т. Баташева я дал письменное заверение т. Харитонову, что не считал нужным его снятие, но там же добавил, что коль скоро решение о снятии принято Бюро Обкома (или даже Обкомом), я не считаю возможным вмешиваться или отменить решение (подчеркнуто И. В. Сталиным. – С. В.). Харитонов постарается использовать мое письменное заверение, но это пустяки, и поддаваться его настояниям было бы смешно. Решение о снятии должно остаться в силе»¹⁶¹.

После возвращения из Москвы Харитонов, убежденный в поддержке Сталина, вновь поднимает вопрос о А. Баташеве. 13 апреля во время пленума Уральского обкома собирается секретное заседание, на котором вновь обсуждается вопрос о комсомоле и «создавшемся

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 31.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же. Л. 5; ЦДОСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 354.

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 43.

<в связи> с этим вопросом положении в Бюро Обкома»¹⁶². На заседании выступил также А. Баташев и заявил, что подчиняется решению бюро обкома РКП(б), но считает его «глубоко несправедливым»¹⁶³. В качестве весомого аргумента в свою защиту он привел слова Сталина: «т. Сталин на вопрос тов. Чаплина¹⁶⁴ о моем снятии (уже после экстренного пленума ЦКмола) сказал, что снимать не следует»¹⁶⁵. По результатам дискуссии на утверждение были вынесены два предложения: М. М. Харитонova и секретаря Пермского окружкома ВКП(б) И. П. Румянцева.

Предложение Харитонova сводилось к следующему: не поднимать больше вопрос о комсомоле, так как он «в Москве считается исчерпанным», а обком партии должен «приложить все усилия к тому, чтобы наладить деловую работу в Обкомоле»¹⁶⁶.

Предложение И. П. Румянцева было сформулировано следующим образом: «в интересах установления единства в организации и поднятия партработы на должную высоту освободить т. Харитонova от обязанностей Секретаря Обкома и поручить Уральской делегации на Всесоюзной конференции вопрос этот согласовать с ЦК, а также согласовать с ЦК вопрос о новом Секретаре»¹⁶⁷.

Из содержания предложения И. П. Румянцева становится ясно, что спор вокруг фигуры секретаря Уральского обкома комсомола был неслучаен. И. П. Румянцев в своей речи выделил ряд болевых точек в деятельности руководящего партийного органа Урала: во-первых, отметил факт разделения бюро обкома на «большинство» и «меньшинство», что негативно отразилось на его работоспособности, проявилось «в забаллотировании предложений Секретаря Обкома по серьезным политическим вопросам»¹⁶⁸; во-вторых, отметил, что обострение отношений между членами бюро обкома произошло «после попыток т. Харитонova добиться в ЦК отмены решения, вынесенного Обкомом совместно с президиумом ОблКК 19/III с/г. о т. Баташеве»¹⁶⁹. Все остальное время семичасового закрытого заседания было посвящено обсуждению ситуации, сложившейся в бюро обкома: «...говорили о создавшемся положении внутри Бюро, об исключительно обострившихся отношениях, даже о склоке (т. Шпагин), о взаимоот-

¹⁶² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13 а. Л. 30.

¹⁶³ Там же. Л. 36.

¹⁶⁴ Николай Павлович Чаплин (1902–1938) – генеральный секретарь ЦК РЛКСМ (1924–1928).

¹⁶⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13 а. Л. 37.

¹⁶⁶ Там же. Л. 32.

¹⁶⁷ Там же. Л. 31.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 31.

¹⁶⁹ Там же.

ношениях бюро Обкома с[о] Свердловским окружкомом, о необходимых мерах к изживанию этого положения и т. д.»¹⁷⁰

Заметный вклад в обострение ситуации внесла стычка М. М. Харитонов с руководителем Свердловского окружкома РКП(б) Н. Ф. Севастьяновым. Поэтому на данном конфликте необходимо остановиться подробнее. Он вспыхнул во время пленума Свердловского окружкома, проходившего 8–11 апреля 1925 г., на котором присутствовал Харитонов. В постановлении пленума окружкома выражалось недовольство чрезмерной опекой и вмешательством обкома партии в работу окружкома, «что неизбежно вызывает в ряде случаев нарушение партийной демократии и неблагоприятно отражается как на состоянии работы окружкома, так и на авторитете перед парторганизациями округа»¹⁷¹.

Не только Свердловский окружком был недоволен чрезмерным контролем со стороны Уралобкома РКП(б). Как оказалось, эту позицию разделяли и другие окружные парторганизации области. В речи И. П. Румянцева отмечалось, «что целый ряд окружкомов области: Пермский, Златоустовский, Челябинский и др. в той или иной форме [уже] в своих решениях выразили несогласие и даже осуждение точки зрения, отстаиваемой т. Харитоновым против большинства Бюро»¹⁷².

Описав ситуацию, сложившуюся в Уральском обкоме партии, И. П. Румянцев внес предложение об освобождении Харитонova от занимаемой должности.

На голосование были поставлены оба предложения. Голосование имело следующий результат: «За предложение т. Харитонova – 7 член[ов] Обкома, 2 канд[идата], 1 член Обл[астной] КК, всего 10 человек. За предложение т. Румянцева – 23 члена Обкома, 7 кандидатов, 13 членов Обл[астной] КК, 5 секретарей Окружкомов – не членов и кандидатов Обкома, всего 45 человек. Таким образом, было принято предложение т. Румянцева»¹⁷³.

После секретного заседания в адрес Политбюро ЦК РКП(б) была отправлена телеграмма, в которой сообщалось о решении Уральского обкома партии в отношении Харитонova. Телеграмму подписали М. М. Харитонов, Д. Е. Сулимов, И. П. Румянцев, К. В. Гей, К. В. Рындин, М. Н. Коковихин. Политбюро ЦК РКП(б) приняло следующее постановление:

- 1) решение Уралобкома о снятии т. Харитонova считать неокончательным;
- 2) указать Уралобкому, что он не может снимать т. Харитонova без согласия ЦК РКП;

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 31.

¹⁷¹ ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 326. Л. 15 об.

¹⁷² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 3. Д. 13 а. Л. 31.

¹⁷³ Там же.

3) окончательно решение вопроса отложить до приезда уральцев на пленум¹⁷⁴.

Таким образом, И. В. Сталин, опираясь на мнение большинства руководящих партийных работников Урала, получил право поставить вопрос о снятии Харитонова с должности перед высшими партийными органами. Пленум ЦК РКП(б) состоялся 23–30 апреля 1925 г. Окончательно вопрос о снятии М. М. Харитонова был решен после окончания Пленума на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 7 мая 1925 г., где присутствовали Д. Е. Сулимов и М. М. Харитонов. На заседании еще раз было указано на то, что Уралобком не должен был снимать Харитонова без согласования вопроса с ЦК. Политбюро пришло к выводу, что конфликт зашел слишком далеко и его участники не склонны идти на компромисс, поэтому было принято решение: «Ввиду заявления Уралобкома с одной стороны и т. Харитонова с другой о невозможности совместной работы после всего случившегося, признать необходимым освобождение т. Харитонова от работы на Урале, обеспечив т. Харитонову соответствующую парторботу вне Урала»¹⁷⁵.

На Урал был направлен Н. К. Антипов¹⁷⁶, который в то время принадлежал к числу сторонников Сталина и занимал весьма важную должность в партийной иерархии – зав. организационно-распределительным отделом ЦК РКП(б). Сталину необходимо было поставить на ключевую партийную должность в крупном регионе своего человека. Участников партийной «сколки» ожидал карьерный рост. М. Н. Коковихин и К. В. Гей вскоре перебрались в Москву и заняли заметные партийные должности. Коковихин стал членом Президиума ЦКК РКП(б), а Гей получил прежнюю должность Н. К. Антипова, став заведующим организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б), одного из ключевых в ЦК.

Н. К. Антипов пробыв во главе Уралобкома партии восемь месяцев, а затем был переведен в Ленинград на должность второго секретаря губкома ВКП(б), т. е. фактически заместителя С. М. Кирова.

Ситуация с М. М. Харитоновым показывает, что в 1920-е гг. секретарь партийного комитета еще не был абсолютным лидером в системе региональной власти. Рядом с ним стояли равнозначные фигуры, имевшие дореволюционный опыт партийной работы и авторитет. Все решала гласная или негласная поддержка центра.

Конфликты среди региональных руководителей разных уровней в 1920-е гг. не были редкостью. Так называемые сколки периодически сотрясали партийные организации. Борьба за перераспределение политического влияния между различными группами в партии, как

¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 497. Л. 6.

¹⁷⁵ Там же. Д. 502. Л. 8.

¹⁷⁶ Там же.

в центре, так и на местах, была типичным явлением¹⁷⁷. Фактически «склока» в этот период выступала как механизм смены неугодного руководителя, а региональная «элита» была заметным игроком на этом политическом поле.

В партийных документах того времени «склока» характеризовалась как один из проступков, свойственных главным образом «ответственным членам партии». Официально считалось, что «склоки» и «дрязги» – это конфликты, не имеющие идеологического содержания¹⁷⁸. Однако на практике отделить личную склоку от идеологического противостояния оппонентов бывает сложно. Сталин по-своему решал этот вопрос. Он различал «здоровую сторону склок», когда они затеваются ради дела, и склоки, возникающие на личной почве, с которыми партия, безусловно, должна бороться¹⁷⁹.

Смещение нежелательного руководителя в результате конфликта вело к изменению сложившейся конфигурации власти. Именно в этом Сталин видел положительную сторону склоки: «Я должен сказать, что склоки и трения, кроме отрицательных сторон, имеют и хорошие стороны. Основным источником склок и дрязг является стремление губкомов создать внутри себя спаянное ядро, сплоченное ядро, могущее руководить как один. Эта цель, это стремления здоровые и законные, хотя добиваются их часто путями, не соответствующими целям»¹⁸⁰. Как справедливо заметил О. Г. Назаров, «чтобы оказаться под массивным ударом партаппарата, достаточно было остаться даже не в одиночестве, а просто в меньшинстве»¹⁸¹. Ирония состояла в том, что борец с оппозицией в партии сам стал жертвой внутрипартийной борьбы в высшем руководстве РКП(б).

Ситуация меняется в конце 1920-х гг.: региональные партийные руководители получают широкие полномочия, выстраивается жесткая властная вертикаль, начинают формироваться патрон-клиентские связи. Создается культ местного вождя, который поддерживается преданным окружением. И. Д. Кабаков – яркий пример нового поколения партийных деятелей. Став первым секретарем Уралобкома ВКП(б) в 1929 г., он фактически превращается в «красного императора» Урала, чей авторитет до определенного времени был непререкаем¹⁸².

¹⁷⁷ См.: *Воробьев С. В.* Формирование властной вертикали советской политической системы в период нэпа... С. 96.

¹⁷⁸ См.: *Шабалин В. В.* «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы. С. 159–160.

¹⁷⁹ См.: Двенадцатый съезд РКП(б). С. 66.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. С. 152.

¹⁸² Подробнее см.: *Сушков А.* Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // *Веси.* 2013. № 6 (92). С. 46–84.

ГЛАВА 4
**КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ
ГУБЕРНСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ
ЧЛЕНОВ РКП(б) 1922 г.**

«Теперь здесь
всякие
и люди
и классы».

*Маяковский В. Хорошо.
Октябрьская поэма¹*

Всероссийская партийная перепись дает нам специфический срез раннесоветского общества. Члены партии – это та социальная группа, которая в наибольшей степени подверглась влиянию идеологии и коммунистических идей. Оно проявилось не только в карьерных стратегиях, культурных или религиозных трансформациях, но и в семейном, бытовом поведении членов партии. Коммунисты, являясь неотъемлемой частью российского общества, оставались, с одной стороны, носителями традиционных типических черт, а с другой – субъектом (и одновременно объектом) модернизации, что, несомненно, отразилось на их социально-демографическом облике.

Важнейшим внешним фактором, определяющим состав партийной организации, была урбанизация. Этот процесс, начатый во второй половине XIX в. на волне промышленной революции, стал заметным явлением в предреволюционный период, формируя предпосылки будущей революции. Именно города становятся проводниками революционных настроений и новых идей социального переустройства общества. Здесь концентрируется не просто население, а наиболее активная его часть, влияние которой существенно возрастает в условиях маргинализации городского сообщества и обострения социально-экономических и политических противоречий². В ходе революции в городах возникают новые политические институты и структуры власти, город становится средой формирования нового правящего слоя Советской России – партийно-государственной номенклатуры. Объективно,

¹ *Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 283.

² См.: *Мазур Л. Н.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке : опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006. С. 70.

город притягивает к себе наиболее активную часть членов Коммунистической партии, нацеленную на карьерный рост и стремившуюся интегрироваться в новую правящую элиту.

С другой стороны, социальные потрясения, вызванные Первой мировой войной, революцией, Гражданской войной, привели к своеобразному откату урбанизации в России³. Наблюдался отток городского населения в сельскую местность, что было обусловлено упадком промышленного производства и неблагоприятной продовольственной ситуацией в городах.

Таким образом, и структура населения региона, и состав партийной организации в начале 1920-х гг. испытывали на себе влияние противоречивых тенденций, связанных, с одной стороны, с концентрацией и ростом активности политической жизни в городах, а с другой – с экономическим кризисом, в условиях которого сельская местность и сельскохозяйственные практики выглядели более привлекательными и надежными в плане выживания. В социальном разрезе четко прослеживаются следующие основные направления социальных перемещений: крестьяне – рабочие; рабочие – служащие; крестьяне – служащие. Причем первое направление социального транзита носит вполне объективный характер и связано с процессами модернизации, второе и третье направления, помимо объективных причин, включают идеологический компонент – привлечение коммунистов (рабочих и крестьян) к советско-партийной работе. Наличие этих тенденций подтверждается характеристикой социально-демографической структуры Екатеринбургской губернской организации РКП(б).

4.1. Социально-демографический состав губернской организации РКП(б) как отражение процессов модернизации

Всего по данным партийной переписи 1922 г. в Екатеринбургской губернской организации РКП(б) было зарегистрировано 14 662 членов и кандидатов партии (0,7 % от численности населения губернии)⁴. В составе региональной партийной организации насчитывалось 13 105 мужчин (89,4 %) и 1 557 женщин (10,6 %) (табл. 4.1). Причем значительная часть женщин (39,6 %) были домохозяйками или работали в своем хозяйстве, 32,1 % отмечены как служащие, 18,9 % относились к рабочим и только 9,4 % трудились на советской и партийной работе.

Показатель включенности женщин в состав партии и политическую жизнь вообще является свидетельством господствующих в об-

³ См.: Мазур Л. Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке. С. 71.

⁴ ЦДООСО. Ф. 76, Оп. 1. Д. 645 а. Л. 3 об. – 4.

пестве отношений патриархальности, в контексте которых самостоятельная роль женщин в семейной, экономической и политической жизни общества была крайне незначительной. Их доля заметно выросла к 1922 г. вследствие развертывания политических кампаний по привлечению женщин к управлению, освобождению от «кухонного рабства», во многом благодаря активности женотделов.

Таблица 4.1

**Распределение членов РКП(б)
Екатеринбургской губернии по полу***

Пол	Всего, чел.	Удельный вес, %
Мужчин	13 105	89,38
Женщин	1 557	10,62
Всего:	14 662	100,0

*Составлено по: ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 645 а. Л. 1–2.

В то же время членам РКП(б) как представителям особой социально-политической группы, являвшейся носителем идеи модернизации, были присущи свои особенности демографического поведения, отличавшие их от других общественных групп.

В частности, следует обратить внимание на возрастную структуру губернской организации РКП(б). Она характеризуется преобладанием мужчин в молодом и зрелом возрасте (табл. 4.2). Их политическая активность была наиболее высокой. Кроме того, свою роль сыграл внутренний фактор партийного строительства в условиях Гражданской войны и нэпа, связанный с привлечением молодежи к решению задач социалистической реконструкции. Они оказались наиболее управляемым, идеологически заряженным и активным ресурсом партии⁵.

Таблица 4.2

**Распределение членов РКП(б) Екатеринбургской
губернии по возрастным группам в 1922 г.***

Возраст, лет	По выборке, чел.	Удельный вес, %
15–19	16	3,08
20–24	89	17,15
25–29	126	24,28
30–34	104	20,04

⁵ Подробнее об этом см. гл. 7.

Окончание табл. 4.2

Возраст, лет	По выборке, чел.	Удельный вес, %
35–39	82	15,80
40–44	47	9,06
45–49	34	6,55
50–54	9	1,73
55–59	4	0,77
60–64	6	1,16
Всего:	517	100,0

*Подсчитано на основе базы данных «Всероссийская перепись членов РКП(б). Екатеринбургская губерния. 1922 год».

Но наиболее ярко выраженной характеристикой губернской партийной организации стало распределение коммунистов по месту жительства – город или село (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Распределение членов партии по месту жительства*

Тип поселения	Всего	Удельный вес, %	Численность по выборке, чел.	Удельный вес по выборке, %
Город	4 801	32,74	196	37,91
Село	9 861	67,26	222	42,94
Завод			98	18,96
Нет сведений			1	0,19
Всего:	14 662	100,0	517	100,00

*Составлено по: Итоги переписи (ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 645 а. Л. 1–2); итоги группировки на основе выборки.

В Екатеринбургской губернии большую роль играла горнозаводская промышленность, определившая социальную структуру населения в целом и партийной организации в частности. По данным переписи 1922 г. в составе организации наиболее высокий удельный вес имели рабочие – 41,54 %; крестьяне составляли 37,85 %; служащие – 15,62 %⁶.

Около 1/3 членов партии проживали в городах и 67 % – в сельской местности (деревнях и заводах)⁷ (см. табл. 4.3). Причем даже в сель-

⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 645 а. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 1–2.

ской местности удельный вес крестьян в составе партии не превышал 40,0 %⁸. При общем преобладании в структуре населения сельских жителей, в партии их удельный вес был существенно ниже, а если принять во внимание заводские поселки, то становится очевидным, что РКП(б) в массе своей была не столько рабочей, сколько городской партией.

По результатам переписи на начало 1922 г. 32,74 % губернских коммунистов проживало в городах (из них 22,9 % – в губернском городе – Екатеринбурге и 15,0 % – в уездных городах). Помимо этого, значительная часть коммунистов обитала в поселениях, которые территориально располагались в сельской местности, но были связаны с промышленной сферой губернии – заводами, рудниками, приисками, железнодорожными станциями. В заводских поселках проживало 18,1 % членов партии, 4,8 % имели местом жительства поселок при железнодорожной станции и 4 % жили при горнодобывающих предприятиях (2 % – на приисках, 2 % – на рудниках и шахтах)⁹, всего – 26,9 %. Таким образом, в городах и заводских поселениях Урала проживало более половины партийцев (56,9 %)¹⁰.

На социальную структуру членов партии влияла также обратная миграция – из города в деревню. На Урале в 1921–1922 г. продовольственная ситуация была крайне неблагоприятной. В Екатеринбургской губернии в апреле 1922 г. голодало более 50 % населения, не лучшим образом обстояло дело и в других уральских губерниях¹¹. В городах Урала ситуация со снабжением жителей продовольствием была критической, а в ряде мест назревала реальная угроза голодных бунтов¹². Так, в городе Верхнеуральске Челябинской губернии в декабре 1921 г., по информации ВЧК, голод приобрел «ужасные размеры, население начинает есть кошек и собак»¹³.

Такое тяжелое положение подталкивало горожан к поиску питания в сельской местности. Точной статистики оттока городских жителей в деревню нет, но в материалах партийной переписи можно

⁸ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 465 б. Л. 10.

⁹ Данные взяты: *Воробьев С. В.* Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг. : Источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 99.

¹⁰ Хотя, конечно, считать жителей городских поселений горожанами можно с большой долей условности. Как отмечает А. Г. Вишневецкий, малые города и поселки в России и в СССР «часто не слишком отличались от деревни» (см.: *Вишневецкий А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 98).

¹¹ См.: *Каракулов Д. В.* Голод 1921–1922 гг. на Урале : автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 15.

¹² См.: *Воробьев С. В.* Власть и общественные настроения на Урале в начальный период НЭПа (по информационным сводкам ВЧК – ОГПУ) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2008. Вып. 9. С. 149.

¹³ ЦДОСО. Ф. 1449. Оп. 1. Д. 37. Л. 13.

найти информацию, подтверждающую этот тезис. Так, в 1922 г. коммунисты-крестьяне на 83,3 % состояли из людей, которые и до революции являлись крестьянами, и еще на 13,9 % – из бывших рабочих. В свою очередь, подавляющее число коммунистов, принадлежавших к рабочему классу на момент проведения переписи, до 1917 г. также являлись рабочими (93,6 %) и лишь незначительная их часть была в то время крестьянами (6,4 %) ¹⁴. Таким образом, среди коммунистов-крестьян наблюдается достаточно высокая доля бывших рабочих.

Сельский характер урбанизации в начале 1920-х гг. усиливался также спецификой хозяйственного уклада горнозаводского Урала, характерной чертой которого было наличие у жителей городов и заводских поселков своего хозяйства. По материалам переписи 1922 г. каждый третий (34,1 %) коммунист – горожанин или рабочий – периодически занимался сельскохозяйственной деятельностью, имея свое хозяйство или совместное хозяйство, как правило, с ближайшими деревенскими родственниками. В основной своей массе их участие в сельскохозяйственной деятельности выражалось в личном труде (88,6 %), и только у 11,4 % коммунистов «связь с деревней» ¹⁵ выражалась в оказании своим родственникам-крестьянам денежной поддержки ¹⁶. Личное трудовое участие в сельскохозяйственных работах стимулировалось безработицей, кроме того, зарплата на предприятиях и в учреждениях в этот период выдавалась нерегулярно и со значительными задержками, к тому же денежная помощь в условиях инфляции быстро обесценивалась.

В основном «связь с деревней» поддерживали коммунисты, проживавшие в заводских поселках (36 %). В качестве примера можно привести партийную ячейку Кушвинского завода. Она состояла из 31 человека, причем почти все члены партии имели свои усадебные наделы или огороды, у 14 человек была корова и еще у четырех – лошадь ¹⁷. Четвертая часть коммунистов, проживавших в Екатеринбурге (24 %), имела родственников в сельской местности и оказывала им денежную помощь.

Достаточно активно в партийной среде в послереволюционный период шел процесс пополнения рабочими и крестьянами категории служащих. В 1922 г. среди губернских служащих – членов РКП(б) – 43,6 % были выходцами из рабочих и 30,8 % – из крестьян. Приведенные данные позволяют судить о тенденции, связанной с изменением социального статуса коммунистов и перемещением их из рабочих

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 645 а. Л. 4.

¹⁵ Формулировка вопроса в бланке «А».

¹⁶ Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг. С. 100.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 52.

и крестьян в категорию служащих, преимущественно ответственных работников среднего и нижнего уровней управления. Достаточно часто такие переходы были следствием кадровых решений вышестоящих инстанций и вели к повышению социального статуса коммуниста.

Таким образом, социальная мобильность коммунистов в значительной мере носила урбанистический характер. Она развивалась в двух плоскостях:

1) миграция коммунистов из заводских поселений и сельской местности в города;

2) социальный трансфер рабочих и крестьян в категорию служащих, преимущественно ответственных работников. По оценкам И. В. Нарского, в этот период 1/3 городского населения была занята в сфере управления¹⁸.

4.2. От РСДРП к РКП(б): смена поколений

Важнейшей характеристикой члена партии был партийный стаж, который в начале 1920-х гг. в значительной степени влиял на его статус в организации, авторитет и потенциальные карьерные возможности. С учетом партийного стажа коммунисты условно делились на «старых» и «новых» партийцев. «Старые» большевики («старая гвардия») имели дореволюционный стаж и опыт подпольной революционной работы. В начале 1920-х гг. они составляли основной кадровый резерв и определяли социальный облик высшей губернской парторганизации. «Новые» партийцы, вступившие в партию в 1918–1921 гг. преимущественно в ходе политических кампаний по набору (вербовке), в свою очередь формировали социальный портрет рядового состава партии и ее нижнего аппаратного звена. Смена поколений в РКП(б) – ВКП(б) носила специфический характер, во многом связанный с внутрипартийной борьбой. К концу 1920-х гг. «старая гвардия» оказалась в массе своей отстраненной от управления или вообще исключенной из рядов партии, а на ее место пришла «сталинская гвардия», т. е. новые партийцы.

Распределение членов и кандидатов партии по партийному стажу и социальному происхождению представлено в табл. 4.4. Данная таблица иллюстрирует общее преобладание в составе губернской партийной организации рабочих и крестьян (79,2 %), около половины которых вступили в партию в 1919 г. во время специально организованных приемных кампаний. Их удельный вес составил 61,2 % от общего

¹⁸ См.: *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 140.

числа членов по состоянию на конец 1921 г.¹⁹ Напротив, доля членов партии с дореволюционным стажем (до 1916 г.) сократилась до 1,5 %, иллюстрируя переход от профессиональной малочисленной партии к массовой и сопутствующую этому процессу смену поколений.

Таблица 4.4

Распределение членов партии по партийному стажу и социальному происхождению в Екатеринбургской губернии*

Год вступления в партию	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие	Итого, чел.	Удельный вес, %	По выборке, %
До 1905	27	2	5	2	36	0,29	0,39
1905–1916	80	4	54	4	142	1,18	2,13
1917	833	100	189	37	1 159	9,62	9,09
1918	696	399	252	47	1 394	11,58	12,57
1919	2 301	2 538	830	302	5 971	49,60	49,52
1920	771	1 086	402	147	2 406	19,99	18,57
1921	227	398	116	53	794	6,59	4,84
1922	0	0	0	0	0	0,00	1,55
Не указано	65	29	33	9	136	1,13	1,35
Итого	5 000	4 556	1 881	601	12 038	–	–
Удельный вес, %	41,54	37,85	15,62	4,99	100	100,0	–
По выборке, %	47,97	30,75	9,48	11,80	100	–	100,00

*ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 645 а. Л. 4; итоги группировки на основе выборки.

Незначительный удельный вес «старых» большевиков определяется следующими факторами: во-первых, малочисленностью РСДРП. Общее число большевиков к началу 1917 г. насчитывало, по приближенным оценкам, от 8–10 тыс. до 24 тыс. человек²⁰. Активные аресты большевиков после 1906 г. привели к кризису партии и сокращению ее

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 645 а. Л. 3 об. – 4.

²⁰ См.: Измолик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б) : крат. курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010. С. 289.

численности. Во-вторых, потерями в годы Гражданской войны. В итоге к 1922 г. старые большевики уже не определяли общий социальный портрет партии, но сохраняли свои позиции на высших командных постах.

Около половины губернских коммунистов с дореволюционным партийным стажем вступили в партию в 1904–1906 гг. (45,4 %), при этом наибольший показатель приходится на 1905 г. – 25,8 %. Еще один пик приема в ряды партии приходится на период Первой мировой войны, когда в ее ряды вступило более четверти (28,1 %) членов с дореволюционным стажем, при этом наибольшая доля вступивших в партию большевиков в годы войны пришлось на предреволюционный 1916 г. – 14,8 %.

Социальный состав «старых» партийцев вполне соответствовал характеристике РСДРП как рабочей партии: 60,11 % имели пролетарское прошлое, 33,15 % были выходцами из служащих, чаще всего из разночинцев, и только 3,37 % – из крестьян. Следует отметить, что не все коммунисты с дореволюционным стажем были из числа так называемой ленинской гвардии – большевиков, не изменявших своим политическим взглядам. Часть из них (4,7 %) принадлежала к другим социалистическим организациям – Бунду, эсерам, меньшевикам.

Особенностью регистрации партийного стажа во время переписи было соблюдение правила, в соответствии с которым стаж считался с момента вступления в партию большевиков. Если до революции человек относил себя к другим партиям – меньшевикам, бундовцам, эсерам, то этот стаж не учитывался. Так, в выборку попал Н. А. Алексеев – с высшим образованием, член партии с 1905 г.²¹ Но поскольку его стаж прерывался, то учли только тот период, когда он состоял в партии большевиков – 4 года 11 месяцев.

Лишь незначительная часть коммунистов губернии – 413 человек (3,4 %) – в 1922 г. имела политический опыт, приобретенный во время пребывания в рядах других партий, главным образом левого толка: меньшевиков, Бунда, левых и правых социалистов-революционеров. Больше всего их было среди рабочих – 236 чел. (57,1 %), ответственных работников и служащих – 118 человек (28,6 %) ²².

По данным на первое августа 1924 г. «старая гвардия» с подпольным стажем работы в Уральской областной организации насчитывала 303 человека (1,3 %), из них 139 человек находились на «ответственных» постах, 164 числились рядовыми членами ²³. По партийному стажу они распределялись следующим образом: вступили в партию до

²¹ В примечании к анкете указано: в партии состоял с перерывами с 1905–1906 (организатор РСДРП), 1906–1908, с 1920 г., общий стаж 4 года 11 месяцев (ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557. Л. 253).

²² Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 2. С. 46–47.

²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 354. Л. 59.

1905 г. – 19,5 %; в 1905 г. – 32 %; с 1906 по 1917 год – 48,5 %. Среди «старых» большевиков женщины составляли 4,6 % (14 человек). Большинство «старых» партийцев были заняты на партийной и советской работе (соответственно 21,8 и 30 %); 11,9 % – на профсоюзной работе; 13,5 % – на хозяйственной; 11,6 % – в кооперации; 4,6 % – рабочих у станка и 6,6 % – пр.²⁴

По переписи 1927 г. удельный вес «старых» большевиков еще более сократился и составил 0,8% от общей численности партийной организации Уральской области. Всего по переписи 1927 г. в Уральской области было зарегистрировано 365 партийцев с дореволюционным стажем²⁵.

Говоря об образовании, следует отметить более высокий уровень «старой гвардии» в сравнении с «новыми» партийцами, среди которых встречались неграмотные, а общий уровень определяли коммунисты с начальным образованием (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Распределение членов РКП(б) Екатеринбургской губернской организации по партийному стажу и образованию*

С какого года в партии	Уровень образования						
	Неграмотный	Начальное	Самоучка	Среднее	Высшее	Нет сведений	Итого
До 1905	0,00	0,19	0,00	0,19	0,00	0,00	0,39
1906–1916	0,00	1,74	0,19	0,19	0,00	0,00	2,13
1917	0,58	6,38	1,16	0,58	0,19	0,19	9,09
1918	0,19	9,09	1,93	0,77	0,58	0,00	12,57
1919	4,06	33,46	4,64	5,61	0,58	1,16	49,52
1920	1,55	12,77	2,51	1,35	0,19	0,19	18,57
1921	0,19	3,68	0,58	0,39	0,00	0,00	4,84
1922	0,00	1,16	0,39	0,00	0,00	0,00	1,55
Нет сведений	0,00	0,77	0,00	0,00	0,00	0,58	1,35
Всего:	6,58	69,25	11,41	9,09	1,55	2,13	100,00

* Подсчитано на основе случайной выборки из 517 анкет.

²⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 354. Л. 59.

²⁵ Всесоюзная партийная перепись 1927 года. М., 1927. Вып. 6. С. 46–47.

Таким образом, подавляющая часть коммунистов губернии, находившихся в партии на момент партийной переписи 1922 г., вступила в нее после Октябрьской революции. «Новые» партийцы определяли в целом социальный портрет РКП(б) в 1922 г. и Екатеринбургской губернской организации в частности.

Анализируя процессы массовизации партии, можно выделить несколько волн приема в нее новых членов, различающихся темпами роста партийных рядов: 1917–1918 гг.; а также в 1919–1920 гг.

В 1917 г. доля вступивших в ряды партии в Екатеринбургской губернской партийной организации составила 9,6 %²⁶, по региону данный показатель был несколько ниже – 9,1 % (см. табл. 4.4). В целом численность коммунистов, принятых в партию в 1917 г., оказалась в шесть раз выше, по сравнению с теми, кто пришел в нее в дореволюционный период. Доля тех, кто вступил в ряды РКП(б) в 1918 г., по губернии составила 11 %, т. е. сохранялась практически на том же уровне.

В 1917–1918 гг. позиции партии большевиков в Уральском регионе были еще недостаточно сильны, они вели борьбу за политическое влияние с другими политическими партиями и организациями, прежде всего социалистического толка (меньшевиками, эсерами). В первые месяцы после Февральской революции меньшевики обладали большим влиянием на Урале²⁷. Заметной популярностью обладали и эсеры²⁸, в том числе их идеи, которые были «достаточно влиятельными в рабочей среде»²⁹. Весной и летом 1918 г. в рабочих поселках горнозаводского Урала вспыхнуло несколько восстаний против большевиков (Невьянский и Полевской заводы), во главе которых стояли эсеры и меньшевики³⁰. Восставшие выступали против диктата большевиков в Советах, за народовластие и стремились защитить демократические завоевания Революции 1917 г.³¹

²⁶ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 2. С. 7.

²⁷ См.: *Сергеева Е. Б.* Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. С. 14.

²⁸ См.: *Кононенко А. А.* Эсеры на Урале в 1917–1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1994.

²⁹ *Бехтерев С. Л.* Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 43.

³⁰ См.: *Вебер М. И.* Невьянское восстание против большевистской власти в июне 1918 года: фиаско «третьего пути» в Гражданской войне // *Веси.* 2014. Окт. № 8 (104). С. 4–15; *Он же.* Мятёж рабочих Полевского завода против большевистской власти (16–18 июня 1918 года): причины и последствия // *Genesis* : ист. исследования. 2016. № 6. С. 170–182.

³¹ См.: *Вебер М. И.* Невьянское восстание против большевистской власти в июне 1918 года. С. 5.

Другой фактор, повлиявший на динамику вступления в партию в этот период, был связан с Гражданской войной: в течение года, с июля 1918 г. по июль 1919 г., легальная деятельность большевистских партийных структур на Урале была прекращена. Почти все руководящие партийные и советские работники Екатеринбурга в июле 1918 г. вступили в образцовый коммунистический батальон им. И. В. Малышева³². Деятельность в условиях подполья, связанная с риском для жизни, не способствовала притоку в партию новых кадров.

Совершенно другая картина наблюдается в 1919–1920 гг., когда набор в партию новых членов приобрел массовый характер. В структуре Екатеринбургской партийной организации в 1922 г. 69,0 % ее членов получили партийный билет в 1919–1920 гг., в том числе 49,8 % – в 1919 г. и 19,99 % – в 1920 г. (см. табл. 4.4).

По сравнению с 1918 г., в 1919 г. число партийных «новобранцев» выросло более чем в четыре раза, преимущественно в результате проведения партийных недель. Свою роль в этом сыграло освобождение Екатеринбургской губернии от белогвардейцев в июле 1919 г., восстановление советской власти, в результате чего число желающих вступить в Коммунистическую партию резко возросло. Население, как это часто бывает, связывало с новой властью свои надежды на улучшение жизни, ожидало позитивных перемен, поэтому кредит доверия большевикам был высоким.

Кроме того, на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. было принято решение широко открыть двери в партию для рабочих, рабочей и крестьянской молодежи³³. Осенью 1919 г. в ходе проведения партийных недель в партию принимали всех желающих из числа рабочих и работниц, красноармейцев и матросов, крестьян и крестьянок. Перед организаторами массового набора в партию стояла задача довести численность РКП(б) до миллиона человек³⁴.

По своей сути данная акция преследовала военно-мобилизационную цель. Метод набора, который в документах нередко обозначался термином «вербовка», также был откровенно мобилизационным. В газетах печатались призывы: «Каждый рабочий член партии должен постараться завербовать одного-двух новых членов партии. Каждый коммунист, занятый на советской работе, за время партийной недели должен найти время побывать на той фабрике или заводе, где он работал раньше, чтобы завербовать там в партию одного или не-

³² См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 341.

³³ См.: Восьмой съезд РКП(б) : протоколы. С. 423.

³⁴ См.: О партийной неделе // Восьмая конференция РКП(б) : протоколы. М., 1934. С. 233–235.

скольких новых членов партии»³⁵. Оценивая значение кампании, член ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский в докладе на VIII партийной конференции в декабре 1919 г. отметил: «Партийная неделя дала новых рядовых работников <...>, так что во время последнего наступления Деникина и Юденича мы смогли двинуть <...> сотни и тысячи рядовых членов партии – прекрасных красноармейцев»³⁶.

Таким образом, решение ЦК о проведении партийных недель было обусловлено сложной военно-политической ситуацией, в которой большевики оказались летом и осенью 1919 г., когда Деникин начал наступление на Москву, а к Петрограду подходили войска Юденича. Большевистские лидеры хотели расширить социальную базу режима, а также привлечь в РКП(б) новые силы, которые можно было мобилизовать на фронт. В связи с этим для новобранцев максимально упростили условия вступления в партию: отменили обязательные письменные рекомендации от двух членов партии, разрешили коллективный прием. По мнению партийных руководителей, в этот период в партию шли не по расчету, а по убеждению, поскольку, по выражению Н. И. Бухарина, «членский билет нашей партии и является штемпелем для кандидата на деникинскую виселицу»³⁷. В. И. Ленин называл новых коммунистов «лучшими и надежнейшими кадрами руководителей революционного пролетариата и неэксплуататорской части крестьянства»³⁸, хотя спектр мотивов вступления в партию мог быть достаточно широким – от искреннего желания участвовать в реализации коммунистических идей справедливого устройства общества до сугубо прагматических целей – стремления быстро и безболезненно интегрироваться в новую социально-политическую систему (конформизм), желания сделать карьеру в новых условиях со всеми вытекающими социальными и материальными выгодами (карьеризм), иными корыстными целями.

На Урале летом 1919 г. положение большевиков укрепилось, политический контроль над территорией был установлен. РКП(б) по сути стала «партией власти», что неизбежно притягивало к ней всех тех, кто хотел встроиться в новые условия жизни. На Урале партийная неделя была проведена в октябре-ноябре 1919 г. За это время здесь в РКП(б) вступило 42 тыс. рабочих, крестьян и красноармейцев. Екатеринбургская губерния оказалась одним из лидеров в РСФСР по числу принятых в партию новых членов. Она находилась на первом месте

³⁵ Известия ЦК РКП(б). 1919. № 6.

³⁶ Восьмая конференция РКП(б). С. 28.

³⁷ Там же. С. 158.

³⁸ Ленин В. И. Государство рабочих и партийная неделя // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 231.

среди 21 губернии, сведения о которой имелись в ЦК в марте 1920 г. В ходе партийной недели в Екатеринбургской губернии (без Екатеринбурга) в ряды Коммунистической партии приняли 13 625 чел.³⁹, большая часть новых членов была сразу же направлена на фронт⁴⁰.

В 1920 г. наблюдается снижение темпов роста партийных рядов. По Екатеринбургской губернии доля тех, кто вступил в РКП(б), оказалась почти в два раза меньше в сравнении с предшествующим годом. Она составила 20,2 % от общего числа губернских коммунистов, состоящих на учете в 1922 г.⁴¹ Причин сокращения приема было несколько, среди них нельзя исключить разочарование рабочих и крестьян, связанное с политикой военного коммунизма: постоянные реквизиции, введение карточной системы, произвол властных структур и их неспособность навести элементарный порядок в губернии отталкивали многих. Кроме того, были ужесточены требования к вступающим в партию. В декабре 1919 г. на VIII партконференции был принят новый Устав, который официально вводил кандидатский стаж. Он применялся с 1918 г. для проверки будущего члена партии⁴², в новых условиях институт кандидатов стал выполнять функцию социального фильтра, чтобы не пропускать в партийные ряды случайных и нежелательных лиц. Вступающие в партию обязаны были также предоставить рекомендации от членов партии⁴³. Несмотря на эти обстоятельства, коммунисты, вступившие в партию в 1919 и 1920 гг., составляли в 1922 г. 2/3 губернской парторганизации (67,9 %).

В 1921 г. число вступивших в РКП(б) в губернии еще более снизилось – по сравнению с 1920 г. в 2,6 раза – и составило всего 7,6 % от общего числа членов партии⁴⁴. Забастовки рабочих в городах, Кронштадтский мятеж, восстания крестьян в Центральной России, на Урале и в Сибири свидетельствовали о кризисе власти. Уральский регион находился в тисках экономической разрухи – массовый голод, развал промышленности и, как следствие, безработица. Металлургические заводы работали время от времени, объемы производства снижались, кризис переживали и другие отрасли промышленности. Руководители

³⁹ Результаты проведения партийной недели, состоявшейся в октябре-декабре 1919 г. // *Восьмая конференция РКП(б)*. С. 243. Таким образом, в результате партийной недели 1919 г. в губернскую парторганизацию было принято больше коммунистов, чем их осталось во всей парторганизации к началу партпереписи 1922 г. – 12 757 чел.

⁴⁰ См.: *Очерки истории коммунистических организаций Урала*. Т. 1. С. 362.

⁴¹ См.: *Всероссийская перепись членов РКП 1922 года*. Вып. 2. С. 7.

⁴² См.: *Обичкин О. Г.* Краткий очерк истории Устава КПСС. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 54.

⁴³ См.: В. И. Ленин, КПСС об организационно-партийной работе: в 4 т. М., 1985. Т. 1. С. 80.

⁴⁴ См.: *Всероссийская перепись членов РКП 1922 года*. Вып. 2. С. 7.

Екатеринбургского губкома отмечали: «Само собой понятно, что <...> рабочий, который не получает по два месяца жалования, ругает Советскую власть во все корки»⁴⁵. К апрелю 1922 г. в губернии голодало 652 896 чел., что составляло более 50 % населения⁴⁶.

Росло недовольство крестьян. В связи с неуражаем 1921 г., продразверткой и иными налогами в пользу государства фактическое изъятие зерна с валового сбора хлебов составило в Челябинской губернии 61 %, в Уфимской – 37,3 %, Екатеринбургской – 34,2 % и Пермской – 19,5 %⁴⁷. Такие действия пролетарской власти в отношении крестьянства отталкивали от нее не только середняков, но и беднейшие слои. И. Н. Нарский отмечает, что поддержка крестьянской бедноты советской властью имела декларативный характер: «После завершения сбора продразвертки 1920 г., зимой 1920/1921 гг. местные власти отпускали хлеб только для сеющего населения <...>. Социально слабая часть деревни была брошена на произвол судьбы»⁴⁸. Отношение крестьян к Коммунистической партии было откровенно «недоброжелательным», так как именно на нее возлагалась основная вина за «критическое положение переживаемого момента»⁴⁹.

С началом новой экономической политики партийное руководство предприняло меры по усилению политического контроля в стране, что отразилось и на самой партии. Экономические уступки крестьянству и мелкой буржуазии необходимо было компенсировать укреплением «пролетарского» ядра партии. На X съезде РКП(б) было принято решение об «усилении партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищени[я] партии от некоммунистических элементов»⁵⁰. На практике это отразилось на приеме в партию крестьянства. Если до этого кандидатский стаж крестьян равнялся стажу рабочих и составлял два месяца, то теперь он увеличивался до года⁵¹. Цели укрепления рядов партии служила и генеральная чистка, решение о проведении которой также было принято на партийном съезде. Она продолжалась до конца 1921 г., на период ее проведения прием в партию был приостановлен⁵².

⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 93. Л. 94.

⁴⁶ См.: *Каракулов Д. В.* Голод 1921–1922 гг. на Урале. С. 15.

⁴⁷ См.: Там же. С. 14.

⁴⁸ *Нарский И. Н.* Жизнь в катастрофе. С. 293.

⁴⁹ *Воробьев С. В.* Местная власть в глазах населения Урала в первые годы нэпа // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 11–12 мая 2017 года. Екатеринбург, 2017. С. 204.

⁵⁰ В. И. Ленин, КПСС об организационно-партийной работе. Т. 1. С. 93.

⁵¹ См.: Там же.

⁵² См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. С. 28.

На фоне снижения притока в РКП(б) новых членов заметной становится обратная тенденция – выход из партии. Данный процесс захватил жизненно важные для большевистской партии социальные слои и институты: горожан, рабочих, армию. Многие коммунисты покидали ряды партии по экономическим причинам, поскольку голод и разруха требовали сосредоточения всех сил на поисках заработка и попытках прокормить свою семью. Для выполнения партийных обязанностей просто не хватало сил и времени. Ответственные работники губкома отмечали, что «из партии выходит не только наиболее отсталый, стоящий на низком культурном уровне элемент, но и испытанные в гражданской войне товарищи, теперь обзаведшиеся своим хозяйством, а следовательно, и заразившиеся собственнической психологией хозяина, которые... все более и более отходят от тех истин и идей, за которые они в прошлом жертвовали собой»⁵³. Наблюдается также выход из партии по политическим причинам, в том числе в связи с неприятием частью коммунистов новой экономической политики. Один из инструкторов губкома так описывал настроение, царившее в Артинской парторганизации в 1922 г.: «Отношение к нэп[у] в организации отрицательное, и до сих пор партийная публика не может согласиться “с народившимися купцами”»⁵⁴.

К тому же часть партийной верхушки в условиях нэпа оказалась подверженной соблазнам «красивой жизни», что на фоне голода и тяжелой экономической ситуации на Урале способствовало нарастанию напряжения между партийными «верхами» и «низами». Рядовые коммунисты обвиняли партийное руководство в неспособности, а в ряде случаев и в нежелании воздействовать на хозяйственников и нэпманов, говорили о классовой ненависти, возникающей у них по отношению к местному партийно-государственному руководству, и в знак протеста стали выходить из рядов РКП(б)⁵⁵.

Для многих губернских коммунистов в условиях сложной социально-экономической ситуации начала 1920-х гг. и введения нэпа экономическое благополучие становится значимым мотивом. Вот как описывали эту ситуацию партийные органы: «Товарищи, посланные в уезды и не заинтересованные в том, чтобы выгораживать местных работников, рассказывают, как эти ответственные работники устроились с коровами, козами, посевами и т. д. и т. п. Всякое понимание того, что можно и чего нельзя коммунисту совершенно отсутствует...

⁵³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Л. 4.

⁵⁵ Воробьев С. В. Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е гг. // Вестн. Перм. гос. ун-та. 2014. № 2 (25). С. 66 (Сер. История).

Зарегистрирован случай, когда председатель одного из райкомов металлистов (бывш[ий] предупробюро) добивался получить корову. Когда его спрашивали, что он будет делать с молоком, тогда как вся его семья состоит из одной жены, он спокойно ответил – конечно буду торговать»⁵⁶. Простые обыватели отмечали: «В партии этой много примазавшихся, которые обделявают здесь свои личные делишки, много хороших людей, но не знающих жизни, истинно же сознательных борцов мало»⁵⁷.

По мнению И. Н. Нарского, в Коммунистической партии «продолжали преобладать малограмотные и некомпетентные искатели должностей, материального благополучия»⁵⁸. Этот вывод находит подтверждение в материалах переписи. В табл. 4.6 приведены данные, характеризующие прямо пропорциональную зависимость возраста членов партии от их партийного стажа.

В 1918–1922 гг. в РКП(б) фактически произошла смена поколений: «старая гвардия» с подпольным прошлым постепенно уступает место молодежи от 15 до 30 лет, удельный вес которой в составе партии в 1922 г. достиг 46,17 %. Их отличительной чертой был низкий уровень образования⁵⁹. Подавляющее большинство коммунистов нового набора имели начальное образование, 6,58 % были неграмотными.

Следует отметить еще один момент: жизненный опыт «новых» партийцев был специфическим, он сформировался в условиях Гражданской войны, что накладывало отпечаток на их поведение и сознание.

Процесс преобразования нелегальной боевой партийной организации, по умолчанию немногочисленной, в массовую правящую партию был противоречивым и привел фактически к полному обновлению состава партии: по данным партийной переписи 1922 г. 2/3 членов партии в губернии находились в ее рядах от 2 до 5 лет (71,18 %), т. е. вступили в нее уже после прихода Компартии к власти – в период Революции и Гражданской войны. Вторую по численности группу составляли партийцы со стажем пребывания в рядах партии до 2 лет – 24,96 %. Лишь 1,5 % губернских коммунистов имели дореволюционный партийный стаж, и их влияние в партии с течением времени все более снижалось.

⁵⁶ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 78. Л. 74.

⁵⁷ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 43.

⁵⁸ Нарский И. Н. Жизнь в катастрофе. С. 461.

⁵⁹ Табл. 4.5 демонстрирует обратную пропорциональную зависимость партийного стажа и образования.

Таблица 4.6

**Распределение членов РКП(б) Екатеринбургской организации в 1922 г.
по партийному стажу и возрасту, %***

С какого года в партии	Возраст членов РКП(б), лет											Итого	
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-64	Нет сведений		
До 1905	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,19	0,19	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,39
1906-1916	0,00	0,00	0,00	0,77	0,97	0,39	0,39	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	2,13
1917	0,00	0,97	3,09	1,74	2,13	0,58	0,39	0,19	0,00	0,00	0,00	0,00	9,09
1918	0,19	1,93	3,68	2,71	2,13	1,16	0,19	0,39	0,19	0,00	0,00	0,00	12,57
1919	1,16	8,90	11,03	10,25	7,93	4,06	4,45	0,97	0,19	0,39	0,19	0,00	49,52
1920	0,97	4,26	5,22	3,09	2,13	1,74	0,77	0,19	0,19	0,00	0,00	0,00	18,57
1921	0,39	1,16	0,77	0,97	0,39	0,77	0,19	0,00	0,19	0,00	0,00	0,00	4,84
1922	0,39	0,00	0,58	0,00	0,19	0,00	0,39	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	1,55
Нет сведений	0,00	0,00	0,00	0,58	0,00	0,19	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,58	1,35
Всего:	3,09	17,21	24,37	20,12	15,86	9,09	6,58	1,74	0,77	0,39	0,19	0,00	100,00

* Составлено на основе случайной выборки из 517 анкет материалов Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Анализируя вопрос смены поколений, важно уточнить, насколько этот процесс был естественным или регулируемым и кто был заинтересован в этом. Следует учитывать, что отношение партии к «старикам» и «молодым» было одним из направлений сталинской кадровой политики в 1922–1923 гг., ознаменовав начало кадровой революции.

Уже в ходе партийной чистки, проводившейся осенью 1921 г., стало очевидным, что численность партийной прослойки с дореволюционным стажем крайне мала. На декабрьской партконференции в 1921 г. был взят курс на укрепление партийных органов «старыми» партийцами и рабочими. При этом особое внимание уделялось составу секретарей губкомов и укомов. Для работы в губкоме рекомендовалось выдвигать большевиков с дореволюционным, а для укомов – с 3-летним партийным стажем. Конференция призвала создавать кадры профессионалов, организаторов и пропагандистов, а в отношении всего партаппарата рекомендовала повысить его качественный состав.

Таким образом, в тот период преобладала установка на укрепление руководящего аппарата партии, профсоюзов и хозяйственных организаций «старыми» большевиками-подпольщиками, которые возглавили партийные, советские, хозяйственные органы губернского уровня.

Но уже в 1923 г. на XII съезде РКП(б) И. В. Сталиным был поднят вопрос о необходимости омоложения руководящих кадров. В Организационном отчете ЦК он отметил: «то ядро внутри ЦК, которое сильно выросло в деле руководства, становится старым, ему нужна смена. Вам известно состояние здоровья Владимира Ильича. Вы знаете, что и остальные члены основного ядра ЦК достаточно поизносились. А новой смены еще нет – вот в чем беда. Создавать руководителей партии очень трудно: для этого нужны годы, 5–10 лет, более 10-ти. Гораздо легче завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии тов. Буденного, чем выковать 2–3-х руководителей из низов, могущих в будущем стать действительными руководителями страны. И пора подумать о том, чтобы выковать новую смену. Для этого есть одно средство – втянуть в работу ЦК новых, свежих работников и в ходе работ поднять их вверх, поднять наиболее способных и независимых, имеющих головы на плечах. ...Только выбрав в ЦК новых товарищей, дав им испытать всю тяжесть руководства, мы можем добиться выработки столь необходимой для нас при настоящем положении вещей смены. Вот почему я полагаю, что было бы глубочайшей ошибкой со стороны съезда, если бы он не согласился с предложением ЦК о рас-

ширении его, по крайней мере, до 40 человек»⁶⁰. В качестве практической меры он предложил организовать при ЦК школу секретарей уездных парткомов, куда привлечь 200–300 человек молодежи.

Это предложение вошло в резолюцию съезда по организационному вопросу, где было особо подчеркнуто: «сила партии будет заключаться в том, что именно ей удастся установить непрерывную связь между подрастающей молодежью и старым поколением революционеров, объединяя в рядах все, что есть жизнеспособного среди революционеров обоих поколений»⁶¹. Благодаря «деятельной помощ[и] со стороны старых членов партии в деле подготовки к работе молодого поколения коммунистов будет достигнуто уничтожение в корне каких бы то ни было трений между различными возрастными группами внутри партии»⁶². Таким образом, вопрос смены поколений в руководстве партии и государственном аппарате был поставлен в повестку дня и стал последовательно решаться. Уже через год доля «старых» большевиков в партийных и советских управленческих структурах начала сокращаться (табл. 4.7).

Таблица 4.7

**Удельный вес большевиков с дореволюционным стажем
(«подпольников») в центральных и местных органах
управления, %***

Категория руководителей	«Подпольники»	
	к XII съезду (1923)	к XIII съезду (1924)
Члены коллегий наркоматов	50,0	45,6
Руководящие работники:		
– центральных учреждений	29,0	27,6
– местных учреждений	22,0	19,0
– в целом	24,0	22,0

* Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. М., [б. г.] С. 34 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/staff%20/?id=3853> (дата обращения: 23.11.2018).

А в целом сопоставление данных о «старых» и «новых» коммунистах среди работников руководящих органов в 1924 г. свидетельствует о том, что на губернском уровне процесс обновления кадров на губернском уровне практически завершился (табл. 4.8).

⁶⁰ Сталин И. Организационный отчет ЦК РКП(б) // Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года : стеногр. отчет. М., 1968. С. 68.

⁶¹ Цит. по: Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский. М.; Л., 1931. С. 45–46.

⁶² Там же.

Таблица 4.8

Соотношение «старых» и «новых» большевиков в руководящих партийных и советских органах в 1924 г., %*

Партийные и советские органы	«Подпольников»	«Неподпольников»
ЦК РКП(б)	100	–
СНК	100	–
ЦКК РКИ(б)	94	6
Президиум ЦИК	81	19
Секретари ГК	71	29
Президиум ВЦИК	62,5	37,5
Члены коллегий наркоматов	45,6	54,1
Начальники управлений и отделов центральных учреждений	39	61
Председатели ГСПС	28	72
Зав. орготделами ГК и ОК	31	69
Учтенные ЦК работники центральных учреждений	28	72
Секретари УК	26	74
Зав. губернскими отделами труда	20	80
Учтенные ЦК работники местных учреждений	19	81

* Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 34.

Соотношение «старых» и «новых» большевиков в руководящих кадрах партийных и советских органов оценивалось учетными органами как «нормальное», «обеспечивающее партвлиание на самых ответственных и важных постах, и в то же время дающее в целом значительное преобладание, до 75 %, молодым в смысле партстажа»⁶³. И далее делался вывод: «Цифровые данные показывают, что партия вовлекла в активную работу губернского и даже центрального масштаба не только работников в возрасте от 35–40 лет, но <...> и молодых работников до 25 лет: так, например, среди всех учетных ответственных работников губернских и центральных учреждений имеем

⁶³ Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 35.

работников до 25 лет – 8,0 %. Процент этот значительно меняется по отдельным группам, доходя в партийной отрасли, т. е. выборной, до 11,5 % и падая среди промышленной, где требуется определенный опыт, знания и стаж, до 2 %. Среди работников местных губернских учреждений работники отдельных возрастных групп расположены также более или менее равномерно, в частности, работники до 25 лет составляют от 5 % до 4 % в отдельных районах, за исключением национальных и автономных республик и областей, где процент их гораздо выше, доходя до 7 %»⁶⁴.

Помимо «омоложения» руководящих кадров были предприняты шаги по «улучшению» качественного состава местных партийных организаций путем направления туда партийных работников из вышестоящих организаций: работников ЦК направляли в губкомы и укомы, те, в свою очередь, направляли своих представителей в волостные и сельские организации. Только в промежутке между XII и XIII съездами ЦК было откомандировано на места 967 человек, из них на партийно-организационную работу послано 494 чел. (51,1 %), а на пропагандистско-воспитательную работу направлено 473 (48,9 %). В число откомандированных попали 19,3 % (187 чел.) с дореволюционным партийным стажем, 18,8 % вступили в партию в 1917 г., 36,8 % – в 1918–1929 гг. и 25,1 % – в 1920 г. и позже. Помимо «цекистов» на работу в регионы направлялись сотрудники центральных учреждений и вузов, последние в общей сложности составили 41,1 % от общего числа посланных на места работников⁶⁵. Среди откомандированных ЦК для ответственной работы в губернских парторганах преобладали рабочие и «старые» партийцы. В течение 1924 г. в 17 губерниях было откомандировано для усиления партийной работы в уездные комитеты РКП(б) 371 чел.⁶⁶

Особое внимание уделялось уездным секретарям, которые рассматривались в качестве основного кадрового резерва. Они были взяты на особый учет. По данным учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б) из 248 секретарей укомов подпольный партийный стаж имели 25,7 %, с 1917 г. (дооктябрьский стаж) – 27,5 %; с ноября 1917 г. – 37,9 %, с 1920 г. и позднее – 8,9 %. По социальному происхождению преобладали рабочие – 50,0 %, далее шли служащие – 37,1 % и крестьяне – 12,9 %⁶⁷. Опора на уездных секретарей оказалась тактически правильным решением. Сформировав новое ЦК и открыв возможности для быстрого перемещения ответственных работников уездного

⁶⁴ Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 35.

⁶⁵ См.: Там же. С. 43.

⁶⁶ См.: Там же.

⁶⁷ См.: Там же. С. 52.

уровня, Сталин укрепил свои позиции и снизил влияние «старых» большевиков на партийную жизнь. Приученные к жесткой партийной дисциплине «подпольники» шли туда, куда их направляла партия, постепенно рассеиваясь и теряя свое влияние.

4.3. Партийные профессии и партийная работа

Обновление партийного аппарата и массовизация рядов РКП(б) в 1917–1920 гг. сопровождалась противоречивыми процессами, которые были связаны:

– во-первых, с *депрофессионализацией партийной работы* и ее рядовых членов, разрастанием того слоя партийцев, которых Ленин называл «балластом»;

– во-вторых, с *изменением целей и задач партийной работы*, нацеленных на реализацию властных функций, а также с возрастанием роли партии как организатора и пропагандиста задач социалистического строительства.

Понятие «профессиональный революционер», распространенное в дореволюционный период, еще встречается в переписи 1922 г., но скорее как память о прошлом. Коммунисты с дореволюционным стажем и опытом подпольной работы нередко называли себя профессионалами (см. табл. 4.7). И это были не красивые слова, партийная работа становилась для них жизнью и профессией.

Предпосылки профессионализации были заложены на II съезде РСДРП в 1903 г., когда разгорелся спор вокруг пункта Устава РСДРП о том, кто может быть членом партии. В. И. Ленин был сторонником «активного» членства, предусматривающего «личное участие» в партийной работе организации⁶⁸. В прениях на II съезде РСДРП он заявлял, что «лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»⁶⁹. Несмотря на то, что в Устав вошла более мягкая формулировка, предложенная Ю. О. Мартовым и допускавшая «пассивное» членство в партии (признание программы партии, уплата членских взносов)⁷⁰, это положение стало одной из причин раскола партии на большевиков

⁶⁸ Ленин В. И. Проект Устава РСДРП // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 257.

⁶⁹ Ленин В. И. Речи и выступления при обсуждении Устава партии 2 (15) августа // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 290.

⁷⁰ См.: Организационный устав Российской социал-демократической рабочей партии, принятый на Втором съезде. [Б. м.], 1903. С. 2.

и меньшевиков. Каждый член большевистской партиячейки имел свои обязанности и специализацию, выполняя определенные функции (организатора, агитатора, пропагандиста, секретаря, председателя/руководителя, боевика или техника). При распределении партийных обязанностей учитывались склонности члена партии, его организационные навыки, умение «зажигать» аудиторию или проявить силу в столкновении с полицией. В этом смысле ячейка представляла собой группу профессиональных революционеров с четким разделением обязанностей и специализацией.

Формирование номенклатуры партийных профессий относится ко времени межреволюционного затишья (1907–1916), которое рассматривалось как период подготовки к грядущим боям, где каждый должен был сыграть свою роль. С этой целью ЦК создал систему профессиональной подготовки партийных кадров. Речь идет о школах для боевиков, кружках для пропагандистов и т. д.

После прихода к власти большевиков эти партийные роли сохранились, но наполнились новым содержанием. Принятый в 1919 г. новый Устав РКП(б) включал обновленный пункт о членстве, который содержал следующие основные положения:

- 1) член партии должен был признавать Программу партии;
- 2) входить в одну из ее организаций;
- 3) подчиняться постановлениям партии;
- 4) уплачивать членские взносы.

Таким образом, требование обязательного участия в работе ячейки было «спрятано» за обязательством подчиняться постановлениям партии, которые ориентировали основной рядовой состав партии на реализацию задач пропаганды и агитации.

В материалах партийной переписи 1922 г. нашли отражение все партийные «профессии» (табл. 4.9), но их как партийную нагрузку выполняла только 1/3 членов партии (30 %), нередко совмещая сразу несколько видов деятельности: агитатора, организатора, члена парткома и т. д. Большинство членов партии (70 %) указаны просто «рядовыми», без уточнения партийных обязанностей. И это свидетельствует о складывании новой ситуации – переходе от профессиональной революционной партии к массовой общественно-политической организации, где партийной работой профессионально занимался партийный аппарат (1/3 ее членов), а остальные – рядовые члены партии – несли общественную нагрузку.

Самыми массовыми партийными должностями были секретарь ячейки и член партийного комитета/бюро, что во многом определялось частотой их ротаций в соответствии с Уставом (перевыборы

проходили каждый месяц на собрании ячейки). Кроме того, попадая в актив, коммунист имел все шансы на дальнейшее повышение, и секретарские обязанности часто были первой ступенькой в партийной карьере. Агитаторы и пропагандисты в партийной организации составляли 8,01 %. Организаторы, среди которых особо выделялись организаторы по работе с женщинами, молодежью и крестьянами, составляли примерно такую же долю – 8,43 %. Боевики и техники – наследие подпольного периода партийной организации – насчитывали соответственно 0,52 и 0,85 %.

Таблица 4.9

Распределение членов партии Екатеринбургской губернии по выполняемым функциям в партийной организации в 1922 г.

Род деятельности	Всего, чел.	Удельный вес, %
Агитатор	451	5,37
Пропагандист	222	2,64
Боевик	44	0,52
Организатор	708	8,43
Рядовой член/без нагрузки	6 491/5 882	77,26/70,00
Профессионал	57	0,68
Член парткома/бюро	948	11,28
Секретарь	1 043	12,41
Техник	71	0,85
Нет данных	116	1,38
Всего:	8 402	100

* Составлено на основе выборки из 8 402 анкет материалов Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Вызывают интерес изменение функций в рамках партийных профессий и особенности их трансформации в разнovidность общественной партийной работы (нагрузки).

В дореволюционный период *организатор* отвечал за создание новых ячеек, организацию выступлений рабочих (стачки, демонстрации), координацию действий агитаторов. В организаторы попадали, как правило, лица, обладающие теоретической подготовкой, организаторскими способностями и владеющие искусством конспирации, которая была необходима в условиях нелегальной работы.

Партийные работники Екатеринбургской губернии. Крайний слева М. Н. Лукоянов, крайний справа В. К. Киляков. 1920-е гг. (ЦДООСО, ф. 221, оп. 3, д. 447, л. 6 об.)

После установления советской власти функции партийных организаторов РКП(б) несколько изменились. В период Революции и Гражданской войны организаторская работа была направлена на партийное строительство, а также на «работу с массами» через различные общественные организации: женсоветы, комсомол, кооперацию, профсоюзы и пр. Партийные организаторы стали одним из источников формирования партийной номенклатуры – ответственных работников, назначаемых вышестоящим партийным органом для реализации решений партии на местах. В 1934 г. в Уставе официально была учреждена должность партийного организатора (парторга), которая вводилась для крупных партийных организаций (заводских, колхозных), структура которых дробилась на партийные группы. Их возглавляли парторги, назначаемые парткомом. Для подготовки парторгов в 1936 г. была создана Высшая школа партийных организаторов при ЦК ВКП(б). Таким образом, должность партийного организатора (парторга) превратилась в разновидность должности секретаря.

Функции *агитатора* первоначально определялись задачами привлечения рабочих, крестьян, солдат к революционной борьбе, разъяснения программы партии, ее лозунгов. Для них был очень важен талант оратора. После победы большевиков в октябре 1917 г. агита-

ция стала самым массовым видом партийной нагрузки. Потенциально каждый член партии являлся агитатором, пропагандируя решения партии и неся их в массы. Эти задачи получили отражение в инструкции «Обязательства и обязанности агитатора», подготовленной в 1918 г. агитационным отделом Петроградского комитета РКП(б) для членов партии, работающих в провинции⁷¹.

Инструкция представляет собой своеобразное методическое пособие для подготовки агитаторов и включает несколько разделов: памятка агитатора; обязанности агитатора; план работы агитатора ЦИК; обязанности руководителя группы; общие положения для руководства агитаторам и пропагандистам.

Первый раздел содержал советы, как готовиться к выступлению, как выступать, рекомендации по управлению аудиторией. Например, «громко не кричи...»; «говори простыми народными словами...», «приводи в своей речи побольше примеров...», «никогда не говори слишком долго...», «внимательно прислушивайся и присматривайся к слушателям...» и прочие ораторские секреты.

Основной обязанностью агитатора была «работа по упрочению советской власти на местах, содействие организации трудового крестьянства, пропаганда идей трудовой революции и освещение текущих событий с точки зрения ЦИК»⁷². Далее в инструкции были изложены план работы агитаторов ЦИК, алгоритм их действий на местах и распределение задач. В разделе «Общие положения для руководства агитаторам и пропагандистам» отмечена их обязанность вести пропаганду коммунистических идей не только на официальных мероприятиях, но и всюду, где слышны враждебные высказывания.

В инструкции были выделены разделы с рекомендациями, как отвечать на «сложные вопросы», которые часто задавали на собраниях и митингах. К ним относились вопросы о рабочих стачках и забастовках; злоупотреблениях власти (комиссародержавие); продовольственном вопросе.

Стачки и забастовки, бывшие до революции основной средой работы агитаторов, в условиях советской власти оценивались как «разрушительные методы борьбы» и «преступление против общества»⁷³. Злоупотребление властью комиссарами комментировалось как наследие старого режима, характерное для бывших чиновников и перерожденцев, которых следует разоблачать, но сам институт комиссаров

⁷¹ См.: *Липянина М. А.* Обязательства и обязанности агитатора. 1918 г. // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина.* 2010. № 1. С. 101–110 (Сер. История).

⁷² Там же. С. 107.

⁷³ Там же. С. 109.

следует защищать, так как он необходим для наведения порядка в обществе и укрепления дисциплины. Сложнее всего агитаторам было объяснить продовольственные проблемы и запрет свободной торговли. Аргументация, предложенная в инструкции, сводилась к совету рассказать о продовольственном кризисе за рубежом, а также необходимости обосновать запрет свободной торговли стихийностью рынка, который не учитывает реальные запросы общества. Основным путем решения продовольственной проблемы, предложенный в инструкции – это борьба с дезорганизацией производства, хищениями при перевозке и распределении и собственной недисциплинированностью. Таким образом, тактика ответа на неудобные вопросы сводилась к переклещению внимания на внешние обстоятельства и формированию образа врага.

Фигура агитатора на протяжении всего раннесоветского периода оставалась знаковой. Каждый член партии обязан был нести коммунистическую идею в массы, его главными задачами было убеждение народа в правильности политики партии и разъяснение партийных лозунгов. Особую роль агитаторы сыграли в годы коллективизации, уговаривая крестьян вступать в колхозы. По этому поводу И. В. Сталин писал: «Одно из самых замечательных завоеваний колхозного движения состоит в том, что оно уже успело выдвинуть тысячи организаторов и десятки тысяч агитаторов колхозного дела из самих крестьян»⁷⁴. В полуграмотной стране, где чтение газет еще не стало привычкой, агитатор занимал ключевое положение в пропагандистской машине.

Пропагандисты первоначально реализовывали несколько другие задачи, обеспечивая агитаторов текстами. Они составляли листовки, формулировали лозунги, писали статьи в партийные газеты, готовили инструкции и постановления. Для этого требовалось образование, нередко высшее, и владение пером. Это были идеологи партии.

Еще в 1902 г. В. И. Ленин предложил образовать при каждом заводском комитете РСДРП специализированные группы и кружки для распространения и чтения нелегальной литературы, кружки для слежения за шпионами, для руководства профсоюзами, кружки агитаторов и пропагандистов, «умеющих начинать разговоры и долго вести их вполне легально... с тем, чтобы говорить безопасно и публично, чтобы разведывать людей и нащупывать почву и т. д.»⁷⁵ Он лично встречался с пропагандистами, проводил с ними беседы и инструктирование, вел обширную переписку. Сохранилось письмо С. Моноско-

⁷⁴ Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 334.

⁷⁵ Ленин В. И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 1–32.

на к В. И. Ленину от 20 января 1905 г. с просьбой составить и прислать план занятий в кружках, указать общий план речей на массовках, литературу по вопросам развития аграрных отношений, профессионального движения, всеобщей стачки и др.⁷⁶

Большевики создали достаточно стройную и эффективную систему пропаганды, в основе которой лежал принцип централизма. Руководство и координацию всей идеологической работы РСДРП осуществлял ее Центральный Комитет, при котором была образована лекторская коллегия, занимавшаяся вопросами пропаганды и подготовки кадров пропагандистов для региональных отделений партии. На региональном уровне при партийных комитетах создавались пропагандистские коллегии, в районных комитетах РСДРП(б) – районные пропагандистско-агитационные коллегии, на заводах – агитаторские и пропагандистские группы.

Основной формой организации пропагандистской работы были коллегии. В их задачи входили: организация и руководство всей пропагандой и агитацией; контроль за деятельностью пропагандистов; определение наиболее эффективных форм устной и печатной пропаганды и их организация; подготовка кадров пропагандистов; создание партийных школ, пропагандистских кружков и групп; разработка программ, тематики агитационных речей, рефератов. В обязанности пропагандистской группы входило следующее: разработка программы для пропагандистских кружков низшего, среднего и высшего типов; распределение между членами группы работы по пропаганде; подготовка кадров пропагандистов из рабочей среды.

Например, при Петербургском комитете РСДРП в 1903 г. работали пропагандистская коллегия и пропагандистская группа, насчитывавшая 60 человек. Ее возглавлял ответственный пропагандист, входящий в состав комитета. Ответственные пропагандисты были и в райкомах города. Собрания районных пропагандистов проходили еженедельно. Примерно так же была организована работа и в других крупных российских комитетах РСДРП (в Москве, Баку, Одессе).

На низовом уровне – в заводских комитетах или местных организациях – обязательно назначался организатор пропаганды, который создавал пропагандистские кружки, подыскивал квартиры для занятий, следил за их проведением, выполнял функции организатора агитации, библиотекаря (заведующего библиотекой и складом нелегальной литературы), кассира. Систему пропагандистских коллегий и групп дополнял институт разъездных пропагандистов и агитаторов –

⁷⁶ См.: *Сокольский Л.* Опыт большевиков: пропаганда и агитация. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://work-way.com/blog/2013/01/25/opyt-bolshevikov-propaganda-i-agitac/> (дата обращения: 15.07.2018).

представителей Русского бюро ЦК и крупных областных комитетов РСДРП(б).

Если до победы Октябрьской революции пропагандисты отвечали за идеологию внутри партии, то в дальнейшем эта функция была распространена на весь государственный и партийный аппарат как одно из важнейших направлений государственного и партийного строительства, приобретя институциональный статус. В декабре 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б) был поднят вопрос об организации пропагандистской сети в масштабе всей страны. На IX съезде РКП(б) было решено создать агитационно-пропагандистский отдел в ЦК, в июне 1920 г. это решение было реализовано. Во главе нового отдела был поставлен Р. П. Катаян. По аналогии с ЦК агитпропотделы были созданы при губернских и уездных комитетах. Они занимались вопросами работы с национальными меньшинствами, а также агитационной техники, политической, производственной, агитации, антирелигиозной пропаганды, работой в деревне, школьным образованием и пр., подчиняя своему влиянию все направления деятельности парткомитетов. Дополнительно на основании Декрета СНК «О главном политико-просветительном комитете Республики» от 12 ноября 1920 г. был создан Главполитпросвет. Он был подчинен Реввоенсовету (РВС) Республики, его председателем стала Н. К. Крупская.

Фактически сложилась система, основанная на взаимодействии двух структур: агитпропа ЦК РКП(б) как стратегического органа пропаганды и Главполитпросвета при Наркомпросе – тактического органа, нацеленного на выполнение поставленных партией задач через систему школ, клубов, библиотек, привлекая к их решению комсомольские организации и агитбригады, культурно-просветительские отделы профсоюзов, политотделы Красной армии и др.

Пропаганда была важнейшим направлением государственной политики и нуждалась в расширении круга пропагандистов и агитаторов. Основной проблемой при реализации задач пропаганды был низкий уровень образования нового поколения коммунистов. Для обеспечения их идеологической подготовки была создана система партийного образования, охватывающая все уровни. Система партийных учебных заведений в разные годы включала Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, Институт красной профессуры, советско-партийные школы, курсы марксизма-ленинизма, курсы секретарей партийных организаций, кружки политграмоты и другие формы политической подготовки⁷⁷.

Таким образом, на рубеже 1920-х гг. работа с массами становится основной функцией коммуниста, однако с четким разделением на

⁷⁷ См., напр.: *Барткевич Л. Л.* Подготовка партийных кадров. Рига, 1980.

идеологов и исполнителей. Партийные вожди писали тексты, которые доводились до масс рядовыми членами партии.

В середине 1930-х гг. пропагандистская система претерпела некоторые изменения: в мае 1935 г. из состава агитпропа ЦК ВКП(б) были выделены отделы печати и издательств, партийной пропаганды и агитации, школ, науки, культурно-просветительной работы⁷⁸. Спустя три года отделы пропаганды и агитации и отделы печати были вновь объединены в Управлении пропаганды и агитации в составе ЦК ВКП(б), что обеспечивало более полный контроль над идеологической работой партийных органов. В составе каждой республиканской, краевой и областной парторганизации был организован соответствующий отдел пропаганды и агитации. «Новой Библией» для пропагандистов стал выпущенный в сентябре 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)», положивший начало цитатничеству как основному механизму пропаганды и агитации, ориентированному на «заучивание» провозглашенных истин⁷⁹.

Боевые дружины стали одной из легенд партийной истории. Не исключено, что потребность в них сохранялась в годы Гражданской войны, особенно в ситуациях подавления вооруженных выступлений против советской власти. До революции они выполняли особые функции, обеспечивая охрану объектов революционного подполья (типографий), мероприятий партии (митингов, стачек, забастовок), а при необходимости могли проводить боевые акции, связанные с добычей денежных средств, наказанием предателей, проведением террористических акций.

Появление боевых дружин в структуре РСДРП было непосредственно связано с Первой русской революцией (1905). К этому времени относится создание боевой технической группы при ЦК РСДРП, которая действовала под контролем большевистской фракции. Она занималась закупкой оружия за рубежом и переправкой его в Россию, созданием патронных мастерских и химических лабораторий. В ноябре 1906 г. представители группы провели Первую конференцию военных и боевых организаций в Таммерфорсе⁸⁰. В 1907 г. была организована школа в Куоккала, где обучали обращению со взрывчаткой, бомбами и оружием⁸¹. Боевые дружины включали не только бое-

⁷⁸ См.: История советской политической цензуры : док. и коммент. 1917–1993 / отв. сост. и руководитель творческого коллектива Т. М. Горяева М., 1997. С. 159.

⁷⁹ См.: Чогандарян М. Г. Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920–30-е гг. XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 181–183 (Сер. История. Исторические науки).

⁸⁰ См.: Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932.

⁸¹ Игнатьев А. Воспоминания организатора // Первая боевая организация большевиков, 1905–1907 гг. / сост. С. М. Познер. М. ; Л., 1934. С. 77–83.

виков, но и техников, способных изготовить бомбу и наладить работу нелегальной типографии.

Достаточно широкую известность среди социал-демократов приобрели уральские боевики, совершившие ряд дерзких акций: в 1906 г. екатеринбургские подпольщики изъяли шрифты из типографии «Уральская жизнь» и «Типографии Вельса»⁸². В 1907 г. во главе боевых отрядов народного вооружения встал М. Ефремов – будущий первый председатель Екатеринбургской губЧК. 1 октября 1908 г. Ефремов вместе с боевиком-революционером Константином Мячиным организовал ограбление почтовой кареты в Миассе, пополнив партийную кассу на 40 тыс. р.⁸³ О деятельности Уфимской организации боевиков оставил воспоминания И. Павлов, посчитавший своим долгом рассказать, «кем были эти старые большевики, подпольщики, ленинская “гвардия”, положившая начало нашей партии». Он так отвечает на свой вопрос: «Эти люди подполья твердо понимали, что до социализма им не дожить, что их удел – погибнуть в ссылке, на каторге, в тюрьме, а боевиков, как правило, ждал эшафот. И действительно, многие из них не дожили до Октябрьской Революции»⁸⁴.

Эволюция института боевиков в 1920-е гг. шла в нескольких направлениях:

1. *Всеобщая военизация членов партии*, которые по первому призыву должны были вместе с ЧОН (частями особого назначения) участвовать в подавлении любых акций, угрожающих советской власти, т. е. все становились боевиками. По мнению И. С. Сильченко, «части особого назначения фактически являлись партийными войсками, созданными для того, чтобы силовыми методами отстаивать интересы власти»⁸⁵. Обычным делом для коммуниста при проведении пропагандистских акций и агитационных мероприятий было ношение боевого оружия, что не могло не отразиться на их психологии. Факты «коммунистического» хулиганства получили достаточно широкое распространение в 1920-е гг. и особенно в условиях массовой коллективизации⁸⁶;

⁸² О роли боевых дружин в деятельности уральских социал-демократов в годы Первой русской революции см. также гл. 1.

⁸³ *Пушкарев И.* Боевик, каторжанин, мельник // «Знак» : интернет-газета. URL: https://www.znak.com/2017-12-20/k_100_letiyu_vchk_istoriya_pervogo_uralского_chekista_pereigravshego_lenina (дата обращения: 23.11.2018).

⁸⁴ Большевик, подпольщик, боевик : Воспоминания И. П. Павлова / сост. Е. Бурденков. М. ; СПб., 2015. С. 2.

⁸⁵ *Сильченко И. С.* Из истории формирования частей особого назначения Нижнетагильского уезда Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 422. С. 161–165.

⁸⁶ См., например, о «коммунистическом» хулиганстве: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169. Л. 140–141; *Исаев В. И.* Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2002. Т. 1. С. 63–70 (Сер. История, филология; вып. 3. История).

2. *Героизация и мифологизация боевых дружин*, которая сочеталась со стремлением оставить их подвиги в прошлом. Новую власть, в том числе партийную, вольница и отсутствие партийной дисциплины у боевиков совсем не привлекали. Поэтому во второй половине 1930-х гг. история боевых дружин постепенно предается забвению. Достаточно сказать, что в «Кратком курсе истории ВКП(б)» – сталинской версии партийной истории – сюжет о боевых дружинах присутствует только в связи с Революцией 1905 г. и Декабрьским вооруженным восстанием в Москве, где их создание объясняется исключительно необходимостью защиты рабочих: «Созданы были в ряде городов боевые дружины из рабочих, дружинников обучали владеть оружием»⁸⁷. Как отмечает Е. Бурденков: «Если при Сталине, который сам был одним из таких боевиков, темы еще хоть как-то можно было касаться, то после его смерти, с 1956 года, ее поставили под запрет»⁸⁸.

Таким образом, всеобщая военизация членов партии в 1920-е гг. сменилась их «разоружением» в 1930-е гг. и забвением прошлого боевых дружин. Они стали романтическим эпизодом партийной истории.

Представителями самой «перспективной» партийной профессии оказались *секретари*. Их полномочия эволюционировали от обычного ведения протоколов и выполнения организационных функций до основной руководящей партийной должности, цементирующей весь партийный аппарат сверху донизу.

Вплоть до 1922 г. секретари выполняли в партийных структурах преимущественно технические функции, отвечая за прием, учет, назначение членов партии. Они организовывали и вели все партийное делопроизводство, в том числе протоколы собраний. В их распоряжении находилась партийная печать как символ самостоятельности организации. Таким образом, до революции это была чисто техническая должность, которая специально не выделялась. Достаточно сказать, что в Уставе РСДРП 1903 г. должность секретаря не упоминается вообще.

Между тем, потребность в информационно-организационном обеспечении партийной работы существовала. Поэтому после II съезда РСДРП в структуре Центрального комитета было создано бюро, призванное руководить практической работой местных партийных организаций. Под названием «Русское бюро» оно просуществовало вплоть до 1917 г. В разное время в его состав входили видные деятели партии: Г. М. Кржижановский, Р. С. Землячка, Л. Б. Красин, А. А. Богданов, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, Е. Д. Стасова и др. В составе бюро

⁸⁷ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : крат. курс. М., 1951. С. 77–79.

⁸⁸ Цит. по: *Пушкарев И.* Боевик, каторжанин, мельник.

были созданы организаторская, техническая, финансово-интендантская, военная группы, исполнительная комиссия. После поражения Революции 1905 г. Русское бюро работало с перерывами и прекратило свое существование в 1917 г. в связи с избранием на VII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) нового ЦК, получившего легальный статус.

Таким образом, на всем протяжении периода нелегального существования организационная партийная работа была сосредоточена в ЦК и его структурах – Русском и Заграничном бюро.

Секретарские функции, связанные с ведением переписки и протоколов заседаний ЦК, распределялись между его членами. В частности, в 1904–1906 гг. их выполняла Е. Д. Стасова. Вспоминая об этом времени, она писала: «Быть секретарем в то время – это значило быть человеком “на все руки”. В мои обязанности входило: во-первых, прием товарищей и ответы на их вопросы по всем областям партийной деятельности, снабжение их литературой; во-вторых, ведение протоколов заседаний Центрального Комитета; в-третьих, размножение и рассылка всех директив ЦК; в-четвертых, финансы»⁸⁹. В 1917 г. ее опыт был вновь востребован – по поручению Шляпникова она организовала Секретариат бюро ЦК и с этого времени до IX съезда партии работала как секретарь ЦК сначала в Петрограде, а потом в Москве⁹⁰.

После Октябрьского переворота Секретариат ЦК возглавлял Я. М. Свердлов, затем в марте 1919 г. эту должность заняла Е. Д. Стасова. Состав Секретариата в 1919 г. включал «одного ответственного секретаря, члена Оргбюро и 5 технических секретарей из числа опытных партийных работников»⁹¹.

Объем работы Секретариата постоянно возрастал. Если в начале 1918 г. секретарь принимал в среднем около 10 посетителей в день и обрабатывал 1 402 единицы входящей и 2 386 исходящей корреспонденции в месяц, то в январе 1919 г. количество входящих документов выросло до 1 840 (Стасова отвечала на все письма), а исходящих снизилось до 461 (инструктивных – 182 письма), количество посетителей в январе составило 364 чел.⁹²

⁸⁹ Цит. по: Зеленов М. В. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1922 гг. // Вестн. Нижегород. ин-та управления. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://services.niu.ranepa.ru/nauka/wp-content/uploads/2012/07/СКЗ_08.pdf (дата обращения: 23.11.2018).

⁹⁰ Е. Д. Стасова // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://interpretive.ru/termin/stasova-elena-dmitrievna.html> (дата обращения: 23.11.2018).

⁹¹ По организационному вопросу // Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года : протоколы. С. 425.

⁹² См.: Зеленов М. В. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1922 гг.

Увеличение объемов работы неизбежно сопровождалось усложнением организационной структуры Секретариата. На VIII съезде РКП(б) (21 марта 1919 г.) была принята специальная резолюция «По организационному вопросу», в которой сообщалось о создании Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Секретарем ЦК была избрана Е. Д. Стасова. Был подготовлен проект «Организации исполнительного органа ЦК Секретариата», в рамках которого предполагалось создать отделы учета и распределения, связи и инструктирования, инспекции, пропаганды и агитации, информации, общий отдел (с общей канцелярией), архив документов и литературы, бухгалтерию, а также партийную школу высшего типа. Таким образом, структура и функции Секретариата были существенно расширены и вышли за рамки делопроизводственного подразделения ЦК. К концу года в составе Секретариата было 107 человек, а к IX съезду партии (март 1920 г.) в аппарате работало 150 человек.

Впоследствии Е. Д. Стасова так писала о своей работе в 1919 г.: «Обязанности секретаря были более чем разнообразны. Он был: управделами, заведующим особым сектором, заведующим Секретариатом, помощником секретаря в современном понятии, заведующим кадрами и, наконец, просто техническим секретарем. Кроме перечисленных обязанностей, секретарь ЦК вел все шифровальное дело ЦК, переписку с местными организациями, прием приезжих работников и посетителей. Ведение протоколов Оргбюро и пленарных заседаний ЦК тоже находилось в его руках. Он же был своеобразным снабженцем»⁹³.

Во второй половине 1919 г. Е. Д. Стасова по настоянию В. И. Ленина была введена в состав Политбюро. Однако вскоре она была потеснена на партийном олимпе Н. Н. Крестинским, который был утвержден 29 ноября 1919 г. на Пленуме ЦК секретарем ЦК. Он же выступил с организационным отчетом на IX съезде партии (март 1920 г.), по итогам которого вместо одного ответственного секретаря был избран Секретариат из трех человек: член Политбюро и Оргбюро ЦК Н. Н. Крестинский (одновременно нарком финансов), члены Оргбюро ЦК Е. А. Преображенский и Л. П. Серебряков. В октябре 1920 г. Крестинский говорил: «Из числа секретарей ответственный секретарь не выделен, а все работают на равных началах. С самого начала предполагалось, что работа будет распределена на три части. Первая часть – заведование пропагандой и агитацией, работой в деревне, работой среди женщин, среди молодежи и заведование национальным бюро. Вторая часть – учетно-распределительная работа, организационно-инструкторская, информация и управление делами»⁹⁴.

⁹³ Цит по: *Зеленов М. В.* Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП (б) – РКП(б) в 1917–1922 гг.

⁹⁴ Цит по: Там же.

Что это означало? Усложнение аппарата ЦК меняло функции секретаря ЦК. От него требовалось теперь не только выполнение технических задач – шифровать письма, контролировать расходы, но и уметь управлять большим количеством людей. Н. Н. Крестинский, обладавший опытом управления Наркоматом финансов, хорошо понимал это, создавая «секретарский триумвират».

На X съезде (март 1921 г.) работа Оргбюро ЦК подверглась резкой критике. С. К. Минин⁹⁵ в своей речи назвал Н. Н. Крестинского генеральным секретарем и дал весьма любопытную характеристику места и роли Оргбюро в структуре партии: «Он [Крестинский] является представителем Оргбюро, этого штаба нашей партии, создающего нашу партию, организующего ее, создающего ту самую партию, политическом руководителем которой в центре и на местах является наш Центральный Комитет»⁹⁶. Показательно, что Крестинский возразил в своем ответе Минину, что он не является генеральным секретарем, что такого в партии нет, есть три равноправных секретаря ЦК⁹⁷. Такой ответ свидетельствует о восприятии функций и задач Секретариата как коллегиального органа.

Однако критика не была случайной и привела к смене старого состава «триумвирата». Новыми секретарями ЦК и членами Оргбюро ЦК были выбраны В. М. Молотов, В. М. Михайлов и Е. М. Ярославский, ведущую роль в Секретариате ЦК в этот период играл Молотов – сторонник И. В. Сталина.

Так постепенно Секретариат из чисто технического органа стал превращаться в организационно-политическую структуру. С 20 марта 1921 г. начались заседания Секретариата ЦК в составе секретарей, заведующих отделами Секретариата, ответственных инструкторов, приглашенных секретарей губкомов и др. Одновременно в сентябре 1921 г. произошли основные кадровые изменения в партии в целом и в аппарате ЦК, численность которого к марту 1922 г. выросла до 705 человек. Секретариат превратился в политическую силу, а должность секретаря ЦК приобрела новый статус.

22 февраля 1922 г., накануне XI съезда, И. В. Сталин направил В. И. Ленину письмо о необходимости изменений в Секретариате ЦК, прежде всего, смены руководящих кадров. На XI съезде председатель Ревизионной комиссии ЦК В. П. Ногин раскритиковал работу Секретариата ЦК. На Пленуме ЦК, проходившем сразу после съез-

⁹⁵ Минин Сергей Константинович (1882–1962), член партии с 1905 г., участник Гражданской войны, в 1920–1921 гг. – член ЦК УКП(б) и редактор ЦО КП(б)У «Коммунист». В период XIV съезда примыкал к «новой оппозиции».

⁹⁶ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. : стеногр. отчет. М., 1963. С. 92.

⁹⁷ См.: Там же. С. 108.

да 3 апреля 1922 г., был избран новый Секретариат. В. И. Ленин поддержал кандидатуру члена Политбюро и Оргбюро И. В. Сталина на пост генерального секретаря ЦК. Кроме него, в Секретариат вошли В. М. Молотов, ставший кандидатом в члены Политбюро, и член Оргбюро В. В. Куйбышев.

Встав во главе Секретариата ЦК, Сталин провел реорганизацию, ввел единую регистратуру и единый архив, при нем были разработаны новые положения об отделах, изменились функции старых отделов, возникли новые отделы. В целом можно говорить о происшедшей с приходом Сталина «бюрократической» революции в партийном аппарате, направленной на захват и концентрацию функций по принятию управленческих и политических решений, а также на переориентацию информационных потоков на бюрократические структуры. Центральной фигурой этой системы становился партийный секретарь.

Любопытен и процесс легитимации должности секретаря в партийно-управленческой среде. Причем начался он с уездного уровня, т. е. фактически с низовых партийных организаций. Впервые должность секретаря упоминается в Уставе 1919 г., где сначала в разд. II говорится о необходимости выбора секретаря группы кандидатов при партийной организации, а в разд. VII Устава указано: «Уездный комитет выделяет из себя бюро из 3 лиц, в числе которых секретарь должен быть освобожден от всякой работы, кроме партийной»⁹⁸. Функциональные обязанности секретаря не были уточнены в Уставе, но можно предположить, что они были преимущественно техническими: секретарь отвечал за организацию собраний и конференций, их документационное обеспечение, а также переписку с вышестоящими органами. Тем не менее, с этого времени уездный секретарь становится заметной фигурой, основным объектом политического воспитания и партийного образования, включенным в кадровый резерв.

Через несколько лет, в 1922 г., в обновленном Уставе в п. 25 были зафиксированы организационные изменения в структуре ЦК, связанные с бюрократической революцией и нацеленные на разделение политической и организационной функций, а также объединение организационных и делопроизводственных задач: «Центральный Комитет образует для политической работы Политическое бюро, для организационной работы – Организационное бюро и Секретариат во главе с секретарем, членом Организационного бюро ЦК»⁹⁹.

В Уставе 1925 г., помимо уточнения структуры ЦК, были формально утверждены новые должности губернского, окружного, во-

⁹⁸ Устав Российской Коммунистической партии (большевиков) [1919] // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 201–212.

⁹⁹ Устав Российской Коммунистической партии (большевиков) [1922] // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 573–582.

лостного секретаря, а также секретаря первичной ячейки, т. е. формируется секретарская вертикаль, куда официально включаются все уровни организации партийной жизни – от ЦК до первичной ячейки: «Губернский комитет выделяет из себя для текущей работы бюро в количестве не менее 5 человек. Из состава бюро не менее 3 человек должны быть выделены только для партийной работы. Для секретаря губернского комитета обязателен 7-летний партийный стаж и утверждение вышестоящей партийной инстанцией»¹⁰⁰. Для секретаря окружного комитета был установлен 5-летний партийный стаж, для секретаря уездного комитета – 3-летний, для волостного – годичный партийный стаж. Для секретаря ячейки также был введен годичный партийный стаж.

Таким образом, для секретарей вводились ограничения по стажу, которые могли быть преодолены по решению вышестоящей организации, но их функции по-прежнему оставались нормативно незакрепленными. Выделение этой должности в Уставе придавало ей особый административный статус, поскольку включались механизмы кадрового отбора. Это были наиболее проверенные и одобренные свыше члены партии. Другие партийные должности (председатели комитета/бюро, члены комитета/бюро) Уставом не регламентировались.

Следующий Устав, принятый в 1934 г., фактически завершает формирование института партийных секретарей не только по вертикали, но и по горизонтали, вводя в структуру областных и республиканских ЦК для «текущей работы... двух секретарей, первого и второго. Для секретарей обязателен партийный стаж не менее 12 лет». Были усилены требования к партийному стажу секретарей: для секретаря городского комитета он вырос до 10 лет, секретаря районного комитета – 7 лет, для секретарей первичных партийных комитетов – 3 года. Дополнительно была введена должность парторга для ячеек (менее 15 человек), подотчетного партийному комитету организации более высокого уровня и имеющего 2-годовалый партийный стаж¹⁰¹.

По Уставу ВКП(б) 1939 г. (п. 27) вводилась дополнительная должность секретарей для руководства отделами пропаганды и агитации и отделами кадров в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий. Всего в штаты обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий предлагалось включить 4–5 секретарей, в том числе первого секретаря, второго секретаря, секретаря по кадрам и секретаря по пропаганде¹⁰². Кроме того,

¹⁰⁰ Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1925] // КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 480.

¹⁰¹ См.: Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1934] // КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 140–143.

¹⁰² См.: Изменения в Уставе ВКП(б) : резолюция XVIII съезда ВКП(б) // КПСС в резолюциях... 1985. Т. 7. С. 92.

уточнялось, что в партийных организациях, насчитывающих менее 15 членов партии, бюро не создаются, а избирается секретарь первичной парторганизации¹⁰³.

В Устав 1939 г. были введены (в результате массовых чисток и репрессий) послабления по стажу: для секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий вместо 12 лет требовалось не менее 5 лет, для секретарей горкомов вместо 10 лет не менее 3 лет, для секретарей райкомов вместо 7 лет не менее 3 лет и для секретарей первичных партийных организаций и цехпарторгов вместо стажа в первом случае не менее 3 лет, а во втором не менее 2 лет устанавливался партийный стаж не менее одного года. Для начальников политуправлений округов, флотов и армий вводился вместо 10-летнего 5-летний партийный стаж, для начальников политотделов дивизий и бригад вместо 6-летнего 3-летний партийный стаж¹⁰⁴.

Несмотря на завершение формирования секретарской управленческой вертикали в партии, должность генерального секретаря в уставах партии в 1917–1939 гг. не была обозначена. Заняв в 1922 г. эту должность, сам Сталин подписывал документы как «секретарь». Так история партийной профессии стала частью истории страны, более полувека возглавляемой секретарями РКП(б) – ВКП(б) – КПСС.

4.4. О ценности революционного опыта в условиях диктатуры партии

В анкете партийной переписи вопросы о времени вступления в партию и партийной работе соседствуют с вопросами о революционном опыте. Их разведение свидетельствует о том, что в начале 1920-х гг. эти виды политических практик рассматривались как взаимосвязанные, но вполне самостоятельные. Ответ на вопрос о революционной борьбе предусматривал как количественные характеристики участия в активных формах сопротивления царскому режиму – забастовках, стачках, восстаниях, кружках, съездах и конференциях, так и возможные репрессии за эту деятельность – пребывание в тюрьме, ссылке и пр.

Данные переписи показывают, что лишь малая часть членов партии Екатеринбургской губернии имела в своем политическом багаже опыт участия в каких-либо формах революционной активности: в политических кружках состояло 4,4 % губернских коммунистов;

¹⁰³ См.: Изменения в Уставе ВКП(б) : резолюция XVIII съезда ВКП(б) // КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 93.

¹⁰⁴ См.: Там же. С. 91–92.

в нелегальных массовках и митингах участвовало 4,3 %; маевках – 4,9 %; политических демонстрациях – 6,1 %; вооруженных восстаниях и партизанских выступлениях – 4 % коммунистов. Свои экономические права в форме стачек отстаивали 5 % коммунистов. Время событий не уточнялось, они могли относиться к дореволюционному периоду или ко времени Революции 1917 г., Гражданской войны. Участие в различных формах революционной борьбы могло быть случайным или систематическим. В целом преобладали факты случайного участия. Более половины коммунистов (54,6 %), состоявших в подпольных кружках, были на 1–2 заседаниях, еще 12,2 % – на 3–4 заседаниях и 5,7 % посещали их систематически, т. е. 5 и более раз. Аналогичная картина наблюдается в отношении нелегальных массовок и митингов: на единичный факт участия в этих акциях указала 1/3 коммунистов (35,4 %) из числа участвовавших, еще 15,8 % участвовало в них 2 раза, 3 раза – 13,3%, более 5 раз – 1/5 (20,2 %) часть коммунистов. Также 1/3 членов партии (34,6 %) из числа участников маевки всего один раз была привлечена к этой форме политической активности, 1/4 (24,6 %) – 2 раза, 16,3 % – 3 раза. Более 5 раз на маевках присутствовало 10,2 % губернских коммунистов.

В такой крайней форме политического протеста, как вооруженные восстания и партизанские выступления, принимали участие около 4 % коммунистов, из них более половины участвовали в них один раз, еще 1/5 – 2 раза, а более 5 раз – всего 4,7 %.

Если говорить об экономических протестах, то из 5 % коммунистов, участвовавших в стачках, большинство указали 1–2 раза (63,2 %), 3 раза в стачечных акциях принимали участие 13,3 %, 4 раза – 6,7 %.

Коммунисты губернии указывали также такие формы «революционной борьбы», как участие в партийных съездах и конференциях. Делегатами партийных съездов были 4 % коммунистов губернии, конференций – 9 %, из них дореволюционный партийный стаж имели 1,8 % (съезды) и 2,5 % (конференции). При этом 70 % участников съездов и конференций вступили в партию в 1919–1921 гг. Таким образом, участие в работе съездов и конференций приходится в подавляющем большинстве случаев на послереволюционное время, они проходили в легальных условиях и скорее свидетельствуют не о революционной борьбе, а о принадлежности коммунистов губернии к партийному аппарату.

Коммунисты подвергались репрессиям за революционную деятельность со стороны царского режима и антибольшевистских сил. В тюремном заключении побывало 14 % членов партии. Они указывали следующие причины: за распространение нелегальной литера-

туры; как член кружка социал-демократов; за организацию забастовок; восстание на флоте; агитацию среди солдат и рабочих; участие в нелегальных митингах; агитацию перед выборами в Учредительное собрание; был арестован белыми за политические убеждения; за участие в вооруженном восстании; за сочувствие к советской власти.

К более мягкой мере наказания – административной ссылке – было приговорено 2 % членов партии. В качестве причин ссылки были названы следующие: агитация; подозрение в вооруженном восстании; организация социал-демократического кружка; издание журнала; принадлежность к партии социалистов-революционеров; большевизм. Еще 0,4 % коммунистов губернии было направлено царскими властями на поселение.

Итак, в результате анализа революционного опыта членов Екатеринбургской губернской парторганизации в 1922 г. можно подвести некоторые итоги. После октября 1917 г. численный состав парторганизации значительно вырос, в результате в ее составе возобладали новобранцы. Причем новые члены партии, как правило, не имели серьезного опыта участия в экономической, политической, не говоря уже о революционной, борьбе против царского режима. Это означает, что они или были лояльны к прежнему политическому режиму, или не желали вступать с ним в конфликт. Старые, проверенные члены партии оказались в абсолютном меньшинстве. Использование их в качестве руководящего ядра партийных организаций губернского уровня работало на авторитет власти, но они представляли собой определенную угрозу формирующемуся в стране авторитарному режиму.

В рассматриваемый период революционный опыт становится частью советского мифа и востребован в большей степени для легитимации руководящей роли Коммунистической партии, завоевавшей это право в борьбе с царским режимом. Поэтому рядовые коммунисты во время переписи стремятся продемонстрировать свой революционный багаж, в то время как «старых» коммунистов с подпольным стажем вопросы анкеты ставили в тупик, поскольку для профессионального революционера подсчитать, сколько раз он участвовал в стачках, политических собраниях и митингах, было невозможно. В результате Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий и многие другие отказались заполнять информацию о своем революционном стаже¹⁰⁵.

Анализ состава партии с учетом партийного стажа и революционного опыта показывает, что на его изменение оказывали влияние различные факторы, как субъективные – изменение условий приема в партию со стороны руководства в зависимости от политической

¹⁰⁵ См.: *Офицеров В. А.* О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа... С. 45.

конъюнктуры, так и объективные – социальные и экономические. В наиболее критические моменты своего существования партийное руководство увеличивало прием в партию новых членов, потом могло его сократить путем чисток и ужесточения условий приема для «не-пролетарских» социальных слоев. Но в результате партия все равно заметно выросла в количественном плане. Следствием этого роста стало снижение ее качественного состава: незначительный партийный стаж большинства членов, отсутствие революционного опыта – указанные черты в полной мере отразились в социальном портрете уральского коммуниста.

4.5. Социальная структура губернской партийной организации: механизмы мобильности

Материалы переписи содержат ценную информацию для изучения социального портрета коммуниста начала 1920-х гг., в том числе демографические параметры, образовательный и культурный уровень членов партии, а также сведения о социальной мобильности коммунистов, включая характеристику социального происхождения, статуса на момент проведения переписи и карьеры с подробным перечислением мест работы, начиная с 1917 г.

Социальный состав РКП(б) формировался под влиянием различных факторов. Наиболее значимым из них являлись теоретические представления партийных лидеров по вопросу социального состава партии. Важно также понять, как влияла на его изменение политическая ситуация и практика партийной работы.

Теоретические представления относительно социального состава партии сложились у лидеров большевизма еще в дореволюционные годы. Так, В. И. Ленин в сентябре 1905 г. писал, что основу партии должны, безусловно, составлять рабочие: «Городской и промышленный пролетариат неизбежно будет основным ядром нашей социал-демократической партии»¹⁰⁶. Более радикальную позицию по этому вопросу занимал Л. Д. Троцкий. Он высказывал мысль о том, что диктатура пролетариата станет возможна лишь тогда, когда «социал-демократическая партия и рабочий класс <...> будут наиболее близки к отождествлению»¹⁰⁷.

Основатели и идеологи марксизма видели в пролетариате наиболее организованный, передовой, сознательный и последовательно

¹⁰⁶ Ленин В. И. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 223.

¹⁰⁷ Цит. по: Второй съезд РСДРП... С. 136.

революционный класс современного общества. Пролетариат был для большевиков революционным по определению, его исторической миссией было возглавить политическую борьбу всех угнетенных¹⁰⁸ и стать ведущей силой грядущей мировой революции, которая отстранит от власти буржуазию. Но марксистская теория имела в виду в первую очередь промышленно развитые страны Европы¹⁰⁹. Россия же, хотя капиталистические отношения развивались в ней быстрыми темпами, не являлась в полной мере страной капиталистической. Российский рабочий класс был небольшим, кадрового пролетариата почти не было. В 1917 г. промышленный пролетариат – основная социальная база партии большевиков – составлял только лишь 3–5 млн человек из почти 160 млн населения страны, или 2–3 % всего населения России¹¹⁰.

Но большевики, прежде всего Ленин, видели в пролетариате реальный политический инструмент, ту ударную силу, которая способна сокрушить существующий в России политический строй и привести их к власти. Они использовали с успехом этот шанс, но попали в историческую ловушку, совершив, вопреки всем основным положениям марксизма, «пролетарскую» революцию в крестьянской России.

Во взглядах большевиков до революции, и в первую очередь В. И. Ленина, для крестьянства в партии не находилось места. Они считали его, безусловно, мелкобуржуазным классом, которому чужды идеи коммунизма. Однако решению крестьянского вопроса в Программе РСДРП, принятой в 1903 г., уделялось довольно много внимания, поскольку он рассматривался в контексте крепостнических пережитков. В Программе указывалось:

«В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия будет добиваться:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, и также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство как на податное сословие;
2. Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель;
3. Возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей: конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений; а равно обложения особым

¹⁰⁸ См.: Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг.: пер. с англ. М., 1997. С. 280.

¹⁰⁹ См., напр.: Маркс К. Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

¹¹⁰ Воейков М. Великая реформа и судьба капитализма в России (к 150-летию отмены крепостного права) // Вопр. экономики. 2011. № 4. С. 133.

налого земель крупных землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или – в том случае, если земли переходили из рук в руки, – выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер»¹¹¹.

Таким образом, партия выступала защитником интересов крестьян, но не рассматривала их как политическую силу, близкую по духу социал-демократии, занимая тем самым патерналистские позиции по отношению к крестьянству.

Однако после событий Первой русской революции 1905–1907 гг., в которой крестьянство проявило политическую активность и выдвинуло требования к правительству, большевики скорректировали свои представления относительно революционного потенциала российского крестьянства. В нем увидели политического союзника пролетариата, но об активном привлечении крестьян в большевистскую партию речь не велась¹¹².

После Октябрьского переворота под воздействием политической ситуации в стране, тяжелого положения на фронте (крестьяне составляли основную массу в Красной армии – 77 %¹¹³) взгляды лидеров РКП(б) претерпевают заметную эволюцию, допуская расширение социальной базы партии за счет вступления в ее ряды определенных категорий крестьян. В октябре 1919 г. Ленин заявлял: «В партию мы зовем в широком смысле только рядовых рабочих и беднейших крестьян, крестьян-тружеников, а не крестьян-спекулянтов»¹¹⁴.

Все же доктринальные установки довели над руководством партии, и оно выступало против пополнения рядов партии за счет непро-

¹¹¹ Ленин В. И. Проект Устава РСДРП // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 256–258.

¹¹² См.: Ленин В. И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 156.

¹¹³ См.: Левин М. Гражданская война: Динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 274.

¹¹⁴ Ленин В. И. Государство рабочих и партийная неделя // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 225.

летарских элементов. Тот же В. И. Ленин в 1919 г. писал по этому поводу: «Партия должна быть узкой настолько, чтобы вбирать в себя вне рабочего класса только тех выходцев из других классов, которых она имеет возможность испытать с величайшей осторожностью»¹¹⁵.

Таким образом, партийное руководство всеми силами стремились сохранить пролетарский характер партии. Серьезную тревогу в связи с этим у большевиков вызывал процесс девальвации понятия «рабочий». Его размытость и неопределенность привели к тому, что в результате в партию начался наплыв людей, которые формально считались рабочими, а по сути не обладали пролетарским сознанием. В 1921 г., накануне партийной переписи, В. И. Ленин в связи с разработкой новых требований к приему в партию предложил считать рабочим того, кто не меньше 10 лет проработал на крупном предприятии «простым наемным рабочим и теперь работает не меньше 2–3 лет»¹¹⁶. Это было завышенное и невыполнимое требование, входящее в противоречие с реальной ситуацией.

В условиях Гражданской войны политическое руководство Советской России столкнулось с серьезной проблемой – «деклассированием пролетариата». В связи с экономическими трудностями в стране значительно сократилась численность рабочего класса, изменился его состав. К 1921 г. число оставшихся на производстве рабочих составило всего 1 млн человек против 3,6 млн в 1917 г.¹¹⁷ Часть рабочих, спасаясь от голода, вернулась к занятию сельским хозяйством, другие рабочие перешли на службу в партийно-государственный аппарат, многие погибли на фронтах Гражданской войны. Так, например, в Петрограде численность промышленных рабочих с 1917 по 1920 г. сократилась на 380 тыс. человек, и их осталось всего около 80 тыс.¹¹⁸ В то же время параллельно шел другой процесс – маргинализации рабочего класса, который стал интенсивно пополняться выходцами из крестьян и средних городских слоев. В 1922–1925 гг. рабочие-металлисты Ленинграда на 45 % состояли из детей крестьян, служащих, кустарей, т. е. рабочих в первом поколении¹¹⁹.

Уральский промышленный регион процесс «деклассирования пролетариата» затронул в меньшей степени. Если численность рабочих в ведущих индустриальных центрах страны уменьшилась в 6–7 раз, то на Урале сокращение было меньшим и составило в 1920 г.

¹¹⁵ Ленин В. И. Государство рабочих и партийная неделя. С. 361.

¹¹⁶ Ленин В. И. Письмо П. А. Залуцкому, А. А. Сольцу и всем членам Политбюро о чистке партии и условиях приема в партию // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 283.

¹¹⁷ См.: Соколов А. К. Курс советской истории, 1917–1940 : учеб. пособие для вузов. М., 1999. С. 100.

¹¹⁸ См.: Левин М. Гражданская война: Динамика и наследие. С. 257.

¹¹⁹ См.: Лацис О. Перелом... С. 147.

примерно 20 %¹²⁰. Это было обусловлено особенностью рабочего класса Урала, которая заключалась в том, что многие рабочие традиционно имели собственный дом, усадьбу, земельные наделы и покосы¹²¹. В условиях экономического кризиса начала 1920-х гг. уральские рабочие выживали преимущественно за счет собственного подсобного хозяйства, оставаясь на заводах и сохраняя свою принадлежность к рабочему классу.

Все эти процессы социальной трансформации отразились на социальном портрете коммунистов Екатеринбургской губернии. Первичные материалы партийной переписи дают возможность проанализировать социальное происхождение члена партии, поскольку содержат сведения о социальном статусе его родителей и деда (табл. 4.10).

Таблица 4.10

Социальное происхождение коммунистов Екатеринбургской губернии, %*

Социальная группа	Дед коммуниста	Отец коммуниста	Коммунист
Крестьянин	63,4	51,2	15,0
Рабочий	28,9	35,1	12,9
Ремесленник-кустарь	2,5	5,0	–
Торговец, купец	0,8	0,4	–
Служащий	2,5	4,9	16,7
Священнослужитель	0,9	1,2	–
Чиновник (руководитель)	0,9	1,7	37,1

*Составлено по выборке из 250 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Данные табл. 4.10 показывают, что из всех социальных групп наиболее мобильными были выходцы из рабочей и крестьянской среды. Среди них больше всего тех, кто сменил свой социальный статус в сравнении с отцами и дедами. По сравнению с отцами-крестьянами, сохранили свой прежний социальный статус в 3,4 раза меньше коммунистов, по сравнению с отцами-рабочими, число коммунистов, оставшихся в статусе рабочего, снизилось в 2,7 раза. В то же время число служащих среди членов партии выросло в 3,4 раза, а число тех, кто занял руководящие позиции различного уровня, – почти в 22 раза.

¹²⁰ См.: *Фельдман В. В.* О некоторых вопросах формирования рабочего класса на Урале // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 306.

¹²¹ См.: *Очерки истории коммунистических организаций Урала.* Т. 1. С. 7.

Направление и характер социальной динамики внутри партии позволяют судить о ее социальной природе.

Обратим сначала внимание на то, представителями каких социальных групп и слоев являлись коммунисты Екатеринбургской губернии до 1917 г. По данным переписи 1922 г. видно, что представителями рабочего класса в дореволюционный период являлись 43 % членов партии. Большинство из них были квалифицированными рабочими. Вторую по численности группу составляли коммунисты, занимавшиеся в то время крестьянским трудом – 33,7 %. К категории средних слоев (ремесленники-кустари, мелкие торговцы) принадлежало 10 %, чиновниками и служащими государственного и частного секторов, занимавшимися конторско-канцелярским или физическим трудом, были 10,4 % коммунистов губернии¹²².

После Революции 1917 г. произошли существенные изменения в социальном статусе губернских коммунистов. Во-первых, среди них уже отсутствуют люди, которых можно было бы отнести к категории «средних слоев», хотя в условиях новой экономической политики в обществе вновь нарождается слой частных предпринимателей («нэпманов») мелкой и средней руки. Однако представители этой группы вступить в Коммунистическую партию возможности не имели, даже если у них возникало подобное желание. Партийное руководство занимало по этому вопросу однозначно жесткую позицию, заключающуюся в строгом соблюдении классово-чистоты партийных рядов, ограждении партии от «мелкобуржуазного заражения».

В послереволюционный период число коммунистов-рабочих, непосредственно занятых на производстве, сократилось в три раза и составило 13 % от общего состава. К 1922 г. в категорию руководителей в структурах новой власти входила уже 1/3 коммунистов губернии. Это свидетельствует о начале формирования нового правящего слоя советского общества, так называемой номенклатуры. Этот новый социальный институт получил свое официальное оформление несколько позже – в ноябре 1923 г., когда Оргбюро ЦК приняло положение о порядке подбора и назначения работников и номенклатуру должностей¹²³. Т. П. Коржихина и Ю. Ю. Фигатнер дали следующее определение номенклатуры: «Номенклатура – это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались, утверждались и отзывались партийными

¹²² См.: *Воробьев С. В.* Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг. С. 83.

¹²³ См.: *Коржихина Т. П., Сенин А. С.* История российской государственности. М., 1995. С. 245.

комитетами – от райкома, горкома до ЦК партии»¹²⁴. Таким образом, номенклатура представляла собой управленческую группу, представители которой не выбирались, а назначались партийными органами. Надо отметить, что состав номенклатуры формировался преимущественно из членов партии.

Служащими различных партийно-советских учреждений и ведомств являлись 18,7 % коммунистов губернии. Следовательно, партийная организация Екатеринбургской губернии в 1922 г. наполовину состояла из руководителей разных уровней и служащих. Численность коммунистов-крестьян сократилась в 2 раза по сравнению с 1917 г. (до 15 %) ¹²⁵. Удельный вес рабочих и крестьян на начало 1922 г. в составе губернской организации РКП(б) сократился главным образом за счет их перехода в категорию руководящих работников и служащих партийно-государственной сферы.

Массовое изменение коммунистами своего социального статуса было связано с кадровой политикой руководства РКП(б). После прихода к власти, когда партия стала структурообразующим элементом «пролетарского» государства, возникла необходимость поставить под контроль государственные институты и общественную сферу (профсоюзы и другие общественные организации). Добиться этого можно было только путем назначения на ответственные посты членов партии, которые, используя свои властные полномочия, проводили линию партии большевиков.

Эта политика носила совершенно сознательный и целенаправленный характер. Резолюция VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.) «По организационному вопросу» прямо и недвусмысленно требовала «завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д.» и призывала партию к достижению «полного господства в современных государственных организациях, каковыми являются Советы»¹²⁶. Речь шла о контроле партии над всеми государственными и общественными институтами. Противники слияния функций партии и государства, как внутри, так и вне ее, подвергались резкой критике. Один из лидеров большевиков, Л. Б. Каменев, отстаивавший необходимость объединения функций, отмечал: «Тот, кто говорит против партии, кто требует разделения советского аппарата

¹²⁴ Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопр. истории. 1993. № 7. С. 25.; см. также: Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / предисл. М. Джиласа. М., 1991.

¹²⁵ См.: Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг. С. 84.

¹²⁶ Цит. по: История политических партий России. М., 1994. С. 416.

и партии, хочет нам навязать такое же разделение властей, какое есть и в других государствах... Пускай-де советский государственный аппарат господствует, а партия пускай занимается агитацией, пропагандой, углублением коммунистического сознания и прочее. Нет, товарищи, это было бы слишком большой радостью для наших врагов»¹²⁷.

Одним из факторов, влиявшим на формирование социальной структуры партийной организации Екатеринбургской губернии, была миграция. Часть коммунистов прибыла в губернию из других регионов страны. География перемещений достаточно обширна, можно указать такие крупные города, как Петроград, Москва, Киев, Саратов, Самара, из которых приехали коммунисты. Территориальная миграция членов партии, т. е. переезд члена РКП(б) на новое место жительства, не обязательно инициировался партийными органами в связи с назначением на ответственную должность, он мог носить добровольный характер.

В течение пяти послереволюционных лет более 1/3 губернских коммунистов (36,3 %) сохранили свой социальный статус, или же их мобильность носила горизонтальный характер. В первом случае они остались в рамках своей профессии или должности на прежнем месте работы, а во втором сменили профессии на другую или перешли с одной должности на другую, но в пределах той же социальной группы. Однако для большинства членов губернской организации РКП(б) был характерен высокий уровень социальной динамики.

Большой интерес в плане выяснения характера и сущности социальной мобильности внутри партии в ходе Революции и последующих лет вызывает анализ вертикальных моделей мобильности. «Изучение вертикальной мобильности внутри политических стратификаций разных стран, – отмечал известный русский социолог П. Сорокин, – обнаруживает периоды особенно ярко выраженных перемещений. В истории России такими периодами были: вторая половина XVI века – начало XVII века (правление Ивана Грозного и последующее междоусобице), царствование Петра Великого и, наконец, последняя русская революция»¹²⁸.

При анализе вертикальной мобильности губернских коммунистов в 1917–1922 гг. необходимо обратить внимание на два момента: во-первых, на степень ее интенсивности у разных социальных групп и, во-вторых, на тип карьеры и ее направленность (восходящая, нисходящая). В первом случае имеет смысл выделить минимальный и максимальный социальные статусы коммунистов. Минимальный статус характеризует наименьшую ступень социальной лестницы, а максимальный – наи-

¹²⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 144–145.

¹²⁸ Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 386–387.

большую, которую мог занимать коммунист в период с 1917 по 1922 г. Причем необязательно, что переход от одного статуса к другому был последовательным, он вполне мог быть и скачкообразным.

Рассмотрим вертикальную мобильность у членов партии за период с 1917 по 1922 г. Как видно из табл. 4.11, коммунисты Екатеринбургской губернии повышали свой социальный статус главным образом за счет перехода в категорию руководящих работников различных органов власти (41,8 %). Чаще всего подъем на более высокую социальную ступень был связан с занятием должности в низовых органах власти и управления (21,1 %). Это были, как правило, крестьяне, ставшие председателями и членами волостных комитетов РКП(б) и волисполкомов, заведующими отделами этих волостных организаций, председателями сельсоветов и сельскохозяйственных артелей и т. п.

Таблица 4.11

Вертикальная мобильность коммунистов Екатеринбургской губернии в 1917–1922 гг. (по материалам партийной переписи), %*

Социальное положение	Минимальный статус	Максимальный статус	Социальное положение на момент опроса
Руководитель высшего звена	–	6,3	5,4
Руководитель среднего звена	1,3	14,4	9,2
Руководитель низшего звена	9,3	21,1	22,5
Специалист	6,8	5,1	5,0
Служащий	11,9	7,6	11,2
Младший обслуживающий персонал	1,7	–	0,4
Квалифицированный рабочий	21,2	3,8	10,0
Неквалифицированный рабочий	7,2	1,3	2,9
ВОХР	5,1	3,0	4,6
Военнослужащий (рядовой)	3,8	–	4,0
Крестьянин	26,3	–	15
Домохозяйка	3,0	–	2,1
Учащийся, студент	2,1	0,8	4,2
Безработный	0,4	–	3,3

*Составлено по выборке из 250 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Следующая по значимости группа – ответственные работники уездного уровня (14,4 %). Самой высокой социальной ступени – должности губернского масштаба – смогли достичь 6,3 % коммунистов. Остальная часть губернских коммунистов изменила свой статус в результате перехода в разряд специалистов (квалифицированных работников) и служащих – 12,7 %, а также рабочих – 5,1 %.

Возникает вопрос: представители каких социальных слоев имели наибольшие возможности для повышения своего социального статуса? Ответить на него позволяет сопоставление социального положения коммунистов до 1917 г. и в 1922 г. Наиболее успешный карьерный путь был у рабочих-пролетариев, именно им удалось кардинально изменить свой социальный статус и войти в управленческую среду. Они становились руководителями губернского и уездного уровня (60 % руководителей до 1917 г. были рабочими). Больше рабочих и среди руководителей низшего звена – 46,3 %. 37 % руководителей нижнего уровня до 1917 г. были крестьянами, на момент переписи они в основном заняли должности председателей сельсоветов, секретарей волсполкомов, членов волкомов и т. д.

Таким образом, больше возможностей для карьерного роста имелось в городе, тогда как для большинства сельских коммунистов карьера, как правило, ограничивалась волостным уровнем. Но даже такой карьерный взлет выходцев из крестьянской среды вызывал озабоченность партийных органов, тем более что это происходило на фоне заметного оттока из партии рабочих. Уралбюро ЦК РКП(б) в секретном отчете в Москву в мае 1922 г. отмечало, что за первое полугодие только из Екатеринбургской уездно-городской организации вышло 182 члена партии и 35 кандидатов¹²⁹. «Данные Всероссийской партпереписи Уральской области, – отмечают авторы отчета, – доказывают, что на пролетарском Урале рабочие ячейки по своему количеству и по количеству членов в них стоят на третьем месте; впереди идут советские и военные <...> К этому надо добавить еще, что <...> среди ответственных работников преобладают крестьяне по своему социальному происхождению»¹³⁰.

Характер вертикальной мобильности свидетельствует о зарождении нового социального института советского общества – номенклатуры. В начальный период своего формирования он был достаточно открытым для определенных социальных групп. Наиболее благоприятные возможности доступа в ряды номенклатуры имели выходцы из рабочей среды, крестьяне-бедняки. В связи с этим можно сказать, что лицо губернского коммуниста все более приобретало номенклатур-

¹²⁹ ЦДОСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 78. Л. 39.

¹³⁰ Там же.

но-бюрократические черты, утрачивая рабоче-крестьянские. Однако представители других социальных слоев при определенной настойчивости также имели шанс попасть в новую партийно-государственную элиту советской политической системы.

Достаточно активно в губернии в послереволюционный период шло пополнение выходцами из рабочей и крестьянской среды категории служащих. В 1922 г. среди губернских служащих было 43,6 % бывших рабочих и 30,8 % – бывших крестьян. Таким образом, явно прослеживается определенная тенденция: в Екатеринбургской губернии коммунисты – выходцы из рабочих и крестьян – относятся к группам с восходящей социальной мобильностью, они наиболее активно меняют свой социальный статус.

Особенностью нисходящей социальной мобильности коммунистов губернии было то, что их перемещения вниз по карьерной лестнице происходили в основном внутри слоя руководящих работников и частично служащих, т. е. их социальная мобильность не была связана с изменением социального статуса. В 1922 г. коммунисты-крестьяне на 83,3 % состояли из людей, которые и до революции были крестьянами, и еще на 13,9 % – из бывших рабочих. Такая же картина характерна и для коммунистов, принадлежавших к рабочему классу на момент проведения переписи, до 1917 г. они также являлись рабочими (93,6 %) и лишь 6,4 % были крестьянами.

В связи с этим обратимся к вопросу о типе социальной карьеры. Для коммунистов – представителей различных социальных классов и групп губернии – карьерный путь не был одинаковым (рис. 4.1).

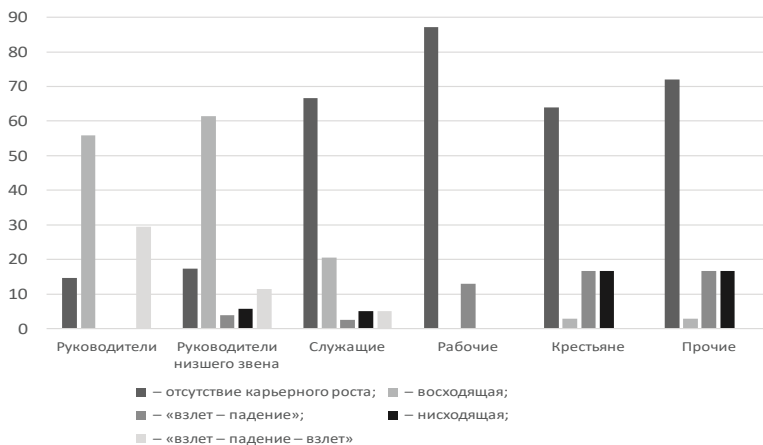

Рис. 4.1. Тип карьеры у коммунистов Екатеринбургской губернии в 1917–1922 гг.

Как видно из рис. 4.1, для губернских коммунистов были характерны различные типы карьерного пути: 51,3 % опрошенных коммунистов Екатеринбургской губернии в послереволюционные годы не сделали карьеры; 27,7 % составили коммунисты, которые имели восходящую профессиональную карьеру; 7 % опрошенных пережили «взлет – падение»; у 6,3 % карьера была нисходящей.

В Екатеринбургской губернии восходящая социальная карьера, а также карьера по типу «взлет – падение – взлет» была присуща преимущественно руководящим работникам разных уровней. Восходящая карьера наблюдалась у половины руководителей нижнего звена и у 29,7 % руководителей губернского и уездного уровней. Взлет, падение и новый подъем по социальной лестнице наблюдался у этих же социальных групп – у более половины руководителей губернского и среднего звена (55,6 %) и 1/3 руководителей нижнего эшелона губернской власти (33,3 %), в целом – 88,9 %.

Приведем примеры восходящей карьеры губернских коммунистов: рабочий (прядильщик) – помощник комиссара продотряда – председатель Уралбюро¹³¹; квалифицированный рабочий (слесарь) – ВОХР (рядовой) – секретарь волкома РКП – курсант Коммунистического университета в Москве – зав. отделом уездного исполкома¹³².

Карьерное продвижение по типу «взлет – падение – взлет», как правило, было связано с частой сменой мест работы. Так, например, один из губернских коммунистов проделал путь от неквалифицированного рабочего (подмастерье на заводе в Петрограде) до помощника комиссара в комиссариате Екатеринбурга, затем стал руководителем среднего звена (зав. отделом управления Совета крестьянских и рабочих депутатов Екатеринбург), поработал служащим (делопроизводитель в отделе снабжения Совета рабочих и крестьянских депутатов), а затем снова занял должность руководителя среднего звена (уполномоченный уездной чрезвычайной комиссии Таганрога) и, наконец, вернулся в Екатеринбург руководителем высшего звена (ответственный секретарь экономического отдела губпрофсовета)¹³³.

Нисходящая карьера была характерна для губернских коммунистов, которые относились к следующим социальным слоям: крестьяне (40 %), прочие (26,7 %), руководители нижнего звена (20 %). Карьера по типу «взлет – падение» также была свойственна преимущественно крестьянам (35 %), рабочим и «прочим» (по 23,5 %). Это означает, что революционные события спровоцировали социальную активность крестьян, они стали вступать в РКП(б), активно пошли в органы новой

¹³¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557. Л. 53–53 об.

¹³² Там же. Д. 589. Л. 240–240 об.

¹³³ Там же. Д. 568. Л. 14–14 об.

власти, но позднее, в результате политики военного коммунизма, ухудшения экономической ситуации, многие коммунисты-крестьяне вернулись к своему хозяйству. Правда, нужно отметить, что среди руководителей нижнего звена крестьяне были представлены широко.

Приведем примеры, характеризующие такой карьерный путь. Член партии в течение 1917–1922 гг. мог из крестьянина вырасти до руководителя нижнего звена, поработав на разных должностях (председатель сельсовета, председатель волисполкома, председатель профкома), и опять стать крестьянином¹³⁴. Или, будучи служащим в советском учреждении, дорасти до руководителя высшего звена (председателя губисполкома Самары), затем стать руководителем нижнего уровня (председателем волисполкома), а затем руководителем сельскохозяйственной коммуны¹³⁵. Еще один вариант: крестьянин – руководитель низшего звена (член правления кооператива) – неквалифицированный рабочий (чернорабочий в лесхозе) – служащий (приказчик в лавке) – ответственный работник (уполномоченный губсоюза в Екатеринбурге) – крестьянин¹³⁶.

Степень социальной мобильности губернских коммунистов в обществе после революции хорошо отражает признак «Число мест работы после 1917 г.» (рис. 4.2). Смена места работы в течение 1917–1922 гг. могла быть связана с миграцией – переездом партийцев из одного региона в другой либо с перемещениями внутри губернии (из города в город; в рамках одного города; в город из заводского поселка или села; или наоборот). Опрошенные также могли переходить с одного места работы на другое, повышая или понижая свой социальный статус. Так, например, один из губернских коммунистов с 1917 по 1921 г. сменил десять мест работы в разных городах страны (Уфа, Киев, Уфа, Москва, Самара, Оренбург, Москва, Уфа, Челябинск, снова Уфа), постепенно повышая свой статус. Он занимал должности делопроизводителя в ревкоме, потом завхоза, комиссара по финансовой части при штабе армии, инструктора и уполномоченного ВСНХ при губсовнархозе, члена коллегии ВСНХ, председателя губсовнархоза и члена губисполкома и т. д. Продолжительность работы на каждом месте составляла в среднем 3–6 месяцев¹³⁷.

По результатам исследования, 33,6 % опрошенных коммунистов не меняли место работы, 25,3 % сменили место работы один раз, 17,4 % – дважды переходили на новое место, три места успели сменить 12,4 %, четыре – 6,2 %, пять – 2,9 %, шесть и более мест – 2,1 %.

¹³⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557. Л. 72–72 об.

¹³⁵ Там же. Д. 561. Л. 86–86 об.

¹³⁶ Там же. Д. 566. Л. 13–13 об.

¹³⁷ Там же. Д. 559. Л. 84–85 об.

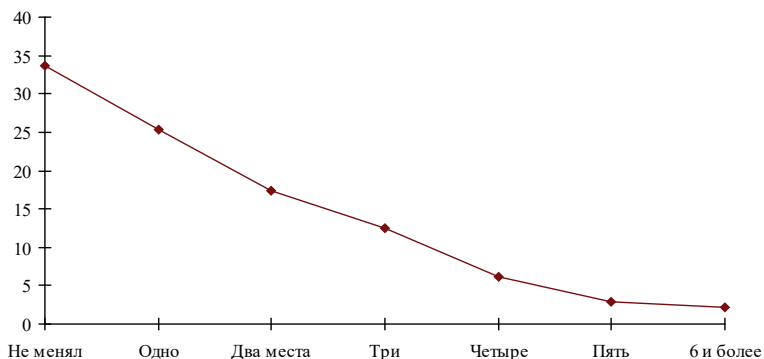

Рис. 4.2. Число мест работы губернской коммунистической организации в 1917–1922 гг.

Интенсивность сменяемости мест работы могла быть непосредственно связана с социально-экономическим кризисом и нестабильностью в регионе. Однако корреляция признаков «Социальное положение в 1922 г.» и «Число мест работы после 1917 г.» позволяет сделать вывод о том, что чаще всего они связаны с вариантами вертикальной мобильности. Наиболее стабильная картина (одно место работы) характерна для крестьян и рабочих. Частая смена мест работы выявлена у ответственных работников и служащих, в том числе из бывших красноармейцев. А. К. Соколов отмечает, что «те, кто пережили войну, не особенно были склонны возвращаться на производство, даже рядовые красноармейцы рассчитывали “на должность”, не говоря уже о комиссарах»¹³⁸.

Для определенной категории партийцев (ответственных работников) не менее значимой причиной смены мест работы была партийная дисциплина. В ноябре 1921 г. Секретариат ЦК РКП(б) принимает решение ввести в практику управления партийными кадрами «проведение планомерных внутригубернских и внутриездных перебросок», стремясь при этом выработать у членов партии «здоровое и правильное к этим переброскам отношение»¹³⁹.

Частые перемещения нередко вызывали недовольство у коммунистов. Секретари губкомов сообщали в ЦК партии, что «приезжие товарищи при первой возможности пытаются “улизнуть” обратно и приходится употреблять чрезвычайные усилия к их удержанию»¹⁴⁰. Похожие настроения царили и среди уральских коммунистов, особен-

¹³⁸ Соколов А. К. Курс советской истории. С. 116.

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 241. Л. 4.

¹⁴⁰ Там же.

но, если это было связано с переездом из города в сельскую местность. Инструктор Екатеринбургского губкома И. Д. Блинков отмечал: «Что же касается спуска ответственных работников из городских соворганов и пр[очих] для укрепления местных партийных, кооперативных, профессиональных и советских организаций по циркуляру Губкома за № 66 и 77, работа не проделана и даже не начата»¹⁴¹. В то же время отмечается, что городские организации имеют в своих рядах «перепроизводство» партийных сил, а на местах существует дефицит руководителей. В качестве примера он приводит Михайловскую волостную организацию, которая «находится на пути разложения вследствие отсутствия надежных и вполне развитых руководителей»¹⁴².

Меры вышестоящих инстанций по периодической перетасовке партийных и советских работников не позволяли укрепляться межличностным связям и препятствовали формированию местных элит. А такая опасность реально существовала. О борьбе личных амбиций, создании враждующих группировок в партийных организациях в разных районах страны постоянно писала партийная печать 1920-х гг. Как отмечают исследователи, разделение на группировки происходило главным образом не по политическим мотивам, а по иным принципам: «более молодые члены партии против более старых, уездные против городских, партийные против советских, по национальному признаку и т. д.»¹⁴³

Степень социальной мобильности различных категорий губернских коммунистов можно оценить с помощью анализа признака «Стаж работы на последнем месте». Оказалось, что около половины коммунистов (49,3 %) имели стаж работы до одного года; 2/3 коммунистов работали на последнем месте до двух лет; более двух лет стажа имели всего 27,7 % членов партии. Непродолжительный стаж был характерен для партийно-советской номенклатуры: около половины ее представителей находились на занимаемой должности не более одного года, остальные – два года и только 1,3 % – более двух лет. Схожая ситуация наблюдалась у служащих – среди них также стаж более двух лет имели всего 2,6 %. Больше всего членов партии, имевших стаж более двух лет, было среди крестьян (8 %) и рабочих (4,7 %).

Помимо надстроечных факторов (идеологических и политических) на социальную мобильность оказывали влияние и индивидуальные характеристики, в первую очередь возраст коммунистов. В 1922 г. в рядах Екатеринбургской губернской организации РКП(б)

¹⁴¹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 475. Л. 4 об.

¹⁴² Там же. Л. 1 об.

¹⁴³ Березкина О. С. Революционная элита переходного периода (1921–1927) // Свобод. мысль. 1997. № 11. С. 74.

состояли в основном люди молодого и среднего возраста (см. табл. 4.2). В партийной организации они составляли подавляющее большинство – 89,8 %. Самая многочисленная группа партийцев была представлена людьми в возрасте от 20 до 44 лет – свыше 86,7 %. В то же время больше половины в этой группе составляли коммунисты в возрасте 25–39 лет (60,1 %) (рис. 4.3).

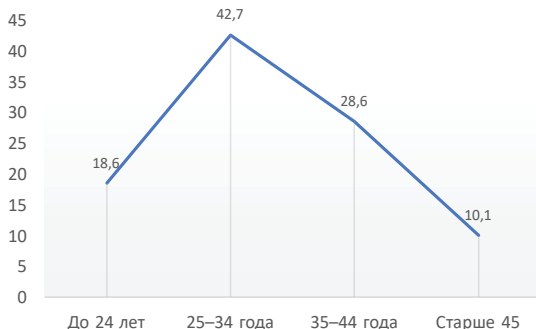

Рис. 4.3. Возраст губернской коммунистической организации в 1922 г.

Возраст от 20 до 44 лет – наиболее благоприятный для социальной самореализации. Люди такого возраста наиболее активно ищут свое место в жизни, стремятся получить более высокий социальный статус. Все это в полной мере относится и к членам партии. Стремление реализовать себя нередко соседствовало с отсутствием жизненного опыта, необходимым для реализации функций руководителей, сочеталось с юношеским максимализмом.

Необходимо отметить, что возраст коммунистов напрямую коррелирует с местом их проживания. Больше всего молодых коммунистов проживало в губернском городе. Так, 46 % коммунистов в возрасте до 24 лет проживало в Екатеринбурге и 13 % – в уездных городах, в селах проживало 22 % коммунистов этой возрастной группы. А в возрастной группе старше 45 лет наблюдается обратная тенденция – 56 % опрошенных проживало в селах, 28 % – в заводских поселках и лишь 4 % – в Екатеринбурге. Таким образом, стремление вступить в Коммунистическую партию обнаруживается у представителей городской молодежи, сельская молодежь была более пассивной.

Анализ национального состава позволяет сделать вывод о преобладании среди губернской коммунистической организации русских – почти 90 %. Вторая по численности национальность представлена татарами – 6,6 %. На долю других национальностей в Екатеринбургской губернии приходилось в целом 3,7 %. Данное соотношение является отражением

той национальной структуры населения, которая существовала на Среднем Урале в начале 1920-х гг. По данным статистики население Екатеринбургской губернии включало 96,5 % русских, 1,8 % татар, остальные национальности составляли 1,7 %¹⁴⁴. Большой процент татар в партии, по сравнению с их долей в населении губернии, можно объяснить целенаправленной политикой привлечения в партию представителей национальных меньшинств.

Русский язык являлся разговорным для 92,3 % членов партии, включая и представителей иных национальностей. Исключение составили татары, которые, как правило, отличались более высоким национальным самосознанием и своим разговорным языком считали татарский.

Итак, анализ социальных параметров коммунистов губернии на основании первичных материалов партийной переписи выявил несоответствие состава партии теоретическим представлениям большевиков. В 1922 г. партия, называвшая себя рабочей, не являлась таковой даже в промышленной Екатеринбургской губернии. Благодаря массовизации партии, значительные позиции в ней стали занимать выходцы из крестьянской среды, а также представители средних слоев города (служащие, ремесленники). Несмотря на усилия большевистского руководства регулировать этот процесс, социальный состав партии отражал в большей степени социальную структуру российского общества в целом и Уральского региона, в частности.

После Революции 1917 г. большинство коммунистов изменили свое социальное положение. Они составили основу формирующейся партийной и государственной номенклатуры различных уровней. Для членов партии, входивших в номенклатуру, были характерны небольшой профессиональный опыт и высокая социальная мобильность. Это свидетельствует о том, что в данное время идет интенсивный процесс создания новой системы управления, новой советской бюрократии.

Изучение демографических характеристик губернских коммунистов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, партия большевиков смогла распространить свое влияние на деревню, завоевать ее расположение. Она перестала быть только городской партией, что было для нее весьма важно в условиях крестьянской России. Во-вторых, партия была «молодежной» по возрасту вступивших в нее. В то же время в демографическом плане партия сохранила традиционные черты. Это проявлялось в подавляющем преобладании мужчин в ее составе, а также в особенностях семейного поведения, культурных практиках и образе жизни членов партии.

¹⁴⁴ См.: Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход). Екатеринбург, 2000. С. 34; см. также: *Корнилов Г. Е.* Национальный состав населения Урала в первой половине XX века // Историко-культурное наследие славян на Южном Урале. Оренбург, 1998. С. 43.

ГЛАВА 5

ПАРТИЙНАЯ СЕМЬЯ: ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

«Жена,
да квартира,
да счет текущий –
вот это –
отечество,
райские кущи».

Маяковский В. Хорошо. Октябрьская поэма¹

Одним из направлений исследований российской семьи в раннесоветский период является изучение влияния идеологических факторов на ее трансформацию, изменение структуры и функций. 1920-е гг. вошли в историю России как время активного реформирования семьи, в основе которого лежали, во-первых, объективные модернизационные факторы, обеспечивающие постепенный и закономерный трансфер семьи от традиционного формата к современному; во-вторых, попытки социального конструирования института семьи в соответствии с коммунистическими идеями и представлениями о роли и месте семейной организации в обществе будущего. Как результат комплексного влияния этих двух факторов, семейные процессы в СССР приобрели специфические черты: это ускоренная и порядком искаженная эмансипация женщин; перераспределение функций воспитания детей между семьей и государством на фоне сохранявшейся патриархальной структуры внутрисемейных отношений.

Всероссийская партийная перепись дает нам возможность проанализировать, какие изменения произошли в семейной сфере, в том числе позволяет проследить появление новых типов семей, среди которых особый интерес вызывают конструируемые идеальные образы – это семья-коммуна и революционная семья, которые являются прямой трансляцией циркулирующих в обществе идеологем.

5.1. Структура семей членов РКП(б) Екатеринбургской губернии в 1922 г.

Раннесоветский период (1917–1936) является временем, когда первая волна индустриализации в России уже завершилась, общество продвинулось по пути модернизации, но это движение было прио-

¹ *Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 274.*

становлено Первой мировой войной. С 1917 г. процесс модернизации приобрел ускоренный и гипертрофированный характер, поскольку во многом определялся большевистской идеологической доктриной.

Российское общество 1920-х гг. по своей социальной структуре кардинально отличалось от дореволюционного: классы и сословные группы, попадавшие в категорию «эксплуататоров», перестали существовать и, напротив, «эксплуатируемые» классы – пролетариат и крестьянство – изменили свой социальный статус. Реформирование правовой базы семьи способствовало демократизации брачно-семейных отношений, под влиянием индустриализации постепенно разрушалась патриархальность, стремительно менялся характер процессов рождаемости, брачности и разводимости. Общество находилось в стадии активной трансформации, что отражалось на его институтах, в том числе на семье. На смену традиционной модели приходили новые формы семейной организации, которые нашли отражение в исторических источниках, в частности в материалах Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Сведения о семье раннесоветского периода представлены в переписных материалах или в первичных бланках других видов статистических исследований, например, бюджетных. Наиболее информативным источником по истории семьи является Всесоюзная перепись 1926 г., но проблема состоит в том, что индивидуальные переписные бланки и семейные карты практически не сохранились. Так, например, в Государственном архиве Свердловской области имеются поселенные бланки переписи народов Севера, которая проводилась в рамках переписи 1926 г. и позволяет реконструировать их семейную структуру². Поэтому в распоряжении исследователей чаще всего имеются только опубликованные итоги переписи, содержащие агрегированные данные об уровне брачности и детности населения.

К числу малоисследованных источников, где имеется описание семьи, относятся первичные материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.³ В анкете выделены два вопроса: о количестве работников и иждивенцев в семье. Сведения скудные, однако, если соотнести их с другой информацией (социальное происхождение, возраст, национальность, род занятий и пр.), то появляется возможность изучить социальные типы семей, а также проанализировать

² См.: *Glavatskaya E.* Polygamy among indigenous people of northern West Siberia in ethnographic and early census materials // *The History of the Family*. 2016. Vol. 21, Iss. 1. Special Issue: Three Centuries of Northern Population Censuses. P. 87–100.

³ См.: *Мазур Л. Н., Горбачев О. В.* Всероссийская партийная перепись 1922–1924 гг. как источник по истории семьи // *Актуальные проблемы источниковедения : материалы III Междунар. науч.-практ. конф.* Витебск, 8–9 окт. 2015 г. Витебск, 2015. С. 285–288; *Mazur L., Gorbachev O.* Primary sources on the history of the Soviet family in the twentieth century: an analytical review // *The History of the Family*. 2016. Vol. 21, Iss. 1. P. 101–120.

субъективное восприятие семьи участниками переписи. Речь идет о тех ментальных моделях, которые формируются в сознании коммунистов к началу 1920-х гг. под влиянием всего комплекса факторов – традиционных представлений о месте и роли семьи в жизни человека, идеологических и пропагандистских штампов, эмансипации и модернизационных процессов. Кроме того, в бланках переписи эпизодически, в форме дополнений и замечаний, встречается более подробная характеристика состава семьи (около 10 % от всей совокупности), что позволяет выйти на решение задачи построения демографической типологии семьи по Герасимовой и Ласлетту⁴.

Особенностью рассматриваемого массива (переписных бланков членов партии) является его нерепрезентативность по отношению к генеральной совокупности – населению страны/региона. Половозрастная и социальная структура РКП(б) на общероссийском и региональном уровнях отличалась от структуры всего населения. В этой ситуации метод типологии, примененный для анализа первичных данных, позволяет сгладить статистическую несопоставимость сравниваемых массивов, получить такую информацию о типах партийных семей, которая будет полезна для понимания общероссийских процессов, и провести корректную экстраполяцию результатов анализа партийной переписи на все население региона/страны.

Типологический анализ партийной семьи опирался на смешанный дедуктивно-индуктивный принцип: для диагностики и сравнительно-исторического анализа первичного материала привлекались разработанные в историко-демографической науке типологические схемы, позволяющие провести ситуативную оценку качественных параметров семейной структуры коммунистов. Одновременно был проведен типологический анализ первичных данных партийной переписи 1922 г. с использованием математических методов для уточнения теоретических схем. Результатом эксперимента стала оригинальная типология раннесоветской семьи, которая не претендует на универсальность, но имеет значение для понимания особенностей эволюции семьи в изучаемую эпоху.

Для изучения семьи членов РКП(б) был применен выборочный метод:

– по случайному принципу сформирована основная выборка (517 анкет, 3,5 % от всей совокупности членов партии). Она использовалась для анализа семейной структуры по численности, а также по количеству работников и иждивенцев;

– на основе целевого отбора проведена дополнительная выборка анкет, в которых представлена развернутая информация о составе се-

⁴См.: Герасимова И. А. Структура семьи. М., 1976; Ласлетт П. Семья и домохозяйство: ист. подход // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. М., 1979. С. 132–138.

мы с указанием родственных связей (254 анкеты). Она была использована для изучения демографической типологии семьи (по Ласлетту) и семейного состояния членов партии. Репрезентативность дополнительной/целевой выборки недостаточна, но она также может быть использована для выявления типов семей и иллюстрации общей тенденции развития семьи в раннесоветском обществе.

Оценка репрезентативности основной выборки опиралась на сравнение ее параметров с генеральной совокупностью – Екатеринбургской губернской партийной организацией РКП(б) (см. табл. 4.1, 4.2, 4.3). В целом основная выборка пропорциональна генеральной совокупности (Екатеринбургской партийной организации) по своим структурным параметрам, в том числе по таким признакам, как пол, образование, место жительства, что позволяет оценить ее как репрезентативную для изучения семейной структуры членов партии.

По данным основной выборки в семейной структуре членов партии преобладали малые семьи (от 2 до 4 чел.): в них проживало около половины коммунистов (49,5 %) (рис. 5.1). Средний состав семьи насчитывал 3,97 чел., а модальный показатель соответствовал значению 4 чел.

Обращает на себя внимание высокий удельный вес одиноких коммунистов, который составил 13,9 %. Среди них преобладала молодежь до 24 лет – 52,9 %; с 25 до 34 лет – 40,0 %. В старших возрастных группах доля одиноких резко снижается (с 35 до 44 лет – 4,3 %; свыше 45 лет – 2,9 %). Женщины среди одиноких составили более 1/3 (33,9 %), что дает основание для вывода о «военных» причинах одиночества как результате нарушения баланса полов, а также о формировании новых семейно-брачных стратегий, отрицающих ценность семьи.

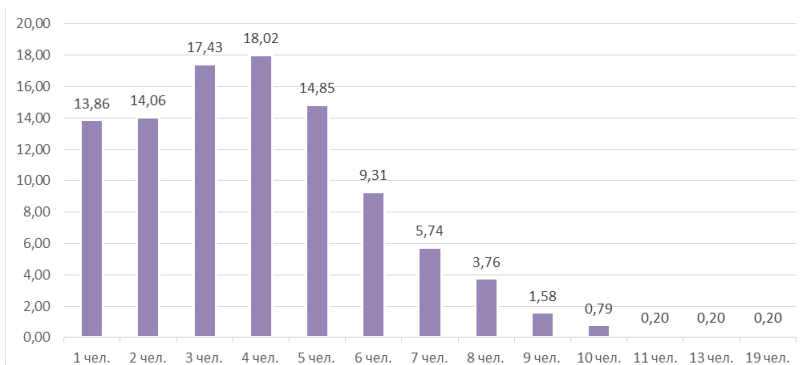

Рис. 5.1. Распределение семей членов РКП(б) по количеству человек в 1922 г.

По социальному статусу среди одиноких членов партии доминировали военнослужащие. Их удельный вес составил 38,6 %, служащие насчитывали 21,4 %, партийные и советские работники – 11,4 %, рабочие – 10,0 %, крестьяне – 10,0 %, учащиеся и пр. – 8,6 %.

Особый интерес представляет категория одиноких служащих, партийных и советских работников в возрасте 25–34 лет (примерно 2,4 % от всего объема случайной выборки), видимо, сознательно выбравших внесемейные стратегии. В партийно-номенклатурной среде эти настроения могли подпитываться представлениями о семье как проявлении мещанства. Крайним выражением революционной мифологии стало распространение мнения о том, что семья является пережитком прошлого и не соответствует образу борца за революцию. Его носителями часто выступали интеллигенты. В одной из анкет приводятся сведения о 30-летнем молодом человеке (партийный стаж с 1914 г.), холостом, окончившем Лондонский университет, посвятившем себя партийной работе⁵. Одинокие коммунисты со средним или высшим образованием и непролетарским происхождением (чаще всего из купцов и мещан) встречаются в материалах переписи достаточно часто, их удельный вес в выборке составил 18,6 % от общего числа одиноких. Любопытно, что некоторые из них в ходе переписи были исключены из партии⁶.

В целом одиночество представляет собой особое социальное явление, с которым часто связывают процессы модернизации семьи. Его рассматривают как реакцию на происходящие в обществе перемены (урбанизация, ослабление межличностных отношений, ломка традиций и т. д.), которые способствуют усилению индивидуализма и эгоцентризма⁷. С позиций семьи одиночество становится одним из вариантов образа жизни, сознательно выбираемого человеком, поскольку отказ от семьи нередко воспринимается как условие реализации индивидуальных жизненных стратегий.

По данным дополнительной целевой выборки 78,96 % членов РКП(б), проживающих в семьях, состояли в браке. В целом полученные данные свидетельствуют о сохранении в партийной среде традиций брачного поведения, связанного с созданием семьи в раннем возрасте (до 25 лет). После 20 лет подавляющее большинство мужчин – членов партии – были женаты и имели детей. Если дети отсутствовали, то молодая пара проживала с родителями.

⁵ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1, Д. 571. Л. 59–60.

⁶ Там же. Д. 568. Л. 310.

⁷ См.: Михайлова А. И. Осмысление феномена одиночества как социального явления // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://uchzap.ru/journals/587> (дата обращения: 26.11.2018); Садлер У. А. Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского; пер. с англ. М., 1989.

Структура семьи в программе переписи зафиксирована по двум основным параметрам: количеству работников и иждивенцев. Включение этих вопросов в программу, видимо, преследовало цель уточнить степень занятости членов партии семейными проблемами и их ориентированность на общественно-полезную практику. Подобный взгляд на семью как экономическую и потребительскую ячейку характерен для традиционного общества. В частности, соотношение числа работников и едоков – это основной показатель, оценивающий экономический потенциал крестьянской семьи.

Важно также учесть, что при проведении переписи «работниками» учитывались те члены семьи, кто имел доход в форме заработной платы, остальные указывались как «иждивенцы». Так, например, в анкетах крестьян все члены семьи, кроме главы, учитывались как «иждивенцы». В результате перепись дает достоверную картину соотношения работников/иждивенцев для городской семьи, в которой доходы формируются за счет оплаты труда, а также для семей рабочих и служащих, проживающих в сельской местности. Крестьянская семья, где имело место половозрастное разделение труда и соотношение числа работников и иждивенцев носило более сложный характер, в материалах переписи не получила корректного отражения. Поэтому информация о крестьянских семьях была исключена из распределения, приведенного в табл. 5.1.

В подавляющем большинстве семей членов партии отмечен один работник, преимущественно мужчина (см. табл. 5.1). И только в 20,5 % семей зафиксировано по два и более работников, в том числе 15,7 % составили семьи из двух человек; 3,8 % – из трех; 0,7 % – из четырех; 0,3 % – из пяти и более человек. Больше половины семей состоят из четырех-шести, средний состав – 5,2 человека. Треть семей с двумя и более работниками проживали в городе (31,8 %), в заводских поселках – 19,1 % и около половины (49,1 %) – в сельской местности.

В традиционном обществе количество работников в семье растет за счет вступления в трудоспособный возраст мужчин: такую картину мы можем наблюдать в старших возрастных группах коммунистов. Не менее значимой причиной изменения трудо-потребительского баланса семьи в 1920-е гг. становится трудовая занятость женщин. В 1922 г. доля женщин в составе рабочих и служащих составляла 25 %, а к 1940 г. она достигла 39 %⁸. Членство в партии являлось важным фактором, влияющим на поведение женщин, 83 % из них работало: большинство было занято в крестьянском хозяйстве, на рабочих специальностях или в качестве служащих; 9,4 % работало в партийных или советских органах.

⁸ См.: Народное хозяйство СССР за 60 лет : стат. сб. М., 1977. С. 469.

Таблица 5.1

Распределение семей членов партии по числу членов семьи и количеству работников (за исключением крестьянских семей)*

Число членов семьи, чел.	Количество работников в семье, чел.							Итого	Удельный вес, %
	Нет	1	2	3	4	5	6 и более		
1	0	63	0	0	0	0	0	63	15,75
2	1	47	7	0	0	0	0	55	13,75
3	0	57	7	2	0	0	0	66	16,50
4	0	60	16	1	1	0	0	78	19,50
5	1	39	15	3	0	0	0	58	14,50
6	1	24	8	2	0	0	0	35	8,75
7	0	14	5	3	1	0	0	23	5,75
8	0	9	4	1	1	0	0	15	3,75
9	0	1	0	2	0	0	0	3	0,75
10	0	1	1	0	0	0	0	2	0,50
11	0	0	0	1	0	0	0	1	0,25
13	0	0	0	0	0	0	1	1	0,25
Всего:	3	315	63	15	3	0	1	400	
Удельный вес семей, %	0,75	78,75	15,75	3,75	0,75	0,00	0,25		100

*Составлено по выборке из 400 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Таким образом, анализ трудо-потребительского баланса партийной семьи свидетельствует: во-первых, о сохранении в раннесоветском обществе традиций внутрисемейного распределения функций, в соответствии с которыми глава семьи должен был кормить и содержать всех ее членов; во-вторых, о росте женской занятости, постепенно меняющей семейные роли.

Характеристику партийной семьи дополняет группировка по демографическому типу, которая учитывает состав семьи, в том числе состояние в браке главы семьи (полные/неполные семьи), а также ее поколенную структуру (простая (нуклеарная)/сложная). Группировка по демографическому типу была проведена на основе дополнительной целевой выборки (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Распределение семей членов РКП(б) по демографическим типам*

Тип семьи по П. Ласлетту	Демографический тип	Количество семей	Удельный вес без учета одиноких, %	Удельный вес с учетом одиноких, %
1а+1б	Одинокие			13,86
<i>Полные семьи</i>				
3а	Брачная пара без детей (простая)	52	20,47	17,64
4а	Брачная пара с детьми и родителями (расширенная по восходящей)	30	11,81	10,17
4в+4г	Брачная пара без детей с родителями и родственниками (сложная)	27	10,63	9,16
3б	Брачная пара с детьми (простая)	94	37,01	31,88
5г	Братская семья (сложная)	1	0,39	0,34
<i>Неполные семьи</i>				
3в + 3г	Глава семьи (мать или отец) с детьми (простая)	9	3,54	3,06
4а	Глава семьи с детьми и родителями (расширенная по восходящей)	6	2,36	2,03
4г	Глава семьи с родителями и родственниками (сложная)	29	11,42	9,83
4в	Глава семьи с родственниками (расширенная)	6	2,36	2,03
	Итого:	254	100,00	86,14
	Всего:	295		100,00

*Расчет проведен на основе вспомогательной целевой выборки из 254 анкет.

Таким образом, в целевой выборке полные семьи составили 80,31 %, из них почти 2/3 (71,8 %) были простыми (нуклеарными) и 28,2 % можно охарактеризовать как расширенные и сложные. Обратная картина наблюдается среди неполных семей, удельный вес которых в выборке составил 19,68 %. В этой группе простые семьи не превысили 18,0 %, остальные относятся к категории расширенных и сложных.

Особенностью дополнительной целевой выборки было то, что в нее не включались одинокие, а только семьи из двух и более человек, которые по основной выборке составили 86,14 %. Если учесть этот момент, то доли выделенных типов семейных коллективов будут меньше на несколько процентов (см. табл. 5.2). Кроме того, данное распределение не вполне репрезентативно по отношению ко всему раннесоветскому обществу, поскольку имеются искажения, определяемые особенностями половозрастной структуры партийной организации, но оно все же отражает общие тенденции и поэтому заслуживает внимания.

В целом в партийной среде преобладали полные семьи, причем более половины из них (68,3 %) относились к малым (2–4 чел.). Это были преимущественно семьи молодых членов партии (до 34 лет) – рабочих и служащих, проживающих в городах и заводских поселках. Многочисленные полные семьи (5–8 чел.) встречаются у разных категорий населения (рабочие, крестьяне, служащие). Их объединяет то, что глава семьи относится к средней возрастной группе (35–44 года), половина из них – это многодетные семьи (нуклеарные), другая половина – многопоколенные, неразделенные.

Каждая пятая семья (19,68 %) в изучаемой совокупности была неполной и представлена в основном вдовами/вдовцами, на содержании которых имелись дети и/или родители. Среди неполных семей 2/3 (78,0 %) составили малые семейные коллективы (2–4 чел.) и 22,0 % – семьи из пяти и более человек. Многочисленные семьи встречаются преимущественно в крестьянской среде: примером может служить семья члена партии из с. Меркушино – вдовца с двумя детьми и родителями, который в ходе переписи был исключен из партии, написав заявление о выходе из состава партии по причине болезни и непонимания политики нэпа⁹.

2/3 неполных семей (73,5 %) возглавлялись мужчинами и только 1/3 – женщинами. Такое распределение нетипично и детерминировано гендерными особенностями состава партии. По сведениям Н. И. Воробьева, изучавшего семью в г. Нерехте в 1923 г.¹⁰, удельный

⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1, Д. 560. Л. 6, 8.

¹⁰ См.: Воробьев Н. И. Семья в Нерехте (К вопросу об анализе семьи) // Советская демография за 70 лет (Из истории науки) / отв. ред. Т. В. Рябушкин. М., 1987. С. 110–130.

вес неполных семей в структуре населения города был существенно выше и достигал 30,5 %, а в 9 из 10 неполных семей роль главы семьи выполняла женщина.

Представленная выше типология соотносится с классификационной схемой П. Ласлетта¹¹, где акцент сделан на поколенной структуре семьи: простые семьи по нашей выборке составили больше половины – 61,1 %; сложные семейные коллективы – 38,9 %. В материалах переписи можно найти многочисленные примеры неразделенных семей, в том числе семей, где глава проживал отдельно – в городе, а его жена, дети, родители – в деревне¹². Причиной такого раздельного проживания могло быть отходничество¹³ либо военная служба¹⁴.

Эти факты в целом подтверждают концепцию Дж. Хайнала¹⁵ о распространении в России неразделенной семьи. В 1920-е гг. они встречались достаточно часто. Выявленные по целевой выборке 38,97 % сложных семей – это домохозяйства, включающие родителей, бабушек/дедушек, братьев/сестер и пр., т. е. ближайших родственников, нуждающихся в материальной поддержке и находящихся на содержании у члена партии. Ситуация нередкая для кризисных периодов истории, характеризующихся высоким уровнем смертности. С потерей кормильца молодые мужчины брали на себя заботу о близких. Среди них, например, житель Екатеринбурга 22 лет, семья которого включала пять человек: главу семьи, его жену, ребенка и двух сестер¹⁶. Другим примером может служить семья кузнеца (24 года) из с. Сылвенское, состоявшая из четырех человек и включавшая деда, бабушку и приемного ребенка¹⁷. Распространение неразделенной семьи и высокий удельный вес ее в структуре раннесоветского общества свидетельствуют не только о сохранении семейных традиций, но и о таких аспектах образа жизни советского человека, как жилищная проблема, осложнявшая раздел семей.

¹¹ Всего Ласлетт выделил шесть типов домохозяйств, в том числе одиноких; домохозяйства без семейной структуры (родственники, проживающие вместе, сожители, индивиды без явных связей); простые семейные хозяйства; расширенные семейные домохозяйства; сложные семейные домохозяйства; домохозяйства с неопределенной структурой (братства, корневые семьи – совместное проживание супружеской четы и их женатого сына, а также неженатых и незамужних братьев и сестер и т. д.) (см.: *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство : ист. подход. С. 132–138).

¹² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 571. Л. 123–124.

¹³ Там же. Д. 567. Л. 266.

¹⁴ Там же. Д. 564. Л. 8; Д. 561. Л. 62–63.

¹⁵ См.: *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // *Population in History* / eds. D. V. Glass and D. E. C. Eversley. Chicago, 1965. P. 101–143.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1, Д. 566. Л. 125.

¹⁷ Там же. Л. 227–228.

5.2. Социальная типология партийной семьи

Одним из значимых типологических признаков для изучения структуры семьи выступает место жительства – город или сельская местность (табл. 5.3). Город уже в XIX в. становится средоточием модернизационных перемен, втягивая в этот процесс и семью, которая стремительно преобразуется.

Таблица 5.3

Распределение партийных семей по численности в зависимости от места проживания, %*

Категории семей	Город		Сельская местность (завод, село, ж.-д. станция)		Итого	
	Малая выборка	Большая выборка	Малая выборка	Большая выборка	Малая выборка	Большая выборка
Одинокие	22,9	23,4	8,3	10,5	13,9	15,6
Малая семья (2–4 чел.)	48,9	51,1	49,7	44,6	49,4	47,1
Средняя семья (5–8 чел.)	26,6	23,9	38,2	40,2	33,7	33,8
Большая семья (9 и более чел.)	1,6	1,6	3,8	4,7	3,0	3,5
Всего:	100	100	100	100	100	100

*Расчитано на основе обработки материалов малой (517) и большой (4 997) выборки анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г. Сопоставление результатов малой и большой выборки не фиксирует статистически значимых отклонений и свидетельствует о репрезентативности малой выборки по отношению к общей численности Екатеринбургской партийной организации.

Всего по результатам большой выборки 39,4 % были горожанами, из них одинокие составили 23,4 %. Наиболее типичной была малая семья – 51,1 %. Около половины городских семей (50,02 %) относились к семьям служащих, партийных, советских и профсоюзных чиновников, преимущественно молодых (до 35 лет) и имеющих начальное образование. Средний возраст мужчины – главы городской семьи – 29,4 года, модальный – 25,6 лет. Характерной чертой городской семьи члена партии является то, что глава семьи вырос в рабочей (42,5 %) или крестьянской (32,2 %) среде, и только в 12,6 % случаев отец члена партии был служащим. Это непосредственно влияло на структуру семьи и характер внутрисемейных отношений.

В целом в 1920-е гг. маргинальность населения города заметно усиливается, он наполняется выходцами из крестьянской и заводской среды. Получив партийные билеты, они становятся базисом советской и партийной номенклатуры, определяя социальный облик средних слоев города. Преимущественно низкий уровень образования и традиции родительской семьи в значительной степени способствовали сохранению патриархального характера внутрисемейных отношений.

Сельская партийная семья заметно отличалась от городской семьи по своим количественным характеристикам и социальной структуре. Одинокие встречаются в 10,5 % случаев, т. е. в два раза реже, чем в городе. Доля малых и средних семей в структуре семей сельских коммунистов примерно одинакова и составляет соответственно 44,6 и 40,2 %, что согласуется с их возрастной структурой. Наконец, крупных семей на селе почти в 3 раза больше, чем в городе. По социальному происхождению преобладали крестьянские и рабочие семьи, проживавшие преимущественно в заводских поселках. Средний возраст сельского коммуниста составил 34,4 года, что заметно выше городского, модальный – 31 год.

Таким образом, группировка отражает существенное отличие городской и сельской семьи по числу членов, что можно интерпретировать как вполне *объективное закономерное явление* – следствие урбанизации и демографического перехода, в результате которых городское население, выступая носителем модернизационных тенденций, в первую очередь испытывает на себе их влияние.

Корреляционный анализ, проведенный на основе сгруппированных данных, также подтверждает значимость признака «тип поселения» для типологизации. Исследование массива с помощью критерия Пирсона¹⁸ позволяет сделать вывод, что город и сельская местность (завод, село) статистически значимо различаются, причем коэффициент сопряженности для семей, проживающих в городе и заводском поселении, выше (0,184), чем в городе и селе (0,122).

В 1920-е гг. при общем преобладании малой семьи в сельской местности более 1/3 составляли средние по численности семьи, и в два раза больше, чем в городе, было крупных семей. На размер семьи оказывали влияние два основных фактора: количество детей и поколенная структура. В сельской местности ранний брак и неразделенная многочисленная семья встречались чаще. В городах возраст вступления в брак был выше и меньше детей. В городах также отмечено в 2,7 раза больше одиноких.

¹⁸ Критерий независимости Пирсона (*Neyman – Pearson criterion of independence*) для качественных признаков позволяет оценить связь (расхождение/отталкивание) между социальными группами.

Семейная структура членов партии в значительной степени определяется половозрастными особенностями состава РКП(б), поэтому соотнести ее с населением Екатеринбургской губернии или России в целом нельзя. Однако дифференцированный подход к анализу материалов переписи (по отдельным возрастным и социальным группам) позволяет в значительной мере сгладить эти искажения и получить адекватное представление о семейной организации раннесоветского общества.

Перспективной, с точки зрения типологии, выглядит группировка партийных семей в зависимости от социальной принадлежности члена партии: крестьянство, рабочие, служащие, партийно-советские работники, военнотружущие (табл. 5.4).

По табл. 5.4 видно, что семейная структура различных социальных групп существенно отличается. При общем преобладании малых семей для крестьян характерен самый низкий удельный вес одиноких и, напротив, самая высокая доля крупных семей (свыше 9 чел.). Рабочие демонстрируют сходную структуру – низкий показатель числа одиноких и повышенную долю малых семей. В категории служащих и партийно-советских работников заметно возрастает число одиноких и отмечается преобладание малых семей.

В результате применения критерия Пирсона выделяются три типологические группы семей: 1 – семьи рабочих и крестьян; 2 – служащих и партийно-советских работников; 3 – военнотружущих (рис. 5.2).

Первую типологическую группу составили *семьи крестьян и рабочих*, совокупный удельный вес которых достигает в выборочной совокупности 33,6 %. Для данной группы семей характерна сходная картина распределения, в частности, по количеству одиноких. В целом они тяготеют к «традиционному» типу семьи, основанному на принципах патриархальности.

В Екатеринбургской губернии *крестьянские семьи* в партийной среде составляли 19,1 %. Из них в 85,7 % случаев глава семьи был потомственным крестьянином, в 10,5 % – выходцем из горнозаводской среды (отец указан рабочим), по 0,9 % – из ремесленников и служащих. Таким образом, социальная база крестьянской семьи осталась без изменений, маргинализация почти не коснулась этого слоя населения, что способствовало сохранению семейных традиций.

Крестьянские семьи имели, как правило, сложную структуру, включая детей, иногда приемных, родителей, бабушек и дедушек. Об этом свидетельствует распределение семей по количеству членов: одинокие составляли 8,3 %, семьи из 2–4 чел. – 44,0 %, 5–8 чел. – 40,9 %, более 8 чел. – 6,7 % (см. табл. 5.4). Средний состав семьи насчитывал 4,8 чел., модальный – 4,7 чел., что свидетельствует о нормальной структуре распределения, формирующейся под влиянием естественных факторов, прежде всего возраста. Возраст 15–24 года имели

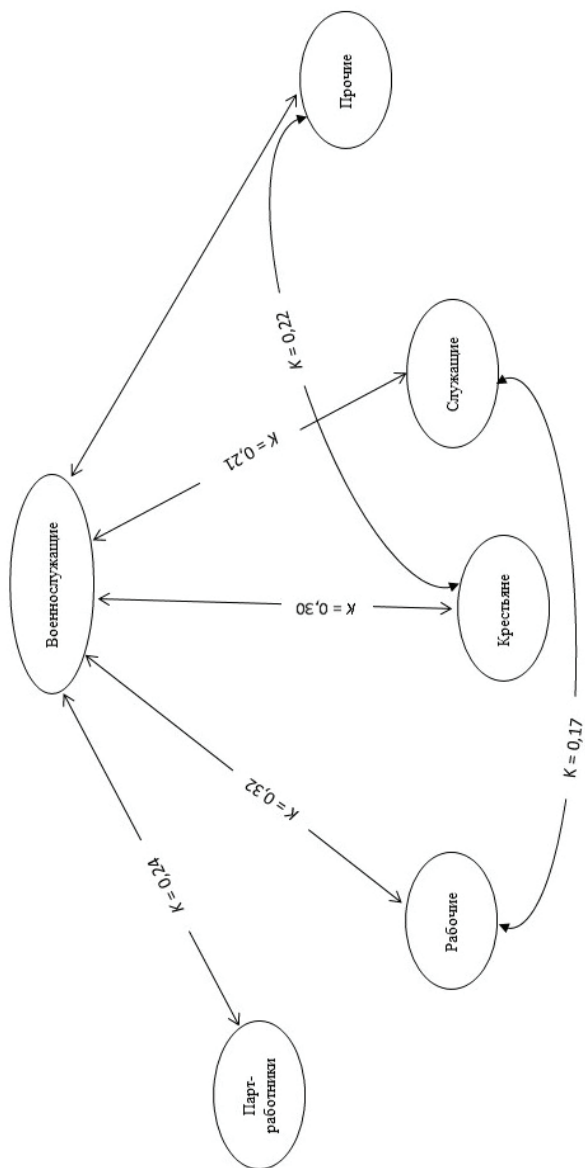

Рис. 5.2. Корреляционная плеяда социальных категорий семей

Таблица 5.4
Распределение семей в зависимости от социальной принадлежности членов партии, %*

Категории семей	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Партийно-советские работники	Военнослужащие**	Прочие***	Нет данных	Итого
Одинокие	8,40/ 9,23	6,70/ 8,28	12,50/ 12,65	10,20/ 13,17	28,70/ 27,59	24,00/ 25,61	0,00/ 29,59	13,90/ 15,67
Малая семья (2-4 чел.)	43,40/ 48,20	48,60/ 44,03	55,80/ 49,60	51,30/ 49,32	48,90/ 49,49	40,00/ 43,05	0,00/ 38,27	49,40/ 47,21
Средняя семья (5-8 чел.)	48,20/ 39,44	37,10/ 40,98	30,80/ 34,88	34,60/ 34,67	20,30/ 22,02	32,00/ 28,26	0,00/ 28,57	33,70/ 33,68
Большая семья (9 и более чел.)	0,00/ 3,13	7,60/ 6,71	0,80/ 2,87	3,90/ 2,84	2,10/ 1,39	4,00/ 3,09	0,00/ 3,57	3,00/ 3,44
Всего:	100,00/ 100,00	100,00/ 100,00	100,00/ 100,00	100,00/ 100,00	100,00/ 100,00	100,00/ 100,00	100,00/ 100,00	100,00/ 100,00
Удельный вес семей, %	16,40/ 12,79	20,80/ 19,09	23,80/ 20,25	15,40/ 18,99	18,60/ 15,81	5,00/ 9,06	0,00/ 3,92	100,00/ 100,00

* Рассчитано на основе обработки материалов выборки Всероссийской партийной переписи 1922 г. В числителе указаны результаты расчета по малой выборке в знаменателе – по большой.

** К военнослужащим отнесены не только те, кто служил в действующей армии, но и сотрудники чрезвычайных комиссий (ЧК), частей особого назначения (ЧОН), милиции, следственных и судебных органов, т. е. сотрудники «силовых» структур.

*** В категорию «Прочие» вошли учащиеся, домохозяйки, домашние работники, неработающие члены партии, а также те, у кого отсутствуют данные о месте работы.

7,6 %; 25–34 лет – 41,9 %; 35–44 – 33,3 %; 45 и более – 17,1 %, т. е. среди крестьян преобладали средние возрастные группы с 30 до 40 лет. Большинство из них вступили в партию в зрелом возрасте, уже имея семью и детей. В целом крестьянская семья была меньше других затронута модернизационными изменениями и дольше сохранила патриархальные черты.

К *рабочей семье* по результатам выборки можно отнести 12,8 % – это те коллективы, где глава семьи трудился на заводе, руднике, фабрике, железной дороге. Среди них 53,2 % были потомственными рабочими, 31,6 % – выходцами из крестьян, 5,1 % – из ремесленной среды, 1,3 % – из служащих (мещан), в 8,9 % случаев нет сведений. По числу членов рабочие семьи распределялись следующим образом: из одного человека состояло 9,2 % семей, из 2–4 – 48,2 %, 5–8 – 39,4 %, более 8 чел. – 3,1 % (см. табл. 5.4). Средний состав рабочей семьи насчитывал 4,4 чел., т. е. был таким же, как у крестьян; модальный размер семьи также составил 4,4 чел. В большинстве семей отмечен один работник и высокий уровень детности. По целевой выборке большинство рабочих семей относится к демографическим типам «брачная пара с детьми», а также «брачная пара с детьми и родителями». Отмечены также неполные семьи – это вдовцы с детьми и родителями. Таким образом, в этой группе также преобладают семьи традиционной ориентации, что типологически сближает ее с крестьянской семьей. Отличие городской рабочей семьи от крестьянской состояло в переходе на другую экономическую основу: основным источником средств существования была зарплата главы семьи (мужчины), задача которого – прокормить жену и детей.

Структура рабочей семьи быстро меняется в 1920-е гг. вместе с ростом занятости женщин, но все же сохраняет некоторые традиционные черты, в том числе патриархальный характер внутрисемейных отношений и неразделенность. В 1930-е гг. такая семья получает название «рабочая династия» и пропагандируется как идеальная модель советской семьи. Таким образом, рабочая семья как институт приобретает идеологические функции.

При конструировании идеологии рабочей династии активно использовался устойчивый семейный образ – это большая, многопоколенная, неразделенная семья, возглавляемая потомственным рабочим и состоящая преимущественно из рабочих (жена, дети, внуки). Она рассматривалась властью как основа формирования нравственности молодых поколений. Следует отметить усилия власти по канонизации рабочей семьи – династии, формированию на ее основе нового архетипа, соответствующего идеологическим критериям и постепенно вытесняющего архетип крестьянской семьи.

В особую типологическую группу можно выделить *семьи служащих и партийно-советских работников*. Они в наибольшей степени попадали под влияние модернизационных факторов и стали носителями новых тенденций в семейных отношениях. Семьи служащих и партийно-советских работников составляли 39,2 % от всей совокупности, более половины из них проживали в городе (50,4 %), остальные – в сельской местности. Для данной категории семей были характерны высокий удельный вес одиноких (12,9 %) и преобладание малых семей, большинство из которых относились к нуклеарным. Практически совпадают удельные веса средней и большой семьи (34 % и 2,8 % соответственно). Эти тенденции также прослеживаются в среднем размере семей: для служащих, как и для партийно-советских работников, он составляет 4,2 чел.

Особо следует остановиться на *семьях партийных и советских работников*, которые стали прототипом другого идеального типа номенклатурной/партийной семьи, утвердившегося в 1930-е гг. Их удельный вес составил 18,99 % от всей совокупности. В этой категории более половины составили малые семьи из 2–4 чел. – 49,3 %; из 5–8 – 34,7 %; более 8 – 2,8 % (см. табл. 5.4). Модальный возраст членов партии в этой категории семей – 30–39 лет, они объединили половину (50,0 %) респондентов, относящихся к рассматриваемому типу. По социальному происхождению в 32,9 % случаев отец партийного работника был рабочим, в 54,3 % – крестьянином, в 12,9 % – служащим. В абсолютном большинстве семей партийных и советских функционеров отмечен один работник (73,1 %) и в каждой четвертой семье – 2 и более работников.

Первоначально членство супругов в партии не влияло на распределение внутрисемейных обязанностей. Женщины продолжали выполнять функции домохозяйки. Но с течением времени жены номенклатурных работников все активнее включались в партийную и советскую работу, поступали на службу в государственные учреждения. Семьи партийных и советских работников в наибольшей степени были подвержены идеологическому влиянию, что отражалось на их структуре. В годы нэпа важным фактором выбора семейных стратегий партийных работников был «революционный романтизм», проявлявшийся в том числе в безбрачии. В 1930-е гг. утверждается другой идеальный образ партийной семьи как «союза единомышленников», воспроизводивший некоторые традиционные черты, в частности, «неприкосновенность» института брака, неразделенность, сословность.

В отдельную группу выделяются семьи военнослужащих. Она объединяет представителей всех силовых структур: военных срочной службы, милиционеров, сотрудников чрезвычайных комиссий и частей особого назначения, следователей, судей и пр. Удельный вес

данной категории семей составил 15,8 %, т. е. выше, чем количество семей рабочих (см. табл. 5.4). Прежде всего здесь зафиксирован самый высокий показатель одиноких – 27,6 % и наиболее низкий удельный вес средних (22,0 %) и крупных семей (1,4 %). Такое семейное поведение определяется прежде всего возрастным фактором: 74,5 % членов семей в данной группе имеют возраст до 29 лет. В 80,8 % случаев – это семьи с одним работником, в остальных случаях фиксируются два и более работников. Средний состав семьи самый маленький – 3,3 чел. Очевидно, что здесь реализуется специфическая модель развития семьи, траектории которой зависят от особенностей службы респондента. В частности, среди милиционеров, больше половины которых проживает в сельской местности (55,9 %), наблюдается более высокий удельный вес средних семей (28,7 %), в том числе в сельской местности доля таких семей достигает 40 %. Высокий удельный вес средних семей демонстрируют также сельские чекисты – 32 %.

Напротив, военнослужащие срочной службы в 37 % случаев одинокие, больше половины их находились в возрасте 18–24 лет. Военнослужащие возрастной группы 25–44 лет в 57 % случаев являются членами малой семьи с составом 2–4 чел.; возрастная группа 45 и более лет в 43 % случаев входит в состав средней семьи (5–8 чел.). Таким образом, военнослужащие срочной службы характеризуются специфическими семейными стратегиями, ориентированными на создание малой семьи.

Дополнительным обоснованием типологии по признаку «Социальная принадлежность» служит семейный индекс. Он позволяет оценить значимость семейных ценностей для различных социальных групп с учетом трех базовых типологических характеристик: «Тип поселения» (город/село), «Вид деятельности» и «Размер семьи». С учетом семейного индекса выделяются следующие типологические группы: крестьяне; рабочие; партийно-советские работники; служащие; военнослужащие и прочие, которые легко агрегируются в предложенную выше социальную типологию, подтверждая и уточняя ее (табл. 5.5).

Самый высокий семейный индекс имеют *крестьяне и рабочие*, которые характеризуются наиболее высоким семейным статусом, тяготеющим к показателям традиционной семьи. Промежуточное положение занимают *партийно-советские работники и служащие*, индекс семейности которых близок к единице. Для них свойственна ситуация перехода от традиционной к современной семье, которая по-разному проявляется в профессиональных подгруппах: более высокий семейный индекс имеют советские работники, а комсомольские функционеры в силу более молодого возраста и ориентации на городской образ жизни отличаются более низким индексом. Сельские комсомольцы, будучи включенными в крестьянское дворохозяйство, демонстрируют показатели, свойственные крестьянам.

Таблица 5.5

**Семейный индекс для членов Екатеринбургской организации
РКП(б) в 1922 г.**

Социальные группы	Семейный индекс общий	Семейный индекс горожан	Семейный индекс сельских жителей
<i>Крестьяне</i>	<i>1,19</i>	<i>0,94</i>	<i>1,20</i>
В том числе:			
– крестьяне-единоличники;	1,22	0,84	1,22
– коммунары	1,10	1,0	1,11
<i>Рабочие</i>	<i>1,11</i>	<i>1,02</i>	<i>1,14</i>
<i>Партийно-советские работники</i>	<i>1,04</i>	<i>0,91</i>	<i>1,17</i>
В том числе:			
– партийные работники;	1,02	0,90	1,18
– советские работники;	1,07	0,95	1,17
– комсомольские работники	0,78	0,59	1,23
<i>Служащие</i>	<i>1,05</i>	<i>0,96</i>	<i>1,13</i>
В том числе:			
– служащие;	1,05	0,96	1,13
– профсоюзные работники	1,04	0,97	1,15
<i>Военнослужащие</i>	<i>0,83</i>	<i>0,77</i>	<i>1,0</i>
В том числе:			
– красноармейцы;	0,76	0,73	0,90
– чекисты;	0,86	0,82	0,92
– милиционеры;	0,94	0,80	1,05
– судебно-следственные работники	1,04	1,05	1,03
<i>Прочие</i>	<i>0,93</i>	<i>0,69</i>	<i>1,06</i>
В том числе:			
– учащиеся;	0,56	0,52	0,89
– ремесленники;	0,96	0,75	0,99
– безработные;	1,13	0,96	1,20
– прочие*;	0,96	0,75	0,99
– нет данных	0,92	0,87	0,94

* Категория «Прочие» включает журналистов, врачей, учителей, библиотекарей, заключенных, извозчиков, артистов, т. е. преимущественно образованную интеллигенцию или маргиналов.

Самый низкий общий семейный индекс характерен для *военно-служащих и прочих*, в число которых входят преимущественно учащиеся и образованные специалисты: врачи, учителя, ветеринары, журналисты и т. д. Ориентация на одиночество или малосемейность определяется для каждой группы своими факторами – профессиональными или возрастными. Их можно отнести к активным или потенциальным носителям модернизационной тенденции в семейном поведении, характерными чертами которой являются малодетность и одиночество.

Сопоставление семейных индексов горожан и сельских жителей также подтверждает дифференцирующее влияние признака «Тип поселений» на семейную структуру (рис. 5.3). В городе только у рабочих и судебных работников он превышает 1,00, самый низкий индекс демонстрируют учащиеся, комсомольские работники (в силу возраста) и «Прочие» – преимущественно образованная интеллигенция, которая раньше других включается в демографический переход. В сельской местности наиболее высокий семейный индекс имеют крестьяне-единоличники и безработные. В число последних часто попадали те же крестьяне или рабочие, потерявшие работу по инвалидности. Наиболее низкий индекс у ремесленников, чекистов и милиционеров.

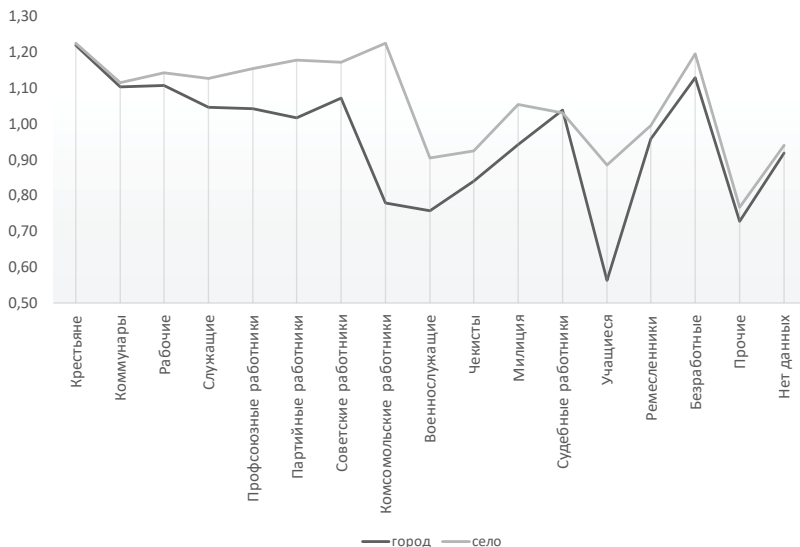

Рис. 5.3. Семейные индексы для членов партии, проживающих в селе и городе

В целом семейная структура в сельской местности тяготеет к традиционной семье.

Если подвести общий итог характеристики семейной структуры членов партии в 1922 г. в Екатеринбургской губернии, то следует отметить ее переходное состояние. При общем преобладании традиционных семейных структур шел постепенный процесс демократизации семейной жизни, подкрепленный законодательными мероприятиями. Однако этот переход остался незавершенным. Те же тенденции можно констатировать применительно к населению РСФСР в целом.

Результат использования разных математико-статистических методов (группировок, корреляционного и кластерного анализа, индексов) для изучения первичных данных о структуре и социальных параметрах партийной семьи свидетельствует о статистически значимой факторной нагрузке двух основных признаков, влияющих на структуру и типологию раннесоветской семьи – это «Место жительства» (город/село) и «Вид деятельности», определявший социальный статус респондента. Первый фактор тесно связан с процессами урбанизации и свидетельствует об активных модернизационных трансформациях, переживаемых раннесоветским обществом. Второй указывает на влияние традиционных моделей семейного поведения, что определяется, во-первых, начальной стадией демографического перехода и, во-вторых, дополнительной архаизацией общественных практик и отношений, которые стали следствием военных и революционных потрясений. Кроме того, процессы трансформации раннесоветской семьи в значительной степени корректируются идеологическим фактором.

Влияние коммунистической идеи на семью можно проследить в нескольких направлениях:

1. В конструировании идеальных типов в качестве эталонов семейной организации.
2. В ускорении/замедлении модернизационной динамики института семьи.

Если в 1917–1920-е гг. семейная политика большевиков способствовала неоправданному ускорению процессов перестройки семьи, то в 1930-е гг. наблюдается другая картина – поворот к традиционализму и консервация патриархальных черт во внутрисемейных отношениях, т. е. торможение процессов социальной модернизации семьи¹⁹. Демографическую модернизацию, которая находится под влиянием макрофакторов, идеология принципиально остановить не может.

Сохранение на протяжении 1920–1940-х гг. преимущественно традиционного формата семьи и в дальнейшем включение его в число

¹⁹ См.: Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи: макросоциологический и антрополого-педагогический анализ : моногр. М., 2010. С. 107–119.

символов социалистического общества (как это произошло с «рабочей династией») было связано с незавершенностью модернизации, подерживалось действием возвратных механизмов, способствовавших усилению традиционализма в сталинскую эпоху. В этом смысле для характеристики России первой половины XX в. вполне применим термин «полусовременное» общество (*halbmoderne Gesellschaft*), предложенный У. Беком²⁰, который иллюстрирует сложный извилистый путь модернизации российского общества.

Этот вывод находит подтверждение в предложенной выше типологии. Рассмотренные социальные типы семей соотносятся с представлениями о «традиционной» и «современной» семье. Если семьи рабочих и крестьян, проживавших преимущественно в сельской местности (село, завод), по своим демографическим характеристикам тяготели к «традиционному» типу, то семьи служащих и советско-партийных работников, особенно горожан, активно модернизировались и эволюционировали в направлении современной семьи, преимущественно нуклеарной.

Вместе с тем высокая факторная нагрузка признака «Вид деятельности» при проведении типологии также является отголоском традиционного общества, в котором сословность была основой для типологии семьи. По мере модернизации общества влияние этого признака должно снижаться, так как происходит унификация семейной организации, демографические показатели которой зависят не от социальной принадлежности членов семьи, а от других факторов, связанных с образом жизни, а также с конструируемыми властью и обществом институциональными эталонами.

5.3. Идеальные типы партийных семей

Материалы партийной переписи интересны также тем, что помимо общей статистической картины семейного состояния и структуры они содержат информацию о новых формах семейной организации, которые в большей степени являются результатом идеологического воздействия. Новые формы складывались под влиянием нескольких факторов:

1. Утопического социализма (семья-коммуна).
2. Революционного романтизма (семья как союз соратников по партии, посвятивших свою жизнь борьбе за общее дело).

²⁰ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М., 2000. С. 234.

Данные варианты семьи представляли собой *идеальные типы/модели*, соответствующие мифологии революционного обновления и сконструированные как антипод буржуазной семье. Будучи мысленными конструктами, они не имели серьезной перспективы и не меняли принципиально семейную структуру общества, но представляли собой любопытный феномен, особенно привлекательный для историков и социологов.

Среди идеально-сконструированных типов следует отметить прежде всего *семью-коммуну*, которая встречается в сельской местности.

Семейная жизнь – это глубоко приватная сфера, слабо отраженная в исторических источниках. Поэтому анализ трансформаций внутрисемейных отношений представляет известную сложность. В официальных статистических документах семьи-коммуны не фиксировались. Только воспоминания и, может быть, нестандартные ответы по вопросу семьи в материалах переписей позволяют получить представление о том, как воспринимали участники событий тех лет социально-экономические новации, которые порождала раннесоветская эпоха.

При изучении материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. по Екатеринбургской губернии, сохранившихся в ЦДООСО, был зафиксирован интересный факт ассоциативного восприятия сельскохозяйственной коммуны как семьи. В программе переписи выделен блок вопросов о семье коммуниста («Число членов семьи при опрашиваемом: иждивенцев ___; работников ___»), отвечая на них респонденты, преимущественно члены сельскохозяйственных коммун, в некоторых случаях указывали нетипичные значения, которые не совпадали с представлениями о среднестатистической семье этого периода. В частности, в 10 анкетах было указано, что семья респондента состоит из 52 иждивенцев и 37 работников, всего 90 человек. Все анкеты были заполнены членами коммуны «Муравейник» (Ирбитский уезд), и это единственный пример описания коммуны как семьи. Несмотря на нетипичность, данный случай дает повод поговорить о трансформации представлений о семье, характерных для крестьянского сообщества. Объединение крестьянских семей в коммуну с хозяйственной/производственной целью в ряде случаев влекло за собой такую перестройку отношений в коллективе, образа жизни и сознания, которая давала им основание идентифицировать коммуну как семью²¹.

²¹ ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д. 558. Л. 169; Д. 568 Л. 324; Д. 570 Л. 254; Д. 573. Л. 124; Д. 576 Л. 39, 49, 91; Д. 577. Л. 189; Д. 591. Л. 102; Д. 596. Л. 101.

Интерпретируя таким образом результаты переписи, мы исходили из того, что описание семьи с позиций соотношения работников/иждивенцев в целом отражает традиционные представления о семье как трудо-потребительской ячейке, характерные для традиционного общества. Эталонная крестьянская семья – это домохозяйство, где соотношение работников и едоков является базовым показателем, отражающим жизненный потенциал крестьянской семьи. Подобный фокус восприятия семьи с позиции соотношения труда и потребления, характерный для крестьянского сознания, нашел отражение в ответах коммунистов-коммунаров.

Члены сельскохозяйственных коммун в партийной организации Екатеринбургской губернии в 1922 г. составляли 4,18 % (более 400 анкет). Упомянутая коммуна «Муравейник» была образована в 1920 г. из двух хозяйств (возможно, родственников), переселившихся из пос. Гальский на специально отведенные коммуны земли. Новый поселок был зафиксирован в «Списке населенных пунктов Екатеринбургской губернии» под названием «Коммуна “Муравейник”» с числом жителей 83 человека (44 мужчины, 39 женщин)²². В 1928 г. на месте коммуны значился выселок Муравейник с числом жителей 58 человек и 13 хозяйствами. Дата образования выселка (1924) позволяет предположить, что коммуна распалась в 1923–1924 гг.²³

Интересно само название «Муравейник». Муравей в народной традиции – труженик и коллективист, а муравейник – общий дом, где все живут одной семьей и сообща трудятся. Название нетипичное для эпохи социалистической реконструкции, так как коммуны в этот период, как правило, носили идеологически окрашенные имена: «Красный труд»; «Заря трудящихся»; «Ранняя Заря»; «Красный пахарь»; «Мирок труда»; «Новая жизнь»; «Единение»²⁴. Выбранное коммунарами название «Муравейник» многое говорит об их отношении к коммуне, которая воспринималась ими как большая трудовая семья, отражая крайний вариант обобществления производственных и бытовых практик.

Еще один интересный момент: партиячка коммуны «Муравейник» насчитывала 10 человек – это большая группа, влияние которой, видимо, было достаточно сильным. Возраст коммунистов-коммунаров колебался от 27 до 60 лет, более половины были старше 40 лет, т. е. это были семейные люди. Все они вступили в партию в 1919 г., за исключением одного человека – Епачинцева Афанасия Егоровича,

²² См.: Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923. С. 47.

²³ См.: Населенные пункты Уральской области. Т. 3. Ирбитский округ. Свердловск, 1928. С. 26.

²⁴ См.: Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем.

который стал членом РКП(б) в 1918 г. Восемь человек из 10 отслужили в армии (3 были на Первой мировой войне; 3 приняли участие в Гражданской войне; 2 чел. участвовали в обеих военных кампаниях). По наблюдениям исследователей, инициаторами организации коммуны чаще всего выступали пришедшие с фронтов солдаты и партизаны. И еще интересный факт: все респонденты были членами профсоюза с ноября 1921 г., что дает указание на дату образования коммуны.

В Екатеринбургской губернии, в Шадринском уезде, в начале 1920-х гг. была зарегистрирована еще одна коммуна «Муравейник», созданная из нескольких хозяйств с. Бугаевское. В списках населенных мест указано: с. Бугаевское с коммуной «Муравейник», т. е. коммуна не выделена статистиками в отдельный объект. В материалах переписи 1922 г. имеется три анкеты членов партии – коммунаров «Муравейника», в которых респонденты указывают состав своих семей (3, 5, 7 человек), не отождествляя их с коммуной. И это более типичный вариант сельскохозяйственной коммуны, восприятие которой респондентами не выходит за рамки трудового объединения²⁵.

Неизбежно возникают вопросы: что представляли собой сельскохозяйственные коммуны и какие их черты формировали ассоциации с семьей (табл. 5.6)? По данным В. В. Гришаева в 1918 г. в РСФСР в общей сложности насчитывалось от 676 до 1 375 коммун²⁶. Коммуны в основном были по 5–20 семейств (20–100 чел.), преобладали же коммуны от 7 до 12 хозяйств²⁷.

Таблица 5.6

**Сельскохозяйственная коммуна:
производственный коллектив или семья?***

Функции	Семья	Коммуна
Производство и жизнеобеспечение	+	+
Воспроизводство (репродуктивная)	+	–
Социализация	+	+
Социально-психологическая поддержка	+	+

*Составлено автором.

²⁵ Там же. С. 90

²⁶ Данные взяты из следующих работ: Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.) : док. и материалы. М., 1954. С. 512 (цифры по 26 губерниям); Ист. арх. 1960. № 5. С. 183–184 (цифры по 168 уездам); *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 2. С. 512–515; *Гришаев В. В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России, 1917–1929. М., 1976. С. 35–36 (цифры по 34 губерниям).

²⁷ См.: *Семерикова О. М.* Революция в сельском хозяйстве: идеи трудовой коммуны и их воплощение в России в 1917–1919 гг. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2017. С. 156.

Сельскохозяйственные коммуны по своей структуре представляли собой объединение нескольких крестьянских семей в одно хозяйство, основанное на обобществлении имущества и труда всех ее членов. Однако в условиях революции идея коммуны выходила за рамки чисто хозяйственного объединения и часто коммунарские практики распространялась на быт, образ жизни, формируя у коммунаров представления о коммуне как семье. Предпосылки к этому существовали, поскольку функции коммуны и семьи практически полностью пересекались, за исключением репродуктивной (см. табл. 5.6). Зато она становилась объектом пересудов, формируя у крестьян-единоличников искаженные представления о сексуальной жизни в коммуне. Между тем для коммунаров важнее был другой опыт взаимодействия, который в значительной степени воспроизводил семейные отношения.

Об этом свидетельствуют воспоминания бывших коммунаров: «Когда мы приехали сюда, – вспоминает респондент, – здесь была коммуна... Дома мы привезли с собой из Староалейки. Коммуна была большая. Скота было много. Бахча была на сопке. Общая столовая была. Все было сдано в коммуну»²⁸; «Дети жили отдельно и под началом воспитателя, взрослые отдельно – в общих бараках, вставали и ложились по звонку. Дети тоже обязаны трудиться. Все было общее: пища, одежда...»²⁹ Коммунары «не имели своих огородов, так как работать на них было некогда и работали на общую копилку. На каждого едока выдавали продукты или ходили в общую столовую коммуны»³⁰.

По воспоминаниям Антонины Егоровны Колесниковой (д. Лебедяга): «В 1929 году в Успенском образовалась коммуна. Мой муж, большевик, был ее председателем с первого дня. Сначала в ней было всего два хозяйства. Называлась коммуна Сталинской. Жили коммунары в бывшем кулацком доме, дружно, в ладу жили. <...> У каждой семьи была своя комната. Столовая – общая для всех. Обеды готовили женщины по очереди. Сначала в коммуне все обобществлялось. Мы с мужем сразу сдали молодую лошадь, двух коров, шесть овец и свинью. <...> Работали коммунары споро: с утра до вечера в поле, на лугах. Женщины обычно ухаживали за скотом. После ужина все собирались вместе. Устраивали коллективные читки газет, книг, беседовали. Мы построили коровник, свинарник, двенадцатиквартирный жилой дом (в нем сейчас школа). <...> Жизнь членов коммуны была в постоянной опасности. Поэтому у нас было оружие — несколько винтовок с патронами. Мужчины обучали женщин стрелять. <...> Жили в хорошем доме, была столовая, детские ясли. Коммунары со-

²⁸ Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. Барнаул, 2008. С. 147.

²⁹ Там же. С. 152.

³⁰ Там же.

рали неплохой урожай, имели хороший упитанный скот. Потом коммуна была преобразована в колхоз»³¹.

Воспоминания о коллективном быте и новых формах отношений подтверждаются другими источниками, среди которых выделяются «Списки населенных пунктов...». На территории Екатеринбургской губернии в 1923 г. было отмечено 41 поселение, которое было зарегистрировано как коммуна³². Численность населения коммун колебалась от 10 до 300 человек, в структуре поселения отмечалось *одно* хозяйство.

Такая организация коммуны была вполне типичной. Респонденты обычно вспоминают бараки для жилья, столовую, где все вместе питались, проводили досуг, организовывали собрания коммуны. Также упоминаются ясли и детский сад: детей воспитывали сообща. Отмечается особый режим работы коммун, который вызывал осуждение со стороны крестьян-единоличников: с утра коммунары работали в течение нескольких часов, затем шли на обед, после которого уставали, затем обязательный послеобеденный сон, затем полдничали и выходили на работу еще на несколько часов³³.

Нужно отметить, что идея коммуны не была абсолютно чуждой крестьянам. В русской деревне в XVI–XIX в. существовал обычай «складнической семьи», когда крестьяне (родственники и неродственники) объединялись в одно хозяйство для решения производственных задач. На определенный срок имущество, труд и потребление становились у них общими. В дальнейшем такая *складническая семья* преобразовывалась в соседскую общину³⁴.

С другой стороны, в воспоминаниях коммунаров коммуна предстает как новый опыт, отличный от традиционной деревенской жизни. Многие вызывало осуждение: прежде всего отношение к работе и отсутствие личного хозяйства. Для многих крестьян такой опыт и новая модель хозяйствования казались несовместимыми с представлениями о счастливой жизни. Возможен мотив зависти: по словам старожил, в сравнении с простым крестьянством, коммунары жили хорошо³⁵.

Семья-коммуна представляет собой наиболее радикальный вариант преобразования традиционного семейного быта и отношений. Она представляла собой модель, соответствующую мифологии революционного обновления и сконструированную как антипод буржуазной

³¹ Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. С. 32–33.

³² См.: Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем.

³³ См.: Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. С. 150.

³⁴ См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1. С. 657.

³⁵ См.: Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. С. 152.

семье, но не только. В ней отразились архетипические представления о семье, воплощенные в мифологии золотого века всеобщего равенства и благоденствия. В этом смысле коммуны можно рассматривать как отражение ментального архетипа, спроецированного в будущее.

Другой идеальный тип – *революционная семья* – сложился под влиянием революционного романтизма. Так назывались супружеские пары профессиональных революционеров, как правило, без детей, связанные общей деятельностью. В качестве эталона выступала семья Ленина – Крупской, а также других деятелей большевистского движения.

Революционный тип семьи прослеживается в материалах переписи 1922 г. в нескольких версиях – старой (романтической) и новой (номенклатурной). К романтической версии относятся семьи членов партии с дореволюционным стажем (с 1903–1905 гг.) в возрасте от 35 до 62 лет, состоящие из 2–3 человек – коммунист, его жена (обычно работающая) и мать. Исключение составляет анкета, в которой описана семья из 13 человек, 9 человек стали ее членами «по случаю голода». Всего в выборке отмечено 2,6 % коммунистов с дореволюционным стажем.

Семейные стратегии профессиональных революционеров не получили широкого распространения среди молодежи, но послужили основой для формирования советской мифологии. В 1930-е гг. образ революционной семьи активно пропагандируется художественной литературой и кинематографом так же, как и образ революционера-«святого», отринувшего семейное счастье ради борьбы за светлое будущее трудящихся.

В начале 1920-х гг. на смену романтическому идеалу революционной семьи приходит более жизненный тип – *номенклатурная семья*. К нему можно отнести семьи молодых партработников, которые активно привлекали в партию своих родственников – жен, братьев, сестер, обеспечивая благоприятные условия для карьеры. Так, например, в пос. Асбестовские рудники муж – председатель рудкома горнорабочих – способствовал приему в партию своей жены-домохозяйки³⁶. Семейные связи прослеживаются между членами партийной ячейки завода Валериановский: глава семьи вступил в партию в 1918 г., через год в партию были приняты его брат и жена. В ходе переписи он был исключен из партии за хищение золота³⁷. В дальнейшем с утверждением номенклатурных механизмов такая семейная стратегия становится для партийных чиновников нормой, а брак – залогом успешной карьеры.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557. Л. 66, 67.

³⁷ Там же. Д. 570. Л. 245, 248.

Особенностью номенклатурной семьи стала принадлежность обоих супругов к РКП(б). В начале 1920-х гг. членство супругов в партии не влияло на распределение внутрисемейных обязанностей: женщины продолжали оставаться в роли домохозяйки. Но с течением времени они все активнее включаются в партийную, советскую работу, трудятся в качестве служащих. В 1930-е гг. усиливается контроль партийных организаций за семейным поведением членов партии, особенно функционеров, которые должны были служить образцом для рядовых коммунистов. Из всех категорий семей номенклатурная семья с течением времени в наибольшей степени приобретает черты сословности, формируя советскую элиту.

Таким образом, материалы партийной переписи 1922 г. сохранили информацию о новых формах семейной организации, которые в значительной степени являются результатом идеологического воздействия. Эти варианты семьи представляли собой *идеальные модели*, соответствующие требованиям революционного обновления и сконструированные как антипод буржуазной семье. Будучи идеальным конструктом, они не имели серьезной перспективы и не меняли принципиально семейную структуру общества, но представляют собой любопытный феномен, особенно привлекательный для историков и социологов.

* * *

Если подвести общий итог характеристике семейной организации членов партии, то следует отметить ее переходное состояние. При общем преобладании традиционных семейных структур шел постепенный процесс демократизации семейной жизни, подкрепленный законодательными мероприятиями. Однако этот переход остался незавершенным.

В традиционном обществе функцию конструирования семейного эталона брала на себя религия. В советском обществе эта задача реализовывалась с помощью коммунистической идеологии. Одним из наиболее ранних вариантов преобразования семьи, пропагандируемым, но нежизнеспособным, стала семья-коммуна, примеры которой встречаются в начале 1920-х гг. не только в крестьянской среде, но и среди горожан (преимущественно учащейся и творческой молодежи). В дальнейшем для каждого социального семейного типа власть конструировала свой идеальный образ, воспроизводивший в целом традиционные ценности: для первого типа это была модель «рабочей династии», для второго – «партийной семьи». Идеальный тип «семьи военного» включал черты первых двух типов (династический харак-

тер, сословность) с дополнительными гендерными ограничениями: положение женщины в «военной семье» было полностью подчинено траектории военной карьеры мужа и определялось ею.

Таким образом, в 1920-е гг. реформирование семьи сопровождалось ее активным конструированием с учетом идеальных представлений о задачах и функциях семьи в коммунистическом обществе, что деформировало естественные процессы модернизации института семьи с одной стороны, способствуя консервации некоторых ее традиционных черт с другой, формируя ложные ориентиры для развития.

мунистического общежития»³); и второй тезис – это апеллирование к общечеловеческим ценностям, но в контексте классового подхода – традиционного для партийного сознания противопоставления коммунистической морали нравам «старого», капиталистического мира. Основа коммунистической нравственности по-прежнему увязывалась с «революционной моралью» рабочего класса, ставшего за годы советской власти культовым объектом и «естественным» носителем коммунистических идей и принципов общежития.

В кодекс вошли 12 принципов, которые можно разделить на следующие блоки:

1. Политико-идеологический, который включал: преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушению общественных интересов; дружбу и братство всех народов СССР; нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братскую солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

2. Общественно-трудовой: добросовестный труд на благо общества; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; коллективизм и товарищеская взаимопомощь; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.

3. Гуманистический: гуманные отношения и взаимное уважение между людьми; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.

Эти принципы нередко соотносят с христианскими добродетелями, подчеркивая, с одной стороны, их преемственность и исторические корни, а с другой – функциональность и ритуальный характер⁴. Характерно и то, что формулировки принципов были подкреплены в Кодексе пословицами и поговорками, выросшими из раннесоветского пропагандистского дискурса: «кто не работает, тот не ест»; «каждый за всех, все за одного»; «человек человеку – друг, товарищ и брат».

Элементы содержания Морального кодекса свидетельствуют об актуализации самой сложной задачи «советского проекта» – воспитания «нового человека», формирования его культурной модели, для решения которой нужны были образцы. В свою очередь, создание идеальных типов (образцов) требует времени и, вероятно, истори-

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза : принята XXII съездом КПСС в 1962 г. .

⁴ Сравнение коммунистической идеи и христианства – традиционный сюжет в пропагандистской работе 1920-х гг. (см., напр.: *Луначарский А. В. Христианство или коммунизм : диспут с митрополитом А. Введенским. Л., 1926*).

ческого опыта, частью которого является появление и разоблачение лжеобразцов.

Собственно эти моменты нашли отражение в истории формирования новой коммунистической этики, которая изначально рассматривалась как классовая категория, противостоящая буржуазной морали. Проектирование «от противного» не могло не отразиться на характере идеального образа коммуниста, для которого качества борца имели особое значение. Кроме того, историческое время (Революция, Гражданская война, индустриализация, внутрисоветская борьба, военная угроза и пр.) формировало запрос на определенные черты и качества личности. В совокупности все эти обстоятельства определяли динамику идеального образа коммуниста, кристаллизация которого относится уже к позднесоветскому времени – 1960-м гг.

Будучи продуктом модернизации, советская культура и этика объективно опирались на христианские образцы и культурные модели человека, воплощаясь в идеальных типах коммуниста – «революционера», «воина» и «строителя коммунизма».

Христианство оставило в наследие несколько культурных образцов (архетипов) человека – проповедник, рыцарь и мыслитель. Базовый вариант христианского идеала – подвижник, проповедник, главные черты которого твердая вера и духовность, сочетаемые с аскетизмом. Он стал основой для формирования идеального типа коммуниста – «революционера», беззаветно преданного делу пролетарской революции и готового пожертвовать жизнью ради идеи. Более поздний светский вариант христианского героя – рыцарь, верующий и отстаивающий свою веру с оружием в руках, наделенный рыцарскими доблестями (преданностью, верностью, чувством долга, мужеством и пр.). Он послужил образцом для идеального типа коммуниста эпохи победившей революции – воина, защитника завоеваний Октября от внешних и внутренних врагов, для которого важны такие качества, как нетерпимость и непримиримость, получившие впоследствии отражение в политико-идеологическом блоке принципов Морального кодекса. Коммунист-воин стал основным культурным образцом сталинской эпохи, поскольку хорошо вписывался в идеологию «служения». Он согласуется также с определением партии как «ордена меченосцев», принадлежащим И. Сталину⁵.

Конструируемый в 1920-е гг. идеальный тип коммуниста-«воина», готового бороться со всем, что мешает победе мировой революции, характеризуется специфическим «расколотым» сознанием. Он живет в мире, разделенном на два противоборствующих лагеря,

⁵ См., напр.: *Бюффа Д.* СССР от разрухи к мировой державе : советский прорыв. М., 2015; *Сталин И. В.* О политической стратегии и тактике русских коммунистов: Набросок плана брошюры // Сталин И. В. Соч. 1947. Т. 5. С. 71.

находится всегда в боевой готовности идти на жертвы и приносить жертвы во имя идеи. Состояние войны, подогреваемое идеологией и пропагандой, становится модусом сознания и поведения коммуниста 1920–1930-х гг., преодолеть которое не удается до сих пор. В психологии есть понятие «синдром войны», который рассматривается как психологическая травма человека, перенесшего ужасы войны. Синдром войны, характерный для поколения коммунистов, переживших Первую мировую, а затем Гражданскую войну, сложнее. Он вошел в культурный код советского человека, который любую задачу и проблему воспринимал как боевое задание, подвиг, рассматривая окружающую действительность через призму войны.

Гуманистическая христианская модель XIV–XVI вв., порожденная эпохой Возрождения, когда знание становится одним из наиболее ценных качеств человека, также оказалась востребованной советской культурой, но не сразу. Вернее, лозунг «учиться, учиться и учиться» был сформулирован В. И. Лениным еще в 1923 г., но скорее, как призыв к освоению достижений науки для решения задач управления государством и строительства коммунизма⁶. Однако он также вошел в культурный код советского человека и приобрел особое значение в послевоенный период. Эпоха научно-технической революции обогатила культурную модель коммуниста, дополнив архетип война такими качествами, как профессионализм, политическая грамотность и общественная активность. Они предполагали овладение знаниями, но в достаточно узком смысле – профессиональном и общественно-политическом. Последнее качество можно рассматривать как модификацию модели поведения «воина», поскольку общественная активность интерпретировалась в партийных документах как неприятие всего, что противоречит социалистическому образу жизни, как настойчивая борьба за коммунистические идеалы⁷.

Таким образом, в окончательном виде идеал коммуниста сложился достаточно поздно – в 1960-е гг. В последней редакции Программы КПСС, принятой в 1986 г. на XXVII съезде, основные черты коммунистической морали были уточнены и ранжированы в следующем порядке: коллективизм; гуманизм; общественная активность. Поворот к общечеловеческим ценностям был в целом закономерным, но так и не преодолел специфику советского нравственного императива «непримиримой борьбы». Характерно и то, что кодекс коммуниста не был

⁶ См.: *Ленин В. И.* Лучше меньше, да лучше // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391.

⁷ См.: Новая редакция Программы КПСС // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года : стеногр. отчет. М., 1986. Т. 1. С. 554–623 [Электронный ресурс]. URL : <http://museumreforms.ru/node/14030> (дата обращения: 27.11.2018).

сформулирован, оставляя открытым вопрос о морально-нравственном облике члена коммунистического общества.

Если вернуться к раннесоветскому времени, особенно пограничной эпохе – переходу от состояния гражданской войны к миру, который на практике представлял собой разновидность состояния войны, переместившейся на уровень сознания (война за умы), то культурный образец коммуниста и его нравственный идеал соответствовали архетипу воина. Он – носитель пролетарской революционной морали, подчиненной задачам классовой борьбы, направленной на «разрушение старого эксплуататорского общества и объединение всех трудящихся вокруг пролетариата, созидającego новое общество коммунистов»⁸. Соответственно наиболее востребованными в условиях диктатуры пролетариата становятся, по мнению Ф. Энгельса, «самые привлекательные, самые благородные, самые человеческие черты»: решительность, классовое чутье и непримиримость. Оправдывая диктатуру, Ф. Энгельс по этому поводу замечает: «Даже самые насильственные враждебные действия рабочих против буржуазии и ее слуг являются лишь откровенным, неприкрытым проявлением того, что сама буржуазия совершает по отношению к рабочим скрыто и исподтишка»⁹.

Следует отметить, что идея зависимости морали от классовых интересов была сформулирована в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, которые противопоставляли буржуазную мораль пролетарской¹⁰. Она получила дальнейшее развитие в трудах Ленина и других идеологов социалистической революции. В некотором смысле программной стала речь Ленина на III съезде РКСМ, в которой он сформулировал свое видение коммунистической нравственности, задав тем самым ориентиры для ее дальнейшего конструирования. Он подчеркивал: «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. <...> Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата». И далее: «Мы говорим: нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидającego новое общество коммунистов»¹¹.

⁸ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи : речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 311.

⁹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 438.

¹⁰ См.: Там же. С. 231–517; Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 3–230.

¹¹ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. С. 309.

Применительно к личности коммуниста понятие нравственности было связано не только с борьбой, но еще и с дисциплиной, служением («для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров»¹²). Этот контекст усиливается по мере оформления авторитарного, а затем и тоталитарного строя: партия знает и определяет, кто враг, задача коммуниста – верить и беспрекословно выполнять приказы партии.

Определив основные черты новой нравственности, Ленин обозначил и пути перестройки личности. Среди них он выделил, во-первых, активное участие в борьбе за становление нового общества, против всех частнособственнических традиций и предрассудков и, во-вторых, образование и воспитание¹³. При этом образование было подчинено задаче формирования коммунистического мировоззрения, а воспитание – развитию особых качеств коммуниста – сознательной дисциплины, организованности, коллективизма¹⁴.

Таким образом, борьба становится законом жизни нарождающегося социалистического общества, куда вовлекаются все слои и возрастные группы, которая объединяет «своих» и отделяет «чуждых», которая становится мерилем ценности человека, но не человеческой жизни. Вопросы морали были подчинены задачам борьбы и деформированы ею.

Важнейшими препятствиями на пути утверждения новой культурной модели были безграмотность и религиозность. Причем безграмотность толковалась гораздо шире, нежели просто неумение писать и читать (грамотность), и включала политические смыслы, т. е. понималась прежде всего в политическом контексте.

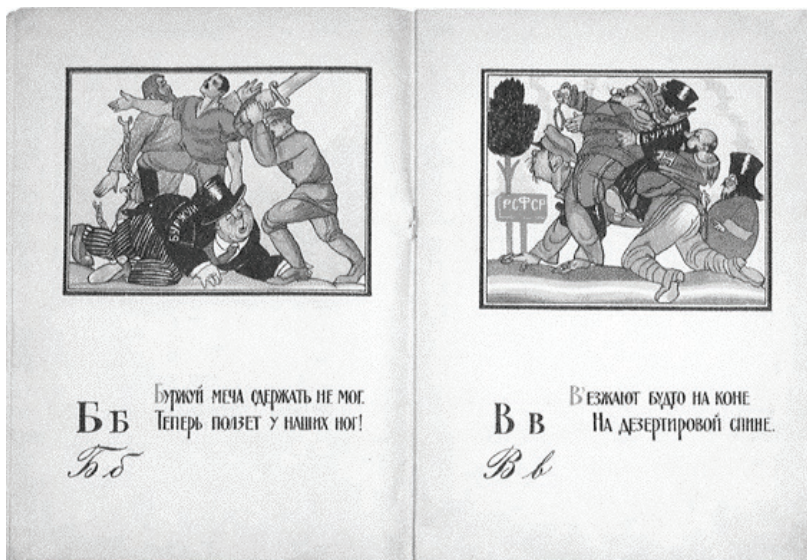
Начало массовым кампаниями по ликвидации безграмотности было положено еще в 1919 г., а с 1923 г. это движение охватило миллионы людей и неграмотных, и грамотных, первые – учились, вторые – учили¹⁵. В конце 1920-х гг. было провозглашено достижение почти поголовной грамотности населения, но при этом важно учитывать, как учили и чему учили на многочисленных курсах и в школах, а учили коммунизму, вернее «научным» взглядам на будущее. В ка-

¹² Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. С. 313.

¹³ В. И. Ленин писал: «В этой борьбе оно [молодое поколение. – Л. М.] воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании» (см.: Там же).

¹⁴ См.: Там же. С. 314.

¹⁵ См.: О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР : декрет СНК от 26 декабря 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-41-dekret-bezgramotnost-1918.shtml> (дата обращения: 27.11.2018); О ликвидации неграмотности : декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1923 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1787.htm (дата обращения: 27.11.2018).

Фрагмент из книги Д. С. Моора «Азбука красноармейца»

честве пособий для проведения занятий по ликбезу в начале 1920-х гг. разрабатываются буквари для взрослых: «Азбука красноармейца» Д. С. Моора; «Агитазбука» В. В. Маяковского, «Наша сила – наша нива: Сельскохозяйственный букварь для взрослых», «Азбука революции» и др.¹⁶ Тексты и иллюстрации учебных пособий были насыщены политическими лозунгами, среди которых знаменитое выражение: «Мы не рабы. Рабы не мы». Таким образом, ликвидация безграмотности фактически переросла в кампанию по ликвидации политической неграмотности населения.

В первую очередь, школу политграмоты прошли коммунисты, среди которых неграмотных было немного (около 5 %)¹⁷, но в связи с заметным обновлением состава партии благодаря массовым наборам, революционный опыт новых коммунистов был весьма незначительным, а политическая грамотность низкой. На эту проблему в 1919 г. обратил внимание Н. И. Бухарин, выступивший на VIII конференции РКП(б) с докладом «Работа среди новых членов партии». В докладе было предложено, чтобы все члены партии прослушали необходимый минимум лекций: «Нужно в первую голову объяснить нашу программу, объяснить, что такое коммунизм. Нужно, с другой

¹⁶ См., напр.: Моор Д. С. Азбука красноармейца. М., 1921.

¹⁷ Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. С. 30.

стороны, дать ясное представление о путях к коммунизму, объяснить разруху, которая происходит, уложить все в соответственные перспективы развития и дать понятие о нашей партии, об обязанностях коммунистов, об обязанностях членов партии, об их правах»¹⁸. Годом позднее была опубликована его «Азбука коммунизма», широко используемая в системе политпросвещения¹⁹.

В последующие годы вопросы политического воспитания обсуждались практически на каждом партийном съезде, формируя и совершенствуя инфраструктуру политического просвещения. В резолюции X съезда РКП(б) (март 1921 г.) было предложено «всех вновь вступивших новых членов пропускать через кратковременные курсы для ознакомления с программой»²⁰, а также развивать систему кружков политграмоты, которые должны были возглавить старые большевики, взяв на себя ответственность за воспитание молодых коммунистов²¹. На XI съезде РКП(б) была поставлена задача «систематического поднятия уровня политически-марксистского образования массы членов партии»²² и принято решение о создании системы партийных и советско-партийных школ – от школ политграмоты до высшей партийной школы включительно.

XI Всероссийская партконференция рекомендовала использовать для политической пропаганды на предприятиях так называемые партийные дни. Резолюция предлагала заполнять их «докладами и беседами на тему о текущих задачах партии, а равно о ее истории, победах, поражениях, о героях и мучениках и т. д. с тем, чтобы в этот день каждый член партии чувствовал себя борцом за великую идею и членом великой партии»²³. В резолюции XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г. было заявлено о создании системы политпросвещения и сформулированы задачи ее дальнейшего развития, а также ликвидации политической неграмотности в деревне²⁴. Для обеспечения этих задач требовались кадры и было принято решение о постановке на учет всех членов партии, способных вести пропагандистскую работу. Получила развитие практика выездных лекторов – представителей центральных и региональных партийных органов в уезды и волости²⁵.

¹⁸ Восьмая конференция РКП(б), декабрь 1919 г. : протоколы. М., 1934. С. 157.

¹⁹ См.: Бухарин Н. И., Преображенский Е. А. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков. Пг., 1920 [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/buharin_nikolay/azbuka_kommunizma/read/ (дата обращения: 15.06.2018).

²⁰ Десятый съезд РКП(б). С. 571.

²¹ См.: Там же. С. 572.

²² Одиннадцатый съезд РКП(б) : протоколы. М., 1931. С. 600.

²³ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 475.

²⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 706.

²⁵ Там же. С. 709–710.

В целом к 1923 г. в СССР сложилась трехступенчатая система коммунистического просвещения, охватывающая все уровни и категории населения, начиная от массового начального политического просвещения (школы политграмоты), партийно-советских школ, ориентированных на воспитание и подготовку ответственных работников, и заканчивая комвузами, главная задача которых состояла в подготовке идеологической элиты²⁶.

Второе препятствие на пути формирования новой коммунистической нравственности было связано с ролью церкви в жизни русского общества и влиянием религии на сознание и поведение людей, в том числе коммунистов, основную массу которых составляли верующие. Российское общество накануне Революции 1917 г. было преимущественно ортодоксальным, т. е. не пережившим Реформацию, что имело следствием высокий уровень религиозности населения и его включенность в традиционные религиозные практики, определявшие образ жизни обычных людей.

В целом эволюция религиозного сознания советского человека соответствовала модели «мнимого атеизма», в соответствии с которой под влиянием внешних факторов (давления) человек сначала публично осуждал и отказывался от своих религиозных взглядов, затем ограничивал и контролировал свое религиозное поведение, тем самым создавая для себя запретные зоны. Параллельно шло переключение сознания на новые идеи и символы веры, связанные с представлениями о социализме и коммунизме. В результате атеистические взгляды у большинства советских граждан приобретали форму иррационального, т. е. опирались не на знания и разум, а на веру. Новый тип советской религиозности окончательно утвердился лишь в 1970–1980-е гг. и сохраняет свое влияние в настоящее время, несмотря на возрождение и усиление позиций традиционных религий.

Первая антирелигиозная кампания развернулась на этапе выборов в Учредительное собрание в ноябре-декабре 1917 г. и примечательна тем, что проходила параллельно с официальной «интронизацией» советского режима. Конфискации храмов и нападения на священнослужителей стали причиной провозглашения патриархом Тихоном 19 января 1918 г. анафемы «гонителям истины Христовой». Эта акция, в свою очередь, породила известный ленинский декрет от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»²⁷. Выступив

²⁶ См.: *Гурьев А. И.* Как закалялся агитпроп: система государственной идеологической обработки населения в первые годы НЭПа. М., 2011. С. 303.

²⁷ См.: Об отделении церкви от государства и школы от церкви : декрет СНК от 23 января 1918 г. // *СУ РСФСР.* 1918. № 18. Ст. 269 [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 27.11.2018).

с осуждением расстрела царской семьи, впоследствии православная церковь попыталась занять аполитичную позицию. Однако ее инициатива по оказанию помощи голодающим Поволжья в 1922 г. встретила резко негативную реакцию большевистского руководства и прежде всего В. И. Ленина. Антицерковные репрессии этого периода следует рассматривать в контексте нового идеологического наступления власти.

Новый этап репрессивной политики в отношении церкви начался в 1929 г. Организации любых конфессий объявлялись единственной легально действующей контрреволюционной силой, имеющей влияние на массы, и в марте 1929 г. ВЦИК и СНК издали новое постановление о религиозных объединениях, фактически ставившее их вне закона. Антицерковное наступление конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. оказалось самым масштабным: именно в это время было уничтожено наибольшее количество храмов и репрессировано огромное количество священнослужителей.

В целом динамика трансформации советской религиозности была непосредственно связана с процессами советской модернизации. До середины XX в., несмотря на активную антирелигиозную политику, в советском обществе преобладали носители традиционного сознания с характерной для него выраженной религиозной доминантой (православной, мусульманской и пр.), и уровень религиозности оставался очень высоким. Перепись 1937 г. показала, что в СССР количество верующих по всем возрастным группам оказалось больше, чем неверующих²⁸. С другой стороны, в ходе переписи нередко звучал ответ, свидетельствующий об изменениях в поведении и сознании верующих: «Кто его знает, верую я или нет – не знаю, но в душе что-то есть, что свыше нас, чего-то есть, какая-то сила; хотя я Богу не молюсь давно, а все же пиши верующий»²⁹.

Коммунистам в этой борьбе за души и сознание советских людей была отведена особая роль. Они должны были являть собой пример и не только отречься от веры (что было условием вступления в партию), но и вести активную антирелигиозную пропаганду, увлекая атеистической идеей своих близких, товарищей, коллег по работе.

Таким образом, основу идеального облика коммуниста начала 1920-х гг. составляли три основные качества: политическая грамотность, атеистические взгляды и активная позиция, которая определялась степенью включенности в борьбу с пережитками прошлого,

²⁸ См.: *Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 г. (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Ист. вестн. 2000. № 5 (1) [Электронный ресурс]. URL: http://www.liveinternet.ru/users/word_solo/post180041022/ (дата обращения: 27.11.2018).

²⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 138; *Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 г.

врагами мировой революции (внутренними и внешними), за светлое будущее. Насколько этот идеал соответствовал реальности, позволяют понять материалы партийной переписи 1922 г., где, помимо сведений об образовании, содержится информация о культурных потребностях, общественно-политической активности, а также религиозных взглядах коммунистов.

6.2. Культурно-образовательный уровень коммунистов Екатеринбургской губернии

Следует выделить следующие составляющие культурного облика партийцев: *образование, политическую грамотность и общественную активность*.

Материалы партийной переписи 1922 г. дают возможность проанализировать все три аспекта, причем наиболее подробная информация содержится об образовании коммунистов. Структура вопросов анкеты по данному блоку имеет несколько уровней с подробными инструкциями по заполнению:

- «– образование: грамотный (да, нет).
– если учились или учитесь, укажите:

Тип учебных заведений (2-х кл. земское; 4-х кл. городское; профтехшкола; вечерние курсы автодела; авиационные курсы; гимназия; университет; партшкола). Внешкольное образование отмечается словами «самоучка», «домашнее образование»	Сколько лет учились	Окончили ли школу (да, нет, вышел из такого-то класса, учусь)

– если желаете учиться, то чему именно (грамоте, наукам, искусству, ремеслам – каким именно)».

В результате перепись позволяет оценить уровень образования коммуниста и его интерес к учебе.

Среди членов РКП(б) Екатеринбургской губернии в 1922 г. неграмотные составили 6,5 %, с начальным образованием – 77 %, средним – 2,6 %, высшим – 0,3 %. Наибольшее расхождение между выборкой и итоговыми данными наблюдается по среднему образованию: по выборке этот показатель больше на 6,45 % (табл. 6.1). В целом распределение по уровню образования свидетельствует о преобладании среди коммунистов лиц с начальным образованием (около 2/3) и самоучек (12 %). Самый высокий образовательный ценз имели служащие, самый низкий – крестьяне, что вполне ожидаемо.

Таблица 6.1

**Распределение членов партии Екатеринбургской губернии
по образованию и социальному происхождению в 1922 г.***

Образование	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие	Итого	Удельный вес, %	По выборке, абс. / %
Высшее	–	–	32	1	33	0,28	8/ 1,55
Среднее	16	2	282	18	318	2,64	47/ 9,09
Низшее	4 091	3 253	1 491	468	9 303	77,28	358/ 69,25
Домашнее/ самоучка	670	769	67	71	1 577	13,10	59/ 11,41
Неграмотный	214	525	5	41	785	6,52	34/ 6,58
Не указано	9	7	4	2	22	0,18	11/ 2,12
Всего:	5 000	4 556	1 881	601	12 038		517/ 100
Удельный вес	41,5	37,8	15,7	5,0	100	100	100
По выборке	47,97	30,75	9,48	11,8	100		

*ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 645 а. Л. 14; итоги группировки на основе выборки.

Грамотность как первичный образовательный навык оценивалась в советской, как, впрочем, и в царской России по упрощенным критериям. При разработке переписей населения 1897, 1920, 1926 гг. «грамотными считались умеющие читать, независимо от того, умеют они писать или нет». При этом достаточно было разбирать печатные слова хотя бы по слогам³⁰. Данные партийной переписи показывают, что 93,5 % коммунистов губернии в соответствии с этими критериями могут считаться грамотными, 6,5 % являлись неграмотными.

³⁰ См.: Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство, 1921–1927. М., 1983. С. 47.

Это очень высокий показатель грамотности, хотя он несколько ниже, чем по Коммунистической партии в целом. В общероссийском масштабе неграмотных членов партии было всего 5 %³¹. Среди остального населения послереволюционной России количество неграмотных было очень высоким и достигало 70 %³².

На столь неблагоприятном фоне почти поголовная грамотность членов Коммунистической партии была фактом, говорившим в ее пользу. Однако сами большевики не были склонны приписывать эту заслугу исключительно себе, объясняя значительную грамотность членов партии вполне объективной причиной – тем, что в партии в большей степени представлены такие социальные группы, как рабочие и служащие, которые традиционно имеют «более высокую культуру» по сравнению с деревней³³. Иными словами, высокий процент грамотности стал следствием того, что большевистская партия сформировалась и действовала как партия городского типа, ее основной социальной базой являлось, главным образом, городское население.

Екатеринбургская губерния являлась крупным центром горно-заводской промышленности Урала, поэтому горожане и промышленные рабочие составляли значительную долю в социальной структуре населения. По данным демографической переписи 1920 г. в городах и поселениях городского типа грамотными были почти 59 % жителей от 8 лет и старше, а в сельской местности – только 1/3 жителей³⁴.

В то же время, если сравнивать уровень грамотности членов партии Екатеринбургской губернии с промышленными губерниями Центральной России, то по официальным данным партийной переписи 1922 г. выявляется более значительный разрыв между ними – 6,5 % неграмотных коммунистов в городе против 1,3 % в сельской местности³⁵. Такой разрыв можно объяснить тем, что в центральных районах Российской империи имела более разветвленная система образовательных учреждений, которая охватывала больший процент населения. В частности, в Екатеринбургской губернии доля грамотного населения была на 2,9 % ниже, чем в Европейской России³⁶.

Среди неграмотных коммунистов губернии преобладали крестьяне – их было 61,7 %, неграмотных коммунистов-рабочих и ремес-

³¹ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. С. 30.

³² См.: Волошина С. Ликвидация безграмотности в СССР // Живая история [Электронный ресурс]. URL: <http://lhistory.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr> (дата обращения: 27.11.2018).

³³ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. С. 30.

³⁴ Подсчитано по: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. С. 56

³⁵ См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 4. С. 28.

³⁶ См.: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г.

ленников насчитывалось 26,7 %, а служащих – всего 2,7 %. Несмотря на то, что число грамотных членов партии в губернии было очень высоким, абсолютное большинство в ней составляли люди с начальным (52,6 %) или неполным начальным образованием (22,5 %) – 77,1 %. К ним можно добавить еще 13,1 % самоучек, постигавших азы грамоты самостоятельно. Для сравнения: в индустриальной Тульской губернии в начале 1920-х гг. 84 % коммунистов имели начальное образование³⁷. Среднее образование (гуманитарное и техническое) имели всего 2,6 % коммунистов Екатеринбургской губернии, незаконченное среднее образование – 2,2 %.

Может быть представители «старой» ленинской гвардии имели более высокий уровень образования? По данным переписи члены партии губернии с дореволюционным стажем имели преимущественно неоконченное начальное или начальное образование – 87,5 %, неоконченное среднее – 4,7 %, среднее – 2,3 %. И только ничтожная часть «старых» партийцев обучалась в вузах: неоконченное высшее образование имелось у 2,3 %, а высшее – только у 0,8 %. Таким образом, старые партийцы по уровню и качеству образования мало чем отличались от партийных новобранцев. Это фактически признал в декабре 1919 г. Н. И. Бухарин, который отметил в своей речи: «Было бы превратно думать, что новые члены партии являются качественно менее квалифицированным элементом. Оказалось, что этого сказать нельзя, потому что по своему развитию и по своему умственному багажу они в средней массе мало чем отличаются от старых членов партии»³⁸.

Судя по возрасту губернских коммунистов, практически все они получили начальное образование еще в дореволюционной России. Анализ данных выборки по типу учебных заведений, в которых учились члены РКП(б), дает следующие результаты: основная масса коммунистов имела за плечами начальную школу. К этой категории в царской России относились министерская народная школа, земская школа, общественно-городская школа (высшее начальное училище, городское училище, народное училище, земское училище), церковно-приходская школа, образовательные учреждения, ориентированные на профессиональную подготовку: ремесленное училище, ремесленная школа, низшая лесная школа и т. д. Только министерская школа давала двухклассное образование со сроком обучения 5 лет. Все остальные школы были одноклассными с трехлетним сроком обучения. Число церковно-приходских училищ, православно-конфессиональных по своей принадлежности, было значительным и состав-

³⁷ См.: Бровкин В. Н. Культура новой элиты, 1921–1925 гг. // Вопр. истории. 2004. № 8. С. 86.

³⁸ Восьмая конференция РКП(б). С. 155.

ляло в 1905 г. 46,5 % от общего числа начальных школ³⁹. В данных учебных заведениях основное внимание уделялось изучению церковных предметов: Закона Божьего (молитв, священной истории, богослужения), церковного пения и чтения церковной литературы. На изучение учащимися грамоты и основ математических знаний отводилось незначительное количество времени. Таким образом, образование в приходских школах носило главным образом религиозный характер. Цель этих школ, впрочем, как и других начальных заведений, по мнению официальной власти, состояла в том, чтобы «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания»⁴⁰.

Более обширные знания могли получить члены партии, обучавшиеся в министерских народных школах. Хотя и здесь учебная программа первого года обучения почти наполовину состояла из предметов религиозной направленности, закончившие второй класс получали более широкие сведения по отечественной истории, географии, естествознанию и черчению. В то же время официальная власть считала эти предметы второстепенными и учителям рекомендовалось не уделять им много времени⁴¹.

Сельская земская и городская начальная школы помимо минимума элементарных знаний (грамота и арифметические действия) давали своим ученикам необходимый объем знаний по сельскому хозяйству, ремесленно-профессиональные навыки.

Анализ системы начального образования царской России позволяет сделать вывод о потенциальном образовательном багаже, каким обладали к 1922 г. члены правящей партии – это навыки чтения, письма, счета (грамотность), а также религиозное образование и зачатки знаний в области естественных и гуманитарных наук.

Высшее образование, которое прививает человеку «способность думать самостоятельно, свободно распоряжаться научными приемами мысли, вырабатывать в вопросах, которые он изучает, личные взгляды»⁴², в изученной выборке имели 1,55 % коммунистов, если судить по итоговым данным. Эти данные переписи отражают тот факт, что в партии большевиков в начале 1920-х гг. ощущалась острая нехватка высокообразованных людей. Если в центральных органах власти можно было обеспечить присутствие достаточного количества

³⁹ См.: *Осоков А. В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982. С. 24.

⁴⁰ Там же. С. 23.

⁴¹ См.: Там же. С. 154.

⁴² Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 года / под. ред. В. Г. Кинелева. М., 1995. С. 10.

грамотных, квалифицированных специалистов, в том числе и членов РКП(б), то на местах ситуация была близка к катастрофической. Так, региональный партийный орган – Уралбюро ЦК РКП(б) – указывал на дефицит технических сотрудников для учреждений власти: «В области большой недостаток партийных канцеляристов. Этим, между прочим, объясняется плохое состояние информации в парторганах и вообще плохое состояние партаппарата»⁴³. Партийный орган обращался к Москве с просьбой прислать их на Урал «в первую голову для укрепления технического партаппарата в губкомах и укомах»⁴⁴. Уралбюро ЦК испытывало острый кадровый голод. Подобрать подходящих работников на месте оказалось практически невозможно. В результате в середине 1922 г. зав. организационным отделом Уралбюро ЦК РКП(б) Б. А. Васильев в письме руководителю учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б) С. И. Сырцову просил: «Я вопию – о завучраспред. ЦК не должен оставить мой глас вопиющего в пустыне»⁴⁵.

В связи с этим перед правящей партией вставала серьезная проблема реального управления страной в условиях практически полного отсутствия на региональном уровне профессиональных управленцев из партийной среды. В результате на руководящие должности назначались люди, не обладавшие ни должной профессиональной компетентностью, ни эрудицией, ни необходимым набором знаний, но имевшие партийный билет.

Среди партийных руководителей губернского масштаба (член бюро губкома, члены тюркбюро губкома, зав. информационным отделом, зав. учетно-статистическим отделом), попавших в выборку, 85 % имели начальное образование и 15 % – среднее. Ответственный секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б) Н. И. Уфимцев имел неоконченное низшее образование (пять месяцев проучился в двухклассном училище). Все советские губернские ответственные работники (член президиума, член губисполкома, член коллегии отдела коммунально-хозяйства) и хозяйственные руководители губисполкома (управделами) имели начальное образование. Таким образом, во главе руководства губернии стояли люди, окончившие лишь начальные учебные заведения.

Руководящие работники уездных комитетов партии (ответственные секретари, члены укома, зав. отделами) по уровню обра-

⁴³ Воробьев С. В. «Я вопию о завучраспред»: кадровые проблемы в деятельности Уралбюро ЦК РКП(б) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала XVIII–XXI вв.: материалы XI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 235.

⁴⁴ Там же. С. 235.

⁴⁵ Там же.

зования даже несколько превосходили своих губернских партийных начальников. Среди них присутствовал один человек с высшим «коммунистическим» образованием (Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова) – 7,1 %. Следует отметить, что подобные высшие учебные заведения, по крайней мере на начальном этапе своего существования, не могли дать своим студентам классического университетского образования. Они были ориентированы на подготовку партийных и советских работников с соответствующей учебной программой. Курс обучения составлял 6–8 месяцев и, естественно, за это время обучавшиеся не имели возможности получить систематические знания. В то же время двое уездных руководящих работников имели неоконченное высшее образование классического типа (Томский технический институт, рабфак Уральского государственного университета) – 14,3 %.

Значительная группа уездных партийных руководителей обучалась в средних учебных заведениях: неоконченное среднее образование имели 21,4 % уездных руководителей, а среднее – 14,3 %. Однако самую многочисленную группу уездных партийных руководителей составляли получившие образование не выше начального (42,8 %): неоконченное начальное – 7,1 %, начальное – 35,7 %.

Среди руководящих кадров советских органов власти уездного уровня (председатели и члены исполкомов, зав. отделами) преобладали люди с невысоким уровнем образования. Получили образование самостоятельно (самоучки) – 4,6 %, учились в начальных учебных заведениях, но не окончили их – 16,3 %, хотя большинство советских руководящих работников этого уровня (69,8 %) все же смогли завершить начальное образование. Таким образом, подавляющая часть подобных руководителей (90,7 %) имела образование не выше начального. Лишь незначительная группа уездных советских руководителей губернии имела неоконченное среднее (4,6 %) или среднее образование (2,3 %). Один руководящий работник (2,3 %) получил условно высшее образование, окончив коммунистический университет.

Похожая картина наблюдалась на волостном уровне власти. Руководящие партийные работники (секретари и члены волкомов, зав. отделами волкомов) в подавляющем большинстве имели образование не выше начального – 95,4 %. При этом из общего числа волостных партийных руководителей 70 % имели начальное образование, 19 % – неоконченное начальное образование и еще 6,4 % приобрели знания посредством самообразования. Учились в средних учебных заведениях, но не окончили их по каким-либо причинам 2,7 % волостных партийных руководителей и только один руководящий партийный работник волостного уровня (0,9 %) имел среднее образование.

Уровень образования представителей исполнительной власти волостного масштаба (председателей и членов волисполкомов, зав. отделами волисполкомов) также был низким. Около 2/3 (64,2 %) волостных руководителей окончили начальные учебные заведения разного вида, 19,3 % имели неоконченное начальное образование. В отличие от волостных партийных руководителей среди них было в два раза больше тех, кто получил образование самостоятельно (12,5 %). Среди этой группы руководителей доля имевших неоконченное среднее или среднее образование также была мизерной (по 1,1 %). Классическое высшее образование никто из представителей волостной исполнительной власти не получил. Два человека (1,1 %) имели высшее «коммунистическое» образование (один учился в рабоче-крестьянском университете, другой окончил коммунистический университет).

Коммунисты, составляющие руководящий слой губернии всех уровней, отличались низким образовательным уровнем, что существенно влияло на качество управления. Высшее партийное руководство вполне осознавало всю сложность подобной ситуации. В. И. Ленин, выступая на XI съезде РКП(б) в марте 1922 г., говорил по этому поводу: «Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то приставлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны учиться»⁴⁶. В связи с этим Ленин активно критиковал коммунистов за их «некультурность», но у вождя пролетариата была своеобразная трактовка этого понятия. Культурность, по Ленину, – это техника управления государством, экономикой. Таким образом, она рассматривалась в узко прагматическом аспекте, т. е. как наличие административного опыта и навыков. А пока партии большевиков приходилось обращаться за помощью к старым «буржуазным» специалистам, привлекая их к работе в управленческих структурах новой власти в качестве консультантов или технических руководителей. Использовались разные варианты соучастия рабочего и специалиста в управлении: «назначался директор из рабочих – при нем инженер в должности помощника по технической части; если же директором был инженер-специалист, то при нем находился “комиссар из рабочих-профессионалов с широкими правами и с обязательством входить во все стороны дела”»⁴⁷.

Дефицит в партии высокообразованных людей, специалистов своего дела, который особенно остро проявился после прихода большевиков к власти, был обусловлен целым рядом причин. Во-первых, сыграли свою негативную роль идеологические установки больше-

⁴⁶ Ленин В. И. XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. : политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 116.

⁴⁷ Гиммельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998. С. 149.

виков. В доктринальном смысле большевистская партия отстаивала политические и социальные интересы российского рабочего класса, пролетариата. Как образно выразился Г. Е. Зиновьев, «мы не являемся ни партией профессоров, ни партией студентов, а партией рабочих и трудящихся крестьян»⁴⁸. С другой стороны, сама партия при приеме новых членов отдавала предпочтение представителям рабочего класса, а после революции – и беднейшего крестьянства, т. е. основным условием приема являлся классовый критерий. Вступление в РКП(б) людей из других социальных слоев было искусственно затруднено, так как руководство партии выступало против большого расширения рядов партии за счет непролетарских элементов. В. И. Ленин говорил по этому поводу: «Партия должна быть узкой настолько, чтобы вбирать в себя вне рабочего класса только тех выходцев из других классов, которых она имеет возможность испытать с величайшей осторожностью»⁴⁹.

Путь в партию для интеллигенции не был закрыт полностью, но обставлялся рядом условий. Образованный человек имеет склонность к самостоятельному мышлению, анализу. Поэтому для интеллигенции характерно одно «опасное» свойство: она «пытается размышлять и все осмысливать, поэтому неизбежно она выходит за рамки <...> идеологии и, следовательно, действует против системы»⁵⁰. Лидеры большевиков прекрасно осознавали такого рода угрозу для партии, исходящую от буржуазной интеллигенции. Ленин, обращаясь к историческим аналогиям, писал: «Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю»⁵¹. Ленин опасался, что партия большевиков может разделить судьбу варварских народов, т. е., завоевав Россию, она воспримет культуру побежденных социальных классов и переродится.

Французский политолог М. Дюверже отмечал, что для тоталитарных партий характерны единообразие, закрытость, сакральность. Принцип единообразия означает, что все члены партии целиком и полностью разделяют ее политическую доктрину, несогласные должны покинуть партию⁵². И действительно, чтобы стать членом партии большевиков, интеллигенту необходимо было полностью и безоговорочно разделять ее идеи. Обязательным условием при всту-

⁴⁸ Восьмая конференция РКП(б). С. 138.

⁴⁹ Там же. С. 361.

⁵⁰ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995. С. 510.

⁵¹ Ленин В. И. XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. : политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта. С. 95–96.

⁵² См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 171.

плении в партию представителей этого слоя общества было то, «чтобы они переходили на точку зрения пролетариата, а не пролетариат на их точку зрения»⁵³.

Следовательно, интеллигенция заранее ставилась в жесткие рамки, когда высказывание собственного мнения не приветствовалось. Представители российской интеллигенции, стоявшие на иных политических позициях, подвергались Лениным беспощадной критике. Вождь пролетариата в письме к М. Горькому характеризовал их как «лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г...»⁵⁴. Сомнение в благонадежности старой интеллигенции, в ее искренней приверженности пролетарским идеям со стороны большевистского руководства вело к тому, что они предпочитали видеть представителей этой социальной группы вне рядов своей партии, но использовать их в качестве помощников, консультантов по решению текущих проблем экономики и управления.

Другая причина, не способствовавшая притоку в Коммунистическую партию опытных специалистов и управленцев из числа интеллигенции, заключалась в низкой популярности среди них идей марксизма. Один из лидеров большевиков – Г. Е. Зиновьев – в 1919 г. отмечал, что «громадное большинство интеллигентов повернуло свою спину рабочему классу»⁵⁵. В большей степени «старая российская интеллигенция проповедовала преимущественно европейские ценности» либерального толка⁵⁶. К ним можно отнести такие идеи, как демократия, плюрализм мнений, свобода слова, свобода творчества и т. д. Консервативная часть российской интеллигенции испытывала политические симпатии к монархии.

Еще одна причина незначительного представительства интеллигенции в рядах большевиков была связана с особенностью организационного построения партии. Российские партии и политические течения парламентского типа ориентировались на открытую, легальную политическую деятельность. Являясь членом этих организаций, не нужно было отказываться от привычного образа жизни, официального социального статуса в обществе, разрывать связи со своим окружением.

В свою очередь, партия большевиков была нелегальной и опиралась на более жесткие организационные принципы. Дискуссия о членстве в партии, развернувшаяся между Ю. О. Мартовым и В. И. Ле-

⁵³ Ленин В. И. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 224.

⁵⁴ Ленин В. И. А. М. Горькому [от 15 сентября 1919 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48.

⁵⁵ Восьмая конференция РКП(б). С. 138.

⁵⁶ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. С. 509.

ниным на II съезде, завершилась негласной победой ленинской позиции (хотя в Устав вошла формулировка его противника)⁵⁷, что привело к созданию узкой, замкнутой партии, члены которой порывали со своим прежним социальным положением и становились профессиональными революционерами, ведя нелегальную политическую работу. Естественно, что указанные причины не способствовали популярности Коммунистической партии у российской интеллигенции.

Интересную информацию дает признак «Сколько лет учились». Большая часть губернских коммунистов, попавших в выборку, проходили обучение в течение трех лет (42 %), 21 % учились до двух лет включительно (из них до года – 3 %, 1 год – 5,8 %, 2 года – 12 %), 16 % членов партии посвятили своему образованию 4 года, в течение 5 лет обучалось немногим более 6 % коммунистов. Только 10 % губернских членов Коммунистической партии обучалось шесть лет и более. Можно предположить, исходя из продолжительности сроков обучения, что они получили более качественное образование, закончив, например, городское училище (3–4-классное с шестилетним образованием) или гимназию (7-классную с восьмилетним образованием). Однако сопоставление признаков «Тип учебного заведения» и «Сколько лет учились» указывает на отсутствие корреляции между ними. Это свидетельствует о том, что в учебе будущих членов партии имелись перерывы, связанные, скорее всего, с необходимостью выполнения работы по хозяйству или отсутствием возможности для обучения.

2/3 членов губернской парторганизации обучались в одном учебном заведении, 20,7 % – в двух и более. Главным образом, это были различные профессиональные или общественно-политические курсы, через которые прошло 7 % коммунистов из выборки. Среди обозначенных в анкетах курсов встречаются: партийно-советские, военные, политкурсы РККА, командные курсы связи, технико-инженерные, юридические, курсы счетоводов, татарские педагогические курсы, курсы шоферов при Императорском техническом училище и т. п. Еще 4 % коммунистов губернии имели за плечами партийную и советско-партийную школу. Подобные школы давали знания по общественно-политическим дисциплинам, а также дополнительные специальные знания, необходимые для работы в партийных и советских структурах.

Характеристика образовательного профиля коммунистов начала 1920-х гг. является ярким свидетельством бурных процессов социальной мобильности российского общества. Революция действительно перевернула страну, подняв народные массы, революционно настроенные, но не обладавшие достаточным образованием, чтобы крити-

⁵⁷ См.: Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 190.

чески отнестись к опыту первых лет советской власти. Вера в коммунистическую идею была для них важнее, а отрицание буржуазной культуры служило оправданием недостатка образования. Ситуация начинает меняться к концу 1920-х гг., когда свои результаты принесла реформа трудовой школы и кампания по ликвидации безграмотности. Но еще долгое время образование не являлось обязательным для коммуниста, важнее была политическая грамотность, которая ограничивалась знанием материалов съездов и программы партии, а в 1930-е гг. – работ Сталина и Краткого курса ВКП(б), а также вера в коммунистический идеал. Этого требовала «революционная мораль».

6.3. Культурные запросы коммунистов начала 1920-х гг.

Дополнительное представление об общей и политической культуре коммунистов дает анализ ответов на вопросы анкеты, объединенные под № 43:

- а) какие газеты и журналы читали в 1921 г.? (назовите их);
- б) регулярно, случайно, никогда;
- в) если никогда не читаете, то почему? (нет газет; нет времени; нет интереса);
- г) если читаете, то где? (дома; на службе; в библиотеке; в читальне; на стенках)».

Чтение – это навык грамотного человека, но регулярное чтение прессы, художественной, специальной литературы – это уже черта образа жизни. В анкете акцент сделан на изучении регулярности чтения средств массовой информации – газет и журналов, вопрос преследовал цель не просто оценить читательские интересы и навыки коммунистов, а охарактеризовать их взаимодействие с общественно-политическими изданиями, т. е. имел отношение к оценке политической грамотности и эффективности пропагандистских каналов информации, связанных с СМИ.

Газета в то время, когда еще не было иных средств массовой информации (радио, телевидения), являлась основным источником оперативной информации о политических, экономических, социальных, культурных событиях в стране и на местах. Степень интереса, проявляемая коммунистами к периодической печати, косвенно свидетельствовала об их заинтересованности, осведомленности по различным актуальным вопросам текущей социально-политической жизни.

Из полученных данных видно, что грамотные партийцы, а таковыми являлись более 90 % членов партийной организации Екатеринбургской губернии, не очень активно интересовались прессой. Более

половины из них читали газеты от случая к случаю (53,5 %), лишь 1/3 членов партии регулярно следила за теми событиями, которые освещались в прессе.

Коммунистов, систематически читающих прессу, больше всего оказалось среди руководителей. Все ответственные партийные и советские работники губернского уровня регулярно читали газеты. Среди руководящего состава уездных комитетов партии постоянные читатели составляли половину, а среди работников уездных исполкомов их было даже больше – 54,7 %. На волостном уровне наблюдалась обратная картина: регулярно читали прессу 58,5 % партийных руководителей и 46,4 % руководящих работников волисполкомов. Однако не стоит преувеличивать значение данного факта. Как отмечает сибирский исследователь Г. Л. Олех, в представлении членов партии, особенно сельских, «регулярное чтение» означало беглый просмотр прессы один раз в одну-две недели⁵⁸.

Какие газеты пользовались популярностью у руководящих работников разного уровня?

Губернские руководители читали центральные и местные газеты. Среди центральных изданий чаще всего указывались «Правда» и «Известия». Среди партийных руководителей уездного уровня наибольшей популярностью пользовались местные (губернские) газеты. Их читали 71,4 % руководителей. Более 1/3 (35,7 %) руководящих работников укомов отметили, что читают центральные газеты без указания на конкретные издания. Чаще всего уездные руководители читали «Уральский рабочий» (57,1 %), на втором месте значились центральные газеты «Правда» и «Известия» (по 28,6 %), заметным интересом пользовалась также газета для крестьян «Беднота» (21,4 %), некоторые отмечали журнал «Известия ЦК РКП(б)» (14,3 %). В рейтинге предпочтений руководящих советских работников уездного уровня на первом месте находилась газета «Правда», ее читали более половины (59,6 %). Второе место занимали центральные («Известия») и местные издания («Уральский рабочий») – по 42,8 %, более 1/4 ответственных работников уисполкомов (28,6 %) читали «Бедноту», еще 14,3 % указали журнал «Известия ЦК РКП(б)».

В круг чтения представителей волостных властей также входили как центральные, так и местные периодические издания. Самой читаемой среди волостных партийных руководителей была губернская газета «Уральский рабочий» (63,2 %), на втором месте, учитывая специфику деятельности волостной власти, находилась крестьянская газета «Беднота» (54,7 %), на третьем месте по популярности были

⁵⁸ См.: Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. С. 58.

«Известия» (48,1 %), а основной партийный печатный орган – газета «Правда» – в рейтинге предпочтений волостных партийных руководителей стояла только на четвертом месте (35,8 %).

Приоритеты в чтении ответственных работников волисполкомов совпадали с теми, что были у партийного руководства: самой читаемой была газета «Уральский рабочий» (65,9 %), затем следовали газеты «Беднота» (51,9 %), «Известия» (44,1 %) и «Правда» (34 %). Отличие заключалось в том, что часть волостных советских работников читали такие крестьянские издания, как «Деревенский коммунист» (3,9 %) и «Красный пахарь» (1,7 %).

В связи с тем, что руководители низового уровня являлись в основном выходцами из крестьянской среды и имели в массе своей неоконченное начальное и начальное образование, встает вопрос об уровне понимания и восприятия ими газетного текста. Интересное исследование на эту тему в 1923 г. провел Я. Шафир. В число его респондентов попали в основном члены деревенских ячеек РКП(б) и работники советского аппарата, т. е. наиболее грамотная часть крестьянства. Оказалось, что они слабо понимали печатный текст, не знали значения многих слов, как, например, «период», «объект обложения», «СССР», «игнорировать», «меморандум», «ультиматум», «оккупация»⁵⁹. В результате, читая советскую и партийную прессу, коммунисты часто не понимали смысла прочитанного или трактовали его неверно.

Совсем не читавших газеты членов партии (3,3 %) мы обнаруживаем, главным образом, среди крестьян – 40,8 %, что неудивительно. Исследователь крестьянской культуры 1920-х гг. В. А. Козлов пишет по этому поводу: «Подавляющее большинство грамотных сельских жителей практически не брали в руки книги после того, как обучились грамоте... Человек, имевший навыки и привычку активного чтения, был весьма редким персонажем деревенской жизни»⁶⁰. То же самое во многом относится и к рабочим, особенно уральским, проживавшим в основном в заводских поселках в сельской местности. Они составляли значительную часть индифферентно настроенных к чтению газет коммунистов – 19 %. Не проявляли интереса к чтению газет и мелкие служащие (милиционеры, сторожа, лесники, учителя, завхозы, телефонистки и т. п.) – 21,4 %. Неудивительно, что большинство коммунистов, не проявлявших интереса к чтению газет, имели крайне низкий уровень образования, 80,9 % из них получили домашнее образование (самоучки) или не окончили начальную школу, что, по-видимому, затрудняло для них процесс чтения и понимания прочитанного.

⁵⁹ См.: Шафир Я. Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 71–72.

⁶⁰ Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. С. 49.

В переписном бланке «А» отсутствует вопрос относительно чтения членами партии литературы. Однако, учитывая уровень интереса к газетным материалам, можно с большой долей уверенности предположить, что ситуация с чтением коммунистами художественной и специальной литературы была примерно такой же, если не хуже. Такое отношение к чтению связано с тем, что абсолютное большинство членов партии имели образование не выше начального. Подобное образование дает грамотность, но не делает человека читателем, культурным человеком. В результате у него не вырабатывается потребности в овладении духовными ценностями, развитии себя как личности. Посещение библиотеки не является для него культурной нормой. Так, например, «всего 0,1–2 % рабочих приходило, например, в Билимбаевскую, Верх-Нейвинскую библиотеки, чтобы взять книгу домой»⁶¹. Изучение в середине 1920-х гг. быта коммунистов Пермского уезда, из которых 80 % были рабочими, показало, что менее 1/3 из них (31 %) посещали библиотеки и только 27,2 % постоянно читали книги и газеты⁶².

С другой стороны, литература, имевшаяся в библиотеках того периода – это в значительной степени оставшиеся от старого режима произведения «буржуазных» авторов. Большинство сюжетов, идей и духовных ценностей, которые они провозглашали в своих произведениях, во многом были чужды революционному поколению и не были востребованы им, хотя существовал ряд писателей из числа русских классиков, близких и понятных массовому читателю из крестьянской и рабочей среды – это Толстой, Пушкин, Гоголь⁶³. Произведений революционных авторов пока было немного, да и их художественный уровень оставлял желать лучшего. В то же время невостребованными оказывались произведения классиков марксизма. Библиотечные работники отмечали, что рабочие любят беллетристику и научные книги, между тем «собрания сочинений Ленина, Плеханова... лежат в шкафах неразрезанными»⁶⁴.

Таким образом, можно говорить о том, что у большей части коммунистов отсутствовала потребность в регулярном чтении газет и книг. Но дело было не только в желании или нежелании коммунистов читать периодические издания или книги, большой проблемой была их доступность, особенно для деревенских жителей и жителей рабочих поселков в силу неразвитости системы доставки прессы и на-

⁶¹ Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. С. 92.

⁶² См.: Казанцева Ю. В. Городская библиотека и читатель на Урале в годы нэпа // Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган, 2009. С. 122.

⁶³ См.: Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. С. 52.

⁶⁴ Казанцева Ю. В. Городская библиотека и читатель на Урале в годы нэпа. С. 122.

личия библиотек (изб-читален), где можно было ознакомиться с прессой или выбрать для чтения книги.

За годы Гражданской войны сеть городских и сельских библиотек в регионе заметно сократилась, а многие перестали функционировать. 3 ноября 1920 г. Совнарком принял декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР»⁶⁵, в соответствии с которым все библиотеки, независимо от их ведомственной принадлежности, объявлялись общедоступными, связывались в единую библиотечную сеть РСФСР и передавались в ведение Народного комиссариата просвещения. В декрете был прописан порядок комплектования библиотек книгами, говорилось о создании Центральной распределительной комиссии при Государственном издательстве и библиотечных коллекторов, однако не были определены обязанности государства в области библиотечного дела, в том числе по материальной поддержке библиотек.

Изменились и задачи, поставленные перед библиотечной системой. Если в земский период библиотеки выполняли преимущественно культурно-просветительские функции, то в советской стране они принимают на себя выполнение политико-идеологических задач и превращаются в важнейший инструмент «воспитания» и «перевоспитания» населения.

Наиболее сложной была ситуация с сельскими библиотеками. К 1920 г. на Урале действовало 3 640 изб-читален (в среднем на одну избу-читальню приходилось 39 книг)⁶⁶. Они комплектовались преимущественно произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, агитационно-пропагандистской и сельскохозяйственной литературой, периодическими общественно-политическими изданиями. Заведующими изб-читален назначались, как правило, члены партии.

В 1921 г. в Екатеринбургской губернии насчитывалась 861 библиотека и 553 избы-читальни. Читателей в них числилось примерно 340 тыс. чел. при населении губернии более 2 млн чел. Однако к 1922 г. в связи финансовыми и материальными трудностями число библиотек сократилось до 496, изб-читален – до 389, а зарегистрированных читателей – до 245 тыс. человек⁶⁷. Осложнился и процесс комплектования библиотечных фондов, в частности периодическими изданиями. В связи с этим при ответе на вопрос анкеты о регулярности чтения

⁶⁵ См.: О централизации библиотечного дела в РСФСР : декрет СНК от 3 ноября 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/law/snk/1917/?id=2836> (дата обращения: 27.11.2018).

⁶⁶ См.: Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации : Региональное измерение. Екатеринбург, 2012. С. 348.

⁶⁷ См.: Рябухина В. И. «Коль читальня заведется – темноте придет конец...» (из истории библиотечного дела на Урале) // Первые Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2001. С. 90–91.

коммунисты нередко указывали на то, что «неаккуратно поступают газеты», поэтому приходится читать газеты «по мере поступления» или «по мере выдачи». Более доступными для рядовых коммунистов были местные газеты, центральные издания поступали нерегулярно, и это во многом определяло круг и режим чтения прессы.

Этот негативный опыт работы библиотек был учтен в дальнейшем. В августе 1923 г. Совнарком принял постановление о развитии политико-просветительных учреждений, предлагавшее увеличить к сентябрю 1925 г. число библиотечных учреждений, в том числе деревенских библиотек, с 7 до 9 тыс. В циркуляре ЦК РКП(б) «Об улучшении положения политпросветучреждений» (сентябрь 1923 г.) говорилось: «...без избы-читальни, волостной библиотечной сети и массовой ликвидации неграмотности не может быть и речи о систематическом воздействии на деревню»⁶⁸. С этих постановлений начинается процесс восстановления и развития библиотечной системы, которая в сельской местности РСФСР выросла с 9,8 тыс. библиотек в 1925 г. до 12,1 тыс. в 1929 г., а их фонды увеличились с 15,4 млн до 19,5 млн экз.⁶⁹ Библиотеки и избы-читальни превращаются в центры идеологической работы, используя разные способы привлечения читателей, в том числе громкие читки, доклады, лекции, беседы по прочитанной литературе.

Важной чертой облика коммуниста также является его отношение к знаниям. В данном случае речь идет о том, готов ли был коммунист продолжать свое образование. На вопрос анкеты «Имеете ли желание учиться?» 24,4 % губернских коммунистов не дали никакого ответа. Скорее всего, это можно расценить как отрицательный ответ. Не желала повышать свой образовательный уровень почти 1/4 коммунистов (24,5 %). Положительно ответили на данный вопрос чуть более половины (51,1 %) членов партии Екатеринбургской губернии.

Такое распределение развенчивает один из устоявшихся в литературе мифов, что «революция необычайно усилила всеобщее стремление к учебе»⁷⁰. На деле все обстояло несколько иначе: несмотря на усилия власти по созданию условий для дальнейшего образования коммунистов, комсомольцев, молодежи, значительная их часть не испытывала желания продолжать учебу.

⁶⁸ Об улучшении положения политпросветучреждений : циркуляр ЦК РКП(б) от 14 сентября 1923 г. // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / под ред. И. Д. Давыдова, И. Г. Клабуновского. 3-е изд. М. ; Л., 1931. С. 211.

⁶⁹ Библиотечное дело в СССР в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // История библиотечного дела России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.univer.omsk.su/pages/hbwork/> (дата обращения: 27.11.2018).

⁷⁰ Соколов А. К. Курс советской истории, 1917–1940. М., 1999. С. 117.

Прежде чем приступить к анализу данной проблемы, выделим факторы, которые влияли на желание коммунистов продолжить образование (табл. 6.2).

Таблица 6.2

**Факторы, влиявшие на желание коммунистов
Екатеринбургской губернии продолжить образование***

Факторы	Коэффициент корреляции
Возраст	0,34
Количество иждивенцев	0,21
Социальное положение	0,26
Положение в РКП(б)	0,26
Тип поселения	0,23

*Подсчитано по результатам выборки.

Статистически значимая корреляционная связь между желанием продолжения образования и социальными характеристиками фиксируется для признака «Возраст», который принимает на себя наибольшую факторную нагрузку – желание продолжить учебу высказывали преимущественно молодые коммунисты, как правило, не обремененные семьей и занимающие руководящие посты в партийной организации. В последнем случае дополнительное образование чаще всего было обусловлено задачами карьерного роста. Готовность учиться также выражали коммунисты, занимавшие посты в партийной иерархии: члены партийных комитетов, секретари партячеек, агитаторы, пропагандисты, т. е. люди с активной жизненной позицией. Среди рядовых членов партии желавших продолжить обучение было 53 %, нежелающих 47 %.

Социальное положение также имело значение. Больше всего желавших повысить свой образовательный уровень оказалось среди руководителей-служащих разного уровня. Коммунисты-служащие из числа технического персонала также выражали готовность продолжить учебу. Среди коммунистов-рабочих мнения по поводу дополнительного образования разделились поровну. На момент опроса из всех социальных групп в большей степени нежелание учиться выразили коммунисты-крестьяне. Из них 2/3 заявили, что не хотят продолжать свое образование, несмотря на самую большую долю неграмотных среди крестьян. Такая позиция деревенских коммунистов определялась образом жизни, не позволявшим им бросить хозяйство, и фактическим отсутствием свободного времени. С другой стороны, влияя

демографический фактор – на селе в основном преобладали большие семьи. По результатам выборки нежелание учиться в большей степени демонстрируют те члены партии, которые на момент опроса имели в составе семьи пять и более человек. Обеспечение пропитанием в труднейших экономических условиях того времени занимало все внимание сельских коммунистов, а проблемы образования и культурного роста отходили на второй план. В свою очередь, если член партии не был обременен семейными заботами, то он был настроен продолжить образование: среди коммунистов, не имевших иждивенцев в составе семьи, 70 % высказывали желание учиться.

Любопытно, что по данным выборки около 25 % коммунистов Екатеринбургской губернии, положительно ответивших на вопрос о продолжении учебы, не смогли указать конкретную область своих интересов. На поставленный вопрос они отвечали, что хотели бы научиться либо какому-либо «ремеслу», либо «наукам», без указания, каким именно. Такая неопределенность может быть интерпретирована и как попытка мимикрии – стремления соответствовать формируемым в партии стандартам поведения («коммунист должен учиться»), и в контексте недостаточно развитой саморефлексии, что свидетельствует о фактической неготовности заниматься обучением.

Среди губернских коммунистов, указавших конкретную область своих интересов в плане дальнейшего получения знаний, предпочтения распределились следующим образом. Наибольшая по численности группа членов партии, включавшая как обучавшихся в прошлом в начальных учебных заведениях, так и неграмотных партийцев, хотела научиться грамоте или получить общее образование (25,4 %). На втором месте по численности находилась группа коммунистов, которые желали повысить свой политический уровень и получить партийно-политическое образование – 10,4 %. Сюда относятся те, кто высказал желание обучаться политической грамоте – 2,3 %, политическим наукам – 1 %, поступить в партийную и партийно-советскую школу или на партийные курсы – 1 %, изучать историю революционного движения – 0,4 %, политэкономии (политэкономические науки) – 1,1 %.

Учитывая, что Урал являлся крупным промышленным центром страны и в губернской партийной организации состояло много рабочих, неудивительно, что на третьем месте по популярности стояло желание обучиться рабочим профессиям, востребованным рынком труда (токарь, слесарь, кузнец, металлург и т. д.), или получить навыки в конкретном ремесле (плотник, столяр, пимокат, сапожник, печник) – 9,2 %.

Поскольку слой крестьянства или выходцев из крестьянской среды среди опрошенных коммунистов губернии был достаточно велик,

то много коммунистов захотели получить знания по сельскому хозяйству (изучать агрономию, сельскохозяйственные науки, поступить на сельскохозяйственные курсы) – 8,2 %.

Губернские коммунисты также проявляли интерес к естественным (физика, химия, математика) и техническим наукам, а также к техническим курсам. Таких коммунистов насчитывалось 6,2 %. Сложно сказать, означало ли употребление слова «наука» стремление получить высшее образование или опрашиваемые коммунисты понимали под ним знание вообще. В ряде случаев встречаются конкретные ответы – поступить на рабфак, в университет или институт – 0,7 %.

Определенный интерес члены партии проявляли к социально-гуманитарным дисциплинам: 3,2 % коммунистов хотели изучать социальные науки, социологию, философию и историю, а также искусство (драматическое, театральное, литературное, скульптуру) и музыку. Один из коммунистов на вопрос «Чему желает учиться» дал такой ответ: «Изучать философию и ковать», буквально следуя образу, созданному В. Маяковским в поэме «Хорошо»:

В полях –
деревеньки.
В деревнях –
крестьяне.
Бороды
веники.
Сидят
папаша.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
Попишет
стихи⁷¹.

Часть коммунистов проявила заинтересованность в получении знаний в медицинской области – 1,8 % («изучать медицинские науки», «поступить на медицинский факультет», «окончить медицинские или фельдшерские курсы», «стать фельдшером или ветеринаром»).

Часть коммунистов предполагала связать свою жизнь с армией: «изучать военные науки», «военное дело», «получить военное образование». Таких оказалось 1,4 %.

Наименьшим интересом у коммунистов Екатеринбургской губернии пользовались экономическое образование (экономические науки, бухгалтерия, счетоводство) – 0,8 % и юридическое образование (юридические науки и юридические курсы) – 0,4 %.

⁷¹ *Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 326–327.

К каким сферам образования проявляла интерес губернская партийно-государственная «элита»? Из партийных руководителей губернского уровня 42,8 % (3 чел.) ответили, что у них нет желания учиться дальше и своим уровнем образования (нижшее и среднее) они вполне удовлетворены. Среди губернских руководящих партийных работников, проявивших интерес к повышению уровня своего образования, предпочтения распределились следующим образом: 28,6 % (2 чел. из тюркбюро губкома) хотели расширить свои познания в сфере сельского хозяйства, один руководитель (14,3 %) имел желание обучаться «наукам» и еще один изъявил желание приобщиться к театральному искусству. У руководящих работников губисполкома (4 чел.) образовательные предпочтения были такими: один советский руководитель желал обучаться политической экономии, один – наукам, один – поступить на химический факультет вуза и еще один хотел получить знания по электротехнике.

Партийных руководителей уездного уровня, не желавших больше учиться (или не давших ответа на этот вопрос), было 28,5 %. Обучаться политграмоте, общественным и политическим наукам захотели 28,6 % уездных партийных функционеров, 14,3 % изъявили желание поступить в университет, а получить знания по электротехнике, агрономии, рисованию и лепке, историческим наукам собирались 7,1 % партийных руководителей уездов.

Много индифферентных к получению дополнительного образования оказалось среди руководящих работников уисполкомов, имевших преимущественно неоконченное начальное или начальное образование – 42,9 %. Среди остальных представителей уездной власти предпочтения распределились следующим образом: обучаться «общеобразовательным наукам» желало 14,3 % руководителей; агрономии – 11,9 %; «наукам» вообще и получить техническое образование (профтехшкола и электрическое дело) – по 9,5 %; изучать общественно-политические науки и политграмоту планировали 7,1 %; обучаться грамоте и столярному делу пожелали по 2,4 % уездных советских руководителей.

Каждый пятый партийный руководитель волостного уровня (24,8 %) проявил интерес к сельскохозяйственным знаниям (агрономии, сельскохозяйственным наукам). На втором месте по популярности находилось партийно-политическое образование (партшкола, политические курсы, политические науки) – 11,4 %. Получить общее образование и обучиться грамоте желали 8,6 % волостных партийных начальников. Наименьший интерес они проявили к техническим (3,8 %) и рабочим специальностям (2,8 %), а также к медицине, социальным наукам, счетоводству – по 1,9 %. Не высказали желания повысить свой образовательный уровень 38,1 % партийных руководителей.

Волостные советские руководители так же, как и партийные, отдавали предпочтение сельскому хозяйству – 16,2 %; общему образованию – 15 %; политическим знаниям (партишколе, политграмоте), в том числе изучению истории революционного движения – 10 %. Часть волостных советских руководителей высказала желание обучаться естественным наукам, медицине, металлургии, стать горным инженером – 6,7 %; получить рабочие профессиональные навыки (слесаря, столяра, строителя, портного, сапожника, рыбака) – 5,6 %; гуманитарное образование (изучать искусство, драматическое искусство) – 2,8 %. Среди этой категории губернских руководителей оказалось много тех, кто не стремился к дальнейшему образованию – 41,8 %.

Высокая доля коммунистов-руководителей разных уровней власти, не желавших повышать свой образовательный уровень, свидетельствует об их пассивной жизненной позиции: «Все, что эти люди поняли из партийной пропаганды – это то, что они должны были выполнять приказы. <...> Поколение коммунистов эпохи Гражданской войны привыкло видеть свои задачи как военные операции. Они привыкли штурмовать и уничтожать противника; обеспечить разверстку, конфисковывать и доставлять зерно любой ценой»⁷² – делает вывод В. Н. Бровкин. Кроме того, деятельность руководителей волостной исполнительной власти «сводилась главным образом к выполнению крестьянами государственных повинностей: продразверсточной, гужевой, лесозаготовительной, проведению мобилизаций в армию»⁷³. Размахивание маузером не требовало больших знаний. В условиях нэпа военные методы не отвечали потребностям времени, но в начале 1922 г., когда проводилась партийная перепись, необходимость смены методов управления для многих членов партии была еще не очевидной.

Свою роль сыграло назначенчество: зачастую назначение на руководящую должность на низовом уровне происходило в принудительном порядке и, соответственно, воспринималось как временная повинность: «Волостные съезды часто садят своих товарищей чуть ли не силой; бедняки и середняки не идут: жалован[б]е мизерное, а ответственность большая, да и в хозяйстве мало осталось рабочей силы»⁷⁴.

К тому же в начале 1920-х гг. работа в советских органах власти стала рассматриваться членами партии как «низшая категория» партийной работы по сравнению с «чисто партийной работой в губкомах, обкомах, ячейках, ЦК партии»⁷⁵. Поэтому на советские должности по-

⁷² Бровкин В. Н. Культура новой элиты... С. 87–88.

⁷³ Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. С. 143.

⁷⁴ Цит.: Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. С. 143.

⁷⁵ Березкина О. С. Политическая элита и политический режим в 1920-е годы (опыт системного анализа) // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 303.

падали менее активные и амбициозные члены партии, а следовательно, и менее заинтересованные в получении дополнительного образования для карьерных перспектив.

В целом анализ образовательных предпочтений партийных и советских руководителей Екатеринбургской губернии свидетельствует о том, что многие, если не большинство, не испытывали тяги к образованию, а у тех, кто высказывал такое желание, оно было слабо связано с непосредственной управленческой деятельностью.

В отношении к учебе у членов Екатеринбургской партийной организации была выявлена следующая закономерность: чем старше по возрасту были коммунисты, тем реже они высказывали желание продолжить учебу. Наиболее выраженной потребностью учиться была у молодых коммунистов до 24 лет (84 % хотели продолжить обучение, 16 % – нет). Среди коммунистов в возрасте от 25 до 34 лет насчитывается 63 % желавших и 37 % нежелавших продолжить обучение. В возрастной группе 35–44 года желавших и нежелавших учиться дальше примерно поровну – 51 % и 49 % соответственно. В возрасте старше 45 лет преобладали те, кто не желал продолжить свое образование (23 % желавших и 77 % нежелавших). Возможно, в основе данной закономерности лежали психофизиологические процессы, связанные с изменениями в механизмах функционирования памяти, в том числе зафиксированное земскими статистиками забывание грамоты в среднем и старшем возрастах: «лица, прошедшие школу, скоро забывали с трудом и в слабой степени усвоенную грамотность»⁷⁶. Мужская часть сельского населения заканчивала наращивание грамотности в возрасте 25–30 лет, затем приблизительно до 40 лет она удерживалась на достигнутом уровне, а следом начинался довольно быстрый рецидив неграмотности. У женщин, в основном домохозяйек, процесс забывания грамоты начинался раньше. В городах дело обстояло несколько лучше. В силу большей потребности в грамотных людях здесь наращивание грамотности продолжалось дольше, чем в деревне, а рецидив неграмотности возникал позже и проявлялся в более слабой форме. Понятно, что членам партии более старшего возраста, потерявшим достигнутую ранее образовательную базу, очень трудно было решиться начать все сначала.

К сожалению, в анкете отсутствует вопрос о причинах нежелания учиться, поэтому судить о них мы можем только предположительно. Видимо, у коммунистов более зрелого возраста на первом плане среди ценностей находились семья, хозяйство, поэтому особого смысла в продолжении образования они не видели. Наоборот, для молодых членов партии образование являлось ключом к карьерному

⁷⁶ См.: *Суперанский М.* Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906. С. 72.

росту, важным условием их социального лифта, поэтому мотивация к обучению была более высокой.

В какой степени неграмотные коммунисты были настроены учиться и чему именно? Данные партийной переписи свидетельствуют о том, что около 1/3 (30,8 %) планировали обучаться грамоте (научиться читать и писать). Желание повысить свои профессиональные рабочие навыки (обучаться какому-либо ремеслу) высказало 2,6 % неграмотных партийцев. Часть членов партии (1,9 %) хотела получить знания, связанные с сельским хозяйством, «наукам» желали обучаться 0,8 %. Следует обратить внимание и на то, что 1/3 неграмотных членов партии (34,4 %) отрицательно ответила на вопрос об учебе, а 29,1 % его проигнорировали. Таким образом, около 2/3 неграмотных коммунистов (63,5 %) отрицательно отнеслись к возможности «сесть за парту», назвав в качестве причины отказа от дальнейшего обучения преклонный возраст, большую семью или не указав причину совсем.

Судя по всему, возраст нельзя рассматривать в качестве единственной причины нежелания учиться, среди «отказников» часто встречаются лица молодого и среднего возраста (53,5 %), в том числе от 20 до 29 лет – 25,9 %, от 30 до 39 лет – 27,6 %, от 40 до 49 лет – 29,1 %.

Также интересны данные о владении иностранными языками. Другие (неродные) языки знали 7 % коммунистов. Среди них владели польским языком – 1 %, украинским – 0,5 %, прибалтийскими (латышский, литовский) – 0,4 %, финно-угорскими (эстонский, финский, зырянский, удмуртский, черемисский, мордовский) – 0,4 %, тюркскими (татарский, башкирский, сартовский, чувашский) – 0,7 %, а также другими языками – еврейским, белорусским, армянским, грузинским. Как видно из перечня, преимущественно это языки народов, проживавших на территории Российской империи. Всего на них говорили 3,5 % коммунистов. Коммунистов, владевших европейскими иностранными языками, отмечено еще меньше – всего 3 %. При этом большинство коммунистов отметили немецкий язык (1,7 %), что неудивительно: война с Германией, опыт плена способствовали овладению языком противника. Французским языком владели 0,4 % коммунистов, как правило, имевших гимназическое образование. Еще 0,9 % членов партии указали английский, венгерский, румынский – по 0,2 %, сербский – 0,08 %, чешский – 0,05 %, испанский и шведский – по 0,02 % и итальянский – 0,01 %. Учитывая общий невысокий уровень образования коммунистов, скорее всего, имелся в виду бытовой уровень владения языком. Небольшая часть коммунистов губернии (0,5 %) отметила владение другими языками: арабским, турецким, персидским, китайским, японским, латинским и эсперанто.

Итак, анализ культурных параметров губернских коммунистов дал следующие результаты. В массе своей они были грамотными, но,

как правило, имели образование не выше начального. Вопрос повышения своего образовательного уровня волновал не более половины членов партии. При этом их запросы были не амбициозными, а имели, как правило, утилитарно-прикладной характер. Лишь незначительная часть коммунистов была нацелена на получение высшего образования. Об этом же свидетельствуют такие характеристики образа жизни членов партии, как интерес к прессе, чтению художественной и специальной литературы, участию в общественно-политической жизни, уровень владения иностранными языками. Серьезную проблему для партии представлял острый дефицит высокообразованных людей, способных выполнять управленческие функции на региональном и местном уровнях. Идейные установки партии, ее организационные принципы не способствовали притоку высокообразованных людей (интеллигенции); при приеме в партию предпочтение отдавалось представителям рабочего класса и беднейшего крестьянства.

В связи с этим формирование управленческого резерва шло из малограмотных людей, которые не знали, что и как нужно делать, с чего начинать. Им были нужны простые и четкие указания сверху. Такая позиция представителей местной власти нашла отражение в архивных документах, где нередко отмечается, что на местах ждут указаний по любому поводу, отсутствует «творческая работа губкомов» с директивами центра или встречается неадекватное исполнение спущенных директив⁷⁷.

С другой стороны, инициатива, исходящая от некомпетентных людей, опасна и способна привести к весьма нежелательным последствиям. Вышестоящим органам приходилось принимать меры – писать инструкции и требовать от членов партии их неукоснительного выполнения. Постепенно этот стиль управления становится нормой деятельности партийного аппарата.

6.4. Социальная активность коммунистов: профсоюзное движение и партия

Одним из аспектов культурной модели советского человека является его социальная активность как отражение системы социально значимых знаний, ценностей, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность в обществе. Она проявляется в уровне интереса человека к социальной жизни, участии в различных общественно-политических организациях и движениях, социальных акциях.

⁷⁷ Березкина О. С. Политическая элита и политический режим в 1920-е годы. С. 312.

С этих позиций важное значение для характеристики поведения и нравственного облика коммуниста начала 1920-х гг. имеет вопрос о членстве в профсоюзах, которые Ленин назвал «школой коммунизма», позволяющий судить о профессиональном самосознании и степени социальной активности члена партии.

Профсоюзы в России явочным порядком стали появляться в годы Первой русской революции. Вначале они организуются в Петербурге и Москве, где «было наиболее развито рабочее движение, где пролетариат был больше всего сплочен, организован, грамотен, более подготовлен»⁷⁸, а затем профсоюзное движение охватывает практически все промышленные районы России.

Важная особенность российских профсоюзов заключалась в том, что, в отличие от западноевропейских, они создавались под влиянием и при прямом участии партий, оппозиционных царскому режиму. Поэтому для них было характерно сочетание форм политической и экономической борьбы.

Российские социал-демократы уделяли большое внимание деятельности профсоюзов как структур, в которых проявляется активность рабочего класса. Они занимали активную позицию в деле «политизации» профсоюзов, выступали против их «нейтральности», стараясь внести в рабочие массы социалистические идеалы⁷⁹. Еще в 1902 г. в работе «Что делать?» В. И. Ленин сформулировал принципы организации профсоюзов и обосновал необходимость руководства профсоюзным движением со стороны социал-демократов. Он указывал, «что социал-демократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличий составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания»⁸⁰.

В период революционных событий 1905 г. эти идеи Ленина были реализованы на практике. Партия большевиков, добивавшаяся поддержки широких народных масс и искавшая различные легальные формы работы в пролетарской среде, приняла активное участие в создании и деятельности профсоюзных организаций, которые, в свою очередь, становились проводниками партийных идей в жизнь и весьма заметной силой⁸¹.

⁷⁸ Морозов В. Б. Образование профсоюзов России и их борьба за экономические интересы трудящихся // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. 2006. Вып. 4. С. 145. (Сер. 2).

⁷⁹ См.: Там же. С. 146.

⁸⁰ Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 56.

⁸¹ См.: Лобок Д. В., Морозов В. Б. Профсоюзное движение : история, теория, практика. СПб., 2007. С. 64.

24 сентября – 7 октября 1905 г. в Москве прошла I Всероссийская конференция профессиональных союзов, образовавшая межсоюзную организацию профессиональных союзов – Московское центральное бюро профсоюзов. День 6 октября считается официальной датой возникновения российских профсоюзов.

Под напором событий Первой русской революции царское правительство было вынуждено приступить к разработке законодательства, регулирующего деятельность профсоюзов. 4 марта 1906 г. был издан «Именной высочайший указ Правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах»⁸², в котором вводились временные правила, регулирующие деятельность профессиональных обществ и союзов «до издания, в соответствии с Манифестом 17-го октября 1905 года, общего закона о союзах и обществах»⁸³.

Целью этого указа была попытка поставить профсоюзное движение под жесткий контроль полиции. В документе формально провозглашался уведомительный характер создания профсоюзных организаций: «Общества и союзы могут быть образованы без испрошения на то разрешения правительственной власти» (ч. 1, ст. 2). Однако последующие статьи «Временных правил» свидетельствуют о том, что власти фактически реализовывали разрешительный режим создания профессиональных объединений, обставив их регистрацию множеством бюрократических процедур. В законопроекте особо оговаривалось, что общества не могут ставить политические задачи (ч. 1, ст. 7, 10). Профсоюз могли закрыть, если его деятельность угрожала «общественной безопасности и спокойствию» или принимала «явно безнравственное направление» (ч. 1, ст. 35).

С одной стороны, появление таких законодательных норм свидетельствовало о юридическом признании профсоюзов как представительных организаций работников, с которыми власть была вынуждена считаться. С другой стороны, с помощью этих норм правительство пыталось сдерживать их дальнейшее развитие, ограничивать деятельность выдвиганием не политических, а только некоторых экономических требований, включая вопросы улучшения условий труда.

В годы реакции (1907–1910) началось наступление на профсоюзы со стороны государства. Власти закрыли под разными предлогами 444 профсоюза, а 329 было отказано в регистрации. Только в 1907 г. было закрыто 104 профсоюза за участие в стачках, протесты против увольнения членов союза, объявление бойкота, призывы к забастов-

⁸² См.: О временных правилах об обществах и союзах : Именной высочайший указ 4 марта 1906 г. // Полный свод законов Российской империи. Собрание третье. Т. 26. № 27479. Собрание узаконений. 1906. 7 марта. Отд. 1. Ст. 308.

⁸³ Там же.

кам, за деятельность, угрожающую общественной безопасности и т. п.⁸⁴ Почти все межсоюзные профессиональные органы были разгромлены. В начале Первой мировой войны профсоюзы в России были запрещены.

Восстановление системы профсоюзов относится к 1917 г. Уже 2 марта в «Правде» было напечатано: «Петроградский комитет приглашает товарищей немедленно организовать профессиональные союзы явочным порядком». Согласно постановлению Временного правительства от 12 апреля 1917 г. было разрешено без особых уведомлений организовывать союзы. Они могли объединяться с другими обществами и союзами. Союз мог быть закрыт только по суду. На промышленных предприятиях создавались рабочие комитеты с правом переговоров с администрацией о заработной плате, рабочем дне, с правом представительства рабочих при сношениях с общественными и правительственными учреждениями. При отстаивании своих интересов рабочие могли применять такие методы борьбы, как бойкот и стачка. Было установлено социальное страхование от болезней, но страхование от несчастных случаев, инвалидности и безработицы откладывалось до более благоприятного случая⁸⁵.

К июню 1917 г. в России было создано около 1 200 организаций, которые включали в себя 1,5 млн членов⁸⁶, а с октября 1917 г. по январь 1918 г. численность профсоюзов по разным оценкам колебалась от 1,6 млн до 3 млн человек⁸⁷.

Для российского профсоюзного движения были характерны две черты: политизация и огосударствление. Важнейшими этапами на этом пути стали конференции и съезды профсоюзов, последовательно конструировавшие политико-организационные аспекты профсоюзного движения. Их важной особенностью на протяжении первых лет советской власти было наличие оппозиции большевикам, представленной левыми эсерами, меньшевиками, Бундом и другими партиями социально-демократического толка. Фактически профсоюзы были тем пространством, где еще сохранялась многопартийность и где оппозиционные партии пытались противостоять политике большевиков. Дискуссии сопровождали практически все мероприятия, но с неизменной победой коммунистической фракции, что обеспечивалось составом делегатов конференций и съездов (большевики численно пре-

⁸⁴ См.: Лозовский А. Профессиональные союзы в Советской России. М., 1920. С. 11.

⁸⁵ См.: Козлова С. А. Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке (по неизданным материалам Омского архивного бюро) // Из прошлого Сибири. Омск, 1927. С. 78.

⁸⁶ Гарви П. А. Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921). Benson, 1989. С. 46.

⁸⁷ Паценко К. П., Румянцева А. Ш. Формирование российских профсоюзов в первой трети XX века: особенности и результаты // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. 2006. № 2. С. 75 (Сер. 5).

обладали в составе делегатов) и контролем над руководством профсоюзов, где ключевые позиции занимали коммунисты. Интересно и то, что постепенно вопрос «о задачах профсоюзов» из зоны межпартийной дискуссии мигрировал во внутрипартийное пространство, послужив одной из причин появления «рабочей оппозиции» в партии⁸⁸.

В июне 1917 г. состоялась III Всероссийская конференция профсоюзов, которая сыграла важную роль в организационном оформлении руководящих органов профсоюзного движения. На конференции присутствовало 211 делегатов с решающим голосом и 27 с совещательным, представлявших 967 союзов и 51 Центральное бюро почти из 90 городов и промышленных центров России⁸⁹. Основным результатом работы конференции стало избрание в качестве центрального органа временного Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС).

Следующий важный шаг был сделан 7 января 1918 г., когда началась работа I Всероссийского съезда профсоюзов. К этому времени в профсоюзных рядах состояло свыше 3 млн членов⁹⁰. Основная борьба на съезде развернулась вокруг вопроса «о задачах профессионального движения», большинством голосов была принята резолюция большевиков, в результате чего был взят курс на их активное участие в государственном и хозяйственном строительстве.

Эти решения подтвердил II Всероссийский съезд профсоюзов, собравшийся в Москве 16 января 1919 г. На съезде присутствовало 779 делегатов, из которых с решающими голосами было 648, а с совещательным – 131 человек. Делегаты представляли, по официальным данным, 3 422 тыс. членов профсоюзов. По мнению В. И. Носача, эта цифра явно завышена. По данным местных комитетов, суммарная их численность составляла ко времени II съезда 1 925 100 чел., т. е. почти в два раза меньше⁹¹.

На съезде с докладом выступил В. И. Ленин, он подтвердил неизбежность курса на огосударствление профсоюзов и выделил несколько путей реализации этой задачи – включение представителей руководящих органов профсоюзов в состав государственных органов

⁸⁸ «Рабочая оппозиция», появившаяся в РКП(б) в конце 1919 – начале 1920 г., выступала за передачу управления народным хозяйством профессиональным союзам. Во главе группы стояли А. Г. Шляпников, С. П. Медведев, А. М. Коллонтай, Ю. Х. Лутовинов. Существовала до 1922 г., когда была разгромлена на XI съезде РКП(б).

⁸⁹ Носач В. И. Профсоюзы России: драматические уроки, 1917–1921 гг. СПб., 2001. С. 31 [Электронный ресурс]. URL: <http://istprof.ru/2168.html> (дата обращения: 27.11.2018).

⁹⁰ Всероссийский съезд профессиональных союзов (далее I; 1918; Москва) : полн. стеногр. отчет : Первый Всерос. съезд проф. союзов, 7–14 января 1918 г. / с предисл. М. Томского. М., 1918. С. 338.

⁹¹ См.: Носач В. И. Профсоюзы России: драматические уроки, 1917–1922. С. 101–102.

власти и управления, участие в работе органов учета, контроля и регулирования производства и распределения. Первоочередной задачей профсоюзов он считал воспитание трудящихся и подготовку их для управления государством и производством: «Весь процесс слияния профсоюзов с органами государственной власти <...> должен явиться как совершенно неизбежный результат их совместной теснейшей и согласованной работы и подготовки профсоюзами широких рабочих масс к делу управления государственным аппаратом и всеми хозяйственными регулирующими органами»⁹².

Вполне определено позицию большевиков по вопросу места и роли профсоюзов выразил и Г. Е. Зиновьев: «Разумеется, мы также за независимость профдвижения, но от буржуазии. Мы свергли власть буржуазии, и в тот момент, когда рабочий класс вместе с беднейшим крестьянством достиг того, что власть перешла к рабочему классу, когда союзы ваши являются частицей власти, какой нереальный смысл иметь независимость. Она имеет реальный смысл в устах представителей правого крыла: независимость от Советов рабочих и крестьянских делегатов для того, чтобы <...> поддерживать саботажников, чтобы поддерживать тех, кто борется против рабочего и крестьянского правительства, для того, чтобы во имя священного права на стачку, на свободу коалиции поддерживать тех, кто устраивает стачку против рабочего класса <...> Мы никогда во время революции не выдвигали вопроса о том, чтобы предоставить свободу стачек, свободу саботажа тем господам, которые поддерживают буржуазию»⁹³. В резолюции съезда отмечалось: «В развитом виде профессиональные союзы в процессе происходящей социалистической революции должны стать органами социалистической власти»⁹⁴.

С этого момента профсоюзы становятся полугосударственной организацией, защита экономических прав работников отходит на второй план. Как отметил Н. Глебов: «Перенесение центра тяжести профсоюзной деятельности из области экономической борьбы в область организационно-хозяйственную привело, вопреки ожиданиям большевиков, не к усилению профсоюзов, а к их вырождению, <...> к принятию на себя роли правительственных органов по борьбе с падением трудовой дисциплины и по обузданию рабочего недовольства»⁹⁵.

Итак, уже в январе 1918 г. на I Всероссийском съезде профсоюзов произошел радикальный поворот в развитии профдвижения страны – был взят курс на стремительное огосударствление союзов. Решения

⁹² Всероссийский съезд профессиональных союзов : стеногр. отчет : Второй Всесоюз. съезд проф. союзов, 16–25 января 1919 г. Ч. 1: Пленумы. М., 1921. С. 97.

⁹³ Всероссийский съезд профессиональных союзов (1; 1918; Москва)... С. 74.

⁹⁴ Глебов-Авилов Н. Профессиональные союзы и советское государство. [Л.], 1925. С. 8.

⁹⁵ Цит. по: Гарви П. А. Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921). С. 47.

I и II всероссийских съездов легли в основу деятельности советских профсоюзов на многие десятилетия, в том числе способствовали их бюрократизации, смене демократических форм и методов работы административными, что проявилось в замене выборов в профсоюзные руководящие органы назначением, переходе от добровольного членства к принудительному и т. д. В условиях введения всеобщей трудовой повинности и милитаризации труда большевики стали использовать профсоюзы в качестве механизма принуждения к труду, превращая их в инструмент милитаризации экономики.

Завершение поворота в профсоюзном движении в сторону потери его самостоятельности завершается к 1921 г. и непосредственно связано с дискуссией о профсоюзах, охватившей партию. Это была попытка реализовать другую модель диктатуры пролетариата, потеснив партию в системе управления.

С 6 по 13 апреля 1920 г. в Москве прошел III Всероссийский съезд профсоюзов. На нем присутствовали 1 226 делегатов с решающим голосом и 362 с совещательным, которые представляли около 4,3 млн членов профсоюзов, 30 всероссийских отраслевых центров и 59 губсоветов. Всего же в рядах профсоюзов к этому времени насчитывалось 5,2 млн чел., или 85 % от общей численности наемных рабочих Советской России⁹⁶. В центре внимания работы съезда находились вопросы восстановления хозяйства и основная дискуссия развернулась вокруг методов профсоюзной работы. «Каждый работник нового общественного строя и в эпоху перехода к нему, – утверждал Л. Троцкий, – должен быть солдатом армии труда, который выполняет наряды новой власти, которую он поставил»⁹⁷, предлагая формировать трудовые армии и политотделы при профсоюзах. Меншевики высказались за сохранение принципа добровольности и самостоятельности профсоюзов, но не получили поддержки⁹⁸.

Однако уже к концу года ситуация изменилась – экономический и политический кризисы привели к пересмотру некоторых положений в профсоюзной политике большевиков. Они отразились в решениях V Всероссийской конференции профсоюзов, которая состоялась 2–6 ноября 1920 г. в Москве. В докладе секретаря ВЦСПС Я. Э. Рудзутака о задачах профсоюзов и резолюциях конференции говорилось о необходимости восстановления демократических принципов

⁹⁶ Носач В. И. Профсоюзы России: драматические уроки, 1917–1921 гг. С. 123.

⁹⁷ Всероссийский съезд профессиональных союзов : стеногр. отчет : Третий Всероссий. съезд проф. союзов, 6–13 апреля 1920 . Ч. 1: Пленумы / Всерос. центр. совет проф. союзов. М., 1921. С. 88.

⁹⁸ См.: Сборник резолюций и тезисов Центрального комитета РСДРП и партийных совещаний. Харьков, 1920. С. 46.

в управлении профсоюзами (выборность и обязательная отчетность), привлечение широких масс к управлению производством, недопущения мобилизационных методов в работе профессиональных организаций. С критикой этих положений выступил Л. Троцкий, который считал, что профсоюзы нуждаются в «завинчивании гаек» и выдвинул тезис о «рабочем государстве», где профсоюзы рассматривались как один из элементов административно-технического аппарата управления производством⁹⁹.

Дискуссия была продолжена на IV Всероссийском съезде профсоюзов, который состоялся 17–25 мая 1921 г. На нем присутствовало более 3 тыс. делегатов (из них 555 беспартийных)¹⁰⁰. Основные вопросы, обсуждавшиеся на съезде, так или иначе были связаны с задачами реализации политики нэпа и роли профсоюзов в условиях усиления «мелкокапиталистических тенденций»¹⁰¹. Борьба развернулась вокруг тезисов Д. Б. Рязанова об отношениях партии и профсоюзных органов, но она проходила кулуарно, на заседаниях комфракции ВЦСПС. Д. Б. Рязанов выступил с требованиями невмешательства партии в текущую работу ВЦСПС и создания «нормальных методов пролетарской демократии» при подборе руководящих профсоюзных кадров. Эта позиция вызвала резкое осуждение со стороны Политбюро ЦК. Впоследствии Пленум ЦК наказал инициаторов дискуссии: Томского освободили от должности председателя ВЦСПС, Рязанову было запрещено работать в профсоюзах и выступать на каких-либо профсоюзных собраниях или конференциях. Порицание было вынесено Артесу (Ф. Сергееву) и Шляпникову, которые на заседании комфракции не выступили с осуждением тезисов Рязанова¹⁰².

Съезд завершился для большевиков вполне благополучно, была принята их резолюция, окончательно осудившая идею самостоятельности профсоюзов. Кроме того, опыт внутрифракционной борьбы послужил хорошим уроком для руководителей партии и своеобразной площадкой для отработки технологий манипуляции представительными органами – конференциями, съездами и пр. Во-первых, был разработан алгоритм принятия важнейших решений по «спорным» вопросам: сначала ЦК партии вырабатывает принципиальное решение, затем комфракция принимает на себя функцию проведения этого

⁹⁹ См.: Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России : в 2 т. Л., 1925. Т. 2. С. 371.

¹⁰⁰ См.: *Носач В. И.* Профсоюзы России: драматические уроки, 1917–1921 гг. С. 144.

¹⁰¹ Всероссийский съезд профессиональных союзов : стеногр. отчет : Четвертый Всерос. съезд проф. союзов (17–25 мая 1921 года) : [работы Пленума и секций]. Ч. 1 : Пленумы / Всерос. центр. совет профсоюзов. М., 1921. С. 176.

¹⁰² См.: *Носач В. И.* Профсоюзы России: драматические уроки, 1917–1921 гг. С. 148.

решения через голосование, делегаты «оформляют» своим участием уже принятое ЦК решение. Во-вторых, выстраивается система работы с кадрами, в том числе механизмы избавления от «неудобных» руководителей. После съезда в профсоюзах началась кампания по «обновлению». Специальная комиссия ЦК партии по проверке руководящих профсоюзных кадров во главе с А. А. Андреевым констатировала, что «значительная часть профкадров в силу засоренности выходцами из мелкобуржуазных партий (меньшевиками, эсерами, бундовцами) не может обеспечить коренной перестройки всей работы профсоюзов»¹⁰³. В результате были введены ограничения по партийному стажу для должностей секретарей и председателей, членов президиума центральных органов профсоюзов, которые должны были гарантировать контролируемость профсоюзных лидеров со стороны партии. Таким образом, профсоюзы становятся одним из «приводных ремней» власти, сосредоточив свое внимание на решении вопросов пропаганды и воспитания трудящихся, проведении в массы решений партии и правительства.

* * *

История профсоюзного движения в России непосредственно отразилась в материалах партийной переписи, которая позволяет проследить динамику вступления коммунистов в профсоюзы и их участие в деятельности профсоюза и его руководящих органов. Эти сведения представлены в вопросе № 44 анкеты, который имеет следующую структуру: «С какого времени Вы член профсоюза?»; «Принимаете ли участие в настоящее время в профработе? (да, нет)»; «Если принимаете, то какое именно? _____».

По материалам партийной переписи 1922 г. более половины членов партии (61 %) Екатеринбургской губернии были членами профсоюза. В дореволюционный период в профсоюзные организации вступило всего 7,2 % губернских коммунистов, в том числе в 1905–1906 гг. – 1,1 % коммунистов, в 1907–1910 гг. – 0,7 %, в 1911–1914 гг. – 1,95 % членов РКП(б). Такая динамика соответствует основным этапам развития профсоюзного движения с его подъемами и спадами. Заметный процент губернских коммунистов (3,4 %) включился в профсоюзное движение в 1915–1916 гг., когда профсоюзы были запрещены и находились в нелегальном положении, но рост недовольства властью в связи с затянувшейся войной и ухудшением экономического положения в стране подталкивал многих на путь борьбы.

В 1917 г. среди членов РКП(б) Екатеринбургской губернии наблюдается почти десятикратный рост числа вступивших в профсоюзные

¹⁰³ Цит по: Носач В. И. Профсоюзы России: драматические уроки, 1917–1921 гг. С. 149.

организации в 1917 г. В этот период членами профсоюзов становятся более 1/4 губернских коммунистов (26,9 %). Падение самодержавия породило взлет гражданской активности и социальных ожиданий у большей части общества. Как отмечает Л. И. Семенникова, «для этого периода характерны высокая гражданская активность, осознание личностью своих интересов и необходимости объединения для их реализации... Все слои были охвачены самодеятельными организациями: Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фабзавкомы, профсоюзы, <...> лиги, ассоциации»¹⁰⁴.

В 1918 г., по данным партийной переписи, резко сократилось число коммунистов, вступивших в профсоюзы, оно составило 11 % от общего числа. Такой спад был непосредственно связан с политикой большевиков в отношении профсоюзов, приведшей к разочарованию части рабочих в советской власти и способности профсоюзов отстаивать их интересы. Так, например, собрание уполномоченных фабрик и заводов Петрограда в марте 1918 г. пришло к выводу, что «профессиональные союзы утратили самостоятельность и независимость и уже не организуют борьбы в защиту прав рабочих»¹⁰⁵.

Действительно, профсоюзы занимались совсем другими задачами. Председатель ВЦСПС М. П. Томский отмечал: «Трудно сказать, чего они [профсоюзы. – Л. М.] не делали, так как делали они действительно все: боролись с голодом, организовывали продовольственные отряды, снимали с фабрик ответственных работников и посылали их на фронт, боролись с эпидемиями, организовывали работу внутри рабочего класса, одновременно ведя неутомимую повседневную борьбу с реформизмом, со всеми его проявлениями»¹⁰⁶.

Другой причиной снижения профсоюзной активности стал захват в 1918 г. Екатеринбургской губернии и других территорий Урала антибольшевистскими силами. Хотя профсоюзы здесь сохранились, но в условиях политической нестабильности, когда одно правительство сменяло другое (Уральское правительство, Комуч, Директория), подозрений в политической нелояльности и ведения военных действий деятельность профсоюзов пошла на спад.

При антибольшевистской власти профсоюзы могли отстаивать экономические права работников, но политическая деятельность им была запрещена. В официальном правительственном документе Временного сибирского правительства «Схема основ социальной политики Министерства труда» от 23 августа 1918 г. указывалось: «Свобода профессиональных союзов – неотъемлемое право рабочего класса, завоеванное им после упорной борьбы и жизненно необходимое для

¹⁰⁴ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. С. 352–353.

¹⁰⁵ Цит. по: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1995. Кн. 1. С. 55.

¹⁰⁶ Томский М. П. Избранные статьи и речи. М., 1928. С. 448.

него при современном общественном строе, с его обостренной борьбой разноречивых и противоположных интересов. С другой стороны, в этом развитии заинтересована сама государственная власть, которой только выгодно ввести рабочее движение в определенное русло и иметь перед собой не разрозненную толпу с ее случайными настроениями, а правильно организованный слой населения, занятый практическим жизненным делом и тесно связанный со своей профессией»¹⁰⁷.

Реально, однако, численность профсоюзов при Колчаке сократилась из-за преследования властями членов профсоюзов по обвинениям в антиправительственной деятельности, причастности к забастовкам и восстаниям. Так, в марте 1919 г. Колчак запретил забастовки, мотивируя это условиями военного времени. Несмотря на определенные противодействия со стороны властей и недоброжелательных предпринимателей, рабочие реализовывали свое право на забастовки. «Требования, предъявляемые рабочими, обычно сводились к следующему: повышение заработной платы, нормировка рабочего дня, отмена сдельщины; иногда к этим основным требованиям присоединялись еще требования уплаты за время забастовки и представления права профессиональным союзам увольнять и назначать рабочих и служащих»¹⁰⁸.

Одним из факторов спада профсоюзного движения в 1918 г. стали также политические репрессии колчаковского правительства против профсоюзных лидеров. Дело в том, что «профсоюзы оказались теснее других общественных организаций связаны с советской властью, в них находилось значительное количество большевиков и их сторонников»¹⁰⁹. Хотя министр труда Л. И. Шумиловский выражал надежду на то, что среди профессиональных рабочих, «по моему глубочайшему убеждению, в ближайшем будущем рассеется гнилой туман, навеянный большевизмом и отравивший на время народный организм, народная власть найдет себе верную и надежную опору»¹¹⁰, антибольшевистские власти подозревали, что рабочие организации находятся под влиянием большевиков.

В январе 1919 г. на II Всероссийском съезде профсоюзов принимается решение об обязательном членстве в профсоюзах всех работающих. «Трудовые коллективы (включая и “мертвые души”) поголовно зачислялись в союз, а взносы в виде автоматических отчислений от зарплаты шли в профсоюзную кассу»¹¹¹. В резолюции II Всероссий-

¹⁰⁷ Козлова С. А. Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке... С. 71.

¹⁰⁸ Там же. С. 83.

¹⁰⁹ Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 71–72.

¹¹⁰ Козлова С. А. Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке. С. 71–72.

¹¹¹ Пащенко К. П., Румянцева А. Ш. Формирование российских профсоюзов в первой трети XX века. С. 81.

ского съезда профсоюзов говорилось: «Весь процесс слияния профессиональных союзов с органами государственной власти (процесс так называемого огосударствления) должен явиться совершенно неизбежным результатом их теснейшей и согласованной работы и подготовки широких рабочих масс к делу управления государственным аппаратом и всеми хозяйственными регулирующими органами»¹¹². Эти действия властей в отношении профсоюзов, а также восстановление советской власти на Урале обусловили и местные тенденции. В 1919 г. наблюдается некоторое увеличение числа коммунистов – членов профсоюзов (14,5 %), В 1920 г. отмечается вновь достаточно интенсивное вступление членов партии в профсоюзные организации – 14,8 %, хотя в это время оно уже было недобровольным.

Ситуация начинает меняться в 1921 г. В результате победы в «дискуссии о профсоюзах» на X съезде РКП(б) Ленина и его сторонников над Троцким – сторонником милитаризации профсоюзов и начала новой экономической политики – власть пошла на официальное признание необходимости возвращения профсоюзам функции защиты интересов работников, было восстановлено право на забастовки, а также отменено обязательное членство в профсоюзах. В результате численность профсоюзов к январю 1923 г. сократилась почти вдвое – до 4,5 млн чел.¹¹³ Новые задачи и условия работы профсоюзов начали действовать после утверждения ЦК РКП(б) 12 января 1922 г. тезисов В. И. Ленина «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики»¹¹⁴. Доля членов губернской парторганизации, вступивших в профсоюзы до распространения этого документа – в 1921 и в начале 1922 г. (к моменту проведения партпререписи), оказалась даже более значительной, по сравнению с предыдущим годом, и составила 23 %.

Следует отметить тот факт, что участие коммунистов в профсоюзах в основном было пассивным, носило во многом формальный характер: 74,4 % из них являлись только номинальными членами профсоюзов, не принимая при этом никакого участия в профсоюзной деятельности. Большинство коммунистов (64,3 %) прямо ответили, что они не участвуют в деятельности профсоюзов, еще 10,3 % на вопрос анкеты отметили просто – «рядовой член» или «член союза». Такой ответ можно интерпретировать как указание на отсутствие активной работы в профсоюзе.

¹¹² *Глебов-Авилов Н.* Профессиональные союзы и советское государство. С. 17–18.

¹¹³ *Пащенко К. П., Румянцева А. Ш.* Формирование российских профсоюзов в первой трети XX века. С. 83.

¹¹⁴ *Ленин В. И.* О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики : проект тезисов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 341–353.

Ответственными профсоюзными работниками (председателями и членами профсоюзных комитетов разных уровней, в том числе месткомов, зав. отделами, руководителями и членами различных комиссий) были 10,3 % губернских коммунистов, еще 6,5 % занимались различной деятельностью в рамках профсоюзных организаций: агитационно-пропагандистской работой – 3,2 %, культурно-просветительской – 0,7 %, организационной – 1,2 %, делопроизводственной работой, связанной с обслуживанием деятельности профсоюзов, – 1,2 %, какая-то часть членов профсоюзов выполняла единичные поручения.

Таким образом, динамика участия губернских коммунистов в профсоюзном движении соответствует историческому контексту его развития в первые два десятилетия XX в. в России. Доля коммунистов губернии, вступивших в профсоюзы в 1918–1921 гг., составила почти 2/3 (63,1 %) от общего числа новых членов, т. е. можно говорить о параллельном вступлении в РКП(б) и в профсоюз. Большинство коммунистов стали членами профсоюзов уже в годы советской власти, когда партийное руководство стремилось поставить профсоюзы под свой контроль, превратить их в «школу коммунизма». Поэтому партийное руководство сначала всячески поощряло вступление коммунистов в профсоюзы, а потом сделало его обязательным. Несмотря на возвращение профсоюзам их традиционных функций в период нэпа, они так и остались в подчиненном положении в системе государственного социализма, будучи одним из «приводных ремней» власти.

6.5. «Верую в коммунизм...»: особенности и механизмы трансформации религиозного сознания в 1920-е гг.

Одним из направлений формирования нового человека в раннесоветском обществе была перестройка его сознания, характерной чертой которого явилась религиозность. Борьба с религией проводилась под знаменем атеизма. Во второй половине XX в. атеизм стал в СССР господствующей общественной идеей, однако это не только не исключало религиозность, на искоренение которой была направлена вся советская пропаганда и агитация, а наоборот, способствовало формированию нового типа религиозного сознания. Он сложился под влиянием таких факторов, как советская государственная антирелигиозная политика, идеология, образование, а в более широком плане – культура модерна.

В рамках традиционного общества религия выступает идеологическим стержнем культуры и ментальности. Она является основ-

ным критерием социокультурной идентичности. В новое и новейшее время в условиях модернизационного перехода и секуляризации религиозные институты и практики, а также религиозность как субъективная форма выражения религиозных представлений претерпевают заметные трансформации, в частности, появляются «новые религии», а также формируется «новая религиозность»: переход от моноконфессионального сознания к синкретическому, основанному на смешении элементов традиционных и нетрадиционных религий, восточной мистики, псевдонаучных теорий, многочисленных мифов и суеверий.

Переход от целостного к синкретичному религиозному сознанию – универсальный процесс, свойственный культуре модерна, но советский опыт демонстрирует собственный управляемый и идеологически нагруженный вариант трансформации, который отличается от естественных процессов эволюции религиозного сознания в западном обществе. В этой связи интересно проследить этапы трансформации религиозного сознания советского человека и охарактеризовать особенности и механизмы замещения традиционной религиозности советской.

Начальный этап трансформации религиозности получил отражение в материалах Всероссийской партийной переписи 1922 г. В первичный бланк переписи в числе прочих был включен вопрос о религиозных верованиях. Он включал несколько подвопросов:

а) Имеете ли какие-либо религиозные верования (убеждения) (да, нет), какие именно ___?;

б) Если Вы неверующий, то с какого возраста ___?».

Эта информация в совокупности с данными о поле, возрасте, месте проживания, социальном положении, роде занятий, национальности, дате вступления в партию позволяет охарактеризовать как «верующих» членов партии, так и «неверующих».

При анализе этих данных следует иметь в виду, что в начале 1920-х гг. прямого запрета на религиозные верования коммунистов в Уставе партии еще не было. Конституция 1918 г. гарантировала свободу совести и права граждан на свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды¹¹⁵. Но в Программе РКП(б), принятой VIII съездом 18–23 марта 1919 г., в п. 13 было закреплено, что «партия стремится к полному... освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антире-

¹¹⁵ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. Гл. 5. Ст. 13 [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 25.06.2017).

лигиозную пропаганду»¹¹⁶, т. е. вступление в партию предполагало отказ от религиозных верований. Коммунисты должны были быть носителями атеистического сознания, о чем неоднократно писал В. И. Ленин¹¹⁷.

Однако в условиях Гражданской войны и массовых наборов в РКП(б) в 1919 г. это требование часто не соблюдалось. 9 августа 1921 г. Пленумом ЦК РКП(б) было принято специальное постановление «По вопросу о нарушениях пункта 13 программы и о постановке антирелигиозной пропаганды», которое потребовало от коммунистов принципиального отношения к данному вопросу¹¹⁸. С этого момента отношение к религиозным взглядам коммунистов резко меняется. Такие взгляды стали основанием для исключения из партии, что продемонстрировала перепись 1922 г. В анкетах верующих коммунистов встречаются приписки об исключении их из партии по собственному заявлению, где в качестве причины указывались религиозные взгляды¹¹⁹.

Неудивительно, что подавляющее большинство коммунистов (93,4 %) отвечали на вопрос о своих религиозных взглядах отрицательно. Эту информацию следует воспринимать критически. Отрицание религиозных взглядов не является свидетельством их отсутствия. Члены партии в массе своей продолжали верить, но предпочитали не говорить об этом под страхом наказания (исключение из партии, потеря руководящей должности).

Религиозные взгляды для члена партии стали «ненормативным» явлением, с которым необходимо было бороться. Однако отречение от веры для религиозного человека – это смертный грех. Решиться на этот шаг мог только «колеблющийся», «сомневающийся» человек, религиозность которого уступала в борьбе с рационалистической доминантой. Таким образом, процедура партийной переписи объективно способствовала отбору тех, кто был психологически готов принести в жертву требованиям Программы РКП(б) и коммунистическим идеалам свои религиозные взгляды.

Распределение ответов на вопрос о религиозных взглядах выглядит следующим образом: 93,4 % ответили отрицательно («нет»); по 5,6 % респондентов информация отсутствует; 1 % ответили положительно («да»). По основной выборке верующими оказались 88 чело-

¹¹⁶ Программа Российской Коммунистической партии (большевиков) // Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года : протоколы. М., 1959. С. 401–402.

¹¹⁷ См., напр.: Ленин В. И. Социализм и религия // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 143.

¹¹⁸ См.: Музафарова Н. И. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917–1937 гг.). Иркутск, 1987. С. 58.

¹¹⁹ «Не могу быть членом партии, так как я человек религиозный», – указывалось в таком заявлении (ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1, Д. 572. Л. 285).

век¹²⁰. В их число вошли 15 женщин в возрасте от 19 до 49 лет, разного уровня грамотности. Обращает на себя внимание тот факт, что все «верующие» коммунисты, которые не стали скрывать своих взглядов, относились к рядовым членам партии и находились на нижних ступенях социальной лестницы.

Среди «верующих» 46 % назвали себя православными христианами; 28 % указали, что веруют в Бога, не уточнив конфессиональную принадлежность; 5 % отметили мусульманскую веру; 5 % – протестантскую; 10 % указали, что они «христианские коммунисты». Последняя группа представлена крестьянами, в число которых входили секретарь партийной ячейки и член сельсовета. Для данной группы характерно попытка совместить две одинаково важные религии – христианство и коммунизм. Такая трансформация свойственна «убежденно верующим» и свидетельствует о процессах переключения сознания на новые символы веры.

Социально-демографический портрет верующих коммунистов выглядит следующим образом: 28 % – молодежь в возрасте 20–29 лет; 31 % – в возрасте 30–39 лет; 38 % – в возрасте 40–49 лет; 3 % – нет сведений (табл. 6.3). 87 % – мужчины; 13 % – женщины; 90 % русские, 10 % – другие национальности (татары, немцы, зыряне, белорусы). Около половины верующих были неграмотными или малограмотными (30,8 % и 15,4 %), начальное образование имели 51,3 %, среднее – 2,6 %. По социальному положению около половины были крестьяне (46 %), 26 % – рабочие, 15 % – советские и партийные работники низового уровня (члены исполкома, заведующие отделами, секретари партийных ячеек), 5 % – служащие (учитель и счетовод). Абсолютное большинство верующих коммунистов вступили в РКП(б) в 1919 и 1920 гг. (56 и 28 % соответственно), когда проводились кампании массового приема в партию. Многие из них в ходе переписи подавали заявления об исключении из партии.

Помимо «верующих» значительный интерес представляет более массовая группа членов партии, в анкетах которых информация по вопросу о вере отсутствует. Они составляют 5,6 %. Причиной отсутствия информации могло быть сознательное уклонение от ответа либо заочное заполнение анкеты (около 4 %). Первая причина выглядит вполне достоверной, поскольку в ряде анкет встречаются приписки: «антирелигиозные убеждения нетвердые, так как отказался отвечать на вопрос»¹²¹; «неопределенных религиозных убеждений»¹²²; «затрудняется ответить»¹²³.

¹²⁰ Случайная выборка, объем 517 анкет.

¹²¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 565. Л. 247.

¹²² Там же. Д. 566. Л. 202.

¹²³ Там же. Л. 572. Л. 114.

Уклонение от прямого ответа можно рассматривать как реакцию верующих, которые допускали компромисс с требованиями Программы партии, но были еще не готовы открыто отречься от веры. Здесь присутствует двойной фактор страха: боязнь наказания за признание религиозных взглядов (исключение из партии) и за отречение от веры (божья кара). Причем страх перед богом у многих оказался сильнее: 17 % уклонившихся от прямого ответа по итогам переписи были исключены из партии с различными формулировками, в том числе по собственной просьбе.

Таблица 6.3

Распределение членов партии по возрасту в зависимости от ответов на вопрос о религиозных верованиях, %*

Возраст, лет	Категория ответа			Итого
	Верующие	Уклонившиеся от ответа	Неверующие	
15–19	0,0	0,0	3,3	3,1
20–24	7,7	6,9	17,9	17,2
25–29	20,5	24,1	24,4	24,4
30–34	20,4	10,3	20,9	20,1
35–39	10,3	13,8	15,9	15,8
40–44	23,1	17,3	9,1	9,1
45–49	15,4	17,3	6,0	6,6
50–54	0,0	0,0	1,9	1,7
55–59	0,0	0,0	0,6	0,8
60 и более	0,0	0,0	0,4	0,4
Нет сведений	2,6	10,3	0,2	0,8
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено по выборке из 517 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Среди «уклонившихся» более половины (55 %) проживали в городе, 41 % – в сельской местности, нет сведений о 4 %. Около 1/3 «уклонившихся» были в возрасте 20–29 лет; 24,1 % – 30–39 лет; 34,6 % – 40-летними (см. табл. 6.3). По национальности 82,8 % – русские, встречаются также латыши, поляки, евреи и татары. Около половины «уклонившихся» имели начальное образование (44,8 %), 24,1 % были неграмотными или малограмотными, 10,3 % окончили гим-

назии (среднее образование), встречаются коммунисты с высшим образованием. По социальному положению: 27,6 % – партийные, советские работники и служащие; 20,7 % – крестьяне; 13,8 % – рабочие; 3,5 % – военнослужащие; по 34,5 % – нет сведений. 55,2 % вступили в партию в 1919 г., но есть члены партии с дореволюционным стажем (3,5 %). Большой удельный вес партийных и советских работников среди «уклонившихся» подтверждает гипотезу страха наказания. В характеристике на одного из коммунистов (комиссара уездного продовольственного комитета) было написано: «Воля сильная, честолюбив и властолюбив, с большим самомнением, от буржуазных привычек не отершился»¹²⁴.

Формой оправдания своей позиции в вопросе о вере следует считать ответы типа: «с духовенством связи не имею, но религию не отвергаю», «в Бога верую, но в церковь не хожу», «не верую, но в религиозном вопросе не разбираюсь», «не знаю».

Неверующие по основной выборке составили 93,4 %, т. е. абсолютное большинство, они преобладают во всех возрастных группах, и это свидетельствует о ситуации осознанного отказа основной массы коммунистов от религиозных взглядов при вступлении в партию. Вывод базируется также на сравнении данных о возрасте, с которого перестали верить, и даты вступления в партию. В большинстве случаев в анкете указывался возраст, совпадающий с датой вступления в партию, т. е. за 2–3 года до проведения переписи. В одной из анкет отмечено: «не верю со дня Революции»¹²⁵ – еще один типичный вариант ответа.

Возникает вопрос: насколько отречение от веры было формальным? Для большинства, видимо, это был рациональный шаг, который окупался преимуществами положения коммуниста, карьерными планами, поскольку отречение от веры не означало для них отказа от религиозных практик¹²⁶. В основном ограничения касались посещения церковных служб. Тем не менее в анкетах встречаются ответы типа: «Не верую, но под влиянием окружающей среды и традиций изредка исполняю религиозные обряды» или вера «по воспитанию с детства как привычка»¹²⁷. Действительно, ситуация с соблюдением семейных церковных обрядов складывалась непросто. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, особо характерные для сельской мест-

¹²⁴ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1, Д. 574. Л. 94–95.

¹²⁵ Там же. Д. 561. Л. 307.

¹²⁶ См.: Лямзин А. В. Периодическая печать как источник по истории взаимоотношения церкви и государства в 1920-е гг. (на примере Уральского региона) : автореф дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 25.

¹²⁷ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1, Д. 559. Л. 78.

ности¹²⁸. В одной из анкет было приписано, что опрашиваемый член партии «делает некоторые уступки религиозного характера по отношению к семье»¹²⁹.

Интересен случай, описанный в материалах переписи, когда из партии были исключены сразу несколько человек за участие в обряде венчания¹³⁰. Молодой крестьянин из села Исток венчался в церкви, в обряде принимали участие его товарищи по партии: один в качестве крестного благословлял новобрачных иконой, второй носил икону вокруг свадебного поезда, а секретарь ячейки принял участие в обряде в качестве богоносца. Всем четверым было поставлено в вину халатное отношение к своим партийным обязанностям¹³¹. В переписных анкетах все отметили себя неверующими. За такой же проступок (участие в обряде венчания) и «по болезненному состоянию» был исключен другой член партии – житель г. Камышлова, до 1919 г. служивший в армии, потом в уголовном розыске, но с 1921 г. работавший на заводе сапожником¹³².

Таким образом, в начале 1920-х гг. формальное отречение коммунистов от религиозных убеждений еще не сопровождалось полным отказом от исполнения религиозных обрядов, а также соблюдения религиозных таинств и праздников. Религия продолжала присутствовать в жизни «неверующих» коммунистов, хотя ее пространство все более сужалось и все больше попадало в зону запрета. Вслед за публичным отречением (при приеме в партию или в ходе переписи) следовало ограничение религиозных практик, но изменение образа жизни требовало времени. Факты участия в церковных обрядах коммунистов и комсомольцев фиксировались и позже. По данным отчета 1927 г. в Уральской области были отмечены случаи, когда комсомольцы выходили из комсомола, чтобы обвенчаться в церкви, а потом снова подавали заявление в комсомол. В Златоустовском округе Урал-области процент исключенных из комсомола за исполнение религиозных обрядов постоянно рос: в 1925 г. он составил 4 % к общему числу исключенных; в 1926 г. – 6 %, в первой половине 1927 г. – 10 %¹³³.

В 1930-е гг. исполнение религиозных обрядов могло стать причиной репрессий, поскольку свидетельствовало о политической не-

¹²⁸ См.: *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 157.

¹²⁹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.

¹³⁰ Там же. Д. 574. Л. 192.

¹³¹ Там же. Л. 186.

¹³² Там же. Д. 569. Л. 145–154.

¹³³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 444. Л. 29.

благонадежности человека. В это время не только члены партии, но и обычные люди начали ограничивать свое участие в религиозных практиках, передавая новую модель религиозного поведения подрастающему поколению. Дополнительным фактором, ускорившим процесс секуляризации повседневности, стало массовое закрытие церквей (1929–1930), что существенно сократило пространство религиозности.

В материалах партийной переписи 1922 г. среди неверующих встречаются разные варианты «неверия»: в большинстве анкет отмечено просто «неверующий», но в некоторых анкетах дополнительно к основной есть нестандартные формулировки: «совершенно ни во что не верю»¹³⁴ или «не верю я ничему, никаким чертям и богам не верю»¹³⁵; «начинаю разуверяться в боге»¹³⁶; «куда тут!», «ни во что фантастическое не верю», «Раньше не шибко признавал, теперь уж чего? Нет, думаю, никакого бога, кроме совести», «тогда бы зачем состоял в партии?» В двух анкетах – военнослужащего коммуниста и партработника – в строке «религиозные убеждения» отмечено: «политические убеждения»¹³⁷.

Характерно, что в ряде случаев (8 анкет) носители советской идеологии, не видя различий между религией и коммунистической идеей как формой религии, называли себя верующими: они верили «в “Азбуку коммунизма”» (название популярной книги Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского), верили «в силу военной службы», называли себя носителями «советской» или «политической» веры.

Таким образом, неверие также приобретало «религиозные» оттенки, среди которых можно выделить: 1) начальный этап неверия – «безбожие»; 2) «безверие» как полный отказ от веры во что-либо; 3) «веру в коммунистические идеи и символы», т. е. перемещение религиозных представлений из области традиционной религии в область политики, идеологии и революционной/социалистической мифологии.

Для коммунистов, фанатично преданных делу партии, в сознании которых символы веры были тесно связаны с идеями коммунизма, существовала опасность обратного процесса: разочарование в революционных идеалах и в партии могло привести к реанимации традиционной религиозности. Так, например, в характеристике коммуниста с дореволюционным стажем, не указавшего в анкете религиозные взгляды, было отмечено: «Интеллигент, постепенно теряющий

¹³⁴ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 574. Л. 151.

¹³⁵ Там же. Д. 558. Л. 223.

¹³⁶ Там же. Д. 567. Л. 330.

¹³⁷ Там же. Д. 565. Л. 126.

веру в революцию»¹³⁸. В другой анкете было указано, что коммунист вышел из партии по религиозным убеждениям и в связи с ростом «материального неравенства среди коммунистов, нарушениями партийной дисциплины»¹³⁹, т. е. в результате разочарования в партии.

В выборке было обнаружено всего три анкеты, где респонденты, уточняя свои взгляды, указали вариант «атеист». Примечательно, что все они – жители Екатеринбурга: в одном случае молодой человек 27 лет, выходец из семьи священника, бывший военный, работал членом райкома партии¹⁴⁰. В другом случае это мужчина 32 лет, заведующий отделом в Наркомате образования¹⁴¹. Третья анкета принадлежала женщине 49 лет, которая указала, что не верит в Бога с 16 лет¹⁴². Здесь важно, что респонденты были знакомы с понятием «атеизм» и воспринимали его как обязательную константу коммунистического мировоззрения, т. е. демонстрировали «политически грамотный» вариант отношения к религии.

Дальнейшая эволюция религиозного сознания представлена в материалах дополнительной партийной переписи 1924 г. В выборке из 1 тыс. анкет была обнаружена только одна, где подтверждалось наличие религиозных взглядов (0,1 %); уклонившихся от ответа было 5,2 %; остальные (94,7 %) заявили об отсутствии религиозных взглядов. Таким образом, число открыто верующих коммунистов сократилось почти в 10 раз. Среди «неверующих» отмечено два «атеиста», есть ответы: «безбожник»; «в вере разочаровался»; «верую в могущественную силу пролетариата»; «верю в поповский наговор»; «верю в советскую диктатуру»¹⁴³, т. е. можно наблюдать дальнейший процесс замещения в сознании коммунистов традиционных символов веры новыми советскими.

Материалы переписи 1922–1924 гг. позволяют охарактеризовать начальный этап насильственной трансформации религиозного сознания, первым актом которого становится отречение коммунистов от своих религиозных взглядов. Неудивительно, что в этой ситуации многие пытались найти компромисс – совместить новые и старые символы веры. Так появляются «христианские коммунисты», верующие в Ленина, советскую власть и диктатуру пролетариата. Одновременно происходит внедрение новых стандартов поведения, построенных на

¹³⁸ Там же. Д. 571. Л. 59–60.

¹³⁹ Там же. Д. 560. Л. 52.

¹⁴⁰ Там же. Д. 567. Л. 47.

¹⁴¹ Там же. Д. 558. Л. 158.

¹⁴² Там же. Д. 571. Л. 290.

¹⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 471. Л. 17–17 об.; Д. 472. Л. 29–29 об., 116–116 об.; Д. 477. Л. 38–38 об., 85–85 об.; Д. 491. Л. 153–153 об., 168–168 об.

ограничении традиционных религиозных практик. Прослеживается корреляция между уровнем религиозности (традиционной или новой) и полом (женский), возрастом (старший), социальным статусом (низкий) и социальным положением (крестьяне). Национальность и образование также оказывали влияние на отношение коммуниста к вере. Процессы перестройки религиозного сознания медленнее протекали в крестьянской среде, где переход затянулся до 1960–1980-х гг., быстрее – среди горожан.

Новый тип советской религиозности окончательно утвердился лишь в 1970–1980-е гг. и в основном сохраняет свое влияние в современных условиях, несмотря на возрождение и усиление позиций традиционных религий. Для него характерно смешение:

- 1) атеистических и коммунистических идей, опиравшихся на механизм веры (мнимый атеизм);
- 2) суеверий и предрассудков, основанных на проявлениях народной/бытовой религиозности;
- 3) квазинаучных иррациональных учений (уфологии, эзотерики, элементов восточных религий и др.);
- 4) традиционных религиозных учений, которые, несмотря на политику ограничений, сохраняли свое влияние даже в среде «неверующих» и атеистов.

Соотношение этих основных компонентов в структуре религиозного сознания определяло широкий спектр вариаций, которые складывались в различных социальных группах населения под влиянием социально-культурных, этнических и исторических факторов.

6.6. Война в сознании и поведении коммунистов

Национальное коллективное сознание всегда специфично, его формируют не только язык, культура, религия, но и историческая судьба народа, которая живет в исторической памяти и конструирует национальную идентичность и характер. Для российской культуры и ментальности важны три идеи: *преодоления, защиты и захвата* (расширения жизненного пространства). С одной стороны, они определяются образом жизни русской общины, Русского государства, российской/советской империи, а с другой стороны, формируют этот образ жизни. В советский период эти идеи приобрели статус государственной стратегии и стали основными элементами агитации и пропаганды, имевшими цель сохранения мобилизационного тона общества. Они были непосредственно связаны с комплексом эмоций,

присущим советскому человеку, и в первую очередь коммунисту, который можно обозначить как синдром войны.

В медицине понятие «синдром войны» квалифицируется как посттравматическое стрессовое состояние, которое является реакцией организма на чрезвычайное происшествие, связанное с угрозой жизни и смертью близких людей. Стресс закрепляется в памяти и преобразуется в воспоминание, которое способно влиять на поведение человека, вновь и вновь порождая страх и агрессию. Однако синдром войны может приобретать и более серьезный характер, выходя за пределы индивидуальных переживаний и вторгаясь в пространство коллективной психологии и общественного сознания. Такой эффект возникает в результате глобальных катастроф, затрагивающих все общество в целом, либо может достигаться искусственным путем – через использование механизмов социального инжиниринга, нацеленных на достижение определенных, как правило политических, целей.

Справедливости ради нужно сказать, что синдром войны начал формироваться в российском обществе задолго до большевистской революции. Его истоки можно отнести к эпохе монголо-татарского завоевания и периоду «собираания русских земель». Но все же в большей степени он оказался связан с масштабными войнами эпохи модернизации, затронувшими жизнь каждого человека. Сначала это была Отечественная война 1812 г., а спустя столетие – Первая мировая война.

В раннесоветском обществе синдром войны приобрел болезненные черты под влиянием посттравматического шока, полученного в результате Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны. Причем если во время Первой мировой шла борьба с внешним врагом, то в ходе Гражданской войны – с внутренним. В результате состояние войны стало тотальным и приобрело статус образа жизни (модуса). В июне 1919 г. Зинаида Гиппиус в «Черной книжке» писала: «Большевистская власть в России – детище войны. *И пока она будет – будет война... внешняя и внутренняя.* И последняя в самой омерзительной форме террора, т. е. убийство вооруженными – безоружных и беззащитных»¹⁴⁴.

Советское общество было порождением войны: непосредственной причиной революции была Первая мировая война. Октябрьский военный переворот привел к власти большевиков, нежелание их идти на компромиссы и договариваться со своими оппонентами подталкивало к использованию военной риторики и вооруженного насилия как инструмента решения вопроса о власти. В результате в течение почти 10 лет – с 1914 по 1922 гг. – в стране шла кровопролитная вооружен-

¹⁴⁴ Гиппиус З. Петербургские дневники. Черная книжка // Литература русского зарубежья : антология. М., 1990. Т. 1, кн. 2. С. 192.

ная борьба. 10 лет – это очень много, это целое поколение, которое родилось и выросло в условиях войны, воспринимая ее как норму. Достигнув сознательного возраста к 1929 г., военное поколение социализировалось в условиях репрессий и вооруженной борьбы против «внутреннего» врага, передавая эстафету войны следующим поколениям.

«Живые свидетели» войны и Революции были основным каналом формирования мифологической памяти у «наследников революции», которые не пережили военное прошлое лично, но осваивали его символически через годовщины и праздники, общение с очевидцами событий Революции и Гражданской войны, через документы эпохи. Родившиеся в мирные 1920-е гг. составляли в раннесоветском обществе меньшинство и объективно были помещены в атмосферу ожидания войны, мобилизационной готовности исполнить в нужный момент воинский долг, распространявшийся не только на мужчин, но и на женщин, детей и стариков.

«Человек с ружьем» как модель сознания и поведения коммуниста

Однако основной социальной группой, сыгравшей ведущую роль в милитаризации коллективного сознания раннесоветского общества, были родившиеся в конце XIX – начале XX в., прошедшие мировую войну и Революцию. Они были носителями живой памяти о военной катастрофе. Для них война была трагедией, болью, важнейшим событием, перевернувшим жизнь. Эта травма не забывалась и реализовывалась в разных психологических комплексах:

1) синдроме «человека с ружьем», готового решать все проблемы силой оружия;

2) синдроме «потерянного поколения», характерными чертами которого были ощущение разрыва времени, утрата прежней идентичности, потеря контроля над настоящим и будущим.

«Потерянное поколение» в российском варианте отличалось от европейского, поскольку эти люди оказались погруженными в реалии Гражданской войны – великой битвы за будущее. Его характерной чертой стали ускоренная маргинализация и утрата морально-нравственных ориентиров, поскольку старые нормы уже не работали, а новые еще не утвердились. В этих условиях культ силы, образ «человека с ружьем» формировали сознание и поведение личности. Об этом писал Л. Троцкий: «"Эпоха войн и революций" – суровая эпоха. Она безжалостно выводит в расход людей, – одних физически, других – морально»¹⁴⁵.

¹⁴⁵ *Троцкий Л. Д.* О социализме в отдельно взятой стране, и об идейной прострации // Бюл. оппозиции (большевик-ленинцев). 1929. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iskra-research.org/FI/BO/BO-07.shtml> (дата обращения: 20.03.2019).

Наглядной иллюстрацией необратимости процесса маргинализации в условиях войны и революции является рассказ А. Толстого «Гадюка»¹⁴⁶. Героиня рассказа Ольга Вячеславовна, пережив все ужасы войны и революции, смерть близких, потерю любимого человека, в мирной жизни не может найти себя и остро переживает собственное одиночество: «Одна, одна в дикой, враждебной жизни, одинока, как в минуту смерти, не нужна никому...» Это чувство «потерянности», выпадения из жизни вновь и вновь возвращает ее в состояние войны, давая моральное право убивать. В рассказе приведен гендерный вариант поведения «человека с ружьем»: женщина, используя оружие, защищает свое право на жизнь, любовь, общественное признание; мужчины прибегают к насилию как средству достижения своих целей, коллективных или личных.

Следует учесть еще один момент: благодаря пропаганде, уже в начале 1920-х гг. шел активный процесс героизации участников Гражданской войны. Их представляли как победителей, воспевая в книгах, стихах, песнях, кинофильмах. Они – герои, носители революционной нравственности и морали, которые отстаивают свои идеалы с оружием в руках, во имя будущего жертвуют своей жизнью. В результате «человек с ружьем» становится новой общественной нормой, порожденной революцией.

Социально-психологический феномен «человека с ружьем» или «человека воюющего» стал изучаться историками сравнительно недавно – в 1990-е гг.¹⁴⁷ Чаще всего его рассматривают как продукт ускоренной маргинализации – побочного результата войны: попав из привычной социокультурной среды в воюющую армию, бывший крестьянин, рабочий или служащий теряет свою идентичность, сливаясь с солдатской массой, воспринимает характерные для состояния войны модели поведения и мышления, поскольку они способствовали выживанию. На скорость психологической перестройки влияли возраст комбатанта и продолжительность пребывания в действующей армии. Молодежь в условиях войны быстрее теряет культурные корни и осваивает новые модели поведения, их возвращение в прежний статус весьма проблематично. В. П. Булдаков определяет социальные последствия таких трансформаций как мутацию, связанную с поте-

¹⁴⁶ См.: Толстой А. Н. Гадюка // Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1948. Т. 6. С. 325–364.

¹⁴⁷ См.: Волобуев П. В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты) // Октябрьская революция. Народ ее творец или заложник? М., 1992; Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива // Отеч. история. 1993. № 5. С. 3–19; Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995; Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке : исторический опыт России». М., 1999; и др.

рей социальной идентичности и формированием нового социального психотипа¹⁴⁸.

Для солдат, мобилизованных в зрелом возрасте, имевших семью и жизненный опыт, возврат к прежней жизни был возможен, но социально-психологические последствия пребывания на фронте все равно влияли на их поведение и сознание. К ним можно отнести высокую адаптивность к новым условиям, ожесточенность и нетерпимость. В экстремальных условиях эти качества личности могли проявиться как в привычных традиционных формах крестьянского бунта, так и в действиях маргинального асоциального плана: грабежах, хулиганстве и др.¹⁴⁹

Таким образом, основной чертой общественного сознания в раннесоветский период было состояние войны с внешними и внутренними врагами режима, реальными или воображаемыми. Оно было порождено продолжительным военным противостоянием, охватившим все общество. Состояние войны есть особая форма общественной жизни и сознания, которая характеризуется тотальностью и необратимостью (отсутствием альтернатив). Состояние войны распространяется на все аспекты жизни – отношения с «чужими» (чуждые классы, другие страны), восприятие себя, природы, экономических процессов и проблем, социокультурной инакости внутри общества. Состояние войны исключает тактику диалога и соглашения, признает только капитуляцию и уничтожение противника, способствует росту нетерпимости и агрессии.

В советском обществе основными носителями синдрома войны выступали коммунисты в силу ряда причин: во-первых, в 1918–1921 гг. партия рекрутировалась преимущественно из военнотружеников, которые определяли ее социальный состав и коллективную психологию; во-вторых, «человек с ружьем» стал привычным образцом поведения и формировал облик кадрового резерва РКП(б), распространяя свое влияние на управленческую культуру органов власти, проникая в далекие от армейских традиций области – образование, науку, искусство.

О формировании синдрома войны свидетельствуют и материалы партийной переписи 1922 г. Среди членов Екатеринбургской губернской организации 73 % имели военный опыт, т. е. принимали участие в Первой мировой и/или Гражданской войне¹⁵⁰, а каждый пятый член

¹⁴⁸ См.: Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 75.

¹⁴⁹ См.: Там же; Жилин А. П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война : дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 153–165.

¹⁵⁰ Здесь и далее, если отсутствуют ссылки, данные получены на основе расчетов по базе данных на основе случайной выборки, объем которой составил 600 ед.

партии (21,5 %) имел стаж военной службы, включавший военные кампании.

Среди комбатантов преобладали молодые мужчины в возрасте от 20 до 34 лет (64,53 %). Отмечено также незначительное число женщин со средним и незаконченным средним образованием (0,69 %), служивших в Красной армии санитарками или в хозяйственных частях. Их возраст колебался от 21 до 29 лет, семейный статус – одинокие.

В 1922 г. из бывших комбатантов 33,6 % проживали в городской, 66,4 % – в сельской местности. Их социальное происхождение (по отцу) было преимущественно крестьянским (51,26 %) или рабочим (37,3 %), но на момент переписи около 1/3 ветеранов получили посты ответственных работников (29,75 %) в партийных, советских, профсоюзных органах и хозяйственных структурах. К прежнему образу жизни вернулись всего 15,1 % отслуживших в армии крестьян и 10,8 % рабочих. Характерно, что 27,2 % бывших военнослужащих остались после завершения Гражданской войны в армии или военизированных структурах: милиции, частях особого назначения, чрезвычайных комиссиях (ЧК). Таким образом, служба в армии в годы Первой мировой и Гражданской войн, даже если ветераны не участвовали в боевых действиях (а таковых было чуть меньше половины: 39,6 % среди мобилизованных в царскую армию и 46,4 % – в Красную армию), давала в послевоенное время серьезные карьерные преимущества.

Еще одна важная характеристика коммунистов-военнослужащих – продолжительность пребывания в партии: только 1,4 % прошедших службу в армии имели подпольный партийный стаж (общий стаж – более 6 лет); 13,5 % – 4–5 лет; 78,7 % вступили в партию в период массовых наборов, в 1918–1920 гг., и имели стаж 1–3 года; 6,4 % коммунистов имели стаж менее 1 года.

Итак, особенностью социально-психологического портрета коммунистов начала 1920-х гг. была военизация сознания и поведения: в 1922 г. на 2/3 партия состояла из коммунистов, имевших военный опыт и транслировавших его на окружающую реальность – общественно-трудовые, политические практики, а также частную жизнь.

Ветераны Первой мировой войны в составе РКП(б)

Первая мировая война стала центральным событием, изменившим российское общество в социальном, культурно-психологическом и демографическом плане. Значительная часть мужского трудоспособного населения была призвана на военную службу. Из 15,5 млн мобилизованных 12,8 млн чел. были крестьянами¹⁵¹.

¹⁵¹ См.: Ямщиков С. В. Социально-психологические детерминанты «солдатской революции» 1917 г. в России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 166.

Пройдя суровую школу войны, солдаты возвращались домой другими людьми. По мнению С. В. Ямщикова, Первая мировая война сформировала специфическую систему жизненных ценностей и приоритетов и даже особый тип военнослужащего: непрофессионала, «человека толпы» – агрессивного, темного, утратившего уважение к власти, окружающим и даже к себе¹⁵². Они стали движущей силой революционных преобразований в 1917 г., а позднее – социальным базисом воюющих между собой политических сил.

В общей сложности более половины членов партии прошли фронты Первой мировой войны, их удельный вес в структуре партийной организации Екатеринбургской губернии составил 52,2 %. Они несли с собой опыт войны и психологию «человека с ружьем», хотя многие непосредственно в боевых действиях не участвовали: на наличие боевого опыта указали 60,4 % ветеранов Первой мировой. Остальные 39,6 % представляли собой «некомбатантов», приписанных к тыловым или обслуживающим частям, что не препятствовало формированию синдрома войны, но придавало его носителем специфические черты, в том числе повышенную агрессивность, психологически компенсирующую отсутствие боевого опыта. «Из окопов и из медвежьих углов повылезли совсем серые и темные люди; их преданность революции была злобой и отчаянием, а их “социализм” был голодом и нестерпимой жаждой покоя. Это был неплохой материал для экспериментов, но эксперименты с ним были рискованны», – писал по этому поводу Н. Н. Суханов¹⁵³.

На момент переписи более половины ветеранов мировой войны относились к возрастной группе 25–34 года (табл. 6.4). Это были в основном семейные люди (только 8 % ветеранов не имели семьи и указали, что они одинокие), с начальным образованием (90,4 %) и небольшим партийным стажем. Среди ветеранов, зарегистрированных в Екатеринбургской губернской организации, 8,0 % вступили в партию в 1917 г., 17,6 % – в 1918 г. и 66,5 % – в 1919–1920 гг.

По социальному происхождению 67,4 % коммунистов – ветеранов Первой мировой – были из крестьян; 23,3 % – из рабочих, что соответствует социально-демографической специфике региона и особенностям мобилизационной политики царского правительства. Соответственно, менталитет солдата был в основе своей крестьянским, но это были крестьяне, попавшие в новую для себя ситуацию и готовые на самые решительные действия¹⁵⁴.

¹⁵² См.: Ямщиков С. В. Социально-психологические детерминанты «солдатской революции» 1917 г. в России. С. 171.

¹⁵³ Суханов Н. Н. Записки о революции: в 3 т. Т. 3: Кн. 5, 6, 7. М., 1992. С. 334.

¹⁵⁴ См.: Поршнева О. С. Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Воен.-ист. антропология : ежегодник, 2002: Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 254, 257.

Многие из них несли в своей памяти воспоминания о плене и ранениях. Всего в России за период с 1914 по 1917 г. было убито более 1,3 млн чел., 4,2 млн – ранено и 2,417 млн попало в плен¹⁵⁵. Германский плен пережил, например, Н. К. Аралов – секретарь партячейки, 29 лет, выходец из крестьян. Во время Первой мировой войны он был призван в армию, где в качестве рядового пехоты прослужил девять месяцев, а затем попал в плен. В 1920 г. вступил в партию, занялся партийной работой. О службе в Белой и Красной армиях сведений в анкете нет, но есть указание на заполнение отдельной анкеты на него как военнотруженика. На момент переписи он служил при артиллерийском складе УрВО политруком¹⁵⁶.

Таблица 6.4

**Возрастная структура членов РКП(б),
прошедших военную службу***

Возраст, лет	Царская армия	Красная армия	Белая армия	Зеленая армия**
До 19	0,0	3,1	0,0	0,0
20–24	10,2	26,0	38,2	8,3
25–29	27,2	25,1	29,1	45,8
30–34	24,9	20,7	20,0	41,7
35–39	18,8	13,5	9,1	4,2
40–44	11,2	7,5	3,6	0,0
45–49	5,1	2,8	0,0	0,0
50–54	2,6	1,3	0,0	0,0
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

** Распределение участников зеленой армии рассчитано на массиве 10 097 ед.

Среди коммунистов – ветеранов Первой мировой – абсолютное большинство (76,0 %) служили в пехоте, 9,6 % – в артиллерии, по 4,8 % – в кавалерии и инженерных войсках; 3,2 % на флоте; 0,9 % – в саперных подразделениях. Большинство ветеранов царской армии были рядовыми (71,9 %) или унтер-офицерами (25,9 %). В составе гу-

¹⁵⁵ См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне : в 2 т. Париж, 1939. Т. 1. С. 173; Залесский К. А. Потери Русской армии в Первой мировой войне // Москва. 2014. Ноябрь. [Электронный ресурс]. URL: http://moskvam.ru/publications/publication_1204.html (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁵⁶ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 559. Л. 2–2 об.; 4–7 об.

бернской организации отмечено 2,2 % бывших царских офицеров, что вполне объяснимо для провинциальной партийной структуры. Каждый десятый был отмечен наградами, преимущественно георгиевскими крестами.

В годы Гражданской войны 12,1 % ветеранов Первой мировой – будущих коммунистов – оказались в рядах Белой армии; 62,9 % – в рядах красных. Но встречаются примеры (8,9 %), когда бывшие ветераны прошли Гражданскую войну сначала в рядах белых, а потом – красных. Причем каждый третий из них служил в унтер-офицерском звании и продолжил службу в Красной армии в качестве взводного или политработника.

Так, например, Е. Г. Алферов, 30 лет, секретарь партячейки, был призван в армию в 1914 г. и практически сразу попал в плен, где провел 4 года. Вернувшись из плена в 1918 г., три месяца состоял в армии Колчака, а затем служил в красной кавалерии. В 1920 г. был демобилизован, занялся крестьянским трудом, а в 1921 г., вступив в партию, возглавил Теплоуховскую сельскую ячейку¹⁵⁷. Похожей была судьба С. Г. Анферова, жителя с. Ирюмское Шадринского уезда, 36 лет, крестьянина, члена РКП(б) с 1919 г. Будучи призван в царскую армию, участвовал в 52 боевых операциях, получил звание фельдфебеля, в 1915 г. попал в плен, где провел 4,5 года. Вернувшись домой, был мобилизован в армию Колчака, где прослужил около месяца. Затем в течение двух лет воевал в Красной армии, занимая должность помощника командира роты. Был демобилизован из действующей армии в 1921 г.¹⁵⁸

После демобилизации фронтовики, возвращавшиеся в родные места, как правило, активно участвовали в общественно-политической жизни: солдаты избирались в сельские и волостные Советы, в кооперативные организации, создавали коммуны. В начале августа 1919 г., когда развернулось массовое протестное движение крестьян, бывшие фронтовики-солдаты нередко возглавляли партизанские отряды¹⁵⁹. Имея достаточно широкий кругозор и жизненный опыт, бывшие фронтовики брали на себя задачу объяснения окружающим смысла происходящих в стране перемен.

На момент проведения переписи в 1922 г. социальный статус ветеранов Первой мировой войны выглядел следующим образом: 29,7 % заняли места ответственных работников в партийных, советских,

¹⁵⁷ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 558. Л. 47–47 об.

¹⁵⁸Там же. Л. 298–298 об.

¹⁵⁹См.: *Королихин В. М.* Восстание крестьян в Верх-Ирменской волости против Колчака // Воспоминания о революционном Новониколаевске. Новосибирск, 1959. С. 124.

профсоюзных и хозяйственно-кооперативных структурах; 26,5 % продолжили службу в армии, а также пополнили ряды милиции, ЧК и частей особого назначения; 17,6 % вернулись к сельскому труду, причем каждый четвертый стал коммунаркомом: бывшие солдаты часто становились инициаторами коммунарского движения в деревне. Только 9,6 % ветеранов пополнили ряды рабочих, а 11,8 % перешли в разряд служащих (табл. 6.5).

Таблица 6.5

Структура занятости членов РКП(б), прошедших военную службу, на момент проведения переписи (начало 1922 г.), %*

Социальный статус и занятие	Царская армия	Красная армия	Белая армия	Зеленая армия**
Военная служба***	26,5	32,0	27,3	16,7
Партийно-советская, профсоюзная, хозяйственная работа (ответственные работники)	29,7	28,2	27,3	37,5
Рабочие	9,6	11,0	7,3	0,0
Крестьяне	17,6	12,2	25,4	41,7
Служащие	11,8	10,7	9,1	0,0
Прочие	4,8	5,9	3,6	4,1
Всего:	100,0	100,0	100,0	100,0

* Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

** Распределение участников зеленой армии рассчитано на массиве 10 097 ед.

*** Служба в регулярной армии, милиции, частях особого назначения, ЧК.

Таким образом, бывшие крестьяне и рабочие, пройдя Первую мировую войну, стали социальной опорой революционных преобразований, получив статус ответственных руководящих работников, или продолжили службу в силовых структурах, обеспечивавших стабильность власти и ее защиту.

**Гражданская война в судьбах членов РКП(б)
Екатеринбургской губернской организации**

По материалам партийной переписи 1922 г. более половины членов партии (55,2 %) приняли участие в Гражданской войне, причем не только на стороне красных: в Белой армии служили 9,2 %, в Красной

Плакат «Царские полки и Красная армия», 1919. Художник Д. Моор

армии – 53,2%, в зеленой армии – 0,2%¹⁶⁰. Данные по участию в боевых действиях против красных скорее всего занижены. Так, например, сведения об отношении к зеленой армии отсутствуют в 26,5 % анкет, к Белой армии – в 24,7 % и только в 13,0 % – к Красной. Причиной отсутствия сведений могло быть заочное заполнение анкеты в отсутствии респондента либо нежелание предоставлять информацию, которая могла быть использована против него.

Информация о службе в Белой и зеленой армиях чаще всего указывалась в анкете, если это был «случайный» факт биографии, впоследствии исправленный респондентом службой в Красной армии. Из числа служивших в Белой армии 78,2 % перешли на сторону красных и завершили Гражданскую войну в рядах РККА.

Гражданская война наложила свой отпечаток на психологию и поведение коммунистов. Военный синдром, сложившийся в обществе в ходе Первой мировой войны, получил дальнейшее развитие в годы Революции и Гражданской войны. Если в ходе империалисти-

¹⁶⁰ По выборке из 600 анкет всего служили в армии 437 чел., в том числе в царской – 313; Красной – 319; Белой – 55; зеленой армии – 2 чел.

ческой войны стрелять приходилось во врага, угрожавшего независимости родины, то Гражданская война породила политический раскол общества и противостояние, неизбежно перераставшее во взаимное истребление. Красный и белый террор – очевидное проявление специфики Гражданской войны, не признававшей компромиссов.

Индивидуальный выбор в такой ситуации нередко носил драматический характер. Вопрос о том, кто прав, а кто виноват в этой войне, для обычного обывателя решался нелегко: отсюда – метания, «хождение по мукам», разочарования и психологические срывы. Их отголоски можно проследить в анкетах коммунистов, которые далеко не всегда выбирали прямой путь в революцию.

В первую очередь в сложное положение попадали офицеры – профессиональные военные, от выбора которых в очень большой степени зависела судьба противостояния. К концу 1918 г. в РККА было призвано более 22 тыс. бывших офицеров и генералов. В составе высшего командования их доля превышала 90 %. А всего в составе командирских кадров Красной армии в 1918 г. военспецы составляли 75 %, в 1919 г. – 53 %, в 1920 г. – 42 % и в 1921 г. – 34 %, т. е. с течением времени происходило постепенное сокращение их численности и вытеснение красными командирами – выходцами из рабочей и крестьянской среды¹⁶¹.

Переход на сторону советской власти и служба в Красной армии для многих офицеров были связаны с пониманием своего воинского долга. В условиях распада армии и наступления немцев в начале 1918 г. многие офицеры считали необходимым защищать Россию: «Наступление немцев заставило меня остановить свой выбор на советской стороне» – писал генерал А. Свечин¹⁶². Полковник Генштаба Константин Бесядовский вспоминал: «Надо сказать, что поступление в Высший Военный Совет на службу “к большевикам” было сделано не без трудных внутренних переживаний: большинство офицеров, которые тогда на службу призваны не были и не считали возможным служить, отворачивались от нас – добровольцев. Я же считаю, что в создавшейся обстановке, когда немцы хозяйничали в наших пределах, нельзя оставаться посторонним зрителем и потому стал на работу»¹⁶³.

В составе Екатеринбургской организации бывших офицеров было немного. К их числу можно отнести Н. Я. Ложкина, 32 лет, ко-

¹⁶¹ *Доронищев В. А.* Формирование института единоначалия в советских вооруженных силах в период военной реформы 1920-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2009. С. 198.

¹⁶² Цит по: *Кантор Ю.* Белые в красном // Рос. газ. 2013. 29 янв.

¹⁶³ Цит по: Там же.

торый, имея высшее образование (учительский институт), также закончил школу прапорщиков и дослужился в царской армии до звания штабс-капитана. Несколькими месяцами числился в составе Белой армии. С 1918 г. воевал на стороне красных, был комиссаром, начальником партизанского отряда. Вступил в партию в 1921 г. и на момент переписи служил в должности помощника начальника кавалерийских курсов¹⁶⁴.

подавляющее большинство членов партии, служивших в Белой армии, относились к рядовому (69,1 %) или унтер-офицерскому составу (20,0 %). В большинстве случаев они попали под мобилизацию и, прослужив несколько месяцев, дезертировали.

Таким образом, социальный портрет членов партии, служивших в Белой армии (преимущественно в армии Колчака), весьма выразителен и вполне соответствует логике Гражданской войны. Это, преимущественно, выходцы из крестьянской среды с начальным образованием (98,2 %) в возрасте 20–34 лет. Более половины (69,1 %) начали службу в царской армии, а затем оказались в рядах Белой армии. Их партийный стаж в 83,6 % случаев насчитывал 3–4 года, поскольку датой вступления в РКП(б) указан период с 1918 по 1920 г. Половина из служивших в Белой армии (50,9 %) впоследствии продолжила свою службу у красных. В 1922 г. 27,3 % из служивших в Белой армии занимали посты в советско-партийном аппарате; 27,3 % служили в армии и силовых структурах; 25,4 % крестьянствовали; 7,3 % были рабочими; 9,1 % – служащими (см. табл. 6.5).

В целом служба в Белой армии была отягчающим фактом биографии, который мог привести не только к исключению из партии, но и лишению избирательных прав, что с течением времени часто и происходило.

* * *

Скудные сведения о службе в зеленой армии объясняются отсутствием на Урале крупных крестьянских восстаний и вооруженных соединений, придерживавшихся идеологии зеленого движения – независимой силы, выступавшей и против белых, и против красных.

В составе Екатеринбургской губернской организации участников боев в составе зеленой армии насчитывалось 24 человека¹⁶⁵. В большинстве своем это были бывшие крестьяне (66,7 %) или рабочие (33,3 %), как правило, прошедшие фронты Первой мировой войны (79,2 %). Большинство из них несколько месяцев служили у белых (62,5 %), имели стаж службы в Красной армии (62,5%) и были демобилизованы в 1921–1922 гг. На момент переписи 41,7 % бывших

¹⁶⁴ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 594. Л. 255–255 об.

¹⁶⁵ Выявлено на основе БД, включающей 10 097 записей.

«зеленых» крестьянствовали, 16,7 % состояли на военной службе, 37,5 % находились на советской или профсоюзной работе (см. табл. 6.2).

Кого же во время переписи относили к числу «зеленых»? Чаще всего в анкетах указывались участники партизанского движения (нередко уточнялось «против Колчака»)¹⁶⁶, прослужившие в партизанских отрядах 2–3 месяца. Один из них – Валкин Али Ахметович (татарин), 23 лет, до революции был шахтером, на момент переписи занимал должность работника губкома РКСМ, заведующего мусульманским отделом. Вступил в партию в 1918 г., в 1919 г. окончил казанские военполиткурсы и в течение трех лет служил в пехоте политработником-агитатором в рядах Красной армии, демобилизовался в 1922 г.¹⁶⁷ Обстоятельства службы в зеленой армии не раскрыты, возможно, имеется в виду военное соединение, входившее в состав НРА ДВР, где он служил политруком.

Другой коммунист, указавший на принадлежность к зеленой армии, А. П. Бабушкин, 29 лет, из рабочей среды, в 1920–1921 гг. работал уполномоченным Красноуфимского уездного продовольственного комитета. 3 месяца служил в Белой армии, затем 5 месяцев – в зеленой. В графах, где отмечена служба в Красной армии, стоит прочерк, но указан год демобилизации – 1921. Видимо, имеется в виду работа в продовольственном отряде, которая была сопряжена с изъятием хлебных излишков у крестьян¹⁶⁸.

Таким образом, информация о службе в зеленой армии соотносится с различными формами партизанского движения или действиями нерегулярных войск и ее следует воспринимать критически.

Но встречаются и настоящие участники «зеленого движения». К их числу можно отнести И. Л. Крипса, 24 лет, который, будучи анархистом, два месяца состоял членом реввоенсовета армии Махно, затем около года служил в Красной армии, в пехоте. Вступил в партию в 1921 г. и на момент переписи работал секретарем в Златоустовском отделении профсоюза горнорабочих¹⁶⁹.

Включение в анкету вопросов о зеленой армии следует рассматривать как факт, отражающий значимость данного явления в условиях Гражданской войны, но не получивший на тот момент однозначной политической оценки. Об этом свидетельствуют противоречивость и неполнота сведений о службе в зеленой армии в имеющихся анкетах. Позднее в советской историографии «зеленые» получают негативную оценку как незаконные бандитские

¹⁶⁶ См., напр.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 561. Л. 34–36 об.

¹⁶⁷ Там же. Д. 558. Л. 22–23 об.

¹⁶⁸ Там же. Д. 560. Л. 55–55 об.

¹⁶⁹ Там же. Д. 590. Л. 293–294 об.

формирования¹⁷⁰. Между тем природа «зеленого движения» была сродни стихийному крестьянскому протесту: первоначально это была форма уклонения уставших от войны крестьян от мобилизации в армию, позже, с выдвиганием политических требований, «зеленое движение» приобрело более организованный характер. Эти требования позволяют его позиционировать как третью силу в Гражданской войне. Крестьянский характер «зеленого движения» виден и по социальному составу участников, большинство которых после окончания войны вернулись к крестьянскому образу жизни (см. табл. 6.2).

* * *

Остановимся подробнее на социальном портрете красноармейцев – ветеранов Гражданской войны, которые представляли собой более влиятельную социальную группу, нежели ветераны Первой мировой войны, поскольку именно с ними ассоциировалась победа в борьбе за новое коммунистическое общество. Красная армия уже в годы Гражданской войны стала объектом активной мифологизации, на которую работал весь пропагандистский аппарат. Героический образ Красной армии, создаваемый в ходе массовых пропагандистских кампаний, был очень важен для легитимации и сакрализации советской власти, поскольку включал не только идею героического преодоления, но создавал ореол жертвенности. Ветераны Гражданской войны, проливавшие кровь в боях с белыми и интервентами, составляли не просто социальную опору советской власти, но и ее кадровый ресурс – наиболее проверенных и надежных защитников идей революции.

Социальный облик красноармейцев-коммунистов и их социально-демографическая структура были тесно связаны с основными этапами становления Красной армии как государственного института. В советском проекте вопрос о необходимости армии в государстве диктатуры пролетариата решался непросто. Маркс был сторонником уничтожения армии и замены ее всеобщим вооружением народа¹⁷¹. Он полагал, что при возникновении угрозы рабочие и крестьяне возьмут в руки оружие, выберут себе командиров. После отражения врага они вновь вернуться к своим обычным занятиям. Таким образом, армия как постоянное явление не должна существовать и создается только в условиях угрозы.

Опираясь на эти представления, большевики первоначально были сторонниками идеи всеобщего вооружения, осуществить которую казалось несложно в условиях военного кризиса и массового бегства солдат с фронта. Одновременно с весны 1917 г. они стали

¹⁷⁰ Жуков П. «Зеленое движение»: крестьяне против империи и большевиков // Дилетант : ист. журн. для всех. 2017. 14 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/articles/35626704/> (дата обращения: 28.12.2018).

¹⁷¹ Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 345

Плакат «Ты записался добровольцем?», 1920.
Художник Д. Моор

создавать Красную гвардию – отряды вооруженных рабочих, формируемые на добровольных началах. Командиры отрядов выбирались или назначались военно-революционным комитетом (ВРК) из числа бывших солдат, унтер-офицеров, офицеров царской армии. Общее руководство этими отрядами в Петрограде осуществлял ВРК, в других городах – местные организации РСДРП.

С приходом к власти большевиков и началом вооруженного сопротивления советскому режиму было принято решение о создании регулярной армии, первоначально комплектуемой на принципах добровольности из убежденных сторонников советского строя. Выступая на III съезде Советов (январь 1918 г.), В. Ленин заявил о необходимости создания новой социалистической армии из людей, которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых¹⁷². Основными шагами на этом пути стали:

– принятие в декабре 1917 г. «Инструкции по формированию революционных батальонов Народной социалистической гвардии»¹⁷³,

¹⁷² Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Рос. социал.-демократ. рабочая партия. Пг., 1918. С. 26–27.

¹⁷³ Инструкция по формированию революционных батальонов народно-социалистической гвардии в районах дивизионных резервов и в частях, расположенных в прифронтовой полосе // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 – март 1918 г. М., 1973. С. 327–329

в которой был закреплён принцип формирования гвардии из солдат действующих армий на основе добровольности по рекомендации войсковых комитетов, а также выборность командиров;

– 5 (28) января 1918 г. Совет народных комиссаров принял Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА)¹⁷⁴;

– несколько позднее – 29 января (11 февраля) был подписан Декрет о создании рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ)¹⁷⁵;

– для руководства формированием армии при Народном комиссариате по военным делам была создана Всероссийская коллегия¹⁷⁶.

В стране развернулась массовая пропагандистская кампания по призыву в Красную армию. В результате всех мероприятий к апрелю 1918 г. в Красной армии насчитывалось около 200 тыс. красноармейцев, не считая членов партизанских отрядов. В июне 1918 г. советские вооруженные силы вместе с оставшимися еще отдельными отрядами Красной гвардии, продовольственными и партизанскими отрядами насчитывали около 0,5 млн чел.¹⁷⁷

Однако этого было недостаточно. В условиях разгоравшейся Гражданской войны добровольный принцип формирования РККА не соответствовал задачам создания массовой армии, что подтолкнуло советское руководство к принятию решения о введении обязательной воинской службы. Ему предшествовал ряд подготовительных мероприятий:

– 8 апреля 1918 г. вышел декрет Совета народных комиссаров, подписанный Лениным, об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов¹⁷⁸;

– 22 апреля ВЦИК принял ряд декретов, вводивших присягу красноармейцев, всеобщее военное обучение трудящихся, новый порядок замещения должностей в РККА, отменявший принцип выборности¹⁷⁹;

¹⁷⁴ Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии : декрет СНК от 15 (28) января 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 356–357.

¹⁷⁵ Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота : декрет СНК от 29 января (11 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. С. 434–441.

¹⁷⁶ Об учреждении Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии : декрет СНК от 15(28) января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. С. 357–358.

¹⁷⁷ См.: Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996. С. 206.

¹⁷⁸ Об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов : декрет СНК от 8 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 61–70.

¹⁷⁹ Формула торжественного обещания // Декреты Советской власти. Т. 2. С. 156–157; О порядке замещения должностей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии : декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. С. 154–155; Об обязательном обучении военному искусству : декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. С. 151–153.

– одновременно был подготовлен декрет «О сроке службы», который не только определял минимальный срок службы (6 месяцев), но и предусматривал ответственность за дезертирство¹⁸⁰;

8 мая 1918 г. по приказу Л. Троцкого был создан Всероссийский главный штаб, на который возлагались организационные вопросы военного строительства: мобилизация, формирование, устройство, обучение войск, разработка уставов, наставлений, руководство органами местного военного управления. Он подчинялся Наркомату по военным и морским делам, а с сентября 1918 года – Реввоенсовету Республики.

29 мая 1918 г. был объявлен первый набор на военную службу в РККА лиц в возрасте от 18 до 40 лет. 12 июля 1918 г. начался призыв в армию лиц, родившихся в 1893–1897 гг. Была объявлена мобилизация в армию членов Коммунистической партии. Офицеры старой армии также мобилизовывались в РККА, а их семьи брались в заложники (в ряде случаев члены семей штаб-офицеров и генералов помещались в тюрьмы). Всего добровольно или принудительно в Красную Армию был взято 30 тыс. офицеров, 66 тыс. унтер-офицеров и 1 200 тыс. ранее служивших солдат. В апреле 1919 г. в армию были призваны лица 1886–1890 гг. рождения¹⁸¹.

Эти этапы формирования РККА нашли отражение в материалах партийной переписи. Из числа членов Екатеринбургской губернской организации 53,2 % служили в Красной армии, из них 0,9 % составляли женщины, выполнявшие преимущественно функции санитарок или обслуживающего персонала. Более половины (54,2 %) красноармейцев были в возрасте от 18 до 29 лет, т. е. относились к категории молодежи. На возраст старше 40 лет приходится всего 11,6 % от числа служивших в Красной армии (см. табл. 6.1). Большинство из призванных в Красную армию отслужили 1–2 года (61,1 %) и были демобилизованы в 1920–1921 гг. Каждый третий (27,6 %) проходил Всевобуч.

Типичный красноармеец, вступивший в армию весной 1918 г. – это молодой фронтовик, в среднем 24 лет, грамотный, холостой. 70 % красноармейцев имели в 1919 г. возраст от 15 до 29 лет¹⁸². Ставка на молодежь была вполне оправданной, поскольку, не имея большого жизненного опыта, молодые люди были открыты для большевистской пропаганды; кроме того, в мемуарах часто отмечается их увлечен-

¹⁸⁰ О сроке службы в Красной Армии : декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 // Декреты Советской власти. Т. 2. С. 155–156.

¹⁸¹ См.: *Веремеев Ю.* Комплектование Красной (Советской) армии // Веремеев Ю. Анатомия армии [Электронный ресурс]. URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/k_sov_arm_shtm (дата обращения: 30.03.2018).

¹⁸² См.: *Морозова О. М.* Пережить войну: рядовой состав вооруженных формирований периода гражданской войны в России // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 35.

ность коммунистическими идеями. Тридцатилетние солдаты считались «пожилыми» и нередко попадали под демобилизацию как «не-
нужный баласт»¹⁸³.

В Екатеринбургской губернской партийной организации, по материалам переписи 1922 г., социальное происхождение ветеранов-красноармейцев в целом соответствовало идее рабоче-крестьянской армии: 55,5 % красноармейцев имели крестьянское происхождение, 32,9 % – рабочее. Среди призванных в ряды Красной армии преобладали грамотные люди, имевшие начальное (87,1 %), среднее (8,5 %) и даже высшее образование – 0,6 %.

Большинство красноармейцев – членов партии – служили в пехоте (76,8 %), кавалерии (9,1 %), артиллерии (5,6 %). К рядовому составу относилось 52,7 % членов партии, отслуживших в Красной армии, 17,6 % – к командному составу; столько же выполняли обслуживающие функции; также отмечено 9,1 % политработников. Непосредственно в боях принимали участие около половины коммунистов-красноармейцев (53,6 %).

Были награждены (преимущественно именными часами) 1,2 % бывших красноармейцев, причем в половине случаев в число награжденных попали лица, не принимавшие участие в боевых действиях. Практика награждения формировалась в рабочем порядке. Большевики хорошо понимали психологию солдат и устраивали для отличившихся частей праздничные митинги с раздачей ценных подарков, к числу которых относились часы, портсигары, револьверы, теплое белье¹⁸⁴.

Более половины красноармейцев считали свой партийный стаж с 1919–1920 гг. (55,5 %), еще 20,4 % вступили в партию в 1918 г.

Как изменился социальный статус бывших красноармейцев к 1922 г.? Треть из них (32,0 %) нашли свое место в военизированных структурах – милиции, частях особого назначения, ЧК, военных частях, продолжая выполнять функции защиты завоеваний революции; 28,2 % заняли посты ответственных работников в партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных структурах; 10,7 % стали служащими. К рабочим профессиям вернулись 11,0 % ветеранов Гражданской войны, а 12,2 % продолжали заниматься крестьянским трудом (см. табл. 6.2).

¹⁸³ *Елисеев Ф. И.* С хоперцами : Воспоминания о гражданской войне. Ч. 1 // «Добровольческий корпус» [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: http://www.dk1868.ru/history/s_xoper1.htm (дата обращения: 30.03.2018).

¹⁸⁴ *Морозова О. М.* Пережить войну: рядовой состав вооруженных формирований периода Гражданской войны в России. С. 40.

Таким образом, большинство членов РКП(б) в годы Гражданской войны проходило службу в рядах РККА. Знания и умения, приобретенные на фронте, были недостаточными для мирного времени. В «Известиях Екатеринбургского губкома РКП(б)» читаем: «Комиссары и политики никакой теоретической подготовки, кроме фронтовой выучки, не имеют»¹⁸⁵. Часто боевой опыт не был подкреплен систематическими военными и техническими знаниями¹⁸⁶. Тем не менее, за счет фронтовиков пополнялся не только армейский корпус, но и милиция, ЧК и другие силовые структуры; они занимали места ответственных работников в советских, профсоюзных, хозяйственных структурах, руководя общественно-политической жизнью страны, постепенно вытесняли старых «идейных» большевиков, захватывая руководящие посты в партийных организациях.

Большую роль в формировании синдрома войны играли участники военных действий, составлявшие в партии большинство и в мирных условиях занявшие руководящие посты в партийно-советском аппарате. Они формировали особую военизированную управленческую культуру, основанную на приказах и их беспрекословном исполнении. Следует также учитывать, что качество управленческой элиты во многом определялось ситуацией кадрового голода, неизбежного в условиях больших военных потерь¹⁸⁷.

* * *

Сознание и поведение коммунистов начала 1920-х гг. находилось под влиянием различных факторов: агитации и пропаганды, реалий войны, противоречий советской политики, угрозы террора. Коммунистическая идея была доминантой сознания членов партии, их мировоззрения. Но большую роль продолжали играть традиционные представления, определявшие групповую психологию тех социальных слоев, выходцами из которых были члены РКП(б). Традиционное сознание входило в противоречие с коммунистической идеологией, деформируя большевистскую систему ценностей. В результате коммунистическая идея приобретала ритуальный характер и становилась символом веры. Это внутреннее противоречие было усилено синдромом войны и комплексом «человека с ружьем».

С одной стороны, опыт войны, имевшийся у большей части населения, а с другой – ожидание новой войны породили особый тип совет-

¹⁸⁵ Известия Екатеринбургского губкома РКП(б). 1921. № 6. С. 16.

¹⁸⁶ *Скинский Г. А.* Коммунисты в РККА в 1920-х гг. (из истории Урала) // Высшее образование [Электронный ресурс]. URL: http://vuzirossii.ru/publ/istorija_filosofija/kommunisty_v_rkka_v_1920_kh_gg_iz_istorii_urala/42-1-0-2091 (дата обращения: 29.12.2018).

¹⁸⁷ См.: *Кара-Мурза С. Г.* Гражданская война. М., 2009.

ского человека – воина/борца, мобилизованного партией, воспитанного в духе непримиримости к врагу, демонстрирующего готовность отдать жизнь по приказу партии. Американский исследователь О. Радки считает привычку к насилию, полученную на войне, существенной чертой, определявшей поведение радикальных сторонников большевизма¹⁸⁸. В дальнейшем, по мнению Е. С. Сенявской, в России происходила поэтапная милитаризация общественного сознания, когда в ходе больших и малых вооруженных конфликтов в гражданскую среду проникали характерные черты психологии комбатанта¹⁸⁹.

¹⁸⁸ См.: Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 322.

¹⁸⁹ См.: Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке : исторический опыт России. М., 1999. С. 3.

ГЛАВА 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ КОММУНИСТОВ: МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

«Юноше,
обдумывающему
жизнь,
решающему –
сделать бы жизнь с кого,
скажу
не задумываясь –
“Делай ее
с товарища
Дзержинского”».

Маяковский В. Хорошо. Октябрьская поэма¹

Как показывают материалы Всероссийской партийной переписи 1922 г., члены Екатеринбургской организации РКП(б), несмотря на схожесть идеологических установок и общность жизненных траекторий, не были однородной серой массой.

В составе организации отчетливо выделяются группы коммунистов, на первый взгляд, соответствующие идеальным образам, формируемым пропагандой. Содержательно эти образы соотносились с набором наиболее ходовых определений большевистской партии:

- партия рабочих и крестьян;
- руководящая и направляющая сила общества;
- надежный щит и опора трудового народа;
- вдохновительница построения светлого коммунистического будущего;
- сила, несущая освобождение всем угнетенным.

Этим определениям в составе партийной организации должны были соответствовать: рабоче-крестьянское большинство рядовых членов партии; руководители – от партийных вождей до «капитанов индустрии»; представители силовых органов, зримо воплощавших собой силу вооруженных масс; партийная молодежь как главная движущая сила коммунистического строительства; женщины-коммунистки, сбросившие ярмо домашнего рабства.

¹ *Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 319.*

Первые годы после завершения Гражданской войны стали новым этапом в жизни страны, когда началось мирное строительство. Это время было наполнено как энергией созидания, так и жесткой борьбой за власть. В идеальных образах коммунистов получили отражение две базовые идеи – революционного преобразования общества и преданности делу революции. Но движение к идеалу осложнялось тем, что в реальной жизни идея преобразования нередко оборачивалась стремлением к разрушению, а преданность революции – личной преданностью местным партийным «вождям». В результате формируемые пропагандой идеальные типы коммунистов и их реальные социальные портреты не совпадали. Этот разрыв между идеалом и действительностью демонстрирует партийная перепись, одновременно фиксируя основные тенденции социальных трансформаций в раннесоветском обществе.

Реальное многообразие партийных «портретов» в 1920-е гг. было куда богаче идеальных представлений. В известной степени оно отражало тогдашнее разнообразие общественно-политической жизни: дискуссии, внутрипартийную борьбу и пр. Уже в 1930-е гг. оно будет втиснуто в прокрустово ложе застывших идеологических образов, лишенных живых человеческих черт.

В этой главе на примере Екатеринбургской организации РКП(б) мы попытаемся понять, насколько представления партийного руководства об идеальном облике коммунистов соответствовали реальности. При этом важно отдавать себе отчет, что перепись 1922 г. отразила лишь промежуточный этап постоянных изменений в качественном составе партии. Тем не менее, можно увидеть, в каком направлении совершались эти изменения и как они, в свою очередь, влияли на идеальные представления.

7.1. «Партия рабочих и крестьян»: социальная база РКП(б)

С точки зрения социальных приоритетов официально декларируемый идеал был вполне понятен: РКП(б) должна была быть партией передовых рабочих, опирающихся на беднейшее крестьянство². С большими оговорками можно утверждать, что полнее всего эти представления отражались во взглядах позднего Ленина. При этом Ленин еще успел увидеть, насколько сложна реализация идеала «рабоче-крестьянской партии» в условиях наступившего мирного времени. Смена статуса партии – от инструмента завоевания политической власти к организации, осуществляющей эту власть, – оказалась чрезвычай-

² См. также п. 4.5.

но болезненной. Разом стали актуальными все прежние предостережения, от Энгельса до Мартынова и Троцкого³, по поводу опасности перерождения, ожидающей всякую революционную организацию в условиях мира.

Ленин, скорее всего, совершенно искренне полагал, что в новых условиях именно классовое рабочее сознание должно было обеспечить правильность партийного курса, чистоту помыслов исполнителей руководящих решений и, в итоге, скорейшее наступление коммунистической эры. Именно рабочие должны были противостоять нарастающей угрозе бюрократизации партийных и советских органов, обеспечить контроль за деятельностью управленцев разных уровней, уберечь творческую революционную идею от опасности искажения и вольных интерпретаций в условиях начинавшегося нэпа.

По большому счету, отказ от чрезвычайных методов эпохи военного коммунизма мог бы сопровождаться передачей реальных рычагов управления в руки рабочих. Но такие идеи, выражавшиеся в том числе сторонниками «рабочей оппозиции», были совершенно неприемлемыми для большевистского лидера, поскольку он полагал, что качественный состав российского рабочего класса после начала мировой войны ухудшился⁴. В том числе по этой причине, по мысли вождя, в России сформировалось «рабочее государство с бюрократическим извращением»⁵. На партию как на руководящую силу общества ложилась задача исправления положения, и для Ленина было очень сомнительно, что такой рабочий класс сможет ее решить, если займет руководящие позиции в партии и обществе.

Однако большевистская доктрина была не в силах предложить иных рецептов для борьбы с новой бюрократической элитой, и в одной из последних своих работ Ленин говорит о необходимости усиления рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина) как органа классового контроля⁶. В целом же по состоянию на начало 1920-х гг. складывается представление об общей уязвимости, зыбкости идеальных представлений о рабочем классе как некоем камертоне верности избранного курса.

Что касается беднейшего крестьянства, то его допуск в партийные ряды с самого начала воспринимался в качестве досадной необходимости, поскольку «в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население»⁷. На этапе завоевания власти и борьбы за ее сохранение любое увеличение численности партии воспринималось как благо.

³ См. п. 1.1.

⁴ Протоколы XI съезда РКП(б). М., 1936. С. 40.

⁵ Ленин В. И. Кризис партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 239.

⁶ См.: Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383–388.

⁷ Ленин В. И. Кризис партии. Т. 42. С. 239.

Поэтому, например, можно было не обращать внимания на преимущественно крестьянский состав партийных новобранцев из РККА, принятых в ходе «партийной недели» 1919 г.

Но уже очень скоро после окончания войны, в ходе чистки 1921 г., в полной мере реализовались изначальные представления о «сомнительности» крестьянского элемента: крестьяне составили значительную часть исключенных из партии⁸.

Плакат «Нерушимый союз рабочих и крестьян». Вып. Гос. изд-ва. М., 1920. Коллекция Б. Блаттнера, 1922–1923. Источник: Нью-Йорк. Публичная библиотека. Коллекция русских и украинских плакатов, 1917–1921

Поэтому в позднем ленинском видении идеала «рабоче-крестьянской партии» следует видеть сочетание действительной веры в креативный потенциал «подлинного» рабочего класса и политкорректного реверанса в сторону «беднейшего крестьянства» как его неперменного союзника. Требуяние Ленина 1922 г. резко ограничить прием в партию⁹ вытекало из представления о возможности постепенного перевоспитания имеющих коммунистов в направлении их больше-

⁸ Rigby T. H. Communist Party membership in the U.S.S.R., 1917–1967. Princeton, 1968. P. 106.

⁹ См.: Протоколы XI съезда РКП(б). С. 426.

го соответствия желаемому идеальному облику. Лишь после улучшения качественного состава партии можно было думать о ее дальнейшем численном росте.

В представлениях об идеальном типе партийца в 1920-е гг. прихотливо сочетались мировоззренческие установки партийных теоретиков (Ленина и его соратников – Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Луначарского) и предпочтения прагматично настроенных политиков, вроде Сталина и того же Троцкого. Если первые ставили во главу угла сознательность массы, то вторые – ее управляемость.

Среди мероприятий постленинского периода по социальному форматированию партии выделяются «ленинские призывы» 1924 и 1925 гг., объективно усилившие позиции Сталина; лозунги оппозиционной зиновьевской группы, призывавшие к тому, чтобы каждый второй рабочий-металлист стал коммунистом¹⁰; а также активизация крестьянского приема в партию в 1925–1926 гг.¹¹, совпавшая с ожиданиями Бухарина по поводу «врастания» кооперативных крестьянских организаций в социализм¹².

И все же в требованиях «теоретиков» и «прагматиков» по поводу желаемого идеала партийных новобранцев было много общего. *Во-первых*, несмотря на разочарование в качественном составе послевоенного рабочего класса, приоритет по-прежнему отдавался рабочим «от станка», желательны с крупных предприятий, где имелись традиции стачечной революционной борьбы. *Во-вторых*, на этапе завоевания власти и в последующие годы очень много значил опыт дореволюционной подпольной деятельности. Его обладатели составляли своеобразную неофициальную элиту. В начале 1920-х гг. этот критерий стал постепенно дополняться и замещаться новым – опытом участия в Гражданской войне в составе Красной армии. *В-третьих*, на этапе формирования правящей советской вертикали поощрялись кандидаты с управленческим опытом¹³. Наконец, *в-четвертых*, кандидат должен был обладать коммунистической сознательностью и, по возможности, уметь читать и писать.

Последнее требование было расплывчатым, а потому наиболее мягким. Сознывая недостаточный идейно-теоретический и образовательный уровень большинства новых коммунистов, была заявлена широкая программа коммунистического воспитания и образования, в концентрированном виде изложенная Лениным в знаменитой речи

¹⁰ Rigby T. H. Communist Party membership... P. 144.

¹¹ См.: Ibid. P. 136.

¹² См.: Бухарин Н. И. Путь к социализму. Новосибирск, 1990. С. 54.

¹³ См.: Rigby T. H. Communist Party membership... P. 75.

«Задачи союзов молодежи»¹⁴. В практическом плане в качестве желаемой выдвигалась цель соединения коммуниста и специалиста в одном лице. Ее удалось достичь в 1930-е гг.¹⁵

Пунктом, по которому пожелания условных «теоретиков» и «прагматиков» расходились в наибольшей степени, было отношение к приему в партию крестьян. Мог ли крестьянин рассматриваться в качестве «идеального» партийца? Заявленный союз с беднейшим крестьянством, конечно же, требовал усиления крестьянского представительства, и приемлемыми моделями здесь виделись «крестьянин-красноармеец» и «крестьянин-коммунар». После демобилизации первые из них массово возвращались к своим прежним занятиям, увеличив численность волостных партийных организаций до 200 тыс. чел. (что составляло около 1/3 тогдашней общей численности партии). С началом нэпа многие такие крестьяне-коммунисты либо были исключены «за утрату связи с партией», либо выходили из нее сами¹⁶. Что касается «крестьян-коммунаров», то их численность сильно зависела от интенсивности сельского коммунарного движения первых лет советской власти и никогда не была значительной. Между тем, прием в партию крестьян диктовался необходимостью местного партийного представительства. В территориально-производственной структуре большевистской партии производственную составляющую обеспечивали первичные организации из заводских рабочих, а территориальная должна была опираться на волостные, т. е. преимущественно крестьянские по составу ячейки. Новое теоретическое обоснование крестьянского набора в партию вытекало из предложенной во второй половине 1920-х гг. Н. И. Бухариным и его сторонниками идеи социалистической крестьянской кооперации. Эта идея легитимировала новую модель партийца – «крестьянина-кооператора», совпавшую с практическими намерениями Сталина, который видел в молодых выходцах из села основу для формирования лояльной низовой партийной вертикали.

Важно понять еще одно обстоятельство. С точки зрения качества партийного пополнения непреодолимой границы между рабочими и крестьянами в 1920-е гг. не существовало. Если послевоенные рабочие-новобранцы РКП(б) оставляли желать лучшего в плане идейности и приверженности традициям революционной борьбы, то российские крестьяне, в свою очередь, были не столько классическими мелкими

¹⁴ См.: Ленин В. И. Задачи союзов молодежи : речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 298–318.

¹⁵ См.: Верт Н. История Советского государства, 1900–1991. М., 1992. С. 140.

¹⁶ См.: Rigby T. H. Communist Party membership... P. 106.

собственниками, сколько «пугачевцами», на что обращает внимание Ш. Фицпатрик¹⁷, и вряд ли это самосознание сильно изменилось за первые годы нэпа. Все вместе позволяет говорить о рабоче-крестьянском пополнении РКП(б) как достаточно социально однородном.

Итак, идеальный член большевистской партии в начале 1920-х гг. – это относительно молодой рабочий или крестьянин; с военным опытом, приобретенным в Красной армии; с управленческими навыками; желателен грамотный.

* * *

Прежде чем попытаться сопоставить данные партийной переписи 1922 г. по Екатеринбургской губернии с идеальными представлениями, в очередной раз следует принять во внимание возможные погрешности учета¹⁸. Помимо организационных помех общего характера, в отношении учета рабочих и крестьян их было несколько:

1. Участники переписи были склонны приписывать себе пролетарское происхождение либо скрывать непролетарское (с формулировкой «родителей не помню»).

2. При том, что до 1925 г. принадлежность к рабочему классу или крестьянству определялась по занятию накануне революции¹⁹, имелись случаи регистрации по текущей занятости²⁰. Часто это происходило в случае, если кандидат сначала занимал управленческую должность, а потом оформлялось его членство в РКП(б).

3. К моменту проведения переписи не было выработано четких критериев имущественного положения крестьян с целью выбора кандидатов из «беднейшего крестьянства».

4. Цифры занятости коммунистов физическим трудом были преувеличены, поскольку многие, особенно крестьяне, совмещали частичные занятия физическим трудом с административными или контрольными функциями: жить в деревне, не имея своего хозяйства, было чрезвычайно трудно²¹.

¹⁷ См.: *Фицпатрик Ш.* Русская революция. М., 2018. С. 49.

¹⁸ См. об этом п. 2.2.

¹⁹ В августе 1925 г. был издан циркуляр ЦК ВКП(б) за подписью секретаря ЦК В. М. Молотова, определивший новые принципы социальной стратификации членов партии. С этого времени социальный статус определялся по основной (т. е. наиболее продолжительной) занятости коммуниста ко времени вступления в партию. В 1927 г. это положение было скорректировано: отныне учитывалась последняя занятость перед вступлением в партию, в результате чего значительно снизилась доля крестьян и увеличился процент служащих (см.: *Rigby T. H.* Communist Party membership... P. 159–160).

²⁰ См.: *Rigby T. H.* Communist Party membership... P. 86.

²¹ См.: *Ibid.* P. 109.

Для анализа рабоче-крестьянского компонента в Екатеринбургской организации РКП(б) по выделенным признакам (возраст, военный опыт, грамотность и др.)²² была использована случайная выборка (600 анкет) из материалов Всероссийской партийной переписи 1922 г. Совокупная доля приоритетных для РКП(б) социальных групп – рабочих, крестьян и ремесленников по дореволюционной занятости составила 76,8 % (рис. 7.1).

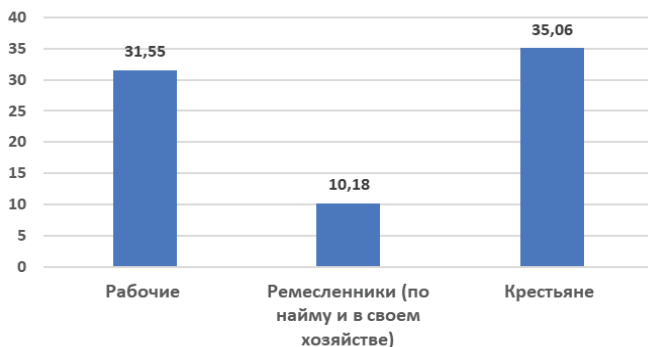

Рис. 7.1. Распределение членов Екатеринбургской организации РКП(б) по дореволюционной занятости, в % ко всей выборке

При этом совокупная доля рабочих и ремесленников (41,8 %) примерно соответствует сведениям о рабочих из п. 4.1 (41,54 %), что свидетельствует о репрезентативности выборки.

Как можно судить по табл. 7.1, когорта 30–49-летних была наиболее массовой в составе приоритетных социальных групп.

Таблица 7.1

**Распределение приоритетных социальных групп
Екатеринбургской организации РКП(б) по возрасту,
в % к численности группы***

Социальные группы	18–29 лет	30–49 лет	50 лет и старше	Итого
Рабочие	44,68	51,60	3,72	100,00
Ремесленники	36,07	62,30	1,64	100,00
Крестьяне	38,76	57,42	3,83	100,00
Всего:	40,83	55,68	3,49	100,00

* Расчет сделан по БД на основе случайной выборки в 600 ед.

²² См. также гл. 4.

Внутригрупповое распределение по возрасту демонстрирует специфику Екатеринбургской организации: в младших возрастах доминируют не крестьяне, как можно было ожидать, исходя из особенностей партийного набора в Красной армии в годы Гражданской войны, а рабочие за счет того, что «партийные недели» проводились, в первую очередь, на заводах. В целом возрастную структуру губернской партийной организации по состоянию до «ленинских призывов» 1924–1925 гг. следует признать достаточно сбалансированной.

Сопоставление распределения коммунистов в приоритетных социальных группах по возрасту и партийному стажу не демонстрирует прямой зависимости (табл. 7.2). Например, совокупная доля рабочих, принятых в партию в последние два года перед переписью (60,85 %) существенно превышает долю 18–29 летних (44,68 %) внутри группы рабочих; для крестьян эти показатели соответственно 85,71 % и 38,76 %.

Таблица 7.2

**Распределение приоритетных социальных групп
Екатеринбургской организации РКП(б) по партийному стажу,
в % к численности группы***

Социальные группы	Партийный стаж, лет						Всего
	менее года	1 год	2 года	3 года	4 года	5 лет и более	
Рабочие	3,70	13,76	43,39	17,99	17,46	3,70	100,00
Ремесленники	11,48	11,48	37,70	18,03	19,67	1,64	100,00
Крестьяне	7,14	24,76	53,81	7,62	6,19	0,48	100,00

* Расчет сделан по БД на основе случайной выборки в 600 ед.

Большинство коммунистов вступили в партию во время Гражданской войны. Коммунисты со стажем три года и более ожидаемо преобладают среди рабочих и ремесленников; наименьший партийный стаж к моменту проведения переписи отмечался у крестьян. Проведенный анализ не позволяет судить, что в Екатеринбургской партийной организации в первые годы Советской власти велась какая-либо целенаправленная работа по приему в партию молодежи. С другой стороны, с начала 1920-х гг. очевидны усилия по активизации крестьянского приема.

При этом «передовая» часть крестьянства в Екатеринбургской организации, если судить по формальным признакам, была немногочисленной: только 15 крестьян (7,1 % от всей численности крестьян по выборке) называли себя «коммунарами», всего же коммунаров разно-

го социального происхождения было 18 человек. Кроме того, 26 коммунистов в качестве основного занятия на момент опроса назвали кооперацию, 15 из них были по происхождению крестьянами.

Как можно судить по форме «А» переписи 1922 г., чрезвычайно большое внимание уделялось разнообразным формам подпольной, революционной и протестной деятельности члена партии (15 вопросов). Количество вопросов находится в явном несоответствии с реальным участием в подобной деятельности большинства кандидатов. Согласно выборке только 6 % коммунистов хотя бы единожды участвовали в стачках, 7,7 % – в политических демонстрациях, 6,18 % состояли в подпольных кружках, участвовали в нелегальных массовках и митингах, партийных съездах, 4,51 % – в вооруженных восстаниях и партизанских выступлениях, 1,34 % подвергались преследованиям за революционную деятельность. Неожиданно много членов партии отметили свое пребывание в тюрьме (16,19 %, включая нахождение в плену), 2,83 % совершали побег, 2,17 % отбывали ссылку, только один человек (0,16 %) был на каторге и 5 (0,83 %) – в эмиграции.

Наиболее активно в нелегальных массовках и митингах участвовали рабочие (44,4 % участников). Впрочем, в пересчете на общую численность группы оказывается, что доля «нелегалов» среди рабочих и ремесленников примерно равна (8,4 % и 8,2 % соответственно). Для сравнения: такой деятельностью занималось лишь 2,9 % крестьян.

Как видим, разнообразные формы протестной активности совершенно не определяли лицо Екатеринбургской партийной организации. Наличие пространного вопроса о формах подпольной, революционной и протестной деятельности в анкете переписи отражало подспудное желание разработчиков опереться на революционное «ядро», партийных ветеранов. Однако ввиду малочисленности этой группы акцент неизбежно смещался в сторону новобранцев, вступивших в партию в годы Гражданской войны.

Наибольшая доля служивших в РККА в приоритетных группах оказалась в среде ремесленников (табл. 7.3). Во всех группах служивших больше половины, что показательно. Вместе с тем абсолютного доминирования прошедших Гражданскую войну над штатскими не наблюдается.

В группе ремесленников наивысшим оказался и процент участвовавших в боях (рис. 7.2). Возможно, более активное участие коммунистов-ремесленников в военных событиях следует рассматривать как своеобразную попытку социальной реабилитации (ремесленник – не вполне рабочий в большевистской системе ценностей).

Таблица 7.3

**Распределение приоритетных социальных групп
Екатеринбургской организации РКП(б) по доле служивших
в РККА, в % к численности группы***

Социальные группы	Служили в РККА	Не служили	Нет данных	Всего
Рабочие	59,26	30,69	10,05	100
Ремесленники	60,66	27,87	11,48	100
Крестьяне	53,81	38,10	8,10	100

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

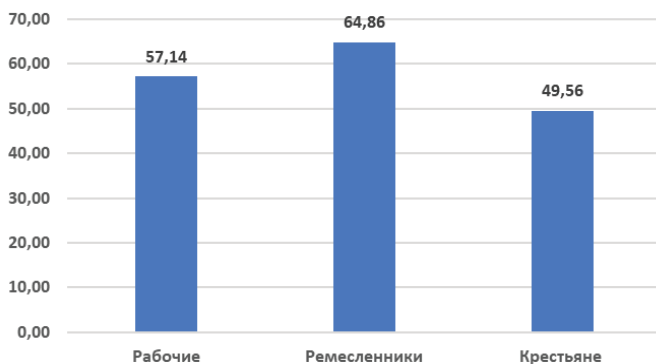

Рис. 7.2. Распределение приоритетных социальных групп Екатеринбургской организации РКП(б) по доле участвовавших в боях, в % к количеству служивших в РККА

В управленческий опыт приоритетных социальных групп членов РКП(б) мы включили сведения о военной и гражданской карьере коммунистов в 1917–1921 гг.

В табл. 7.3 представлено положение выходцев из рабочих, ремесленников и крестьян в военной иерархии. Как видим, неплохие перспективы занятия командирских должностей (в выборку включены также младшие командиры) имели рабочие и крестьяне; в числе политработников доминировали рабочие и ремесленники. Что касается других социальных групп, то в выборке имеется только 4 примера занятия ими командирских должностей и 3 – комиссарских (это были служащие и учителя). Преобладание рабочих и ремесленников среди политработников не противоречит оценкам по РККА в целом, в соот-

ветствии с которыми 84 % комиссаров были выходцами из рабочих²³. Высокая доля ремесленников в обслуживающем персонале скорее всего определялась разнообразием профессиональных навыков у членов этой группы.

Таблица 7.4

**Распределение приоритетных социальных групп
Екатеринбургской организации РКП(б) по месту в военной
иерархии, в % к количеству служивших в РККА***

Социальные группы	Командиры	Полит-работники	Рядовые	Обслуживающий персонал	Всего
Рабочие	21,88	12,50	57,81	7,81	100,00
Ремесленники	12,50	12,50	58,33	16,67	100,00
Крестьяне	16,67	7,41	72,22	3,70	100,00

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Как можно судить по рис. 7.3, навыками управления в той или иной степени обладала значительная часть коммунистов в приоритетных социальных группах. Снова обращает на себя внимание управленческая адаптивность ремесленников и относительно низкая доля управленцев среди крестьян. Для сравнения: самой высокой доля имевших разного рода управленческий опыт была среди коммунистов-служащих и учителей – 31 из 69, или 44,9 %.

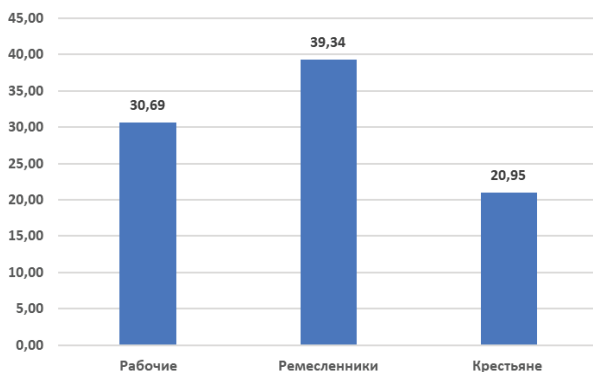

Рис. 7.3. Распределение приоритетных социальных групп Екатеринбургской организации РКП(б) по опыту партийной, советской, профсоюзной, комсомольской и хозяйственной работы в 1917–1921 гг., в % к численности группы

²³ См.: Драма российской истории: большевики и революция / под ред. О. В. Волобуева. М., 2002. С. 289.

И наконец, попробуем оценить значение фактора общей грамотности для членства в партии среди представителей приоритетных социальных групп (табл. 7.4)²⁴. Как видим, большинство коммунистов имели начальное образование, при этом новыми, специфически советскими его формами (совпартшкола, рабфак, коммунистический университет) было охвачено крайне незначительное число членов партии. Как и предполагалось, уровень образования в начале 1920-х гг. не имел существенного значения для членства в РКП(б).

Таблица 7.4

Распределение управленцев в приоритетных социальных группах Екатеринбургской организации РКП(б) по уровню образования, в % к численности группы*

Социальные группы	Неграмотный	Малограмотный, самоучка, домашнее	Начальное	Совпартшкола, рабфак	Среднее
Рабочие	4,23	10,05	78,84	3,70	3,17
Ремесленники	1,64	16,39	72,13	1,64	6,56
Крестьяне	6,67	19,52	68,57	0,48	1,43

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

В завершение попробуем понять, какая доля членов Екатеринбургской организации соответствовала желаемым представлениям о партийце, сформулированным в начале этой главы (рис. 7.4). Как было сказано ранее, приоритетные социальные группы рабочих, крестьян и ремесленников по занятиям до революции в совокупности составляли более 3/4 численности партийной организации, и этот показатель следует считать благоприятным с точки зрения приоритетов партийного строительства. Но здесь же очевидна и проблема, которую активно пытались решать в течение всего раннесоветского периода: рабочие в партии не составляли большинства даже в промышленной Екатеринбургской губернии.

Как видим, большинство представителей приоритетных социальных групп находились в активном возрасте. Своеобразное «ядро» из рабочих и крестьян, служивших в РККА, а также имевших до-

²⁴ См. также п. 6.2.

революционный опыт протестной деятельности – чуть более 45 %. В качестве управленческого резерва можно было рассматривать около 12 % членов партии, а с учетом наличия образования (начального и выше) – около 9 %.

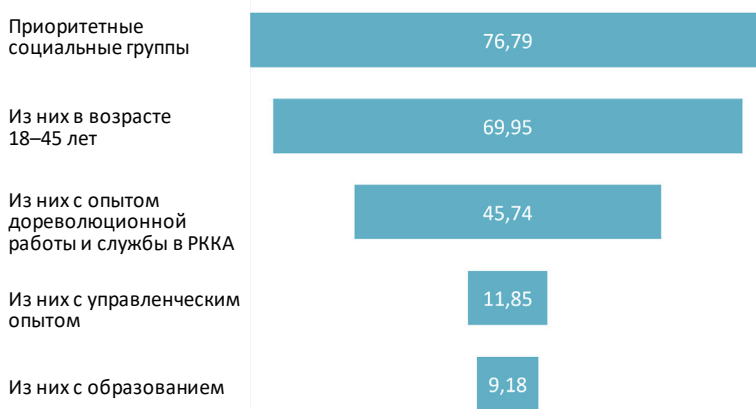

Рис. 7.4. Соответствие членов Екатеринбургской организации РКП(б) желаемым характеристикам члена партии, в % ко всей выборке

Значительное количество малообразованных коммунистов с небольшим партийным стажем делало возможным активное манипулирование партийной массой. В любой момент для члена партии были одинаково реальны как выдвижение на более высокую должность, так и исключение из парторганизации. В крайне идеологизированной политической структуре, каковой была большевистская партия в течение всего срока своего существования, очень затруднительно отделить марксистско-ленинскую доктрину от прагматики повседневной деятельности. Поэтому ориентацию на рабоче-крестьянский облик партии нельзя рассматривать лишь в контексте холодного расчета на управляемость партийной массы. Всегда находилось место построениям убежденных теоретиков – от Ленина и Троцкого до Зиновьева и Бухарина – о целесообразности подобной политики для достижения высокой цели. С этой точки зрения реальный социальный состав РКП(б), сложившийся к окончанию Гражданской войны, внушал достаточно большие опасения как теоретикам, так и практикам большевистского партийного строительства.

7. 2. «Руководящая и направляющая»: ответственные партийно-советские работники

В полном соответствии с определением партии как «руководящей и направляющей силы советского общества» категория партийных руководителей не исчерпывалась партаппаратчиками разных уровней, но распространялась на всю сферу управления. Начиная с 1920-х гг. для обозначения этой группы коммунистов стал применяться термин «ответственные работники». На вершине своеобразной иерархической пирамиды внутри этой категории находились собственно партийные функционеры; на более низких ступенях располагались руководящие деятели профсоюзов, промышленности и транспорта, кооперации и торговли, советско-административных органов, а также «идеологического фронта», т. е. учреждений образования и культуры²⁵.

Для первой половины 1920-х гг. характерны попытки «партийного усиления» центральных и местных управленческих структур, поскольку далеко не все руководители были членами правящей партии. В эти же годы доживал свой срок «ленинский» большевизм с принципом реальной выборности руководителей²⁶. Параллельно с его отменой шел активный процесс формирования партийной номенклатуры.

В годы Гражданской войны система управления на фронте и в тылу формировалась мобилизационными методами. Принцип назначенства руководящих работников противоречил нормам внутрипартийной демократии, но воспринимался как необходимость. Отвечая на упрек Т. В. Сапронова по поводу игнорирования демократических принципов, Ленин отвечал: «Могли ли бы мы продержаться два месяца, если бы мы не назначали в течение двух лет, когда мы в разных местах переходили от полного истощения и разрушения опять к победе?»²⁷

Практика принудительных перебросок впервые была легитимирована на VIII съезде РКП(б) (1919): «Центральному Комитету поручается систематически перемещать из одной отрасли работы в другую и из одного района в другой партийных работников в целях наиболее продуктивного использования их»²⁸. При этом имело место сочетание

²⁵ См.: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. М., [б. г.].

²⁶ О противостоянии «большевизма» «сталинизму» см.: *Левин М.* Советский век. М., 2008. С. 74.

²⁷ *Ленин В. И.* IX съезд РКП(б). 29 марта – 5 апреля 1920 г. : Заключительное слово по докладу Центрального комитета 30 марта // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 264–265.

²⁸ По организационному вопросу : резолюция VIII съезда РКП(б). 18–23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 106.

централизации и децентрализации в распределении партийных сил: «в каждой губернии губернские партийные силы распределяются губкомитетом партии, в столицах – городскими комитетами под общим руководством Центрального Комитета»²⁹. Масштабы полномочий местных организаций не следует преувеличивать.

Резолюция VIII съезда поручала ЦК вести «самую решительную борьбу против всякого местничества, сепаратизма в этих вопросах»³⁰. Помимо ситуации чрезвычайности, необходимость контроля сверху над ситуацией на местах обосновывали следующим образом: «Партия ни на минуту не могла и не должна была забывать, что обстановка и условия, в которых эти десятки, сотни и тысячи наиболее ответственных коммунистов работают, таковы, что, будучи оставлены одни, без партийной базы и основания внизу, они неизбежно будут выбиваться из своей колеи»³¹.

Тогда же ЦК партии стал собирать информацию о местных функционерах РКП(б), до поры оставляя без внимания отрасли за пределами партийной сферы. Типовая анкета выглядела следующим образом: «Фамилия, имя, отчество; возраст; место службы или работы в данный момент; основная профессия; давно ли находится на данном месте и откуда командирован; какие обязанности выполнял на советской или красноармейской работе; полученное образование; с какого времени состоит в РКП, в других партиях; какую партийную работу выполняет; выступает ли на митингах; живет ли при нем семья; если да, то из кого состоит». Сбор информации носил эпизодический характер³².

После окончания Гражданской войны партия распространила свое влияние на государственные, хозяйственные и общественные структуры. Этот курс был озвучен в решениях XI и, особенно, XII съезда РКП(б). Заявлялось о необходимости «усиления партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частности хозяйственных и других органов»³³.

По сей день можно встретить разнообразные оценки того, когда началось формирование партийной номенклатуры. В определенном

²⁹ По организационному вопросу : резолюция VIII съезда РКП(б). 18–23 марта 1919 г. С. 106; см. также: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 5; *Колдушко А. А.* Управление составом партийной номенклатуры в 1920-х – первой половине 1930-х годов (на материалах Прикамья) // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-sostavom-partiynoy-nomenklatury-v-1920-h-pervoy-polovine-1930-h-godov-namaterialah-prikamya> (дата обращения: 08.02.2019).

³⁰ По организационному вопросу : резолюция VIII съезда РКП(б). Т. 2. С. 106.

³¹ Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 5.

³² См.: *Колдушко А. А.* Управление составом партийной номенклатуры... С. 18.

³³ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года : стеногр. отчет. М., 1968. С. 705.

смысле переброски кадров на новые должности, которые стали проводить после VIII съезда РКП(б), можно рассматривать как реализацию номенклатурного принципа. Однако, кроме того, что такие переброски носили вынужденный характер (о чем говорилось ранее), следует отметить, что в годы Гражданской войны не существовало и не могло существовать понятие кадрового резерва. Для сохранения политической власти большевики использовали самых разных, подчас случайных людей, сколько-нибудь сочувствовавших их идее.

Кроме выходцев из рабоче-крестьянской массы, которых активно и не всегда разборчиво принимали в партию, это были разнообразные представители «бывших», наибольшую ценность из которых представляли старые специалисты. Последних рассматривали в качестве временных союзников. «Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить... Нам нужно строить сейчас практически, и приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество»³⁴, – заявлял Ленин. Разъяснялось, что необходимо «...из всей массы технической и квалифицированной интеллигенции выцедить и отобрать то, что является наиболее квалифицированным и деловым, что по своему настроению, внутреннему содержанию идейно менее чуждо рабочему классу, может скорее приспособиться и перевариться в пролетарском котле»³⁵.

Более естественно поэтому считать началом формирования советской номенклатуры принятие первого списка партийных должностей. Его появление связывают с деятельностью комиссии по постановке учета и распределения работников в государственных и хозяйственных учреждениях (так называемой комиссии Молотова). Работу комиссии предваряло выступление в сентябре 1923 г. на заседании оргбюро ЦК заведующего учетно-распределительным отделом Л. М. Кагановича, предложившего установить точный перечень «должностей госаппарата, назначение и смещение работников которых производится исключительно постановлением ЦК»³⁶.

31 октября комиссия приняла два номенклатурных списка: № 1 – «Список должностей центральных учреждений и их местных органов, по которым назначения и смещения работников производится постановлением ЦК РКП(б)» и № 2 – «Список должностей наркоматов и центральных учреждений, о назначении и перемещении работников

³⁴ Ленин В. И. VIII съезд РКП(б). 18–23 марта 1919 г. : Отчет Центрального Комитета 18 марта // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 142.

³⁵ Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 13.

³⁶ Рождение партийной номенклатуры / публ. подгот. М. В. Зеленов // Вопр. истории. 2005. № 2. С. 5.

которых центральные учреждения и ведомства предварительно уведомляют ЦК»³⁷.

На заседании оргбюро 8 ноября 1923 г. Каганович обосновывал это решение следующим образом:

«Мы предлагаем установить твердую номенклатуру в три тысячи должностей, причем эта цифра нас совсем не должна пугать, потому что значительная часть из них относится к профсоюзным организациям, которые только согласовываются и которых ЦК не будет назначать. Так что из этих трех тысяч мы имеем, по существу, только две тысячи должностей в госорганах, причем мы берем 500 крупнейших предприятий, сто крупнейших трестов, 50 крупнейших синдикатов. Таким образом, значит, главное место занимают хозяйственные организации...»³⁸

В итоге в первую группу должностей включили около 3 500 позиций, во вторую – около 1 500³⁹. Примечательно, что в этих номенклатурных списках действительно отсутствуют партийные должности (табл. 7.5). Через практику назначений партия стремилась установить контроль за государственными и общественными структурами, но в своей внутренней деятельности в тот период она стремилась – хотя бы формально – руководствоваться заявленными в Уставе демократическими принципами.

Система распределения руководящих партийных кадров, сложившаяся в первой половине 1920-х гг., неизбежно отталкивалась от практики «перебросок» периода Гражданской войны. При всех организационных преимуществах мобилизационной модели признавалось, что для мирного времени она все же не годилась: «Посылать же массы работников в хозяйственные и торговые органы так, как они посылались на военную работу, ни в коем случае невозможно было и было нерационально, ибо это поставило бы и партию, и работников перед тупиком»⁴⁰.

С другой стороны, с некоторой настороженностью констатировалось, что «масса партийных сил, которые составляли пульс армии, полустихийно хлынула в те отрасли, которые тогда приобретали для партии и страны доминирующее значение – хозяйственные органы.

³⁷ Рождение партийной номенклатуры. С. 6; *Колдушко А. А.* Управление составом партийной номенклатуры... С. 19.

³⁸ Рождение партийной номенклатуры. С. 14.

³⁹ См.: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 14. Н. Верт упоминает о начале назначения на партийные посты в 1926 г., когда было выделено 5 500 важнейших партийных должностей (см.: *Верт Н.* История Советского государства... С. 180). Очевидно, что речь здесь идет уже о следующем этапе формирования партийной номенклатуры.

⁴⁰ Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 8.

Это нужное партии заполнение хозяйственных органов партработниками, однако, в целом шло *без достаточного участия и руководства парторганов*⁴¹ (курсив мой. – О. Г.). В условиях относительно недолгой либерализации в системе распределения партийных кадров случались отказы от назначений, особенно со стороны партийных ветеранов⁴². Ситуация осложнялась конфликтами в борьбе за кадры между Центром в лице учетно-распределительного отдела ЦК и губернскими партийными организациями⁴³.

Таблица 7.5

Распределение командных должностей номенклатурных списков № 1 и № 2 (1923) по ведомствам (количество должностей и их удельный вес, в % к общему количеству должностей в группе)*

Органы управления	Первая группа (3 500)	Вторая группа (1 500)
Органы ВСНХ (синдикаты, тресты, директора) и торговые организации	1880 53,7%	906 60,4%
Наркомфин, Наркомзем и экономические органы	136 3,9%	175 11,7%
Наркомат путей сообщения и Наркомпочтель	155 4,4%	105 7,0%
Органы административные, просветительские, охраны труда и Собес	380 10,9%	282 18,8%
Наркоминдел и Наркомвнешторг	189 5,4%	27 1,8%
Прочие разные	760 21,7%	5 0,3%
Всего:	3500 100%	1500 100%

* Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 8.

В условиях мирного времени большевики, наконец, могли позволить себе более тщательно подходить к отбору кандидатов на руководящие должности.

⁴¹ Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 7.

⁴² См.: Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016. С. 141–143.

⁴³ Учетно-распределительный отдел существовал до 1924 г., когда был слит с организационно-инструкторским отделом в единый организационно-распределительный отдел (орграспред) (см.: Рождение партийной номенклатуры. С. 7; Гетти А. Практика сталинизма... С. 133).

Наиболее серьезным негативным следствием прежней практики «перебросок» была частая сменяемость руководителей, неизбежно влиявшая на эффективность управления. В то же время ослаблять контроль за распределением кадров никто не собирался. Для упорядочения практики назначений была поставлена задача «перехода работы всех государственных учреждений и государственных аппаратов от системы случайной и ударной работы к органической (т. е. постоянной, равномерной. – *О. Г.*) работе»⁴⁴. Такая установка естественным образом повышала требования к профессиональной квалификации руководителей. Тем не менее, компетентность управленцев не играла решающей роли. «Коммунистическое усиление» прежде всего предполагало их членство в партии.

Следующим по важности в рамках кампании «орабочивания госаппарата и парткадров»⁴⁵ критерием отбора выступала принадлежность к пролетариату. На XII съезде РКП(б) это положение было сформулировано следующим образом:

«Партия принимает и должна принимать в члены РКП не только рабочих, но и крестьян, красноармейцев, служащих, учащуюся молодежь и т. д. Но, будучи пролетарской партией, она должна систематически повышать процент членов партии из числа промышленных рабочих и вместе с тем регулировать и ограничивать прием в члены партии всех других элементов. В последнем счете одной из самых важных гарантий против указанных выше опасностей является прежде всего пролетарский состав самой партии»⁴⁶.

По отношению к руководящим партийным структурам этот курс формулировался еще более определенно: «Партия в деле укрепления своих партийных органов берет курс на старого выдержанного партийца и рабочего»⁴⁷.

Как можно судить по доступной статистике, среди кандидатов на руководящие должности различались рабочие вообще и «рабочие от станка»⁴⁸; предпочтение при этом, по-видимому, отдавалось последним. В отличие от рабочих, крестьяне учитывались только «от сохи». Среди других критериев важнейшую роль играли подпольное прошлое претендента⁴⁹ и длительность его партийного стажа в целом⁵⁰. Наконец, в контексте стремления к «органической» работе управлен-

⁴⁴ Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 8.

⁴⁵ См.: Там же. С. 25.

⁴⁶ Двенадцатый съезд РКП(б). С. 703.

⁴⁷ См.: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 41.

⁴⁸ См.: Там же. С. 36.

⁴⁹ См.: Там же. С. 31.

⁵⁰ См.: Там же. С. 42.

ческих структур учитывался стаж практической работы на аналогичной или родственной должности.

Характерно, что обязательное требование наличия образования у кандидата в руководители отсутствовало. Неудивительно, что в этой системе координат самым слабым считался управленческий состав вузов и рабфаков. Несмотря на то, что профессионально он был вполне состоятелен, партийная и рабочая прослойки в этих учреждениях были минимальными⁵¹.

Такой узко-идеологический подход отражал реалии начального этапа становления системы распределения руководящих кадров. Назначенство первых мирных лет имело первоочередной целью утверждение магистральной линии партии в борьбе со стихийным заполнением руководящих вакансий на местах. Серьезную угрозу интересам Центра представляла и местная клановость⁵². Проблема профессиональной компетенции руководителей актуализируется позже, со второй половины 1920-х гг. и ее будут решать в том числе с помощью выдвигания снизу⁵³.

В период с 1921 по 1924 г. отмечалось постепенное снижение количества перемещаемых ЦК партии работников вообще, а также увеличение среди них доли руководителей (т. е. «ответственных работников») (табл. 7.6). Тем самым повышалось значение местных партийных органов в распределении руководящих работников. Этот процесс, с одной стороны, отражал стремление ЦК избавиться от несвойственных ему функций, а с другой, был выражением кратковременной либерализации системы распределения кадров накануне ее последующей сталинской кристаллизации.

Что представляли собой партийные руководящие кадры в разных сферах управления?

Для профессиональных партийных работников ключевым считалось требование партийного стажа. Как говорилось ранее⁵⁴, на декабрьской Всероссийской конференции 1921 г. было сформулировано требование, чтобы секретари губкомов имели дореволюционный партийный стаж, а секретари укомов – как минимум трехлетний. Как можно судить по отчету организационного отдела ЦК за 1921 г., по

⁵¹ См.: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 135.

⁵² См.: *Генни А.* Практика сталинизма...; *Истер Д. М.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. О проявлении этих процессов в Екатеринбургской партийной организации и борьбе с ними см. п. 3.4 и 3.5 настоящей книги.

⁵³ Разные оценки практики выдвигания см.: *Колдушко А. А.* Управление составом партийной номенклатуры... С. 24–25.

⁵⁴ См. п. 4.2.

этим показателям существовали большие различия между группами губерний. При том что в среднем секретарей губкомов с дореволюционным стажем было 52 %, в промышленных губерниях их доля составляла 88 %, в смешанных – 25 %, а в земледельческих – 46 %⁵⁵.

Таблица 7.6

Участие ЦК РКП(б) в перемещениях работников в периоды между партийными съездами, 1921–1924*

Съезды	Общее количество прошедших через ЦК	Квалификация			
		Абсолютная численность, чел.		Относительная численность, %	
		Ответственных	Рядовых	Ответственных	Рядовых
X–XI	22 550	4 510	18 040	20,0	80,0
XI–XII	10 351	4 738	5 613	45,8	54,2
XII–XIII	6 082	4 089	1 519	73,0	27,0

*Руководящие кадры РКП (большевики) и их распределение. С. 16.

Доступные данные позволяют сделать вывод, что курс на «усиление» секретарского корпуса проводился достаточно последовательно: в период между XII и XIII партийными съездами (с апреля 1923 по май 1924 г.) 87,8 % назначенных в губкомы секретарей вступили в партию до февраля 1917 г.⁵⁶, т. е. за ориентир принимали ситуацию в центрально-промышленных губерниях. В итоге кампании «усиления» губернских партийных кадров к 1924 г. доля секретарей с дореволюционным стажем увеличилась до 71,4 %⁵⁷, т. е. почти на 20 %.

По сравнению с партийным стажем, требование «правильного» социального происхождения было вторичным. По состоянию на 1921 г. средняя доля секретарей губкомов – рабочих – была 59 % (по промышленным губерниям – 75 %)⁵⁸. При этом в числе новых секретарей губкомов, назначенных в период между XII и XIII съездами, рабочих

⁵⁵ См.: Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3 (39). С. 19. В выборку в основном вошли губернии Центральной России.

⁵⁶ См.: Руководящие кадры РКП (большевики) и их распределение. С. 43.

⁵⁷ Там же. С. 45.

⁵⁸ См.: Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3 (39). С. 20.

оказалось всего 51,6 %⁵⁹. В итоге доля секретарей губкомов с рабочим происхождением составила только 48,6 %⁶⁰. Крестьян среди секретарей губкомов не было; остальные руководители были из служащих.

Таким образом, начавшаяся политика «орабочения» партийных кадров не имела отношения к партийным руководителям губернского уровня, где гораздо больше ценился партийный профессионализм.

То, какое значение придавалось дореволюционному партийному стажу у секретарей губкомов и обкомов, демонстрирует сравнение их по этому показателю с коммунистами – руководителями губернских советских и профсоюзных органов (табл. 7.7).

Таблица 7.7

Группировка коммунистов – руководителей губернских партийных, советских и профсоюзных организаций по социальному происхождению, подпольному и дореволюционному стажу, 1924 г., в % ко всей численности группы*

Категория руководителей	Из рабочих	С подпольным стажем	С дооктябрьским стажем
Секретари ГК и ОК	48,6	71,4	84,8
Председатели ГИК	31,1	43,9	64,5
Председатели ГСПС	61,3	35,5	58,0

*Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 45.

Как видим, наиболее мягкими с точки зрения дореволюционного партийного опыта, были требования к руководителям профсоюзов. В то же время именно в этой группе доля выходцев из рабочей среды была наибольшей, что понятно, учитывая сферу деятельности этих организаций.

Здесь следует принять во внимание, что «секретарская» часть губернского партийного руководства в наибольшей степени соответствовала требованиям ЦК в сравнении с другими категориями партийных работников⁶¹. Среди отвечающих за организационную и пропагандистскую работу (завергов и завагитпропов) было меньше как коммунистов с подпольным и дореволюционным стажем, так и рабочих⁶². Ухудшение качественного состава завергов объясняли тем, что именно их чаще всего выдвигали в секретари⁶³.

⁵⁹ См.: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 43.

⁶⁰ См.: Там же С. 45.

⁶¹ О категориях партийных служащих см., напр.: *Олех Г. Л.* Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.

⁶² См.: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 49.

⁶³ См.: Там же.

Требования к руководителям вне профессиональной партийной сферы (профсоюзы, руководство промышленностью и транспортом, кооперацией и торговлей, Советами, сферой образования) определялись несколько иной логикой. Здесь главной задачей считалось «усиление партийного влияния», а потому важнейшим критерием была, собственно, принадлежность руководителя к компартии; длительность его пребывания в партии и социальное происхождение отступали на второй план. В наибольшей степени это относилось к провинциальным руководителям.

Наибольшей доля руководителей-коммунистов была в системе советско-административных органов (90 %) и в судебно-карательной системе (92,4 %) ⁶⁴. Последняя включала Наркомат юстиции, прокуратуру, суд и ГПУ. Эту сферу отличало то, что беспартийные на руководящие должности в нее практически не допускались. Так, в системе Наркомата внутренних дел было только 3 % беспартийных руководителей ⁶⁵. Другими особенностями были сравнительно невысокий партийный стаж работавших здесь коммунистов и большой удельный вес служащих ⁶⁶.

Напротив, в тех отраслях, где требовались узкопрофессиональные знания, количество коммунистов было существенно меньшим. И если в промышленности и на транспорте их доля доходила до 1/3, то в «непрестижной» системе кооперации и торговли на региональном уровне к 1924 г. она не превышала 10 % ⁶⁷. В профсоюзах в это время коммунистов было около 1/4 ⁶⁸, а на «идеологическом фронте», среди руководителей рабфаков и вузов, партийными были около 1/3 ⁶⁹.

Период между XII и XIII съездами партии оказался в некотором смысле переломным для партийной элиты, поскольку именно в это время началась трансформация представлений о требованиях к руководителю-коммунисту. Толчком для начала этого процесса стало выступление И. В. Сталина на XII съезде РКП(б), предложившего активизировать прием молодежи на руководящие должности ⁷⁰. Прагматические соображения создания более управляемой руководящей прослойки, лежавшие в основе сталинского предложения, означали фактический пересмотр прежних представлений об идеальном обли-

⁶⁴ См.: Руководящие кадры РКП (большевиков) и их распределение. С. 113.

⁶⁵ См.: Там же. С. 120.

⁶⁶ См.: Там же. С. 123–124.

⁶⁷ См.: Там же. С. 87.

⁶⁸ См.: Там же. С. 63.

⁶⁹ См.: Там же. С. 136.

⁷⁰ Подробнее см. п. 6.1.

ке коммуниста-управленца. В связи с этим можно говорить о постепенном снижении значимости дореволюционного партийного стажа для занятия руководящей должности. В такой ситуации неизбежно повышалась роль фактора «правильного» социального происхождения – из рабочих. Но «ленинский призыв» 1924 г. еще более расширил границы допустимого: смягчались требования и к социальному происхождению коммунистов⁷¹, что, в конечном счете, не могло не сказаться и на составе партийных руководителей.

С этой точки зрения материалы партийной переписи 1922 г. отражают ситуацию, когда требования к руководителям-коммунистам еще не подверглись деформации; дореволюционный партийный стаж и рабочее происхождение были значимыми чертами идеального облика партийного лидера.

В выборке из 600 анкет переписи имеются сведения о 21 партийном работнике (3,5 % ко всей выборке), 21 профсоюзном руководителе (3,5 %), 4 комсомольских работниках (0,66 %), 87 советских работниках (14,5 %), 12 хозяйственных руководителей (2 %) и 26 деятелях кооперации (4,33 %). Таким образом, по данным выборки руководящая прослойка в Екатеринбургской партийной организации составляла 28,33 %.

О том, насколько екатеринбургские коммунисты-руководители соответствовали идеальным требованиям (достаточный партийный стаж и рабочее происхождение), позволяют судить табл. 7.8 и 7.9.

Таблица 7.8

Распределение руководящих работников Екатеринбургской партийной организации по продолжительности партийного стажа, в % к численности группы*

Время вступления в партию	Сфера руководства					Все руководители	Все коммунисты
	Партия	Профсоюзы	Советские органы	Хозяйственные органы	Кооперация		
До 1917	4,76	0,00	3,49	0,00	0,00	2,35	1,34
1917–1918	19,05	47,62	24,42	41,67	26,92	28,24	23,37
1919–1920	71,43	42,86	70,93	50,00	57,69	62,94	66,44
1921 и позже	4,76	0,00	0,00	0,00	11,54	2,94	6,18
Нет данных	0,00	9,52	1,16	8,33	3,85	3,53	2,67
Всего:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

⁷¹ Подробнее об этом см. п. 1.4.

Основная часть коммунистов-руководителей (62,35 %) вступила в партию в 1919–1920 гг. в ходе массовых наборов в партию. Наиболее убедительными по критерию партийного стажа являются показатели профсоюзных работников (высокая доля вступивших в 1917–1918 гг.), что можно считать спецификой заводского Урала, а также хозяйственных руководителей. С другой стороны, большинство партийных и советских руководителей-коммунистов пополнили ряды РКП(б) относительно поздно – в 1919–1920 гг., т. е. в регионе отсутствовало «ядро» из проверенных партийцев.

Доля коммунистов с дореволюционным партийным стажем была наибольшей в среде партийных и советских руководителей (4,76 и 3,49 % соответственно). Попавшие в выборку коммунисты-ветераны занимали в губернии относительно невысокие должности. В одном случае это был секретарь волостного комитета РКП(б) в Кушве (36 лет, рабочий, образование начальное, в партии с 1915 г.). В другом – 26-летний заводделом в Екатеринбургском Совете, служащий, образование среднее, в партии с 1916 г. Наибольший партийный стаж имели работник Уралпромбюро в Екатеринбурге, образование среднее, член партии с 1905 г. и заведующий отделом губернского отдела народного образования, на момент переписи работавший в Уфе, образование неполное начальное, в партии с 1904 г.; оба – в возрасте 36 лет, по роду занятий до революции – рабочие. Данные по выборке из 10 тыс. записей более показательны. При по-прежнему невысокой доле коммунистов с дореволюционным партийным стажем (1,40 % от общей численности парторганизации), 75 чел. (52,8 %) занимали руководящие должности; из них 12 чел. работали в губернском и городских комитетах РКП(б).

У нас уже был повод убедиться, что модели поведения коммунистов-рабочих и ремесленников во многом схожи (см. п. 7.1). Поэтому в табл. 7.9. они объединены в одну группу.

В среде руководителей в сравнении со всеми коммунистами была несколько более высокой доля рабочих и ремесленников, несколько меньшей – крестьян и почти вдвое больше было служащих.

Доля рабочих и ремесленников среди коммунистов-руководителей была наибольшей в хозяйственной сфере, профсоюзах и в советских органах. Доминирование рабочих в профсоюзах понятно, и оно соответствовало общероссийскому тренду. Не самый высокий процент рабочих среди коммунистов также отражал общую тенденцию с тем уточнением, что основную часть партийных работников по общероссийским данным составляли служащие, а в Екатеринбургской губернии – крестьяне. Весьма примечателен однородный

состав коммунистов – руководителей хозяйственных органов, на 3/4 состоявший из рабочих и ремесленников и на 1/4 – из служащих. Похожая ситуация отмечается и в профсоюзах. Таблица также позволяет судить о преимущественно крестьянском характере кооперативных учреждений.

Таблица 7.9

Распределение руководящих работников Екатеринбургской партийной организации по социальным группам по основному занятию до 1917 г., в % к численности группы*

Основное занятие до 1917 г.	Сфера руководства					Все руководители	Все коммунисты
	Партия	Профсоюзы	Советские органы	Хозяйственные органы	Кооперация		
Рабочие и ремесленники	33,34	61,91	41,38	75,00	30,77	44,12	41,73
Крестьяне	38,10	4,76	32,18	0,00	57,69	30,59	35,06
Служащие	19,05	33,33	19,54	25,00	11,54	20,00	11,52
Другое	9,52	0,00	6,90	0,00	0,00	5,29	11,69
Всего:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Судя по тому, что наиболее социально зрелые партийные кадры концентрировались в советских учреждениях и хозяйственной сфере, подтверждается наше предположение об особой значимости этих органов в контексте проводимой большевиками политики в период переписи. С другой стороны, структуры РКП(б) в губернии явно нуждались в усилении, чем объясняется повышенная активность со стороны партийного центра в этом направлении в начале 1920-х гг.⁷²

Сформировать представление о типичном коммунисте-руководителе помогут данные о возрасте (табл. 7.10) и уровне образования.

Руководители-коммунисты в Екатеринбургской губернии были людьми довольно молодыми: в выборке не зафиксировано никого старше 49 лет. Моложе прочих были партийные и советские руководители, а также деятели кооперации. Относительно более опытными следует считать профсоюзных, советских и кооперативных лидеров.

Что из себя представляли руководители в возрасте до 20 лет? В одном случае это партийный работник, 19-летний уполномоченный

⁷² Подробнее об этом см. п. 3.2.

Каменского политбюро, ремесленник по происхождению, окончивший трехлетнюю сельскую школу и партшколу, с опытом советской и профсоюзной работы, не служивший в армии. В другом – председатель Покровского волысполкома, 18 лет, по происхождению крестьянин, с начальным образованием и опытом партийной работы, участник Гражданской войны. Еще один вариант восходящей карьеры – волостной комсомольский организатор, 19 лет, бывший кузнец, с начальным образованием и опытом службы в армии.

Таблица 7.10

**Распределение руководящих работников
Екатеринбургской партийной организации по возрасту,
в % к численности группы***

Возрастная группа, лет	Сфера руководства				
	Партия	Профсоюзы	Советские органы	Хозяйственные органы	Кооперация
До 20	4,76	0,00	3,45	0,00	0,00
20–29	38,10	28,57	34,48	25,00	38,46
30–39	33,33	42,86	52,87	58,33	38,46
40–49	14,29	28,57	9,20	16,67	23,08
Нет данных	9,52	0,00	0,00	0,00	0,00
Всего:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

В начале 1920-х гг. карьерную перспективу давали партийная и советская работа. Возможно, поэтому эти сферы деятельности и привлекали молодежь. Уже через несколько лет советская работа станет существенно менее престижной в сравнении с партийной. В приведенных примерах обращает на себя внимание наличие образования у всех молодых руководителей (хотя бы и начального).

Пример с заведующим губернским отделом народного образования, имевшим партстаж с 1904 г., рабочее происхождение и неполное начальное образование, убедительно демонстрирует вторичность фактора образования для занятия руководящей должности в сравнении с партийным стажем и социальным происхождением. Тем не менее, попробуем оценить значимость фактора образования в разных сферах партийного руководства (табл. 7.11).

О высшем образовании в анкетах заявили два респондента-руководителя. В одном случае это была 38-летняя выпускница Высших женских курсов, возглавлявшая отдел в уездном горкоме РКП(б), в другом – работник Златоустовского фабзавкома, 29-летний студент Петроградского политехнического института. Оба вступили в партию недавно – в 1920 г.

Таблица 7.11

**Распределение руководящих работников
Екатеринбургской партийной организации по уровню
образования, в % к численности группы***

Образование	Сфера руководства				
	Партия	Профсоюзы	Советские органы	Хозяйственные органы	Кооперация
Начальное, самоучка	71,43	71,43	75,86	83,33	96,00
Начальное и партшкола или рабфак	14,29	4,76	5,75	0,00	4,00
Среднее	9,52	19,05	17,24	16,67	0,00
Высшее	4,76	4,76	0,00	0,00	0,00
Всего:	100	100	100	100	100

* Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Обращает на себя внимание значимость партийного образования (совпартшкол) для партийной карьеры. Характерно, что в перечне видов и форм образования, полученных партийным руководителем, отсутствуют ускоренные курсы при действующей армии периода Гражданской войны, в большом количестве встречающиеся в других анкетах партийной переписи.

В приведенном выше комментарии к табл. 7.10 о крестьянине – советском работнике – упоминается его боевой опыт. Важно понять, в какой степени служба в РККА и участие в Гражданской войне способствовали занятию руководящей должности (табл. 7.12).

Налицо примерно равное распределение доли служивших в РККА между группами руководителей в разных сферах. Кроме того, как видим, по показателю службы в РККА руководители практически не выделялись по сравнению с другими коммунистами. Это означает, что в начале 1920-х гг. служба в армии еще не выполняла функцию социального лифта.

Таблица 7.12

Распределение руководящих работников Екатеринбургской партийной организации по службе в РККА и участию в боевых действиях, в % к численности группы*

Отношение к военной службе	Сфера руководства					Все коммунисты
	Партия	Профсоюзы	Советские органы	Хозяйственные органы	Кооперация	
Служили в РККА	52,38	47,62	46,51	58,33	57,69	53,26
Из них участвовали в боевых действиях, %	45,45	60,00	57,50	71,43	66,67	53,61

* Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Для завершения социального портрета партийных руководителей проанализируем их семейное положение (табл. 7.13).

Таблица 7.13

Распределение руководящих работников Екатеринбургской партийной организации по количеству членов семьи, в % к численности группы*

Размер семьи, чел.	Сфера руководства					Все коммунисты
	Партия	Профсоюзы	Советские органы	Хозяйственные органы	Кооперация	
1	9,52	14,29	8,14	8,33	0,00	14,52
2–4	33,33	52,38	51,16	50,00	30,77	47,58
5–8	47,62	28,57	37,21	41,67	65,38	34,39
9 и более	9,52	4,76	3,49	0,00	3,85	3,51
Всего:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Доля одиночек среди руководителей-коммунистов была несколько ниже, чем по парторганизации в целом. Размер семьи партийных руководителей, очевидно, выше среднего (высокая доля средних семей от 5 до 8 чел. и больших семей от 9 чел.), что свидетельствует о сохранении традиций семейно-брачного поведения. Чаще всего малая семья встречается в среде профсоюзных деятелей, а также советских и хозяйственных работников.

Портрет типичного руководителя-коммуниста в Екатеринбургской партийной организации в 1922 г. представлен в табл. 7.14.

Таблица 7.14

Обобщенные характеристики руководителей-коммунистов*

Характеристики	Сфера руководства				
	Партия	Профсоюзы	Советские органы	Хозяйственные органы	Кооперация
Партийный стаж, лет	2–3	3–4	2–3	3–4	2–3
Социальное происхождение	Крестьянин или рабочий	Рабочий	Рабочий или крестьянин	Рабочий или служащий	Крестьянин или рабочий
Возраст (модальное значение), лет	27,9	34,5	32,7	34,0	30,0
Образование	Начальное, совпартшкола	Начальное	Начальное	Начальное	Начальное
Служили в Красной армии	Более половины	Менее половины	Менее половины	Более половины	Более половины
Размер семьи, чел.	5–8	2–4	2–4	2–4	5–8

* Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

«Оживить» эти сведения помогает информация, сохранившаяся в некоторых личных делах коммунистов. Вот, например, аттестация партийного работника:

«Абакумов Павел Степанов[ич], [данные о возрасте и партийном стаже отсутствуют], хочет учиться политической работе, член Невьянской парторганизации... Партийно-советская школа (1921), знаком

с науками: история партии, политическая экономия, исторический материализм, история революционного движения. Назначен уездным инструктором в Кыштымский район из Екатеринбурга (1921). [Из характеристики:] “Своеобразный тип работника уездного, а то и деревенского масштаба. Политические знания ничтожны, но за все берет-ся смело, решительно, неся много ерунды (с большим пафосом...)”⁷³.

Так выглядел вполне авторитетный советский работник:

«Абдулов Шакир Гафматович, 25 лет, окончил медресе, по-русски учился грамоте самоучкой, из крестьян, в партии с 1917 г., во время Первой мировой войны – офицер, служил в РККА, политработник, в боях не участвовал, в 1922 году работает в исполкоме Белевеевского уезда, является членом президиума уисполкома, членом увоенревкома, членом парткома. Имеет малокровие и туберкулез. <...>. [Из характеристики:] “Товарищ вполне подготовленный по политической и советской работе, имеет практический опыт 3-х с половиной лет. Отрицательных сторон укомом не замечено. <...> Вне исполнения должности – организатор райкомов, агитатор по вопросам советского строительства и истории партии РКП(б) и по задачам газетной работы татарской газеты”»⁷⁴.

В характеристиках советских работников нередко встречается указание на пассивность либо на недостаточную теоретическую зрелость. Например, о члене коллегии упродкома и уполномоченном по снабжению Красной армии из Бирска читаем:

«Знаком с азбукой коммунизма, политической экономией и др. Читал “Капитал” Маркса <...>. Работник уездного масштаба. Хотя и имеет инициативу, все же вяловат. Дисциплинирован, выдержан, склонен к мелкобуржуазным привычкам личного благополучия. С партийной этикой не знаком, но не нарушает ее и предан ей [т. е. партии. – О. Г.]. К карьеризму не склонен»⁷⁵.

А вот портрет типичного хозяйственного руководителя:

«Байнов Николай Николаевич, 33 года, образование среднее, в партии с 1919 г., Шадринск, начальник участка Пермской железной дороги, в армии не служил, “хороший работник по службе пути, приемлемый администратор по этой же отрасли, член партии надежный и выдержанный. Требуется марксистской теоретической подготовки”»⁷⁶.

⁷³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557. Л. 9–10 а об.

⁷⁴ Там же. Л. 13–14 об.

⁷⁵ Там же. Д. 558. Л. 75–76 об.

⁷⁶ Там же. Д. 560. Л. 85–86 об.

Итак, партийная перепись 1922 г. зафиксировала положение руководящих кадров Екатеринбургской партийной организации на исходе «протономенклатурного» периода, длившегося с 1919 по 1923 г. Для этого времени было характерно отсутствие согласованной политики назначения управленцев вследствие дефицита кадров, причем складывается впечатление, что далеко не всегда партийные руководители в губернии были на первых ролях в сравнении с советскими, профсоюзными и хозяйственными чиновниками. Можно также отметить, что в начале 1920-х гг. руководители по базовым социальным параметрам мало отличались от рядовых коммунистов.

7.3. «На страже революции»: служащие силовых ведомств

В государственной системе власти к силовым относятся органы охраны общественного порядка, государственной безопасности и вооруженные силы⁷⁷. В условиях вооруженной диктатуры первых лет советской власти четко структурировать имевшиеся органы управления по наличию силовых функций затруднительно, поскольку чрезвычайными полномочиями наделялись различные, нередко временные, организации, создававшиеся для выполнения конкретной задачи, типа продотрядов.

Помимо РККА⁷⁸, в первые послереволюционные годы наиболее значимыми силовыми структурами были ВЧК (впоследствии – ГПУ), ревтрибуналы, части особого назначения (ЧОН), а также милиция.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией (ВЧК) была образована 7 (20) декабря 1917 г. при Совете народных комиссаров⁷⁹. Первоначально полномочия комиссии определялись довольно узко: «комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения»⁸⁰. Итоги расследования следовало передавать в Следственную комиссию при Революционном трибунале, а работа комиссии должна была протекать «при ближайшем наблюдении Народных комиссариатов юстиции и внутренних дел»⁸¹.

⁷⁷ См., напр.: *Мухаев Р. Т.* Политология : учеб. для студентов вузов. М., 2006.

⁷⁸ См. также п. 6.6.

⁷⁹ См.: Из протокола № 21 заседания СНК от 7 (20) декабря 1917 г. // В. И. Ленин и ВЧК : сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 37.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ ПРАВКА проекта Постановления СНК о разграничении функций между Народным комиссариатом юстиции и ВЧК от 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) // В. И. Ленин и ВЧК. С. 44.

С началом Гражданской войны полномочия ВЧК постепенно расширялись, а методы работы становились все более жесткими. В мае 1918 г. на заседании Политбюро было принято решение «вести в практику приговоры к смертной казни за определенные преступления»⁸², и уже в июне был вынесен первый смертный приговор. После издания постановления СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре»⁸³ эта практика стала обычной, при этом право вынесения приговоров передавалось от ВЧК в ревтрибуналы. В феврале 1919 г. постановление ВЦИК закрепило за чрезвычайными комиссиями «право непосредственной расправы для пресечения преступлений» при наличии вооруженных выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении⁸⁴. Тем самым помимо следственных были легализованы судебные функции ВЧК. Они были конкретизированы в постановлении ВЦИК в июне 1919 г.⁸⁵ В телеграмме за подписью Ф. Э. Дзержинского, отправленной прифронтовым ЧК в январе 1920 г., говорилось: «Во всей полосе, подчиненной фронтам, за губчека и гражданскими трибуналами по постановлению Президиума ВЦИК сохраняется право непосредственной расправы, т. е. расстрела за преступления, упомянутые в постановлении ВЦИК от 22 июня 19[20] года»⁸⁶.

Такого рода широкие полномочия, и не только в прифронтовой полосе, влекли за собой неизбежные злоупотребления, особенно в провинции⁸⁷. О. Б. Мозохин, полемизируя с Р. Конквестом, определившим число расстрелянных в 140 тыс. чел., утверждает, что всего жертвами внесудебной деятельности ВЧК стало около 50 тыс. чел.⁸⁸

С окончанием Гражданской войны встал вопрос о пересмотре характера деятельности ВЧК. Выступая в декабре 1921 г. на IX Все-

⁸² Малько А. В., Жильцов С. В. Смертная казнь в России : История. Политика. Право. М., 2003. С. 109.

⁸³ См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 2000. С. 15.

⁸⁴ См.: О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами : постановление ВЦИК от 17 февраля 1919 г. // В. И. Ленин и ВЧК. С. 155.

⁸⁵ Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении : постановление ВЦИК от 22 июня 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5 : 1 апреля–31 июля 1919 г. М., 1971. С. 295–296.

⁸⁶ Телеграмма всем прифронтовым ЧК об их правах от 29 января 1920 // Альманах «Россия. XX век». Арх. А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1018597> (дата обращения: 08.08.2018).

⁸⁷ См., напр.: Проект циркулярного письма о порядке производства арестов и заочках ВЧК [23.03.1920] // Альманах «Россия. XX век». Арх. А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1018629> (дата обращения: 08.08.2018).

⁸⁸ Мозохин О. Б. Правовое регулирование внесудебных полномочий ВЧК // Мозохин.ру. Из истории органов государственной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://mozohin.ru/article/a-10.html> (дата обращения: 08.08.2018).

русский съезд Советов, В. И. Ленин заявил, что «необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими. Перед нами сейчас задача развития гражданского оборота – этого требует новая экономическая политика, – а это требует большей революционной законности»⁸⁹.

В итоге 6 февраля 1922 г. в рамках общего упорядочения структуры силовых органов ВЧК была распущена. Функция обеспечения государственной безопасности была возложена на Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР, а выполнение задачи соблюдения «социалистической законности» было передано Наркомату юстиции РСФСР, при котором в мае 1922 г. была учреждена прокуратура⁹⁰.

С органами ВЧК очень тесно была связана деятельность Ревтрибунала. О создании революционных трибуналов «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц было» объявлено в декрете о суде № 1⁹¹. В ст. 8 декрета оговаривался рабоче-крестьянский характер трибуналов, а также их состав (один председатель и шесть заседателей, избираемых местными Советами)⁹². Активная идеологическая риторика, очевидно, использовалась для придания легитимного характера новым карающим органам.

Статус и содержание деятельности ревтрибуналов были уточнены в Инструкции революционному трибуналу, изданной 19 ноября 1917 г.⁹³ В мае 1918 г. в компетенцию ревтрибуналов были включены новые виды деятельности, одновременно определялось, что они могли создаваться лишь в губернских городах, на узловых станциях и в промышленных центрах⁹⁴. В отсутствие уголовного законода-

⁸⁹ Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов. 23–28 декабря 1921 г. : О внутренней и внешней политике Республики : Отчет ВЦИК и СНК // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 328.

⁹⁰ См.: Положение о прокурорском надзоре : постановление ВЦИК от 28.05.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1922. № 36. Отд. первый. Ст. 424–425.

⁹¹ О суде : декрет от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 124–126.

⁹² См.: Там же. С. 125–126.

⁹³ См.: О революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний : инструкция Революционному Трибуналу // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 181–183.

⁹⁴ О революционных трибуналах : декрет от 4 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 234; см. также: Павлов Д. Б. Трибунальный этап советской судебной системы // Вопр. истории. 2007. № 6. С. 3–16.

тельства (первый советский Уголовный кодекс был принят только в 1922 г.) ревтрибуналы имели неограниченные полномочия в вынесении приговоров, при этом им предлагалось руководствоваться «революционной целесообразностью»⁹⁵. Возвращение смертной казни в практику судопроизводства в мае 1918 г. еще более расширило полномочия трибуналов. Тогда же был учрежден Ревтрибунал при ВЦИК, предназначенный для рассмотрения наиболее важных дел, а впоследствии также игравший роль кассационного органа. В июне 1921 г. был издан декрет «Об объединении всех революционных трибуналов республики», призванный упорядочить деятельность карательных органов в условиях мирного времени⁹⁶.

Как можно судить по перечисленным выше документам, характеризующим деятельность ВЧК в 1919–1920 гг., разная ведомственная принадлежность не мешала органам ВЧК и ревтрибуналам дополнять друг друга, а при необходимости – заменять. Ревтрибуналы, видимо, были более удобны для обоснования легитимности карательной деятельности, что весьма пригодилось при подавлении крестьянских восстаний 1920–1921 гг.⁹⁷

Следует принять во внимание, что параллельно с ревтрибуналами действовали революционные военные трибуналы, учрежденные осенью 1918 г. и подчиненные Реввоен трибуналу Республики. Эти органы, помимо судопроизводства по военным преступлениям, занимались также делами о бандитизме среди гражданских лиц. Реввоен трибуналы действовали до судебной реформы, проведенной в октябре 1922 г.⁹⁸

Еще одной силовой структурой, функционировавшей в ранне-советские годы, были части особого назначения (ЧОН). Они были созданы на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и др. Первоначально они состояли только из коммунистов и кандидатов в члены партии.

В этом смысле принадлежность к ЧОН можно рассматривать в качестве своеобразной идеологической характеристики коммуни-

⁹⁵ См.: Колотков М. Б. Революционные трибуналы Советской России в 1917–1922 гг.: организационное строительство и правовая деятельность (на примере Курской губернии) // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 69–70.

⁹⁶ См.: Революционные трибуналы // Большая российская энциклопедия. М., 2015. Т. 28. С. 295–296.

⁹⁷ О роли ревтрибуналов при подавлении Западно-Сибирского восстания см.: «Судить буду группой по волостям»: документы Госархива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. / публ. М. И. Вебера // Отеч. арх. 2016. № 6. С. 88–103.

⁹⁸ См.: Реввоен трибуналы // Большая российская энциклопедия. Т. 28. С. 291–292.

ста. Однако одновременно следует иметь в виду, что, во-первых, уже с августа 1919 г. в ЧОН стали включать комсомольцев и беспартийных, а во-вторых, период становления этой структуры совпал с массовыми наборами в партию, т. е. контингент чоновцев не был политически однородным.

Истоки появления ЧОН следует искать в попытках создания «красной гвардии» в период подготовки большевистской революции, а позже – в директиве ЦК РКП(б) партийным организациям, изданной в марте 1918 г., о необходимости вооружения коммунистов и обучения их военному делу⁹⁹. Система ЧОН не была централизованной: первые отряды возникли в Петрограде и Москве, затем в центральных губерниях РСФСР. ЧОН участвовали во фронтовых операциях. В марте 1921 г. на фоне Кронштадтского восстания ЦК партии принял решение о включении ЧОН в состав милиционных частей Красной армии на основании решения X съезда РКП(б). Личный состав ЧОН делился на кадровый (ок. 40 тыс. чел. по состоянию на декабрь 1921 г.) и милиционный (323 тыс. чел.). Кадровые чоновцы набирались из особо преданных делу революции членов партии, имевших военный и организационный опыт. «Милиционщиками» автоматически становились все члены РКП(б) и РКСМ и кандидаты¹⁰⁰. В 1924–1925 гг. части ЧОН были расформированы¹⁰¹. Название ЧОН для обозначения этой структуры укоренилось позже, а на практике до середины 1921 г. употреблялась аббревиатура ОСНАЗ, т. е. отряды специального назначения¹⁰².

Как отмечает И. С. Сильченко, в Екатеринбургской губернии целесообразность создания ЧОН видели прежде всего в необходимости поддержания контроля над крестьянским населением. Поэтому один из первых отрядов был создан в политически нестабильном Шадринском уезде. Ввиду недостатка мужского населения трудоспособного возраста, годного к военной службе, в состав отрядов ОСНАЗ – ЧОН нередко включали женщин. Численность самого большого, Екатеринбургского, отряда не превышала 500 чел., а общее количество бойцов

⁹⁹ См.: *Лошманова О. А.* Организационно-кадровые проблемы становления Частей особого назначения (ЧОН) Калужской губернии 1919–1924 гг. // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-kadrovye-problemy-stanovleniya-chastey-osobogo-naznacheniya-chon-kaluzhskoy-gubernii-1919-1924-gg> (дата обращения: 10.08.2018).

¹⁰⁰ См.: *Сильченко И. С.* Организационно-кадровые проблемы формирования отрядов и частей особого назначения Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. // Вестн. Омск. ун-та. 2018. № 1. С. 84.

¹⁰¹ См.: *Юрова Н. М.* Части особого назначения // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. Феллахи – Жалайнор. М., 1974. Ст. 825–826.

¹⁰² См.: *Сильченко И. С.* Организационно-кадровые проблемы... С. 82.

ЧОН в губернии исследователь оценивает в 1 300 – 1 500 чел., что было значительно меньше, чем в центральных губерниях. Уровень военной подготовки членов ЧОН также был различным, и по этому признаку негласно выделялись отряды «первого» и «второго» сорта¹⁰³.

Первоначально предполагался жестко-мобилизационный характер привлечения в состав ЧОН под страхом исключения из партии, но уже в ноябре 1919 г. отмечено существование особых списков «на товарищей, которые, в силу своего служебного положения, в решающий момент должны оставаться на местах и не могут действовать в составе отряда, и на товарищей, которые по состоянию здоровья не могут состоять в отряде»¹⁰⁴. Общероссийская практика такого рода с определением очередности призыва была установлена только в сентябре 1921 г., после утверждения ЦК РКП(б) «Положения о ЧОН»¹⁰⁵.

В условиях большого размаха крестьянских антибольшевистских восстаний в 1921 г. в составе ЧОН появились кавалерийские, артиллерийские и броневые части, поскольку очень быстро обнаружили слабость и неэффективность «коммунарских» формирований (еще одно название ЧОН). С этой же целью в октябре 1921 г. было принято решение унифицировать систему организации ЧОН¹⁰⁶.

По сравнению с другими силовыми структурами (армией, ВЧК и ревтрибуналами) роль ЧОН была довольно скромной. Хотя отряды ЧОН Екатеринбургской губернии и принимали участие в борьбе с бандитизмом и подавлении крестьянских восстаний¹⁰⁷, они играли в большей степени психологическую роль и были призваны продемонстрировать наличие у правящей партии вооруженных отрядов. Основной специализацией ЧОН считались политический бандитизм, «не имеющий организованного характера», и охрана общественного порядка в городах¹⁰⁸.

Между тем, по данным И. С. Сильченко, к середине 1923 г. из девяти членов руководящего штаба ЧОН Екатеринбургской губернии только три человека были членами РКП(б): отбор по партийному принципу в конце концов оказался неэффективным, а на первое место вышли военный и руководящий опыт¹⁰⁹.

¹⁰³ См.: *Сильченко И. С.* Организационно-кадровые проблемы... С. 82–84; см. также: *Кулаков Д. С.* Части особого назначения Екатеринбургской губернии // Персональный сайт Дмитрия Кулакова. URL: <http://demos.eetk.ru/special.html> (дата обращения: 10.08.2018).

¹⁰⁴ *Сильченко И. С.* Организационно-кадровые проблемы... С. 83.

¹⁰⁵ См.: Там же.

¹⁰⁶ См.: Там же. С. 85.

¹⁰⁷ См.: *Кулаков Д. С.* Части особого назначения Екатеринбургской губернии.

¹⁰⁸ См.: Там же.

¹⁰⁹ См.: *Сильченко И. С.* Организационно-кадровые проблемы... С. 86–87.

Борьбой с уголовными преступлениями и поддержанием общественного порядка были также призваны заниматься органы милиции. При этом первоначальные представления о милиции у большевиков были вполне идеалистическими, о чем позволяет судить работа В. И. Ленина «Письма из далека», написанная в марте 1917 г. В ней говорилось следующее:

«Какая милиция нужна нам, пролетариату, всем трудящимся? Действительно народная, т. е., во-первых, состоящая из всего поголовно населения, из всех взрослых граждан обоего пола, а во-вторых, соединяющая в себе функции народной армии с функциями полиции...

В Питере около 2 миллионов населения... <Из них вполне реально привлечь> 750 000 человек, которые, работая в милиции, допустим, 1 день из 15 (и продолжая получать за это время плату от хозяев), составили бы армию в 50 000 человек»¹¹⁰.

Попытка создания такой милиции была предпринята вскоре после прихода большевиков к власти. 10 ноября 1917 г. Наркомат внутренних дел СНК издал постановление «О рабочей милиции», подчиненной городским Советам¹¹¹. О создании каких-либо форм милицейского аппарата речи не шло, поскольку, в духе ленинских планов, милиция мыслилась как форма самоорганизации трудового народа «на основе добровольной, временной и безвозмездной службы»¹¹².

Идея «всеобщего вооружения народа» была окончательно отвергнута к осени 1918 г., и советская власть стала создавать милицию как штатный государственный орган охраны правопорядка. Этот взгляд в полной мере отразился в инструкции НКВД и Наркомюста «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции», изданной осенью 1918 г.¹¹³ Инструкция определяла статус милиции в качестве органа рабоче-крестьянской власти на местах, состоящего в ведении

¹¹⁰ Ленин В. И. Письма из далека : Письмо 3. О пролетарской милиции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 42.

¹¹¹ См.: О рабочей милиции : постановление по Народному Комиссариату по Внутренним Делах от 10.11.2017 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 16.

¹¹² Кольцова Е. Первые шаги милиции // Новое знамя : общ.-полит. газ. Белоярск. гор. округа. 2017. 22 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://bel-gazeta.ru/2017/11/22/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D1%88%D0%B0%D0%B3%D0%B8-%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8/> (дата обращения: 11.08.2018).

¹¹³ См.: Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция) : постановление Народных Комиссариатов по Внутренним Делах и Юстиции от 17.10.2018 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 1031–1037; Степанов М. М. Особенности строительства милиции в годы гражданской войны // Ленинград. юрид. журн. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-stroitelstva-militsii-v-gody-grazhdanskoy-voyny> (дата обращения: 11.08.2018).

местных Советов и подчиняющегося общему руководству НКВД. Принцип двойной подчиненности существовал и в дальнейшем. В зависимости от размера населенных пунктов в них создавались органы уездной либо городской милиции. На уровне губернии в штат управления милиции входили заведующий, инструкторы, начальники уездной или городской милиции, их помощники, участковые и их помощники, старшие милиционеры и милиционеры. Кроме того, для работы в милиции на добровольных началах или на основе повинности могли привлекаться местные жители¹¹⁴.

На милицию возлагались охрана порядка в общественных местах и личной безопасности граждан; содействие государственным органам; наблюдение за исполнением гражданами запретов и распоряжений центральной власти; контроль санитарного состояния и благоустройства территории; выдача удостоверений личности, трудовых книжек и т. д.¹¹⁵

Тогда же, в октябре 1918 г., начала формироваться единая система уголовного розыска при НКВД, и при губернских отделениях милиции стали создаваться соответствующие подразделения для «охраны революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом»¹¹⁶.

Логика Гражданской войны определяла неизбежную дальнейшую военизацию милиции. Изданный в апреле 1919 г. декрет СНК уточнил характер участия милиции в боевых действиях, обязательным становилось обучение милиционеров военному делу. Определенной автономией пользовалась железнодорожная, речная и промышленная милиция. Подобно описанному выше слиянию функций ВЧК и Ревтрибуналов, к 1919 г. органы милиции действовали в тесном контакте с ВЧК. Организационной основой для такого взаимодействия стало создание политических бюро при уездных начальниках милиции¹¹⁷.

После окончания Гражданской войны, в 1921–1922 гг., произошло резкое сокращение органов милиции (до 60 %), а ее содержание было возложено на местные бюджеты¹¹⁸.

¹¹⁴ См.: *Степанов М. М.* Особенности строительства милиции в годы гражданской войны.

¹¹⁵ См.: *Семенов А. И.* Создание советской милиции // *Правопорядок: история, теория, практика.* 2017. № 3 (14) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-sovetskoy-militsii> (дата обращения: 11.08.2018).

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ См.: Там же.

¹¹⁸ См.: *Органы внутренних дел в 20-е годы* // *Демин В. А., Иванов В. Е., Лучинин А. В., Ляушин В. П.* Очерки истории органов внутренних дел Российского государства [Электронный ресурс]. URL: http://adhdportal.com/book_3243_chapter_12_X_Organy_vnutrennikh_del_v_20-e_gody.html (дата обращения: 11.08.2018).

Кадровый голод и организационная рыхлость силовых структур, создаваемых большевиками в первые послереволюционные годы, были причиной невысокого уровня компетенции исполнителей и неопределенности в определении круга их обязанностей. В условиях Гражданской войны это неизбежно вело к распространению практики «чрезвычайщины», наносящей вред авторитету власти. Параллельная деятельность различных силовых органов в решении одних и тех же вопросов, с одной стороны, была следствием неограниченных межведомственных полномочий, а с другой, выглядела совершенно неизбежной в условиях жесткого противоборства как в борьбе с «белыми», так и на этапе подавления большевиками крестьянских восстаний в 1920–1921 гг. Попытки нормативного регулирования взаимодействия Красной армии, ВЧК, ревтрибуналов, ЧОН и милиции в разнообразных сочетаниях отражали стремление советской власти совладать с созданной ею многоуровневой пирамидой из вооруженных людей. Система нуждалась в оптимизации, поэтому в период 1922–1925 гг. была проведена реформа силовых ведомств.

Среди многочисленных парамилитарных (полувоенных) образований периода Гражданской войны следует также отметить продотряды, которые стали массово появляться после установления продовольственной диктатуры в мае 1918 г. По большей части они состояли из вооруженных рабочих, солдат и матросов и подчинялись Военно-продовольственному бюро ВЦСПС и его местным органам. Продотряды, обычно численностью 25–30 чел., в основном состояли из беспартийных рабочих и возглавлялись комиссаром – членом РКП(б). В своей работе они сочетали методы убеждения и принуждения¹¹⁹. На Урале первые продотряды появились в начале 1918 г. и активно действовали в Прикамье на путях стихийной транспортировки зерна¹²⁰.

Всероссийская партийная перепись 1922 г. отразила ситуацию, когда вышеназванные силовые структуры еще продолжали существовать в системе координат, заданной Гражданской войной, а их переориентация на мирную деятельность только начиналась.

В выборке из 600 записей в 122 анкетах (20,36 %) указана принадлежность к одной из силовых структур (категории «РККА», «милиция», «ЧК» и «ЧОН»). Интересно, что в период 1917–1922 гг., т. е. во время интенсивных военных действий, количество «силовиков» было

¹¹⁹ См.: *Шишкин В. И.* Продовольственные отряды в Сибири (июль 1920 – май 1921 г.) // Социально-политическое развитие советской сибирской деревни. Новосибирск, 1980. С. 93–129.

¹²⁰ Продовольственная разверстка (Продразверстка) // Уральская историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-15-1646-prodovolstvennaya-razverstka-prodravzverstka.html> (дата обращения: 13.08.2018).

даже немного меньше – 117 чел., или 19,53 %. По характеру службы они распределялись следующим образом (табл. 7.15).

Таблица 7.15

Распределение коммунистов – служащих силовых ведомств – по видам деятельности, %*

Структура	1917–1921	На момент опроса
РККА	80,17	50,82
ВЧК	8,62	13,93
Милиция	11,21	31,97
ЧОН	0,00	3,28
Всего:	100,00	100,00

* Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

В табл. 7.15 хорошо виден переход от военной к гражданской занятости: бывшие красноармейцы активно пополняли ряды ВЧК и особенно милиции. Что касается частей особого назначения, то в рамках данного подраздела имеет смысл говорить только об их кадровой части, поскольку в милиционные подразделения, как упоминалось выше, автоматически записывали всех членов РКП(б). О вхождении в штаб ЧОН сообщили только три коммуниста, что позволяет судить о незначительной роли этой организации в ряду приоритетов РКП(б) в начале 1920-х гг. Напротив, значение органов безопасности (ЧК) и охраны правопорядка возрастало.

Доля чекистов среди членов Екатеринбургской организации РКП(б) составляла 2,83 % по выборке из 600 записей и 2,31 % по всему обработанному массиву из 10 097 записей. Несущественные различия в показателях (0,52 %) в очередной раз свидетельствуют о репрезентативности малой выборки.

Анализ динамики занятости коммунистов в период с 1917 по 1922 гг. демонстрирует подвижность кадрового состава членов ВЧК: менее 1,4 из них (23,5 %), начав работу в ВЧК в годы Гражданской войны, продолжали эту деятельность ко времени проведения переписи; 58,8 % прежде работали в других силовых структурах. Возможна была и обратная трансформация: 20 % прежних чекистов ко времени проведения переписи стали гражданскими, а 33 % перешли на работу в милицию. Похожая ситуация и с военнотружущими: только 26 из 62 военнотружущих (41,93 %), попавших в выборку, по состоянию на 1922 г. подтвердили военную службу в качестве своего основного занятия. Среди милиционеров таких было еще меньше – 17,94 %.

По силовым структурам в целом к 1922 г. (с учетом миграции из одной силовой службы в другую) менее половины коммунистов, прежде служивших в силовых органах (45,08 %), остались работать в данной сфере к 1922 г. Это позволяет сделать вывод о том, что социальная структура Советской России в начале 1920-х гг. находилась в стадии активного формирования.

Кто мог рассчитывать на службу в силовых структурах?

Фактор партийного стажа был наиболее значимым для работников ВЧК: среди них наиболее высока доля вступивших в партию до 1919 г. (табл. 7.16)

Таблица 7.16

Распределение членов ВКП(б) – служащих силовых ведомств – по партийному стажу (по месту службы на момент переписи), в % к численности группы*

Партийный стаж	Силовая структура			Все силовики	Все коммунисты
	РККА	ВЧК	Милиция		
До 1917 г.	0,00	5,88	0,00	0,82	1,34
1917–1918	24,19	29,41	25,64	25,41	23,37
1919–1920	59,68	47,06	64,10	59,84	66,44
С 1921 г.	16,13	17,65	7,69	13,11	6,18
Нет данных	0,00	0,00	2,56	0,82	2,67
Всего:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

* Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

С другой стороны, объектами массовых кампаний по приему в партию в 1919–1920 гг. чаще других становились работники милиции. Характерно, что среди служащих РККА и чекистов доля вступивших в партию в 1921–1922 г. почти в три раза выше, чем по Екатеринбургской парторганизации в целом. Причины этого явления различны. Для молодых выходцев из крестьян служба в армии в сочетании с членством в РКП(б) сулила неплохие карьерные перспективы. Как увидим далее, именно в РККА было больше всего и молодежи, и крестьян. Что касается ВЧК, то специфика деятельности этой структуры предполагала членство в партии, и в условиях отмеченной выше высокой текучести кадров в силовых органах беспартийные чекисты-новобранцы стремились в кратчайший срок стать коммунистами.

В табл. 7.17 содержатся данные о возрастном составе силовых структур. Наибольшее количество молодежи до 20 лет и в возрастной группе 20–29 лет отмечается среди служащих Красной армии, что объяснимо с учетом недавно прошедших массовых наборов в партию, затронувших в первую очередь РККА. Показательно, что во всех силовых структурах доля молодежи в возрасте 20–29 лет оказывается выше среднего значения по партийной организации в целом (40,23 %). Это подтверждает тезис о функции силовых органов как социальных лифтов.

Таблица 7.17

Распределение членов ВКП(б) – служащих силовых ведомств – по возрасту (по месту службы на момент переписи), в % к численности группы*

Возраст, лет	Силовая структура			Все силовики	Все коммунисты
	РККА	ВЧК	Милиция		
До 20	4,84	0,00	0,00	2,46	2,84
20–29	79,03	58,82	58,97	68,85	40,23
30–39	16,13	35,29	25,64	22,13	36,56
40–49	0,00	5,88	12,82	5,74	15,53
50 и старше	0,00	0,00	0,00	0,00	3,34
Нет данных	0,00	0,00	2,56	0,82	1,50
Всего:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Наконец, табл. 7.18 дает представление о социальном происхождении силовиков. Как видим, в отношении членов ВЧК действовал довольно строгий принцип классового отбора: среди чекистов существенно больше рабочих и ремесленников, чем среди всех силовиков и по партийной организации в целом. Характерно, что в этой структуре наиболее высокой была и доля служащих, которых привлекали по факту наличия образования.

Красная армия комплектовалась в значительной степени за счет крестьян; доля крестьян в РККА (37,1 %) лишь ненамного превышает среднее значение по парторганизации (35,06 %). Милицию с полным

основанием можно считать рабоче-крестьянской структурой, а еще точнее – крестьянско-рабочей с учетом очевидного доминирования выходцев из крестьян среди милиционеров.

Таблица 7.18

Распределение членов ВКП(б) – служащих силовых ведомств – по основной занятости до 1917 г. (по месту службы на момент переписи), в % к численности группы*

Вид занятости	Силовая структура			Все силовики	Все коммунисты
	РККА	ВЧК	Милиция		
Рабочие	27,42	41,18	35,90	32,79	31,55
Ремесленники	11,29	17,65	12,82	12,30	10,18
Крестьяне	37,10	5,88	43,59	34,43	35,06
Служащие	12,90	17,65	0,00	9,84	11,52
Прочие	6,45	11,76	5,13	6,56	10,85
Нет данных	4,84	5,88	2,56	4,10	0,83
Всего:	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Обобщенные характеристики коммунистов – работников силовых ведомств в Екатеринбургской организации РКП(б) по состоянию на 1922 г. – выглядели следующим образом:

– РККА: преимущественно крестьяне в возрасте 20–29 лет, в партии около 2–3 лет, с начальным образованием (80 %);

– ВЧК: рабочие и служащие в основном в возрасте от 20 до 29 лет, но с существенной долей людей старше 30 лет, в партии 3–4 года, с начальным образованием (76 %);

– милиция: рабочие и крестьяне в возрасте до 30 лет или немного старше, в партии 2–3 года, все – с начальным или домашним образованием.

Среди служащих силовых ведомств практически отсутствуют женщины, хотя для периода 1917–1921 гг. отмечено несколько таких случаев.

Работники ВЧК явно выделялись среди прочих силовиков по фактору социального происхождения и партийного стажа, что подтверждает мысль об их более привилегированном статусе в формирующейся социальной иерархии.

Плакат «Красная армия – часовой революции», 1930. Художник В. Штраних

С завершением Гражданской войны образ «человека с ружьем», призванный символизировать вооруженные массы трудового народа, поднявшегося на борьбу с эксплуататорами, постепенно отодвигался в прошлое и становился все менее осязаемым. Вряд ли реальные защитники правящего режима – служащие силовых ведомств начала 1920-х гг. – в полной мере соответствовали этому идеалу. На фоне послевоенной демобилизации в силовых структурах, часто принимавших непосредственное участие в боевых действиях, наблюдалась большая текучесть кадров. На смену выбывшим приходили самые разные люди. Вероятно, какая-то часть из них, особенно выходцы из деревни, видела в службе в военизированных структурах возможность сделать быструю карьеру. Но для многих принадлежность к армии, органам госбезопасности и охраны правопорядка была, ско-

рее всего, результатом сознательного идеологического выбора. И дополнительную уверенность в своей правоте им придавало членство в Коммунистической партии.

7.4. «Красная молодежь»: «социальный бульдозер» и стратегический резерв РКП(б)

В обществе модерна молодежь играет особую роль. Она является не просто социальной группой, характеризуемой определенными возрастными параметрами и находящейся в стадии социализации – переходе от детства к взрослости¹²¹. Ситуация перехода влияет на формирование особого психологического фона «ожидания», определяющего особенности поведения молодежи – это повышенная мобильность и восприимчивость; поиск идеала и стремление к подражанию; неудовлетворенность настоящим, нередко перерастающая в агрессивность; устремленность в будущее. Эти особенности переходного состояния в обычном режиме проявляются в оппозиции «отцы – дети». В условиях нестабильности, кризиса общества они могут перерасти в активное противостояние существующему общественному строю и политическому режиму. Тогда молодежь реализует функции «социального бульдозера»¹²². Советская история демонстрирует свой вариант социальной мобилизации молодежи, которая стала движущей силой преобразований 1920–1930-х гг. и символом нового общественного строя. «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым»¹²³ – писал В. Маяковский, отмечая особую роль молодежи в революции и коммунистическом строительстве.

«Бунтарская» роль молодежи проявляется уже в XVIII–XIX вв. на фоне разрушения патриархальности и формирования общества модерна, порождая такие модели поведения и сознания, как нигилизм, радикализм, экстремизм. Молодежь принимает на себя функции ревизии существующих в обществе ценностей, обновления, а в некоторых случаях способствует слому существующей социальной системы и созданию новой.

¹²¹ В. Т. Лисовский предложил определение молодежи: «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих образование, профессиональные, культурные и другие социальные функции» (см.: Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб., 1996). Игорь Кон определял молодежь как социально-демографическую группу, выделяющуюся на основе совокупности возрастных характеристик, особенности социального положения и обусловленную социально-психологическими свойствами (см.: Кон И. С. Социология молодежи // Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. М., 1988. С. 353–354.

¹²² См.: Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap. N. Y., 1970. P. 85.

¹²³ Маяковский В. В. «МЮД» // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 174.

Социальный феномен молодежи начинает активно изучаться в 1960-е гг., когда «молодежные революции» потрясли Европу и США. Но еще раньше немецкий социолог Карл Мангейм отмечал, что молодежь является важным ресурсом *обновления* общества, который, однако, необходимо организовывать, т. е. власть должна уделять внимание молодежной политике¹²⁴. В частности, он проанализировал опыт тоталитарных обществ, которые использовали потенциал молодежи, умело манипулируя психологией и интересами молодых.

В 1970-е гг. сложились несколько методологических подходов к изучению феномена молодежи. Прежде всего, следует отметить предложенную Маргарет Мид концепцию «социального бульдозера». Основное внимание она уделила изучению психологических особенностей молодежи, ее роли в современном обществе, а также механизмам влияния на будущее. Социальная активность молодежи, по ее мнению, зависит от степени организованности и уровня образования: имея более высокий образовательный уровень, новое поколение может противостоять давлению консервативной среды «взрослых» и становится носителем нового сознания. Именно поэтому М. Мид называла бунтующую молодежь 60-х гг. «агентами будущего в настоящем». Она отметила также такую особенность поведения молодых людей, как стремление к подражанию и особую привлекательность для них образа «победителя»¹²⁵.

Для понимания места и роли молодежи на различных этапах истории важны также идеи, изложенные в трудах Чарльза Рейха. Он обратил особое внимание на ментальные предпосылки «молодежных революций» 1960-х гг.: ее участники были носителями «нового сознания», которое Ч. Рейх обозначил термином «сознание-три». Им предшествовали поколения носителей двух других типов сознания – грубо-примитивного «сознания-один» – сознания героя эпохи первоначального накопления и «дикого капитализма», полуграмотного, агрессивного носителя существующих в обществе социально-культурных и политических предрассудков. Их сменяет молодежь с «сознанием-два», характерным для добропорядочного пассивного классического обывателя, выстраивающего свою жизнь в соответствии с законами и ценностями существующего общества. И только потом появляются носители «сознания-три», т. е. люди с творческим, независимым мышлением, ориентированные на будущее¹²⁶. Каждый из типов сознания отличается более высоким интеллектуальным и образовательным уровнем. Таким образом, для создания предпосылок

¹²⁴ См.: Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995. С. 441–446.

¹²⁵ См.: Мид М. Культура и мир детства : избр. произв. М., 1988. С. 344–347.

¹²⁶ См.: Reich C. The Greening of America. N. Y., 1970. P. 235–242.

«молодежной революции» необходимы время и появление в обществе критической массы носителей нового сознания, заинтересованных в качественных переменах.

На практике все три типа сознания сосуществуют в обществе параллельно. Меняется только их удельный вес, доля носителей всех типов сознания, определяя общий потенциал и нравственный фон молодежи. В этой связи, оценивая место и роль молодежи в обществе на определенном историческом этапе, важно реконструировать общий социальный портрет молодежи, уточнить соотношение типов сознания и характер их взаимодействия. В частности, преобладание в обществе носителей «сознания-один» ведет к подавлению, а нередко и к уничтожению носителей других типов сознания (два и три) как «еретиков», «чужих», «врагов». В этой роли, как правило, оказываются представители малочисленных социальных групп (интеллигенции или альтернативных молодежных субкультур).

Прежде чем мы перейдем к анализу материалов переписи, следует отметить, что в России носители «сознания-один» в среде молодежи преобладали в XX в. практически на всех этапах ее исторического развития: в начале века в силу общего низкого уровня образования юношества; в дальнейшем эта ситуация усугубляется демографическими катастрофами (Первая и Вторая мировые войны, Революция, Гражданская война). Создание условий для массовой интеллектуализации молодежи и появление критической массы представителей поколения с «сознанием-три» приходится на 1960–1980-е гг., что стало одной из предпосылок демократических реформ конца 1980-х гг.

Несмотря на общее преобладание в среде российской молодежи «сознания-один», в конце XIX – начале XX в. ее образованная часть, прежде всего студенты, заявила о себе как о реальной политической силе. Ядро революционных партий, в том числе РСДРП, было представлено молодежью – студенчеством и рабочими, постепенно занявшими руководящие посты в партии.

Полной статистикой по составу РСДРП мы не обладаем; в литературе имеются отрывочные данные о делегатах съездов партии, собранные мандатными комиссиями, но они весьма красноречивы. На V съезде РСДРП (1907) большевики-рабочие составляли 36 %, литераторы и представители других свободных профессий – 27 %, торгово-промышленные служащие – 11 % и т. д. Высшее образование имели 20 % большевистских делегатов, среднее – 32 %, начальное – 37 %, домашнее – 2 %, самоучками назвали себя 9 %. Средний возраст делегата-большевика был меньше 30 лет. Всего весной 1907 г. в РСДРП насчитывалось около 60 тыс. большевиков¹²⁷.

¹²⁷ См.: *Лельчук В. С., Тютюкин С. В.* Большевики // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 250.

Осенью 1917 г. в рядах большевиков насчитывалось уже не менее 350 тыс. членов¹²⁸. Анализ состава РСДРП(б) в 1917 г., проведенный современными исследователями, показывает, что ее руководители были в среднем моложе политических элит других партий, но менее образованными. Возраст половины представителей большевистской верхушки колебался в диапазоне от 26 до 35 лет (каждый пятнадцатый относился к возрастной группе 21–35 лет и был моложе 26 лет). Из руководителей кадетской партии только каждый пятнадцатый был в возрасте 31–35 лет, остальные гораздо старше (каждый третий, например, был старше 52 лет)¹²⁹. Около половины большевистских лидеров имели высшее и неполное высшее образование, 24 % – среднее; 30% – начальное и неполное среднее образование (для сравнения: высшее и неполное высшее образование имели соответственно 45 % и 37 % лидеров эсеров; 27 % и 42 % меньшевиков)¹³⁰.

Как видим, в начале XX в. молодежь шла в революцию «по убеждению», под влиянием идей обновления общества. Террор, вооруженная борьба, насилие рассматривались молодыми людьми как неизбежность, условие создания нового мира. А жертвенный образ революционера-героя, отдавшего свою жизнь за счастье человечества, стал нравственным ориентиром для многих.

После Октябрьского переворота ставка на молодежь как движущую силу революции сохранилась. Об этом свидетельствует практика набора новых членов в РКП(б) в годы Гражданской войны. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. было принято решение развернуть массовый набор в партию рабочей и крестьянской молодежи¹³¹. В свою очередь, юноши и девушки проявили активный интерес к вступлению в партию, хотя их мотивы были различными. Присутствовали как искреннее желание защитить молодую советскую власть, так и чисто прагматические цели, обусловленные настроениями конформизма или карьеризма. В результате заметно изменился состав партии: в рядах Екатеринбургской губернской организации РКП(б) подавляющее большинство составили коммунисты молодого и среднего возраста¹³². Таким образом, в начале 1920-х гг. молодежь, включая молодых людей, прошедших военную службу, в значительной степени определяла социальный облик всей партийной организации.

¹²⁸ См.: *Лельчук В. С., Тютюкин С. В.* Большевики. С. 259.

¹²⁹ См.: *Журавлев В. В.* РСДРП(б) – РКП(б) на этапе превращения в правящую партию (октябрь 1917–1920 г.) // Политические партии России: история и современность. С. 400.

¹³⁰ См.: Там же.

¹³¹ См.: *Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года : протоколы.* М., 1959. С. 423.

¹³² См.: *Воробьев С. В.* Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: историко-ведческое исследование материалов Всероссийской партийной переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 105.

Плакат «К седьмой годовщине Октябрьской революции. Старшим на смену молодая рать идет. Да здравствует комсомол!», 1924. Художник А. Самохвалов

Возрастные границы молодежи как социальной группы весьма условны и зависят от темпов социализации юношества. Применительно к индустриальному обществу фиксируется тенденция расширения возрастных границ «молодости» до 35 и более лет. Но наиболее распространенная точка зрения на возраст молодых – от 15 до 30 лет. Этот интервал был взят за основу для характеристики партийной молодежи. Их можно разделить на три группы, соответствующие этапам «взросления»: юность (до 19 лет); молодость (20–24 года); взрослые молодые (25–29 лет). Для каждого этапа взросления характерны свои психофизиологические особенности, а также определенный уровень социализации. Для «юных» можно говорить о начальной стадии вступления в мир «взрослых», наиболее конфликтной, отличающейся стремлением к самоопределению и тенденцией к противопоставлению себя взрослому обществу. Именно для этого возраста в боль-

шей степени характерен настрой на «бунт». Вторая стадия связана с более тесным включением в социальные институты – это создание собственной семьи, выбор профессии и жизненной стратегии. Третья стадия характеризуется достижением определенных результатов в семейной, общественно-политической и профессиональной сфере: рождение детей, получение образования, реализация карьерных планов. С учетом этих возрастных особенностей была проведена группировка, позволяющая выявить особенности каждой подгруппы.

В составе губернской партийной организации удельный вес молодежи в возрасте до 29 лет составил 44,5 %. Самой массовой была возрастная группа от 25 до 29 лет – 24,3 % от всей совокупности¹³³.

Социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии характеризуется следующими чертами:

1. *По полу*: это преимущественно мужчины в возрасте от 25 до 29 лет. Женщины среди партийной молодежи составили 14,3 %. Это выше, чем в других возрастных группах.

2. *По месту жительства*: преобладали горожане – 48,5 %; в заводских поселениях проживали 19,0 %; в селах и деревнях – 32,5 %.

3. *По социальному происхождению*: 39,0 % партийной молодежи происходили из рабочих; 45,9 % – из крестьян; 4,8 % – из мещан и чиновников; 5,6 % – из ремесленников; 4,3 % – из дворян, священников, купцов и пр.

4. *По дате вступления в партию* молодежь распределилась следующим образом: в 1917 г. – 21 чел. (9,1 %); в 1918 – 30 (13,0 %); в 1919 – 109 (47,2 %); в 1920 – 54 (23,4 %); в 1921 – 12 (5,2 %); в 1922 г. – 5 чел. (2,4 %). Большинство молодых коммунистов вступили в партию в 1919–1920 гг. в результате проведения массовых наборов и не имели серьезного партийного стажа;

5. *По роду занятий*: 30,3 % молодых людей служили в армии, милиции, частях особого назначения (ЧОН), ЧК и других силовых структурах; 24,2 % занимали административные должности и указывались как служащие; 13,4 % работали в своем хозяйстве или коммуне (крестьяне); 13,0 % составили рабочие, 13,4 % – партийно-советские работники (табл. 7.19). Повышенный интерес к партийной и советской работе, а также к административной деятельности наблюдается у юношества (15–19 лет). Молодежь в возрасте от 20 до 24 лет была занята, помимо административной и партийно-советской работы, в силовых структурах. «Молодые взрослые» в возрасте от 25 до 29 лет были представлены крестьянами и рабочими (31,8 %), служащими (26,9 %), а также военными (26,2 %).

¹³³ Здесь и далее, если отсутствуют дополнительные ссылки, расчет показателей произведен на основе выборки из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Таблица 7.19

**Состав партийной молодежи Екатеринбургской губернии
в 1922 г. по роду занятий, человек, %***

Занятие	Возраст, лет			Итого
	15–19	20–24	25–29	
Крестьянин	1 (6,3)	7 (7,9)	23 (18,3)	31 (13,4)
Рабочий	1 (6,2)	12 (13,5)	17 (13,5)	30 (13,0)
Служащий	6 (37,5)	16 (18,0)	34 (26,9)	56 (24,2)
Партийная работа	3 (18,7)	6 (6,7)	6 (4,8)	15 (6,5)
Советская работа	2 (12,5)	6 (6,7)	8 (6,3)	16 (6,9)
Военнослужащий	1 (6,3)	36 (40,6)	33 (26,2)	70 (30,3)
Учащийся	1 (6,2)	1 (1,1)	1 (0,8)	3 (1,3)
Домашнее хозяйство	0 (0,0)	2 (2,2)	1 (0,8)	3 (1,3)
Не работает	1 (6,3)	2 (2,2)	2 (1,6)	5 (2,2)
Нет сведений	0 (0,0)	1 (1,1)	1 (0,8)	2 (0,9)
Всего:	16 (100,0)	89 (100,0)	126 (100,0)	231 (100,0)
Всего, %	6,9	38,5	54,6	100

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Высокий удельный вес «служащих» во всех возрастных группах партийной молодежи не случаен. Политика «укрепления» коммунистами властных структур всех уровней носила совершенно осознанный и целенаправленный характер. Резолюция VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.) «По организационному вопросу» прямо требовала «завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д.»¹³⁴ Речь шла об установлении контроля партии за всеми государственными и общественными институтами, т. е. превращении ее в правящую силу. Такая установка способствовала быстрой вертикальной карьере молодых коммунистов, которые, попав в партию, быстро меняли свой первоначальный статус и переходили в категорию руководителей нижнего звена в аппарате управления государственных и советских органов, промышленности, торговли, об-

¹³⁴По организационному вопросу : резолюция VIII съезда РКП(б). 18–23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 107.

разования и т. д. В зоне особого внимания находилась также армия, поскольку членство в партии обеспечивало контролируемость «человека с ружьем».

6. По образованию: отличительной чертой партийной молодежи начала 1920-х гг. был низкий уровень образования: 2/3 молодых коммунистов имели начальное образование; еще 6,9 % были малограмотными, т. е. не заканчивали школы и обучались грамоте самостоятельно; неграмотных было 2,6 %, а среднее и высшее образование имели только 16,4 % (табл. 7.20). Наиболее высокий процент неграмотных и малограмотных наблюдается в возрастной группе «молодые взрослые» (от 25 до 29 лет).

Таблица 7.20

**Состав партийной молодежи Екатеринбургской губернии
в 1922 г. по уровню образования, человек, %***

Образование	Возраст, лет			Итого
	15–19	20–24	25–29	
Неграмотный	0 (0,0)	2 (2,3)	4 (3,2)	6 (2,6)
Малограмотный (самоучка)	0 (0,0)	2 (2,3)	14 (11,1)	16 (6,9)
Начальное образование	12 (75,0)	69 (77,5)	88 (69,8)	169 (73,2)
Среднее	4 (25,0)	14 (15,7)	16 (12,7)	34 (14,7)
Высшее	0 (0,0)	1 (1,1)	3 (2,4)	4 (1,7)
Нет сведений	0 (0,0)	1 (1,1)	1 (0,8)	2 (0,9)
Всего:	16 (100,0)	89 (100,0)	126 (100,0)	231 (100,0)

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что в начале 1920-х гг. малограмотная молодежь, т. е. носители «сознания-один», стали основной движущей силой социального переустройства общества и пришли на смену поколению коммунистов с «сознанием-три», которое готовило Революцию. К 1922 г. они уже перешли в разряд «старых» партийцев, которых в Екатеринбургской партийной организации насчитывалась 1,5 %. Им на смену пришло новое поколение молодых революционеров с низким уровнем образования, мифологизированными представлениями о задачах и методах создания нового общества, с многочисленными социально-культурными и политическими предрассудками.

Низкий уровень образования в сочетании с психофизиологическими особенностями молодости создавал благоприятные предпосылки для пропаганды коммунистических идей и внедрения в сознание молодежи радикальных установок. Дополнительным фактором трансформации сознания были специфический жизненный опыт, приобретенный в условиях гражданской войны и готовность к вооруженному насилию против реальных и мнимых врагов. По мнению многих исследователей, молодое поколение, сформировавшееся в 20-е гг., в дальнейшем стало надежной опорой сталинского репрессивного режима¹³⁵.

Агрессивность молодых коммунистов усиливалась не только прошлым военным опытом, но и партийно-советской пропагандой, призывавшей к беспощадной борьбе с врагами советской власти, предателями и пережитками прошлого. Советская молодежь 1920-х гг. активно впитывала экстремистские установки, была в первых рядах борцов с кулаками, церковью, мещанством и пр., выполняя функции «социального бульдозера».

Высокий уровень агрессивности молодежи нашел также отражение в многочисленных фактах «коммунистического хулиганства». В 1926 г. информационный отдел ОГПУ представил в ЦК партии докладную записку, где отмечалось, что из общего числа лиц, привлеченных к ответственности за хулиганство, около 1/3 составляли комсомольцы и коммунисты¹³⁶. Если учесть, что удельный вес комсомольцев и коммунистов среди молодежи не превышал 3 %, то становится очевидным, что именно их агрессивное поведение было вполне повседневным явлением. Причины хулиганства могли быть разными, но, как правило, они были связаны с идеологическими мотивами, в том числе неприятием НЭПа, неготовностью или нежеланием молодых коммунистов и комсомольцев, признававших только «революционную целесообразность», подчиняться закону. Не следует сбрасывать со счетов и гендерную специфику партии, где мужчины составляли подавляющее большинство, поддерживая культ силы. Экстремизм молодых вызывал ответную реакцию общества, в результате чего они часто становились жертвами ответных нападений.

Дополнительной характеристикой партийной молодежи является ее *семейное положение*. Во всех возрастных группах отмечается высокий удельный вес одиноких, а для возраста 15–19 и 20–24 года он достигает 35 %. Отказ от семьи, характерный для 1/3 молодых пар-

¹³⁵ См.: *Исаев В. И.* Военнизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та.* 2002. Т. 1. Вып. 3: История. С. 63–70 (Сер. История, филология).

¹³⁶ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 85. Д. 169. Л. 140–141.

тийцев, свидетельствует об изменении системы ценностей, а также механизмов социализации, среди которых на первый план выходят общественная деятельность и карьера, а не частная жизнь.

Таким образом, характеристика социального портрета партийной молодежи позволяет сделать вывод о преобладании в ее составе носителей «сознания-один», которые постепенно вытесняли и замещали собой поколение старых партийцев – носителей «сознания-три».

Важнейшей характеристикой молодых членов партии выступают их жизненные стратегии. Они являются важным элементом активности человека и ориентиром его профессиональной и общественной деятельности¹³⁷. С позиций гуманистического психоанализа, предложенного Э. Фроммом, человек по отношению к себе может занимать различные позиции: 1 – «иметь» (рецептивная активность); 2 – «достигать» («достиженческая» активность); 3 – «быть» (творческая или «экзистенциальная» активность)¹³⁸.

С учетом доминирующей формы активности личности можно выделить соответствующие типы стратегий. Наиболее распространенным типом выступает *стратегия благополучия*, которая опирается на рецептивную («обывательскую») активность и направлена на потребление, а не на создание жизненных благ. Для нее характерно стремление к комфорту, безопасности, обеспеченной, стабильной жизни. *Стратегия успеха* характеризуется такими чертами, как активная жизненная позиция, нацеленность на высокие результаты, способность жить и работать в условиях неопределенности и риска. Составным элементом этого типа стратегии выступает потребность в признании и одобрении, получении высокого социального статуса за счет власти и денег. *Стратегия самореализации* отличается установкой на творчество, саморазвитие, самосовершенствование¹³⁹.

В условиях жесткого партийного контроля жизненные стратегии членов партии подвергались идеологической корректировке, задавая свою шкалу ценностей. На первый план выдвигалось беззаветное служение и безоговорочная преданность делу революции и партии, личные интересы отступали на второй план, хотя подспудно влияли на поведенческие приоритеты. В условиях жесткой партийной дисциплины стратегия самореализации для члена партии становилась

¹³⁷ См.: Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социол. журн. 1995. № 5. С. 5–22; Резник Ю. М. Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни). М., 1995.

¹³⁸ См.: Фромм Э. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики = Man for Himself: An Inquiry Into the Psychology of Ethics (1947) / пер. Э. М. Спировой. М., 2010.

¹³⁹ См.: Резник Ю. М. Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни). М., 1995. С. 78–84

невозможной, поскольку коммунистическая мораль требовала отказа от личных интересов. В этом случае жизненные стратегии члена партии ограничивались первыми двумя вариантами, которые также трансформировались. В частности, стратегия успеха психологически соотносилась не столько с личными достижениями, сколько с успехом дела, т. е. мотив самореализации трансформировался в задачу «служения», подчинения личных интересов партии. Подобная жизненная установка формировала особые исторические типы личности, порожденные революционной эпохой, так называемых солдат революции. Образ такого молодого коммуниста воплощен в герое автобиографического романа Н. Островского «Как закалялась сталь» – Павке Корчагине. Это решительный, непреклонный борец за идею, фанатически преданный делу партии, готовый пожертвовать собой. Карьерные интересы для него отходят на второй план, и вся жизнь подчинена борьбе за революцию.

Другой вариант жизненной стратегии молодого коммуниста был непосредственно связан с реализацией карьерных интересов, достижением взаимосвязанных целей успеха и благополучия на личностном уровне. Такая стратегия была положена в основу номенклатурной системы и формировала особый тип коммуниста, гибко реагирующего и учитывающего политические веяния и запросы руководящих структур. В свою очередь, в рамках «номенклатурной» стратегии можно выделить подтипы – карьериста и приспособленца (конформиста), которые различались по степени своей активности. Все выделенные выше типы стратегий вписываются в мобилизационную схему использования кадровых ресурсов, характерную для раннесоветского общества.

Промежуточную позицию между «солдатом революции» и «номенклатурным руководителем» занимали рядовые члены партии, которые не рассматривали ее в качестве объекта для реализации своей активности. Их часто называли «балластом, не интересующимся партийной работой»¹⁴⁰. Исследование материалов партийной переписи, проведенное С. В. Воробьевым, показало, что 51,3 % коммунистов в послереволюционные годы не сделали карьеры¹⁴¹. В их число входили представители малограмотной крестьянской и рабочей молодежи, проживающей преимущественно в сельской местности, а также коммунисты из старших возрастных групп.

Среди молодых коммунистов, попавших в выборку, около 20 % были управленцами низшего звена, 9 % занимали руководящие долж-

¹⁴⁰ Гусляров Е. Н. Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М., 2002. С. 137.

¹⁴¹ См.: Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг. С. 92.

ности в губернских и уездных советских учреждениях и организациях (исполкомы Советов, правоохранительные органы, промышленные предприятия, профсоюзы, кооперативы и т. д.). Карьера партийной молодежи в значительной степени зависела от таких факторов, как пол, социальное происхождение, возраст и образование. Наиболее активные молодые коммунисты, компенсируя недостаток образования «партийными школами», выбирали вертикальные карьерные стратегии и достаточно быстро продвигались по служебной лестнице, переходя из одной социальной группы в другую. Они определяются как люди «большого социального скачка», что подчеркивает скорость их перемещений по социальной лестнице¹⁴².

Таким образом, партийная молодежь в значительной степени определяла облик советской власти в 1920-е гг., особенно на ее низовых уровнях, и в дальнейшем стала социальной опорой реализации плана строительства нового социалистического государства, развернувшегося в условиях формирования тоталитарного общества. Эту особенность социальной опоры тоталитарных режимов отмечал К. Мангейм¹⁴³, но еще ранее в речи на III Всероссийском съезде РКСМ ее выразил В. И. Ленин, сформулировавший основные принципы молодежной политики: «Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества»¹⁴⁴.

Анализ социально-демографических характеристик партийной молодежи начала 1920-х гг. свидетельствует о серьезных изменениях в ее социальном составе в сравнении с дореволюционным периодом. Партия стала активно привлекать в свои ряды и использовать в качестве «социального бульдозера» рабочую и крестьянскую молодежь, носителей «сознания-один». Количество молодых людей со средним и высшим образованием резко упало, они стали восприниматься в качестве «чуждых элементов», представителей буржуазной культуры. Малограмотная, агрессивная, но политическая «подкованная» пролетарская молодежь была восприимчивой к коммунистическим идеям и, что самое главное, легко управляемой.

Джек Ньюфилд отмечал, что для реализации молодежью функции «социального бульдозера» нужны не только собственно соци-

¹⁴² См.: *Воробьев С. В.* Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг. С. 150.

¹⁴³ См.: *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. С. 456–457.

¹⁴⁴ *Ленин В. И.* Задачи союзов молодежи : речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 301.

альные предпосылки, но прежде всего правильная тактика и организация¹⁴⁵. Молодежная политика советской власти очень эффективно решала эти задачи. Она отличалась комплексностью и включала несколько направлений: привлечение молодежи в партию; создание подконтрольных партии молодежных организаций, прежде всего комсомола; реформу системы образования, основной задачей которой стало коммунистическое воспитание подрастающих поколений; репрессии против инакомыслия. Важнейшим элементом молодежной политики было создание благоприятных условий для трудовой и социальной активности молодежи.

Одним из инструментов контроля и мобилизации советской молодежи стала *практика военизации*, активно внедряемая в повседневность. После окончания Гражданской войны все комсомольцы числились бойцами ЧОН¹⁴⁶, участвуя в том числе в подавлении крестьянских восстаний¹⁴⁷. Эта задача реализовывалась также через создание широкой сети добровольных спортивных обществ (ОСОАВИАХИМ, ДОСААФ и др.), основной задачей которых было патриотическое воспитание и военная подготовка молодежи. Таким образом, партийная молодежь и комсомольцы становились основным мобилизационным ресурсом, готовым с оружием в руках защищать завоевания революции.

7.5. Женщины в партии: эмансипация по-советски

Эмансипация представляет собой объективный процесс изменения роли женщин в обществе, непосредственно связанный с модернизацией. В России он начался в середине XIX в., но вполне уместно говорить о советской модели эмансипации, поскольку основные сдвиги в решении женского вопроса относятся к советскому периоду и, в первую очередь, к 1920-м гг. Можно выделить следующие этапы эмансипации в России с учетом темпов и характера изменений в гендерных отношениях¹⁴⁸:

¹⁴⁵ См.: *Newfield J. A Prophetic Minority*. N. Y., 1966.

¹⁴⁶ Подробнее см. п. 7.3.

¹⁴⁷ См.: *Северьянова Г. М.* Крестьянские восстания в Сибири (осень 1920–1924 г.). Красноярск, 1995. С. 37–39.

¹⁴⁸ И. Кон и Г. Липидус предложили периодизацию советского гендерного порядка на основе партийно-государственной политики по отношению к женщинам, которая включает четыре периода: 1918 – начало 1930-х гг. – дефамелизация и политическая мобилизация женщин (период большевистского эксперимента); 1930-е – середина 1950-х гг. – этап тоталитарной андрогинии, где в качестве подэтапа выделяется 1929–1934 гг. («великий перелом»); середина 1950-х – конец 1980-х гг. – новая постановка женского вопроса; конец 1980-х гг. – либерально-демократически реформы, отразившиеся и на положении женщин (см.: *Здравомыслова А. А., Темкина Е. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журн. исслед. социал. политики. 2003. Т. 1, № 3/4. С. 303–304.

Первый этап (середина XIX в. – 1918 г.) связан с зарождением женского движения как составной частью революционного процесса и достижением в результате Революции 1917 г. формального юридического равенства полов.

Второй этап (1918–1934 гг.) – организация массового движения женщин под лозунгом «раскрепощения» с целью достижения реального равенства.

Третий этап (1935 – середина 1950-х гг.) – традиционалистский откат и формирование новой гендерной модели неравенства, характерными чертами которого стало сохранение традиционных гендерных отношений на уровне семьи и общества в целом на фоне декларирования принципа равенства.

Четвертый этап эмансипации (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.) – возвратная эмансипация, которая была естественной реакцией на внешние вызовы – научно-технический прогресс, индустриализацию, урбанизацию, «оттепель» и пр. Идеальный образ «советской женщины» в этих условиях неизбежно входил в противоречие с новыми тенденциями, разбиваясь на множество подтипов, реализующих разные жизненные стратегии, ориентированных на семью, карьеру, политику, творчество.

Итогом модернизационных сдвигов стало формирование к концу 1980-х гг. такого гендерного порядка, для которого была характерна незавершенная эмансипация с сохранением реального неравенства женщин. Специфической чертой советской модели эмансипации был ее контролируемый характер, непосредственно связанный с той «руководящей» ролью, которую играли Коммунистическая партия и Советское государство в решении женского вопроса. При этом власть преследовала свои политические и идеологические цели, не вполне совпадавшие с интересами женщин. Следует отметить также безальтернативность новой роли женщин в обществе, заданной государственной политикой и не оставлявшей женщинам возможности выбора.

Еще одной чертой эмансипации «по-советски» был ее неравномерный характер: наиболее стремительные и радикальные перемены в положении женщин приходится на 1918–1930-е гг., когда шла стремительная ломка традиционных ролевых функций женщин и происходило формирование нового идеала «женщины-работницы», ориентированной не на семью, а на производственную сферу. Поскольку российское общество находилось на ранней стадии модернизации, когда традиционные гендерные структуры и отношения сохраняли свои позиции, ускоренная эмансипация сопровождалась высоким уровнем конфликтности и социального напряжения. Основная масса женщин не была готова к активному участию в общественных прак-

тиках, а общество – к признанию новой роли женщин и включению их в структуры власти, сохранившие черты патриархальности.

Каждый этап эмансипации был непосредственно связан с конструированием своего женского идеала, в котором активное участие принимали идеология и пропаганда. Идеальный тип советской женщины, помимо социально-культурных особенностей, диктуемых временем, должен был отражать идеологические установки, определяющие ее место в обществе, возможные варианты самореализации и предпочтительные сценарии жизненных стратегий, в том числе в общественной/публичной сфере и частной жизни. Так, для периода 1918–1934 гг. в качестве идеального типа был востребован образ «активистки»; в 1930-е гг. – образ матери-работницы; в 1950–1980-е гг. – образ советской женщины – самостоятельной и независимой личности, реализующей функции специалиста, матери, общественницы. В этом образе нашли отражение как традиционалистские черты, свойственные патриархальным структурам, так и модернистские (всеобщая трудовая занятость и общественно-политическая активность). Он сочетал три главные роли/ипостаси – работницы, матери, общественницы, включенной в основные организационные ячейки советского

Плакат «Раскрепощенная женщина – строй социализм!», 1926. Художник А. Стрaхов-Браславский

общества – коллектив, семью, общественные организации (партия, комсомол, профсоюз) и контролируемой ими.

Активную роль в конструировании идеального типа советской женщины сыграла Коммунистическая партия, для которой с самого начала женский вопрос был принципиальным и представлял собой важнейшую идеологическую задачу, непосредственно связанную как с реализацией «программы-минимум», нацеленной на подготовку революции, так и «программы-максимум» – строительства коммунизма. В первом случае женщины рассматривались с точки зрения расширения социальной базы социал-демократического движения. Во втором – их освобождение было важнейшим условием строительства нового общества, где будет реализован принцип равенства.

Программа РСДРП, принятая в 1903 г. на Втором съезде, включала требования полного юридического и политического равноправия женщин, запрещения женского труда в отраслях хозяйства, вредных для организма женщин, а также организации охраны материнства и младенчества¹⁴⁹. Этот набор политических лозунгов, отражая большевистское понимание женского вопроса, был ориентирован главным образом на женщин-работниц, которых партия рассматривала в качестве естественных союзников пролетариев-мужчин. «В борьбе за отстаивание лучших условий труда, за политическую свободу, за лучшее будущее рука об руку с мужчиной-рабочим пойдет и женщина-работница»¹⁵⁰, – писала в 1901 г. Н. К. Крупская.

Реалии политической борьбы 1917 г. несколько расширили взгляд большевиков на женский вопрос. Придя к власти, в числе первых своих решений они приняли ряд декретов, декларирующих юридическое равенство женщин в сфере семьи¹⁵¹. Политические права женщин были закреплены в Конституции РСФСР 1918 г., провозгласившей, что «правом избирать и быть избранными в Советы пользуются... обоюбого пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»¹⁵².

¹⁴⁹ См.: Программа Российской социал-демократической рабочей партии : принята на Втором съезде партии в 1903 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903project4.htm> (дата обращения: 27.11.2018).

¹⁵⁰ *Крупская Н. К. Женщина-работница* // Крупская Н. К. Пед. соч. : в 10 т. М., 1957. Т. 1. С. 102.

¹⁵¹ См.: О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния : декрет ВЦИК и СНК от 18 (31) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 247–250; О расторжении брака : декрет ВЦИК и СНК от 16 (29) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. С. 237–238; Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве : утвержден 16 сентября 1918 г. ВЦИК РСФСР [Электронный ресурс]. URL: <http://advokat-bel.ru/information/library/kzoags/> (дата обращения: 28.06.2016).

¹⁵² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всерос. Съездом Советов 10 июля 1918 г. // Конституции Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 25.06.2017). Ст. 64.

Принятие этих юридических актов обеспечивало формальное решение женского вопроса. На повестку дня встала задача достижения реального равенства через вовлечение женщин в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь страны.

В ноябре 1918 г. в Москве по инициативе И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай и К. Н. Самойловой состоялся Первый Всероссийский съезд работниц, провозгласивший равенство женщин центральным вопросом советской власти. Ленин в своей речи на съезде заявил: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия. ... Задача Советской республики – в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин»¹⁵³.

На пути решения этой задачи большевики видели основное препятствие – семью, которая не просто ограничивала возможности самореализации женщин, а «закрепощала» их, отвлекала от решения более важных задач. В начале 1920-х гг. развернулись жаркие дискуссии о роли семьи и ее перспективах при коммунизме. В своих статьях лидеры советского феминизма А. М. Коллонтай и И. Ф. Арманд обосновывали историческую обреченность семьи, которую в будущем заменит свободный союз людей, построенный на любви и уважении. Воспитанием детей, уходом за стариками и решением бытовых проблем займется государство (хотя его будущее в коммунистической теории было весьма туманным). Таким образом, функции новой семьи сводились к рождению детей и созданию условий, необходимых для восстановления сил, т. е. реализации рекреационных функций¹⁵⁴.

Разрушение основ традиционной семьи и перевоспитание женщин в начале 1920-х гг. стало целью пропагандистской кампании, которая развернулась сразу в нескольких направлениях:

1. *Просвещение и повышение культурного уровня женщин*, предполагавшее прежде всего борьбу за ликвидацию безграмотности. По данным переписи 1920 г., в России на 1 тыс. женщин приходилось только 244 грамотных. Хотя соответствующий декрет СНК был принят в 1919 г., сама кампания стартовала только после окончания Гражданской войны¹⁵⁵. Осенью 1923 г. было образовано Всероссийское добро-

¹⁵³ Ленин В. И. Речь на Первом Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 186.

¹⁵⁴ См.: Коллонтай А. М. Революция быта // Марксистский феминизм : коллекция текстов А. М. Коллонтай. Тверь, 2003. С. 230–239.

¹⁵⁵ См.: О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР : декрет СНК от 26 декабря 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-41-dekret-bezgramotnost-1918.shtml> (дата обращения: 28.06.2016); О ликвидации неграмотности : декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1923 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1787.htm (дата обращения: 27.11.2018).

вольное общество «Долой неграмотность», развернулась сеть ликвидационных пунктов, основными учениками которых стали женщины. В 1920–1921 гг. в стране действовало около 24 тыс. пунктов по ликвидации неграмотности, численность женщин в них составляла 3/4 от общего количества обучающихся¹⁵⁶. Движение за повышение культурного уровня женщин включало также антирелигиозные мероприятия, развитие клубной самодеятельности, санитарное просвещение и т. д.

2. *Вовлечение женщин в общественно-политическую жизнь, повышение политической грамотности и активности женщин, привлечение их в Коммунистическую партию, комсомол и другие общественно-политические организации.* Большую роль в формировании новых жизненных установок женщин, их политическом воспитании сыграли женотделы (отделы по работе среди женщин). Они создавались в структуре партийных органов на всех уровнях с 1919 г. и функционировали вплоть до 1930 г. В статье А. М. Коллонтай «Задачи отделов по работе среди женщин» были выделены направления работы женотделов: «Первая их задача – воспитывать работниц и крестьянок в духе коммунизма, вовлекать их в нашу партию. Вторая задача – втягивать женские массы в советское строительство <...> Третья задача отделов – ставить перед партией и выдвигать в области советского строительства такие вопросы, которые либо вытекают из особенностей женского пола (например, материнство, охрана женского труда, законодательство по вопросу аборта), либо связаны с особо неблагоприятным положением женщин, с фактической их закрепощенностью или неравенством)»¹⁵⁷.

Таким образом, женотделы выполняли просветительские, воспитательные, контролирующие и правозащитные функции. Для реализации своих задач они использовали такие формы работы, как делегатское движение и практикантство (позднее – выдвиженчество). По воспоминаниям А. М. Коллонтай, «делегатки знакомилась с текущими политическими событиями, с работой различных отраслей советского строительства, <...> привлекались как к практической работе на предприятии, так и к обследованию советских учреждений с целью изучения методов и системы работы в различных отраслях советского аппарата»¹⁵⁸. В 1922 г. насчитывалось 95 тыс. делегатов¹⁵⁹. Из числа делегатов выдвигали практиканток,

¹⁵⁶ См.: Аракелова М. П. Ликвидация неграмотности среди женщин в первой половине 1920-х гг. // СОЦИС. 1994. № 3. С. 75.

¹⁵⁷ Коллонтай А. М. Задачи отделов по работе среди женщин // Марксистский феминизм: коллекция текстов А. М. Коллонтай. С. 210.

¹⁵⁸ Коллонтай А. М. Работница и крестьянка в Советской России // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 324.

¹⁵⁹ См.: Численный состав делегатов по СССР // Коммунистка. 1924. № 10. С. 20.

которые с отрывом от производства работали в Советах, профсоюзах, кооперативах, больницах, детсадах и др., приобретая необходимый опыт управления. Таким способом за три года советской власти к участию в государственном строительстве были привлечены 4 млн женщин¹⁶⁰. Наряду с делегатскими собраниями создавались женские клубы, красные уголки, другие учреждения, где женщин учили грамоте, давали медицинские консультации, приобщали к культуре. Для женщин издавались специальные журналы: «Коммунистка» (1920), «Крестьянка» (1922), «Работница» (1923), «Делегатка» (1923). Все эти формы активности способствовали формированию нового типа женщины-активистки, которая вступала в партию, шла учиться на рабфаки, в вузы, получала путевки на заводы и фабрики¹⁶¹.

3. *Привлечение женщин к работе на производстве под лозунгом экономической независимости женщины-работницы.* По мнению Н. К. Крупской, идея равноправия женщин могла быть реализована только тогда, когда женщина сама станет зарабатывать на жизнь: «Самостоятельный заработок освобождает женщину от власти мужчины»¹⁶². Однако достичь этого оказалось непросто, поскольку принцип экономической самостоятельности входил в противоречие с традиционными гендерными ролями. С другой стороны, женский наемный труд как социальное явление стал фактом уже во второй половине XIX в., ярко демонстрируя существующее неравенство женщин в производственной сфере. Большевики в решении этого вопроса продвинулись достаточно далеко, начав с объявления всеобщей трудовой повинности и выдвижения принципа «кто не работает, тот не ест». Трудовая мобилизация женщин в годы военного коммунизма сменилась их массовой безработицей в годы нэпа, но послужила стартовой площадкой для новой пропагандистской кампании «за вовлечение женщин в производство». Несмотря на активную агитацию, в середине 1924 г. по СССР на 100 чел. в производстве было занято 77,2 % мужчин и 27,8 % женщин¹⁶³. По данным переписи 1926 г., среди

¹⁶⁰ См.: Козлова Н. Н. Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект // Женщина в российском обществе. 2011. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-modernizatsiya-sovetskoy-politicheskoy-sistemy-institutsionalnyy-aspekt> (дата обращения: 17.08.2018).

¹⁶¹ Подробнее см.: Мирошниченко М. И. Женщины на Урале в 1920–1935 гг. Челябинск, 2013; Алферова И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти, 1917–1927 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011; Араkelова М. П. Государственная политика в отношении женщин Российской Федерации в 1920-е гг.: опыт организации и уроки : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997; и др.

¹⁶² Крупская Н. К. Женщина-работница. Т. 1. С. 97.

¹⁶³ См.: Окорочкова Т. С. Женский труд в промышленности СССР в годы нэпа // СОЦИС. 1999. № 9. С. 93–100.

горожанок работающих женщин было 28,4 % (в деревне доля занятых женщин составляла 57,8 %), причем 40,4 % всех занятых женщин находились в возрастной группе 16–29 лет¹⁶⁴. Невысокий уровень трудовой занятости женщин в 1920-е гг. сопровождался гендерной сегрегацией: с одной стороны, женская рабочая сила была сконцентрирована в определенных секторах промышленного производства (преимущественно в текстильной промышленности), а с другой – женский труд был неквалифицированным и низкооплачиваемым¹⁶⁵.

Ситуация с женской занятостью заметно меняется после выхода постановления СНК РСФСР «Об использовании женского труда на производстве, в государственном и кооперативном аппарате» от 8 декабря 1930 г.¹⁶⁶ Если на 1 января 1927 г., по данным ЦСУ, в крупной промышленности работало 673,8 тыс. женщин, т. е. 28,5 % от общего числа рабочих, то к 1935 г. они составили 42 % всех промышленных рабочих¹⁶⁷. К концу 1930-х гг. женский труд действительно становится основным трудовым резервом, хотя неравноправное положение женщин на производстве сохраняется¹⁶⁸.

Следует отметить, что решение женского вопроса в раннесоветский период предполагалось на основе классового принципа. Все двери были открыты перед крестьянками, работницами и домохозяйками. Именно на них были направлены мероприятия, предоставлявшие женщинам дополнительные возможности для получения образования, трудоустройства, вступления в партию или комсомол. Женотделами предписывалось «не вливать интеллигенток в делегатские собрания»¹⁶⁹. Только начиная с 1923 г. власти начинают допускать в женское движение образованных женщин – учительниц, медработников, библиотекарей, расширяя социальную базу женского движения.

¹⁶⁴ См.: Население России в XX веке : в 3 т. Т. 1: 1900–1939 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М., 2000. С. 155–156.

¹⁶⁵ См.: *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / пер. с англ. В. Ю. Лобовской. М., 2010. С. 24–25.

¹⁶⁶ Об использовании женского труда на производстве, в государственном и кооперативном аппарате : постановление СНК РСФСР от 8 декабря 1931 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1931. № 2. С. 14.

¹⁶⁷ См.: *Ульянова С. Б.* Гендерные отношения в советской промышленности (1920–1930-е годы) // Науч.-техн. ведомости СПб ГПУ. 2013. № 4 (184). С. 122 (Сер. Гуманитарные и общественные науки).

¹⁶⁸ См.: *Морозова Ю. А.* Государственная политика в области женской занятости в 1920–1930-е годы (на примере немецкой автономии) // Нужда и порядок: история социальной работы в России. XX в.: сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 281–297.

¹⁶⁹ *Козлова Н. Н.* Женотделы в контексте эмансипаторского проекта большевиков // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете [Электронный ресурс]. URL: <http://tvergenderstudies.ru/docs/bk04ar10.rtf> (дата обращения: 17.08.2018).

В целом решение женского вопроса в 1920-е гг. было ориентировано, в первую очередь, на интересы власти, для которой роль женщины определялась, во-первых, важностью материнской функции и, во-вторых, ее трудовым потенциалом. Это противоречие составило основу конструируемого идеологией образа «советской женщины» – работницы и матери, который позиционировался властью как воплощение принципов равенства и свободы. Интересы власти определяли не только идеальный тип советской женщины, но и уровень ее общественно-политической активности. Пока женское движение ограничивалось задачами просвещения и воспитания, это устраивало власть, но когда оно заявило о себе как о самостоятельной общественной силе, это привело к стремительному свертыванию массового движения и его реформатированию.

В октябре 1927 г. был созван Всесоюзный съезд работниц и крестьянок, где была отмечена возросшая роль женщин в социалистическом обществе и их активная работа в Советах, кооперации, общественной жизни. В качестве новой задачи в повестку дня был включен вопрос о привлечении миллионов женщин города и села к трудовой деятельности и выдвижении их на руководящую работу «по линии Советов, профсоюзов и других общественных организаций»¹⁷⁰, тем самым задавая новый уровень их социальной активности. Но уже в 1929 г. Сталин заявил о том, что женский вопрос в Советском Союзе в целом решен. Были упразднены женотделы, их сменили женсоветы, основной функцией которых стал контроль за соблюдением трудового законодательства в отношении женщин. Казалось бы, формальная, реструктуризация женотделов на деле означала изменение политики в отношении женщин – переключение активности женских общественных организаций с законотворческой и просветительской деятельности на совещательную и контрольно-наблюдательную. Так завершился самый активный этап советской эмансипации.

Несмотря на политику «освобождения женщин», преодолеть модернизационный разрыв не удалось. Реальное равноправие женщин в раннесоветском обществе так и не было достигнуто: на смену патриархальному неравенству пришел новый вариант социального неравенства, в котором переплелись традиционалистские и модернистские установки, усилившие социальное угнетение и незащищенность женщин.

Новая роль, которая отводилась женщинам в советском обществе, входила в известное противоречие с традиционными гендерными практиками. Так, например, в июле 1923 г. в «Правде» была напе-

¹⁷⁰ Всесоюзный съезд работниц и крестьянок, 10–16 октября 1927 г.: стеногр. отчет. М., 1927. С. 533–534, 537, 540.

чатана статья Л. Троцкого, который отмечал, что женотделы являются причиной семейного кризиса: активность женщин приводит к тому, что семья остается без внимания, это раздражает мужа, членов семьи и ведет к ее распаду¹⁷¹. Женотделы нередко называли «Центробаба», «бабкомы»¹⁷², а участие женщин в делегатских собраниях указывалось как причина для разводов. Новый тип «активистки» воспринимался обществом очень неоднозначно.

Быстрая смена женских ролей и последствия «кухонной революции» получили отражение в романе Ф. Гладкова «Цемент», где он создал образ «новой» женщины, сделавшей выбор между семьей и общественной деятельностью в пользу последней. Семейная история героев романа разворачивается на фоне восстановления завода, но, в отличие от производственного сюжета, конец семейной истории печальный. Героиня романа – Даша, пережив трудности Гражданской войны, все силы отдает работе в женотделе. Муж, пришедший с фронта, не находит своего прежнего уютного дома – все в запустении. Отношения между мужем и женой не складываются, и оба погружаются в общественную жизнь: он борется за восстановление завода; она – за права женщин. Кульминацией семейного конфликта стала смерть дочери, которую Даша отправила в детский дом, чтобы отдать все свои силы работе в женотделе.

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. шла стремительная ломка традиционных ролевых функций женщин и формирование нового идеала «женщины-работницы», ориентированной не на семью, а на публичную/производственную сферу. Энергичная женщина в красной косынке и мужской гимнастерке становится символом времени.

* * *

Новые черты освобожденной женщины ярко выражены в социальном портрете женщин – членов РКП(б), которые по умолчанию считались носителями нового мировоззрения и новых моделей поведения, отличных от традиционных. Так ли это? Насколько социально-культурный облик коммунисток начала 1920-х гг. соответствовал конструируемому партией идеалу «активистки»?

Материалы партийной переписи 1922 г. соотносятся со вторым этапом советской эмансипации и иллюстрируют процесс вовлечения женщин в общественно-политическую и экономическую жизнь страны. Вступление в ряды РКП(б) само по себе уже можно рассма-

¹⁷¹ См.: Любимова С. Т. Из истории деятельности женсоветов // Вопр. истории КПСС. 1969. № 9. С. 68–77.

¹⁷² См.: Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. Ann Arbor, 1989. P. 82.

тривать как серьезный шаг, свидетельствующий о выходе за пределы домашнего очага, но в большинстве случаев это была еще и заявка на активную жизненную позицию. Или же речь идет о варианте приспособления к новым условиям?

Обращаясь к первичным материалам партийной переписи, можно встретить любопытные характеристики: «Молодой член партии, вполне преданная и надежная, энергичная и настойчивая в технической работе. Обещает быть хорошим работником»¹⁷³. Так секретарь партячейки написал о Е. Г. Бадигиной (23 года, член РКП(б) с 1919 г.). Она получила среднее образование, окончив гимназию, и на момент переписи работала в библиотеке на станции Уфа, а также была членом городского Совета. По семейному положению – незамужняя, но имеющая на содержании иждивенца, возможно ребенка. Сведения о родителях отсутствуют. Вступив в 1919 г. в партию, она выполняла в партячейке функции казначея. Мотивы вступления в РКП(б) с большой долей вероятности имели идеологическую основу. В некотором смысле ее жизненную историю можно рассматривать как типичный вариант стратегии молодой образованной женщины, вынужденной самостоятельно выстраивать свою карьеру¹⁷⁴.

И другой типаж – А. А. Аюпова (23 года, малограмотная, из марийской крестьянской семьи), на момент переписи работала журналистом в газете. По семейному положению – одинокая, также с иждивенцем на руках. Вступила в партию в 1919 г.; причиной такого решения, скорее всего, были прагматические настроения, вряд ли карьерные или идеологические, поскольку активной работой в партийной ячейке наша героиня не занималась. В характеристике отмечено: «Работник молодой. С большими задатками мелкобуржуазной идеологии. Не дисциплинирован, не выдержан. Коммунистическая преданность не проверена, как работник весьма посредственный. Состоит в рядах Марийской газеты только лишь из-за отсутствия более подходящих работников»¹⁷⁵.

И та, и другая жизненные истории иллюстрируют некоторые общие моменты, характерные для второй волны эмансипации: в результате войны и революции происходит разрушение семейных связей и добровольный или вынужденный отказ от традиционных вариантов женской судьбы. Каждая из молодых женщин приобрела опыт самостоятельной трудовой деятельности, обесценивает себя и своего ребенка/иждивенца. Но с разным успехом. Дополнительные возмож-

¹⁷³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 560. Л. 083–084 об.

¹⁷⁴ Аналогичную историю члена РКП(б) с 1920 г. Т. Н. Альбовой см.: Там же. Д. 558. Л. 62–63 об.

¹⁷⁵ Там же. Д. 559. Л. 162–163 об.

ности для женской карьеры предоставляют образование и общественно-политическая активность, которые определяют продвижение по восходящей или, напротив, по нисходящей линии. Любопытно также, что в характеристиках на женщин соблюдается стиль изложения, подчеркнута игнорирующий гендерный статус. Член партии – это товарищ, соратник по борьбе, пол которого не имеет значения.

В Екатеринбургской партийной организации женщины в 1922 г. составляли около 10 % от общего числа членов партии, большинство из них имели возраст до 30 лет (64,8 %). Около 1/4 женщин-коммунисток проживали в городах (25,9 %), столько же – в селах и деревнях и 48,1 % – в заводских и приисковых поселках¹⁷⁶. Такое распределение отражает специфику региона, а также тот факт, что города и заводские поселения более активно втягивались в процессы модернизации, влияя на образ жизни населения. Кроме того, пропагандистская работа была поставлена здесь более эффективно, формируя общественно-политическую позицию и поведение женщин.

Социальные характеристики коммунисток, их мотивация и образ жизни соотносятся со временем вступления в партию. Динамика приема женщин в партию отражает общие закономерности партийного строительства, уже рассмотренные в монографии, с тем уточнением, что для женщин характерна более резкая кривая, нежели для мужчин (табл. 7.21). Пик приема женщин в партию приходится на 1919–1920 гг., затем идет резкое снижение, связанное не только с изменением условий приема, но и, видимо, мотивации женщин.

Таблица 7.21

Гендерные аспекты вступления в РКП(б), %

Год вступления	Женщины	Мужчины
До 1916	0,0	1,5
1917	1,8	10,8
1918	7,4	13,9
1919	50,0	43,3
1920	37,0	21,1
1921	1,8	6,2
Нет данных	0,0	3,2
Всего:	100,0	100,0

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

¹⁷⁶ Здесь и далее, если нет сноски, показатели рассчитаны по БД на основе случайной выборки из 600 ед.

Дореволюционный стаж в губернской организации имело очень немного женщин – всего 7 чел. (0,7 %). Самый продолжительный партийный стаж в Екатеринбургской организации (с 1906 г.) указала И. Н. Бычкова, 35 лет. Она выросла в семье учителя, окончила женскую гимназию и работала учительницей, но недолго, поскольку в 1907 г. была арестована. Два года провела в тюрьме, 3 года – в административной ссылке, откуда бежала, и 5 лет жила за границей, в эмиграции. В 1917 г. вернулась в Россию, после Октябрьского переворота была направлена в Екатеринбург для работы в комиссариате просвещения, в 1918–1919 гг. работала в Москве, в 1919 г. вновь вернулась в Екатеринбург в должности заведующей отделом социального обеспечения, а потом возглавляла городской отдел народного образования. В 1922 г. заняла пост зав. агитпропотделом Екатеринбургского горкома РКП(б)¹⁷⁷. Таким образом, перед нами жизненный путь подпольщицы, карьера которой в новых условиях ожидаемо была ориентирована на работу в органах народного образования, т. е. «женского» ведомства, которое курировала Н. К. Крупская.

Судя по сохранившимся анкетам, до революции в партию шли преимущественно юные образованные девушки (с высшим и средним образованием) из дворян и мещан. К 1922 г. они имели возраст от 25 до 36 лет, занимали должности в партийном и советском аппарате губернского или городского уровня и в семейном отношении были преимущественно одинокими или незамужними.

Среди тех, кто вступил в РКП(б) в 1917–1918 гг., т. е. в первые годы революции, сохраняется высокий удельный вес лиц с высшим и средним образованием (до 40 %). По социальному статусу на момент приема они относились к рабочим и советским работникам. К 1922 г. в этой группе преобладали служащие и партийно-светские работники (более 50 %). Меняется и семейный статус коммунисток: до 14 % сокращается доля одиноких и растет число женщин, имеющих малую или среднюю семью; при этом 1/3 семей имела по два работника (вместо прежнего порядка, когда по найму работал только мужчина – хозяин семьи), что можно рассматривать как отражение новых тенденций в трудовой занятости женщин.

В 1919 г. в связи с массовыми наборами в партию резко выросло число вновь принятых женщин-коммунисток. Среди них встречаются домохозяйки, крестьянки, рабочие (по 15 %), 1/3 составили служащие и учителя, есть даже девушка-курсант. Образовательный статус большинства новых членов – начальная школа и самообразование. Заметно расширяются возрастные рамки: среди вновь принятых преобладает молодежь, но растет удельный вес женщин среднего и старшего

¹⁷⁷ ЦДОСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 565. Л. 391–391 об.

возраста (старше 40 лет). Удельный вес одиноких женщин достигает 46 %, также растет число незамужних женщин, выполняющих функции главы семьи. К 1922 г. социальное положение этих женщин изменилось несущественно: доля домохозяек и крестьянок увеличилась до 22 %, сохранили свой статус служащие и учителя. В целом в женской среде наблюдается достаточно низкий уровень социальной мобильности с тенденцией к понижению статуса.

В 1920 г. динамика приема в партию в целом сохраняется. Из вновь вступивших 1/4 были одинокими, столько же было незамужних женщин с детьми. Каждая четвертая женщина имела среднее или высшее образование, остальные были с начальным образованием, 5,5 % неграмотных. По социальному статусу вновь вступившие представляли все основные социальные группы, в том числе домохозяйек, крестьянок, работниц, служащих, 30,0 % были заняты в советских органах на организационной работе. Около 60 % составили женщины в возрасте до 30 лет. К 1922 г. среди коммунисток появляется группа домохозяек из бывших работниц и совработников (20,0 %), сокращается доля имеющих рабочие специальности, крестьянок и служащих, появились даже безработные. Окончание Гражданской войны ожидаемо повлияло на рынок труда: приток демобилизованных мужчин способствовал вытеснению женщин в домашнюю сферу.

Таким образом, прослеживается четкая зависимость между партийным стажем и социальными характеристиками женщин – членов РКП(б): чем меньше стаж, тем ниже образовательный уровень и социальное происхождение (преобладали крестьянки и работницы). Одиночество как семейная стратегия было характерным для женщин с дореволюционным стажем и для вступивших в партию после 1918 г. во время массовых кампаний.

В целом партийные женщины достаточно сильно отличались от мужчин по своим социально-демографическим параметрам: возрастной структуре, культурно-образовательному уровню, социальному происхождению и положению, семейному статусу, социальной мобильности и карьерным стратегиям. Эти отличия носили естественный характер, отражающий гендерную и демографическую специфику раннесоветского общества, но в известной мере они были и порождением политико-идеологических факторов. В первую очередь, это касалось карьерных моделей и трудовой мобильности. Несмотря на декларирование равноправия, в обществе продолжали господствовать представления о женских и неженских занятиях.

Особенности возрастной структуры женщин-коммунисток связаны с вполне отчетливым сдвигом в молодежные возрастные группы. Так, 63 % женщин в 1922 г. относились к возрастной категории

20–29 лет, в том время как у мужчин удельный вес этих возрастных групп составлял 38 %. В когорте 30-летних соотношение меняется: женщины в возрасте 30–39 лет составляли 15,9 %, а мужчины – 37,6 %, аналогичное соотношение (1 : 2) сохраняется и в более старших возрастных группах (табл. 7.22).

Таблица 7.22

**Гендерные особенности возрастной структуры
Екатеринбургской организации РКП(б) в 1922, %***

Возраст	Женщины	Мужчины
До 20	1,8	2,9
20–24	27,8	16,9
25–29	35,2	21,1
30–34	14,8	21,3
35–39	11,1	16,3
40–44	5,6	10,1
45–49	2,7	6,0
50–54	0,0	2,7
55–59	0,0	0,5
60 и более	0,0	0,4
Нет данных	0,0	1,8
Всего:	100,0	100,0

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Большевистская пропаганда была наиболее привлекательна для молодых женщин старше 20 лет, еще не обремененных семьей и детьми. Вступление в партию рассматривалось ими как один из вариантов самореализации в условиях, когда осуществление традиционных семейно-брачных стратегий было затруднено.

Культурно-образовательный уровень женщин-коммунисток также отличался от мужского отчетливой поляризацией и высоким удельным весом крайних групп. Среди женщин – членов Екатеринбургской организации – 20,4 % имели высшее и среднее образование и 18,5 % были неграмотными – оба показателя в несколько раз выше, чем аналогичные показатели у мужчин. Для большинства членов партии в 1922 г. уровень образования ограничивался начальной школой, но у женщин доля имеющих начальное образование была в 1,5 раза ниже,

чем у мужчин (табл. 7.23). Еще более серьезными были отличия по числу неграмотных: среди женщин их больше почти в 4 раза. В результате общий уровень образования женщин выглядит более низким, чем у мужчин.

Таблица 7.23

**Гендерные аспекты уровня образования
членов РКП(б), %***

Образование	Женщины	Мужчины
Высшее	1,9	0,7
Среднее	18,5	7,2
Начальное	44,4	72,3
Самоучка/домашнее	14,8	14,7
Неграмотный	18,5	4,0
Нет данных	1,9	1,1
Всего:	100,0	100,0

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Данные об уровне образования свидетельствуют, во-первых, о серьезном разрыве по этому показателю между городом и деревней, поскольку неграмотность и малограмотность была в основном уделом крестьянок; во-вторых, о мотивации вступления в РКП(б), так как этот шаг разрушал традиционные барьеры на пути к образованию. Характерно, что более половины женщин-коммунисток (51,9 %) выразили желание учиться дальше. Причем спектр их интересов оказался очень широким – от обучения грамоте до изучения музыки, медицины, педагогики, сельскохозяйственных и общественно-политических наук.

Материалы переписи позволяют увидеть и более высокий уровень религиозности женщин: в 5,6 % случаев они указали на наличие религиозных взглядов. Среди мужчин аналогичный показатель составил 0,9 %. Но в анкетах женщин чаще встречается упоминание и о нестандартных формах религиозности. Например, из трех женских анкет, попавших в выборку, в двух в ответе на вопрос о религиозных взглядах указано: «христианский коммунизм». Мужчины в большинстве случаев отмечали традиционные формы верования. В целом для женщин-коммунисток характерна более высокая психологическая гибкость и адаптивность: имея низкий образовательно-культурный уровень, они быстро наращивали его, стремясь соответствовать новым требованиям.

Очень показателен семейный статус партийных женщин. Среди них большая доля одиноких (35,2 %), что в 2,5 раза больше, чем у мужчин (табл. 7.24). Наиболее высокий процент одиноких отмечен у служащих и безработных (в качестве места работы указано домашнее хозяйство). Чуть меньше одиноких среди работниц и партийно-советской номенклатуры. В любом случае вполне уместно говорить о стратегии одиночества – вынужденного или сознательного, характерного для партийных активисток.

Таблица 7.24

**Гендерные аспекты
семейного поведения коммунистов, %**

Размер семьи, чел.	Женщины	Мужчины
Одинокие	35,2	12,5
2–4	36,3	47,7
5–8	16,7	36,1
9 и более	1,8	3,7
Всего:	100,0	100,0

*Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Около 1/3 семей женщин-коммунисток относится к числу малых (2–4 чел.), причем в каждой второй семье отсутствовали другие работники, и содержание семьи лежало на плечах женщины. В средних по численности семьях, удельный вес которых составляет 16,7 %, каждая четвертая семья не имела второго работника. Среди крупных семей выделяется одна семья многодетной крестьянки, где она выступала единственным кормильцем. Безбрачие в малых, средних и крупных семьях выступает следствием трех факторов: овдовения, развода (преимущественно для городских семей служащих и работниц), а также отсутствия женихов, т. е. девушка проживала в родительской семье.

Таким образом, помимо одиночества как варианта семейно-брачного состояния встречаются одинокие матери с детьми, а также брачные пары без детей. Особый интерес вызывают «партийные» семейные союзы, в рамках которых мужчины, вступив в партию, затем привлекали в партию своих жен или сестер, закладывая социальный базис для формирования новых советских сословий (в частности, номенклатуры).

В целом, несмотря на высокий удельный вес одиноких и незамужних, стремление женщин к семье и браку сохранялось, особенно в крестьянской и рабочей среде, а также среди партийно-совет-

ских работников, где наблюдается самая высокая доля средних по численности семей. К слову сказать, уровень брачности у коммунистов-мужчин был выше, чем у женщин, т. е. они были более склонны к традиционным семейным практикам. Для женщины эта стратегия была скорее вынужденной: присвоение новых ролей – общественницы и работницы – повышало ее самостоятельность и независимость и заставляло переключаться на трудовую и общественную деятельность.

Сам факт вступления женщин в партию можно рассматривать как серьезный шаг, связанный с внесемейными стратегиями. Членство в партии было предпосылкой для включения женщин-коммунисток в советские и профсоюзные структуры, выдвижения их на руководящие должности. Их новый статус должен был служить иллюстрацией тезиса о свободной и равноправной советской женщине.

Рассмотрим социальное происхождение и социальный статус женщин-коммунисток (табл. 7.25 и 7.26). Рабоче-крестьянское происхождение (по отцу) демонстрирует подавляющее число женщин (74 %); 11,1 % были из разночинцев, по 14,8 % данных нет. Отсутствие сведений о родителях чаще всего встречается в анкетах женщин с гимназическим образованием и свидетельствует о нежелании респондентов раскрывать эту информацию. Социальный статус матери в 70,4 % случаев определен как «домохозяйка», характеризующая патриархальный уклад родительской семьи.

Таблица 7.25

**Гендерные аспекты занятости членов РКП(б)
на момент переписи 1922 г., %**

Занятия / социальный статус	Женщины	Мужчины
Рабочие	13,0	12,7
Крестьяне	13,0	15,6
Ответственные работники**	20,4	30,1
Военнослужащие	0,0	22,7
Служащие	22,2	11,5
Занятые в домашнем хозяйстве	18,5	0,5
Безработные	5,5	0,9
Прочие	3,7	1,1
Нет данных	3,7	4,8
Всего:	100,0	100,0

* Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

** Руководящие работники на советской, профсоюзной, комсомольской, партийной, хозяйственной работе или в кооперации.

На момент проведения переписи женщины – члены РКП(б) имели более низкий общественный статус, нежели мужчины. Их социальный портрет определяет принадлежность к категориям служащих и домашних хозяек, а удельный вес работниц и крестьянок не превышает 13 % (см. табл. 7.25). Достаточно много было женщин – ответственных работников; большинство из них были заняты на советской или профсоюзной работе, а также в женотделах, где они выполняли функции организаторов, чаще всего занимая должности заведующих отделами.

Показательна в этом плане табл. 7.26, по которой можно судить о социальной мобильности женщин – членов партии на протяжении пяти революционных лет. Наибольшая интенсивность социальных перемещений наблюдается среди домохозяек. Их доля падает в годы Гражданской войны, опять возвращаясь к высокому уровню в условиях послевоенного кризиса и безработицы, в первую очередь затронувших женщин, в том числе партийных. Отрицательная динамика отмечается для работниц, доля которых к 1922 г. падает, в том числе за счет перехода в социальные группы ответственных работников или домохозяек. Подобные процессы отмечаются также в среде служащих и ответственных работников, хотя в меньшей степени, чем работниц. Одновременно численно росла группа женщин-безработных и членов крестьянских хозяйств, получивших перспективу развития в условиях нэпа.

Таблица 7.26

**Занятия женщин – членов партии
накануне и после Революции 1917 г., %**

Занятие/социальный статус	До 1917 г.	1917–1921	На момент переписи 1922 г.
Домохозяйки	24,1	9,3	18,5
Крестьянки	11,1	9,3	13,0
Работницы	22,2	13,0	13,0
Ответственные работники**	–	22,2	20,4
Служащие, в том числе учителя	27,8 16,7	29,6 7,4	22,2 3,7
Прочие***	3,7	1,8	3,7
Безработные	0,0	1,8	5,5
Нет данных	11,1	13,0	3,7
Всего:	100,0	100,0	100,0

* Составлено по выборке из 600 анкет Всероссийской партийной переписи 1922 г.

** Руководящие работники на советской, профсоюзной, комсомольской, партийной, хозяйственной работе или в кооперации.

*** До 1917 г. – учеба; в 1917–1921 гг. – военная служба; в 1922 г. – учеба.

Таким образом, социальная мобильность женщин – членов РКП(б) отражает специфику рынка труда соответствующего периода (Гражданская война – нэп), а также восприятие работающей женщины обществом как временного явления. В первые годы существования советской власти женщины с энтузиазмом включались в работу, но с завершением войны и началом нэпа многие оказались без работы. Это был кризисный момент в женском движении, поскольку у женщин появилась неуверенность в своих силах и даже «сомнение в целесообразности существования специального партийного аппарата для работы среди женских трудящихся масс»¹⁷⁸.

На основе материалов партийной переписи можно составить среднестатистический портрет женщины – члена РКП(б) провинциальной губернской организации: это девушка в возрасте до 30 лет (средний возраст 29,1, модальный – 26 лет), с начальным образованием, партийным стажем 2–3 года, служащая, домохозяйка или ответственный работник, преимущественно одинокая. Насколько этот портрет отвечает идеальному образу коммунистки?

Прототипами идеального образа женщины – члена большевистской партии начала 1920-х гг. послужили две женских модели, непосредственно связанные с революционным движением: «женщина-работница» – идеал пролетарский, а также «жена – соратник по революционной борьбе» – идеал революционный. Оба типа отрицали традиционные семейные ценности. Основу обновленного идеального типа коммунистки составили две основные функции – работницы и общественницы. Функции жены и ценность семьи были отодвинуты на второй план и длительное время рассматривались как проявление мещанства. Для образа коммунистки также была свойственна маскулинность, поскольку модель работницы и общественного деятеля была слепком с мужских ролей. Другой чертой образа коммунистки стала асексуальность и отказ от представлений о женском счастье как проекции семейной модели.

7.6. «Интеллектуальные силы народа» в составе РКП(б)

Коллективный портрет Екатеринбургской партийной организации был бы неполным без упоминания о тех ее членах, которые не относились к партийному большинству и казались почти случайными и подозрительными для пролетарского большинства попутчиками. Их восприятие товарищами по партии хорошо отражает характеристика одного из коммунистов – члена партии с дореволюционным партийным стажем и высшим образованием, приведенная в его лич-

¹⁷⁸ Кондакова Н. И. Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981. С. 22.

ном листе: «интеллигент, постепенно теряющий веру в революцию, безусловно честный»¹⁷⁹. Как ни странно, учитывая историю РСДРП, в создании которой интеллигенции отводилась решающая роль, после революции она оказалась в зоне недоверия и практически не была представлена в партии¹⁸⁰. В частности, в структуре провинциальной губернской организации удельный вес интеллигенции составлял всего 0,6 %, а вместе со студентами – 1,5 %¹⁸¹.

Около 1/4 представителей партийной интеллигенции (23 %) проживали в городах, остальные работали в сельской местности. В профессиональном плане облик этой группы коммунистов определяли прежде всего сельские учителя (51 %), а также библиотекари (23 %) и медицинские работники (20 %), т. е. те специалисты, которые обеспечивали реализацию задач пропаганды и работали в советских учреждениях. Характерно и то, что данная категория коммунистов в социально-профессиональном плане была очень стабильной и оставалась в границах своей профессиональной деятельности, невзирая на все перипетии Гражданской войны.

Коммунисты – представители интеллигентских профессий – отличались высоким образовательным уровнем: 11 % имели высшее образование, 46 % – среднее, 43 % – начальное. Образовательный статус непосредственно зависел от профессии. Так, 2/3 учителей имели среднее образование и еще 12 % – высшее; врачи – высшее, фельдшеры – среднее и начальное, наиболее низкий уровень отмечен у библиотекарей: 7 % из них имели среднее образование, остальные – начальное.

Около 1/3 представителей интеллигентских профессий составляли женщины (33,8 %) в возрасте от 20 до 30 лет; большинство с гимназическим или высшим образованием. Женщины в основном учительствовали (более 80 %). Библиотечная работа, напротив, была мужским занятием: в числе 15 человек – работников библиотек и изб-читален – была только одна женщина.

Что касается длительности пребывания в партии данной категории коммунистов, то здесь отмечается та же тенденция, что и у остальных членов РКП(б): 73,8 % были приняты в нее во время массовых наборов в 1919–1920 гг.; 9,2 % – в 1917–1918 гг.; 16,9 % – в 1921–1923 гг.

Таким образом, народная интеллигенция (по социальному происхождению и положению) была представлена в рядовом составе

¹⁷⁹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 571. Л. 59–60.

¹⁸⁰ К категории интеллигенции нами были отнесены следующие профессиональные группы: учителя, врачи и фельдшеры, артисты, библиотекари, инженеры, архивариус и журналисты.

¹⁸¹ Рассчитано на массиве 10 097 записей, удельный вес интеллигентской прослойки в выборке из 600 записей – 0,8 %, со студентами – 1,6 %.

партийной организации, но не определяла ее социальный облик. Причиной такого положения, с одной стороны, были ограничения на прием в партию непролетарских элементов, в частности служащих, к которым причислялась и интеллигенция. Отношение к образованным людям было очень настороженным, их считали социально чуждыми и не доверяли им. В резолюции «О пропаганде», принятой на VI съезде РСДРП(б) в июле-августе 1917 г., об этом говорилось открыто: «Отлив интеллигенции из рядов пролетарской партии, начавшийся в 1905 г., стал массовым после Февральской революции, когда классовое содержание деятельности нашей партии неизбежно определило отношение к ней непролетарских элементов»¹⁸². В результате интеллигенция наряду с политическими противниками советской власти стала объектом красного террора, подвергалась обыскам, арестам, реквизициям.

С другой стороны, нельзя отрицать наличия критического отношения к РКП(б) и ее политике со стороны образованной части российского общества. Оппозиционные настроения значительной части столичных интеллектуалов дали основание В. И. Ленину заявить в письме к А. М. Горькому: «Вас окружает [масса] озлобленной буржуазной интеллигенции, ничего не понявшей, ничего не забывшей, ничему не научившейся, в лучшем – в редкостно наилучшем случае – растерянной, отчаивающейся, стонущей, повторяющей старые предрассудки, запуганной и запугивающей себя»¹⁸³.

Образ озлобленной и растерянной интеллигенции становится хрестоматийным, широко транслируется пропагандой, подхватывается кинематографом и литературой. В течение долгого времени в восприятии общества интеллигент ассоциировался с «врагом» или с «ничтожеством», не способным на активное участие в борьбе за строительство социализма¹⁸⁴. Отголоски такого отношения сохранились в течение всего XX в., проявляясь в кризисные периоды истории страны.

Окончание Гражданской войны и введение нэпа в целом не изменили сложившейся ситуации: с одной стороны, выросла потребность в широком привлечении буржуазных специалистов к сотрудничеству, а с другой, усиливалось недоверие к ним. В августе 1922 г. Всероссийская конференция РКП(б) подтвердила необходимость жесткого конт-

¹⁸² Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.; Л., 1931. С. 25.

¹⁸³ Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. 31 июля 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 26.

¹⁸⁴ Подробнее см.: Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : в 2 ч. Ч. 2: Советское общество: культура, сознание, поведение / под. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 364–376.

роля и карательных мер в отношении интеллигенции. В резолюции «Об антисоветских партиях и течениях» было подчеркнуто: «...нельзя отказываться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которой подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. п. являются только пустым словом, политическим прикрытием»¹⁸⁵.

Таким образом, недоверие и подозрительность по отношению к образованным людям подогревались партийными решениями, которые формировали негативную атмосферу вокруг них. Естественно, таким людям было не место в партии. Но и обойтись без них было невозможно. Понимая это, Ленин предупреждал: «"Интеллектуальные силы" народа смешивать с "силами" буржуазных интеллигентов неправильно... "Интеллектуальным силам", желающим нести науку народу (а не прислужничать капиталу), мы платим жалованье выше среднего. Это факт. Мы их бережем»¹⁸⁶.

В практике партийной работы это деление на «своих интеллектуалов» и «чужих интеллигентов» не работало, поэтому так мало было среди членов партии представителей интеллигентских профессий: учителей, врачей, инженеров, библиотекарей, артистов, журналистов и пр. В Уставе партии они относились к категории «служащих», и к ним предъявлялись особо строгие требования при вступлении в партию. Некоторое послабление допускалось в отношении сельской интеллигенции, прежде всего учителей и фельдшеров, социально-экономическое положение которых было сопоставимо с беднейшей частью сельского общества. Это хорошо прослеживается на материалах партийной переписи: средний месячный доход сельского учителя – члена партии был невысоким и составлял от 4 до 9 тыс. руб., в то время как зарплата председателя волисполкома достигала 50 тыс., а секретаря волостной парторганизации – более 1 млн руб.¹⁸⁷

Следует особо остановиться на сельских учителях, которые фактически были «лицом» рядовой партийной интеллигенции. Они занимали значимое положение в сельском сообществе, имели авторитет и влияние на крестьян. Неудивительно, что учителя оказались в центре внимания партии и партийной политики, которая носила весьма

¹⁸⁵ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 45.

¹⁸⁶ Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. 15 сентября 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48.

¹⁸⁷ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557. Л. 93–93 об.; Д. 589. Л. 52–52 об.; Д. 605. Л. 105–106 об.; Д. 605. Л. 111–111 об.

противоречивый характер. С одной стороны, власть практиковала профессиональные чистки, стремясь избавиться от неблагонадежных представителей учительства¹⁸⁸, среди которых было много выходцев из духовенства; а с другой, стремилась укрепить с ними связь, в том числе привлекая в партию наиболее надежных из них. В резолюции по отчету ЦК на XIII съезде РКП(б), прошедшем в мае 1924 г., было прямо указано: «...Съезд поручает всем организациям партии обратить усиленное внимание на то, чтобы ближе связаться с лучшей частью сельского и городского учительства, агрономов и других слоев трудящейся деревенской интеллигенции. С этой целью партия должна в первую очередь обратить серьезное внимание на улучшение материального положения этих слоев. При правильной линии в этом вопросе партия скоро сможет добиться того, чтобы эти слои стали проводниками основных идей партии и Советской власти в широкие массы крестьянства»¹⁸⁹. На этом же съезде были предложены и конкретные мероприятия по данному вопросу: в порядке исключения было решено принять в партию 20 тыс. крестьян и тысячу «лучших учителей»¹⁹⁰. Однако последовавшее в скором времени постановление ЦК РКП(б) «О приеме в партию сельских учителей» ненамного облегчило процедуру приема. Вместо прежних трех рекомендаций от коммунистов с 5-летним стажем допускались три рекомендации от коммунистов с 3-летним стажем¹⁹¹.

Итак, реабилитация отдельных профессиональных групп интеллигенции началась с сельских учителей, которым доверялась задача «стать одним из звеньев, связующих крестьянские массы с рабочим классом»¹⁹². Далее последовали врачи и инженеры. Сложнее всего было «воспитать» творческую интеллигенцию, но, благодаря созданию системы творческих союзов и их бюрократизации, удалось поставить под партийный контроль и эту сферу.

В 1930-е гг. было заявлено о создании социалистической интеллигенции, рожденной уже после Революции и воспитанной комсомолом и партией¹⁹³. Однако недоверчивое отношение к интеллигенции со-

¹⁸⁸ См.: Ялозина Е. А. Кадровая школьная политика 1920-х годов как пролог сталинских репрессий // Вестн. Балтийск. федер. ун-та им. И. Канта. 2010. № 12. С. 22–28 (Сер. Гуманитарные и общественные науки).

¹⁸⁹ Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 66.

¹⁹⁰ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года : стеногр. отчет. М., 1924. С. 533–534.

¹⁹¹ О приеме в партию сельских учителей : постановление ЦК РКП(б) от 4 марта 1924 г. // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 183.

¹⁹² Сталин И. В. Приветствие Всесоюзному съезду учителей, 12–17 января 1925 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1952. Т. 7. С. 3.

¹⁹³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : крат. курс. М., 1951. С. 328–329.

хранялось еще долго, непосредственно влияя на уровень ее представительства в партии.

* * *

Логичным дополнением к характеристике партийной интеллигенции, или, как ее назвал В. Ленин, «интеллектуальных сил народа», выступает студенчество, численность которого начинает заметно расти в начале 1920-х гг. и которое в обозримом будущем станет новой советской интеллигенцией: выходцы из народа получают высшее образование и составят костяк региональной научной, технической, гуманитарной и политической элиты 1930-х гг.

На момент проведения переписи студенты в составе Екатеринбургской губернской организации составляли 0,9 %, в основном из Уральского государственного университета (97 %), 2 чел. учились в драмстудии Пролеткульта и еще один – в Петроградском политехническом институте. Больше половины студентов (64 %) были рабфаковцами. Факультеты чаще всего в анкетах не указаны: в семи анкетах отмечен медицинский факультет, в пяти – горный, в одном случае указан сельскохозяйственный и в одном – факультет механики.

К 1922 г. студенты как социальная группа стали заметным явлением. Применительно к более раннему периоду (1917–1921) в БД отмечено всего два студента. Их численный рост к 1922 г. стал отражением процесса становления советской высшей школы, который существенно ускорился с окончанием Гражданской войны.

Вопрос о реформировании высшего образования решался непросто. Долгое время у большевиков не было единого мнения по этому поводу, озвучивались разные точки зрения: либо о полной ликвидации университетской системы образования как носительницы буржуазных ценностей (представители Пролеткульта), либо о ее сохранении при условии обеспечения лояльности преподавателей по отношению к новой власти и изменения социального состава студенчества¹⁹⁴. Победило второе мнение: двери вузов открылись для всех желающих учиться, но в первую очередь – для рабочих и крестьян.

В ноябре 1917 г. декретом СНК РСФСР была организована Госкомиссия по просвещению, в состав которой вошел и отдел высшей школы. В декабре того же года все учебные заведения были переданы в ведение Народного комиссариата просвещения во главе с А. В. Луначарским. А в августе 1918 г. был принят декрет «О правилах приема в вузы», согласно которому высшее образование объявлялось бесплатным, а прием в вузы проводился без вступительных испытаний

¹⁹⁴ См.: *Аврус А. И. История российских университетов : очерки.* М., 2001. С. 44.

и без предъявления документов об образовании¹⁹⁵. Одновременно В. И. Лениным было подписано постановление «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства»¹⁹⁶. В проекте постановления, составленном им лично, подчеркивалось: «...На первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии»¹⁹⁷.

Так, заявленный в документе принцип демократизации образования был подменен принципом классового подхода. Преимущество при поступлении и право на бесплатное обучение имели также красноармейцы и члены партии. «Остальная молодежь, – писал П. А. Сорокин, – может попасть <в вуз> только в том случае, если останутся незанятые вакансии, и если внесена будет плата за учение в 500 млн руб. в год»¹⁹⁸. С 1923 г. право на бесплатное обучение в вузах получили дети профессоров, преподавателей, прочих работников, которые именовались «трудовой интеллигенцией», а также круглые сироты¹⁹⁹.

4 июля 1923 г. был издан декрет СНК РСФСР «О возмещении личным трудом государственных стипендиатов – студентов высших учебных заведений – расходов, понесенных государством на их содержание», согласно которому выпускники вузов должны были возместить государству потраченные на них средства, работая на одном из предприятий, указанных в вузовском списке²⁰⁰. Так окончательно оформилась идеология системы советского высшего образования – классово-ориентированной, бесплатной, с обязательным послевузовским распределением специалистов.

Параллельно разворачивался процесс обновления сети вузов: многие из провинциальных вузов закрылись из-за недостатка финансирования (Ярославский лицей, Стебутовский институт и др.)²⁰¹;

¹⁹⁵ О правилах приема в высшие учебные заведения : декрет Совета Народных Комиссаров от 02.08.1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 770.

¹⁹⁶ О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства : постановление СНК РСФСР от 02.08.1918 г. // Ленин и высшее образование [Электронный ресурс]. URL: <http://leninism.su/books/3601-lenin-nauka-i-prosveshhenie.html> (дата обращения: 19.05.2016).

¹⁹⁷ Ленин В. И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР: проект постановления Совета народных комиссаров // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 34.

¹⁹⁸ Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 81.

¹⁹⁹ См.: Андреев Д. А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы // НЛЮ. 2008. № 90 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html> (дата обращения: 19.05.2016).

²⁰⁰ О возмещении личным трудом государственных стипендиатов студентов высших учебных заведений – расходов, понесенных государством на их содержание : декрет СНК РСФСР от 04.07.1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. М., 1923. № 66. Ст. 643.

²⁰¹ См.: Сорокин П. А. Современное состояние России. С. 75–76.

другие были открыты, но, как правило, там, где для этого существовали предпосылки. К числу последних относился Уральский государственный университет. 19 октября 1920 г. был принят декрет СНК «Об учреждении Уральского государственного университета», в состав которого вошли шесть институтов: горный, политехнический, медицинский, сельскохозяйственный, педагогический и общественных наук. Также при университете был создан рабочий факультет²⁰². Известно, что в 1922 г. на рабфак поступило 218 рабочих, 106 крестьян, 102 служащих²⁰³. Но из-за голода с 15 марта 1921 г. по 15 марта 1922 г. число слушателей сократилось с 761 до 459 чел.²⁰⁴ Как показала партийная перепись, численность партийных студентов УрГУ составила в 1922 г. 86 чел.

Всего в 1921/22 г. в РСФСР насчитывалось 278 вузов, в которых обучались 206 тыс. чел.²⁰⁵

Характерной чертой советских вузов стало создание рабочих факультетов. Это была вынужденная мера, направленная на подготовку абитуриентов к обучению в вузе, поскольку многие из них имели начальное или неполное начальное образование. В сентябре 1919 г. было принято постановление «Об организации рабочих факультетов»²⁰⁶. Их законодательное оформление завершил декрет СНК РСФСР «О рабочих факультетах» от 17 сентября 1920 г. На рабфаки принимались «рабочие и крестьяне в возрасте от 18 лет, делегированные производственными союзами, фабрично-заводскими комитетами, партийными отделами работы в деревне, волостными, уездными и губернскими исполкомами»²⁰⁷. Обучение на дневном отделении рабочего факультета было приравнено к работе на производстве; слушатели обеспечивались государственными стипендиями. В 1921/22 учеб. г. на дневных рабфаках был установлен трехлетний срок обучения, на вечерних – четырехлетний.

Эту ситуацию отразила партийная перепись, зафиксировав в партийных рядах достаточно много студентов-рабфаковцев (64 %). Каков был социальный портрет екатеринбургских студентов-коммунистов?

²⁰² См.: Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова, 1920–1970 : ист. очерк / отв. ред. А. В. Бакунин. Свердловск, 1970. С. 21.

²⁰³ См.: Студент-рабочий. 1922. № 7. С. 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/10995/21889> (дата обращения: 20.10.2015).

²⁰⁴ См.: Там же.

²⁰⁵ См.: Рожков А. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России в 1920-е гг. М., 2014. С. 196.

²⁰⁶ См.: Аврус А. И. История российских университетов. С. 45.

²⁰⁷ О рабочих факультетах : постановление СНК РСФСР от 17.09.1920 г. // Ленин и высшее образование [Электронный ресурс]. URL: <http://leninism.su/books/3601-lenin-nauka-i-prosveshchenie.html> (дата обращения: 19.05.2016).

«Рабфак идет», 1928.
Художник Б. В. Иогансон

Поскольку для поступления в вуз требовались соответствующая биография и рекомендация от партийно-советских органов или рабочий стаж, то ожидаемо, что студенты-коммунисты в недалеком прошлом (1917–1921) были служащими (25 %), рабочими (15,7 %), крестьянами (10,1 %); прежде не работали только 6,7 %. Наиболее массовую категорию составили бывшие сотрудники советских, партийных, комсомольских или профсоюзных органов (27 %), а также те, кто служили в РККА или ЧК (15,7 %) – пройдя жесткий предварительный контроль, они получали «путевки» на учебу в вузы, которые фактически гарантировали их поступление²⁰⁸.

По партийному стажу распределение выглядит следующим образом: 57,3 % будущих студентов вступили в партию во время массовых наборов 1919–1920 гг.; 32,6 % – в 1917–1918 гг.; 4,5 % – в 1921 г. Обнаружена анкета студента с дореволюционным партийным стажем (с 1905 г.), одинокого, который поступил в вуз в возрасте 41 года²⁰⁹.

Среди студентов – членов партии начальное образование при поступлении имели более половины (59,6 %), среднее – 36,0 %, высшее – 1,1 %. Характерно, что все они положительно ответили на вопрос

²⁰⁸ Рожков А. В кругу сверстников.... С. 206–208.

²⁰⁹ ЦДОСО. Ф. 76. Оп.1. Д. 578. Л. 56–56 об.

анкеты о желании учиться дальше, но 65,2 % студентов (видимо, рабфаковцев) так и не определились, каким наукам будут учиться; 29,2 % назвали технические, медицинские науки, горное дело; 5,6 % – общественные науки. Ориентация на естественно-научные и технические направления подготовки свидетельствует о востребованности специалистов данных направлений; она отражала сложившееся соотношение учащихся на гуманитарных и естественно-научных факультетах (1 : 5).

Среди студентов-коммунистов было достаточно много женщин (20,2 %), что свидетельствует о процессе эмансипации, но еще не настолько сильном, чтобы изменить доминировавшую гендерную модель высшего образования, где преобладали мужчины. Такая ситуация сохранялась на протяжении всех 1920-х гг. В год начала первой пятилетки (1928) во всех высших учебных заведениях страны обучалось всего 28,1 % женщин. Только в 1930-е гг. произошли качественные сдвиги: накануне второй пятилетки удельный вес женщин среди студентов вырос до 33,3 %, перед началом третьей пятилетки – до 43,1 %²¹⁰.

Средний возраст студентов – членов партии по результатам партийной переписи составил 24,6 года, в том числе до 20 лет – 12,3 %; в возрасте 20–24 года были 43,8 %; 25–29 лет – 27,0 %; 30–39 лет – 12,3 %; 40 и более лет – 3,4 %. Таким образом, к получению высшего образования интерес проявляла преимущественно молодежь, как правило, без семьи. Одиноких студентов было 64 %, семейных – 36%, из них 78 % имели семьи из 2–4 человек, 18,7 % – из 5–8 человек. Один из студентов – крестьянин 27 лет – указал в анкете свою семью из 12 человек. Учитывая возраст студентов, средние и крупные семьи, отмеченные в анкетах, скорее всего были родительскими.

Проживая в городе, 1/3 студентов (29,2 %) поддерживали связь со своей семьей, оставшейся в деревне, помогая ей своим трудом в период сельскохозяйственных работ. Немаловажное значение имел и обратный процесс – помощь от родных продуктами, поскольку продовольственный паек, который получали студенты, был небольшим. По сообщению П. А. Сорокина, студенты Петроградского университета в 1920/21 учеб. г. получали «от 12 ф. до 1 ф. хлеба в день плюс 1 ф. сахару, 5 ф. селедок, 1 ф. соли, 5 ф. крупы и 0,5 ф. масла на месяц»²¹¹. В 1921 г. паек выдавали только студентам-коммунистам.

Чтобы прокормиться, студентам приходилось подрабатывать. Согласно данным переписи, 14,6 % студентов-коммунистов имели до-

²¹⁰ См.: *Стребкова Н. С.* Саратовское студенчество: повседневность в условиях становления и развития советского образования в провинции (1917–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2015. С. 34.

²¹¹ *Сорокин П. А.* Современное состояние России. С. 79.

полнительный заработок в размере от 1 920 до 13–14 тыс. руб. в месяц. Но встречаются анкеты, где указаны дополнительные доходы, достигавшие 1 млн руб. в месяц²¹².

Эти данные можно сравнить с результатами социологического опроса, проведенного среди студентов УрГУ в 1926 г. с целью изучения условий жизни²¹³. Всего в архиве сохранилось 300 заполненных анкет, среди респондентов только 2 % не получали стипендию. Размер их варьировался от 20 до 50 руб. в месяц²¹⁴.

Студенческие стипендии подразделялись на государственные и хозяйственные, последние выплачивались целевым студентам, «командированным» на обучение конкретными организациями и предприятиями. Также существовали выплаты «за счет отчислений от уральской промышленности»²¹⁵. Как правило, хозяйственные стипендии превышали государственные, размер которых был установлен в 1924 г. в 20 руб. В среднем уральский студент получал на обучение 27,9 руб. в месяц.

Треть студентов (34 %) указала, что не была связана с семьей в материальном плане. Помощь (посылки) от родственников получали только 13 % респондентов. 7 % находились на полном иждивении семьи – как правило, речь идет о тех, кто проживал в родительском доме или с родственниками. 6 % содержали собственные семьи – среди них были те, кто на момент заполнения анкеты уже были женаты²¹⁶.

Сведения партийной переписи подтверждаются результатами социологического опроса, отражая картину условий жизни студенчества вне зависимости от членства в партии. Этот же вывод касается членства в профсоюзах. Среди студентов-коммунистов 62 % состояли в профсоюзе, причем они принадлежали к тем профсоюзным организациям, в которых числились до поступления в вуз. Студенческих профсоюзов в начале 1920-х гг. не существовало²¹⁷. Президиум ВЦСПС считал нецелесообразным создание самостоятельных организаций в вузах, полагая, что последние должны присутствовать только в производственной сфере. Но уже в 1923 г. ситуация стала меняться, и в вузах страны стали организовывать профсоюзные секции, а впоследствии и профкомы²¹⁸.

²¹² ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 599. Л. 101–101 об.; Д. 599. Л. 122–122 об.

²¹³ ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 22, 23.

²¹⁴ В 1922 г. в ходе денежной реформы был проведен обмен денег в соотношении 1 новый рубль к 10 000 старых.

²¹⁵ Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова, 1920–1970. С. 37.

²¹⁶ ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 22, 23.

²¹⁷ *Аврус А. И.* История российских университетов. С. 52.

²¹⁸ *Фоминых С. Ф., Шандала Д. Е.* Становление органов студенческого самоуправления в 1920-е гг. (на материалах Томского государственного университета) // *Вестн. Томск. гос. ун-та. История.* 2015. № 2 (34). С. 53.

Таким образом, в начале 1920-х гг. благодаря разработанной системе материальной поддержки и социальных льгот при поступлении в вуз состав советского студенчества постепенно менялся в нужном, с точки зрения государственной идеологии, направлении: вырос удельный вес выходцев из рабочих и крестьян с одновременным снижением доли служащих и интеллигенции, что, без сомнения, влияло на общую подготовку студентов и качество образования. Основная проблема – недостаточный базовый уровень знаний у студентов для освоения программы высшей школы – решалась порой весьма оригинально. Так, например, Наркомат народного просвещения запрещал проверять знания студентов, чтобы избежать их отчисления²¹⁹. Широко практиковались бригадно-лабораторный метод обучения и групповые сдачи зачетов и экзаменов. Кроме того, студенты должны были участвовать в различных политических мероприятиях: собраниях, митингах, чистках. При этом некоторые из них столь активно занимались общественной работой, что им не хватало времени на посещение занятий. Политическая активность, отвлекая от образовательного процесса, тем не менее способствовала дальнейшей карьере общественников: их выдвигали на руководящие посты; при этом они нередко заканчивали вузы заочно²²⁰.

В целом, опираясь на данные партийной переписи, можно наблюдать, как выстраивалась система контроля за высшими учебными заведениями. Для этого использовались административные рычаги: назначение и смещение преподавателей, чистки среди преподавателей и студентов, регламентация приема студентов, учебного процесса и внеучебной деятельности²²¹. Но основным инструментом контроля стало создание на уровне факультетов комсомольских и партийных ячеек (студсекций), которыми руководило университетское бюро, в свою очередь находившееся под наблюдением губкомов РКСМ и РКП(б). Студенты – члены партии, а также комсомольцы стали основными проводниками коммунистических идей в университетской среде. Выполняя функции агитаторов, пропагандистов и организаторов, они также осуществляли идеологический контроль за студенческой массой и преподавателями, нередко выступая инициаторами массовых «чисток»²²².

²¹⁹ См.: *Аврус А. И.* История российских университетов. С. 47.

²²⁰ Там же. С. 52.

²²¹ Подробнее см.: *Рожков А.* В кругу сверстников... С. 193–372.

²²² См.: Там же. С. 229–230.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Это было
с бойцами,
или страной,
или в сердце
было
в моем».

Маяковский В. Хорошо. Октябрьская поэма¹

История губернской партийной организации, рассмотренная в монографии с опорой на первичные данные такого уникального источника, как Всероссийская партийная перепись 1922–1924 гг., весьма показательна. Она дает представление не только об эволюции партии в условиях завоевания политической власти, но и об особенностях развития всего раннесоветского общества. Специфика временных рамок анализа социальных процессов, охватывающих годы революции, Гражданской войны и начальный период мирного строительства, дает возможность, во-первых, проследить, в каком направлении эволюционировали партия и общество в целом за пять послереволюционных лет и, во-вторых, проанализировать, как менялись представления политической элиты о партии – ее образе, роли и месте в обществе, и как эти представления отразились на социальном облике коммунистов начала 1920-х гг.

При проведении подобного локального исследования закономерно встает вопрос о том, насколько типична рассматриваемая партийная организация и может ли она служить основой для характеристики общероссийских процессов. Специфика Екатеринбургской губернской организации определялась горнозаводской специализацией региона и активно развивающейся городской средой. Эти аспекты нашли отражение в социальной структуре партийной организации. Но в целом,

¹ *Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 10.

учитывая доминирующее влияние политико-идеологических факторов, процессы социальной трансформации, происходившие внутри партии, были вполне типичными для всего советского российского пространства, хотя, может быть, на Урале, как и в других промышленных регионах России, они протекали несколько быстрее.

Проект большевиков по созданию партии как революционной организации, способной перевернуть всю Россию, оказался успешным. Партия стала инструментом захвата власти, а затем ее удержания и строительства государства диктатуры пролетариата, в котором большевики контролировали всю систему управления. В результате РКП(б) выполняла функции актора социальных преобразований и одновременно сама являлась объектом, который постоянно изменялся под влиянием встающих перед ней очередных задач. Такая двойственность обусловила возможность рассматривать большевистскую партию как фрагмент социальной реальности 1917–1924 гг., в котором как в зеркале отразились все социальные сдвиги и перемены, переживавшиеся раннесоветским обществом.

Основными направлениями трансформаций, затронувших партию, были массовизация, мобилизация и бюрократизация.

Процессы *массовизации* были неизбежны в условиях преобразования РСДРП из малочисленной подпольной организации, имеющей черты боевой структуры со строгой дисциплиной и системой вертикальных управленческих связей, в правящую партию. Для РКП(б) как партии власти было необходимо развитие горизонтальных структур, расширение социальной базы до пределов, позволяющих контролировать все узлы управления в центре и на местах. В этих условиях главной задачей партийного строительства становилось обеспечение внутренней дисциплины. Если в условиях подполья эта задача решалась политическими средствами, то в новой ситуации дисциплина стала одним из направлений воспитания нового поколения коммунистов, вербуемых из рабочих и крестьян – малообразованных, но восприимчивых к пропаганде и привыкших жить в традиции уважения к мнению старшего поколения.

Достижению той же цели способствовала политика *мобилизаций*, ставшая характерной чертой раннесоветского общества. Находясь в центре борьбы за власть в условиях Революции и Гражданской войны, РКП(б) была вынуждена использовать мобилизационные механизмы для привлечения в свои ряды новых членов (массовые наборы и вербовки) и для распоряжения имеющимся ресурсом (назначенство и трудовые/военные мобилизации) с целью оперативного решения возникающих проблем. Это был мобилизационный режим, в контексте которого каждый член партии выступал в роли солдата, готового

по первому распоряжению выполнить любое задание партии, включая участие с оружием в руках в политической борьбе, продовольственных реквизициях, подавлении антисоветских выступлений и т. п. Мобилизованный солдат революции, жизнь и способности которого принадлежат партии и служат ее задачам – это наиболее распространенный образ, сформированный идеологией и транслируемый пропагандой. В дальнейшем мобилизационный статус коммуниста получил отражение в Моральном кодексе строителя коммунизма, где была выделена такая черта, как «высокое сознание общественного долга»². По сути своей она демонстрирует состояние самоорганизации, превращение внешнего мобилизационного фактора во внутренний регулятор поведения коммуниста.

Таким образом, мобилизационные механизмы формирования, управления и функционирования партийной организации способствовали созданию особого типа коммуниста, основными достоинствами которого были верность и фанатичная преданность партии. Недаром у Сталина родилось сравнение партии с орденом меченосцев.

Бюрократизация партийных рядов (внутренняя и внешняя) стала неизбежным результатом массовизации и мобилизационного характера внутрипартийной жизни. Внутренняя бюрократизация была связана с формированием сложного по структуре аппарата управления, задачами которого были установление контроля над партийными органами в центре и на местах и подавление демократических тенденций. Приоритет вертикальных коммуникаций и директивный характер принятия решений облегчали бюрократизацию, вовлекая в этот процесс всю систему: от низовых партийных ячеек до ЦК. Внешняя бюрократизация была непосредственно связана с формированием партийно-хозяйственной и советской номенклатуры, позволявшей партии контролировать внепартийные структуры власти и обеспечивать идейное руководство на всех уровнях системы управления.

Эти процессы начались сразу после Октябрьского переворота и в основном завершились к 1923 г., превратив РКП(б) в массовую, военизированную, бюрократическую организацию, контролировавшую всю государственную систему.

Без преувеличения можно сказать, что партия послужила образцом для конструирования раннесоветского общества. В этом смысле все идеологические и модернизационные новации в первую очередь затрагивали партию, а затем распространялись на общество в целом. Это касалось не только религиозных, культурных, идейно-политиче-

² Программа Коммунистической партии Советского Союза : принята XXII съездом КПСС в 1962 г. [Электронный ресурс]. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm (дата обращения: 27.11.2018).

ских, но и семейных вопросов, а также карьерных стратегий. В частности, социальная структура партии (благодаря чисткам и ужесточению принципа отбора) уже в начале 1920-х гг. свелась к упрощенной схеме (рабочие – крестьяне – служащие), задавая тренд социальных изменений на уровне общества в целом. Так, процессы эмансипации женщин затронули партийные ряды раньше и проявились более ярко, чем в беспартийной среде. Трансформация религиозного сознания членов партии имела место уже во время проведения переписи 1922 г., предвосхищая культурную революцию конца 1920-х – начала 1930-х гг.

РКП(б) стала экспериментальным полигоном: политическая элита, подчинив себе партию, в конце концов смогла установить контроль над всем обществом.

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Агитпроп ЦК	отдел пропаганды и агитации при ЦК
Агитпропагандистский	агитационно-пропагандистский
Агитпропотдел	отдел пропаганды и агитации
БД	база данных
ВКП(б)	Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ (комсомол)	Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
Военкомат	Военный комиссариат
Военработник	работник, взятый на военный учет
Военревком	военно-революционный комитет
Волземотдел	волостной земельный отдел
Волисполком	волостной исполнительный комитет
Волком	волостной комитет
Всевобуч	всеобщее военное обучение
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ВЦИК	Всероссийский (Всесоюзный) централь- ный исполнительный комитет
ВЦСПС	Всероссийский (Всесоюзный) централь- ный совет профессиональных союзов
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР
ГАРФ	Государственный архив Российской Феде- рации
ГИК	губернский исполнительный комитет
ГК	губернский комитет
Главполитпросвет	Главное управление политико-просвети- тельной работы Народного комиссариата просвещения
Главполитуправление	Главное политическое управление РККА
Главхим ВСНХ	Главное управление химической промышлен- ности Высшего совета народного хозяйства
Горком	городской комитет
Горрайком	районно-городской комитет

Горсекретариат	городской секретариат
ГПУ	Главное политическое управление
ГСПС	губернский совет профессиональных союзов
Губвоенревком	губернский военно-революционный комитет
Губисполком	губернский исполнительный комитет
Губком	губернский комитет
Губкомиссия	губернская комиссия
Губкомщик (мн. ч. губкомцы)	член губернского комитета
Губотдел	губернский отдел
Губполитпросвет	губернский орган политического просвещения
Губпродком	губернский продовольственный комитет
Губпрофсовет	губернский совет профессиональных союзов
ГубСНХ (губсовнархоз)	губернский совет народного хозяйства
Губстатбюро	губернское статистическое бюро
ГубЧК	губернская чрезвычайная комиссия
«Децисты»	демократические централисты
ДОСААФ	Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
Женсовет	женский совет
ЗСФСР	Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
Истпарт	Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)
Кирреспублика	Киргизская республика
Компартия	Коммунистическая партия
Комячейка	коммунистическая ячейка
КПК	Комиссия партийного контроля
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
Наркомат	народный комиссариат
Наркомвнешторг	Народный комиссариат внешней торговли
Наркомвнудел	Народный комиссариат внутренних дел
Нацкомпартия	Национальная Коммунистическая партия
НКИД	Народный комиссариат иностранных дел
НКТП	Народный комиссариат тяжелой промышленности
НРА ДВР	Народная революционная армия Дальневосточной Республики
Нэп (НЭП)	новая экономическая политика
Обком	областной комитет

Обкомол	областной комитет РКСМ
Облбюро	областное бюро ЦК
ОблКК	областная контрольная комиссия
ОК	областной комитет
Оргбюро	организационное бюро ЦК
Орготдел	организационный отдел
ОСНАЗ	отряды специального назначения
ОСОАВИАХИМ	Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
Ответработник	работник на ответственной должности
Партвлиание	партийное влияние
Партком (парткомитет)	партийный комитет
Парткомиссия	партийная комиссия
Парторг	партийный организатор
Парторганизация	партийная организация
Партперепись	партийная перепись
Партсуд	партийный суд
Партячейка	партийная ячейка
Погуб	продовольственный отдел губернского исполнительного комитета
Политбюро	Политическое бюро ЦК
Политуправление	политическое управление
Политотдел	политический отдел
Политпросвет	орган, руководящий политико-просветительной работой
Предупрофбюро	председатель уездного бюро профессиональных союзов
ПриУрВО	Приуральский военный округ
Пролеткульт	Союз пролетарских культурно-просветительских организаций при Народном комиссариате просвещения; пролетарская культурно-просветительная организация
Профорганы	профсоюзные органы
Профсоюз	профессиональный союз
ПУР	Политическое управление Революционного Военного Совета Республики
Райком	районный комитет
РВСР (Реввоенсовет)	Революционный Военный Совет Республики
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
Ревсоветтрудоарм	Революционный Совет Трудовой армии
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия

РКП(б)	Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ (комсомол)	Российский коммунистический союз молодежи
РЛКСМ	Российский Ленинский коммунистический союз молодежи
РОСТА	Российское телеграфное агентство
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая партия
РСДРП(б)	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
СДПГ	Социал-демократическая партия Германии
Севхимтрест	Северный трест химической промышленности
Сельсовет	сельский Совет
СНК (Совнарком)	Совет народных комиссаров
СНХ	Совет народного хозяйства
Соворганы	советские органы
Совтрударм	Совет Трудовой армии
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
Статбюро	статистическое бюро
Статбюро ЦК	Статистическое бюро Центрального комитета
Статотдел	статистический отдел Секретариата ЦК
СТО (Совобороны)	Совет труда и обороны
Торгпред	торговый представитель
Угорком	уездно-городской комитет
Уком (уездком)	уездный комитет
Упродком	уездный продовольственный комитет
Уралбюро	Уральское бюро
Уралобком	Уральский областной комитет
Уралобласть	Уральская область
Уралпромбюро	Уральское промышленное бюро
Учраспредотдел ЦК	Учетно-распределительный отдел Центрального комитета
Учетат	учетно-статистический отдел (подотдел)
Фабзавком	фабрично-заводской комитет
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области
«Цекисты»	работники ЦК

Центрпроверком	Центральная комиссия по пересмотру, проверке и очистке РКП(б)
Цехпарторг	Цеховой партийный организатор
ЦК	Центральный комитет
ЦКК	Центральная контрольная комиссия
ЦКмол	Центральный комитет РКСМ
ЦО	Центральный орган (редакция газеты «Искра»)
ЦСУ РСФСР	Центральное статистическое управление Российской Социалистической Федеративной Советской Республики
ЧОН	части особого назначения
«Эксы»	экспроприации
Эсеры	социалисты-революционеры

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р-130 – Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) – Совет министров РСФСР.

Ф. Р-393 – Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР), 1917–1930.

Ф. Р-5677 – Административная комиссия при Президиуме Всероссийского центрального исполнительного комитета, 1918–1938.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. Р-7 – Исполнительный комитет Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком), 1919–1923.

Ф. Р-1812 – Уральское областное управление народнохозяйственного учета, 1924–1933.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17 – Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС), 1898, 1903–1991.

Ф. 89 – Ярославский Е. М. (1878–1943)

Ф. 558 – Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953).

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО)

Ф. 4 – Свердловский областной комитет КПСС, 1917–1991.

Ф. 6 – Свердловский окружной комитет ВКП(б), 1923–1930.

Ф. 41 – Свердловский (Уральский) истпарт, 1922–1979.

Ф. 76 – Екатеринбургский губернский комитет РКП(б), 1918–1923.

Ф. 221 – Партийный архив Свердловского обкома КПСС, 1905–1999.

Ф. 1373 – Красноуфимский уездный комитет РКП(б), 1918–1924.

Ф. 1393 – Екатеринбургская губернская контрольная комиссия РКП(б), 1919–1923.

Ф. 1494 – Уральское бюро ЦК РКП(б), 1920–1923.

2. Труды теоретиков социализма и коммунизма

Аксельрод П. М. Объединение российской социал-демократии и ее задачи / П. М. Аксельрод // Искра. 1904. № 57.

Бухарин Н. И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков / Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский. Пг. : Гос. изд-во, 1920 [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/buharin_nikolay/azbuka_kommunizma/read/ (дата обращения: 15.06.2018).

Бухарин Н. И. О партийном строительстве / Н. И. Бухарин // Десятый съезд РКП(б) : стеногр. отчет. М. : Госполитиздат, 1961. С. 219–235.

Бухарин Н. И. Путь к социализму / Н. И. Бухарин. Новосибирск : Сибир. отд-ние изд-ва «Наука», 1990.

Глебов-Авилов Н. Профессиональные союзы и Советское государство / Н. Глебов-Авилов. [Л.] : Ленингр. губ. сов. проф., 1925.

Зиновьев Г. Е. Ленинизм. Введение в изучение ленинизма / Г. Е. Зиновьев. Л. : Госиздат, 1925.

Зиновьев Г. Е. Об укреплении партии / Г. Е. Зиновьев // XI съезд РКП (б) : протоколы. М. : Партиздат, 1936. С. 401–432.

Каутский К. Эрфуртская программа / К. Каутский ; пер. с нем. Stuttgart : Dietz Nachf., 1903.

Коллонтай А. М. Задачи отделов по работе среди женщин / А. М. Коллонтай // Марксистский феминизм : коллекция текстов А. М. Коллонтай. Тверь : Феминист-Пресс-Россия, 2003. С. 209–215.

Коллонтай А. М. Работница и крестьянка в Советской России / А. М. Коллонтай // Избранные статьи и речи. М. : Политиздат, 1972. С. 322–340.

Коллонтай А. М. Революция быта / А. М. Коллонтай // Марксистский феминизм : коллекция текстов А. М. Коллонтай. Тверь : Феминист-Пресс-Россия, 2003. С. 230–239.

Крупская Н. К. Женщина-работница / Н. К. Крупская // Пед. соч. : в 10 т. М. : Изд-во АПН, 1957. Т. 1. С. 71–103.

Крупская Н. К. Из атеистического наследия / Н. К. Крупская. М. : Наука, 1964.

Ленин В. И. II съезд РСДРП // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1967. Т. 7. С. 287–290.

Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП (б) 2–4 декабря 1919 г. : Политический доклад Центрального комитета 2 декабря // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 342–363.

Ленин В. И. VIII съезд РКП (б) 18–23 марта 1919 г. : Отчет Центрального Комитета 18 марта // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1969. Т. 38. С. 131–150.

Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов. 23–28 декабря 1921 г. : О внутренней и внешней политике Республики : Отчет ВЦИК и СНК // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 44. С. 291–329.

Ленин В. И. IX съезд РКП(б). 29 марта – 5 апреля 1920 г. : Заключительное слово по докладу Центрального комитета 30 марта // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1974. Т. 40. С. 258–267.

Ленин В. И. X съезд РКП(б) 8–16 марта 1921 г. : Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 43. С. 7–34.

Ленин В. И. XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. : Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 45. С. 65–138.

Ленин В. И. А. М. Горькому [от 15 сентября 1919 г.] // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 51. С. 47–48.

Ленин В. И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 1–29.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1969. Т. 33. С. 1–120.

Ленин В. И. Государство рабочих и партийная неделя // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 224–226.

Ленин В. И. Доклад на собрании большевиков – участников всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1969. Т. 31. С. 103–112.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи : Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1981. Т. 41. С. 298–318.

Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин (предложение XII съезду партии) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 45. С. 383–388.

Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1968. Т. 19. С. 319–344.

Ленин В. И. Кризис партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 42. С. 234–244.

Ленин В. И. Лучше меньше да лучше // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 45. С. 389–406.

Ленин В. И. Марксизм и восстание : Письмо Центральному комитету РСДРП(б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1969. Т. 34. С. 242–247.

Ленин В. И. О задачах союзов молодежи : Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1981. Т. 41. С. 298–318.

Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 45. С. 23–33.

Ленин В. И. О перестройке работы СНК, СТО и Малого СНК. Письма А. Д. Цюрупе : Письмо от 24.01.1922 // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 44. С. 364.

Ленин В. И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР : Проект постановления Совета народных комиссаров // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1969. Т. 37. С. 34.

Ленин В. И. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1960. Т. 11. С. 215–224.

Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 165–208.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1974. Т. 36. С. 127–164.

Ленин В. И. Письма из далека : Письмо 3. О пролетарской милиции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1969. Т. 31. С. 34–47.

Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. 31 июля 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 51. С. 23–27.

Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. 15 сентября 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 51. С. 47–49.

Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову о работе статистического и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 44. С. 392–393.

Ленин В. И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1967. Т. 7. С. 1–32.

Ленин В. И. Письмо П. А. Залуцкому, А. А. Сольцу и всем членам Политбюро о чистке партии и условиях приема в партию // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 44. С. 283–284.

Ленин В. И. Проект программы нашей партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1967. Т. 4. С. 211–239.

Ленин В. И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1972. Т. 15. С. 127–160.

Ленин В. И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 44. С. 341–353.

Ленин В. И. Проект Устава РСДРП // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1967. Т. 7. С. 256–258.

Ленин В. И. Речи и выступления при обсуждении Устава партии 2 (15) августа // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1967. Т. 7. С. 287–292.

Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 39. С. 131–138.

Ленин В. И. Речь на Первом Всероссийском съезде работников 19 ноября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1969. Т. 37. С. 185–187.

Ленин В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1981. Т. 41. С. 398–408.

Ленин В. И. Социализм и религия // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1968. Т. 12. С. 142–147.

Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу Коммунистического интернационала // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1981. Т. 41. С. 159–212.

Ленин В. И. Тетради по империализму // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1962. Т. 28. С. 3–742.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1969. Т. 34. С. 287–339.

Ленин В. И. X съезд РКП(б) 8–16 марта 1921 г. : Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1970. Т. 43. С. 7–33.

Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1963. Т. 6. С. 1–192.

Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 1967. Т. 8. С. 185–414.

Луначарский А. В. Христианство или коммунизм : диспут с митрополитом А. Введенским / А. В. Луначарский. Л. : Ленингр. Гублит, 1926.

Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1960. Т. 17. С. 317–370.

Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1961. Т. 19. С. 9–32.

Маркс К. Письмо Полно Лафаргу от 18 апреля 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1964. Т. 32. С. 560–561.

Маркс К. Письмо Фердинанду Фрейлиграту от 29 февраля 1860 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1963. Т. 30. С. 398–406.

Маркс К. Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1957. Т. 8. С. 423–491.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1955. Т. 4. С. 419–459.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1955. Т. 2. С. 3–230.

Маркс К., Энгельс Ф. Устав Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1955. Т. 4. С. 524–529.

Мартынов А. С. Две диктатуры / А. С. Мартынов. Женева : Типография партии, 1905.

Молотов В. М. Отчет об организационной деятельности ЦК / В. М. Молотов // XI съезд РКП(б) : протоколы. М. : Партиздат, 1936. С. 48–63.

Потресов А. О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии / А. Потресов // Интеллигенция – Власть – Народ : антология. М. : Наука, 1992. С. 251–296.

Сталин И. В. Класс пролетариев и партия пролетариев (По поводу первого пункта Устава партии) // Сталин И. В. Соч. М. : ОГИЗ : Политиздат, 1946. Т. 1. С. 61–72.

Сталин И. В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов: Набросок плана брошюры // Сталин И. В. Соч. 1947. Т. 5. С. 61–87.

Сталин И. В. Об итогах XIII съезда РКП (б) : докл. на курсах секретарей укомов при ЦК РКП (б) 17 июня 1924 г. // Сталин И. В. Соч. 1947. Т. 6. С. 233–259.

Сталин И. В. Организационный отчет ЦК РКП(б) / И. В. Сталин // Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков), 17–25 апреля 1923 г. : стеногр. отчет. М. : Красная новь, 1923. С. 55–69.

Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сталин И. В. Соч. 1949. Т. 12. С. 257–334.

Сталин И. В. Приветствие Всесоюзному съезду учителей, 12–17 января 1925 г. // Сталин И. В. Соч. 1952. Т. 7. С. 3.

Сталин И. В. Соч. М. : Политиздат, 1947–1954 ; М. : Писатель, 1997.

Томский М. П. Избранные статьи и речи / М. П. Томский. М. : Книгоизд-во ВЦСПС, 1928.

Троцкий Н. Наши политические задачи / Н. Троцкий. Женева : Типография партии, 1904.

Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической партии 1891 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1962. Т. 22. С. 227–243.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1956. Т. 7. С. 343–437.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1955. Т. 2. С. 231–517.

3. Сборники документов

Аграрная политика советской власти (1917–1918 гг.) : док. и материалы. М. : Изд-во АН СССР, 1954.

В. И. Ленин, КПСС об организационно-партийной работе : в 4 т. Т. 1. Членство в КПСС. М. : Политиздат, 1985.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960 / под ред. А. Н. Яковлева. М. : Междунар. фонд «ДЕМОКРАТИЯ», 2000.

Гусляров Е. Н. Сталин в жизни: Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков / Е. Н. Гусляров. М. : ОЛМА-ПРЕСС : Звездный мир, 2002.

История советской политической цензуры : док. и коммент., 1917–1993 / отв. сост. и рук. твор. колл. Т. М. Горяева. М. : РОССПЭН, 1997.

Ленинский призыв РКП(б) : сб. М. ; Л. : Госиздат, 1925.

Сборник резолюций и тезисов Центрального комитета РСДРП и партийных совещаний. Харьков : Глав. комитет РСДРП на Украине, 1920.

4. Документы Коммунистической партии

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года : стеногр. отчет. М. : Госиздат, 1926.

XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года : стеногр. отчет. М. ; Л. : Госиздат, 1928.

Восьмая конференция РКП(б) : протоколы. М. : Партиздат, 1934.

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года : протоколы. М. : Госполитиздат, 1959.

Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года : протоколы. М. : Госполитиздат, 1959.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года : стеногр. отчет. М. : Политиздат, 1968.

Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. М. : Партиздат, 1934.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года : стеногр. отчет. М. : Госполитиздат, 1963.

Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский. М. ; Л. : ОГИЗ, 1931.

Изменения в Уставе ВКП(б) : резолюция XVIII съезда ВКП(б) // КПСС в резолюциях... 1985. Т. 7. С. 80–94.

Инструкция о производстве переписи членов РКП 1922 г. // Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. М. : Изд. отд-ние ЦК РКП, 1921. С. 6.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) : в 16 т. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1983–1990.

Новая редакция Программы КПСС // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года : стеногр. отчет : в 2 т. М. : Политиздат, 1986. Т. 1. С. 554–623.

О военном коммунизме // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 327.

О партийной неделе : резолюция VIII конференции РКП(б), 2–4 декабря 1919 г. // Восьмая конференция РКП(б) : протоколы. М. : Партиздат, 1934. С. 233–235.

О партийном строительстве : резолюция XIII конференции РКП(б), 16–18 января 1924 г. // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 3. С. 145–152.

О партийном строительстве : резолюция XIV конференции РКП(б), 27–29 апреля 1925 г. // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 3. С. 353–368.

О приеме в партию сельских учителей : постановление ЦК РКП(б) от 4 марта 1924 г. // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский. М. ; Л. : ОГИЗ, 1931. С. 183.

Об улучшении положения политпросветучреждений : циркуляр ЦК РКП(б) от 14 сентября 1923 г. // Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский. М. ; Л. : ОГИЗ, 1931. С. 210.

Общий организационный план переписи членов РКП с учетом коммючек и парткомов // Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. М. : Изд-во «Красная новь», 1921. С. 4–8.

Одиннадцатый съезд РКП(б) : протоколы. М. : Партиздат, 1931.

Организационный устав Российской социал-демократической рабочей партии, принятый на Втором съезде. [Б. м.] : [Б. и.], 1903.

Отчеты отделов ЦК РКП к XI съезду партии // Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3.

Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М. : Партиздат, 1932.

По вопросам партийного строительства : резолюция X съезда РКП(б), 8–16 марта 1921 г. // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 323–334.

По организационному вопросу : резолюция VIII съезда РКП(б), 18–23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 103–108.

По организационному вопросу : резолюция IX съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 260–264.

По отдельным организационным вопросам : резолюция XV съезда ВКП(б), 2–19 декабря 1927 г. // КПСС в резолюциях... 1984. Т. 4. С. 314.

Программа Российской социал-демократической рабочей партии : принята на Втором съезде партии в 1903 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903project4.htm> (дата обращения: 27.11.2018).

Программа Коммунистической партии Советского Союза : принята XXII съездом КПСС в 1962 г. [Электронный ресурс]. URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/III_program_KPSS.htm (дата обращения: 27.11.2018).

Протоколы X съезда РКП (б). М. : Партиздат, 1933.

Протоколы XI съезда РКП(б). М. : Партиздат, 1936.

Об изменении в Уставе ВКП(б) : резолюция XVIII съезда ВКП(б), 10–21 марта 1939 г. // КПСС в резолюциях... 1985. Т. 7. С. 80–94.

По заявлению оппозиции от 19 декабря : резолюция XV съезда ВКП(б), 2–19 декабря 1927 г. // XV съезд ВКП(б) : стеногр. отчет : в 2 т. М. : Госиздат, 1962. Т. 2. С. 1468–1470.

По вопросу укрепления партии, в связи с учетом опыта проверки личного состава : резолюция декабрьской конференции РКП(б) 1921 г. // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 509–513.

Результаты проведения партийной недели, состоявшейся в октябре-декабре 1919 г. // Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. : протоколы. М. : Партиздат, 1934. С. 236–238.

Рождение партийной номенклатуры / публ. подгот. М. В. Зеленов // Вопр. истории. 2005. № 2. С. 3–24.

Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики : резолюция XI съезда РКП(б), 27 марта – 2 апреля 1922 г. // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 483–492.

Руководящие кадры РКП (большевики) и их распределение. М. : Госиздат, [Б. г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/staff%20/?id=3853> (дата обращения: 28.06.2018).

Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 г. : протоколы. М. : Госполитиздат, 1959.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года : стеногр. отчет. М. : Госиздат, 1924.

Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевики) [1925] // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 3. С. 474–489.

Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевики) [1934] // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 6. С. 133–146.

Устав Российской Коммунистической партии (большевики) [1919] // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 201–212.

Устав Российской Коммунистической партии (большевики) [1922] // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 2. С. 573–582.

Устав Российской социал-демократической рабочей партии [1917] // КПСС в резолюциях... 1983. Т. 1. С. 589–591.

Шестой съезд РСДРП (большевики). Август 1917 года : протоколы. М. : Госполитиздат, 1958.

5. Документы органов власти и управления, учреждений и организаций

Всероссийский съезд профессиональных союзов (1; 1918; Москва) : полн. стеногр. отчет : Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов, 7–14 января 1918 г. / с предисл. М. Томского. М. : [Тип. М. И. Смирнова], 1918.

Всероссийский съезд профессиональных союзов : стеногр. отчет : Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов, 16–25 января 1919 г. Ч. 1. (Пленумы) / Всерос. центр. совет проф. союзов. М. : [Б. и.], 1921.

Всероссийский съезд профессиональных союзов : стеногр. отчет : Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов, 6–13 апреля 1920 г. Ч. 1. (Пленумы) / Всерос. центр. совет проф. союзов. М. : [Б. и.], 1921.

Всероссийский съезд профессиональных союзов : стеногр. отчет : Четвертый Всероссийский съезд профессиональных союзов (17–25 мая 1921 года) : [работы Пленума и секций]. Ч. 1. (Пленумы) / Всерос. центр. совет профсоюзов. М. : [20-я гос. тип.], 1921.

Всесоюзный съезд работниц и крестьянок, 10–16 октября 1927 г. : стеногр. отчет. М. : ЦИК Союза ССР, 1927.

Из протокола № 21 заседания СНК от 7 (20) декабря 1917 г. // В. И. Ленин и ВЧК : сб. док. (1917–1922 гг.). М. : Политиздат, 1975. С. 36–38.

Инструкция по формированию революционных батальонов народно-социалистической гвардии в районах дивизионных резервов и в частях, расположенных в прифронтовой полосе // Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 – март 1918 г. М. : Наука, 1973. С. 327–329.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве : утв. ВЦИК РСФСР 16 сентября 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://advokat-bel.ru/information/library/kzoags/> (дата обращения: 28.06.2016).

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов на заседании 10 июля 1918 г. // Конституции Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 25.06.2017).

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : утверждена II съездом Советов Союза ССР 31 января 1924 г. // Конституции Российской Федерации : [сайт]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508665/ (дата обращения: 25.06.2017).

О возмещении личным трудом государственных стипендиатов студентов высших учебных заведений – расходов, понесенных государством на их содержание : декрет СНК РСФСР от 04.07.1923 // Собр. узаконений РСФСР. М., 1923. № 66. Ст. 643.

О временных правилах об обществах и союзах : Именной высочайший указ 4 марта 1906 г. // Полный свод законов Российской империи. Собрание третье. Т. 26. № 27479. Собрание узаконений. 1906. 7 марта. Отд. 1. Ст. 308.

О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния : декрет ВЦИК и СНК от 18 (31) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 247–250.

О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР : декрет СНК от 26 декабря 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-41-dekret-bezgramotnost-1918.shtml> (дата обращения: 28.06.2016).

О ликвидации неграмотности : декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1923 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1787.htm (дата обращения: 27.11.2018).

О порядке замещения должностей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии : декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит. 1959. С. 154–155.

О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами : постановление ВЦИК от 17 февраля 1919 г. // В. И. Ленин и ВЧК : сб. док. (1917–1922 гг.). М. : Политиздат, 1975. С. 154–156.

О правилах приема в высшие учебные заведения : декрет Совета Народных Комиссаров от 02.08.1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управ. делами СНК СССР, 1942. С. 770.

О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства : постановление СНК РСФСР от 02.08.1918 // Ленин и высшее образование [Электронный ресурс]. URL: <http://leninism.su/books/3601-lenin-nauka-i-prosveshhenie.html> (дата обращения: 19.05.2016).

О рабочей милиции : постановление по Народному Комисариату по Внутренним Делам от 10.11.2017 // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управ. делами СНК СССР, 1942. С. 16.

О рабочих факультетах : постановление СНК РСФСР от 17.09.1920 // Ленин и высшее образование [Электронный ресурс]. URL: <http://leninism.su/books/3601-lenin-nauka-i-prosveshhenie.html> (дата обращения: 19.05.2016).

О расторжении брака : декрет ВЦИК и СНК от 16 (29) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 237–240.

О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний : инструкция Революционному Трибуналу // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управ. делами СНК СССР, 1942. С. 181–183.

О революционных трибуналах : декрет от 4 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Политиздат, 1959. С. 234.

О сроке службы в Красной Армии : декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. // Декреты советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 155–156.

О суде : декрет от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 124–126.

О централизации библиотечного дела в РСФСР : декрет СНК от 3 ноября 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/law/snk/1917/?id=2836> (дата обращения: 27.11.2018).

Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении : постановление ВЦИК от 22 июня 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5: 1 апреля – 31 июля 1919 г. М. : Политиздат, 1971. С. 295–296.

Об использовании женского труда на производстве и кооперативном аппарате: постановление СНК РСФСР от 8 декабря 1931 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства. 1931. № 2.

Об обязательном обучении военному искусству : декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 151–153.

Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота : декрет СНК от 29 января (11 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 434–441.

Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии : декрет СНК от 15 (28) января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 356–357.

Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция) : постановление Народных Комиссариатов по Внутренним делам и Юстиции от 17.10.2018 // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управ. делами СНК СССР, 1942. С. 1031–1037.

Об отделении церкви от государства и школы от церкви : декрет СНК от 23 января 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 269 [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 27.11.2018).

Об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов : декрет СНК от 8 апреля 1918 г. // Декреты советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 61–70.

Об учреждении Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии : декрет СНК от 15(28) января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 357–358.

Положение о прокурорском надзоре : постановление ВЦИК от 28.05.2018 // Собр. узаконений и распоряжений правительства. 1922. № 36. Отд. первый. Ст. 424–425.

Правка проекта Постановления СНК о разграничении функций между Народным комиссариатом юстиции и ВЧК от 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) // В. И. Ленин и ВЧК : сб. док. (1917–1922 гг.). М. : Политиздат, 1975. С. 44.

Проект циркулярного письма о порядке производства арестов и задержаниях ВЧК [23.03.1920] // Альманах «Россия. XX век». Арх. А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1018629> (дата обращения: 08.08.2018).

«Судить буду группой по волостям» : документы Госархива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. / публ. М. И. Вебера // Отеч. арх. 2016. № 6. С. 88–103.

Телеграмма всем прифронтовым ЧК об их правах от 29 января 1920 // Альманах «Россия. XX век». Арх. А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1018597> (дата обращения: 08.08.2018).

Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов / Рос. социал.-демократ. рабочая партия. Пг. : [Б. и.], 1918.

Формула торжественного обещания // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 156–157.

6. Статистические сборники

Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. М. : Изд. отд-ние РКП, 1921.

Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. М. : Изд. отд-ние ЦК РКП, 1922–1925. Вып. 1–5.

Всесоюзная партийная перепись 1927 года. М. : Изд. стат. отдела ЦК ВКП(б), 1927. Вып. 6.

Народное хозяйство СССР за 60 лет : стат. сб. М. : Статистика, 1977.

Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург : Изд. Екатеринбург. губ. стат. бюро, 1923.

7. Периодическая печать

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7.

Известия ЦК РКП(б). 1919. 1922–1923.

Известия Екатеринбургского губкома РКП(б). 1921. № 6.

Ист. арх. 1960. № 5.

Студент-рабочий. 1922. № 7.

Урал. рабочий. 1920. 5 июня.

8. Справочники

Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. Изменения административно-территориальных делений СССР за период с 1917 года по 1924 год. По материалам Народного комиссариата внутренних дел РСФСР / сост. С. И. Сулькевич. Л. : [Б. и.], 1924.

Административно-политическое строение СССР. Ч. 2. Перечень республик, областей, губерний, уездов и волостей СССР по данным на 1 мая 1924 г. По материалам Народного комиссариата внутренних дел РСФСР / сост. С. И. Сулькевич. Л. : [Б. и.], 1924.

Информационное обеспечение баз данных по истории России XX в. : (на материалах Тверского и Уральского регионов) : словарь-справочник : в 2 ч. Тверь : ТГУ, 1998.

Краткий справочник по фондам Центра документации общественных организаций Свердловской области. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007.

Населенные пункты Уральской области. Т. 3. Ирбитский округ. Свердловск : Орготдел Уралоблисполкома, Уралстатуправления и областных исполкомов, 1928.

Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург : Изд. Екатеринбург. губ. стат. бюро, 1923.

Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза, 1898–1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knowbysight.info/LLL/05549.asp> (дата обращения: 15.07.2018).

9. Публицистические, научно-популярные произведения, учебники

Козлова С. А. Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке (по неизданным материалам Омск. архивного бюро) / С. А. Козлова // Из прошлого Сибири. Омск : Изд. Омск. о-ва краеведения, 1927. С. 67–95.

Кривов Т. Уральское областное бюро ЦК РКП / Т. Кривов // Известия Екатеринбургского губкома РКП(б). 1920. № 18 (24).

Лозовский А. Профессиональные союзы в Советской России / А. Лозовский. М. : Изд. ВЦСПС, 1920.

Моор Д. С. Азбука красноармейца / Д. С. Моор. М. : Гос. изд-во, 1921.

Руководящие кадры РКП (большевики) и их распределение. М. : Госиздат, [Б. г.] С. 35 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/rushist/sovigu/libraries/staff%20/?id=3853> (дата обращения: 28.06.2016).

Сорокин П. А. Современное состояние России / П. А. Сорокин. Прага : [Б. и.], 1922.

Численный состав делегатов по СССР // Коммунистка. 1924. № 10. С. 17–21.

Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России : в 2 т. Л. : Ленингр. губ. сов. проф., 1925. Т. 2.

Шафир Я. Газета и деревня / Я. Шафир. М. ; Л. : Красная новь, 1924.

10. Художественные произведения

Гладков Ф. Цемент : роман / Ф. Гладков. М. : Совет. Россия, 1980.

Маяковский В. В. «МЮД» // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. / подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 7. С. 173–175.

Маяковский В. В. Хорошо. Октябрьская поэма // В. В. Маяковский. Полн. собр. соч. : в 13 т. / подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 8. С. 233–328.

Толстой А. Н. Гадюка // Толстой А. Н. Полн. собр. соч. : в 15 т. М. : ОГИЗ, 1948. Т. 6. С. 325–364.

11. Письма, дневники, воспоминания

Большевик, подпольщик, боевик : Воспоминания И. П. Павлова / сост. Е. Бурденков. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН, 2015 [Электронный ресурс]. <http://www.rulit.me/books/bolshevik-podpolshchik-boevik-vospominaniya-i-p-pavlova-read-417970-2.html> (дата обращения: 28.06.2016).

Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927 : сб. док. / сост. : А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М. : РОССПЭН, 1996.

Быков В. М. Подполье / В. М. Быков // Урал. коммунист. 1923. № 2–3. С. 25–32.

Герцман М. А. Боевая дружина Екатеринбурга в 1905 году / М. А. Герцман // Большевики Урала в революции 1905–1907 гг. Свердловск : Кн. изд-во, 1956. С. 228–231.

Гиппиус З. Петербургские дневники. Черная книжка / З. Гиппиус // Литература русского зарубежья : антология : в 6 т. М. : Книга, 1990. Т. 1, кн. 2. С. 187–211.

Елисеев Ф. И. С хоперцами : Воспоминания о гражданской войне / Ф. И. Елисеев // Добровольческий Корпус. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: http://www.dk1868.ru/history/s_xoper1.htm (дата обращения: 30.03.2018).

Игнатьев А. Воспоминания организатора / А. Игнатьев // Первая боевая организация большевиков 1905–1907 гг. / сост. С. М. Познер. М. ; Л. : Госиздат, 1934. С. 77–83.

Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника / Л. М. Каганович. М. : Вагриус, 1996.

Королихин В. М. Восстание крестьян в Верх-Ирменской волости против Колчака / В. М. Королихин // Воспоминания о революционном Новониколаевске. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1959. С. 120–132.

Кураев Е. А. Воспоминания уфимского боевика И. Ф. Новоселова (А. Н. Соколова) / Е. А. Курлаев, Е. А. Бурденков // Вестн. Музея истории Екатеринбурга. 2016. Вып. 2. С. 94–169.

Пушкарев И. Боевик, каторжанин, мельник / И. Пушкарев // «Znak»: интернет-газета. URL: https://www.znak.com/2017-12-20/k_100_letiyu_vchk_istoriya_pervogo_ural'skogo_chekista_pereigravshego_1enina. (дата обращения: 28.06.2016).

Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов / К. Т. Свердлова. М. : Мол. гвардия, 1976 [Электронный ресурс]. URL: http://politazbuka.info/texts-art/435-sverdlova-k-t-yakov-mihailovich-sverdlov.html#1_3 (дата обращения: 28.06.2016).

Стасова Е. Д. Автобиография / Е. Д. Стасова // Большая Русская Биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://interpretive.ru/termin/stasova-elena-dmitrievna.html> (дата обращения: 15.07.2018).

Суханов Н. Н. Записки о революции / Н. Н. Суханов : в 3 т. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. М. : Республика, 1992.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аврус А. И. История российских университетов : очерки / А. И. Аврус. М. : Моск. общ. науч. фонд, 2001.

Адибекова Г. М. Протоколы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) как исторический источник / Г. М. Адибекова, Л. А. Роговая, Л. П. Кошелева // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестка дня заседаний. 1919–1952 : каталог. Т. 1. 1919–1929. М. : РОССПЭН, 2000. С. 3–11.

Аликина Н. А. Дон Кихот пролетарской революции : Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы) / Н. А. Аликина. Пермь : Изд-во «Пушка», 2006.

Алферова И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти, 1917–1927 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Алферова. СПб., 2011.

Андреев Д. А. «Красный студент» и политика пролетаризации высшей школы / Д. А. Андреев // НЛЮ. 2008. № 90 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/an5.html> (дата обращения: 19.05.2016).

Андреев Е. М. Демографическая история России, 1927–1959 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Д. Харькова. М. : «Информатика», 1998.

Андрухов Н. Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР, 1917–1937 / Н. Р. Андрухов. М. : Политиздат, 1977.

Андрухов Н. Р. Партийное строительство после Октября, 1917–1924 гг. / Н. Р. Андрухов. М. : Политиздат, 1973.

Аракелова М. П. Государственная политика в отношении женщин Российской Федерации в 1920-е гг.: опыт организации и уроки : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / М. П. Аракелова. М., 1997.

Аракелова М. П. Ликвидация неграмотности среди женщин в первой половине 1920-х гг. / М. П. Аракелова // СОЦИС. 1994. № 3. С. 75–78.

Бакунин А. В. Екатеринбургская губерния / А. В. Бакунин, К. И. Зубков // Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2002. С. 180–181.

Барткевич Л. Л. Подготовка партийных кадров / Л. Л. Барткевич. Рига : Авотс, 1980.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век / Р. А. Белоусов. М. : ИзДАТ, 1999.

Белоусова З. С. Вызов капитализму: советский фактор в мировой политике / З. С. Белоусова, Д. Г. Наджафаров // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М. : Наука, 1996. С. 54–107.

Бенсаид Д. Маркс. Инструкция по применению / Д. Бенсаид. М. : Ин-т общегуманит. исслед., 2012.

Бердинских В. А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке / В. А. Бердинских. М. : Ломоносовъ, 2011.

Березкина О. С. Политическая элита и политический режим в 1920-е годы (опыт системного анализа) / О. С. Березкина // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М. : РОССПЭН, 2006. С. 302–320.

Березкина О. С. Революционная элита переходного периода (1921–1927) / О. С. Березкина // Свобод. мысль. 1997. № 11. С. 56–79.

Бехтерев С. Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии / С. Л. Бехтерев. Ижевск : УИИЯЛ, 1997.

Библиотечное дело в СССР в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // История библиотечного дела России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.univer.omsk.su/pages/hbwork/> (дата обращения: 27.11.2018).

Бим-Бад Б. М. Модернизация института семьи : макросоциологический и антрополого-педагогический анализ / Б. М. Бим-Бад, С. Н. Гавров. М. : Новый Хронограф, 2010.

Большевики-ленинцы на Урале : метод. пособие для преподавателей ВПШ. Свердловск : Свердл. высш. парт. шк., 1989.

Бондарь В. А. Информационный потенциал базы данных «Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г.» в исследованиях по истории раннесоветского общества / В. А. Бондарь // Ист. информатика. 2016. № 3–4. С. 3–12.

Бородкин Л. И. Коллективная биография представителей законодательной власти России начала XX в. (о методике создания базы данных «Дума») / Л. И. Бородкин, Ю. Г. Григорьева, Н. Б. Селунская // Комплексные методы в исторических исследованиях : тез. докл. VI Всесоюз. совещания. М. ; Донецк : Донец. отд-ние САМИ, 1991. С. 197–198.

Боффа Дж. СССР. От разрухи к мировой державе : советский прорыв / Дж. Боффа. М. : Алгоритм, 2015.

Брайович С. М. Карл Каутский – эволюция его воззрений / С. М. Брайович. М. : Наука, 1982.

Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. ст. : [переводы / НИИ ЦСУ СССР, отд. демографии ; под ред. [и с предисл.] А. Г. Вишневецкого, И. С. Кона. М. : Статистика, 1979.

Бри М. Открыть Ленина снова / М. Бри. М. : Логос, 2017.

Бровкин В. Н. Культура новой элиты, 1921–1925 гг. / В. Н. Бровкин // *Вопр. истории.* 2004. № 8. С. 83–97.

Булдаков В. П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» / В. П. Булдаков // *Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль.* М. : ИРИ РАН, 1997. С. 55–75.

Бурденков Е. Листовки и пистолеты: экстремизм и терроризм в дореволюционном Екатеринбурге / Е. Бурденков [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2016-11-07/ekstremizm_i_terrorizm_v_dorevolucionnom_ekaterinburge (дата обращения: 30.05.2017).

В. И. Ленин и строительство партии в первые годы Советской власти / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, кафедра истории КПСС ; [ред. коллегия: А. А. Тимофеевский (гл. ред.) и др.]. М. : Мысль, 1965.

Варшавчик М. А. Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика / М. А. Варшавчик. Киев : Вища шк. : Изд-во при Киев. ун-те, 1984.

Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. редакция и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990.

Вебер М. И. Мятеж рабочих Полевского завода против большевистской власти (16–18 июня 1918 года): причины и последствия / М. И. Вебер // *Genesis : ист. исслед.* 2016. № 6. С.170–182.

Вебер М. И. Невьянское восстание против большевистской власти в июне 1918 года: фиаско «третьего пути» в Гражданской войне / М. И. Вебер // *Веси.* 2014. № 8 (104). С. 4–15.

Веремеев Ю. Комплектование Красной (Советской) армии / Ю. Веремеев // Юрий Веремеев. Анатомия армии [Электронный ресурс]. URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/k_sov_arm.shtm (дата обращения: 30.03.2018).

Верт Н. История Советского государства, 1900–1991 / Н. Верт. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992.

Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневецкий. М. : ОГИ, 1998.

Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М. : РОССПЭН, 1995.

Воейков М. Великая реформа и судьба капитализма в России (к 150-летию отмены крепостного права) / М. Воейков // *Вопр. экономики.* 2011. № 4. С. 119–136.

Волобуев П. В. Революция и народ (методологические и теоретические аспекты) / П. В. Волобуев // Октябрьская революция. Народ ее творец или заложник? / под ред. П. В. Волобуева. М. : Наука, 1992.

Волошина // Живая история [Электронный ресурс]. URL: <http://lhistory.ru/statyi/likvidaciya-bezgramotnosti-v-sssr> (дата обращения: 27.11.2018).

Воробьев Н. И. Семья в Нерехте (К вопросу об анализе семьи) / Н. И. Воробьев // Советская демография за 70 лет (Из истории науки) / под ред. Т. В. Рябушкина. М. : Наука, 1987. С. 110–130.

Воробьев С. В. Власть и общественные настроения на Урале в начальный период НЭПа (по информационным сводкам ВЧК – ОГПУ) / С. В. Воробьев // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 9. С. 148–154.

Воробьев С. В. Всероссийская партийная перепись 1922 г. : организация и проблема достоверности источника / С. В. Воробьев // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы V регион. науч. конф., декабрь 2002 г. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2003. С. 37–40.

Воробьев С. В. Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. в контексте внутрипартийной борьбы за власть / С. В. Воробьев // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 156–163.

Воробьев С. В. Местная власть в глазах населения Урала в первые годы нэпа / С. В. Воробьев // Партийные архивы. Прошлое и настоящее, перспективы развития : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург : ООО Альфа-принт, 2017. С. 197–207.

Воробьев С. В. Н. И. Уфимцев и Екатеринбургский губком РКП(б): конфликт с центром и его последствия / С. В. Воробьев // Советский проект, 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 204–216.

Воробьев С. В. Проблема социального облика коммунистов Урала в начале 1920-х гг. : сравнительный анализ массовых источников / С. В. Воробьев // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 5. С. 314–323.

Воробьев С. В. Соблазны нэпа: должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е гг. / С. В. Воробьев // Вестн. Перм. гос. ун-та. 2014. № 2 (25). С. 60–71 (Сер. История).

Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг. : Источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук / С. В. Воробьев. Екатеринбург, 2004.

Воробьев С. В. Уралбюро ЦК РКП(б) в партийной иерархии: между центром и регионами / С. В. Воробьев // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2016. № 3 (19). С. 52–64.

Воробьев С. В. Уралбюро ЦК РКП(б) в системе власти: позиция региональных партийных руководителей / С. В. Воробьев // История науки и техники в современной системе знаний : Шестая ежегод. конф. каф. истории науки и техники, 8 февраля 2016 г. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2016. С. 310–315.

Воробьев С. В. Формирование властной вертикали советской политической системы в период нэпа (на примере Урала) / С. В. Воробьев // Государство и народ в условиях социалистического эксперимента: опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. С. 47–96.

Воробьев С. В. «Я вопию о завучраспред»: кадровые проблемы в деятельности Уралбюро ЦК РКП(б) / С. В. Воробьев // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала XVIII–XXI вв. : материалы XI Всерос. науч. конф. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2014. Т. 1. С. 232–237.

Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский ; предисл. М. Джиласа. 1-е совет. изд. М. : МП «Октябрь» : Сов. Россия, 1991.

Выдрин Ф. А. Регулирование социального состава и роста РКП(б) / Ф. А. Выдрин // Ленинские принципы партийного строительства в условиях перехода к социализму. М. : Мысль, 1970. С. 68–71.

Высшее образование в России : Очерк истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелева. М. : НИИ ВО, 1995.

Гарви П. А. Профсоюзы и кооперация после революции (1917–1921) / П. А. Гарви. Benson : Chalidze Publications, 1989.

Гарскова И. М. «От просопографии к статистике»: методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию / И. М. Гарскова // Источник, метод, компьютер : сб. науч. тр. Барнаул, 1996. С. 122–142 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/barnaul.htm#f1> (дата обращения: 21.02.2016).

Гарскова И. М. Базы и банки данных в исторических исследованиях / И. М. Гарскова. Геттинген : Konrad Pachnicke Max-Planck-Institut fur Geschichte, 1994.

Герасимова И. А. Структура семьи / И. А. Герасимова. М. : Статистика, 1976.

Геллер М. Утопия у власти / М. Геллер, А. Некрич. М. : МИК, 1995. Кн. 1.

Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция / А. Гетти. М. : Полит. энциклопедия, 2016.

Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс ; пер. с англ. В. Малышенко, Е. Крюкова, С. А. Модестов, Б. Б. Моздухов, А. Ю. Рыкун. М. : Эдиториал УРСС, 1999.

Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы / Е. Г. Гимпельсон. М. : ИРИ РАН, 2000.

Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. / Е. Г. Гимпельсон. М. : Ин-т Рос. истории РАН, 1998.

Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 / Е. Г. Гимпельсон. М. : Наука, 1995.

Голдин В. Лбов и его команда: Историческое повествование / В. Голдин. Екатеринбург : Раритет, 2015.

Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / В. З. Голдман ; пер. с англ. В. Ю. Лобовской. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.

Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне : в 2 т. / Н. Н. Головин. Париж : Товарищество объединенных издателей, 1939. Т. 1.

Гончарова В. В. Воробьев Владимир Александрович / В. В. Гончарова // 37-й на Урале. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 26–35.

Горбачев О. В. Историко-демографические базы данных в контексте европейских компаративных исследований : проект EHPS-NET / О. В. Горбачев // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 2–3 (8–9). С. 4–9.

Горбачев О. В. Историко-демографические базы данных как исследовательский ресурс / О. В. Горбачев, Л. Н. Мазур // Демографические процессы на постсоветском пространстве : сб. материалов VI Урал. демогр. форума с междунар. участием / отв. ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. Екатеринбург : Ин-т экономики Урал. отд-ния РАН, 2015. С. 50–55.

Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929 / В. В. Гришаев. М. : Мысль, 1976.

Гурьев А. И. Как закалялся агитпроп : система государственной идеологической обработки населения в первые годы НЭПа / А. И. Гурьев. М. : ООО «Научно-издательский центр “Академика”», 2011.

Гутнов Д. А. Российские историки XVIII – начала XX в. : проект и информационная система / Д. А. Гутнов, В. А. Перевертень // Круг идей: новое в исторической информатике / под ред. Л. И. Бородкина и В. С. Тяжелниковой. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. С. 39–50.

Данилкин Л. А. Ленин. Пантакратор солнечных пылинок / Л. А. Данилкин. М. : Мол. гвардия, 2017.

Дмитриенко С. Л. Состав местных партийных комитетов в 1924–1927 гг. / С. Л. Дмитриенко // Ист. зап. М., 1966. Т. 79. С. 89–102.

Долгова А. В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 годах / А. В. Долгова // Вестн. Перм. ун-та. 2008. Вып. 7 (23). С. 39–45 (Сер. История).

Драма российской истории: большевики и революция / под ред. О. В. Волобуева. М. : Новый хронограф, 2002.

Дороничев В. А. Формирование института единоначалия в советских вооруженных силах в период военной реформы 1920-х годов : дис. ... канд. ист. наук / В. А. Дороничев. Калининград, 2009.

Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже. М. : Акад. Проект, 2000.

Жилин А. П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. / А. П. Жилин // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М. : Наука, 1994. С. 153–165.

Жиромская В. Б. Религиозность народа в 1937 г.: По материалам Всесоюзной переписи населения / В. Б. Жиромская // Ист. вестн. 2000. № 5 (1) [Электронный ресурс]. URL: http://www.liveinternet.ru/users/word_solo/post180041022/ (дата обращения: 27.11.2018).

Журавлев В. В. РСДРП(б) – РКП(б) на этапе превращения в правящую партию (октябрь 1917 – 1920 г.) / В. В. Журавлев // Политические партии России: история и современность. М. : РОССПЭН, 2000. С. 387–404.

Залесский К. А. Потери Русской армии в Первой мировой войне / К. А. Залесский // Москва. 2014. Ноябрь. [Электронный ресурс]. URL: http://moskvam.ru/publications/publication_1204.html (дата обращения: 27.12.2018).

Здравомыслова А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / А. А. Здравомыслова, Е. А. Темкина // Журн. исслед. социал. политики. 2003. Т. 1, № 3–4. С. 299–321.

Зеленов М. В. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1922 гг. / М. В. Зеленов // Вестн. Нижегород. ин-та управления. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL : http://services.niu.ranepa.ru/nauka/wp-content/uploads/2012/07/СК3_08.pdf (дата обращения: 21.02.2016).

Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты) / Г. М. Иванов. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1973.

Измозик В. Подлинная история РСДРП – РКП(б) – ВКП(б) : крат. курс. Без умолчаний и фальсификаций / В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник. СПб. : Питер, 2010.

Исаев В. И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) / В. И. Исаев // *Вестн. Новосибир. гос. ун-та.* 2002. Т. 1. С. 63–70 (Сер. История, филология; вып. 3. История).

Истер Д. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / Д. М. Истер. М. : РОССПЭН, 2010.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : крат. курс. М. : Госполитиздат, 1951.

История КПСС : в 6 т. / под ред. П. Н. Поспелова. М. : Политиздат, 1970. Т. 4, кн. 1.

История политических партий России / Н. Г. Думова, Н. Д. Ерофеев, С. В. Тютюкин и др. М. : Высш. шк., 1994.

Казанцева Ю. В. Городская библиотека и читатель на Урале в годы нэпа / Ю. В. Казанцева // *Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф.* Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2009. С. 121–123.

Кандаурова Т. Н. «Биографика» и коллективный портрет российских коллекционеров и меценатов на страницах музейной энциклопедии / Т. Н. Кандаурова // *Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 142–149.

Кантор Ю. Белые в красном / Ю. Кантор // *Рос. газ.* 2013. 29 янв.

Капица С. Общая теория роста человечества / С. Капица. М. : [Б. и.], 2009.

Каракулов Д. В. Голод 1921–1922 гг. на Урале : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. В. Каракулов. Екатеринбург, 2000.

Кара-Мурза С. Г. Гражданская война / С. Г. Кара-Мурза. М. : Эксмо : Алгоритм, 2009.

Карпи Г. История русского марксизма / Г. Карпи. М. : Common Place, 2016.

Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917–1923 / Э. Карр. М. : Прогресс, 1990. Т. 1–2.

Каштанов С. М. О подлинности и достоверности актовых источников / С. М. Каштанов // *О подлинности и достоверности исторического источника.* Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 24–41.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. М. : Наука, 1987.

Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство, 1921–1927 / В. А. Козлов. М. : Наука, 1983.

Козлова Н. Н. Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект / Н. Н. Козлова // *Женщина в российском обществе.* 2011. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-modernizatsiya-sovetskoy-politicheskoy-sistemy-institutsionalnyy-aspekt> (дата обращения: 17.08.2018).

Козлова Н. Н. Женотделы в контексте эмансипаторского проекта большевиков / Н. Н. Козлова // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете [Электронный ресурс]. URL: <http://tvergenderstudies.ru/docs/bk04ar10.rtf> (дата обращения: 17.08.2018).

Колдушко А. А. Управление составом партийной номенклатуры в 1920-х – первой половине 1930-х годов (на материалах Прикамья) / А. А. Колдушко // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2013. № 8. С. 17–33 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-sostavom-partiynoy-nomenklatury-v-1920-h-pervoupolovine-1930-h-godov-na-materialah-prikamya> (дата обращения: 08.02.2019).

Колотков М. Б. Революционные трибуналы Советской России в 1917–1922 гг.: организационное строительство и правовая деятельность (на примере Курской губернии) / М. Б. Колотков // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 68–74.

Кольцова Е. Первые шаги милиции / Е. Кольцова // Новое знамя : общ.-полит. газ. Белояр. гор. округа. 2017. 22 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://bel-gazeta.ru/2017/11/22/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D1%88%D0%B0%D0%B3%D0%B8-%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8/> (дата обращения: 11.08.2018).

Кон И. С. Социология молодежи / И. С. Кон // Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина ; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. М. : Политиздат, 1988. С. 353–354.

Кондакова Н. И. Опыт КПСС в решении женского вопроса / Н. И. Кондакова. М. : Мысль. 1981.

Конonenko А. А. Эсеры на Урале в 1917–1919 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Кононенко. Екатеринбург, 1994.

Коржихина Т. П. История российской государственности / Т. П. Коржихина, А. С. Сенин. М. : Фирма «Интерпракс», 1995.

Коржихина Т. П. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопр. истории. 1993. № 7. С. 25–38.

Корнилов Г. Е. Национальный состав населения Урала в первой половине XX века / Г. Е. Корнилов // Историко-культурное наследие славян на Южном Урале. Оренбург : Печатный дом «Димур», 1998. С. 42–45.

Коцуг В. П. Разработка В. И. Лениным вопросов партийного строительства (1917–1924) / В. П. Коцуг. Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1979.

Козн С. Бухарин. Политическая биография, 1888–1938 / С. Козн. М. : Прогресс, 1988.

Краус Т. Ленин: Социально-теоретическая реконструкция / Т. Краус. М. : Наука, 2011.

Кружинов В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. М. Кружинов. Тюмень, 2001.

Кружинов В. М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала) / В. М. Кружинов. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000.

Кузнецов И. В. Коммунисты Центрального промышленного района в двадцатые годы: социальный портрет по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 года / И. В. Кузнецов // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике : тр. V конф. Ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Сидорова, И. Ф. Юшина. Минск : БГУ, 1998. С. 109–130.

Кулаков Д. С. Части особого назначения Екатеринбургской губернии / Д. С. Кулаков // Персональный сайт Дмитрия Кулакова. URL: <http://demos.eetk.ru/special.html> (дата обращения: 10.08.2018).

Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть / Н. С. Ларьков. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1995.

Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход / П. Ласлетт // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневого, И. С. Кона. М. : Статистика, 1979. С. 132–138.

Лацис О. Перелом. Сталин против Ленина / О. Лацис // Суровая драма народа. М. : Политиздат, 1989. С. 142–164.

Левин М. Гражданская война: Динамика и наследие / М. Левин // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. : Наука, 1994. С. 252–277.

Левин М. Советский век / М. Левин. М. : Изд-во «Европа», 2008.

Леви-Стросс К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс ; [пер., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского]. М. : Республика, 1994.

Лельчук В. С. Большевики / В. С. Лельчук, С. В. Тютюкин // Политические партии России: история и современность. М. : РОССПЭН, 2000. С. 243–259.

Липянина М. А. «Обязательства и обязанности агитатора». 1918 г. / М. А. Липянина // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. С. 101–110 (Сер. История).

Литвак К. Б. К вопросу о партийных переписях и культурном уровне коммунистов в 20-е годы / К. Б. Литвак // Вопр. истории КПСС. 1991. № 2. С. 79–92.

Лобок Д. В. Профсоюзное движение : история, теория, практика / Д. В. Лобок, В. Б. Морозов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гуманит. ун-та профсоюзов [СПбГУП], 2007.

Логинов В. Заветы Ильича. «Сим победиши» / В. Логинов. М. : Алгоритм, 2017.

Лопухин Ю. М. Болезнь, смерть и балзамирование В. И. Ленина. Правда и мифы / Ю. М. Лопухин. М. : Республика, 1997.

Лошманова О. А. Организационно-кадровые проблемы становления частей особого назначения (ЧОН) Калужской губернии 1919–1924 гг. / О. А. Лошманова // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-kadrovye-problemy-stanovleniya-chastej-osobogo-naznacheniya-chon-kaluzhskoy-gubernii-1919-1924-gg> (дата обращения: 10.08.2018).

Любимова С. Т. Из истории деятельности женсоветов / С. Т. Любимова // Вопр. истории КПСС. 1969. № 9. С. 68–77.

Лямзин А. В. Периодическая печать как источник по истории взаимоотношения церкви и государства в 1920-е гг. (на примере Уральского региона) : автореф дис. ... канд. ист. наук / А. В. Лямзин. Екатеринбург, 2000.

Мазур Л. Н. Всероссийская партийная перепись 1922–1924 гг. как источник по истории семьи / Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев // Актуальные проблемы источниковедения : материалы III междунар. науч.-практ. конф. Витебск, 8–9 октября 2015 г. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. С. 285–288.

Мазур Л. Н. Историко-типологический метод в изучении раннесоветской семьи / Л. Н. Мазур, Л. И. Бродская // Историческая информатика. 2017. № 3. С. 43–77 [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/istinf/article_23752.html (дата обращения: 13.04.2018).

Мазур Л. Н. Карьерные стратегии и социальный облик партийной молодежи (По материалам Всероссийской партийной переписи 1922–1924 гг.) / Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев // «To idzie młodość!». Młodzież w ideologii i praktyce komunizmu / pod red. D. Magiera. Lublin ; Radzyn Podlaski: Towarzystwo Nauki i Kultury «Libra», 2016. S. 59–77.

Мазур Л. Н. Методы исторического исследования / Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010.

Мазур Л. Н. Молодежь и революция: социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922–1924 гг.) / Л. Н. Мазур // Quaestio Rossica. 2017. № 4. С. 1009–1026.

Мазур Л. Н. От персональных документов к коллективным биографиям: просопографическая база данных по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г. / Л. Н. Мазур // Науч. вестн. Крыма. 2016. № 4 (4) [Электронный ресурс]. URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/67> (дата обращения: 13.04.2017).

Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: Региональное измерение / Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012.

Мазур Л. Н. Семья коммунистов Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.) / Л. Н. Мазур // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки. 2016. Т. 18, № 3 (154). С. 85–105.

Мазур Л. Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа / Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.

Мазур О. А. База данных «Социальный облик коммунистов 20-х гг. на Урале» / О. А. Мазур // Региональный банк данных: Урал в XX веке : тез. рабочего совещания: г. Екатеринбург, ноябрь 1993 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. С. 32–34.

Мазур О. А. Всероссийская партийная перепись 1922 г. / О. А. Мазур // Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф., Свердловск, 23–25 октября 1990 г. Вып. 2. Источниковедение. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 78–81.

Малько А. В. Смертная казнь в России: История. Политика. Право / А. В. Малько, С. В. Жильцов. М. : Норма, 2003.

Мангейм К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. М. : Юрист, 1995.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / под ред. И. Д. Ковальченко. М. : Наука, 1979.

Медушевская О. М. Историк и источники / О. М. Медушевская // Вопр. истории. 1972. № 4. С. 193–195.

Медушевский А. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке / А. Медушевский. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Мельников В. П. Областные бюро ЦК РКП(б). Из опыта КПСС по идейному и организационному укреплению местных партийных организаций (1920–1925 гг.) / В. П. Мельников. М. : Мысль, 1981.

Мид М. Культура и мир детства : избр. произв. / М. Мид. М. : Наука, 1988.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1.

Мирошниченко М. И. Женщины на Урале в 1920–1935 гг. / М. И. Мирошниченко. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013.

Михайлова А. И. Осмысление феномена одиночества как социального явления / А. И. Михайлова // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та (ЗабГУ). 2013. № 4 (51). С. 90–94 [Электронный ресурс]. URL: <http://uchzap.ru/ru/journals/587> (дата обращения: 26.11.2018).

Мозохин О. Б. Правовое регулирование внесудебных полномочий ВЧК / О. Б. Мозохин [Электронный ресурс] // Мозохин.ру. Из исто-

рии органов государственной безопасности. URL: <http://mozohin.ru/article/a-10.html> (дата обращения: 08.08.2018).

Морозов В. Б. Образование профсоюзов России и их борьба за экономические интересы трудящихся / В. Б. Морозов // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 2006. Вып. 4. С. 144–154 (Сер. 2).

Морозова О. М. Пережить войну: рядовой состав вооруженных формирований периода гражданской войны в России / О. М. Морозова // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 28–45.

Морозова Т. И. Призывы беспартийных в РКП(б) – ВКП(б) во время Гражданской войны и новой экономической политики: феномен инспирированной мобильности / Т. И. Морозова, В. И. Шишкин // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 31–50.

Морозова Ю. А. Государственная политика в области женской занятости в 1920–1930-е годы (на примере немецкой автономии) / Ю. А. Морозова // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов : Изд-во ЦСПГИ : Науч. кн., 2005. С. 281–297.

Музафарова Н. И. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917–1937 гг.) / Н. И. Музафарова. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987.

Мухаев Р. Т. Политология : учебник для студентов вузов / Р. Т. Мухаев. М. : Юнити, 2006.

Мюллер А. Миграция и мобильность в средние века: база данных в изучении посетителей Венского университета / А. Мюллер // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании / под ред. Л. Бородкина и В. Леверманна. Геттинген ; М. : Scripta Mercaturae Verlag : St. Katharinen, 1993. С. 167–180.

Назаров О. Г. Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа / О. Г. Назаров. М. : ИВИ РАН, 2002.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский. М. : РОССПЭН, 2001.

Население России в XX веке : в 3 т. Т. 1. 1900–1939 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. : РОССПЭН, 2000.

Население Советского Союза, 1922–1991 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харьковская. М. : Наука, 1993.

Наумов О. В. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. / О. В. Наумов, В. Н. Шепелев // Вопр. истории КПСС. 1986. № 4. С. 48–62.

Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социол. журн. 1995. № 5. С. 5–22.

Носач В. И. Профсоюзы России: драматические уроки, 1917–1921 гг. : учеб. пособие / В. И. Носач. СПб. : СПбГУП, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://istprof.ru/2168.html> (дата обращения: 27.11.18).

Обичкин О. Г. Краткий очерк истории Устава КПСС. 2-е изд., доп. / О. Г. Обичкин. М. : Политиздат, 1986.

Овечкин В. В. Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны / В. В. Овечкин // *Вопр. истории.* 2003. № 3. С. 108–115.

Окорочкова Т. С. Женский труд в промышленности СССР в годы нэпа / Т. С. Окорочкова // *СОЦИС.* 1999. № 9. С. 93–100.

Олех Г. Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: Устройство и функционирование / Г. Л. Олех. Новосибирск : НГИ, 1995.

Органы внутренних дел в 20-е годы // *Демин В. А.* Очерки истории органов внутренних дел Российского государства / В. А. Демин, В. Е. Иванов, А. В. Лучинин, В. П. Ляушин [Электронный ресурс]. URL: http://adhportal.com/book_3243_chapter_12_X_Organy_vnutrennikh_del_v_20-e_gody.html (дата обращения: 11.08.2018).

Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917) / А. В. Ососков. М. : Просвещение, 1982.

Офицеров В. А. Ленин и его политические преемники: по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. / В. А. Офицеров // *Ленин. Взгляд из третьего тысячелетия : материалы круглого стола, проходившего 7 ноября 2008 года.* М. : [Б. и.], 2009. С. 74–104.

Офицеров В. А. О формировании состава новых управленцев России к началу нэпа (по материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.) / В. А. Офицеров // *Ист. зап.* 2008. № 11 (129). С. 43–74.

Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. 1883–1920; Т. 2. 1921–1973 гг. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971, 1974.

Павлов Д. Б. Трибунальный этап советской судебной системы / Д. Б. Павлов // *Вопр. истории.* 2007. № 6. С. 3–16.

Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма / И. В. Павлова. Новосибирск : СО РАН, 2001.

Павлова И. В. Механизм политической власти в СССР в 20–30-е годы / И. В. Павлова // *Вопр. истории.* 1998. № 11–12. С. 49–66.

Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции, 1917–1928 / С. А. Павлюченков. М. : Собрание, 2008.

Пайпс Р. Большевики у власти / Р. Пайпс. М. : РОССПЭН, 1994.

Пайпс Р. Россия при большевиках / Р. Пайпс ; [авториз. пер. с англ.]. М. : РОССПЭН, 1997.

Партократия // *Словарь терминов и понятий по обществознанию* / авт.-сост. А. М. Лопухов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Айрис-пресс, 2013. С. 272.

Пашин В. П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания / В. П. Пашин, Ю. П. Свириденко. М. : ГАСБУ, 1998.

Пашкова И. А. Социальный портрет партийной номенклатуры 20-х гг. (опыт создания базы данных) / И. А. Пашкова // Региональный банк данных: Урал в XX веке : тез. рабочего совещания. г. Екатеринбург, ноябрь 1993 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. С. 34–35.

Пащенко К. П. Формирование российских профсоюзов в первой трети XX века: особенности и результаты / К. П. Пащенко, А. Ш. Румянцева // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2006. № 2. С. 75–84 (Сер. 5).

Першин П. Н. Аграрная революция в России / П. Н. Першин. М. : Наука, 1966. Кн. 2.

Петухова Н. Е. Создание областных бюро / Н. Е. Петухова // Вопр. истории КПСС. 1965. № 4. С. 74–81.

Пирани С. Русская революция в отступлении / С. Пирани. М. : Новый хронограф, 2003.

Писаренко К. А. Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923–1953 / К. А. Писаренко. М. : Вече, 2006.

Платонов О. А. Убийство царской семьи / О. А. Платонов. М. : Совет. Россия, 1991.

Познер С. Как подготовлялась и проводилась конференция военных и боевых организаций / С. Познер // Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. М. : Партиздат, 1932. С. III–XLIV.

Попов Н. Н. Воробьев Владимир Александрович / Н. Н. Попов // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 1998. С. 126.

Проблемы быта, брака и семьи : сб. ст. / сост. Н. Соловьев, Ю. Лазаускас, З. Янкова. Вильнюс : Минтис, 1970.

Продовольственная разверстка (Продразверстка) // Уральская историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-15-1646-prodovolstvennaya-razverstka-prodrazverstka.html> (дата обращения: 13.08.2018).

Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. / А. П. Пронштейн. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1976.

Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива / Л. Г. Протасов // Отеч. история. 1993. № 5. С. 3–19.

Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблемы источниковедения советской истории / [А. К. Соколов, С. В. Журавлев, Л. В. Борисова и др. ; отв. ред. А. К. Соколов] ; Рос. АН, Ин-т рос. истории. М. : ИРИ, 1994.

Прошина Н. М. Дискуссия о профсоюзах / Н. М. Прошина // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 1998. С. 181.

Рабинович А. Большевики у власти / А. Рабинович. М. : АИРО, 2008. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019.

Реввоен трибуналы // Большая Российская энциклопедия. М. : Большая Рос. энцикл., 2015. Т. 28. С. 291–292.

Революционные трибуналы // Большая российская энциклопедия. М. : Большая Рос. энцикл., 2015. Т. 28. С. 295–296.

Резник А. В. Троцкизм и левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 годах / А. В. Резник. М. : Свобод. марксист. изд-во, 2010.

Резник Ю. М. Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни) / Ю. М. Резник. М. : Союз, 1995.

Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове / Д. Дж. Рейли. Саратов : Изд-во «Слово», 1995.

Ригби Т. Х. Правительство Ленина: Совнарком в 1917–1922 / Т. Х. Ригби // Гражданская война в России: перекресток мнений. М. : Наука, 1994. С. 121–133.

Рожков А. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России в 1920-е гг. / А. Рожков. М. : Нов. лит. обозрение, 2014.

Рынков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.) / В. М. Рынков. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008.

Рябухина В. И. «Коль читальня заведется – темноте придет конец...» (из истории библиотечного дела на Урале) / В. И. Рябухина // Первые Чупинские краеведческие чтения. Екатеринбург, 2001. С. 88–97.

Садлер У. А. Лабиринты одиночества / У. А. Садлер, Т. Б. Джонсон ; пер. с англ. ; сост., общ. редакция и предисл. Н. Е. Покровского. М. : Прогресс, 1989.

Саква Р. Коммунизм в России: Интерпретирующее эссе / Р. Саква. М. : РОССПЭН, 2011.

Сафронов В. П. Петроградская партийная организация в материалах Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 года (об использовании партийной статистики в историко-партийном исследовании) / В. П. Сафронов, О. В. Андреев // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. Вып. 2. С. 151–156.

Сафронова Ю. А. «Партийные недели» в Сибири в период военного коммунизма: особенности проведения и итоги / Ю. А. Сафронова // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд моло-

дых ученых. Новосибирск : Параллель : Ин-т истории СО РАН, 2015. С. 161–168.

Свириденко Ю. П. Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание / Ю. П. Свириденко, В. П. Пашин. М. : ГАСБУ, 1995.

Северьянова Г. М. Крестьянские восстания в Сибири (осень 1920 – 1924 г.) / Г. М. Северьянова. Красноярск : [Б. и.], 1995.

Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л. И. Семенникова. Брянск : Курсив, 1995.

Семенов А. И. Создание советской милиции / А. И. Семенов // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 3 (14) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozдание-sovetskoy-militsii> (дата обращения: 11.08.2018).

Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи / Ю. И. Семенов. М. : Мысль, 1974.

Семерикова О. М. Революция в сельском хозяйстве: идеи трудовой коммуны и их воплощение в России в 1917–1919 гг. / О. М. Семерикова // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 148–158.

Семья // Демографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://demography.academic.ru/2446>. (дата обращения: 14.05.2017).

Семья // Юридический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18159> (дата обращения: 14.05.2017).

Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе / [Н. М. Римашевская, И. А. Герасимова, С. А. Карапетян и др.] ; под ред. Н. М. Римашевской, С. А. Карапетяна. М. : Мысль, 1985.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. М.: «Российская политическая энциклопедия», 1999.

Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А. С. Сенявский. М. : Наука, 2003.

Сервис Р. Ленин / Р. Сервис ; пер. с англ. Г. И. Левитан. Минск : Попурри, 2002.

Сергеева Е. Б. Меншевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Б. Сергеева. Екатеринбург, 1996.

Сильченко И. С. Из истории формирования частей особого назначения Нижнетагильского уезда Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. / И. С. Сильченко // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 422. С. 161–165.

Сильченко И. С. Организационно-кадровые проблемы формирования отрядов и частей особого назначения Екатеринбургской губернии

в 1919–1923 гг. / И. С. Сильченко // Вестн. Омск. ун-та. 2018. № 1. С. 80–88.

Скипский Г. А. Коммунисты в РККА в 1920-х гг. (из истории Урала) / Г. А. Скипский // Высшее образование [Электронный ресурс]. URL: http://vuzirossii.ru/publ/istorija_filosofija/kommunisty_v_rkka_v_1920_kh_gg_iz_istorii_urala/42-1-0-2091 (дата обращения: 29.12.2018).

Славко Т. И. Источниковедение отечественной истории советского периода / Т. И. Славко, Ю. А. Русина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995.

Славко Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях / Т. И. Славко. М. : Наука, 1981.

Соколов А. К. Курс советской истории, 1917–1940 / А. К. Соколов. М. : Высш. шк., 1999.

Соколов А. К. Массовые источники и компьютеризация исторических исследований / А. К. Соколов, В. С. Тяжельникова // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М. : Высш. шк., 2004. С. 446–496.

Соколов А. К. Политическая система и нэп / А. К. Соколов // НЭП: приобретения и потери. М. : Наука, 1994. С. 54–59.

Сокольский Л. Опыт большевиков: пропаганда и агитация. Ч. 1 / Л. Сокольский [Электронный ресурс]. URL: <https://work-way.com/blog/2013/01/25/opyt-bolshevikov-propaganda-i-agitac/> (дата обращения: 15.07.2018).

Сорокин П. Социальная и культурная мобильность / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 386–387.

Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.

Степанов М. М. Особенности строительства милиции в годы гражданской войны / М. М. Степанов // Ленинград. юрид. журн. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-stroitelstva-militsii-v-gody-grazhdanskoy-voyny> (дата обращения: 11.08.2018).

Стребкова Н. С. Саратовское студенчество: повседневность в условиях становления и развития советского образования в провинции (1917–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Н. С. Стребкова. Саратов, 2015.

Суперанский М. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск : Тип. Симбир. губерн. земства, 1906.

Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года / А. Сушков // Веси. 2013. № 6 (92). С. 46–84.

Сушков А. В. Руководители Свердловской области : первые секретари обкома ВКП(б) – КПСС и председатели облисполкома, 1934–

1991 : биограф. справочник / А. В. Сушков, С. Л. Разинков. Екатеринбург : Банк культуры. информации, 2003.

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность / Р. Такер. М. : Прогресс, 1991.

Таллер М. Что такое «источнико-ориентированная обработка данных»; что такое «историческая информатика» / М. Таллер // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании / ред. Л. Бородкин и В. Леверманн. Геттинген. М. : Scripta Mercaturae Verlag : St. Katharinen, 1993. С. 16–31.

Теплякова Т. П. Всероссийская перепись членов РКП(б) и укрепление ее ячеек в год образования СССР / Т. П. Теплякова // Музейное дело в СССР : сб. науч. тр. М. : [Б. и.], 1983. С. 188–194.

Теплякова Т. П. Некоторые вопросы подготовки и проведения партийной переписи 1922 г. / Т. П. Теплякова // КПСС в борьбе за социализм и коммунизм. Некоторые вопросы истории и историографии. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1982. С. 10–18.

Теплякова Т. П. Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии : дис. ... канд. ист. наук / Т. П. Теплякова. М., 1983.

Тяжельникова В. С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов. (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) / В. С. Тяжельникова // Вопр. истории КПСС. 1990. 1. С. 70–81.

Ульянова С. Б. Гендерные отношения в советской промышленности (1920–1930-е годы) / С. Б. Ульянова // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. 2013. № 4 (184). С. 119–126 (Сер. Гуманитарные и общественные науки).

Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова, 1920–1970 : ист. очерк / под ред. А. В. Бакунина. Свердловск, 1970.

Федорова Н. А. Всесоюзная перепись населения 1926 г. : анализ статистической информации / Н. А. Федорова // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 121–130.

Фельдман В. В. О некоторых вопросах формирования рабочего класса на Урале / В. В. Фельдман // Из истории рабочего класса Урала. Пермь : Кн. изд-во, 1961. С. 289–312.

Фицпатрик Ш. Русская революция / Ш. Фицпатрик. М. : Изд-во инта Гайдара, 2018.

Фоминых С. Ф. Становление органов студенческого самоуправления в 1920-е гг. (на материалах Томского государственного университета) / С. Ф. Фоминых, Д. Е. Шандала // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2015. № 2 (34). С. 50–58.

Фромм Э. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики = Man for Himself: An Inquiry Into the Psychology of Ethics (1947) / Э. Фромм ; пер. Э. М. Спировой. М. : АСТ, 2010.

Хвостов Л. А. Братья Кадомцевы / Л. А. Хвостов. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1970.

Чогандарян М. Г. Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920–30-е гг. XX в. / М. Г. Чогандарян // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 181–183.

Шабалин В. В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы / В. В. Шабалин // Вестн. Перм. ун-та. 2013. Вып. 2 (22). С. 159–166 (Сер. История).

Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. / Т. Шанин ; пер. с англ. Е. М. Ковалева. М. : Весь мир, 1997.

Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.) / В. А. Шишкин. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997.

Шишкин В. И. Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России / В. И. Шишкин, Н. Ю. Пивоваров // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. 2015. Т. 14. С. 118–150 (Сер. История, филология; вып. 8. История).

Шишкин В. И. Продовольственные отряды в Сибири (июль 1920 – май 1921 г.) / В. И. Шишкин // Социально-политическое развитие советской сибирской деревни. Новосибирск : Новосибир. гос. ун-т, 1980. С. 93–129.

Шувалова Ю. Б. Общациональный кризис 1920–1921 гг. и его отражение в Пермской губернии / Ю. Б. Шувалова // Век уходящий: история Прикамья по архивным документам : тез. науч.-практ. конф., 30 нояб. 2000 г. Пермь : Богатырев, 2000. С. 28–30.

Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история / Т. К. Щеглова. Барнаул : Барнаул. гос. пед. ун-т, 2008.

Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход). Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 2000.

Юдин И. Н. Социальная база роста КПСС / И. Н. Юдин. М. : Политиздат, 1973.

Юмашева Ю. Ю. Высший командный состав советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны (опыт коллективной биографии) / Ю. Ю. Юмашева. М. : [Б. и.], 1996.

Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки. 2005. № 10 (39). С. 95–127

Юмашева Ю. Ю. Метаисточник: к вопросу о верифицируемости данных / Ю. Ю. Юмашева // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. Вып. 6. С. 309–317.

Юмашева Ю. Ю. Методологические проблемы создания просопографических баз данных / Ю. Ю. Юмашева // Информ. бюл. Ассоциации «История и компьютер». М., 1993. № 9. С. 72–75 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aik-sng.ru/text/bullet/9/63-76.pdf> (дата обращения: 28.04.2016).

Юмашева Ю. Ю. Проблемы просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 1994. № 12. С. 45–51 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aik-sng.ru/text/bullet/12/45-51.pdf> (дата обращения: 28.04.2016).

Юрова Н. М. Части особого назначения / Н. М. Юрова // Советская историческая энциклопедия. Т. 15. Феллахи – Чжалайнор. М. : Изд-во Совет. Энциклопедия, 1974. Ст. 825–826.

Ялозина Е. А. Кадровая школьная политика 1920-х годов как пролог сталинских репрессий / Е. А. Ялозина // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2010. № 12. С. 22–28 (Сер. Гуманитарные и общественные науки).

Яркова Е. И. Возникновение и деятельность Уральского бюро ЦК РКП(б) (1920–1923 гг.) / Е. И. Яркова // XXI век и историческая перспектива России : тез. регион. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 60–63.

Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния. 1919–1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие : дис. ... канд. ист. наук / Е. И. Яркова. Екатеринбург, 2008.

Becker H. Constructive Typology in the Social Sciences / H. Becker // American Sociological Review. 1940. Vol. 5, Nr 1. P. 40–55.

Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union / M. Buckley. Ann Arbor : Michigan University Press, 1989.

Fainsod M. How Russia Is Ruled / M. Fainsod. Cambridge : Harvard University Press, 1963.

Fitzpatrick Sh. The Bolsheviks' Dilemma: Class, Culture, and Politics in the Early Soviet Years / Sh. Fitzpatrick // Slavic Review. 1988. Vol. 47, Nr 4. P. 599–613.

Glavatskaya E. Polygamy Among Indigenous People of Northern West Siberia in Ethnographic and Early Census Materials / E. Glavatskaya // The History of the Family. 2016. Vol. 21 (1). Special Iss.: Three Centuries of Northern Population Censuses. P. 87–100.

Hajnal J. European marriage patterns in perspective / J. Hajnal // Population in History / eds D. V. Glass and D. E. C. Eversley. Chicago : Aldine Publishing, 1965. P. 101–143.

Kohn E. Sex and the Married Communist: Family Troubles, Marital Infidelity, and Party Discipline in the Postwar USSR, 1945–1964 / E. Kohn // The Russian Review. 2009. Vol. 68. P. 429–450.

Liebman M. Leninism under Lenin / M. Liebman. L. : Jonathan Cape, 1975.
Lih L. T. Lenin Rediscovered. What Is to Be Done? In Context / L. T. Lih. Leiden ; Boston : Brill, 2006.

Mazur L. Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: an Analytical Review / L. Mazur, O. Gorbachev // The History of the Family. 2016. Vol. 21 (1). Special Iss.: Three Centuries of Northern Population Censuses. P. 101–120.

Mazur L. The Early Soviet Family in the Documents of the All-Russia Communist Party Census of 1922 (Rodzina wczesnosowiecka w spisie ludności Komunistycznej Partii Związku Radzieckiego z 1922 roku) / L. Mazur // Przeszłość Demograficzna Polski. 2016. Nr 38 (1). P. 83–111.

Mead M. Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap / M. Mead. N. Y. : Basic Books, 1970.

Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie; Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig : W. Klinkhardt, 1911.

Newfield J. A Prophetic Minority / J. Newfield. N. Y. : New American Library, 1966.

Reich C. The Greening of America / C. Reich. N. Y. : Random House, 1970.

Rigby T. H. Communist Party membership in the U.S.S.R., 1917–1967 / T. H. Rigby. Princeton : Princeton University Press, 1968.

Stone L. Prosopography / L. Stone // Daedalus. 1971. Nr 100. P. 46–79.

Van Ree E. Stalin's Organic Theory of the Party / E. van Ree // The Russian Review. 1993. Vol. 52(1). P. 43–57.

Научное издание

«...С Лениным в башке и с наганом в руке»:
Коллективный портрет Екатеринбургской губернской
организации РКП(б), 1919–1923

Монография

Ответственный за выпуск *А. Н. Мельников*
Редактор *В. И. Попова*
Корректор *В. И. Попова*
Компьютерная верстка *О. В. Горбачева*

Подписано в печать 25.06.2019. Формат 60×84/16.
Уч. изд. л. 28,61. Усл. печ. л. 29,76. Тираж 200 экз. Заказ № 213.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>